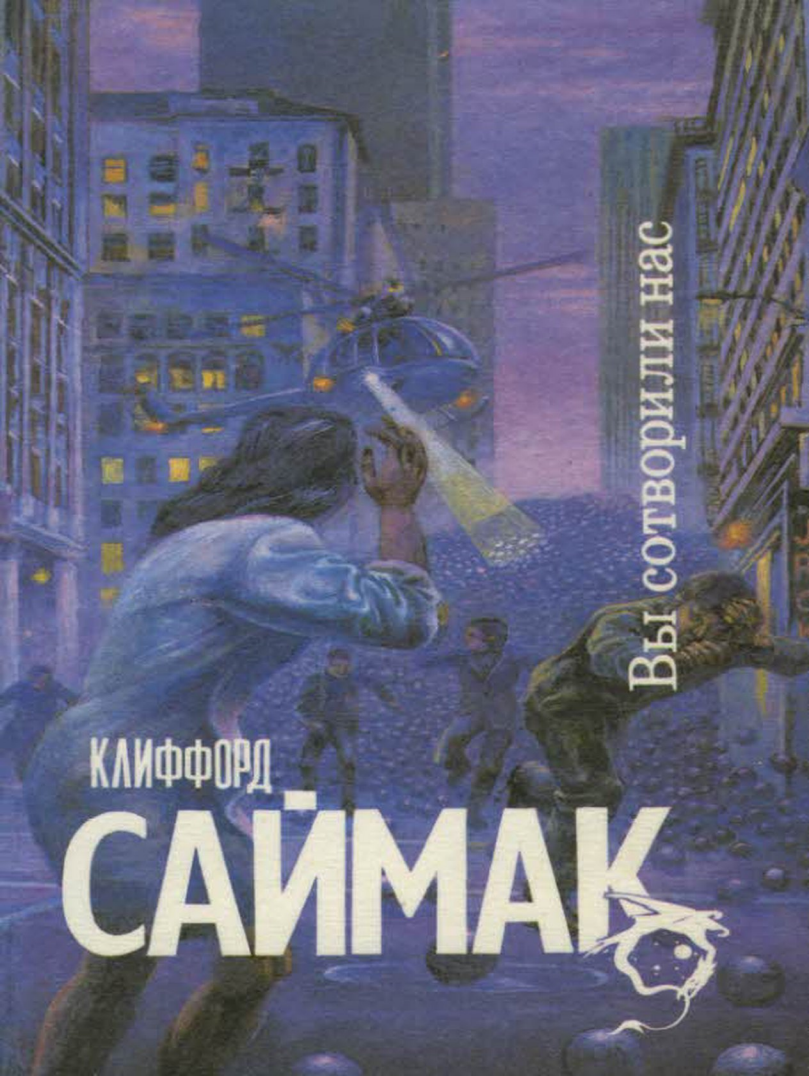

КЛИФФОРД
САЙМАК
Вы сотворили нас

Вы сотворили нас
Клиффорд Саймак

Аннотация
Клиффорд Саймак. ВЫ СОТВОРИЛИ НАС!
ВЫ СОТВОРИЛИ НАС!
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26

27
28
29
30
31
32
33
34
35
36

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41

42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
СТАРЫЙ КЛИФФ. (Андрей Балабуха о Клифорде Саймаке)

Аннотация

В эту книгу Клиффорда Саймака вошли романы. «Вы сотворили нас» (1969), написанный в жанре «сайнс фэнтези» и впервые публикуемый на русском языке, «Пересадочная станция» (1963) — едва ли не самая лирическая из книг Саймака и удостоенная премии «Хьюго» за 1964 год, и «Кольцо вокруг Солнца» (1953), относящийся к числу наиболее динамичных произведений писателя

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫ СОТВОРИЛИ НАС!

Роман *Пер А Дмитриевои*

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

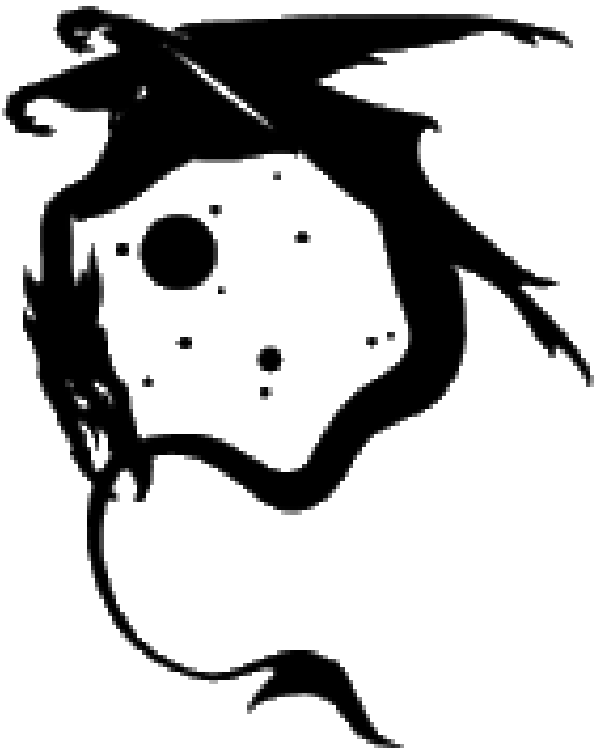
Роман *Пер А Корженевского*

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА

Роман *Пер Арк Григорьева*

А Балабуха СТАРЫЙ КЛИФФ

FB2 книгу сделал mefysto



Клиффорд Саймак
ВЫ СОТВОРИЛИ НАС!

Вы сотворили нас

Пересадочная станция

Кольцо вокруг Солнца

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993

ВЫ СОТВОРИЛИ НАС!

1

Я все время вспоминал своего старого друга и то, что он рассказал в нашу последнюю встречу.

Это случилось всего за два дня до его гибели — на скоростном шоссе, где движение в момент аварии отнюдь не было столь напряженным, как в другое время; его машина превратилась в груду искореженного металла, а по юзовым следам прочитывалось, как все это произошло: автомобиль столкнулся с другим, неожиданно вывернувшим со встречной полосы. Причем от этой второй машины не осталось ничего, кроме следов на асфальте.

Я старался прогнать эти мысли и думать о чем-нибудь другом, но по мере того, как проходили часы, передо мной разворачивалась длинная лента бетона, а мимо проносились весенние пейзажи, я невольно временами возвращался мыслью к вечеру той нашей последней встречи.

Похожий на сморщенного гнома, он сидел в глубоком кресле, угрожавшем поглотить его своей красно-желтой обивкой, и, перекатывая в ладонях стакан бренди, смотрел на меня.

— По-моему, — говорил он, — нас преследуют

призраки всех фантазий, всех верований, всех великанов-людоедов, которые когда-либо являлись нам в грезах со времен пещерного человека, на корточках сидевшего возле огня, вглядывавшегося во мрак простирающейся снаружи ночи, представлявшего, что там может быть. Конечно же, он знал, что может там находиться, — этот охотник, собиратель, скиталец по диким местам. У него были глаза, чтобы видеть; нос, чтобы чуять; уши, чтобы слышать, — и все его чувства, скорее всего, были острее наших нынешних. Поэтому он знал, что за существа бродят там, во тьме. Знал, конечно, но не верил себе, собственным чувствам. Его маленький мозг при всей своей грубости творил иные формы и фигуры, другие типы жизни и опасности…

— И вы думаете, с нами происходит то же самое? — поинтересовался я.

— Разумеется, — ответил он. — Хотя и совсем иначе.

Сквозь открытую дверь, ведшую в патио[1], проникал легкий ветерок, доносивший из сада еле

---

[1] Примечания: 1

Патио — открытый внутренний двор, часто окруженный галереями, характерный для архитектуры Средиземноморья и Латинской Америки, а также для территорий юга США, отвоеванных в свое время у Мексики, и прилегающих к ним районов, где ощущается испанское влияние. *Здесь и далее примечания переводчика.*

ощутимый аромат весенних цветов. Вместе с ним в комнату проникал отдаленный гул самолета, описывающего круг над Потомаком, прежде чем зайти на посадку на расположенный за рекой аэродром.

— Совсем иначе, — повторил он. — Я продумал все это. Не те людоеды, наверное, которых воображал пещерный человек. Он представлял себе нечто физическое, тогда как большинство сегодняшних измышлений носят, насколько я понимаю, интеллектуальный характер.

Я чувствовал, что он готов рассказать куда больше об этом странном, причудливом образе, порожденном его фантазией, но в тот момент в комнате появился Филип Фримен — его племянник, государственный служащий. Филип рассказал забавную байку о прибытии некоей Очень Важной Персоны, после чего разговор перешел на другие темы, и к призракам мы больше не возвращались.

Впереди замаячил указатель съезда на Старую Военную Дорогу, и я сбросил скорость, чтобы свернуть, а оказавшись на ней, поехал еще медленнее. После нескольких сотен миль, пройденных с крейсерской скоростью восемьдесят в час, теперешние сорок производили впечатление

движения ползком, хотя даже их было слишком много для той дороги, на которой я очутился.

Признаться, я успел позабыть, что-такие еще бывают. Когда-то здесь было асфальтовое покрытие, но многочисленные весенние оттепели взломали его, и теперь оно пестрело множеством щебеночных заплат, превратившихся от времени в тонкую белую пыль.

Дорога была узкой, что еще больше подчеркивалось густым кустарником, почти живой изгородью, с обеих сторон наступавшей на обочины, так что машина двигалась словно по аллее или по дну мелкой извивающейся траншеи.

Автострада проходила по водоразделу, тогда как Старая Военная Дорога сразу же принялась нырять между холмами — я помнил об этом, хотя мне и казалось, что спуск после съезда с шоссе, несколько лет назад реконструированного и расширенного, не будет столь крутым.

Совсем другой мир, подумалось мне, и это как раз то, чего я искал, хотя и не ожидал оказаться в нем так внезапно — просто свернув с шоссе. И скорее всего, разумеется, этот мир не так уж отличается от привычного — таким его делает мое воображение; это самообман, я просто вижу то, чего ждал.

Неужели я и впрямь обнаружу Пайлот-Ноб не изменившимся? Да и вероятно ли, чтобы маленький поселок мог измениться? У него не было для того никаких возможностей.

Все эти годы он лежал так далеко от стремительного течения жизни, оставался таким нетронутым и незаметным, что не существовало причин, способных привести к изменениям. Вопрос, однако, заключался не в том, насколько изменился Пайлот-Ноб, а в том, насколько изменился я сам.

Почему, размышлял я, человек так стремится к собственному прошлому, сознавая при этом, что деревья никогда уже не будут пламенеть так, как однажды осенним утром тридцать лет назад, что вода в ручьях не окажется такой чистой, холодной и глубокой, какую он помнит, что все эти воспоминания — лишь отражение восприятия в лучшем случае десятилетнего ребенка?

Существовала сотня других, куда более удобных мест, которые я был волен избрать, — мест, где я был бы так же свободен от телефонных звонков и где не нужно было бы писать сценарии; где не было бы ни жестких сроков, ни Важных Персон, которых обязательно нужно встречать; где не было бы необходимости постоянно поддерживать

себя на должном уровне информированности и всезнайства и где не нужно придерживаться бесчисленных сложных обычаев, принятых в определенном окружении.

Добрая сотня мест, где человеку хватает времени думать и писать; где ему не надо бриться, когда он этого не хочет; где одежда может быть поношенной — и никто не обратит на это внимания; где, если хочешь, можешь лентяйничать и коснеть в невежестве; где никого не интересует твой ум и можно предаваться сплетням и болтовне, не содержащим ровным счетом ничего важного.

Сотня других мест — и все же, когда я принимал решение, у меня даже не возникал вопрос, куда ехать. Может, я и обманывал себя, но был этим счастлив. Не признаваясь себе в этом, я бежал домой. И теперь, преодолевая эти долгие мили пути, я уже понимал, что того места, о котором думал, нет и никогда не было; что годы превратили воспоминания о нем в ласковую фантазию, с помощью которой человек так охотно обманывает себя.

Когда я съезжал с шоссе, уже близился вечер, и теперь тяжелый мрак наползал на дорогу, перетекавшую из одной маленькой долины в другую.

Фруктовые деревья в полном цвету, попадавшиеся в этих местах, казались в сгущающихся сумерках белыми шарами; иногда меня окатывали волны аромата, источаемого такими же деревьями, но только расположенными гораздо ближе, хотя и скрытыми от глаз. Вечер еще только начинался, однако мне казалось, что я ощущаю запах тумана, поднимающегося с лугов, что лежали по берегам извилистого ручья.

Многие годы я твердил себе, что знаю эти места, что воспоминания о них так отпечатались во мне с детства, что стоит мне оказаться на дороге — и я безошибочно доберусь до самого Пайлот-Ноба. Но теперь я начал подозревать, что ошибался. Ибо до сих пор не сумел вспомнить ни одной характерной приметы местности. Общие очертания остались, конечно, такими же, как я их помнил, однако не было ни единой отличительной черты, в которую я мог бы ткнуть пальцем и точно сказать, где именно нахожусь. Это раздражало и было некоторым образом унизительно, и я спрашивал себя, не окажусь ли в таком же положении, попав в Пайлот-Ноб.

Дорога была плохой — гораздо хуже, чем я ожидал. Каким образом ответственные за ее состояние люди позволили ей прийти в столь

плачевный вид? Конечно, можно было объяснить извивы, которыми она, змеясь, повторяла очертания холмов, — но уж никак не выбоины, не длинные рытвины, на всю глубину заполненные пылью; да и с узкими каменными мостами, на которых не смогли бы разминуться две машины, давно уже надо было что-то предпринять. И вовсе не потому, что движение здесь было оживленным, — казалось, на всей этой дороге я вообще один.

Тьма сгущалась, и я включил свет. Перед этим я еще сбросил скорость и теперь полз, делая не больше двадцати миль в час: повороты выскакивали слишком неожиданно, чтобы можно было чувствовать себя в безопасности.

Я знал, что до Пайлот-Ноба не должно быть слишком далеко — не больше сорока миль от того места, где я свернул с автострады, — и не сомневался, что с тех пор проехал больше половины этого расстояния. Если бы, поворачивая, я догадался взглянуть на спидометр, то теперь знал бы это точно, но тогда мне это не пришло в голову.

Дорога не улучшалась, а становилась все хуже, и вдруг оказалась совсем непроезжей. Я ехал по узкому ущелью, с обеих сторон к самой дороге подступали холмы, а на обочинах, на границах

бросаемого фарами светового веера, лежали массивные валуны. Вдобавок изменился и сам вечер. Несколько звезд, еще недавно видимых на небе, теперь исчезли, а издали донеслось ворчание перекатывавшегося над холмами грома.

Неужели я пропустил в темноте нужный поворот со Старой Военной Дороги, свернув на другую, ведущую из долины? Мысленно оглядывая пройденный путь, я не мог припомнить ни одной развилки. С тех пор, как я съехал с автострады, дорога все время была одна. Лишь изредка от нее отделялись проселки, но всегда под прямым — или почти прямым — углом.

Пройдя крутой поворот, я увидел справа группу строений; в одном из окон горел свет. Я перенес ногу с акселератора на тормоз, уже решившись было остановиться и расспросить о пути. Но по какой-то, мне самому не понятной причине передумал и поехал дальше. Если понадобится, я всегда могу вернуться. Или же мне попадется другая маленькая ферма, где я смогу остановиться и обо всем расспросить..

Примерно через милю и в самом деле показалась еще одна группа строений с единственным освещенным окном — точь-в-точь такая же, как виденная раньше.

Падавший из этого окна свет на мгновение отвлек мое внимание от дороги, а стоило мне повернуться обратно, как я сразу же заметил нечто, двигавшееся навстречу, лоб в лоб мчавшееся на меня в конусе бросаемого фарами света; увиденное, похоже, заставило меня на какое-то мгновение замереть в неподвижности, потому что разум отказывался верить свидетельству чувств. Ибо это был динозавр..

Я не слишком много знаю о динозаврах — да и не очень хочу знать, поскольку существует немало вещей, куда более для меня интересных: но несколько лет назад я провел неделю в Монтане с группой палеонтологов, которые были счастливы, вскрыв то, что они называли залежью ископаемых останков. Им удалось откопать Бог весть какие существа, жившие шестьдесят миллионов лет назад. При мне они извлекли на свет Божий почти полный скелет трицератопса; и хотя назвать эту находку уникальной было нельзя, ибо подобных скелетов раскопано уже немало, все они пребывали в сильнейшем возбуждении, так как именно этот ящер в чем-то очень специфическом отличался от всех, найденных ранее.

И вот теперь меня атаковал трицератопс — не в виде окаменелости, а во плоти. Голова его была

опущена, два больших надглазных рога направлены прямо на меня, а за рогами располагался выпуклый костный щит. Набрав уже изрядную скорость, он неумолимо приближался — такой огромный, что, казалось, заполнил собой всю дорогу. Я знал, что за этой атакой кроется достаточно массы и энергии, чтобы превратить мой автомобиль в металлическое месиво.

Я неистово дернул руль, не имея представления, что именно собираюсь сделать, но понимая, что предпринять что-то необходимо. Возможно, я надеялся съехать по склону достаточно далеко, чтобы избегнуть столкновения, а может быть, думал, что здесь хватит места, чтобы развернуться и удрать.

Машина развернулась и забуксовала; скользнув по дороге, конус света уперся в склон холма, высветив спутанные ветви кустарника. Я больше не мог видеть динозавра и в любой момент ожидал удара этой бронированной головы, когда она врежется в машину.

Задние колеса занесло, и они лопали в кювет, а дорога была так узка, что передние при этом взобрались на склон с противоположной стороны, так что машина в итоге встала наклонно, а я откинулся на спинку сиденья, глядя вверх

через ветровое стекло. Двигатель заглох, свет фар потускнел, а я теперь представлял собой неподвижную цель, удобно расположенную прямо посреди дороги, и мог лишь ждать, когда же ударит старина трицератопс.

Однако ждать я не стал. Рывком распахнув дверцу, я вывалился наружу и покатился по склону, ударяясь о валуны и упруго отскакивая от кустов. Я ждал, что в любую секунду позади раздастся грохот, но грохота не было.

Какая-то глыба задержала меня; сильно расцарапавшись, я воткнулся лицом в куст, а с дороги все еще не донеслось ни звука. Странно — даже двигаясь шагом, трицератопс давно уже должен был протаранить автомобиль.

Я кое-как выкарабкался из куста и сел на землю. Рассеянный свет фар отражался от склона холма и освещал дорогу футов на сто в обе стороны. Динозавра не было и следа. Но все же он должен был находиться поблизости — в этом я не сомневался. Ошибки тут быть не могло — я хорошо успел его разглядеть. Он мог скрыться во тьме и сейчас подбираться ко мне — хотя уже сама мысль о том, что громоздкий трицератопс способен красться, казалась абсурдной. Ящер не был создан для этого.

Дрожа, я скорчился под кустом; позади перекатывался над холмами гром, а в холодном ночном воздухе был разлит аромат цветущих яблонь.

«Это невероятно смешно», — сказал я себе. Старая добрая психологическая защита пришла мне на помощь. Никакого динозавра нет, не было и не могло быть. Не в этих холмах моего детства, не в двадцати милях от моей родины — Пайлот-Ноба. Я просто вообразил его себе. Увидел что-то — и вообразил, будто это динозавр.

Но как бы там ни срабатывала добрая старая психологическая защита, на самом-то деле я чертовски хорошо знал, что видел — и до сих пор продолжаю видеть перед собой — огромный поблескивающий костяной щит и глаза, раскаленными угольями сверкающие в свете фар. Я понятия не имел, что это было и как оно объясняется — как-никак на дороге появился трицератопс, последние из которых вымерли шестьдесят миллионов лет назад! — но при этом не мог убедить себя, что его здесь не было.

Ошеломленный, я поднялся на ноги и осторожно направился наверх, к машине, внимательно выбирая путь между разбросанными по склону камнями, которые так и старались выскользнуть из-под ног. Раскаты грома звучали теперь

отчетливей, а холмы на западе временами на несколько мгновений озарялись молниями. Буря быстро приближалась.

Автомобиль оказался зажат поперек дороги; ведущие колеса застряли в кювете, так что задняя часть кузова только на дюйм-другой поднималась над землей. Я забрался внутрь, погасил фары и включил двигатель. Но когда я попытался стронуться с места, машина не двинулась. Задние колеса выли, швыряя в крылья град камней и потоки грязи. Я попытался сдать назад, но из этого тоже ничего не получилось. Похоже, машина засела прочно.

Выключив двигатель, я вышел и немного постоял, прислушиваясь, пытаясь в перерывах между громовыми раскатами уловить звуки, свидетельствующие о присутствии огромного монстра, бродящего в темноте. Но ничего не услышал.

Я зашагал по дороге — по правде сказать, вконец перепуганный, готовый при малейшем движении во тьме, при самом слабом звуке немедленно повернуться и бежать.

Впереди показался дом, замеченный мною еще раньше. В одном из окон по-прежнему горел свет, но все остальное тонуло во мраке. Вспышка молнии на мгновение озарила окрестности голубым

сиянием, и я успел разглядеть, что прижавшийся к земле дом мал и полуразрушен, а печная труба покосилась, словно под порывом ветра. Выше по склону за домом виднелся ветхий сарай, пьяно привалившийся к стогу сена, сложенному возле одного из его углов. За сараем находился загон для скота из оструганных жердей, при свете молнии сиявших подобно странной конструкции из голых полированных костей. К дому прислонилась большая поленница, а возле нее стоял древний автомобиль, задком опиравшийся на положенную поперек козел доску.

При этой единственной вспышке молнии я узнал место. Не именно это, разумеется, но его тип. Потому что во времена моего детства, прошедшего в Пайлот-Нобе, в округе было немало подобных мест — скудных твердых земель, которые и фермами-то можно было назвать лишь с натяжкой, где семьи безнадежно надрывали сердца, год за годом пытаясь бесконечным трудом добыть себе пищу для стола и одежду для тела. Таких мест было полно в наших краях двадцать лет назад — и они все еще оставались здесь; время ничего не изменило. Что бы ни случилось с миром, люди здесь, насколько я понимаю, жили так же, как когда-то.

При вспышках молний я добрался по тропе к освещенному окну, прошел вдоль стены, по шатким ступенькам поднялся на крыльцо, остановился перед дверью и постучал.

Ждать не пришлось. Дверь отворилась почти сразу же — словно меня ждали.

Отворивший дверь человек был невелик ростом; из-под шляпы виднелись седые волосы. Желтые зубы крепко сжимали трубку, а глядевшие из-под свисавших полей шляпы глаза были бледно-голубыми.

— Входите! — вскричал он. — Не стойте тут, разиня рот. Буря вот-вот разразится и вымочит вам шкуру!

Я вошел, и он закрыл за мной дверь. Я оказался в кухне. Женщина с телом, непропорционально крупным по сравнению с повязанной куском материи головой, одетая в просторное бесформенное платье, стояла возле топящейся плиты, на которой готовился ужин. Посреди кухни стоял шаткий стол, накрытый зеленой клеенкой. Помещение освещалось керосиновой лампой, стоявшей посередине стола.

— Мне неловко беспокоить вас, — начал я, — но моя машина застряла на дороге. И, по-моему, я заблудился.

— Дороги здесь запутанные, — согласился мужчина, — если только ты к ним не привык. Они извиваются, а некоторые так вовсе никуда не ведут. Куда вы направляетесь, незнакомец?

— В Пайлот-Ноб.

Он глубокомысленно кивнул.

— Вы не туда свернули.

— Я подумал, не сможете ли вы запрячь лошадь и вытащить меня обратно на дорогу? Задние колеса попали в кювет. Я заплачу.

— Садитесь, незнакомец, — проговорил хозяин, отодвигая стул от стола. — Мы собираемся ужинать, и еды достаточно для троих. Присоединившись, вы окажете нам честь.

— Но машина, — напомнил я. — Я немного тороплюсь…

Он покачал головой.

— Нельзя. По крайней мере, не сегодня вечером. Лошади не в конюшне. Они где-то на пастбище. Вероятно, на холме. И никто не может заплатить мне достаточно, чтобы я отправился разыскивать их под дождем и среди гремучек.

— Но гремучие змеи, — растерянно и не очень кстати заметил я, — не вылезают по вечерам.

— Позвольте сказать вам, сынок, — отозвался он, — что о гремучках никто ничего не знает

точно.

— Простите, забыл представиться, — сказал я, уже устав от его «незнакомцев» и «сынков». — Меня зовут Хортон Смит.

Женщина повернулась от плиты и всплеснула руками — в одной была зажата большая вилка.

— Смит! — взволнованно воскликнула она. — Так ведь мы тоже Смиты! Может, вы наш родственник?

— Нет, Мо[2], — откликнулся мужчина. — Смитов множество. И если человека так зовут, это еще не означает, что он — наш родственник. Но, — добавил он, — по-моему, это счастливое совпадение, и оно может послужить поводом для выпивки.

Он выудил из-под стола галлонный кувшин, а с висевшей на стене за его спиной полки снял пару стаканов.

— Вы смахиваете на горожанина, — заметил он, — но я слышал, что и некоторые из горожан не дураки выпить. Разумеется, это не первоклассный виски, но зато первосортная кукурузная водка и с гарантией не отравит вас. Только первый глоток не делайте слишком большим — не

---

[2] Примечания: 2

Мо — диалектная, просторечная и несколько архаичная форма от «ма» (сокращенное «мать»); но вместе с тем — «утроба», «пузо».

то непременно поперхнетесь… Но после третьего можете уже ни о чем не беспокоиться — привыкнете. Точно. Говорю вам: в такую ночь нет ничего лучше, чем посидеть за кувшином самогона. Я купил его у старого Джо Хопкинса. Джо гонит его на острове, на реке.

Смит уже совсем было собрался налить, как вдруг с подозрением посмотрел на меня.

— Скажите-ка, а вы часом не налоговый инспектор?

— Нет, — ответил я, — не инспектор.

Он стал наливать.

— Никогда нельзя быть уверенным, — сказал он. — Они бродят повсюду, и распознать их никак нельзя. Раньше их можно было отличить за милю, но теперь они стали хитрее. Наряжаются так, что выглядят, словно всякий-любой.

Через стол он пододвинул мне один из стаканов.

— Мистер Смит, — проговорил он. — Мне очень жаль, что я ничем не могу вам помочь. По крайней мере, сейчас, в эту ночь, когда приближается буря. Утром я приведу лошадь и вытащу вашу машину.

— Но она стоит поперек дороги. Движение перекрыто.

— Это не должно беспокоить вас, мистер, — сказала женщина от плиты. — Эта дорога никуда не ведет. Поднимается к заброшенному дому и там кончается.

— Говорят, — добавил хозяин, — что в этом доме появляются привидения.

— Может, у вас есть телефон? Я мог бы позвонить…

— У нас нет телефона, — объявила женщина.

— Не могу взять в толк, — заметил мужчина, — к чему людям телефоны? Звонят все время. И люди звонят, чтобы обругать вас. Ни единой спокойной минуты.

— Телефон стоит денег, — добавила хозяйка.

— Вероятно, я смогу пройти вниз по дороге, — предположил я. — Там была ферма. И они…

Хозяин покачал головой.

— Берите стакан, — предложил он. — И начинайте. Если вы отправитесь туда, это может стоить вам жизни. Не хочу плохо говорить о соседях, но не следует разрешать держать у себя свору свирепых псов. Конечно, они сторожат и отгоняют всяких хищников, но я и гроша ломаного не дам за жизнь человека, который натолкнется на них в темноте.

Я взял стакан и попробовал. Водка оказалась

довольно скверной, однако у меня внутри затеплился маленький огонек.

— Незачем никуда идти, — подытожила женщина. — Сейчас хлынет дождь.

Я отпил еще. На этот раз прошло гораздо лучше. Огонек разгорелся пожарче.

— Вы бы лучше сели, мистер Смит, — сказала женщина. — Сейчас я подам ужин. Достань тарелку и чашку, По[3].

— Но я…

— Ну-ну, — прервал мужчина. — Вы ведь не откажетесь потрапезничать с нами? Старуха приготовила свиные щеки с зеленью, и это совсем неплохо. Никто в мире не готовит свиные щеки лучше нее, — хозяин задумчиво посмотрел на меня. — Держу пари, вы отродясь не пробовали настоящих свиных щек. Это не городская пища.

— Ошибаетесь, — возразил я. — Я едал их много лет назад.

Честно говоря, я проголодался, а свиные щеки — это звучало весьма заманчиво.

— Давайте, — поощрил хозяин, — приканчивайте свой стакан. Это проберет вас до кончиков пальцев.

---

[3] Примечания: 3

По — диалектная, просторечная и несколько архаичная форма от «па» (сокращенное «отец»), но вместе с тем — «ручища», «лапа», «лапать».

Пока я приканчивал выпивку, он достал с полки тарелку и чашку, а из ящика стола — нож, вилку и ложку и поставил все это передо мной. Хозяйка водрузила на стол кастрюлю.

— Теперь придвигайтесь к своему прибору, мистер, — порекомендовала она. — А ты, По, вынь изо рта трубку. — И снова обратилась ко мне: — Очень плохо, что он никогда не снимает шляпы, даже спит в ней, но уж сидеть с ним за столом, когда он пытается есть, не вынимая трубки изо рта, я не стану ни за что.

Она тоже села.

— Накладывайте себе и приступайте. Еда нехитрая, но чистая, и ее достаточно. Надеюсь, вам понравится.

Приготовлено все было более чем удовлетворительно и к тому же в изрядном количестве, так что у меня создалось впечатление, будто они все время ждут кого-нибудь, кто неожиданно заявится к ужину.

Трапеза была в самом разгаре, когда пошел дождь — сплошные струи забарабанили по шаткому дому, производя такой шум, что при разговоре нам приходилось повышать голос.

— Нет ничего лучше, — проговорил хозяин, как только скорость, с которой он поглощал пищу,

несколько поубавилась, — исключая, может быть, поссума[4]. Вот берете вы поссума, обкладываете его сладким картофелем — и ничто больше так гладко не проглатывается. У нас частенько бывали поссумы, но уже давным-давно мы ни одного не видели. Чтобы добыть поссума, надо иметь собаку, а с тех пор, как умер старый Причер, у меня сердца не хватает завести другую собаку. Я без памяти любил этого щенка и не могу заставить себя взять на его место другую собаку.

Женщина вытерла слезы.

— Это был лучший из всех псов, — добавила она. — Совсем как член семьи. Спал он возле печки, а она была такая раскаленная, что у него шерсть начинала дымиться, только он не обращал внимания. Наверно, любил жару. Может, вам кажется, что Причер — странное имя для собаки, но очень уж он походил на проповедника. Такой же торжественный, полный достоинства и печальный…

— Только не на охоте на поссумов, — вмешался По. — Когда он гнался за поссумами — это был настоящий ужас с хвостом колечком.

— Мы не богохульники, — поспешно пояснила

---

[4] Примечания: 4

Поссум — просторечная форма от опоссума, американской сумчатой крысы.

Мо. — Но его просто нельзя было назвать иначе. Он был точь-в-точь проповедник.

Мы покончили с ужином. По снова сунул в рот трубку и потянулся за кувшином.

— Спасибо, — сказал я. — Но мне хватит. Я должен идти. Если вы позволите мне прихватить пару поленьев, я попытаюсь подложить их под колеса…

— Я бы об этом и думать не стал, — сказал По. — Не во время бури. Стыдно было бы отпустить вас сейчас. Здесь уютно, тепло и сухо, мы выпьем еще, а завтра с утра можете трогаться. У нас нет второй кровати, но имеется диван, на котором вы можете расположиться. Он действительно удобен, и вы отлично выспитесь. Лошади придут рано утром — мы их поймаем и вытащим вашу машину.

— Мне неловко, я и так уже причинил вам достаточно затруднений.

— Это одно удовольствие, что вы здесь, — возразил он, — новый человек, с которым можно было бы поговорить, появляется у нас не часто. Мы с матерью просто сидим и смотрим друг на друга. Нам не о чем говорить. Мы уже столько наговорили друг другу, что давно все сказали. — Он наполнил мой стакан и пододвинул через

стол. — Заложите-ка это за воротник, — посоветовал По, — и будьте благодарны, что в такую ночь у вас есть убежище, а я больше и слышать не хочу ни о каком уходе, пока не настанет утро.

Я поднял стакан и от души приложился; должен признаться, мысль о том, что в такую непогоду не надо выходить из дому, показалась мне довольно притягательной.

— В конце концов, — снова заговорил По, — есть некоторые преимущества и в том, чтобы не иметь собаки для охоты на поссумов, хотя старого Причера мне здорово не хватает. Но отсутствие собаки оставляет вам куда больше свободного времени; я не думаю, чтобы молодой человек вроде вас мог это оценить, но свободное время — самая большая ценность, какая только бывает. Вы можете обо многом поразмыслить и помечтать, и потому сами становитесь лучше. Скунсы, с которыми вы встречаетесь, в большинстве своем становятся такими потому, что не хотят иметь свободного времени. Они всегда на взводе, все время бегут и думают, что мчатся за чем-то, а на самом деле удирают от самих себя.

— Пожалуй, вы правы, — отозвался я, думая о себе самом. — Полагаю, вы даже совершенно правы.

Я выпил еще и почувствовал себя так хорошо, что отважился повторить.

— Ну, молодой человек, — предложил По, — подставляйте-ка стакан. В нем почти ничего не осталось.

Я так и поступил, кувшин забулькал, и стакан вновь оказался полным.

— Вот мы с вами сидим, — продолжал По, — в тепле и уюте, точно клопы, и никакая проклятая забота не мешает нам сидеть тут, выпивать, по-дружески болтать и не обращать внимания на время. Время — лучший друг человека, если тот его правильно использует, и злейший враг — если человек за ним бежит. Большинство людей, живущих по часам, — жалкие создания. Вот жить по солнцу — это совсем другое дело.

Что-то здесь было не так, я понимал это, чуял какую-то фальшь. Что-то, связанное с этой парой, — словно я должен бы их знать, как если бы встречался с ними много лет назад, забыл, а теперь должен узнать и вспомнить, кто же они такие и что из себя представляют. Но как ни силился я пробудить эти воспоминания, они ускользали.

Хозяин продолжал говорить, но я поймал себя на том, что слышу лишь часть его рассказа. Я

знал, что он повествует об охоте на енотов, о лучшей наживке при ловле сома и многом другом, не менее интересном, но немало подробностей проскочило мимо меня.

Я прикончил и этот стакан и снова протянул его — на этот раз уже без всякого приглашения, и хозяин вновь его наполнил, и все было так хорошо и удобно — в печи шептал о чем-то огонь, часы на полке рядом с дверью в кладовку тикали громко и общительно. Утром снова начнется прежняя жизнь, и я поеду в Пайлот-Ноб, вернувшись к пропущенной развилке. Но сейчас мне выпал кусочек спокойного времени, немножко отдыха, чтобы посидеть, предоставив часам гулко тикать в тесноте кухни, и ни о чем не думать или думать понемногу о чем-нибудь. От самогона я изрядно захмелел и понимал это, но не придавал значения. Я продолжал пить, слушать и не думать о завтрашнем дне.

— Кстати, — спросил я, — а как в этом году с динозаврами?

— Да порядочно их вокруг, — равнодушно отозвался По, — только сдается мне, они стали малость помельче, чем прошлым летом.

И он продолжал рассказывать — о дереве с бортью, которое он срубил, и про тот год, когда

кролики, наевшись астрагала, сбились в такие драчливые стаи, что гоняли гризли по всей округе. Только происходить все это должно было где-то в других местах, потому что здесь, насколько я знал, астрагал не рос, да и гризли тоже не водились.

Я помню, как улегся наконец спать на диване в гостиной, а По стоял рядом с фонарем в руке, пока я снимал пиджак, вешал его на спинку стула, разувался и аккуратно выравнивал на полу ботинки. Потом, ослабив узел галстука, я растянулся на диване, и это было действительно удобно — в полном соответствии со словами По.

— Вы славно выспитесь, — пообещал он. — Когда Барни наведывался к нам, он всякий раз спал здесь. Барни здесь, а Спарки там, на кухне.

И вдруг, когда эти имена дошли до сознания, я вспомнил! Я предпринял попытку встать, и это даже наполовину удалось.

— Теперь я знаю, кто вы такой! — закричал я. — Вы Снаффи[5] Смит, тот самый, что был с Барни Гуглом, Спаркплагом и Саншайном и со всеми остальными в комиксе.

---

[5] Примечания: 5

Снаффи — это прозвище имеет сразу четыре смысла: «занюханный», «прокуренный», «диковатый» и «ворчливый»; как видите, все четыре соответствуют персонажу.

Я хотел сказать больше, но не смог, да и не казалось это ни слишком важным, ни особенно примечательным.

Я снова откинулся на диван, а Снаффи ушел, прихватив с собой фонарь, и было слышно, как стучит по крыше надо мной дождь.

Под этот звук я и уснул.

А проснулся с гремучими змеями…

2

Спас меня страх — грубый, леденящий страх, от которого я застыл в неподвижности на несколько секунд, позволивших мозгу оценить ситуацию и решить, как поступать.

Смертоносная, отвратительная голова лежала у меня на груди, нацелившись прямо в лицо, готовая в долю секунды, в краткое мгновение, какое способна уловить лишь ускоренная съемка, ударить и вонзить свои изогнутые клыки.

Стоило мне двинуться — и она бы ударила.

Но я не шелохнулся — потому что не смог, ибо страх, вместо того, чтобы побудить тело к инстинктивному движению, заставил его окостенело застыть; мышцы отвердели, сухожилия напряглись, и весь я покрылся гусиной кожей.

Нависшая надо мной голова, казалось, была экономно и жестко вырезана из кости; крохотные глазки светились тусклым блеском свежеразломанного, но не отполированного камня, а между глазами и ноздрями виднелись ямки, служившие приемниками теплового излучения. Раздвоенный язык движением, напоминавшим игру молний в небе, мелькал взад и вперед, пробуя

и чувствуя, снабжая крошечный мозг, скрытый внутри черепа, информацией о том создании, на котором змея оказалась. Ее тускло-желтое тело было испещрено более темными полосами, обвивавшимися вокруг, образуя косой ромбический узор. И она была велика — может быть, не настолько, как показалось мне в момент первого потрясения, когда я взглянул в змеиные глаза, но достаточно, чтобы я почувствовал на груди вес ее тела.

Crotalus horridus horridis — лесная гремучая змея!

Она знала, что я здесь. Зрение, пусть и очень слабое, все же обеспечивало достаточно информации. Раздвоенный язык давал еще больше. А эти ямки измеряли температуру моего тела. Змея была поражена — настолько, насколько может быть удивлено пресмыкающееся. Она не была уверена, что надлежит делать. Кто перед ней — друг или враг? Для добычи слишком велик, но, может быть, представляет угрозу? И я понимал, что при малейшем намеке на угрозу эти смертоносные клыки вопьются в меня.

Тело мое застыло, окаменев от испуга, но даже сквозь пелену страха я отдавал себе отчет, что в следующий миг окостенение пройдет и я

попытаюсь убежать, в отчаянии сбросив с себя змею. Однако охваченный ужасом мозг работал с холодной логикой отчаяния, подсказывая, что я не должен двигаться, оставаясь таким же куском замороженного мяса, как до сих пор. Это было единственным шансом уцелеть. Любое движение будет воспринято как угроза, и змея станет защищаться.

Я заставил себя как можно медленнее закрыть глаза — плотно, чтобы даже случайно не мигнуть, — и лежал в темноте, а желчь подступала к горлу и панически корчился желудок.

Нельзя двигаться, убеждал я себя. Не шелохнуться, не шевельнуть ни единой мышцей, не допустить ни малейшей дрожи в теле. Самым трудным было не открывать глаз, но я знал, что это необходимо. Змея могла ударить даже в том случае, если бы просто чуть дернулось веко.

Тело мое вопило, — каждая мышца, каждый нерв были пронизаны внутренней дрожью; казалось, с меня содрали кожу. Но я заставлял себя лежать спокойно — я, мозг, разум, сознание. И сама собою явилась непрошеная мысль о том, что впервые мои тело и разум вступили в такое противоречие.

Казалось, по коже перебегали миллионы

грязных ног. Кишечник восставал, сжимаясь и извиваясь. Сердце билось так сильно, что я ощущал давление крови в сосудах — внутреннее давление, заставлявшее меня давиться и пухнуть.

А тяжесть по-прежнему лежала у меня на груди. По ее перемещению я старался определить, что происходит. Просто ли змея изменила положение? Или что-то обратило ее крошечный мозг к агрессивности? Может, именно сейчас тело ее приняло ту S-образную форму, что предвещает бросок? Или, успокоенная моей неподвижностью, гадина впустила голову, собираясь сползти?

Если бы я только мог открыть глаза и узнать! Казалось, тело было не в состоянии больше выносить неизвестность. Я должен был увидеть эту опасность — если она существует — и действовать!

Но я продолжал держать глаза закрытыми — не судорожно стиснутыми, но естественно, плотно закрытыми: ведь напряжения мускулов, необходимого, чтобы стиснуть веки, могло оказаться достаточно, чтобы встревожить змею.

Я обнаружил, что стараюсь дышать как можно равномернее, избегая резких колебаний груди, — хотя и убеждал себя, что сейчас змея уже должна была привыкнуть к ритму моего дыхания.

Змея двинулась.

От этого ощущения тело мое напряглось еще больше, но я по-прежнему сохранял неподвижность. Змея сползла с груди, пересекла живот — мне казалось, что это длится бесконечно, — и наконец исчезла.

«Теперь! — вопило тело. — Надо сейчас же бежать!» Но я оставался неподвижным и лишь медленно открыл глаза — так медленно, что зрение как бы возвращалось ко мне постепенно: вначале я смутно различил сквозь ресницы свет, затем взглянул сквозь узенькие щелки и только потом окончательно раздвинул веки.

В момент пробуждения я не увидел ничего, кроме отвратительной плоской головы, нацеленной мне в лицо. Теперь же разглядел скальный свод, расположенный футах в четырех над головой и полого понижающийся влево, и ощутил сырой запах пещеры.

Лежал я не на диване, на котором уснул вчера под звуки дождя, а на плоском каменном полу пещеры. Скосив взгляд налево, я увидел, что пещера неглубока — всего лишь горизонтальная расщелина, сотворенная дождями и ветром в обнаженном выходе известняка.

«Змеиная нора, — подумал я. — Логово не одной

змеи, а, вероятно, множества. Значит, я должен оставаться в неподвижности — по крайней мере, пока не удостоверюсь, что других змей тут нет».

В пещеру пробивался утренний свет, косые солнечные лучи грели мне правый бок. Переведя взгляд в эту сторону, я обнаружил, что смотрю в узкую щель, поднятую над долиной. Вот дорога, по которой я ехал, а вот и моя машина, полностью перегородившая ее. Но ни малейшего следа дома, в котором я был прошлой ночью! Ни дома, ни сарая, ни загона для скота, ни поленницы. Вообще ничего. Между дорогой и пещерой пролегло всхолмленное пастбище, по которому были разбросаны заросли кустарника, среди которых было немало черной смородины, и отдельные купы деревьев.

Я мог бы решить, что это совсем другое место, если бы не застрявшая на дороге машина. Автомобиль означал, что здесь — то самое место, а если что-то и изменилось — так это дом и его окружение. Совершенное безумие, такое попросту невозможно! Дома, стога сена, загоны для скота, поленницы и автомобили, задком лежащие на козлах, просто так не исчезают.

В углу пещеры послышался шорох, что-то бегло коснулось моих ног и с шуршанием зарылось в

груду прошлогодней листвы.

Тело мое взбунтовалось. Страх удерживал его слишком долго. Теперь оно действовало инстинктивно, и мозг был бессилен этому противостоять, а пока сознание яростно протестовало, я уже успел выскочить из пещеры и оказаться на ногах, стоя на склоне холма. Впереди и чуть правее очень быстро ползла змея. Она достигла кустов смородины, нырнула в них, и шорох от ее движения смолк.

Все вокруг стало неподвижно и беззвучно, а я стоял на склоне, напряженно вслушиваясь и вглядываясь.

Я бегло огляделся, а потом приступил к более внимательному и методичному изучению окружающего. Прежде всего я заметил на склоне свой пиджак — и с содроганием подумал, что он сложен таким образом, будто только что висел на спинке стула. В каком-нибудь шаге от пиджака стояли аккуратно выровненные ботинки; носки их были направлены вниз по склону. И только тут я осознал, что стою в носках.

Змей не было видно, хотя внутри пещеры что-то и продолжало шевелиться, но там было слишком темно, чтобы разглядеть что-нибудь. На старый сухой ствол села и стала разглядывать

меня своими глазками-бусинками малиновка, откуда-то издалека донеслось позвякивание коровьего ботала.

Я осторожно вытянул ногу и потыкал пиджак. Казалось, ни под ним, ни в нем ничего не было, — я нагнулся, поднял его и встряхнул. Потом подхватил ботинки и, не останавливаясь, чтобы обуться, начал отступать вниз по склону — но очень осторожно, с трудом сдерживая стремление пуститься бегом и покончить с этим, скатиться с холма и как можно скорее добраться до машины. Я шел медленно, пристально осматривая каждый фут в поисках змей. Я понимал, что склон должен кишеть ими, — ведь одна побывала у меня на груди, другая проползла по лодыжкам, третья скользнула в кусты, четвертая все еще возилась в пещере… Бог знает, сколько их могло быть еще.

Но я не заметил ни одной. Правой ногой я наступил на чертополох и остаток пути принужден был опираться ею лишь на пальцы, чтобы не вогнать в тело застрявшие в носке колючки; но змей больше не было — по крайней мере, видимых.

«Может быть, — подумал я, — они боятся меня так же, как и я их. Но нет, — сказал я себе, — такого не может быть». Я чувствовал, что весь дрожу, а зубы стучат, и потому уже в самом низу

склона, как раз над дорогой, расслабленно опустился на полоску травы, подальше от кустов и камней, где могли скрываться змеи, и принялся извлекать из носка колючки чертополоха. Когда я попробовал обуться, то обнаружил, что руки сотрясает дрожь, сделавшая эту нехитрую процедуру невозможной, — и только теперь понял, насколько был испуган; осознание подлинной глубины собственного страха только заставило меня ужаснуться еще больше.

К горлу подступила тошнота, я перекатился на бок, меня вырвало и продолжало выворачивать наизнанку до тех пор, пока в желудке не осталась полная пустота.

Как ни странно, но это принесло облегчение; во всяком случае, вытерев, наконец, подбородок, я сумел надеть и зашнуровать ботинки, а потом, шатаясь, добрел до машины и привалился к ее борту, чуть ли не обняв его — настолько был рад оказаться там.

И вот тут, прильнув к куску мертвого металла, я заметил, что на самом деле автомобиль вовсе не застрял. Канава была гораздо мельче, чем это показалось вчера.

Я сел за руль. Ключ был у меня в кармане, и я завел двигатель. Машина без труда выбралась, и

я покатил вниз по дороге — тем же путем, каким приехал сюда вчера ночью.

Стояло раннее утро — солнце взошло не больше часа назад. Паутина, лежавшая на траве по краям дороги, все еще блестела от росы, а жаворонки взлетали в небо, буксируя за собой длинные заливистые трели.

Обогнув поворот, я увидел исчезнувший дом; он стоял у дороги совсем рядом — со своей безумно покосившейся трубой, поленницей, сараем, прислонившимся к стогу, и даже старым автомобилем. Все в точности, как я видел вчера, при свете молнии.

Увидеть это было подлинным потрясением, и мой мозг внезапно включился в работу — с высокой скоростью неистово отыскивая объяснение. Выходит, я ошибся, полагая, что раз автомобиль стоит на дороге, значит, дом исчез. Потому что вот он, этот дом, стоит точь-в-точь такой, каким я его видел всего несколько часов назад, а раз так — разумно предположить, что он простоял здесь все время, а автомобиль был каким-то образом перенесен на добрую милю вверх по дороге, и тем же способом там оказался я сам.

Во всем этом не было ни малейшего смысла; больше того — это казалось невозможным. Я был

уверен, что машина плотно засела в кювете. Я пробовал выехать, колеса проворачивались, не сдвигая автомобиль с места. И меня — каким бы пьяным я ни был — не могли тащить целую милю вверх по дороге и уложить в змеиное логово так, чтобы я этого не заметил.

Все это — сплошное безумие: и нападающий трицератопс, исчезнувший раньше, чем смог достичь цели, и застрявший в кювете автомобиль, и Снаффи Смит со своей женой Ловизией, и даже самогон, которым мы накачивались за кухонным столом. Потому что я не ощущал даже слабых признаков похмелья, а почти хотел бы почувствовать их, чтобы поверить, будто все это привиделось мне спьяну. Но человек не может выпить столько самогона — и не испытывать похмелья. Конечно, меня вырвало — но к тому моменту после пьянки прошло уже слишком много времени, и это не могло предотвратить похмелья, алкоголь уже давно разошелся бы по телу.

И однако — вот оно, то место, где вчера вечером я обрел убежище от непогоды. Правда, видел я его лишь при вспышке молнии, но сейчас все выглядело именно таким, как я запомнил.

Но откуда и зачем взялись трицератопс и гремучие змеи? Динозавр, видимо, реальной опасности

не представлял — он мог оказаться даже галлюцинацией, хотя в это я не слишком верил; зато гремучие змеи были реальны вполне. Для убийства способ слишком сложный и неприятный, да и кто мог желать моей смерти? А если все же кто-то хотел убить меня по причинам, о которых я не имел представления, он вполне мог бы найти куда более легкий способ.

Я так пристально рассматривал дом, что машина чуть не съехала с дороги. Я едва успел вовремя вывернуть руль.

Возле дома не было заметно никаких признаков жизни — но только поначалу. Со двора вырвалась целая свора собак и пустилась бежать по дороге, облаивая автомобиль. Никогда в жизни я не видел столько собак, да еще таких тощих, что даже издали я мог видеть, как выпирают из-под шкур ребра. По большей части, это были гончие — с хлопающими ушами и тонкими, похожими на хлыст хвостами. Одни выбежали из ворот, другие же, не заботясь о приличиях, прямиком перемахнули через изгородь.

Открылись двери дома, и на крыльцо вышел человек; остановившись на ступеньках, он прикрикнул на собак, и вся свора разом затормозила и бросилась обратно — точь-в-точь шайка маль-

чишек, пойманных на бахче. Псы хорошо знали, что охотиться за машинами не их дело.

Но в тот момент я не обращал на них внимания, потому что взгляд мой был прикован к вышедшему на крыльцо человеку. При первом его появлении я ожидал, что это окажется Снаффи Смит. Не знаю, почему я так подумал, — возможно, нуждался хоть в чем-то, на что мог бы опереть какое-нибудь логическое объяснение происходящего. Однако он не был Снаффи Смитом. Он был значительно выше ростом, без шляпы и без трубки. Впрочем, он не мог оказаться Снаффи уже потому, что ночью не было никаких собак. Это мог быть тот сосед, против которого предостерегал меня Снаффи, хозяин своры злобных собак. «Если вы отправитесь туда, это может стоить вам жизни», — предупреждал Снаффи.

Мне пришлось напомнить себе, что и сам Снаффи Смит, и его кухня, и самогон тоже вполне могли стоить мне жизни.

Разумеется, было совершенно невероятно, чтобы тут оказался Снаффи Смит. Такой личности вообще не существовало, его не могло быть в природе. И он сам, и его жена были шутовскими персонажами из комикса. Однако сколько я ни старался, а поверить в это не мог.

За исключением собак и прикрикнувшего на них человека место было точь-в-точь как вчерашнее. «И это, — отметил я про себя, — находилось за пределами понимания».

Но потом я углядел-таки одно отличие, и мне стало значительно лучше, хотя и непонятно, почему. Старый автомобиль по-прежнему стоял подле поленницы, но задняя его часть не была поднята на козлы. Машина стояла на четырех колесах, хотя рядом я заметил и козлы, и доску, прислоненную к поленнице, — словно автомобиль недавно поднимали для починки, а теперь, закончив ремонт, сняли с козел.

Я уже почти миновал ферму, когда машина моя снова чуть не заехала в кювет, но вовремя среагировал. Повернув голову, чтобы еще раз бросить взгляд на дом, я заметил на столбе у ворот почтовый ящик.

Неровными буквами, написанными брызгавшей по сторонам кистью, на нем значилось:

Т. УИЛЬЯМС

3

Джордж Дункан постарел, однако я узнал его сразу же, как вошел в магазин. Он совсем поседел, лицо исхудало и сморщилось, но это был тот самый человек, что нередко давал мне пакетик мятных леденцов, когда отец покупал у него бакалею или мешок отрубей, которые Дункан приносил из задней комнаты, где держал корм для скота.

Владелец магазина стоял за прилавком, разговаривая с женщиной, которую я мог видеть лишь со спины; его низкий голос был хорошо слышен даже в другом конце зала.

— Эти парни Уильямса всегда доставляли массу беспокойств — говорил он. — С того момента, как Том Уильямс появился в наших краях, вся община не видела ни от него самого, ни от его семьи ничего, кроме неприятностей. Говорю вам, мисс Адамс, это совершенно неисправимые люди, и на вашем месте я не стал бы о них беспокоиться. Проучил бы их как следует и показал, как хулиганить. Я положил бы этому конец.

— Но, мистер Дункан, — произнесла женщина, — они вовсе не так уж безнадежны. Конечно,

манеры у них ужасные, но, в сущности, они не порочны. Они всю жизнь находятся под прессом. Вы представить себе не можете, что такое социальное давление, которое они испытывают…

Дункан улыбнулся ей, но в этой улыбке мрачности было куда больше, чем веселья.

— Знаю, — сказал он. — Знаю. Вы говорили мне это и раньше, когда они украли в прошлый раз. Они отверженные. По-моему, так вы говорили.

— Верно, — согласилась она. — Отвергнутые остальными детьми и отвергнутые городом. Их чувство собственного достоинства уязвлено. Когда они появятся здесь, пожалуйста, присмотрите за ними.

— Вы правы, я так и сделаю. А они обкрадут меня начисто.

— Почему вы так решили?

— Я их на этом ловил.

— Это все обида, — проговорила она, — их ответный удар.

— Но не по отношению ко мне. Я никогда не делал им ничего плохого.

— Может быть, — согласилась она. — Не вы лично. Но все и каждый. Они чувствуют, что всякая рука поднята на них. Знают, что все их терпеть не могут. Им нет места в этой общине не потому,

что они в чем-то провинились, а просто община решила, что у них нехорошая семья. Думаю, вы это именно так формулируете: нехорошая семья.

Я заметил, что магазин лишь чуть-чуть изменился. На полках лежали новые товары, а многие старые отсутствовали, но сами полки остались прежними. Старая круглая стеклянная витрина, где лежала некогда головка сыра, исчезла, однако древний станок для резки жевательного табака — им пользовались, чтобы отрезать порции от целой плиты, — все еще был привинчен к прилавку. В дальнем углу стоял холодильник, используемый для молочных продуктов, — что, кстати, объясняло и отсутствие сыра в витрине, но он служил единственным знаком перемен во всем магазине. В центре зала все так же стояла в яме с песком пузатая печка, окруженная все теми же старыми, отполированными долгим употреблением стульями. У противоположной стены высилась старая перегородка с дверцами абонементных ящиков, почтовым окошком в центре и открытой дверью, ведущей в заднее помещение, откуда доносился запах корма для скота, сложенного в дерюжных и бумажных мешках.

Все было так, словно я видел это место лишь вчера, а придя нынче утром, слегка удивился

происшедшей за ночь перемене.

Я отвернулся к окну и сквозь грязное, потрескавшееся стекло посмотрел на улицу. Там тоже были видны кое-какие изменения. На углу, напротив банка, участок, который я помнил пустовавшим, оказался теперь занят сложенным из бетонных плит зданием авторемонтной мастерской, перед которой возвышалась единственная облупившаяся бензоколонка. Дальше находилась парикмахерская — крошечный домик, вообще не изменившийся, а только потускневший и нуждавшийся в покраске еще больше, чем в мои времена. Располагавшаяся по соседству с парикмахерской скобяная лавка, насколько я мог судить, не изменилась совсем.

Разговор за моей спиной, очевидно, подошел к концу, и я повернулся. Беседовавшая с Дунканом женщина направлялась к двери. Она оказалась моложе, чем я решил по голосу. На ней были серые юбка и жакет, а угольно-черные волосы были собраны тугим узлом на затылке. Она носила очки в оправе из светлого пластика, а на лице читались гнев и тревога. Женщина шла быстрой, воинственной походкой и напоминала секретаршу Высокого Начальства — деловитость, краткость и готовность мгновенно пресечь вся-

кие глупости.

У дверей она обернулась и спросила Дункана:

— Вы придете вечером на праздник, не правда ли?

Дункан улыбнулся, демонстрируя кривые зубы:

— Еще ни одного не пропустил. За много лет. И вряд ли начну теперь…

Она распахнула дверь и быстро вышла. Краешком глаза я заметил, как она целеустремленно зашагала по улице.

Дункан вышел из-за прилавка и направился ко мне.

— Чем могу быть полезен? — поинтересовался он.

— Меня зовут Хортон Смит. Я договаривался…

— Минутку, — быстро сказал Дункан, пристально рассматривая меня. — Когда начала поступать ваша корреспонденция, я сразу узнал ваше имя, но сказал себе, что тут может быть какая-нибудь ошибка. Возможно, подумал я…

— Никакой ошибки, — перебил я, протягивая руку. — Здравствуйте, мистер Дункан.

Он стиснул мою ладонь мощной хваткой и задержал в своей.

— Маленький Хортон Смит, — проговорил

он. — Вы часто приходили с папой…

— А вы угощали меня мятными леденцами…

Глаза его сверкнули из-под нависающих бровей, и он еще раз тряхнул мою руку.

«Все в порядке, — сказал я себе. — Старый Пайлот-Ноб действительно существует, и я здесь не чужак. Я вернулся домой».

— Вы и есть тот самый, что часто выступает по радио, а иногда и по телевидению? — спросил он.

Я подтвердил.

— Пайлот-Ноб гордится вами, — заявил он. — Поначалу трудновато было привыкнуть слушать по радио парня из нашего города или встречаться с ним лицом к лицу на телеэкране. Но мы привыкли, и теперь большинство слушает вас, а потом обсуждают услышанное. Мы судачим, что вот, мол, Хортон сказал вчера то-то и то-то, и внимаем вашим словам, как проповеди. Но зачем вы вернулись? — поинтересовался он. — Только не подумайте, что мы не рады видеть вас…

— Я хочу пожить здесь. Несколько месяцев, может быть, год.

— Отпуск?

— Нет, не отпуск. Я хочу кое-что написать. Для этого мне нужно было уехать — туда, где будет

время, чтобы писать, и еще немножко, чтобы подумать о том, что писать.

— Книга?

— Да, надеюсь, это будет книга.

— По-моему, — проговорил он, потирая ладонью шею, — вам есть о чем написать книгу. Может быть, о том, что вы не можете прямо сказать в микрофон. О тех местах, где вы бывали. Ведь вы много где побывали, не правда ли?

— Кое-где побывал.

— А Россия? Что вы думаете о России?

— Мне нравятся русские. По-моему, они во многом похожи на нас.

— Вы хотите сказать, что они похожи на американцев?

— На американцев, — подтвердил я.

— Пойдемте к печке, — предложил он. — Посидим и поговорим немножко. Сегодня я ее не топил. Решил, что не нужно. Как сейчас помню вашего отца — он сидел здесь и беседовал. Хороший он был человек, ваш отец, но я всегда говорил, что он не рожден, чтобы стать фермером. — Мы сели. — Он еще жив?

— Да, и он, и мать. В Калифорнии. Оба они на пенсии и живут совсем неплохо.

— У вас есть, где остановиться?

Я покачал головой.

— Ниже по реке есть новый мотель, — подсказал он. — Построен год или два назад. Хозяева, Стритеры, — люди в наших краях новые. Они сделают вам скидку, если остановитесь больше, чем на два дня. Я поговорю с ними об этом.

— Не нужно…

— Но вы же не просто приезжий. Вы наш — и вернулись домой. Они должны это знать.

— А как нынче рыбалка?

— Там лучшее место на реке. Можете арендовать у них лодку или каноэ, хоть то и другое вместе, хотя я никак не возьму в толк, зачем кому-то рисковать собственной шеей, выходя на эту реку в каноэ.

— Я надеялся найти местечко вроде этого, только боялся, что таких уже не осталось.

— Все еще сходите с ума по рыбалке?

— Наслаждаюсь ею.

— Помнится, мальчишкой вы были грозой голавлей.

— Ловить голавлей — забава отменная.

— Здесь осталось немало тех, кто вас помнит, — сказал Дункан. — Все они захотят с вами повидаться. Почему бы вам не поучаствовать в школьном празднике нынче вечером? Там

многие соберутся. Женщина, которую вы видели, — школьная учительница, Кэти Адамс.

— У вас все та же однокомнатная школа?

— Разумеется. На нас нажимали, чтобы мы объединились с соседними районами, но когда дело дошло до голосования, мы эту затею провалили. В нашем единственном классе дети получают то же образование, что и в современном роскошном здании, а обходится это не в пример дешевле. А если кто захочет поступить в среднюю школу — за таких мы платим, только желающих немного. Так что нам дешевле выходит без всяких объединений. Да и к чему тратить деньги на среднюю школу, когда тут целая шайка парней вроде этих отродий Уильямса?

— Простите, но когда я вошел сюда, то случайно услышал…

— Позвольте нам сказать, Хортон, что Кэти Адамс отличная учительница, только слишком уж мягкосердечная. Она вечно заступается за этих парней Уильямса, а я уверяю вас, это попросту шайка головорезов. Вы-то, скорее всего, не знаете Тома Уильямса; он перебрался сюда уже после вашего отъезда. Работал на окрестных фермах, но большей частью бездельничал, хотя и сумел каким-то образом отложить кое-что. Он уже давно

вышел из брачного возраста, когда женился на одной из дочерей Маленькой Отравы Картера. Ее звали Амелия. Вы помните Маленького Отраву?

Я покачал головой.

— У него был брат — того мы называли Большой Отравой. Настоящих их имен не помнит никто. Все это племя обитало ниже по течению, на Маскрэт-Айленде. Так или иначе, когда Том женился на Амелии, он на свои сбережения купил небольшой участок в нескольких милях от Лоунсэм-Холлоу и попытался устроить там ферму. Не знаю уж, как, но ему это удалось. С тех пор у них ежегодно прибавляется по ребенку, на которых оба они не обращают никакого внимания, — вот те и бегают дикарями. Говорю вам, Хортон, это такие люди, без которых мы вполне можем обойтись. От них бесконечные неприятности — что от самого старого Тома Уильямса, что от всего семейства, которое он выращивает. У них столько собак, что палкой ткнуть некуда, причем все эти старые псы совершенно бесполезны, как и сам старый Том. Они бегают повсюду, грызутся, устраивают драки. Том утверждает, что любит собак. Слышали вы что-нибудь подобное? Пустячный народ — и сам Том, и его собаки, и парни; от них только и жди беды.

— Кажется, мисс Адамс полагает, — напомнил я ему, — что это не только их вина.

— Знаю. Она утверждает, что их отвергают и дискриминируют. Вот вам еще одно ее любимое словечко. Знаете, что значит дискриминация? Это значит, что в человеке нет «давай-я-сделаю». Ни в какой дискриминации не было бы нужды, если бы все хорошо работали и имели хоть каплю здравого смысла. О, я знаю, что говорит об этом правительство, как оно твердит, что мы обязаны помогать таким. Но если правительство явится сюда и посмотрит на этих дискриминируемых, оно вмиг поймет, что именно с этими людьми не все в порядке.

— По дороге сюда я все гадал, водятся ли тут гремучие змеи? — заметил я.

— Гремучие змеи? — переспросил Дункан.

— Когда я был мальчишкой, они водились во множестве. Вот я и подумал, не стало ли их теперь меньше?

Он покачал головой.

— Может быть. Но их и сейчас предостаточно. Пойдите в холмы — и там вы обнаружите их в избытке. Вы ими интересуетесь?

— Не особенно.

— Приходите вечером на школьный празд-

ник, — повторил он. — Многие там соберутся. Некоторых вы знаете. Последний день занятий — все дети покажут что-нибудь: или встанут и прочтут наизусть, или споют песенку, или пьеску маленькую разыграют. А потом будет распродажа корзиночек в пользу покупки новых книг для школьной библиотеки. Мы все еще придерживаемся старинных обычаев, годы мало нас изменили. У нас свои развлечения. Сегодня — распродажа корзиночек, а через две недели будет земляничный фестиваль методистской церкви. И то, и другое — неплохая возможность повидаться с вашими старыми знакомыми.

— Если смогу — приду, — пообещал я. — И на праздник, и на фестиваль.

— Для вас есть почта, — сказал Дункан. — Уже неделю или две как поступает. Я все еще остаюсь здешним почтмейстером. Почтовая контора располагается в этом магазине чуть ли не сто лет. Поговаривают о том, чтобы перевести ее отсюда, объединив с конторой в Ланкастере, и уже оттуда отправлять дальше по сельским дорогам. Правительство никак не хочет оставить нас в покое. Вечно они пытаются что-то поменять. Совершенствование обслуживания — так они говорят. Клянусь жизнью, я не могу понять, почему бы не

оставить все по-прежнему и не выдавать людям почту в Пайлот-Нобе, как это делалось уже целый век или около того.

— Полагаю, у вас для меня много почты. Я переадресовал ее сюда, а сам не торопился с приездом, да и по дороге останавливался в нескольких местах.

— На бывшую вашу ферму взглянуть не хотите?

— Не думаю, — отозвался я. — Наверное, там многое изменилось.

— Там теперь живет семья Боллардов, — сказал Дункан. — У них парни — уже почти взрослые. Оба выпивают, и временами с ними хватает проблем.

Я кивнул.

— Вы говорили, мотель ниже по реке?

— Точно. Проедете мимо школы и церкви — до поворота налево. Немного дальше увидите указатель. Там написано: «Риверэдж-мотель». И вот ваша почта.

4

В верхнем левом углу манильского конверта[6] неровным почерком был написан обратный адрес Филипа Фримена. Сидя в кресле возле открытого окна, я неторопливо крутил конверт в руках, гадая, с чего бы это Филипу писать мне. Разумеется, мы были знакомы; он даже был мне симпатичен; однако связывали нас лишь те уважение и восхищение, которые мы оба испытывали по отношению к великому старцу, погибшему несколько недель назад в автомобильной катастрофе.

Сквозь окно доносился говорок реки, тихая, невнятная беседа, которую вела она с окрестностями, скользя меж берегов. Я сидел, слушал звуки этого разговора, и они вызывали у меня воспоминания о тех временах, когда мы с отцом рыбачили, сидя на берегу, — я всегда отправлялся на рыбалку с ним вместе, а в одиночку никогда. Река была слишком опасной для десятилетнего мальчика. Совсем другое дело ручей — разумеет-

---

[6] Примечания: 6

Манильский конверт — большого размера, сделанный из плотной, желтоватой бумаги, изготовленной из конопли.

ся, если я обещал быть осторожным.

Ручей был другом, сверкающим летним другом, а река таила в себе волшебство. «И это волшебство сохранилось, — подумал я, — волшебство, связывающее детские мечты со временем. И вот наконец я снова здесь; я еще поживу здесь…» И только в этот момент я понял, что в глубине души все время боялся: если прожить рядом с ней слишком долго, то можно узнать ее слишком хорошо, настолько, что волшебство исчезнет, и она превратится просто еще в одну реку, бегущую по земле.

Все вокруг было тихо и мирно — такие мир и тишину можно теперь отыскать лишь в немногих захолустных уголках земли. Здесь человеку хватит времени и места, чтобы поразмыслить, не опасаясь вторжения радиоголосов, вещающих о новостях коммерции или мировой политики. Натиск прогресса едва коснулся этих краев.

Едва коснулся, предоставив им жить со своими старыми идеями. Эти места не знают, что Бог умер; в маленькой церкви в верхней части поселка священник по-прежнему может проповедовать о пламени и сере, а паства будет восхищенно внимать каждому его слову. Это место не ведает социальной вины; здесь все еще

верят, что человеку надлежит и подобает трудиться, чтобы заработать на жизнь. Это место не согласилось с дефицитным бюджетом и таким образом сдерживало рост налогов.

Добродетели некогда полезные и надежные, но — увы — не сопоставимые с современностью. И все же, подумал я, не погребенные в обыденности внешнего мира, а сумевшие избежать не только материальной обыденности, но также интеллектуальной, моральной и эстетической заодно. Здесь живут люди, все еще способные верить — в мире, который верить перестал. Живут, все еще крепко держась за определенные ценности — в мире, где ценностей стало совсем мало. Живут, все еще держась за привычные основы существования и образа жизни, в то время как большинство людей во всем мире давно ударилось в цинизм.

Я осмотрел комнату — простую, маленькую, яркую и чистую, с минимумом мебели, панелями на стенах и без ковра на полу. Монашеская келья, подумал я, и так оно и должно быть — ведь человек тем меньше работает, чем больше окружает его удобств.

Мир и спокойствие, подумал я, но как же быть с гремучими змеями? Может быть, эти мир и

спокойствие — лишь обманчивая поверхность, как вода мельничной запруды, скрывающая стремительность водоворота? Я вновь увидел ее — грубую, словно высеченную из кости голову, нависшую над моим лицом, и вспомнил, как застыло в страхе тело.

Кому понадобилось задумывать и осуществлять столь странную попытку убийства? Кто это сделал, как — и почему жертвой должен был оказаться именно я? Зачем понадобились эти две неотличимых друг от друга фермы? И что же думать о Снаффи Смите, о застрявшей машине, которая на самом деле вовсе и не застревала, и о трицератопсе, появившемся и тут же исчезнувшем без следа?

Я сдался. Ответов не было. Единственно возможное объяснение сводилось к тому, что в действительности ничего этого не происходило; но я был уверен в обратном. Допускаю, что человек может вообразить себе что-то одно из этого набора — но не все вместе, разумеется. Я понимал, что какое-то объяснение должно существовать, — просто у меня его не было.

Отложив в сторону конверт, я просмотрел остальную корреспонденцию, среди которой не оказалось ничего, заслуживающего внимания.

Несколько записок от друзей, желавших мне хорошо устроиться на новом месте, причем в большинстве из них проскальзывала какая-то нотка неестественной веселости — и я не был уверен, что мне она нравилась. Похоже, все они пришли к выводу, что я малость спятил, отправившись в это захолустье, чтобы написать никому не нужную книгу. Кроме того, среди почты были счета, которые я забыл вовремя оплатить, пара журналов и несколько приглашений.

Я вернулся к манильскому конверту и распечатал его. Оттуда выпала тоненькая пачка ксерокопий с приколотой к ним запиской, гласившей:

«Дорогой Хортон!

Разбирая бумаги в дядином столе, я наткнулся на это и, памятуя, что вы были его близким другом, человеком, которого дядя очень высоко ценил, снял для Вас копию. Признаться, я не представляю, что с этим делать. Будь это любой другой человек, я склонен был бы принять все это за фантазии, в силу каприза или, может быть, в надежде избавиться от них изложенные на бумаге. Однако дядя никогда не был склонен к фантазиям — думаю, Вы должны с этим согласиться. Интересно, упоминал ли он когда-нибудь

об этом при Вас? В таком случае, Вы поймете все это лучше меня.

Филип»

Я отцепил записку и, отложив ее в сторону, посмотрел на документ, страницы которого были исписаны мелким, неразборчивым почерком моего друга, разительно непохожим на него самого.

Никакого заголовка не было. Ни малейших указаний на то, что он собирался с этой рукописью делать, тоже.

Я поудобнее устроился в кресле и приступил к чтению.

5

«Эволюционный процесс (так начинался документ) — это феномен, всю жизнь представлявший для меня особый и захватывающий интерес, хотя в своей профессиональной области я занимался лишь одним маленьким и, возможно, не самым эффектным его аспектом. Как ученый-историк, я с течением лет все больше и больше интересовался направлением эволюции человеческого мышления. Стыдно признаться, сколько времени и сил я потратил, пытаясь построить график, схему или диаграмму развития человеческого мышления на протяжении всей истории рода людского… Объект, однако, оказался слишком обширен (а в некоторых отношениях, признаться, и слишком противоречив), чтобы я смог представить его в виде схемы. И все же я убежден, что человеческое мышление эволюционирует; что основы его постоянно изменяются на протяжении письменной истории; что сегодня мы мыслим совсем не так, как сотню лет назад; что наши нынешние мнения сильно изменились по сравнению с бытовавшими тысячу лет назад; и дело не в том, что у нас прибавилось знаний, на

которых базируется мышление, а в том, что сама точка зрения человечества претерпела изменения — эволюционировала, если угодно.

Может показаться забавным, что кто-то настолько поглощен изучением процесса человеческого мышления. Но те, кто так полагает, ошибаются. Ибо от всех живущих на Земле существ человека отличает именно способность к абстрактному мышлению — и ничто иное.

Бросим взгляд на эволюцию, не претендуя на попытку глубоких изысканий, а лишь коснувшись некоторых наиболее очевидных вех, поставленных палеонтологией, — вех на пути прогресса, берущего начало в первичном океане, где зародились первые микроскопические формы жизни. Оставив без внимания все мелкие изменения, не определяющие сути процесса, займемся лишь главными линиями, результирующими эти незначительные изменения.

Первой из упомянутых вех явилась для некоторых форм жизни необходимость перехода из водной среды на сушу. Эта способность к перемене окружающей среды, несомненно, появилась в результате длительной, может быть, болезненной, и, вероятно, весьма опасной процедуры. Однако для нас, сегодняшних, отдаленность

по времени превратила этот процесс в разовое событие, означающее крутой перелом в схеме эволюции. Другой такой вехой оказалось появление хорды, миллионы лет спустя превратившейся в позвоночник. Следующей послужило появление прямохождения — хотя лично я не склонен переоценивать значение вертикального, стоячего положения. Все-таки определяющим признаком человека является не прямохождение, а разум, способность к отвлечению от «сейчас» и «здесь».

Эволюционный процесс заключает в себе длинную цепь событий. Эволюция испытала и отбросила множество направлений, и множество видов исчезло, будучи слишком неразрывно с этими направлениями связано. Но всегда оставался некий фактор — или совокупность факторов, — которые обеспечивали связь этих исчезнувших видов с новыми линиями эволюционного древа. И невольно возникает мысль, что сквозь дремучие дебри изменений и модификаций пролегает единое центральное направление эволюции, нацеленное на некую финальную форму.

Это центральное направление, многие миллионы лет спустя приведшее к появлению человека, характеризуется медленным ростом мозга, который с течением времени породил разум.

Весьма любопытной и важной представляется мне особенность эволюционного процесса, заключающаяся в том, что никакой наблюдатель, исходя из здравого смысла, не смог бы предугадать изменений до того, как они произошли. Полмиллиарда лет назад ни один здравомыслящий наблюдатель не отважился бы предсказать, что через каких-нибудь несколько миллионов лет многие формы жизни оставят воду и выйдут на сушу. В сущности, это должно было показаться тогда наименее вероятным, практически невозможным событием. Ибо созданные к тому времени формы жизни нуждались в воде, не могли жить нигде, кроме воды. А земля тех времен, обнаженная и стерильная, казалась самым негостеприимным, самым неподходящим местом для жизни — примерно таким, каким представляется нам сегодня космическое пространство.

Полмиллиарда лет назад формы жизни на Земле отличались крошечными размерами. И это казалось столь же непременным условием жизни, как и вода. Ни один наблюдатель тех дней не смог бы вообразить ни чудовищных динозавров более поздних эпох, ни нынешних китов. Их размеры этот наблюдатель счел бы невозможными. О возможности летать он и вовсе бы не подумал

— эта концепция оказалась бы за пределами его сознания. И даже если бы он случайно допустил на миг такую идею, то не смог бы представить себе ни побудительной причины, ни способа ее осуществления.

Мы же, оглядываясь на прошедшее, видим обоснованность и правильность эволюционного процесса, сознавая вместе с тем и его непредсказуемость.

Хотя вопрос о том, кто сменит человека в ходе дальнейшей эволюции, время от времени и возникал, однако всегда оставался предметом отвлеченных рассуждений. Насколько я понимаю, никто не хочет подумать об этом всерьез. В большинстве своем люди уверены, что сейчас бессмысленно размышлять о вопросе, решение которого отнесено слишком далеко в будущее. Первые приматы появились всего лишь около восьмидесяти миллионов лет назад; человек существует на планете — даже по самым оптимистическим подсчетам — всего два-три миллиона лет. И потому, исходя из судьбы трилобитов и динозавров, можно утверждать, что у приматов впереди еще многие миллионы лет существования — до тех пор, пока они не вымрут или не утратят своего господствующего положения на

Земле.

Бытует также нежелание даже в мыслях признавать, что род человеческий может когда-нибудь прекратить существование. Некоторые — но, разумеется, не большинство — способны примириться с мыслью о том, что лично они когда-нибудь должны умереть. Человек может вообразить мир, в котором сам он больше не существует; но гораздо труднее представить себе Землю без людей. С каким-то внутренним страхом мы отшатываемся от самой мысли о смертности вида. Мы способны постичь умом — хотя и не почувствовать, — что в какой-то момент перестанем существовать как члены человеческой расы; гораздо труднее понять, что сама человеческая раса не является ни бессмертной, ни вечной. Мы можем утверждать, что человек — это единственный вид, создавший средства для собственного уничтожения. Но, даже произнося эти слова, в глубине души мы не — верим в их справедливость.

Никаких серьезных исследований, посвященных этим проблемам, не существует. Похоже, в нашем сознании действует некая блокировка, запрещающая размышлять над подобными вопросами. Мы почти не задумываемся о том, кто

может прийти на смену человеку; вместо этого нашему воображению является образ сверхчеловека — во многом от нас отличающегося, но все же остающегося представителем нашей породы. Он превосходит нас интеллектуально и психологически, но биологически остается человеком. Таким образом, даже задумываясь иногда над подобными проблемами, мы упрямо продолжаем считать, что человек так или иначе будет существовать всегда.

Разумеется, это неверно. Если эволюционный процесс, приведший к появлению человека, не зашел в тупик, рано или поздно должно возникнуть что-то большее, чем человек. История же показывает, что эволюционный процесс в тупик не зашел. На протяжении веков он всегда находил возможность произвести новые формы жизни или ввести новые системы ценностей, необходимые для выживания. Нет оснований считать, что на человеке эволюция исчерпала весь свой мешок фокусов.

А раз так — на смену человеку должно прийти нечто новое, принципиально от него отличающееся, а не просто более совершенный образец или модификация Homo Sapiens. В страхе и недоверии мы задаемся вопросом: что же может явиться

на смену человеку? Что может оказаться выше разума?

Полагаю, что знаю это.

Полагаю, тот, кто грядет нам на смену, уже существует — и существует много лет.

Абстрактное мышление — есть новое явление в нашем мире. Ни одно живое существо, помимо человека, не обладает этой благословенной — или проклятой? — способностью. Именно она отделила нас ото всех других существ, благополучно сознающих лишь «сейчас» и «здесь» — а возможно, даже это сознающих весьма смутно. Эта способность позволила нам заглядывать в прошлое и, что гораздо хуже, смутно предугадывать грядущее. Она позволила нам ощутить собственное одиночество, наполнила нас надеждой, за которой кроется безнадежность, показала нам, что мы стоим одни, голые и беззащитные перед бесконечностью космоса. В тот день, когда первое человекоподобное существо осознало пространство и время относящимися к себе категориями, было совершено самое славное и самое ужасное деяние в земной истории.

Мы используем свой интеллект для множества практических целей, а также для теоретических исследований, которые, в свою очередь, откры-

вают нам новые практические возможности. Но у него есть и еще одно использование. С его помощью мы заполняем мир множеством теневых существ — богами, дьяволами, привидениями, ангелами, феями, демонами и гоблинами. Коллективный разум человечества создает темный и противоречивый мир, в котором обитают и наши враги, и наши союзники. И мы создаем ряд иных мистических существ — не темных, не страшных, являющихся просто приятными продуктами нашего воображения, — всех этих Санта-Клаусов, Братцев Кроликов, Джеков Фростов, Песчаных Людей[7] и многих, многих других. Мы не просто творим эти существа мыслью — мы еще и верим в них более или менее искренне и глубоко. Мы видим их, общаемся с ними, они обретают для

[7] Примечания: 7

Санта-Клаус — переосмысленный фольклорной традицией образ покровителя детей (но не только — еще и странствующих и путешествующих, моряков, сирых и убогих и т. д.), Святого Николая (в православной традиции — Николая Чудотворца), исторически восходящий к епископу городов Миры и Ликия Николаю Мирликийскому (260–343). Братец Кролик — персонаж памятных многим с детства «Сказок дядюшки Римуса» американского писателя-фольклориста Джоэла Чандлера Харриса (1848–1908). Джек Фрост — это наш Дед Мороз, Мороз Красный Нос, который в американской фольклорной традиции с Санта-Клаусом не совпадает. Наконец, Песчаный Человек — сказочный персонаж, приходящий к неугомонным детям и сыплющий им песок в глаза, чтобы они уснули, — американский фольклорный вариант андерсеновского Оле-Лукойе.

нас реальность. Отчего, если не из страха перед встречей с подобными существами, крестьяне средневековой Европы запирались с приходом ночи в своих хижинах, отказываясь покидать эти не слишком надежные убежища? Почему многие из наших современников боятся ночи и темноты, если не из страха встретиться с ними во тьме? Нынче мы редко вспоминаем об этих обитателях ночи, но древний страх все еще жив, что доказывается верой в такие явления, как летающие тарелки. В наш просвещенный век говорить об оборотнях и привидениях считается ребячеством, тогда как верить в технические призраки вроде летающих тарелок — в порядке вещей.

Что мы знаем об абстрактном мышлении? Приходится признать: ничего. Насколько я понимаю, существует вероятность, что оно имеет электрическую природу, основано на некоем энергетическом обмене, поскольку физики уверяют, будто любые процессы имеют энергетическую основу. Но что мы, в сущности, знаем об электричестве или энергии? Если на то пошло, что мы знаем вообще? Известно ли нам, как устроен атом и почему он устроен именно так? Может ли кто-нибудь объяснить, как происходит то осознание себя и окружающего мира, которое

и отличает живую материю от неживой?

Говоря о процессе мышления, мы подразумеваем некую умственную деятельность и слушаем досужие измышления физиков о том, что энергетический обмен имеет к ней какое-то отношение. Но знаем мы о процессе мышления не больше, а скорее — даже меньше, чем знали об атоме древние греки. По общему признанию, честь первым выдвинуть атомистическую теорию принадлежит жившему за четыре столетия до Христа Демокриту — и это, несомненно, было колоссальным успехом познания; но Демокритовы построения чрезвычайно далеки от наших представлений об атоме, хотя и мы разбираемся в этом отнюдь не до конца. Так вот, сегодня мы рассуждаем о процессе мышления так же, как во времена Демокрита любили подискутировать об атомах греки; по крайней мере, с тою же степенью понимания. Признаться, мы всего лишь произносим слова, не объясняющие сути явления.

Кое-что мы знаем о результатах мышления. Все, чем располагает сегодня человечество, есть именно результат интеллектуальной деятельности. Но это — результат воздействия мысли на человеческое существо, который можно уподобить воздействию пара на механизм, заставляющему

двигатель заработать. Можно задаться вопросом: что происходит с паром, произведшим свою работу? Куда он девается? По-моему, столь же логично поинтересоваться, что происходит с мыслью, оказавшей уже свое воздействие, — с этим энергетическим процессом, который, как утверждают, необходим, чтобы произвести мысль.

Думаю, что знаю ответ и на этот вопрос. Я убежден, что мысль, энергия мышления, сколь бы странные формы она ни принимала, столетиями истекая из человеческих разумов, вызвала к жизни новые формы, которые со временем — и, может быть, довольно скоро — придут на смену человеческой расе.

Таким образом, следующий вид разовьется благодаря тому самому механизму — разуму, — который на сегодняшний день сделал господствующим видом человека. Именно этим путем, насколько я понимаю суть проблемы, движется эволюция.

Человек творит не только руками, но и мозгом, и, по-моему, разумом он созидает лучше, чем можно представить.

Если единичный человек вообразит себе злобную призрачную тень, таящуюся во тьме, она не воплотится от этого в реальность. Но целое племя,

с ужасом представляющее себе этот призрачный образ, уверен, может вызвать его к жизни. Изначально этого образа не существовало. Он зародился в мозгу единственного человека, испуганно скорчившегося во тьме. Он страшился, сам не зная чего, но чувствовал, что должен придать своему страху форму, — и потому вообразил ее, и рассказал о ней остальным, и те тоже мысленно представили ее себе, и представили отчетливо. Причем делали это так долго и старательно, так прониклись верой в ее существование, что мало-помалу действительно овеществили этот страх.

Эволюция идет многими путями. Она использует любую возможность. То, что прежде она ни разу не пользовалась этим способом, объясняется тем обстоятельством, что только у человека развилась способность к воображению, только он смог вызывать из небытия воображаемые существа. И не только воображением, но еще и силами и энергией, природы которых сам до сих пор не понимает и, может быть, вовек не поймет.

Я уверен, что благодаря своей способности к воображению, любви к сказкам, благодаря страху перед пространством и временем, перед смертью и темнотой, действовавшим на протяжении тысячелетий, человек создал иной мир — мир

существ, которые делят с нами Землю, существ скрытых и невидимых; однако я убежден, что они здесь, а однажды выйдут из своего тайного убежища и вступят в права наследования.

Разбросанные в мировой литературе и рассредоточенные в потоке ежедневных новостей сообщения о загадочных происшествиях слишком хорошо документированы, чтобы в каждом случае оказаться лишь иллюзией…»

6

Рукопись обрывалась на полуфразе на середине страницы, однако листков в пачке было еще много; перевернув страницу, я увидел, что следующая испещрена путаницей значков, напоминавших ноты. Начертанные рукой моего друга, они были так скученны, словно этот листок был единственным, а писавший старался использовать каждый миллиметр, чтобы втиснуть туда все наблюдения и факты. Ноты маршировали стройными фалангами, а поля были полны добавочных знаков — некоторые из них оказались столь сжаты и малы, что во многих случаях их трудно было разобрать.

Я перелистал остальные страницы — они были покрыты такими же значками.

Я сложил листки аккуратной стопкой, подколов к первому записку Филипа.

Позже, сказал я себе, надо будет прочесть эту тайнопись — прочесть и разобраться, что скрывается за загадочной головоломкой. Но сейчас я уже прочел достаточно — даже больше, чем достаточно.

Я готов был поверить, что это шутка, если бы

не знал, что это не могло оказаться розыгрышем: мой старый друг никогда не питал склонности к мистификациям. Он не испытывал потребности в подобных развлечениях. Он был преисполнен доброты и поистине исключительной эрудиции, а если уж говорил — то не расточал слов на дурацкие розыгрыши.

И снова я вспомнил его таким, каким видел в последний раз: похожим на сморщенного гнома, сидящего в глубоком кресле, которое угрожало поглотить его своей красно-желтой обивкой; вновь услышал его голос: «По-моему, нас преследуют призраки». Не сомневаюсь, в тот вечер он хотел сказать мне еще что-то, но не сказал, потому что в тот момент появился Филип и мы заговорили о другом.

И сейчас, сидя здесь, в номере прибрежного мотеля, я ощущал уверенность, что он хотел рассказать мне именно о только что прочитанном мною — как посещают нас все создания, когда-либо измысленные человеческим разумом; как этот разум, благодаря своей способности к воображению, послужил эволюционному процессу.

Конечно же, мой друг ошибался. Невозможность его умозаключений была самоочевидна. Но в глубине души я понимал, что человек такого

калибра не мог так легко впадать в заблуждения. Прежде чем предаться бумагомаранию — даже не имея на то иных причин, кроме стремления упорядочить собственные мысли, — он долго и тщательно все обдумывал. Я был уверен, что зашифрованные нотными знаками страницы содержали не единственное доказательство его гипотезы, а ее сжатое изложение, сумму аргументов и выводов. Разумеется, он мог ошибаться, и, похоже, так оно и было, однако основывался он на очевидности и логике, а потому окончательно отбросить его идею было нельзя.

Он собирался поговорить со мной, может быть — проверить на мне свою теорию. Но из-за прихода Филипа вынужден был отказаться от своего намерения. А потом было уже слишком поздно, ибо день или два спустя он погиб в автомобильной катастрофе, виновник которой так и не был найден.

Эта мысль заставила меня похолодеть от страха, подобного которому я никогда не испытывал прежде, — страха, выползавшего из какого-то иного мира, из того уголка сознания, где хранился унаследованный от множества поколений ужас — леденящий, ввергающий в окостенение, выворачивающий наизнанку ужас человека,

скорчившегося в пещере и прислушивающегося к мерзким звукам, которые производят призраки, бродящие где-то во тьме.

«Возможно ли это, — задался я вопросом, — может ли быть, что созданная человеческим воображением потусторонняя сила достигла той точки развития, такой эффективности, что способна принять любую форму, необходимую для достижения своих целей? Может ли она обернуться машиной, сокрушившей встречный автомобиль, а потом вернуться обратно в этот другой мир — или измерение, или невидимость, — откуда явилась к нам?

Неужели мой старый друг погиб из-за того, что постиг тайну этого иного мира, мира овеществленной мысли?

Неужто и гремучие змеи, удивился я. Нет, гремучие змеи — нет, уж в их-то реальности я не сомневался. Зато трицератопс, дом с окружавшими его постройками, машина возле поленницы, задней осью опертая на козлы, наконец, Снаффи Смит и его жена — может быть, они не были реальностью? Может, это и есть ответ, которого я доискивался? Неужели же все это было лишь маскарадом мысленной силы, и это она настолько одурачила меня, что заставила признать неве-

роятное, понимая при этом его невозможность; неужто это она вместо дивана в гостиной уложила меня на каменный пол кишащей змеями пещеры?

А если так — то почему? Из-за того, что эта гипотетическая мысленная сила знала о манильском конверте, надписанном рукой Филипа и ожидавшем моего появления в магазине Джорджа Дункана?

Это безумие, твердил я себе. Но таким же безумием были и пропущенный поворот, и трицератопс, и дом, возникший там, где никакого дома не было, и, наконец, гремучие змеи. Нет, не змеи — змеи были реальны. Впрочем, что такое реальность? Как можно определить, реально что-то или нет? Если мой старый друг — был прав в тот давний день, то существует ли вообще что-нибудь реальное?»

Я был потрясен глубже, чем предполагал. Листки выпали у меня из рук, но я не сделал даже попытки собрать их, а просто сидел в кресле, упершись взглядом в противоположную стену. «Если все это так, — думал я, — значит, старый и надежный мир выбит у нас из-под ног, а гоблины и привидения перестали быть просто персонажами вечерних сказок, но существуют во плоти

— ну, может быть, не во плоти, но существуют; отныне они не иллюзии. Мы называли их продуктом воображения, даже не подозревая, насколько эти слова соответствуют истине. Опять-таки, если все это правда, значит, Природа в процессе эволюции совершила длинный-длинный скачок вперед: от живой материи — к разуму, от разума — к абстрактному мышлению, а от абстрактного мышления — к форме жизни одновременно призрачной и реальной, которая, возможно, обрела уже способность выбирать между призрачностью и реальностью».

Я попытался представить себе, какой может быть эта жизнь, каковы ее радости, печали и стремления; но воображение пасовало. Против этого восставали мои плоть и кровь. Ибо если эта иная форма жизни существует — пропасть между нами слишком велика. С таким же — если не меньшим — успехом трилобит мог тщиться вообразить жизнь динозавров. Если Природа в поисках ценных для выживания свойств продолжает свое отсеивание видов — она наконец нашла живое существо (если его можно назвать живым существом), обладающее фантастически высокой жизнеспособностью, ибо в физическом мире не существует ничего, абсолютно ничего,

что могло бы ему повредить.

Я сидел, размышляя обо всем этом, и голова раскалывалась, словно под черепной коробкой перекатывался гром. Но я так ни до чего и не додумался — мысли даже не ходили кругами, а метались, как полоумный раскидай. С усилием я заставил себя оторваться от них — и тут же снова услышал журчание, смех и говорок реки, бегущей вниз во всем великолепии своего волшебства.

Нужно было перенести багаж из машины в номер и распаковать его; меня ждали рыбалка и каноэ у причала, а большой окунь таился где-то в тростниках или под плавающими на поверхности листьями водяных лилий. А потом, когда я немного обживусь, меня ждет книга, которую надо еще написать.

А кроме того, вспомнил я, вечером предстоят школьный праздник и благотворительная распродажа корзиночек. И я должен там быть.

7

Стоило мне шагнуть в школьную дверь, как меня сразу же заметила Линда Бейли; похожая на важничающую курицу, она суетливо засеменила мне навстречу. Линда принадлежала к числу тех, кого я помнил, — впрочем, забыть ее было невозможно. Вместе с мужем и целым выводком чумазых детей она жила на соседней ферме, и нескольких дней не могло пройти без того, чтобы она не притащилась к нам по ведущей через поля дороге — занять чашку сахара, кусочек масла или что-нибудь еще, чего у нее постоянно не оказывалось и что она впоследствии неизменно забывала вернуть. В этой крупной, костлявой женщине было что-то лошадиное, и если она и состарилась, то, на мой взгляд, совсем немного.

— Хорас Смит! — протрубила она. — Маленький Хорас Смит! Я узнала бы вас где угодно!

Она успела облапить меня и гулко шлепнула по спине, пока я ошеломленно пытался вспомнить, какие же узы дружбы между нашими семьями оправдывают столь пылкое приветствие.

— Вот вы и вернулись! — пролаяла она. — Вы не могли не вернуться! Если уж Пайлот-Ноб вошел

вам в кровь, вы не можете не вернуться. После всех этих мест, где побывали. После всех этих языческих стран. Вы были в Риме, не так ли?

— Я действительно пожил в Риме. Но это не языческая страна.

— Пурпурный ирис, что растет у меня возле свинарника, — объявила она, — из сада самого Папы. Но на вид он не слишком хорош. Я видывала ирисы и получше — куда получше. Я бы давно уже выкопала и вышвырнула свой ирис, но храню в память о том месте, откуда он ко мне попал. Не у всякого, скажу я вам, растет ирис из сада самого Папы. Не то чтобы я считалась с Папой и со всеми этими глупостями, но все-таки этот ирис — что-то вроде знака отличия, как по-вашему?

— Еще какого, — согласился я.

— Ради всего святого, — она ухватила меня за руку, — пойдемте сядем. У нас найдется о чем поговорить. — Она подтащила меня к ряду стульев, и мы уселись. — Вы говорите, что Рим не языческая страна, но ведь вы и в языческих бывали. Как насчет русских? Вы провели много времени в России?

— Не знаю, — отозвался я. — Некоторые русские продолжают верить в Бога. Это правительство…

— Вот тебе и раз! — воскликнула она. — Вы

говорите так, будто вам нравятся русские.

— Некоторые из них.

— Я слышала, что вы побывали в Лоунсэм-Холлоу, а по дороге оттуда проехали сегодня утром мимо фермы Уильямса. Что вас туда занесло?

«Существует ли хоть что-нибудь, чего она не знает, — подумал я, — такое, чего не знает весь Пайлот-Ноб? Любая новость, всякая сплетня, каждое предположение мгновенно облетало общину — куда там племенным барабанам или даже радио!»

— Случайно свернул с дороги, — ответил я, лишь чуть-чуть покривив душой. — Мальчишкой я осенью охотился там на белок.

Линда Бейли подозрительно посмотрела на меня, но не стала больше расспрашивать, почему я оказался в тех местах.

— Может, при свете дня там и все в порядке, — заявила она. — Но ни за какие деньги я не осталась бы там после заката. — Она доверительно наклонилась ко мне, и ее лающий голос перешел в хриплый шепот. — Там логово собачьей своры — если их можно назвать собаками. Они носятся по холмам, лают, воют, а когда они проносятся мимо, вместе с ними прилетает холодный ветер. Такой, что замораживает душу…

— Вы слышали этих собак? — поинтересовался я.

— Слышала их? Много ночей слушала я, как они воют на холмах, но никогда не была к ним так близко, чтобы почувствовать этот ветер. Нетти Кемпбелл рассказывала мне. Вы помните Нетти Кемпбелл?

Я покачал головой.

— Конечно, вы и не можете помнить. До того, как выйти замуж за Кемпбелла, она звалась Нетти Грэхем. Они жили возле Лоунсэм-Холлоу, в самом конце дороги. А теперь их дом пустует. Они бросили его и уехали. Их выжили собаки. Может, вы его видели — их дом, я имею в виду.

Я кивнул, хотя и не слишком уверенно, поскольку дома не видел, а только слышал о нем прошлой ночью от Ловизии Смит.

— Странные дела творятся в этих холмах, — продолжала тем временем Линда Бейли. — Нормальному человеку в такое в жизни не поверить. Все из-за того, сдается, что места там дикие. В других местах все сплошь заселено — ни деревца не осталось, одни поля. А там все еще дикие места. И думаю, всегда такими останутся.

Школьный зал начал понемногу заполняться людьми; я заметил пробиравшегося ко мне

Джорджа Дункана и поднялся навстречу ему, протягивая руку.

— Слышал, вы уже устроились, — проговорил он. — Я так и знал, что вам там понравится. Я позвонил Стритеру и попросил позаботиться о вас. А он сказал, что вы отправились на рыбалку. Поймали что-нибудь?

— Несколько окуней. Сперва надо получше познакомиться с рекой, а вот тогда…

— По-моему, они сейчас начнут. Так что позже увидимся. Кстати, здесь немало тех, кто хотел бы поприветствовать вас.

И действительно, вскоре начался концерт. Дети пели песенки под аккомпанемент старой, разбитой и расстроенной фисгармонии, за которой сидела учительница, Кэти Адамс, декламировали стихи, а группа восьмиклассников даже разыграла маленькую пьеску — собственного, как гордо объявила мисс Адамс, сочинения.

Невзирая на неизбежные накладки, все это было очаровательно, и мне вспомнились годы, когда я ходил в школу — в это же самое старое здание — и принимал участие в точно таких же вечерах. Я попытался припомнить имена своих учителей, но лишь к концу программы вспомнил одну из них, мисс Стайн — странную, угловатую,

капризную женщину с пышными рыжими волосами, легко расстраивавшуюся из-за наших вечных проказ. Интересно, где она может быть сейчас и как обошлась с нею жизнь? Я от души надеялся, что лучше, чем обходились с нею в мое время многие ученики…

Линда Бейли потянула меня за руку и громко прошептала:

— Хорошие дети, правда?

Я кивнул.

— И мисс Адамс хорошая учительница, — все так же шепотом продолжала Линда Бейли. — Боюсь, она не задержится здесь надолго. Такая маленькая школа, как у нас, не может рассчитывать на хороших учителей.

Концерт подошел к концу, и Джордж Дункан протолкался ко мне, взял на буксир и потащил представлять. Кое-кого из тех, к кому он меня подводил, я помнил, других — нет, но все они, казалось, никогда меня не забывали, и я делал вид, что тоже.

Когда процедура была в самом разгаре, мисс Адамс взобралась на небольшое возвышение в передней части зала и позвала Дункана.

— Вы забыли, притворяетесь, что забыли, или хотите избавиться? Но ведь вы обещали быть

сегодня нашим аукционером!

Джордж запротестовал, но я видел, что ему приятно. С первого взгляда было понятно, что в Пайлот-Нобе он — важная персона. Владелец магазина, почтмейстер, член школьного совета, он мог выполнять и многие другие маленькие гражданские обязанности — быть аукционером на благотворительной распродаже корзиночек, например. Он был тем, к кому жители Пайлот-Ноба всегда обращались, как только возникала необходимость.

Поднявшись на помост, он повернулся к столу, на котором было расставлено множество декоративных корзиночек и шкатулок, и поднял одну из них так, чтобы все могли получше рассмотреть. Но прежде чем открыть распродажу, он произнес маленькую речь.

— Все вы знаете, — начал он, — ради чего мы это устраиваем. Деньги, вырученные за корзиночки, пойдут на приобретение новых книг для школьной библиотеки, так что вы можете быть удовлетворены, зная, что потраченное вами будет израсходовано на доброе дело. Вы не просто приобретете корзиночку и право пообедать с леди, карточку с именем которой найдете внутри; вместе с тем вы исполните и свой почетный

гражданский долг. И потому, друзья, я призываю вас тряхнуть кошельками и потратить часть денег, осевших у вас в карманах. — Он поднял корзиночку повыше. — Вот как раз одна из таких, и я рад предложить ее вам. Поверьте, друзья, она весьма увесиста. В ней скрыто немало отменных кушаний, а уж о том, как она украшена, я и не говорю. Леди, потрудившаяся над ней, уделяла равное внимание тому, что лежит внутри, и тому, как это смотрится снаружи. Может быть, вам любопытно будет узнать, что я, кажется, чую запах отлично зажаренной курицы. Итак, — спросил он, — что вы мне предложите?

— Доллар, — сказал кто-то, и кто-то немедленно предложил два, а из глубины зала уже слышалось:

— Два с половиной!

— Два доллара пятьдесят центов, — с обиженным видом сказал Дункан. — Неужели вы, ребята, остановитесь на двух с полтиной? Вы не находите, что это слишком дешево? Итак, услышу ли я?..

Кто-то предложил три доллара, а Дункан выбил сперва еще полтинник, потом добавил к ним четвертак — и так догнал цену до четырех семидесяти пяти, после чего объявил корзиночку

проданной.

Я посмотрел на собравшихся в зале. Это были дружелюбные люди, они проводили вечер в обществе соседей и при этом чувствовали себя превосходно. Сейчас они полностью сосредоточились на распродаже, но попозже настанет время для разговоров, причем можно поручиться, что серьезных тем будет немного. Обсудят виды на урожай; поболтают о рыбалке; о новой дороге — неиссякаемом предмете для дискуссий вот уже добрых два десятка лет, причем дальше слов так пока и не пошло; посудачат о последнем скандале — ведь всегда найдется хоть какой-нибудь скандал, пусть даже самого невинного свойства; обменяются впечатлениями от воскресной проповеди или перемоют косточки недавно почившего и всеми любимого джентльмена. Наговорившись всласть, они разойдутся по домам, где в этот теплый весенний вечер им предстоит столкнуться с массой повседневных домашних забот, но никому из них не придется ломать голову над проблемами всеобщими или государственными.

И это замечательно, сказал я себе, — оказаться в таком местечке, где никто не ощущает гнета подавляющих, мрачных тревог.

Я почувствовал, как кто-то тянет меня за рукав, и, обернувшись, увидел Линду Бейли.

— Вы должны купить вон ту корзиночку, — сказала она. — Ее сделала дочь проповедника. Очень хорошенькая. Вам будет приятно с ней познакомиться.

— Откуда вы знаете, что это именно ее корзиночка?

— Знаю и все, — заявила она. — Покупайте.

Начальная цена составляла три доллара. Я накинул полтинник, но кто-то из задних рядов немедленно предложил четыре. Взглянув в ту сторону, я увидел троицу молодых людей, стоявших привалясь к стене; на вид им было лет по двадцать. Все трое уставились на меня, и в их взглядах мне почудилась злобная насмешка. И тут же меня снова дернули за рукав.

— Покупайте, — настаивала Линда Бейли. — Двое из них — парни Болларда, а третий — Уильямса. Жутко стоеросовые. Если хоть один из них купит ее корзинку, Нэнси умрет на месте.

— Четыре пятьдесят, — не задумываясь, выпалил я, а Джордж Дункан повторил с помоста:

— Итак, у нас четыре пятьдесят! Даст ли кто-нибудь пять? — Он повернулся к подпиравшей стенку троице, и один из них немедленно пред-

ложил пятерку.

— Теперь мы имеем пять, — заливался Джордж. — Предложит ли кто-нибудь шесть?

Он посмотрел на меня, но я покачал головой, и корзиночка ушла за пятерку.

— Почему вы так поступили? — возмутилась Линда Бейли своим смахивающим на ржание шепотом. — Вы могли продолжать торг!

— Честное слово, я приехал сюда не для того, чтобы в первый же вечер помешать какому-то мальчишке купить приглянувшуюся ему корзиночку. А вдруг здесь замешана девушка? Она могла сказать, как узнать ее корзинку.

— Но Нэнси — не его девушка, — заявила Линда Бейли, сразу разочаровавшись во мне. — У нее вообще нет парня. Она будет обижена.

— Вы сказали, что это Болларды. Не те ли, что поселились на бывшей нашей ферме?

— Они и есть. Старики у них неплохие. Но два их парня! Ужасные дети! Все девушки их боятся. Ходят на танцы, сквернословят и вечно навеселе.

Я взглянул в другой конец зала: троица по-прежнему наблюдала за мной, и у всех на лицах был написан триумф. В городе я был пришельцем, и они посмеялись надо мной, перебив покупку.

Глупость, разумеется, самоочевидная, однако в таких городишках маленьким победам и поражениям — за неимением больших — придают преувеличенное значение.

«Боже, — подумал я, — ну зачем было встречаться с этой женщиной? Появление Линды Бейли всегда предвещало неприятности, и с тех пор она ничуть не переменилась. Вечно лезет не в свое дело, а это не приводит к добру».

Корзиночки быстро распродавались, оставалось уже совсем немного. Джордж устал, и торговля шла вяло. Я подумал, что, может быть, следует все же купить какую-нибудь — дабы продемонстрировать, что я здесь не пришелец, что я вернулся в Пайлот-Ноб и собираюсь пожить здесь.

Я огляделся по сторонам, но Линды Бейли нигде не обнаружил. Скорее всего, она ушла, разочаровавшись во мне. При мысли о ней я ощутил легкое раздражение. Какое она имела право требовать, чтобы я защищал дочку священника, какую-то неизвестную мне Нэнси, от невинных, скорее всего, — или, по крайней мере, бесплодных — замыслов неуклюжих деревенских парней?

Оставалось только три корзинки, и Джордж взял одну из них — маленькую и без всяких

украшений. Подняв ее, Дункан завел свою аукционерскую песенку.

Прозвучало два или три предложения, кто-то дал три с полтиной; я поднял цену до четырех.

От задней стены кто-то выкрикнул: «Пять!»; я посмотрел в том направлении — все трое по-прежнему были там и скалились, глядя на меня; сроду не видывал таких гнусных и злобных шутовских ухмылок.

— Шесть, — сказал я.

— Семь, — бросил средний в этом трио.

— У нас уже есть семь, — объявил Джордж, несколько озадаченный, поскольку это была самая высокая цена за весь вечер. — Услышу ли я семь пятьдесят? Или кто-нибудь даст восемь?

Какое-то мгновение я колебался. Я был уверен, что первые предложения исходили не от этой троицы. Они вступили в торг после меня. Им хотелось поиздеваться, и все присутствующие понимали это.

— Восемь? — спросил Джордж, глядя на меня в упор. — Услышу ли я восемь?

— Не восемь, — ответил я. — Десять!

Джордж сглотнул.

— Десять! — воскликнул он. — Услышу ли я одиннадцать?

Он бросил взгляд на троицу у стены. Те ответили лишь свирепыми взглядами.

— Одиннадцать, — сказал Джордж. — Она стоит одиннадцать. Неужели никто не поднимет еще на доллар? Услышу ли я одиннадцать?

Одиннадцати он не услышал.

Заплатив деньги и получив свое приобретение, я взглянул туда, где подпирала стенку троица парней. Их там уже не было.

Встав в сторонке, я открыл корзиночку и на лежащем сверху листке бумаги прочитал имя дамы, которую предстояло сопровождать на обед: Кэти Адамс.

8

В холодном и влажном вечернем воздухе ощущался легкий аромат первой сирени — отдаленный намек на благоухание, которое неделей позже тяжелыми волнами накатит на улицы этого маленького городка. Налетавший с реки ветер раскачивал фонари на перекрестках, заставляя метаться по земле отбрасываемые ими пятна света.

— Я рада, что все кончилось, — сказала Кэти Адамс. — Я имею в виду школьный вечер; да и учебный год тоже. Однако в сентябре я вернусь.

Я взглянул на шедшую рядом девушку, и она показалась мне совсем другой, вовсе не похожей на особу, встреченную утром в магазине. Она сотворила что-то с волосами, и учительская внешность куда-то пропала — так же бесследно, как исчезли с ее лица очки. «Защитная окраска, — подумал я, — она напускала на себя строгий вид, чтобы выглядеть так, как надлежит учительнице, чтобы соответствовать представлениям общины. Позорище, — сказал я себе, — поди догадайся, что под учительской личиной кроется прелестная девушка!»

— Вернетесь? — переспросил я. — А где же вы собираетесь провести лето?

— В Геттисберге.

— В Геттисберге?

— Да, в Геттисберге, в Пенсильвании[8]. Я оттуда родом, и там живут все мои родственники. Я каждое лето возвращаюсь туда.

— Я побывал там несколько дней назад — останавливался по пути сюда. Целых два дня бродил по полю сражения, пытаясь представить, как все это выглядело сто с лишним лет назад.

— А раньше вы там никогда не бывали?

— Как-то раз, много лет назад, когда начинающим репортером отправился попытать счастья в Вашингтон. Была автобусная экскурсия в Геттисберг — признаться, меня она не слишком удовлетворила. Мне всегда хотелось побывать там в одиночку, располагать временем по собственному усмотрению, рассматривать все, что захочу, заглядывать во все уголки или просто

---

[8] Примечания: 8

Геттисберг — город, в окрестностях которого 1–3 июля 1863 года состоялось хотя и не решающее в военно-стратегическом отношении, однако самое кровавое и памятное сражение Гражданской войны (1861–1865). В сознании американцев оно является одновременно символом и кровавой бойни, и бессмысленности братоубийственной гражданской войны, и общенародного единства — так, словно пролитая там кровь северян и южан сцементировала нацию. По ходу развития сюжета вам еще придется столкнуться с битвой при Геттисберге.

стоять и смотреть — сколько душе угодно.

— На этот раз вам это удалось?

— Да, провел два дня в прошлом. И пытался представить себе все, как было.

— Конечно, мы жили с этим так долго, что для нас оно стало обыденностью. Мы гордимся историей, чтим память этой битвы и глубоко ею интересуемся, однако меньше, чем туристы, естественно. Они приезжают, свежие и преисполненные энтузиазма, и видят все другими глазами, нежели мы.

— Может, вы и правы, — сказал я, думая на самом деле совсем иначе.

— Зато Вашингтон, — проговорила она, — вот место, которое я люблю. Особенно Белый Дом. Он очаровывает меня. Я могу часами стоять возле металлической решетки и просто рассматривать его.

— И вы, — заметил я, — и миллионы других. Там, возле решетки, всегда полно народу — стоят, прохаживаются, переходят с места на место и рассматривают.

— И еще мне нравятся белочки, — сказала она. — Я люблю этих нахальных белок Белого Дома, что подходят к самой решетке, клянчат, временами даже выскакивают на тротуар и

снуют вокруг ваших ног, шныряют туда-сюда, а потом садятся, поджав лапки к груди, и смотрят на вас крохотными блестящими глазками.

— Что ж, — рассмеялся я, тоже вспомнив белок. — Они своего добились.

— Можно подумать, вы им завидуете.

— Почему бы и нет? Насколько я могу себе представить, у этих белок прекрасная и бесхитростная жизнь, тогда как жизнь человеческая настолько усложнилась, что никогда уже не будет простой. Мы все ужасно запутали. Может, мы и живем не хуже, чем прежде, но лучше наша жизнь не становится. А возможно, все-таки делается хуже.

— Об этом вы и хотите написать в своей книге?

Я удивленно взглянул на нее.

— О, — сказала она, — всякий знает, что вы приехали сюда писать книгу. Они попросту догадались, или же вы сказали кому-нибудь?

— Вероятно, я сказал Джорджу.

— Этого достаточно. Все, что вам надо было сделать, — это упомянуть о книге в разговоре хоть с одним человеком. Не пройдет и трех часов, как всякому в городе станет известно, что именно вы сказали. Завтра к полудню весь Пайлот-Ноб будет знать, что вы проводили меня домой и заплатили

за мою корзиночку десять долларов. Кстати, что заставило вас так поступить?

— Во всяком случае, не стремление выделиться — хотя кое-кто, к сожалению, может подумать именно так. Скорее всего, я и не сделал бы этого, если бы не три парня у стены…

— Понимаю, кого вы имеете в виду, — кивнула она. — Двое ребят Болларда и отпрыск Уильямса. Но вам не следовало обращать на них внимания. Вы просто оказались для них подходящей мишенью — приезжий, из большого города… Они лишь хотели показать вам…

— Ну, и я им показал. И, пожалуй, с моей стороны это было не меньшим ребячеством, чем с их. Только мне это еще непростительнее — я должен был бы лучше понимать…

— Надолго собираетесь здесь обосноваться?

— Думаю, что встречу вас тут, когда вы вернетесь в сентябре, — улыбнулся я.

— Я не это имела в виду.

— Знаю. Но книга потребует уйму времени. Я не собираюсь работать второпях. Хочу использовать время лучшим образом, на какой способен. В том числе и для рыбалки — я мечтал о ней все эти годы. Может, поохочусь немного осенью. Кажется, здесь должно быть неплохое место для

утиной охоты.

— По-моему, да, — согласилась она. — Многие здесь каждую осень охотятся на уток, неделями ни о чем другом и не говорят, когда начинается перелет.

Я знал, что так и должно было быть. В том-то и заключаются весь соблазн и вся притягательность мест, подобных Пайлот-Нобу, — в успокоительном ощущении, что вы знаете мысли окружающих и всегда можете присоединиться к их беседам, посидеть вокруг жарко натопленной печки в магазине, потолковать об осеннем перелете или клеве в Прокторс-Слау, или о том, каким благом для всходов оказался последний дождь, или, наконец, обсудить, как полег овес и ячмень в результате разразившейся прошлой ночью ужасной бури. Там, возле печки, стоял среди прочих и стул моего отца — место, занимать которое было лишь его правом и привилегией. И сейчас, проходя по улицам, купающимся в легком аромате сирени, я размышлял, найдется ли там стул для меня.

— Вот мы и пришли, — сказала Кэти, сворачивая на тропку, ведшую к большому, белому двухэтажному дому, окруженному кустарником и деревьями. Я остановился и присмотрелся,

пытаясь вспомнить это место.

— Дом Форсайта, — подсказала Кэти. — Банкира Форсайта. Я живу тут вот уже три года — с тех пор, как начала преподавать в здешней школе.

— Но банкир…

— Да, его уже нет в живых. Он умер лет десять тому назад, если я правильно понимаю. Но его вдова по-прежнему живет здесь. Она теперь уже совсем-совсем старая, полуслепая и ходит с палочкой. Говорят, ей было слишком одиноко — одной в огромном доме; вот она и взяла меня к себе.

— Когда вы уезжаете?

— Через день-другой. Особенно торопиться некуда. Все лето мне будет нечего делать. В прошлом году я преподавала в летней школе, но больше не хочу этого делать.

— Смогу я еще увидеть вас до отъезда? — По какой-то причине, докапываться до сути которой мне было совсем ни к чему, я хотел еще раз встретиться с мисс Ада мс.

— Ну, я не знаю… Я буду занята…

— Завтра вечером, например. Давайте поужинаем вместе, прошу вас. Отправимся куда-нибудь, где можно хорошо выпить и закусить.

— Это может оказаться забавным.

— Я заеду за вами. В семь — это не слишком

рано?

— В самый раз, — сказала она. — И спасибо, что проводили.

Это было прощание, но я колебался.

— Вы сможете войти? — глуповато спросил я. — Ключ у вас есть?

— Ключ у меня есть, но не понадобится, — рассмеялась Кэти. — Она дожидается меня и сейчас наблюдает за нами.

— Она?

— Миссис Форсайт, разумеется. Как ни плохо она видит, но знает обо всем, что происходит, и неусыпно меня блюдет. Пока она рядом, со мной ничего не может случиться.

Это было забавно, но вместе с тем я ощутил легкое раздражение. Забыл, совсем забыл, что невозможно пойти куда-нибудь или что-нибудь сделать без того, чтобы об этом сразу же не узнал весь Пайлот-Ноб.

— Значит, завтра вечером, — стесненно сказал я, ощущая на себе бдительный взгляд из окна.

Я стоял и смотрел, как Кэти поднимается по ступенькам на увитое виноградом крыльцо, — не успела она протянуть руки к двери, как та распахнулась ей навстречу, выплеснув наружу поток света. Миссис Форсайт и впрямь была начеку.

Я повернулся и через калитку вышел на улицу. Луна поднялась над громадным утесом на востоке — тем самым Лоцманским Холмом, что в славные дни пароходов служил ориентиром речным лоцманам и от которого и получил свое название городок[9]. Пробиваясь сквозь ветви росших вдоль улицы вязов, лунный свет образовывал на тротуаре сложный рисунок. Воздух благоухал росшей во дворах сиренью.

Обогнув угол школьного здания, я свернул на дорогу, ведущую к реке. Поселок здесь кончался, а деревья, взбираясь на высокий и крутой береговой склон, становились все гуще, заслоняя свет луны.

В этой глубокой тени я успел сделать лишь несколько шагов, когда они набросились на меня. Признаться, это оказалось для меня полнейшей неожиданностью. Кто-то кинулся мне под ноги, а когда я упал, перелетев через него, другой нанес удар по ребрам. Перекатившись по земле, я уже собрался было вскочить на ноги, как услышал звук шагов, а поднявшись на колени, заметил

---

[9] Примечания: 9

Хортон Смит подразумевает здесь то воспетое Марком Твеном время, когда пароходы служили основным транспортным средством, а реки — основными дорогами страны. Впоследствии развитие железных, а потом и автомобильных дорог отправило речную навигацию в отставку. А Пайлот-Ноб по-английски и означает Лоцманский Холм.

перед собой смутные очертания человеческой фигуры и почувствовал — не увидел, а именно почувствовал — что сейчас меня ударят ногой. Я успел повернуться, и нога, вместо того, чтобы ударить меня в грудь, куда была нацелена, скользнула по руке.

Я знал, что нападающих было несколько, и понимал, что если останусь на земле — они примутся избивать меня ногами. Поэтому, собравшись с силами, я все же поднялся на ноги, хотя и чувствовал головокружение. Я сделал шаг назад, стараясь принять более устойчивое положение, ощутил спиной что-то твердое и понял, что прислонился к дереву.

Их было трое — три тени во тьме, казавшиеся чернее окружающего мрака.

«Та троица, — сообразил я, — что подпирала стенку на вечере, те, кто издевался надо мной, потому что я чужак и легкая добыча. Они поджидали меня здесь в засаде, пока я провожал Кэти домой».

— Ладно, маленькие ублюдки, — сказал я, — подходите и получайте.

И они подошли — все трое. Если бы у меня хватило ума промолчать, они, может, и не напали бы, но насмешка разозлила их.

Мне только раз удалось ударить как следует. Я врезал кулаком по физиономии тому, что был в центре. Удар был что надо — сокрушительный и стремительный. Раздался звук, с каким отточенный топор врубается в мерзлое дерево.

Затем на меня со всех сторон обрушились удары, я упал, и тогда они прекратили молотить кулаками и пустили в ход ноги. Чтобы получше защититься, я свернулся клубком и перекатывался — или, вернее, пытался перекатываться — как мяч. Так продолжалось некоторое время, и, похоже, у меня закружилась голова, а может быть, я ненадолго потерял сознание.

Придя в себя, я обнаружил, что сижу на дороге в полном одиночестве. Вернее — один на один со всеобъемлющей тупой болью, которая в отдельных местах была очень даже острой. Я поднялся на ноги и побрел по дороге, поначалу пошатываясь от головокружения, но постепенно приспособился и под конец смог прилично держать курс.

Добравшись до мотеля, я прошел к себе в номер и прямиком направился в ванную. Зрелище было не из приятных. Один глаз распух, и вокруг него начал наливаться синяк. Лицо было в крови от множества царапин и ссадин. Я осторожно смыл

кровь и осмотрел их — ничего серьезного. Зато уж глаз, по крайней мере, несколько дней будет хорош!

Больше всего пострадало мое чувство собственного достоинства. Вернуться в родной город чуть ли не знаменитостью, человеком, которого видят по телевизору и слушают по радио, — и в первый же вечер оказаться избитым шайкой деревенских хулиганов из-за того, что не дал им купить корзиночку учительницы…

«Боже, — подумал я, — если об этой истории пронюхают в Нью-Йорке или Вашингтоне, мне придется выслушивать ее без конца».

Я обследовал себя, но не обнаружил ничего серьезнее, чем несколько ушибов. День-другой поболят — и все. Ближайшие несколько дней мне придется усердно предаваться рыбалке — сидеть на реке, где меня никто не увидит, по крайней мере, до тех пор, пока не рассосется синяк вокруг глаза. Хотя сохранить этот случай в тайне от обитателей Пайлот-Ноба, разумеется, не удастся. Да, а как же завтрашнее свидание с Кэти?

Я вышел наружу, чтобы напоследок полюбоваться ночью. Луна стояла уже высоко над Лоцманским Холмом. Легкий бриз пошевеливал ветки деревьев, шелестел листвой, и вдруг до

меня донесся еле слышный звук — отдаленный лай множества собак.

Он был едва-едва различим — намек на звук, принесенный порывом ветра, — однако вскоре повторился. Я замер, напряженно вслушиваясь и вспоминая, что говорила Линда Бейли о своре оборотней, носящихся по холмам в Лоунсэм-Холлоу.

Звук долетел опять — дикий, завораживающий, леденящий сердце вой стаи, загоняющей добычу. Затем ветер стих, и его не стало слышно.

9

День выдался прекрасный. И не из-за улова — поймать мне удалось лишь несколько окуней; зато как хорошо было сидеть на реке, пользуясь случаем возобновить с нею знакомство, и вспоминать эпизоды полузабытого детства. Миссис Стритер завернула мне походный завтрак, расспрашивая попутно о синяке под глазом, однако мне удалось уклониться от ответа. Я сбежал на реку и оставался там весь день. Я не только рыбачил, — но и знакомился с речным миром, заводя каноэ в заросшие заводи, маленькие извилистые протоки, осматривая парочку попавшихся по дороге островов. Я уверял себя, что вынюхиваю подходящие места для рыбалки, но на самом деле занятие мое было куда более важным. Я исследовал водное пространство, о котором мечтал долгие годы, постигая его настроение и состояние, стараясь вжиться в этот странный мир бегущей воды, лесистых островков, голых перемещающихся отмелей и заросших берегов.

И вот теперь, когда уже стемнело, я направлялся к мотелю, придерживаясь берега и борясь с течением неуклюжими взмахами весла.

До причала оставалось несколько сотен ярдов, когда я услышал, что кто-то окликает меня по имени — шепотом, отчетливо разносившимся над водой.

Я поднял весло и принялся оглядываться в поисках источника звука. Течение сразу же стало медленно сносить каноэ.

— Сюда, — раздался шепот, и у входа в крохотную заводь мне удалось разглядеть белое пятно. Несколькими движениями весла я загнал каноэ в заводь и увидел Кэти Адамс, стоявшую на бревне, половина которого лежала на берегу, тогда как другая была погружена в воду. Я подвел каноэ к самому бревну.

— Прыгайте! Я вас покатаю.

Она пристально рассматривала меня.

— Глаз!

— Была небольшая неприятность, — улыбнулся я.

— Я слышала, что вы побывали в переделке. И думаю, что неприятности у вас как раз теперь.

— Этого мне всегда хватает, — откликнулся я. — Причем на любой вкус.

— На этот раз я имею в виду настоящие неприятности. Они думают, что вы убили человека.

— Я легко могу доказать…

— Джастина Болларда, — перебила она. — Его тело обнаружили около часу назад. Вы дрались с ним ночью?

— Наверное, — кивнул я. — Было темно. Их было трое, но разглядеть я никого не мог. Я ударил только одного из них — он мог оказаться и парнем Болларда. Остальные двое отделали меня.

— Ночью вы дрались с Джастином Боллардом. И двумя остальными из этой троицы. Они сами болтали об этом в городе нынче утром, причем у Болларда физиономия была расквашена.

— Значит, мне нечего бояться. Я весь день пробыл на реке…

И тут слова у меня иссякли. Я ничем не мог доказать, что действительно проторчал на реке весь день. Я не заметил вокруг ни души, и меня, по всей видимости, тоже никто не видел.

— Не понимаю, — сказал я.

— Все утро они болтались по городу, хвастались, говорили, что выследили вас и доведут дело до конца. Потом кто-то нашел труп Джастина, а двое других бесследно исчезли.

— Не думают же они, будто я прикончил всех троих?

Кэти покачала головой.

— Не знаю, что они думают. Городок в шоке.

Некоторые хотели отправиться сюда и разыскать вас, но Джордж Дункан их отговорил. Он убеждал, что нельзя учинять самосуд. Твердил, что нет никаких указывающих на вас улик. Однако все считают, что это ваших рук дело. Джордж позвонил в мотель, и ему сказали, что вы на рыбалке. Он уговаривал всех и каждого подождать и вызвать шерифа. Доказывал, что этим должен заниматься только шериф.

— А вы? — спросил я. — Вы пришли предостеречь меня…

— Вы купили мою корзиночку, проводили меня до дома и назначили мне свидание. Вот мне и кажется, что я должна быть на вашей стороне. Не хочу, чтобы они застали вас врасплох.

— Мне очень жаль, но свидание, боюсь, придется отложить до лучших времен.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Не знаю, — сказал я. — Сперва надо все обдумать…

— У вас не слишком много времени.

— Знаю. Полагаю, мне остается только подгрести, сесть и дожидаться их.

— Но они могут и не дождаться шерифа, — предупредила Кэти.

— Мне нужно взять кое-что у себя в номере, —

покачал я головой. — Во всем этом есть нечто странное.

Воистину странное! Сперва гремучие змеи, а теперь, меньше чем через двадцать часов, труп этого парня. И был ли этот деревенский хулиган убит? И был ли убит вообще кто-нибудь?

— Вам нельзя соваться туда сейчас, — проговорила она. — Вы должны оставаться здесь и дождаться появления шерифа. Потому я и пришла предупредить вас. Если вам необходимо забрать что-то из номера, я могу сделать это за вас.

— Нет, — сказал я.

— В мотеле есть задняя дверь, она выходит в патио, а туда можно попасть с реки. Вы не знаете, она открыта?

— Полагаю, да.

— Я могла бы проскользнуть там и…

— Кэти, я не могу…

— Вам нельзя туда. По крайней мере, сейчас.

— Вы думаете, что могли бы пробраться в номер?

— Уверена, что смогу.

— Большой манильский конверт, — сказал я, — с вашингтонским штемпелем и пачкой листков внутри. Возьмите конверт и уходите. Держитесь подальше от этого дела и не заглядывайте

в конверт.

— А что там?

— Ничего преступного, — сказал я. — Ничего незаконного. Просто информация, до которой никто не должен добраться.

— Это важно?

— Думаю, что важно, но не хочу втягивать вас. Это было бы…

— Я уже втянута, — заявила Кэти. — Ведь я предупредила вас, хотя вряд ли это такой уж законопослушный поступок. Но не могла же я позволить им схватить вас. Возвращайтесь на реку и оставайтесь там…

— Кэти, — сказал я. — Я должен сказать вам кое-что, даже если это вас шокирует. Если вы уверены, что хотите попытать счастья с этим конвертом…

— Я сделаю, — пообещала она. — Если вы сами попытаетесь, вас могут заметить. На меня же никто не обратит внимания.

— Хорошо, — сказал я, презирая себя за то, что позволяю ей выполнить эту грязную работу. — Я не просто собираюсь переждать на реке. Я предполагаю удрать — и побыстрее. Не потому, что я кого-то убил, а совсем по другой причине. Честнее всего, наверное, было бы сдаться властям, однако

я, к сожалению, обнаруживаю в себе задатки труса. Сдаться я могу всегда — и, может быть, со временем так и сделаю.

Кэти взглянула на меня — с испугом, за который я не взялся бы ее порицать. И, вероятно, с несколько меньшим уважением, чем вначале.

— Если вы собираетесь бежать, — сказала она, — вам лучше отправиться прямо сейчас.

— Еще одно, — проговорил я.

— Да?

— Если вам удастся забрать конверт, не заглядывайте в него. Не читайте.

— Ничего не понимаю.

— А я не понимаю, зачем вы взялись предупреждать меня.

— Я вам уже объяснила. По крайней мере, могли бы сказать спасибо.

— Разумеется, — сказал я.

Она начала взбираться на берег.

— Счастливого пути, — пожелала она. — Конверт ваш я заберу.

10

С наступлением ночи исчезла необходимость пробираться под прикрытием берега — теперь я мог выгрести на стрежень, где течение должно было мне помочь. Вниз по течению располагались два города, но оба лежали на противоположном берегу, отделенные от реки широкой полосой болотистой низины; над водой я мог видеть их огни.

Я беспокоился за Кэти. У меня не было ни малейшего права пользоваться ее помощью, и, позволив ей впутаться в эту очень грязную историю, я теперь чувствовал себя изрядным подлецом. Но она пришла предупредить меня, сделалась моей союзницей — и единственным человеком, оказавшимся под рукой. Больше того, она, похоже, оказалась единственной, кому я мог доверять. Все шансы за то, успокаивал я себя, что Кэти успешно справится с этим делом; а мне казалось важным, необычайно важным, чтобы конверт не попал в руки тех, кто мог предать его содержимое гласности.

Надо было как можно скорее связаться с Филипом и предупредить его о том, что происходит.

Вдвоем мы могли сообразить, что лучше предпринять. Я хотел, чтобы между мной и Пайлот-Нобом пролегло как можно большее расстояние — достаточное, чтобы телефонный звонок не вызвал подозрений.

И я это расстояние увеличивал. Течение и само по себе было быстрым, а я еще и помогал ему, без устали орудуя веслом.

Каноэ удалялось от Пайлот-Ноба, а я тем временем продолжал размышлять о событиях прошлой ночи и обнаружении трупа Джастина Болларда. И чем больше я думал об этом, тем больше убеждался, что Боллард отнюдь не мертв. У меня не было сомнений в том, что ночью на меня напала та самая троица, которая подпирала стенку на школьном вечере. Они похвалялись заданной мне трепкой, а потом исчезли — но куда и как? Однако, куда бы и как они ни пропали, что может быть проще, чем, воспользовавшись их отсутствием, подбросить тело — и тем самым запутать меня в сетях закона, а может быть, и подстроить

суд Линча?[10] А если версия Кэти справедлива, то именно таковы были намерения толпы, пока ее не остановил Джордж Дункан. Раз уж они способны сотворить из себя или из той энергии, что была их сутью, дом, автомобиль на козлах, поленницу, двух человек, обильный ужин и кувшин доброго кукурузного виски, значит, они могут сотворить все что угодно. А уж окоченелый труп для них и вовсе пустяк. Они могут применить свои способности и для того, чтобы оттянуть возвращение трех исчезнувших молодчиков — до тех пор, покуда возвращение этих шалопаев не перестанет препятствовать осуществлению их целей. Это был, разумеется, безумный способ действий, достижение результата косвенным, окольным путем, — но не более безумный, чем убийство при посредстве бесследно исчезающего автомобиля или тот странный и сложный план, с помощью которого они завели свою потенциальную жертву в змеиное логово.

Я надеялся вскоре добраться до какого-нибудь

[10] Примечания: 10

Суд Линча — акт практики самоконституированного суда, без соблюдения законной процедуры выносящего смертный приговор и на месте приводящего его в исполнение, причем за преступление лишь предполагаемое. По всей видимости, назван так по имени Чарлза Линза (умер в 1796 году), американского плантатора и мирового судьи, председательствовавшего в Вирджинии на внезаконных судилищах над тори (т. е. сторонниками англичан) во время Войны за независимость.

прибрежного городка, где можно найти телефон-автомат и позвонить. Правда, о моем бегстве уже могли известить всю округу, но вряд ли шерифу придет в голову, что я стану спускаться по реке. Если, конечно, им не удалось задержать Кэти. Я изо всех сил старался отогнать эту мысль, но она неизменно возвращалась. Впрочем, я мог надеяться привести в исполнение свой план даже в том случае, если полиция всех близлежащих городов поднята на ноги. Но что предпринять потом, после телефонного разговора? Сдаться властям? Но принять такое решение всегда успеется. Я понимал, что могу сперва сдаться, а уже потом звонить Филипу — но в этом случае разговор будут слушать и полицейские, содержание его будет, таким образом, разглашено, а предпринять после этого мне уже ничего не удастся.

События разворачивались далеко не лучшим образом, и я чувствовал себя виноватым, поскольку, при всем желании, не мог найти никакого удовлетворительного решения.

Хотя ночь и сгустилась уже окончательно, однако над рекой было все-таки чуточку светлее. С берега доносились отдаленное мычание коров и собачий лай. Вокруг меня продолжала свой вечный разговор вода, по временам всплескивала

рыба, оставляя на поверхности расходящиеся концентрические круги. Я словно двигался по обширной равнине: темные, лесистые берега и отдаленные холмы казались лишь тенями, лежащими по ее краям. И каким мирным оно казалось — это королевство воды и теней! Странно, однако посреди реки я чувствовал себя в безопасности. Лучше всего это можно было бы определить как обособленность. Я находился как бы в центре крохотной вселенной, простиравшегося во все стороны ничейного мира. Разносившиеся над водой звуки — собачий лай, мычание коров — скорее подчеркивали, чем разрушали это чувство обособленности.

И тут обособленность кончилась. Поверхность реки предо мной вспучилась горбом, я принялся яростно грести, пытаясь увести каноэ в сторону, а из глубины стала стремительно возноситься чернота — ярды и ярды мрака, омываемого набегающей водой.

Колонна тьмы взвилась ввысь — гигантская, длинная, извивающаяся шея, увенчанная кошмарной головой. Взмыв вверх, эта шея изогнулась грациозной дугой, так что голова оказалась как раз надо мной; словно зачарованный, глядел я в красные, подобно драгоценным камням сверкав-

шие в отраженном от воды слабом свете глаза чудовища. Раздвоенный язык трепетал в воздухе, потом раскрылась пасть, и я увидел зубы.

Погрузив весло в воду, я отчаянным усилием послал каноэ вперед, ощутив на шее горячее дыхание бестии — нацелившаяся голова промахнулась на каких-нибудь несколько дюймов.

Оглянувшись через плечо, я увидел, что чудовище вновь примеривается, готовясь к броску, и понял, что на этот раз увернуться окажется труднее. Один раз мне удалось обмануть эту тварь, но сомнительно, чтобы такое получилось дважды. Берег был слишком далек и недосягаем, и единственное, что мне оставалось, — это попытаться увернуться и удирать. На мгновение у меня мелькнула мысль оставить каноэ, однако я был неважным пловцом, и это речное чудовище легко могло схватить меня в воде.

Теперь оно выжидало. Ему не было нужды торопиться. Оно знало, что заполучило меня, и на этот раз не хотело рисковать промахнуться. Оно двинулось ко мне — складки рассекаемой воды образовали за ним аккуратное V, длинная шея была напряженно изогнута, пасть открыта, и в звездном свете сверкали клыки.

Я резко повернул каноэ, надеясь сбить его с тол-

ку и заставить приготовиться к новой попытке.

При повороте каноэ накренилось, и что-то со стуком покатилось по днищу.

Услышав этот звук, я понял, что надо делать, — пусть это будет бессмысленно, нелогично, даже чертовски глупо, однако выбора у меня не было, а время стремительно таяло. Я не питал особых надежд на то, что осуществить задуманное удастся — собственно, это был даже не замысел, а просто инстинктивная реакция, — и уж тем более не имел представления, что делать дальше, если мне повезет. Но я должен был попробовать. Скорее всего потому, что никакой другой идеи мне в голову не пришло.

Ударом гребка я развернул каноэ, чтобы оказаться с тварью лицом к лицу. Потом протянул руку, взял удочку и встал в рост. Вообще-то каноэ не относится к числу устойчивых судов, так что стоять в них не рекомендуется, но мое оказалось исключением из правила, да к тому же я немало напрактиковался в этом фокусе за день.

На удочке у меня была тяжелая окуневая снасть с тремя рядами крючков — может быть, даже излишне тяжелая для удачной рыбалки.

Тварь была совсем рядом и уже разинула пасть, когда я отвел удилище назад, прицелился и раз-

махнулся изо всех сил.

В каком-то остолбенении я смотрел, как взметнулась снасть, сверкнув металлом в отраженном водой звездном свете, и как влетела она в эту разверстую пасть. Какую-то долю секунды я выжидал, потом рванул удочку на себя и продолжал равномерно тянуть, чтобы все крючки впились как следует. Я почувствовал, что засели они прочно, — и чудовище оказалось пойманным на крючок.

Я не думал, как поступать дальше. Представления не имел, что мне делать с пойманным на удочку монстром. Скорее всего, мне и поймать-то его удалось как раз потому, что я ни о чем подобном не задумывался.

Но теперь, когда оно висело у меня на крючке, я сделал единственно возможное — быстро присел на корточки и покрепче ухватился за удилище. Голова чудовища резко дернулась назад, возносясь в небо, и катушка запела под убегающей лесой.

Я снова дернул удочку, чтобы крючки засели еще глубже, а на воде передо мной поднялась тем временем большая волна. Могучее тело стало вздыматься из воды все выше и выше, и мне казалось, что оно не кончится никогда. Голова на

длинной шее металась взад и вперед, удилище дико дергалось, а я вцепился в него, как утопающий в соломинку, сам не понимая, почему. И при этом твердо знал, что мне совершенно ни к чему та рыба, которую я выловил.

Каноэ подпрыгивало и ныряло на волнах, поднятых движениями монстра, а я, скорчившись, вжимался в него, упираясь локтями в планшир и стараясь удержать центр тяжести как можно ниже, чтобы не дать суденышку опрокинуться. И вот каноэ все быстрее и быстрее помчалось вниз по течению, увлекаемое спасающейся бегством тварью.

Все это время я продолжал вцепляться в удочку. Я мог бы выпустить ее из рук и позволить чудовищу скрыться, но вместо этого все крепче сжимал удилище, а когда каноэ пришло в движение, издал упоенный торжествующий вопль. Эта тварь преследовала меня, считая своей добычей, но сама оказалась пойманной и, обращенная мною в бегство, панически удирала теперь, страдая от невыносимой боли.

Существо продолжало нестись вниз по реке, натянутая леса дрожала, каноэ мчалось вперед, а я орал, как шутовской ковбой на спине брыкающейся лошади. На мгновение я даже забыл,

что происходит и что к этому привело. Это была дикая гонка сквозь ночь по речному миру, предо мною дергалась и корчилась тварь — временами над поверхностью выступала зубчатая гряда плавника на горбатой спине и тут же вновь скрывалась во вспененной воде.

Внезапно натяжение лески ослабло, а существо исчезло. Я остался один посреди реки, скорчившись в пляшущем на волнах каноэ. Когда волнение улеглось, я сел и принялся сматывать — леску. Мне пришлось изрядно покрутить катушку, прежде чем поводок с крючками перевалился наконец через борт и устроился на своем месте у конца удилища. Я очень удивился при виде снасти — мне казалось, что леска оборвалась и чудовище удрало, унося ее с собой. Но теперь стало очевидно, что тварь попросту исчезла, — крючки должны были глубоко впиться в ее плоть и могли освободиться лишь в том единственном случае, если существо растворилось без следа.

Каноэ свободно плыло по течению; я нагнулся и подобрал весло. Всходила луна, и река в ее сиянии превратилась в дорогу из бегущего серебра. Я спокойно сидел с веслом в руках и думал, что же теперь делать. Инстинкт требовал убраться с реки, схватиться за весло и погнать лодку к

берегу, прежде чем из глубин не вынырнет новое чудовище. Но по зрелом размышлении я пришел к убеждению, что второго монстра не будет, — вся эта история с чудовищем могла найти себе объяснение лишь в том случае, если была очередным звеном в цепи, начало которой было положено змеиным логовом и трупом Джастина Болларда. Иной мир из гипотезы моего старого друга разыграл неудачный гамбит, но повторять его заново не станет, это не соответствовало бы их образу действий, а раз так — река для меня сейчас является самым безопасным местом в мире.

Резкий, пронзительный писк нарушил ход моих мыслей, и я обернулся в поисках источника звука. Футах в восьми от меня на планшире скорчился крохотный уродец. Он гротескно напоминал человека, но при этом был покрыт густым мехом, а за планшир цеплялся двумя лапами наподобие совиных. У него была заостренная голова, причем из макушки рос пучок волос, падавших во все стороны, образуя нечто вроде конической шляпы, на манер тех, что носят жители некоторых азиатских стран. По обеим сторонам головы выдавались кувшиноподобные уши, а глаза раскаленными угольями сверкали из-под свисавших спутанных волос.

Пока я рассматривал странного уродца, писк его стал приобретать некоторый смысл.

— Три — волшебное число! — насмешливо проговорил он высоким и резким голоском. — Три — волшебное число! Три — волшебное число!

В горле у меня встал комок, и я замахнулся веслом. Лопасть плашмя хлопнула уродца, подбросила — и он высоко взвился в воздух, словно мяч от удара бейсбольной биты. Писк перешел в обиженный визг, а я неотрывно следил, как существо летело над водой, достигло наконец высшей точки своей параболической траектории и устремилось вниз. На полпути оно лопнуло, словно мыльный пузырь, — и в следующий момент исчезло.

Я снова принялся работать веслом. Глядя на огни прибрежного города, я думал, что больше обманывать себя уже нельзя. Чем скорее я доберусь до телефона и позвоню Филипу, тем лучше.

Возможно, в чем-то мой старый друг и ошибался в своей рукописи, но происходило нечто чертовски странное.

11

Город был мал, и мне не удалось найти ни одной телефонной будки. Я вообще не был уверен, что это город, хотя, если память меня не подводила, я оказался в Вудмане. Я пытался представить себе карту этих мест, но все сведения о городке и его окрестностях прятались слишком глубоко в памяти, и я ни в чем не мог быть уверен. «Неважно, как называется город, — говорил я себе, — важно только найти, откуда позвонить. Филип в Вашингтоне, и он сообразит, как лучше всего поступить, — но даже если он не будет знать, что делать, я должен сообщить ему обо всем происходящем. Я в долгу перед ним за то, что он прислал копию записок своего дяди. Хотя если бы Филип этого не сделал, я не влип бы в эту историю».

На всем протяжении делового квартала открытым оставался лишь один бар. Сквозь его давно не мытые окна падал желтый свет, а легкий бриз со скрипом раскачивал вывеску с нарисованной кружкой пива, висевшую над тротуаром на металлическом кронштейне.

Я стоял на другой стороне улицы, набираясь

храбрости, чтобы зайти в бар. Разумеется, не было ни малейшей гарантии, что там есть телефон, хотя, скорее всего, — должен быть. Я знал, что, переступая порог бара, подвергаю себя определенному риску: пайлот-нобский шериф вполне мог связаться со здешней полицией. Может, конечно, и нет, но все-таки риск существовал.

Каноэ оставалось на реке, привязанное к шаткому столбу, и у меня была полная возможность вернуться туда, сесть и оттолкнуться от берега. Никто бы ничего не знал, поскольку ни единая живая душа меня здесь не видела. За исключением этого бара весь город, положительно, вымер.

Но я должен был позвонить; сделать это было попросту необходимо. Следовало предупредить Филипа, хотя предостережение могло уже оказаться слишком запоздалым. Предупрежденный, он сумеет что-нибудь предпринять. Теперь я понимал, что всякий, ознакомившийся с заметками моего покойного старого друга, оказывается лицом к лицу с описанной в них опасностью.

Так я и стоял в нерешительности, а потом, почти не сознавая, что делаю, зашагал через улицу. Дойдя до тротуара, я остановился и уставился на поскрипывающую над головой вывеску — этот звук, казалось, вывел меня из прострации. Че-

ловеку, за которым охотились, не имело смысла заходить туда, рискуя нажить неприятности. Я прошел мимо бара, но на полпути к реке развернулся и направился обратно, понимая, насколько все это бессмысленно: так можно было всю ночь без толку маршировать взад и вперед.

Поднявшись по ступенькам, я толкнул дверь. В дальнем конце зала скрючился одинокий посетитель; бармен, облокотясь на стойку, уставился на дверь с таким видом, словно собирался всю ночь простоять так, ожидая клиентов. Больше здесь никого не было — на всех столиках красовались лишь перевернутые стулья.

Бармен не шелохнулся. Он словно бы не видел меня. Остановившись, я закрыл за собой дверь и прошел к стойке.

— Чего желаете, мистер? — поинтересовался бармен.

— Бурбон[11], — ответил я, не решившись попросить льда — похоже, в этом заведении подобные изыски были не в почете. — И мелочи — если у вас есть телефон.

— Там, — неопределенно ткнул пальцем бармен.

---

[11] Примечания: 11

Бурбон — американское кукурузное виски (или виски, не менее чем 51 % сырья для производства которого было кукурузой).

Приглядевшись, я обнаружил вжавшуюся в угол телефонную будку.

— Ну и глаз у вас, — протянул бармен.

— Да уж, — согласился я.

Поставив стакан на стойку, он принялся отмерять бурбон.

— Поздненько путешествуете…

— Вроде того, — отозвался я.

Я бросил взгляд на часы — половина двенадцатого.

— Что-то я не слышал вашей машины, — заметил бармен.

— Оставил ее дальше по улице. Подумал было, что в городе все закрыто. А потом заметил у вас свет…

Не слишком правдоподобная история, однако новых вопросов не последовало. Бармену было все равно — он просто чесал языком.

— Я тоже собираюсь закрывать, — сообщил он. — В полночь. По вечерам здесь никого не бывает. Не считая старого Джо. Он всегда здесь. Каждый вечер, до самого закрытия, пока я его не выставлю. Совсем как проклятая кошка.

Выпивка была не ахти, но я в ней нуждался. Виски смыло застрявший в горле комок страха, а внутри стало теплее.

Я протянул бармену десятку.

— Хотите всю сдачу мелочью?

— Если можно.

— Конечно, можно. Куда вы собираетесь звонить?

— В Вашингтон, — я не видел причины, почему бы не сказать правду.

Бармен отсчитал мне мелочь, я прошел в телефонную будку и заказал разговор. Номера Филипа я не знал, и потому на соединение потребовалось какое-то время. Потом я услышал гудки, а несколько секунд спустя кто-то ответил.

— Мистера Филипа Фримена, пожалуйста, — попросила телефонистка. — Междугородный вызов.

На другом конце провода кто-то со всхлипом вздохнул, и наступила тишина. Наконец чей-то голос произнес:

— Его нет.

— Вы не знаете, когда он будет? — спросила телефонистка.

— Никогда, — ответил задыхающийся голос. — Я не понимаю, это что, шутка? Филип Фримен мертв.

— Абонент не может подойти к телефону, — компьютерным голосом сообщила мне телефо-

нистка. — Мне сказали…

— Не имеет значения, — сказал я. — Я буду говорить с тем, кто на проводе.

— Добавьте, пожалуйста, полтора доллара, — проговорил компьютерный голос.

Я достал из кармана пригоршню мелочи. Опуская монеты в щель, я уронил несколько на пол — рука так дрожала, что трудно было попасть в прорезь.

Филип Фримен мертв!

Наконец я опустил последнюю монетку.

— Говорите, — пригласила телефонистка.

— Вы еще слушаете? — спросил я.

— Да, — откликнулся на другом конце провода дрожащий, призрачный голос.

— Простите, — сказал я. — Я ничего не знал. Меня зовут Хортон Смит, я старый друг Филипа…

— Я слышала, он говорил о вас. Я его сестра.

— Марджи? — спросил я.

— Да, Марджи.

— Когда…

— Сегодня вечером, — произнесла она. — Филлис должна была подхватить его по дороге. Он стоял на тротуаре, поджидая ее, — и вдруг рухнул…

— Сердечный приступ?

— Мы так думаем, — после долгой паузы сказала Марджи. — Так думает Филлис, но…

— Как Филлис?

— Спит. Доктор дал ей что-то…

— Не могу сказать, как мне жаль… Говорите, сегодня вечером?

— Всего несколько часов назад. И, мистер Смит, я не знаю… Возможно, мне не следует говорить этого… Но вы были другом Филипа…

— Много лет, — подтвердил я.

— Здесь что-то странное. Кое-кто из очевидцев утверждает, будто Филипа застрелили из лука — стрела попала прямо в сердце. Правда, никакой стрелы не оказалось. Но свидетели заявили об этом полиции, а теперь коронеру…[12] — Голос ее прервался, послышались всхлипывания, потом она заговорила снова: — Вы знали Филипа. И дядю тоже.

— Да, обоих.

— Это кажется невозможным. Оба — один за другим.

— Да, кажется невозможным, — подтвердил я.

---

[12] Примечания: 12

Коронер — специальный судейский чиновник, который в Великобритании, США и некоторых других странах от имени суда присяжных выясняет причины смерти, происшедшей при необычных или подозрительных обстоятельствах, и, если его расследованием устанавливается факт насильственной смерти, передает дело суду присяжных.

— Вы спрашивали Филипа. Я не могу вам помочь?

— Нет, — сказал я. — Я возвращаюсь в Вашингтон.

— Думаю, похороны состоятся в пятницу.

— Спасибо. Извините, что я в такой час…

— Вы же не знали, — проговорила Марджи. — Я скажу Филлис, что вы звонили.

— Если сочтете нужным.

В сущности, это было безразлично. Вряд ли она меня помнит — с женой Филипа мы встречались всего несколько раз.

Мы попрощались; ошеломленный, я так и продолжал сидеть в телефонной будке. Филип мертв — сражен наповал стрелой. Чтобы избавиться от человека, стрелами в наши дни не пользуются. Так же, впрочем, как морскими змеями и змеиными логовами.

Наклонившись, я стал искать упавшие монеты.

Кто-то постучал в дверь будки, и я поднял глаза. Сквозь стекло заглядывал бармен; встретившись со мной взглядом, он перестал стучать и махнул рукой. Я выпрямился и открыл дверь.

— Что с вами? — спросил он. — Вам плохо?

— Нет. Уронил монеты.

— Если хотите еще выпить — так самый подходящий момент. Я закрываю.

— Мне нужно сделать еще один звонок.

— Тогда побыстрее, — попросил он.

На полочке я нашел телефонный справочник.

— Как тут найти номера Пайлот-Ноба? — спросил я.

— Поищите в разделе «Пайлот-Ноб — Вудман».

— Так это Вудман?

— Уверен, что так, — собеседник негодующе воззрился на меня. — Должно быть, вы пропустили указатель на въезде.

— Полагаю, что так, — согласился я.

Закрыв дверь, я отыскал в справочнике нужный раздел и перелистывал страницы до тех пор, пока не наткнулся на интересовавшее меня имя. Вот оно — миссис Дженет Форсайт. В списке значился единственный Форсайт — в противном случае я понятия бы не имел, куда звонить. Я никогда не знал или позабыл имя вдовы Старого Дока Форсайта.

Я снял трубку, но потом, поколебавшись, снова повесил на рычаг. Я зашел слишком далеко. Стоит ли дальше испытывать судьбу? Хотя, успокаивал я себя, вряд ли существует вероятность, что мой телефонный звонок засекут.

Я снова поднял трубку, опустил монету и набрал номер. Раздались гудки. Я ждал. Наконец кто-то ответил. Мне показалось, что я узнал голос, но уверенности не было.

— Мисс Адамс?

— Да. Миссис Форсайт спит, и…

— Кэти, — сказал я.

— Кто говорит?

— Хортон Смит.

— Ох! — испуганно вскрикнула она и больше не произнесла ни слова.

— Кэти…

— Я рада, что вы позвонили, — проговорила она наконец. — Все это было страшной ошибкой. Молодой Боллард вернулся. Вся троица возвратилась. Теперь все в порядке, и…

— Подождите минутку, пожалуйста, — попросил я. Она говорила так быстро, что слова наскакивали друг на друга. — Если Боллардов отпрыск вернулся, что же случилось с телом?

— С телом? О, вы имеете в виду…

— Да, труп Джастина Болларда.

— Это удивительнее всего, Хортон. Тело исчезло.

— Как это так — исчезло? — Я полагал, что знаю, но хотел удостовериться.

— Ну, они нашли тело на лесной опушке к западу от города и оставили там двоих — одним был Том Уильямс, а кто еще, я не знаю, — караулить до прибытия шерифа. Эти двое на минутку отвернулись, а когда посмотрели снова — тела уже не было. Похитить его никто не мог. Оно просто исчезло. Весь город в смятении…

— А вы? — спросил я. — Вам удалось взять конверт?

— Да. И едва я успела добраться домой, как тело исчезло.

— Значит, теперь все в порядке?

— Да, конечно, — ответила она. — Можете возвращаться.

— Скажите мне одну вещь, Кэти. Вы заглядывали в конверт?

Она начала было что-то говорить, но смолкла на полуслове.

— Это очень важно, Кэти. Вы заглядывали в конверт?

— Я только бросила взгляд и…

— Черт побери! — заорал я. — Хватит уверток! Вы читали?

— Ладно, читала, — раздраженно ответила Кэти. — По-моему, человек, писавший это…

— Оставьте этого человека в покое. Как много

вы прочли? Все?

— Первые несколько страниц. Потом начались эти ноты. Вы собираетесь обсуждать это со мной, Хортон? Но это же просто болтовня. Разумеется, такого быть не может. Я ничего не знаю об эволюции, но даже мне очевидно множество слабых мест.

— Не тратьте время на слабые места, — сказал я. — Что заставило вас прочесть?

— Ну, наверное, потому что вы запретили. Когда вы мне так сказали, я уже не могла удержаться. Вы сами виноваты, что я прочитала. И что в том плохого?

Конечно, она была права — я должен был вовремя сообразить. Я предостерег ее, не желая, чтобы она ввязывалась в это дело, — и тем самым совершил единственный поступок, гарантирующий обратный результат. И хуже всего, что у меня не было никаких причин впутывать Кэти, отправлять ее за конвертом. Труп Джастина Болларда исчез, и я больше не был под подозрением. Однако если бы этого не случилось, убеждал я себя, подыскивая оправдания, шериф обыскал бы мой номер в мотеле, нашел конверт — и тогда разверзся бы ад.

— Плохого здесь только одно, — сказал я. — Те-

перь вы в опасности. Вы…

— Хортон Смит! — выпалила она. — Не угрожайте мне!

— Я не угрожаю. Мне просто жаль. И я не могу допустить…

— Жаль — чего? — перебила она.

— Кэти, — попросил я. — Выслушайте меня и не спорьте. Как скоро вы можете выехать? Вы ведь собирались вернуться в Пенсильванию. Вы готовы?

— Ну да, — сказала она. — Все вещи уже упакованы. Но какое это имеет отношение?..

— Кэти, — начал я и остановился. Я совсем не хотел ее пугать, однако другого выхода не было. — Кэти, человек, написавший это, убит; человек, переславший мне это, также погиб несколько часов назад…

Она судорожно вздохнула.

— И вы полагаете, что я…

— Не будьте дурочкой, — сказал я. — Всякий, ознакомившийся с содержимым конверта, находится в опасности.

— И вы? Эта история с Джастином…

— Скорее всего.

— Что же мне делать? — спросила она скорее не испуганно, а деловито и, возможно, чуть-чуть

недоверчиво.

— Вы можете сесть в машину, приехать сюда и подобрать меня. Возьмите с собой конверт, но только чтобы никто больше в него не заглядывал.

— Подобрать вас. А потом?

— Потом в Вашингтон. Там найдутся люди, способные в этом разобраться.

— Например?

— Ну, например, ФБР…

— Но вы можете просто позвонить туда…

— Но не с этим! — воскликнул я. — Не с чем-либо вроде этого. Прежде всего, они не поверят телефонному звонку. К ним слишком часто звонят всякие психи.

— Однако вы рассчитываете убедить их?

— Может, и нет, — отозвался я. — Вас я, похоже, не убедил.

— Не знаю, убедили или нет. Мне надо еще подумать.

— Думать некогда, — предостерег я. — Либо вы приезжаете и подхватываете меня, либо нет. Возможно, путешествовать вдвоем окажется безопаснее, хотя гарантировать этого я не могу. Вы ведь в любом случае собирались отправиться на восток и…

— Где вы сейчас находитесь?

— В Вудмане. Город ниже по течению.

— Знаю, где это. Забрать какие-нибудь ваши вещи из мотеля?

— Нет, — сказал я. — По-моему, выиграть время гораздо важнее. Мы сможем вести машину по очереди. И останавливаться только чтобы заправиться и поесть.

— Где вас искать?

— Просто поезжайте медленно по главной улице. Здесь всего одна улица — она же автострада штата. Я буду поджидать вас. Ночью здесь вряд ли окажется много машин.

— Я глупо себя чувствую, — призналась она. — Все это так…

— Мелодраматично, — подсказал я.

— Наверное, это можно назвать и так. Но, как я уже говорила, я все равно собиралась отправиться на восток.

— Буду ждать вас.

— Я приеду, — сказала она. — Через полчаса, может, немного позже.

Выйдя из будки, я обнаружил, что ноги у меня затекли от той неудобной позы, в которой я крючился в тесноте кабинки. Я захромал к стойке.

— А вы не торопились, — кисло буркнул бар-

мен. — Я уже выпроводил Джо, и мне пора закрывать заведение. Вот ваша выпивка. Не тяните с ней.

— Буду польщен, — сказал я, взяв стакан, — если вы присоединитесь ко мне.

— Хотите сказать, если я с вами выпью!

Я кивнул. Он отрицательно покачал головой.

— Не пью.

Я допил, расплатился и вышел. Почти сразу же огни за спиной у меня погасли, а вскоре на пороге появился бармен; он шагнул на улицу и стал запирать дверь. Собравшись уходить, он споткнулся обо что-то, валявшееся на тротуаре, однако сохранил равновесие. Потом нагнулся и подобрал — это была бейсбольная бита.

— Чертовы мальчишки, — проворчал он, — носятся взад и вперед по вечерам. Кто-то из них забыл… — В раздражении он швырнул биту на стоявшую возле двери скамью. — Что-то я не вижу вашей машины.

— Ее и нет.

— Но вы говорили…

— Знаю. Но если бы я признался, что машины нет, понадобились бы долгие объяснения, а мне надо было позвонить.

Он смотрел на меня, покачивая головой, — еще

бы, человек возник ниоткуда, и у него нет машины.

— Я приплыл на каноэ, — сказал я, — и привязал его у причала.

— И что же вы собираетесь делать сейчас?

— Оставаться прямо здесь. Я жду друга.

— Которому вы звонили?

— Да, — согласился я. — Которому я звонил.

— Ну, спокойной ночи, — проговорил он. — Надеюсь, вам не придется ждать слишком долго.

Он зашагал по улице к дому, но несколько раз приостанавливался и, полуобернувшись, поглядывал на меня.

12

Где-то в прибрежном лесу ворчливо бормотала сова. К ночи ветер стал пронизывающим, и мне пришлось поднять воротник рубашки, пытаясь сохранить хоть чуточку тепла. Бродячая кошка осторожно кралась вниз по улице — завидев меня, она наискосок перешла на противоположную сторону и растворилась во мраке меж двух домов.

С исчезновением бармена Вудман окончательно приобрел вид покинутого города. Раньше я не обратил на это особого внимания, но теперь, когда мне было совершенно нечего делать, я осмотрелся и заметил, что он выглядит запущенным и обветшалым — один из тех маленьких умирающих городков, что обречены на забвение в еще большей степени, чем Пайлот-Ноб. Тротуары растрескались, и в щелях проросла трава. Давно не крашенные и нуждающиеся в ремонте дома несли на себе отпечаток времени, а их архитектура, если только к облику здешних зданий можно было применить это слово, была как минимум столетней давности. Некогда город был — должен был быть — молодым и подающим

надежды; в те времена наличествовала некая экономическая причина его возникновения и существования. И причиной этой, я знал, должна была быть река — в те времена, когда она служила торговой артерией, когда продукция ферм и фабрик отвозилась на пристань и грузилась на пароходы и те же пароходы привозили сюда все необходимые товары со всех концов страны. Но река давно отыграла свою роль в экономике и вернулась к первобытному состоянию, одиноко струясь по узкой полоске поймы. Железные дороги, скоростные шоссе и пролетающие высоко над нею самолеты отобрали у реки все роли — за исключением той изначальной и главной, которую от века играла она в земной экологии.

И теперь Вудман стал захолустьем, уподобился тихой заводи общественной жизни, во всем подобной множеству тех мелких заводей, что лежат в извилистых меандрах, отделенных от главного русла реки. Некогда многообещающее, может быть, даже важное место; когда-то процветавшее, но впавшее ныне в нищету, оно упорно цеплялось за крохотную точку на карте (да и то не всякой карте!), как место обитания людей, так же мало соприкасавшихся с миром, как и сам город. Мир продолжал идти вперед, но маленькие, уми-

рающие городки вроде этого отказывались идти с ним вместе; они отстали, впали в дремоту и, возможно, не заботились больше ни об остальном мире, ни обо всех его обитателях. Они сохранили — или сотворили себе, или цеплялись за — мир, который принадлежал им и которому принадлежали они. Я понял, как мало имеет значения то, что на самом деле приключилось с этим городом, поскольку сам он больше не имеет никакого значения. «Жаль, — подумал я, — что такое должно было случиться, потому что в этих маленьких, забытых и забывавших городках все еще живы редкие ныне проявления человеческой заботы и сострадания, человеческие ценности, в которых мир нуждается и которыми мог бы воспользоваться, ибо сам он давно их утратил».

В городках наподобие этого люди по-прежнему слышат воображаемый вой стаи оборотней, тогда как остальной мир прислушивается к куда более отвратительному звуку, который может оказаться предвестием громового раската атомной гибели. И мне почудилось, что из этих двух звуков вой оборотней может оказаться гораздо более естественным для слуха. Ибо если провинциализм таких маленьких городков и был безумием, то безумием мягким, даже приятным, в то время

как сумасшествие внешнего мира было лишено какой бы то ни было доброты.

Вскоре приедет Кэти — по крайней мере, я на это надеялся. Если она не появится, это будет вполне объяснимо. Мне не следовало обольщаться: пообещав примчаться сюда, она по зрелом размышлении могла передумать. Я припомнил, с каким недоверием сам отнесся поначалу к запискам моего старого друга, хотя у меня было тогда уже гораздо больше причин поверить в истинность его умозаключений, чем сейчас у Кэти.

И что мне делать, если она не появится? Похоже, мне останется лишь вернуться в Пайлот-Ноб, собрать вещи и отправиться в Вашингтон. Причем я понятия не имел, куда там обращаться. В ФБР или в ЦРУ? И — к кому? У кого достанет внимания выслушать мой рассказ и не отвергнуть его, как бред сумасшедшего?

Я стоял, прислонясь к стене здания, в котором располагался бар, глядя вдоль улицы и надеясь, что вскоре появится Кэти, когда заметил рысившего по дороге волка.

Есть в человеке какой-то глубинный инстинкт, уходящий корнями в далекое прошлое и заставляющий при виде волка испытывать смертельный ужас. Он проявляется в первый же миг при встре-

че с этим неумолимым врагом, убийцей столь же безжалостным и ужасным, как сам человек. В этом убийце нет ничего благородного. Он хитер, коварен, безжалостен и неумолим. Между ним и человеком невозможны никакие компромиссы, ибо слишком уж древней является эта вражда.

Глядя на появившегося из темноты зверя, я почувствовал, как по коже пробегает озноб, а волосы на голове становятся дыбом.

Волк приближался самоуверенно и деловито, нимало не таясь и не отвлекаясь по пустякам. Огромный и черный — или, по крайней мере, казавшийся черным в ночи — он вместе с тем производил впечатление изможденного и голодного.

Я шагнул от стены, и в этот момент краем глаза заметил предмет, способный послужить оружием, — лежавшую на скамейке бейсбольную биту, брошенную барменом. Нагнувшись, я подобрал ее. Она оказалась довольно увесистой и хорошо сбалансированной.

Когда я снова посмотрел вдоль улицы, волков стало уже трое — они вышагивали один за другим с раздражающей самоуверенностью.

Я стоял на тротуаре, сжимая биту в руке. Поравнявшись со мной, первый волк остановился и

повернулся ко мне.

Вероятно, я мог закричать, разбудить горожан, позвать на помощь. Однако эта мысль даже не пришла мне в голову. Это дело касалось лишь меня и троих волков — нет, не троих, ибо из мрака выступали на улицу все новые и новые.

Я понимал, что они не могут быть волками — настоящими, честными волками, родившимися и выросшими на этой честной земле. Они ничуть не реальнее, чем пойманный мною на удочку морской змей. Это были те самые создания, о которых я узнал из рассказа Линды Бейли; те, чей вой донесся до меня прошлой ночью, когда я вышел подышать перед сном. Линда Бейли называла их собаками, но собаками они не были. Они являлись древним страхом, уходившим корнями в первобытные времена, ужасом, который, пройдя сквозь бесчисленные столетия, материализовался и обрел плоть.

Отлично вымуштрованные, волки четко производили хорошо отработанный маневр: они подходили и, поравнявшись с первым, поворачивались мордами ко мне. Когда к ним присоединился последний, они уселись — как по команде, в ряд, в одинаковых позах, прямо, но удобно, аккуратно выставив лапы перед собой. Высунутые из по-

луоткрытых пастей языки свисали набок, и мне было отчетливо слышно негромкое, ровное дыхание. И все они пристально разглядывали меня.

Я пересчитал — их была ровно дюжина.

Я поудобнее перехватил биту, хотя и понимал, что шансов у меня не слишком много. Если они кинутся на меня — то разом, все вместе, как делали они вместе и все остальное. Бейсбольная бита, если ею хорошенько размахнуться, — оружие смертоносное, и я знал, что прикончу нескольких, но никак не всех. Возможно, я сумел бы подпрыгнуть и ухватиться за металлический кронштейн, на котором раскачивалась вывеска, но я не был уверен, выдержит ли он мой вес. Он и так уже наклонился, и вполне возможно, что удерживающие его болты или шурупы вырвутся из прогнившего дерева даже при незначительной дополнительной нагрузке.

Оставалось лишь одно — держаться уверенно и не дать себя запугать.

Рассматривая кронштейн, я на мгновение выпустил из виду волков, а когда снова взглянул на них, то увидел перед их строем маленького остроголового уродца.

— Мне следовало бы напустить их на вас, — пропищал он. — Незачем было вам там, на реке,

бить меня веслом.

— А если ты не заткнешься сейчас, то получишь этой битой!

— Какая неблагодарность! — Он даже принялся подпрыгивать от ярости. — Если бы не правила…

— Какие правила? — спросил я.

— Вам ли не знать! — гневно пропищал он. — Это же вы, люди, установили их.

И тут меня стукнуло.

— Ты подразумеваешь, что три — волшебное число?

— К несчастью, — проскрипел он, — именно это я и подразумеваю.

— После того как вы, парни, трижды кряду сели в лужу, я сорвался с крючка?

— Именно так.

Я посмотрел на волков. Они сидели, свесив языки и улыбчиво скалились мне. Я чувствовал, что им было все равно — броситься на меня или удалиться.

— Но есть еще кое-что, — проскрипел уродец.

— Ты имеешь в виду ту плюху?

— О нет, с этим покончено, — сказал он. — Тут дело благородного рыцарства.

Я удивился, при чем тут рыцарство, однако спрашивать не стал, понимая, что он и так все

скажет. Уродец ждал, что я примусь расспрашивать; его все еще жег тот удар веслом, и он был готов на все, лишь бы я как следует попался на удочку.

Он уставился на меня из-под своей волосяной шляпы и ждал. В свою очередь, я тоже ждал, покрепче стиснув рукоять биты. Необыкновенно довольные волки молча сидели и улыбались.

Наконец уродец не выдержал.

— Вам трижды удалось вывернуться. Но есть некто, еще ни разу не пробовавший.

Он оставил меня в дураках и понимал это, и его счастье, что он находился вне пределов досягаемости бейсбольной биты.

— Ты имеешь в виду мисс Адамс? — как можно спокойнее спросил я.

— Быстро соображаете, — пропищал он. — Согласитесь ли вы, как благородный рыцарь, грудью встретить уготованные ей опасности? Ведь если бы не вы, она не подвергалась бы риску. По-моему, вы просто обязаны.

— Согласен, — сказал я.

— Действительно? — радостно возопила тварь.

— Действительно согласен.

— Вы принимаете на себя…

— Кончай риторику, — оборвал я его. — Я ска-

зал, что согласен.

Наверное, я мог бы потянуть время, однако чувствовал, что могу таким образом потерять лицо, и подозревал, что в подобной ситуации это может иметь значение.

Волки поднялись, дыхание их выровнялось, морды больше не казались улыбающимися.

Мозг мой работал на бешеных оборотах, пытаясь отыскать выход из положения. Но все впустую — в голову ничего не приходило.

Волки медленно двинулись вперед — деловито и целеустремленно. Им предстояла работа, и они хотели побыстрей с нею справиться. Я сделал шаг назад. Если за спиной окажется стена, шансы мои чуточку возрастут. Я взмахнул битой — волки на мгновение остановились, но тут же снова перешли в наступление. Прислонившись спиной к стене, я остановился и ждал.

Сноп света упал на стену противоположного здания, быстро соскользнул вниз и высветил улицу перед нами. Из темноты выступили два дома. Раздался протестующий вой мотора, сквозь который пробивался визг покрышек.

Волки повернулись, припав к земле, замерли на мгновение, словно пригвожденные лучом, а потом пустились наутек, однако некоторые

оказались слишком медлительными, и машина врезалась в них. Послышался тошнотворный звук столкновения металла с плотью. И тут же волки исчезли, лопнули — как тот остроголовый уродец, подброшенный над водой ударом гребка.

Машина затормозила, и я со всех ног кинулся к ней. Опасности больше не было, но я знал, что почувствую себя спокойнее, только оказавшись внутри.

Как только машина остановилась, я открыл дверцу, плюхнулся на сиденье и захлопнул ее за собой.

— Один долой, осталось два, — сказал я.

— Один долой? — дрожащим голосом спросила Кэти. — Что вы хотите этим сказать? — Она пыталась говорить небрежно, но это не слишком хорошо удавалось.

Протянув руку, я дотронулся до нее, и почувствовал, что девушка дрожит. Видит Бог, у нее было на это право.

Я притянул ее к себе, обнял, и Кэти прильнула ко мне, а весь мрак вокруг нас трепетал от древнего ужаса и тайн.

— Что это было? — спросила Кэти дрожащим голосом. — Они прижали вас к стене и очень походили на волков…

— Волки и были, — сказал я. — Только особенные.

— Особенные?

— Оборотни. По крайней мере, я так считаю.

— Но, Хортон…

— Вы прочли записки, — сказал я. — Хотя и не должны были. И теперь должны понимать…

Она отстранилась от меня.

— Но этого не может быть, — проговорила она сухим учительским голосом. — Не бывает ни оборотней, ни гоблинов, ни всего прочего в этом роде.

Я мягко улыбнулся — не то чтобы это развеселило меня, однако ее яростный протест был забавен.

— Их и не было, — пояснил я. — Пока не появился маленький легкомысленный примат и не выдумал их.

Несколько мгновений она сидела, пристально глядя на меня.

— Однако они были здесь?

Я кивнул. — Если бы не вы, они покончили бы со мной.

— Я ехала слишком быстро, — сказала Кэти. — Слишком быстро для такой дороги. Ругала себя — и продолжала гнать. И теперь радуюсь этому.

— Я тоже.

— Что же нам теперь делать?

— Ехать. Не теряя времени. Не останавливаясь ни на минуту.

— Вы имеете в виду — в Геттисберг?

— Вы ведь собирались ехать туда?

— Да, конечно. Но вы говорили о Вашингтоне…

— Мне нужно в Вашингтон. Как можно быстрее. Возможно, будет лучше…

— Если я поеду с вами в Вашингтон?

— Да. Это может оказаться безопаснее.

Я сам подивился собственным словам. Как я мог гарантировать ей безопасность?

— Может, нам двинуться сейчас же? Путь далек. Только садитесь за руль, Хортон, ладно?

— Конечно, — сказал я и открыл дверцу.

Не надо, — проговорила Кэти. — Не выходите.

— Я обойду.

— Мы можем поменяться местами, не выходя наружу.

Я улыбнулся ей, чувствуя себя ужасно храбрым.

— С этой бейсбольной битой я чувствую себя в безопасности. К тому же поблизости никого нет.

Однако я ошибся. Кое-кто здесь все-таки был. Он карабкался по борту машины и, когда я вы-

шел, уже взобрался на крышу. Он повернулся и взглянул на меня, подпрыгивая от ярости. Его остроконечная голова дрожала, уши хлопали, а свисавшие наподобие азиатской шляпы волосы взлетали и падали.

— Я Арбитр, — пропищал он. — Вы играете не по правилам! За такую нечестную игру должен быть назначен штрафной удар. Я опротестую вашу победу!

В ярости я взмахнул битой, держа ее обеими руками. Для одной ночи общества этого странного типа мне было вполне достаточно. Дожидаться он не стал, зная, что сейчас последует. Уродец заколыхался и лопнул, так что бита лишь со свистом рассекла воздух.

13

Я откинулся на спинку сиденья и попытался заснуть, но не мог сомкнуть глаз. Тело мое жаждало сна, но мозг протестовал. Я скользил по самой грани сна и бодрствования, не в силах окончательно погрузиться в сон.

Передо мною проходила бесконечная череда видений. Это не были мысли, ибо я чувствовал себя слишком измотанным, чтобы думать. Я чересчур долго просидел за баранкой — всю ночь, пока рано утром мы не остановились позавтракать где-то под Чикаго, да и потом я продолжал гнать машину прямо на восход, пока Кэти не пересела за руль. Тогда я попытался поспать и даже вздремнул немного, но отдохнуть толком мне так и не удалось. И вот теперь, после обеда, уже неподалеку от границы Пенсильвании, я устроился, чтобы поосновательнее выспаться. Но это никак не получалось.

Волки вернулись и брели через мой мозг с тем же безразличным видом, с каким шагали они по улице Вудмана. Они окружали меня, я пятился к стене, а Кэти все не появлялась, как я ее ни ждал. Они окружали меня, и я отбивался,

понимая при этом, что выстоять не смогу, а тем временем Арбитр, взгромоздясь, словно на насест, на поддерживающий вывеску кронштейн, своим писклявым голосом вопил, что опротестовывает результат. Лишь с огромным трудом я мог двигать отяжелевшими руками и ногами, а все тело болело и покрылось от этих отчаянных усилий потом. Я наносил битой удары, результаты которых оказывались ничтожными, хоть я и вкладывал в них всю силу, и я никак не мог понять, почему так получается, пока не заметил, что вместо бейсбольной биты сжимаю в руках извивающуюся гремучую змею.

Вслед за тем и змея, и волки, и Вудман пропали из сознания, и я снова беседовал со своим старым другом, погруженным в угрожающее поглотить его кресло. Он указывал на распахнутую в патио дверь, и я, проследив его жест, видел там простершийся под безоблачным небом живописный пейзаж — с ветвистыми дубами и замком, высоко в воздух взметнувшим свои белоснежные башенки и шпили, а по извивающейся меж диких, безмолвных скал дороге направлялась к замку удивительно гармоничная толпа рыцарей и чудовищ. Я подумал о тех, кто, по словам моего друга, преследует нас, и ждал, что он продолжит раз-

говор, однако больше он не смог произнести ни слова, потому что стрела, просвистев у меня над головой, глубоко впилась ему в грудь. Из-за кулис — словно я находился на некоем подобии сцены — чей-то благозвучный голос принялся декламировать: «Это что же за дела? Кто посмел убить Щегла? То есть, я имею в виду, Воробья...»[13] И, приглядевшись внимательнее, я смог со всей очевидностью убедиться, что мой старый друг, сидящий в кресле со стрелой в груди, никоим образом не щегол, а, конечно же, воробей; и я гадал, был ли он убит другим воробьем или я неправильно понял и имелся в виду прикончивший воробья щегол. И тогда я сказал этому маленькому уродцу Арбитру, восседавшему теперь на каминной полке: «Почему же ты не вопишь, что

[13] Примечания: 13

Здесь цитируется популярная и очень старая (по крайней мере, прошлого века) детская песенка:
«Это что же за дела?
Кто посмел убить Щегла?»
Воробей ответил: «Я.
Смерть Щегла — вина моя.
Сноровисто и умело
Смастерил я лук и стрелы,
Я согнул тугой свой лук
И в Щегла пустил стрелу».
Очевидно, эта песенка имела для Саймака какое-то значение — во всяком случае, она обыгрывается еще и в восьмой новелле романа «Город».

это нечестная игра, ибо игра эта и в самом деле нечестная, раз убит мой друг!» И в то же время я не мог быть уверен, убит он или нет, поскольку он сидел тихо, как и раньше, утонув в кресле, с улыбкой на губах, а там, где вошла стрела, не было ни капли крови.

Затем, подобно вудманским волкам, мой старый друг и его кабинет исчезли, словно чья-то рука стерла их с грифельной доски моего сознания, и я обрадовался этому, но почти сразу же ощутил себя бегущим по проспекту, а впереди маячило здание, которое я знал и куда изо всех сил стремился добежать, ибо это было необычайно важно — и в конце концов мне удалось. Сразу же за дверью сидел у стола один из агентов ФБР. Я догадался, что это агент, поскольку у него были квадратные плечи и подбородок, а на голове — мягкая черная шляпа. Я принялся шептать ему на ухо об ужасной тайне, о которой никому нельзя говорить, потому что всякий проникший в нее обречен на смерть. Он слушал, и выражение его лица ничуточки не менялось, а когда я закончил, он все так же невозмутимо взялся за телефон. «Вы — член Шайки, — сказал он. — Я таких за сто шагов нюхом чую». И тогда я понял, что ошибся, что это не агент ФБР, а попросту Су-

пермен[14]. И тут же я оказался в другом месте и перед другим человеком — высоким, с тщательно причесанными светлыми волосами и подстриженными щетинистым ежиком усами, стоявшим в отчужденной и напряженной позе. Я сразу же узнал в нем агента ЦРУ; встав на цыпочки, я зашептал ему на ухо, излагая все ту же историю, но стараясь придерживаться свойственной ему фразеологии. Выслушав меня, агент потянулся к телефону. «Вы шпион, — сказал он. — Я таких за сто шагов нюхом чую». И я понял, что выдумал все это — и здание, и ФБР, и ЦРУ, — а на самом деле стою посреди серой, сумеречной равнины, во всех направлениях простирающейся до далекого горизонта, тоже серого, так что мне трудно было определить, где кончается равнина и начинается небо.

— Вы должны постараться уснуть, — сказала Кэти. — Вам нужно выспаться. Дать вам аспирина?

---

[14] Примечания: 14

Супермен — герой популярного комикса, изначальными авторами которого были писатель Дж. Сигел и художник Дж. Шустер. Впервые Супермен появился на страницах журнала «Экшн комикс» в 1938 году, а годом позже родился специализированный «Супермен комикс». Впоследствии в создании сериала участвовали многие известные художники и писатели-фантасты, в том числе А. Бестер, Э. Гамильтон, Г. Каттнер и др. Существует и несколько кино- и видеоверсий Супермена. Официальные похороны этого героя состоялись в 1992 году.

— Не надо, — пробормотал я. — Голова у меня не болит.

Меня мучило кое-что похуже головной боли. Это не было сном — я наполовину бодрствовал, все время понимая, что ареной происходящего является лишь мое сознание, тогда как я нахожусь во мчащейся по шоссе машине. Проносившийся мимо пейзаж не ускользал от меня; я замечал деревья и холмы, поля и далекие деревни, встречные машины; слух фиксировал урчание двигателя и шуршание покрышек. Но осознание всего этого происходило как бы на заднем плане и, казалось, не имело ни малейшего отношения к видениям, порожденным мозгом, вышедшим из-под контроля рассудка, пустившимся вразнос и сотворившим фантазию на тему «это-могло-бы-быть».

Я вновь оказался на равнине и увидел, что она представляет собою вечное, безликое и пустынное место, однообразие которого не нарушается ни горами, ни холмами, ни лесами, и в этом совершеннейшем однообразии она убегает в никуда и в никогда; а небо, подобно самой равнине, также лишено каких бы то ни было примет, на нем нет места солнцу, звездам или облакам, и потому невозможно даже сказать, что сейчас — день

или ночь: для дня слишком темно, а для ночи слишком светло. Стояли глубокие сумерки, и мне подумалось, всегда ли царит здесь этот полусвет-полутьма, предвещающий ночь, но никогда в нее не переходящий. Стоя на равнине, я услышал далекий вой и безошибочно узнал в нем тот звук, который однажды уже донесся до моего слуха, когда перед сном я вышел подышать воздухом на крыльцо мотеля, — вой и лай стаи, несущейся по ущелью Лоунсэм-Холлоу. Испуганный этим звуком, я медленно повернулся, стараясь определить, с какой стороны он пришел, и взгляд мой при этом движении зацепился о нечто, выделяющееся чернотой на фоне серого небосклона. Даже в здешнем тусклом свете я безошибочно узнал эту длинную извивающуюся шею, увенчанную безобразной, ищущей, готовой стремительно ударить головой, и зубчатый гребень на спине.

Я побежал — хотя здесь некуда было бежать и негде прятаться. Я убегал, понимая, что это за место, и что оно существовало вечно и будет существовать всегда, что здесь ничего не случается и не может случиться. И тогда послышался новый звук — отчетливый, приближающийся шум, явственно слышимый в те мгновения, когда смолкал волчий вой; в нем смешались хлопанье,

шлепанье, какое-то шуршание, к которым добавлялось временами жесткое, резкое гудение. Оглянувшись, я осмотрел поверхность равнины и сразу же их увидел — атакующий меня эскадрон прыгающих, извивающихся гремучих змей. Я снова побежал, хватая воздух ртом, хотя знал, что бежать бесполезно и не нужно. Ибо здесь ничего никогда не случалось и вовек не случится, а потому здесь царила полная безопасность. Я убегал, сознавая, что гонит меня лишь собственный страх. Здесь было безопасное место — но потому же и место, где все напрасно и безнадежно. Тем не менее я мчался, не в силах остановиться. Волчий вой раздавался все на том же расстоянии, не дальше, но и не ближе, чем поначалу, и так же не удалялось и не приближалось шлепание и шуршание гремучих змей. Я задыхался, силы мои были на пределе, я упал, вскочил, побежал дальше и рухнул опять. Так я и остался лежать, не беспокоясь и не заботясь больше ни о чем, что может случиться, хотя и понимал прекрасно, что случиться тут не может ничего. Я не пытался подняться — просто лежал там, позволяя безнадежности, тщетности и тьме сомкнуться надо мной.

Но внезапно у меня возникло ощущение, будто

что-то происходит не так. Не слышалось гудения двигателя, не шуршала по асфальту резина, не чувствовалось движения. На смену им пришли шелест ветерка в листве и аромат цветов.

— Вставайте, Хортон, — испуганно говорила Кэти. — Творится что-то очень-очень странное.

Стряхнув полудрему, я выпрямился и принялся обоими кулаками тереть заспанные глаза.

Машина стояла, и нигде не было видно ни следа скоростного шоссе. Мы находились не на автостраде, а на проселке, если так можно было назвать наезженные тележные колеи, петляющие по склону холма, огибая валуны, деревья и купы цветущего кустарника. Между глубокими колеями росла трава, и над всем этим местом витало ощущение дикости и безмолвия.

Казалось, мы находились на вершине горы или кряжа. Ниже по склону рос густой лес, но здесь, на вершине, стояли лишь отдельные, разбросанные деревья, причем внушающие почтение размеры заставляли как-то забыть, что их совсем немного, — в большинстве своем это были огромные дубы с переплетающимися, широко раскинутыми могучими ветвями и поросшими густым слоем мха стволами.

— Я просто ехала, — потрясенно сказала Кэти, —

не слишком быстро, не превышая скорости, миль пятьдесят, не больше. И вдруг дорога исчезла, машина продолжала катиться, но двигатель заглох. Этого не может быть. Это попросту невозможно.

Я все еще не проснулся окончательно. Я вновь протер глаза — и не потому, что хотел прогнать сон; было в этом месте что-то неправильное.

— Я совсем не ощутила торможения, — продолжала Кэти. — Никакого толчка. И куда могла деться автострада? Я никак не могла с нее съехать!

Где-то я уже видел такие дубы прежде, и теперь пытался вспомнить, где же это могло быть, — не именно эти, разумеется, но точь-в-точь такие же.

— Кэти, — спросил я. — Куда мы попали?

— Должны быть на вершине Саут-Маунтин. Я только что проехала Чамберсберг.

— Да, — сказал я, припоминая, — значит, до Геттисберга совсем недалеко.

Впрочем, задавая вопрос, я подразумевал не совсем это.

— Вы не понимаете, что произошло, Хортон. Мы могли погибнуть.

— Нет, — покачал я головой. — Не здесь.

— Что вы имеете в виду? — раздраженно поинтересовалась она.

— Эти дубы. Видели вы такие когда-нибудь раньше?

— Никогда…

— Видели, — сказал я. — Должны были видеть. В детстве. В книгах о Короле Артуре или, может быть, Робин Гуде.

Кэти вздрогнула и схватила меня за руку.

— Эти старые романтические, пасторальные рисунки…

— Точно, — подтвердил я. — И все дубы в этих местах, похоже, точно такие же; все тополя высоченные, а все сосны треугольные — как на картинке в книге.

Ее рука крепче сжала мою.

— Другой мир… Место, о котором писал ваш друг…

— Может быть, — сказал я. — Возможно.

И хотя я понимал, что все так и есть, что Кэти совершенно права, в противном случае мы оба уже погибли бы, принять такую правду было трудно.

— Но я думала, — заговорила Кэти, — что здесь должно быть полно привидений, гоблинов и прочих ужасных созданий.

— Ужасных созданий… — повторил я. — Да, полагаю, вы найдете их здесь. Но более чем веро-

ятно, что и добрые духи тут водятся.

Если мы действительно оказались в том месте, существование которого предсказал в своей гипотезе мой старый друг, то здесь должны найти себе место все мифы и легенды, все волшебные сказки, в которые люди поверили настолько, чтобы они стали частью их душ.

Я открыл дверцу машины и вышел.

Небо было голубым — возможно, чуть-чуть слишком голубым — и вместе с тем глубоким и ласковым. И зеленая трава показалась мне чуть-чуть зеленее, чем положено, однако в этом насыщенном цвете ощущалось нечто радостное, сродни тому чувству, с каким восьмилетний мальчишка мчится босиком по первой весенней траве.

Оглядываясь по сторонам, я понимал, что мы попали в мир книжной картинки. Разница была неуловима, я мог лишь ощутить, но не определить ее, однако окружающее казалось слишком совершенным и безупречным для того, чтобы быть частью нашей старой доброй Земли. Оно выглядело как цветная книжная иллюстрация.

Кэти обошла машину и остановилась рядом со мной.

— Здесь так мирно, — сказала она. — Даже не

верится.

По склону к нам поднимался пес — он вышагивал, а не бежал рысцой, как обычные собаки. Да он и выглядел необычно. Свои длинные уши он пытался держать торчком, однако они складывались посредине и верхняя часть свисала. Пес был крупен и неуклюж, а его хлыстовидный хвост торчал, как автомобильная антенна. Гладкошерстный и большелапый, он выглядел невероятно тощим. Задрав угловатую голову, он улыбался, обнажая клыки, — и самое удивительное заключалось в том, что зубы у него были не собачьи, а человеческие.

Подойдя к нам, пес лег, вытянув лапы перед собой и уложив на одну из них подбородок. Зад его при этом оттопырился, а хвост метался, описывая круги. Он был рад нам от всей души.

Далеко внизу кто-то резко и нетерпеливо свистнул. Пес разом вскочил и повернулся в направлении, откуда донесся свист. Звук повторился, и, виновато оглянувшись на нас, эта карикатура на собаку помчалась вниз по склону. Бежал он неуклюже, задние лапы ухитрялись опережать передние, а поднятый под сорокапятиградусным углом хвост яростно вращался в приливе невыразимого счастья.

— Я уже видел этого пса, — сказал я. — Точно знаю, что где-то его видел.

— Ну, — возмутилась Кэти, пораженная, что я не узнал собаку. — Это же Плутон. Пес Микки-Мауса.

Собственная тупость разозлила меня. Я должен был сразу же узнать Плутона. Но если ожидаешь встречи только с гоблином или феей, не сразу узнаешь карикатурный образ, внезапно вынырнувший из комикса.

Но и эти персонажи, разумеется, тоже должны быть здесь — по крайней мере, многие из них. Док Як, Катценджаммер Кидс, Гарольд Тин, Дагвуд и все остальные фантастические существа, выпущенные Диснеем в мой мир.

Плутон примчался познакомиться с нами, Микки-Маус отозвал его свистом, а мы оба восприняли это как заурядный факт. Человек, не попавший сюда, наблюдающий со стороны, пользующийся обычной человеческой логикой, никогда не сможет принять всего этого. Ни под каким видом он не допустит самого факта существования подобного мира, ни за что не поверит, что может оказаться в нем. И лишь очутившись здесь, потеряв возможность смотреть со стороны, он растеряет все свои сомнения — да и шутовство

в прилавку.

— Хортон, — спросила Кэти. — Что нам теперь делать? Как вы думаете, машина здесь пройдет?

— Попробуем потихоньку, — отозвался я. — На малой скорости. И, наверное, это лучшее, что можно сейчас сделать.

Обойдя машину, Кэти села за руль. Она взялась за ключ, повернула — и ничего не случилось. Абсолютно ничего. Она вынула ключ, снова вставила и повернула, но с тем же результатом — не раздалось ни звука, не слышно было даже щелканья упрямого стартера.

Я встал перед машиной и поднял капот. Не знаю, зачем я это сделал. Я не механик. Если что-то испортилось, я был бы бессилен помочь.

Перегнувшись через радиатор, я бросил взгляд на мотор, и мне показалось, что с ним все в порядке. Впрочем, если бы даже половина двигателя исчезла, я и тогда решил бы, что все в лучшем виде.

Вскрик и какой-то тупой звук заставили меня выпрямиться, и я ударился головой о капот.

— Хортон! — воскликнула Кэти.

Быстро обогнув машину, я обнаружил Кэти сидящей на земле. Лицо ее было искажено болью.

— Нога! — сказала она.

Я увидел, что левая ее нога застряла в колее.

— Я вышла из машины, — объяснила она, — и ступила не глядя.

Я присел перед ней и как можно осторожнее высвободил ногу, оставив туфлю зажатой в колее. Лодыжка покраснела.

— Какая дурость, — проговорила Кэти.

— Больно?

— Вы чертовски правы, это больно. Растяжение, наверное.

Судя по виду, это и впрямь было растяжение. И что же, черт побери, прикажете делать с растянутыми связками в месте вроде этого? Врачей здесь, само собой, нет. Я припомнил, что при растяжении надо зафиксировать связки при помощи эластичного бандажа, вот только где его взять?

— Надо снять чулок, — сказал я. — Если начнет опухать…

Подтянув подол юбки, Кэти расстегнула подвязку и спустила чулок. Я помог ей осторожно стащить его — и с первого же взгляда стало видно, что лодыжка у нее в плохом состоянии. Она побагровела и начала опухать.

— Кэти, — сказал я. — Не знаю, что и делать. Если вы можете что-нибудь придумать…

— С ногой, вероятно, не так уж плохо, — ото-

звалась она. — Хотя и больно. Через день-другой станет лучше. Машина даст нам убежище. Даже если она не двинется с места, мы все равно можем в ней оставаться.

— Может, здесь отыщется кто-нибудь, кто мог бы помочь, — предположил я. — Не знаю, что и делать. Если бы мы могли наложить повязку… Я мог бы разорвать рубашку, но повязка должна быть эластичной…

— Помочь? В таком месте?

— Попробовать стоит. Здесь же не одни привидения да гоблины. Может, их вообще не так уж и много. Они вышли из моды. Должны быть и другие…

Кэти кивнула.

— Может, вы и правы. Машина не слишком подходящее убежище. Нам нужна еда, да и вода тоже. Может быть, мы поторопились пугаться. Возможно, я даже смогу идти.

— Кто это испугался? — спросил я.

— Не старайтесь обмануть меня, — резко возразила Кэти. — Вы знаете, что мы влипли. Об этом месте мы ничего не знаем. Мы здесь — чужаки-иностранцы. Мы не вправе тут находиться.

— Мы сюда не напрашивались.

— Это не имеет значения, Хортон.

И допускаю, что так оно и было. Видимо, кому-то понадобилось, чтобы мы оказались здесь. Кто-то привел нас сюда.

При мысли об этом меня слегка зазнобило. Не из-за себя — или, по крайней мере, думал я не о себе. Черт побери, я готов встретиться лицом к лицу с чем угодно. После гремучих змей, морского змея и оборотней меня уже ничем не достанешь. Но вот Кэти не стоило во все это ввязываться.

— Вот что, — предложил я. — Если вы сядете в машину и запретесь, то сможете подождать немного, пока я схожу на разведку.

— Если вы мне поможете, — кивнула она.

Я не помог ей. Я просто взял ее на руки и отнес в машину. Осторожно устроив Кэти на сиденье, я потянулся через нее и запер противоположную дверцу.

— Поднимите стекло, — скомандовал я. — Заприте дверцу. Если кто-нибудь покажется — кричите. Я буду неподалеку.

Кэти начала было поднимать стекло, но потом опустила его снова и, нагнувшись, принялась нащупывать что-то на полу машины. Выпрямившись, она протянула мне через окно бейсбольную биту.

— Возьмите, — сказала она.

Признаться, я глуповато себя чувствовал, шествуя по тропинке с битой в руке. Но она удобно лежала в руке, а ощущать ее тяжесть было успокоительно.

Там, где тропа огибала огромный дуб, я остановился и посмотрел назад. Кэти смотрела мне вслед через ветровое стекло — я помахал ей и зашагал дальше.

Склон здесь был крутым. Вокруг меня сомкнулся густой лес. В воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения, деревья замерли в неподвижности, сверкая в лучах послеполуденного солнца пышной зеленью.

Я продолжал спуск и там, где тропа вновь поворачивала, огибая другое дерево, обнаружил указатель. Он был старым и потрескавшимся, однако надпись виднелась четко. Она гласила: «Постоялый двор» — а внизу была нарисована стрела.

Вернувшись к машине, я сказал Кэти:

— Понятия не имею, что там за постоялый двор, но это может оказаться лучше, чем просто сидеть здесь. Там может найтись кто-нибудь, кто полечит вашу лодыжку. По меньшей мере, мы сможем получить вдоволь горячей или холодной воды — какая там нужна при растяжении?

— Не знаю, — отозвалась она. — Мне эта идея с постоялым двором не нравится, однако, думаю, здесь мы тоже не можем оставаться. Нам надо получить представление о том, что происходит и чего следует ожидать.

Идея с постоялым двором нравилась мне не больше, чем ей, — мне вообще не нравилось все происходящее; однако рассудила Кэти здраво. Не можем же мы сидеть, скорчившись, здесь, на вершине, и ждать, что еще случится.

Поэтому я осторожно вынес Кэти из машины, посадил на капот, а сам запер дверцы и сунул ключ в карман. Потом я подхватил ее на руки и начал спускаться по склону.

— Вы забыли биту, — сказала она.

— Я не смогу ее нести.

— Зато я смогу.

— Скорее всего, она нам не понадобится, — сказал я и зашагал дальше, стараясь как можно тщательнее выбирать дорогу, чтобы ненароком не споткнуться.

Сразу за указателем тропинка поворачивала снова, огибая массивную груду валунов, и когда я обошел их, то на отдаленном холме увидел замок. Потрясенный, я замер на месте — слишком уж неожиданным оказалось зрелище.

Возьмите все самые прекрасные, причудливые, романтические, красочные рисунки замков, какие вам когда-либо приходилось видеть, и смешайте их вместе, отобрав все лучшее. Забудьте все, что вам приходилось читать о замках, как о грязных, вонючих, нездоровых, пронизанных сквозняками обиталищах и вместо этого представьте себе замок из волшебной сказки — Камелот короля Артура или замки Уолта Диснея. Сделайте все это — и получите самое отдаленное представление о замке, открывшемся нашим глазам.

Он был соткан из грез, из романтики и рыцарственности, переживших века. Он сверкал белизной на вершине отдаленного холма, и многоцветные вымпелы, поднятые на его шпилях и башнях, развевались в воздухе. Это было столь совершенное творение, что при первом же взгляде на него каждый бы инстинктивно понял — равного ему быть не может.

— Хортон, — попросила Кэти. — Опустите меня. Я хочу посидеть немного и просто полюбоваться им. Вы все время знали, что он здесь, и ни словом не обмолвились…

— Я понятия не имел. Я сразу же вернулся, как только обнаружил указатель.

— Может, нам отправиться в замок? — спросила она. — Не на постоялый двор…

— Попытаемся, — отозвался я. — Здесь должна быть тропинка.

Я усадил ее на землю и присел рядом.

— По-моему, лодыжке уже лучше, — проговорила Кэти. — Может, я сумела бы идти сама, если вы найдете дорогу.

Я посмотрел на ее ногу и покачал головой. Кожа покраснела и, натянувшись, блестела, а опухоль заметно росла.

— Когда я была маленькой, — сказала она, — я представляла себе замки сверкающими и романтическими. Потом я прослушала два курса истории средних веков и узнала о них правду. Но вот стоит сверкающий замок, и вымпелы вьются, и…

— Это и есть то самое место, о котором вы думали, а этот замок в точности таков, каким вы и миллионы других девочек представляли его в своих романтически настроенных головенках.

Впрочем, они грезили не только о замках, напомнил я себе. На этой земле поселились все фантазии, сотворенные родом людским за долгие века. Где-то здесь спускался на плоту по нескончаемой реке Гекльберри Финн. Где-то в этом мире

спешит по лесной просеке Красная Шапочка. Где-то здесь ощупью пробирается своим тернистым путем сквозь череду самых невероятных ситуаций мистер Магу[15].

Но какова же цель всего этого, и должна ли она существовать вообще? Эволюция нередко действует вслепую, и на первый взгляд кажется, что никакой цели у нее нет. И людям, возможно, не следует пытаться постичь эту цель — они слишком люди, чтобы понять, а тем более признать любой другой способ существования. Точно так же динозавры не смогли бы воспринять идею (разумеется, если у динозавров были свои идеи) человеческого разума, грядущего им на смену.

Но ведь этот мир, говорил я себе, являет, по существу, лишь часть человеческого разума. Ведь это с его помощью произведены на свет все детали, все населяющие его существа, все бытующие здесь идеи. Этот мир — продолжение человеческого разума, место, где мысль овеществляется, становится строительным материалом, его созидающим, а вместе с тем — и новым инструментом

---

[15] Примечания: 15

Мистер Магу — персонаж длинной серии мультфильмов, которые начиная с 1950 года выпускал ученик, сотрудник, последователь, а со временем — и конкурент Уолта Диснея художник и режиссер Стефан Босустов.

эволюционного процесса.

— Я могла бы просидеть здесь целый день, — сказала Кэти. — Просто сидеть и любоваться замком, но если мы хотим попасть туда — нам, наверное, нужно двигаться в путь. Похоже, я не смогу идти; вы в состоянии нести меня?

— Как-то в Корее, во время отступления, моего оператора ранило в ногу, и я тащил его. Мы слишком отстали и…

Кэти весело рассмеялась.

— Он был здоровенный, — пояснил я. — Совсем не симпатичный, грязный и все время ругался. Неблагодарный тип…

— Обещаю оказаться благодарной, — улыбнулась Кэти. — Все это так удивительно…

— Удивительно? — переспросил я. — В таком месте и с растянутыми связками?

— Но замок! — воскликнула она. — Никогда не думала, что увижу такой — совсем такой, о каком я мечтала!

— И вот еще что, — сказал я. — Больше возвращаться к этому не стану, но сейчас… Простите меня, Кэти.

— Простить? Но за что? За растянутую лодыжку?

— Нет, конечно. За то, что вы оказались здесь.

Я не должен был вмешивать вас в это дело. Я не должен был посылать вас за конвертом. И ни в коем случае не должен был звонить вам из этого Богом забытого местечка — Вудмана.

— Но вам же ничего не оставалось делать, — поморщилась она. — К тому времени, когда вы позвонили, я уже прочитала записки, а значит, была вовлечена. Поэтому вы и позвонили.

— Они могли бы и не тронуть вас, но теперь, когда мы вместе отправились в Вашингтон…

— Поднимите меня, Хортон, — попросила она. — И давайте двигаться. Если мы доберемся до замка слишком поздно, нас могут не впустить.

— Ладно, — сказал я. — В замок так в замок.

Я встал и собирался поднять Кэти, когда в чаще в стороне от тропы послышался треск, а вслед за ним появился медведь. Шел он на задних лапах и был облачен в красные в белый горошек шорты, поддерживаемые единственной переброшенной через плечо лямкой; на другом плече он нес дубинку. Он улыбался нам самым обаятельным образом.

Кэти прижалась ко мне, но не закричала, хотя имела на то все основания, поскольку медведь, невзирая на улыбку, выглядел достаточно грозно.

Следом за ним из зарослей вышел волк. Дубинки у него не было. Волк тоже старался улыбнуться нам, однако получалось это куда менее обаятельно и более зловеще. За волком последовал лис, и вся троица выстроилась перед нами в ряд, дружелюбно улыбаясь.

— Мистер Медведь, — сказал я, — мистер Волк и Братец Лис, рад вас приветствовать.

Я старался говорить легко и непринужденно, однако мало преуспел в этом, потому что все трое мне не слишком нравились. Я всерьез пожалел, что не захватил биту.

— Мы польщены, что вы нас узнали, — с легким поклоном проговорил Медведь. — Это очень радостная встреча. По-моему, вы оба новички в наших краях.

— Только что прибыли, — пояснила Кэти.

— Тогда тем более удачно, что мы встретились, — проговорил Медведь. — Ибо мы подыскиваем партнеров для славного предприятия.

— Поблизости есть курятник, — добавил Братец Лис. — И мы собираемся наведаться в него.

— Сожалею, — сказал я. — Может быть, позже. Мисс Адамс повредила ногу, и я должен доставить ее куда-нибудь, где ей смогут помочь.

— Худо дело, — проговорил Медведь, стараясь

выглядеть сочувственно. — Повредить ногу — это, должно быть, причиняет массу страданий. Особенно столь прекрасной миледи.

— А как же с курятником? — спросил Братец Лис. — Когда наступит вечер…

Медведь хрипло заревел на него:

— У тебя нет души, Братец Лис. У тебя нет вообще ничего, кроме вечно пустого брюха. Видите ли, курятник, — пояснил он мне, — примыкает к замку и отменно охраняется сворой собак и прочих плотоядных, так что нам троим нечего и думать пробраться туда. Вопиющее безобразие — ведь эти куры так растолстели и приобрели столь нежный вкус… Вот мы и подумали, что если привлечь на помощь человека, то удастся разработать план, имеющий шанс на успех. Мы уже обращались ко многим, но все они оказались трусливыми созданиями, на которых нельзя положиться. Гарольд Тин, Дагвуд и великое множество других — все они безнадежны. У нас тут поблизости роскошная берлога, и там мы могли бы все обсудить, посидеть и поразмыслить над планом. Найдется у нас и удобный соломенный тюфяк для миледи, а кто-нибудь из нас тем време-

нем мог бы сходить к Старой Мэг[16] за снадобьем для поврежденной лодыжки.

— Нет, спасибо, — сказала Кэти. — Нам надо идти в замок.

— Вы можете опоздать, — заметил Братец Лис. — Там чрезвычайно пунктуальны насчет запирания ворот.

— Значит, нам надо поторапливаться, — отозвалась Кэти.

Я наклонился, чтобы поднять ее, но Медведь протянул лапу и остановил меня.

— Однако вы, разумеется, не откажетесь так легко от этой затеи насчет курятника? Вы же любите курятину?

— Конечно, любит, — произнес хранивший до сих пор молчание Волк. — Человек такой же хищник, как и любой из нас.

— Но разборчивый, — не преминул добавить Братец Лис.

---

[16] Примечания: 16

Все без исключения упоминавшиеся ранее персонажи (кроме общеизвестных литературных вроде Гека Финна или Красной Шапочки) являются выходцами из диснеевских мультфильмов — от всемирно известного Микки-Мауса до почти незнакомого нам Гарольда Тина. Даже м-р Медведь, м-р Волк и Братец Лис пришли не прямо из сказок, а с киноэкрана. Благодаря радению фирмы «Джонсон и Джонсон» представлять их нынешнему отечественному читателю нет нужды. А вот Старая Мэг — традиционная для англосаксонского фольклора ведьма, что-то вроде нашей Бабы-Яги, только по внешнему облику не столь экзотична.

— Разборчивый! — оскорбленно воскликнул Медведь. — Это ж лучшие из когда-либо виденных мною кур! Пальчики оближешь! Никто не в силах пройти мимо них равнодушно.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал я. — Ваше предложение было захватывающе интересным, но в данный момент мы вынуждены его отклонить.

— В другой раз, конечно, — уныло протянул Медведь.

— Да, в другой раз, — подтвердил я. — Пожалуйста, отыщите меня снова.

— Когда вы проголодаетесь? — предположил Волк.

— Это может иметь значение, — согласился я.

Я поднял Кэти и поудобнее пристроил ее на руках. Несколько мгновений я не был уверен, что они нас пропустят, однако они расступились, и я принялся спускаться по тропе.

— Что за ужасные создания! — Кэти вздрогнула. — Стоят тут и улыбаются нам, а сами предлагают отправиться вместе воровать кур!

Мне хотелось оглянуться, чтобы удостовериться, что они стоят там, а не крадутся вслед за нами. Но я не осмелился — они могли бы подумать, что я боюсь их. Я действительно боялся, но тем

важнее было не обнаруживать этого.

Кэти обняла меня за шею, а голову пристроила на плече. Я пришел к выводу, что нести ее куда приятнее, нежели того невежественного сквернослова-оператора. И вдобавок, она была намного легче.

Спустившись с открытой вершины, тропа нырнула в густой и величественный лес, так что замок я мог теперь увидеть лишь случайно, сквозь изредка попадавшиеся просеки. Солнце клонилось к западу, лесная чаща стала наполняться туманными сумерками, в глубине которых я ощущал множественное тайное движение.

Тропа разветвилась на две; здесь тоже стоял указатель, только с двумя стрелами; под одной было написано «Замок», а под другой — «Постоялый двор». Однако всего в нескольких ярдах за развилкой ведущая к замку тропа уперлась в преграждавшие путь массивные железные ворота; в обе стороны от них тянулась высокая изгородь из крупноячеистой стальной сетки, по верху которой шел ряд колючей проволоки. За изгородью стояла возле ворот полосатая будка, а к ней прислонился стражник, небрежно державший в руках алебарду. Подойдя к воротам, я пнул их ногой, чтобы привлечь внимание.

— Опоздали, — проворчал стражник. — Ворота закрываются на заходе солнца, а драконы уже спущены. Так что подходить на фарлонг[17] к замку — опасно для жизни.

Подойдя к воротам, он принялся нас рассматривать.

— С вами девица. Она больна?

— Нога подвернулась, — ответил я. — Она не может ходить.

— Раз такое дело, — хихикнул он, — девице можно организовать эскорт.

— Обоим, — резко сказала Кэти.

Стражник с фальшивым сожалением покачал головой.

— Я могу сделать уступку, чтобы пропустить кого-нибудь одного. Но не могу растянуть ее на двоих.

— Когда-нибудь растянется не уступка, а твоя шея, — проговорил я.

— Проваливай! — заорал он. — Проваливай и забирай свою девку! Отправляйтесь на постоялый двор! Пусть там ведьма заговаривает ей ногу!

— Пойдемте отсюда, — испуганно проговорила Кэти.

---

[17] Примечания: 17

Фарлонг — вышедшая из употребления английская мера длины, равная одной восьмой сухопутной мили, т. е. около 201 м.

— Друг мой, — сказал я стражнику, — как только я стану посвободнее, то непременно вернусь и понавешаю вам фонарей.

— Пожалуйста, — попросила Кэти. — Пожалуйста, пойдемте отсюда.

Я повернулся и пошел. Стражник позади выкрикивал угрозы и стучал алебардой по стойке ворот. Вернувшись к развилке, я направился по тропинке, ведущей к постоялому двору. Когда замковые ворота исчезли из виду, я опустил Кэти на землю и примостился рядом с ней.

Она плакала — как мне показалось, больше от злости, чем от страха.

— Еще никто и никогда не называл меня девкой, — всхлипнула она.

Я не стал объяснять ей, что подобные манеры и высказывания неразрывно связаны с рыцарскими замками.

Протянув руку, она взяла меня за подбородок и повернула к себе лицом.

— Если бы не мое присутствие, — сказала она, — вы бы его избили.

— Это все слова, — возразил я. — Ведь между мной и этим расфуфыренным тыкалой были закрытые ворота.

— Он говорил, на постоялом дворе живет ведь-

ма.

Я нежно поцеловал ее в щеку.

— Хотите, чтобы я не думала о ведьмах?

— Наоборот, полагаю, они могут помочь.

— А эта изгородь? — спросила она. — Проволочное заграждение. Кто-нибудь слыхивал о проволочных заграждениях вокруг замков? Ведь проволоку тогда еще даже не изобрел и!

— Темнеет, — заметил я. — Нам лучше бы отправиться на постоялый двор.

— Но ведьма!

Я рассмеялся — хотя на самом деле мне было вовсе не весело.

— По большей части, — сказал я, — ведьмами почитали просто эксцентричных старух, которых никто не понимал.

— Может, вы и правы, — согласилась Кэти.

Встав, я взял ее на руки.

Кэти подняла лицо, и я поцеловал ее в губы. Руки ее крепче обвились вокруг меня, а я прижал девушку к себе, ощущая исходящие от нее тепло и нежность. Долгое время во вселенной не существовало ничего, кроме нас двоих, и лишь очень медленно и постепенно я начал возвращаться к окружающей реальности — темнеющему лесу и тайному движению в чаще.

Пройдя еще немного по тропе, я заметил впереди слабый прямоугольник света и пришел к выводу, что это должен быть постоялый двор.

— Мы уже почти добрались, — сказал я Кэти.

— Больше я не стану бояться, Хортон, — пообещала она. — И не расплачусь. Не заплачу, что бы ни случилось.

— Не сомневаюсь, — отозвался я. — И мы выберемся отсюда. Не знаю, каким именно образом, но мы оба наверняка отсюда выберемся.

Неясно видимый в густеющих сумерках постоялый двор оказался древним, полуразвалившимся зданием, стоящим посреди рощи старых, высоких, изогнутых дубов. Из высящейся в центре крыши трубы поднимался дым, а сквозь ромбические окна пробивался тусклый свет. Двор был пустынен, казалось, вокруг вообще не было ни души. «И это прекрасно», — сказал я себе.

Я уже почти дошел до входа, когда уродливая, согбенная фигура открыла дверь — ее темные, невыразительные очертания вырисовывались в слабом, исходящем изнутри дома свете.

— Заходи, парень, — провизжало скрюченное существо. — Нечего глаза таращить. Здесь тебе вреда не причинят. И миледи тоже, конечно.

— Миледи подвернула ногу, — сказал я. — Мы

надеялись…

— Разумеется! — закричало существо. — Вы нашли самое подходящее место для исцеления. Сейчас Старая Мэг хорошенько взболтает поссет[18].

Теперь я мог рассмотреть ее чуть получше — и безошибочно признал в ней ту самую ведьму, о которой говорил стражник. Темные волосы неровными прядями свисали по сторонам лица, а длинный крючковатый нос едва не касался подбородка. Она тяжело опиралась на деревянный посох.

Ведьма отступила назад, пропуская меня. В очаге дымно горел огонь, едва разгонявший царившую в комнате тьму. Запах дыма смешивался с другими, неопределенными, висевшими здесь, как туман, и обострял их.

— Сюда, — сказала ведьма Мэг, указывая посохом. — На стул возле огня. Он сделан на совесть из чистого дуба, и там пристроен мешок шерсти. Миледи будет удобно сидеть.

Я поднес Кэти к стулу и усадил.

---

[18] Примечания: 18

Поссет — горячий напиток, в состав которого входят вино, молоко, мед и пряности. При простуде — средство великолепное; как при растяжении связок — об этом медицина умалчивает. Правда, — это классический рецепт; у ведьмы чуть иной.

— Удобно?

Она посмотрела на меня — глаза ее мягко сияли в неярком свете горящих в очаге дров.

— Все хорошо, — счастливым голосом проговорила она.

— Мы на полпути к дому, — сказал я.

Ведьма проковыляла мимо нас, стуча посохом по полу и бормоча что-то про себя. Склонившись у очага, она принялась помешивать жидкость в котелке, стоявшем на угольях. В отсветах пламени безобразие ее проступило еще очевиднее — невероятный нос, почти уткнувшийся в подбородок, огромная бородавка на щеке, откуда словно паучьи лапки торчали жесткие волоски.

Теперь, когда глаза мои уже попривыкли к полутьме, я начал различать отдельные детали убранства комнаты. Три грубых дощатых стола были расставлены вдоль передней стены — незажженные свечи в канделябрах покосились, прислонясь друг к другу, и походили на бледные пьяные привидения. В большом шкафу с застекленными дверцами и многочисленными выдвижными ящиками, занимавшем почти всю дальнюю стену, слабо поблескивали в мерцающем свете очага бутылки и кружки.

— Теперь, — приговаривала ведьма, — немнож-

ко толченой жабы сушеной, кладбищенской пыли чуток — и будет наш поссет готов. А вылечим девичью ножку — и поедим немножко. Ох, ох, как поедим!

Она скрипуче захихикала, и мне оставалось лишь гадать, над чем — может быть, над предстоящей трапезой.

Откуда-то издалека послышался звук множества голосов. Еще какие-то путники, бредущие к постоялому двору? Похоже, целая компания…

Голоса приближались, становились громче, и я вышел за дверь посмотреть, кто же это. По тропе, извивавшейся по склону холма, двигалась людская толпа; в руках у некоторых были горящие факелы.

Позади ехали два всадника — разглядывая процессию, я спустя некоторое время различил, что один из них, чуть-чуть приотставший, восседает не на коне, а на осле, причем ноги его чуть не волочатся по земле. Однако все мое внимание приковал к себе всадник на лошади.

Он казался высоким и тощим, был облачен в латы, на руке у него висел щит, а на плече он нес длинное копье. Лошадь его была столь же тоща, как и всадник, и шла, спотыкаясь и понурив голову. Когда процессия подошла поближе,

я понял, что лошадь немногим отличается от мешка костей.

Немного не доходя до постоялого двора, толпа остановилась и расступилась, пропуская вперед спотыкающуюся лошадь, несущую высоченное пугало в латах. Оказавшись между толпой и постоялым двором, чучело остановилось и замерло с опущенной головой — я не удивился бы, рухни оно в любой момент наземь грудой железа.

Человек и конь пребывали в неподвижности, толпа настороженно смотрела на них, а я гадал, что же может произойти дальше. Я знал, что в местечке вроде этого может случиться что угодно. Все это выглядело презабавно, что, впрочем, меня нимало не радовало, поскольку подобная оценка была основана на нравах и обычаях человечества двадцатого столетия и здесь не имела никакого смысла.

Лошадь неторопливо подняла голову. Толпа выжидательно зашевелилась, послышалось шарканье множества ног; покачивались факелы. Рыцарь с видимым усилием выпрямился, потверже сел в седле и опустил копье. Я стоял во дворе, с интересом наблюдая за этой сценой, но не имея ни малейшего представления о том, чем она может кончиться.

Неожиданно рыцарь крикнул, и, хотя голос его громко и отчетливо прозвучал в ночной тишине, понадобилось некоторое время, чтобы до меня дошло, что именно он сказал. Копье, опиравшееся на бедро рыцаря, выровнялось, а лошадь поднялась в галоп прежде, чем я осознал смысл его слов.

— Колдун! — закричал он. — Негодяй, грязный язычник, защищайся!

Мне пришлось понять, кого он имеет в виду, поскольку лошадь неслась прямо на меня, копье было направлено мне в грудь, а у меня, видит Бог, не оставалось времени, чтобы подготовиться к защите. Будь оно у меня — я взял бы ноги в руки и удрал с максимальной скоростью. Однако возможности предпринять что бы то ни было у меня не оставалось; вдобавок, я попросту остолбенел от безумия всего происходящего, и на протяжении нескольких следующих секунд, показавшихся мне часами, мог лишь зачарованно глядеть, как приближается ко мне сверкающий наконечник копья. Лошадь была не Бог весть какая, однако оказалась способной на кратковременное, взрывное усилие, и сейчас мчалась на меня с хрипом и грохотом, словно астматический локомотив.

Копье находилось всего в каких-то нескольких

футах от меня, когда я снова обрел способность двигаться. Я отскочил в сторону. Сверкающий наконечник миновал меня, и в этот момент то ли рыцарь потерял контроль над копьем, то ли лошадь споткнулась, не знаю, но, во всяком случае, копье резко метнулось в мою сторону, ударив древком по руке, и я инстинктивно оттолкнул его.

То, что копье при этом направилось вниз и глубоко вонзилось наконечником в землю, произошло помимо моей воли. Дальнейшее было тем более неожиданно — копье превратилось в катапульту, подцепило рыцаря под мышку, вырвало его из седла и взметнуло высоко в воздух. Лошадь уперлась всеми четырьмя копытами, ее понесло юзом, стремена болтались, а тем временем согнутое копье распрямилось и швырнуло несчастного рыцаря. Словно пущенный из пращи камень, он описал в воздухе дугу и с распростертыми руками и ногами ничком рухнул наземь в углу двора — в момент его приземления раздался такой лязг, словно кто-то грохнул тяжелым молотом по полому стальному барабану.

Наверху, на тропе, толпа, составлявшая сопровождение рыцаря, корчилась от хохота. Одни согнулись пополам, схватившись за животы,

другие катались по земле, обессилев от неудержимого смеха.

А по тропе тащился вислоухий ослик, несший на спине оборванца, ноги которого почти волочились по земле, — бедный, терпеливый Санчо Панса в очередной раз поспешал на помощь своему господину, Дон Кихоту Ламанчскому.

Что же до остальных, корчившихся от смеха на тропе, то я понимал, что пришли они сюда просто забавы ради, охотно тащили факелы, освещая путь этому пугалу-рыцарю, прекрасно зная, что какое-нибудь из его бесконечных приключений в ближайшем будущем доставит им развлечение.

Я обернулся к постоялому двору — никакого постоялого двора не оказалось.

— Кэти! — закричал я. — Кэти!

Ответа не было. На тропе все еще выла от хохота веселящаяся компания. Там, где еще недавно был дальний конец двора, Санчо слез с осла и мужественно, хотя и безуспешно пытался перевернуть Дон Кихота на спину. А вот постоялый двор исчез, и не было ни следа ни Кэти, ни ведьмы.

Откуда-то из леса, росшего ниже по склону холма, донеслось визгливое ведьмино хихиканье. Я подождал, пока оно не повторилось, и тогда ринулся в направлении звука.

Пробежав несколько футов по открытому пространству, еще недавно служившему двором, я очутился в лесу. Корни цеплялись мне за ноги, стремясь дать подножку, а ветви царапали лицо. Но я бежал и бежал, вытянув руки вперед, чтобы не врезаться головой в древесный ствол и не вышибить последние остатки мозгов.

Я поклялся себе, что если только поймаю Старую Мэг, то понемножку начну сворачивать ей тощую шею — и буду продолжать это занятие до тех пор, пока ведьма не отведет меня к Кэти или не скажет, где она, хотя и после того останется большое искушение докончить начатое. Но в то же время я понимал, что шансов поймать ведьму почти нет. Споткнувшись о камень и перелетев через него, я плюхнулся наземь, вскочил, помчался дальше, а впереди, не удаляясь и не приближаясь, снова и снова раздавался безумный смех. С размаху я налетел на дерево — вытянутые руки спасли меня, в противном случае я раскроил бы себе череп, а так отделался ушибом, хотя в первый момент мне и показалось, что оба запястья вывихнуты. Наконец один из корней все же ухитрился дать мне подножку, я закувыркался в воздухе, однако приземлился мягко, оказавшись на краю лесного болотца. Я

упал на спину, с головой погрузившись в тину, и сел, откашливаясь и отплевываясь, потому что успел наглотаться вонючей болотной воды.

Я сидел, не двигаясь, понимая, что потерпел поражение. Я мог бы гоняться по лесу за этим хихиканьем миллионы лет, но мне все равно не удалось бы схватить ведьму. Ибо с этим миром не смогу совладать ни я, ни любой другой человек. Здесь человек имеет дело с миром им же созданных фантазий, и никакая логика не в силах ему помочь.

Я сидел по пояс в воде и грязи, над головой у меня раскачивался тростник, а слева кто-то — по-моему, лягушка — шлепал по тине. Потом я разглядел справа какой-то неясный свет и медленно поднялся на ноги. С промокших брюк стекала и глухо плюхалась в воду грязь. Даже стоя, я не мог как следует рассмотреть источник этого света, поскольку торчал по колено в болотной жиже, а заросли тростника были мне выше головы.

С некоторым трудом я начал пробираться на свет. Идти было нелегко. Ноги вязли, а тростник и перемежавшаяся с ним другая болотная растительность еще больше затрудняли продвижение. Я медленно брел вперед, прокладывая себе путь

сквозь густые заросли.

Постепенно болото стало мельче, а тростник поредел. Теперь я мог понять, что свет исходит откуда-то сверху, и гадал, где же он может находиться, пока не добрался немного погодя до берега и не увидел, что светящееся пятно располагается на земле у меня над головой. Я попытался вскарабкаться на берег, но он оказался очень скользким. Поднявшись немного, я начал скатываться вниз, и в этот миг словно бы ниоткуда возникла огромная коричневая рука, я ухватился за нее и почувствовал, как пальцы ее крепко сжали мое запястье.

Подняв глаза, я увидел того, кто пришел мне на помощь — свесив руку вниз, он лежал на берегу. Рога были там, где положено, — над самым лбом; лицо, тяжелое и грубое, несло, однако, на своих злобных чертах отпечаток лисьей хитрости. В обращенной ко мне улыбке блеснули белые зубы, и впервые с того момента, как все это началось, я по-настоящему испугался.

И это было еще не все. Рядом с ним, вцепившись в кромку берега, сидело остроголовое приземистое существо, которое, перехватив мой взгляд, принялось яростно подпрыгивать.

— Нет! Нет! — верещало оно. — Не два! Только

один! Дон Кихот не засчитывается!

Дьявол рывком втащил меня на берег и одним движением поставил на ноги.

Рядом с ним на земле стоял фонарь, при свете которого я смог увидеть, что Дьявол коренаст, чуть ниже меня ростом, но мощно сложен, хотя и несколько огрузнел. На нем не было ничего, кроме грязной набедренной повязки, на которую свисал толстый живот.

Арбитр продолжал визгливо выкрикивать:

— Нечестно! Вы сами знаете, что это не по правилам! Дон Кихот дурак! Он никогда ничего не делает правильно! Битва с Дон Кихотом не настоящая опасность, и…

Дьявол повернулся и взмахнул ногой — в свете фонаря блеснуло раздвоенное копыто. Пинок на полуслове пресек выкрики Арбитра, взметнул его в воздух и отшвырнул далеко в сторону. Жалобный вопль хвостом протянулся за уродцем и оборвался донесшимся из тростников громким всплеском.

— Теперь мы сможем поговорить спокойно и мирно, — заметил Дьявол, поворачиваясь ко мне, — хотя эта приставучая чума скоро вылезет и снова примется нам надоедать. Я бы не сказал, — добавил он, быстро переключаясь на

другую тему, — что вы слишком испуганы.

— Я просто окаменел.

— Вечная проблема, — пожаловался Дьявол, взмахами шипастого хвоста как бы подчеркивая затруднительность своего положения, — никогда не знаешь, в каком обличье лучше встречаться со смертными. В своем воображении люди наделили меня столькими личинами, что теперь никто не в состоянии сказать, какая из них действеннее. Кстати, я могу принять любую из приписываемых мне форм, если она почему-либо кажется вам предпочтительнее. Хотя, признаться, та, в которой вы меня сейчас видите, удобнее всех, что мне приходилось носить.

— Мне все равно, — сказал я. — Как вам удобнее.

Я снова немного осмелел, хотя все еще чувствовал себя несколько неуверенно. Все-таки не каждый день приходится беседовать с Дьяволом.

— Очевидно, вы подразумеваете, что не слишком много думали обо мне? — поинтересовался он.

— Пожалуй, да.

— Так я и знал, — скорбно произнес Дьявол. — Вот так я живу последние полвека. Люди почти не думают обо мне, а если и вспоминают, то без

страха. Может, и чувствуют некоторое неудобство, но по-настоящему не боятся. А это трудно переносить. В добрые старые времена, причем не столь уж давние, весь христианский мир побаивался меня очень основательно.

— Кое-кто и сейчас продолжает бояться, — откликнулся я, пытаясь его утешить. — Где-нибудь в захолустье люди должны бояться вас по-прежнему.

Я тут же пожалел о своих словах, поскольку они его не только не утешили, но ввергли в еще более глубокую скорбь.

Тем временем на берег выкарабкался Арбитр. Он был весь в грязи, волосяная шляпа насквозь промокла, однако, едва взобравшись наверх, он сразу же пустился в дикую и яростную воинственную пляску.

— Я не потерплю этого! — верещал он. — Мне наплевать, что вы скажете! Ему осталось еще два! Вы не можете отрицать оборотней, но Дон Кихота вы должны отвергнуть, он не настоящий противник! Говорю вам, Правило обратится в ничто…

Дьявол безропотно вздохнул и взял меня за руку.

— Пойдемте куда-нибудь в другое место, где можно будет посидеть и потолковать.

Раздался громкий свист, ударил гром, в воздухе запахло серой, и во мгновение ока мы перенеслись на голую вершину холма, господствовавшего над долиной. Неподалеку росла купа деревьев, а поблизости от них громоздилась гряда валунов. Из долины доносилось мирное и счастливое кваканье весенних лягушек, а легкий ветерок шелестел в листве. Во всех отношениях место это было куда приятнее берега болота.

У меня подгибались колени, но Дьявол поддержал меня, подвел к каменной гряде и усадил на один из валунов, оказавшийся очень удобным. Затем он присел рядом со мной, обернув скрещенные ноги хвостом, кончик которого взял в руки и принялся им поигрывать.

— Теперь, — сказал он, — мы можем поговорить без помех. Конечно, Арбитр может выследить нас, но на это ему потребуется некоторое время. Больше всего я горжусь своим искусством мгновенного перемещения с места на место.

— Прежде чем приступить к долгому разговору, — сказал я, — мне хотелось бы кое-что выяснить. Со мной была женщина, и она исчезла. Она была на постоялом дворе и…

— Знаю, — с усмешкой проговорил Дьявол. — Ее зовут Кэти Адамс. Вы можете за нее не беспокоить-

ся — она вернулась на Землю; на человеческую Землю. И это прекрасно, потому что нам она больше не нужна. Нам пришлось взять ее сюда только из-за того, что она была вместе с вами.

— Не нужна?

— Нет, конечно, нет. Нам нужны только вы.

— Послушайте… — начал было я, но Дьявол прервал меня взмахом массивной руки.

— Вы нужны нам как посредник. Полагаю, это именно так называется. Мы подыскивали кого-нибудь, кто мог бы послужить нам, стать, как вы сказали бы, нашим агентом, а тут как раз появились вы и…

— Если это все, к чему вы стремились, то добивались вы этого довольно странным путем. Ваша банда сделала все, чтобы убить меня, и только счастливый случай…

— Вовсе не счастливый случай, — перебил он меня со смешком. — Обостренный инстинкт самосохранения, подобного которому я не встречал уже много лет. Что же до этих попыток убрать вас — могу заверить, что кое-кто из торопыг уже за них поплатился. Воображения у них в избытке, а гибкости недостает — тут будут нужны перемены. Я был слишком занят другими делами, вы можете их себе представить, и даже отсутствовал

здесь, когда заварилась вся эта история…

— Вы хотите сказать, что правило о трех попытках…

— Нет, — он печально покачал головой. — Честно говоря, с этим я ничего не могу поделать. Закон есть закон, сами знаете. И в конце концов, именно вы, люди, придумали это Правило — вместе с кучей других, не более осмысленных. Взять хоть это: «Преступление невыгодно» — а ведь вы чертовски хорошо знаете, что выгодно; а чего стоят все эти глупости насчет «рано ложиться и рано вставать…» — он опять покачал головой. — Вы представить себе не можете, сколько трудностей создают нам эти ваши дурацкие правила.

— Но ведь это не законы, — сказал я.

— Знаю. Вы называете их пословицами. Но как только наберется достаточно поверивших в это людей — мы сразу же оказываемся связаны.

— Итак, вы должны предпринять еще одну попытку. Если только вы не согласитесь с Арбитром по поводу этой истории с Дон Кихотом…

— Дон Кихот засчитывается, — проворчал Дьявол. — Я согласен с Арбитром в том, что с этим слабоумным деятелем из Испании легко управится всякий, кому исполнилось хотя бы лет пять. Но я хочу извлечь вас из всего этого — и чем скорее

и легче я это сделаю, тем лучше. Ради дела, которое нам предстоит. Но вот чего я не могу взять в толк, так это неуместного рыцарства, с которым вы согласились на второй круг. Управившись со змеем, вы оказались свободны, но потом дали этому скользкому типу, Арбитру, уговорить вас…

— Я был кое-что должен Кэти. Ведь это я ее впутал.

— Знаю, — согласился он. — Знаю. Хотя временами вы, люди, кажетесь мне непостижимыми. Большую часть времени вы стремитесь перерезать друг другу глотки или воткнуть нож в спину вашему же приятелю-человеку, чтобы переступить через него по дороге к желанной цели, а потом оборачиваетесь вдруг такими чертовски благородными да жалостливыми, что того и гляди стошнит.

— Однако, прежде всего, зачем, раз уж у вас есть ко мне дело, а я, признаться, так и не могу пока в это поверить, так вот, если уж у вас есть ко мне дело, то зачем надо пытаться меня убить?

Мое невежество заставило Дьявола тяжело вздохнуть.

— Мы должны пытаться убить вас. Это тоже правило. Только не было нужды в этих сложных затеях. Все эти причуды были ни к чему. Эти рас-

тяпы сели кружком и принялись придумывать всякие хитрые планы — ладно еще, если б им просто нравилось проводить таким образом время, так нет же, они так захмелели от собственных фантастических замыслов, что им приспичило попытаться все это осуществить. Труды, на которые они готовы подвигнуться ради того, чтобы совершить простое убийство, уму не постижимы. Но все это, разумеется, ваши, человеческие ошибки. Вы сами делаете то же. Ваши писатели, ваши актеры, ваши сценаристы — каждая из так называемых творческих личностей — садятся и знай себе выдумывают все эти безумные характеры и невозможные ситуации; а расхлебывать их достается нам. И как раз это, по-моему, подводит нас к предложению, которое я хочу с вами обсудить.

— Тогда давайте, — сказал я. — А то день у меня выдался тяжелый, и сейчас я с удовольствием вздремнул бы — часиков этак двадцать. В том случае, разумеется, если есть место, где можно было бы прилечь.

— Конечно, есть, — отозвался он. — Вон там, между валунами, куча листьев. Принесены осенними ветрами. Место спокойное, и вы можете поспать, сколько угодно.

— А гремучие змеи, — поинтересовался я, —

входят в комплект спальных принадлежностей?

— За кого вы меня принимаете? — возмутился Дьявол. — Думаете, у меня нет чести и я могу устроить вам ловушку? Клянусь, пока вы не проснетесь, никто не попытается вредить вам.

— А после этого? — спросил я.

— А после этого, — сказал он, — вам придется пройти через последнее испытание, чтобы соблюсти правило трех. Можете спокойно отдыхать, зная, что в какую бы переделку вы ни попали, мои лучшие пожелания на вашей стороне.

— Ладно, — согласился я, — раз уж никак нельзя от этого избавиться… А вы не замолвите за меня словечко? Я несколько подустал. Не думаю, чтобы сейчас я справился еще с одним морским змеем.

— Обещаю вам, — заверил Дьявол, — что это будет не морской змей. А теперь перейдем к делу.

— Ладно, — сказал я. — Так что у вас на уме?

— На уме у меня, — с некоторым раздражением проговорил Дьявол, — эти вздорные фантазии, которыми вы нас кормите. Не можете же вы ожидать, что мы сможем создать какую-нибудь жизнеспособную систему на основе всей этой туманной болтовни? Птички-пташечки взгромоздились на ветку и вопят: «По-моему, я видела сговорчивого болтуна — видела, видела, видела!»

— а внизу, на земле, глупый кот злобно смотрит на пташек с полубеспомощным, полувиноватым видом. Где, спрашиваю я вас, скажите честно, где можем мы найти какую-нибудь порядочную личность в такой ситуации? Для начала вы дали нам солидное и весомое основание, состоявшее из твердого убеждения и здоровой веры. Но теперь вы полюбили шутовство, вы даете нам характеры невероятные и слабые одновременно, а такой материал не только не усиливает нас, но и подрывает все, что мы успели сделать в прошлом.

— Вы хотите сказать, что обстановка у вас была бы здоровее, продолжай мы верить в дьяволов, призраков, гоблинов и им подобных?

— Значительно более здоровая, — сказал Дьявол. — По крайней мере, если вера будет искренней. Но теперь вы превращаете нас в шутов…

— Не в шутов, — возразил я. — Не забывайте, что по большей части люди и не подозревают о реальности вашего существования. Да и откуда им знать, если вы убиваете всех, кто заподозрил о существовании вашего мира?

— Именно это, — горько заметил Дьявол, — вы и называете прогрессом. Вы можете делать почти все, что пожелаете, а желаете вы очень многого, и в то же время набиваете себе головы безрас-

судными ожиданиями, а времени на то, чтобы оглянуться, задуматься над личными ценностями, например, над собственными недостатками, у вас никак не находится. В вас нет опасения…

— Есть и страх, и множество опасений, — сказал я. — Все дело в том, чего именно мы боимся.

— Вы правы. Атомные бомбы и НЛО. Нашли же чего бояться — свихнутые летающие тарелки!

— Возможно, это лучше, чем дьявол, — напомнил я. — С НЛО человек может достичь взаимопонимания, с дьяволом же — никогда. Вы слишком коварны.

— Таково знамение времени, — пожаловался Дьявол. — Механика вместо метафизики. Поверьте мне, в нашем печальном мире существуют целые орды НЛО, множество отвратительных сооружений, населенных всеми видами грозных инопланетян. Но в них нет того честного ужаса, который присущ мне. Хитрые твари, но в них нет никакого смысла.

— Возможно, для вас это плохо, — согласился я, — и я могу понять вашу точку зрении. Но не знаю, чем тут можно помочь. Если не считать отсталых в культурном отношении регионов, вы найдете не слишком много людей, верящих в вас достаточно искренне. Разумеется, временами о

вас говорят. Говорят: «к черту!» или «кой черт это сделал?» — но при этом, по большей части, о вас даже и не помышляют. Вы превратились в не слишком крепкое, прямо скажем, ругательство. Оно не заключает в себе веры в вас. И это необратимо. Не представляю себе, чтобы это положение можно было изменить. Вы не можете остановить прогресс человечества. Вам остается лишь ждать, что будет дальше. Может быть, что-нибудь и сработает в вашу пользу.

— Думаю, кое-что мы все-таки сделать можем, — возразил Дьявол. — Мы не станем ждать. Мы и так уже слишком долго ждали.

— Не представляю себе, что вы имеете в виду. Не можете же вы…

— Я не собираюсь раскрывать вам свои планы, — заметил он. — Вы слишком умны и обладаете той грязной, ласковой и беспощадной проницательностью, на которую способен лишь человек. Я говорю вам так много только затем, чтобы впоследствии вы смогли понять кое-что — и тогда вы, возможно, проявите некоторое желание сотрудничать с нами.

С этими словами Дьявол исчез в облаке серного дыма, а я остался один на вершине холма и смотрел, как дым этот медленно уносило ветром

куда-то на восток. На ветру меня пробрала дрожь, хотя на самом деле было совсем не холодно. Холод исходил скорее от общества, в котором я находился.

Земля вокруг была пустынна — и освещалась она бледной, безмолвной, пустынной и зловещей луной.

Дьявол говорил о подстилке из нанесенных ветром листьев, лежащей между валунами, — я поискал и обнаружил ее. Я порылся в ней, но змей не было. Я и не думал, что они тут окажутся; Дьявол не производил впечатления дешевого обманщика. Я забрался в это углубление между камнями и поудобнее устроился на листьях.

Лежа здесь во тьме, я под стоны ветра с благодарностью думал о том, что Кэти дома и в безопасности. Я говорил ей, что мы оба как-нибудь ухитримся вернуться, однако в тот момент не мог и мечтать, что через какой-нибудь час она окажется в безопасном и надежном месте. И не имеет ни малейшего значения, что я не приложил к этому никаких усилий. Это было делом рук Дьявола, и хотя двигало им отнюдь не сочувствие, я обнаружил, что думаю о нем не без некоторой благодарности.

А еще я думал о Кэти; мысленно представлял

себе ее лицо, повернувшееся ко мне и освещенное пламенем, горящим в ведьмином очаге; пытался восстановить в памяти счастливое выражение, проступившее тогда на лице девушки. Однако выражение это было слишком неуловимым, и мне никак не удавалось зримо представить его себе. Должно быть, так я и уснул среди тщетных попыток.

И проснулся в Геттисберге.

14

Что-то толкнуло меня, я мгновенно проснулся и так быстро выпрямился, что стукнулся головой об один из валунов. Сквозь брызнувшие из глаз искры я рассмотрел склонившегося надо мной человека, который в свою очередь разглядывал меня. В руках он сжимал ружье, ствол которого смотрел в мою сторону, однако не создавалось впечатления, чтобы он прицеливался или тем более собирался стрелять. Скорее всего, он воспользовался ружьем просто чтобы разбудить.

На голове у незнакомца была фуражка, сидевшая не слишком изящно, поскольку у него слишком давно не было времени постричься; а на выцветшем синем мундире, в который он был облачен, блестели медные пуговицы.

— Ну, вы и даете! — дружелюбно восхитился он. — Уважаю, когда человек может хоть на проезжей дороге уснуть!

Он деликатно отвернулся и аккуратно сплюнул струю табачного сока на один из валунов.

— Что нового? — спросил я.

— Ребы[19] подвезли пушки, — сказал он. — Все утро этим занимались. Должно быть, с тыщу собрали — на холме, за дорогой. Понаставили их там, колесо к колесу.

— Тысячи там нет, — покачал я головой. — Сотни две или около того[20].

— Может, вы и правы, — отозвался он. — Я и то думаю, откуда у ребов быть тыще пушек?

— Это, должно быть, Геттисберг?

— Само собой, Геттисберг, — возмутился он. — И не говорите мне, что не знаете. Не можете вы сидеть тут и не знать, где находитесь. Говорю вам, каша вот-вот заварится, и не ошибусь, если скажу, что мы оглянуться не успеем, как окажемся в аду.

Разумеется, это был Геттисберг. Так и должно

---

[19] Примечания: 19

Реб — слово с интересной историей, сокращение от английского rebel — повстанец, мятежник, бунтовщик (для англосаксонского слуха оно звучит примерно так же, как наше отечественное «контра»). Первоначально ребами называли в Англии во время Великой гражданской войны 1642–1660 годов сторонников Кромвеля; потом, во время Войны за независимость, англичане окрестили ребами американцев; во время войны Севера против Юга федералисты-северяне стали называть так конфедератов-южан. Даже писали на могильной плите, хороня неизвестного солдата-южанина: «Джонни Реб».

[20] Примечания: 20

А вот тут оба ошибаются — и солдат, и Хортон Смит: у южан на Семинарском холме было сосредоточено 93 пушки, а у северян на Кладбищенской возвышенности — всего 70.

было случиться. Не зря ближняя роща показалась мне знакомой вчера вечером — вот только действительно ли это было вчера вечером? Или прошлым вечером, но сто лет назад? В этом мире время имело ничуть не больше смысла, чем все остальное.

Скорчившись на своей подстилке из листьев, я пытался собраться с мыслями. Еще вчера — роща и груда валунов, а сегодня — Геттисберг!

Пригнувшись, я выбрался из щели между камнями, однако так и остался сидеть на корточках, разглядывая разбудившего меня человека. Солдат со стороны на сторону перекинул во рту жвачку и тоже уставился на меня.

— Что это за обмундирование на вас? — подозрительно поинтересовался он. — Не припомню ничего похожего.

Успей я получше подготовиться — и отыскать подходящее объяснение оказалось бы, возможно, не так уж трудно; но спросонок в мозгу все еще плавал туман, а голова по-прежнему гудела от удара о камень. Проснуться в Геттисберге — и к тому же беспомощным! Я знал, что ответить необходимо, однако в голову так ничего и не пришло, и я просто отрицательно помотал ею.

Я находился на склоне холма; выше, на самой

вершине, выстроились в ряд пушки; возле них напряженно застыли канониры, взгляды их были устремлены на лежавшую внизу лощину; неподалеку замер в седле фельд-офицер[21] — лошадь под ним нервно переминалась с ноги на ногу; ниже неровной линией залегли пехотинцы — одни прятались за разнообразными укрытиями, другие попросту распластались на земле, а третьи вообще непринужденно сидели; низину, однако, рассматривали все.

— Это мне не нравится, — проговорил обнаруживший меня солдат. — Ни на цвет, ни на запах. Если вы из города, так вам нечего тут делать.

Издалека донесся тяжелый удар — звучный, хотя и не слишком громкий. Услышав его, я вскочил и, посмотрев через лощину, увидел, как на опушке леса, которым поросла вершина возвышавшегося за нею холма, поднялись клубы дыма. А чуть ниже внезапно блеснула вспышка — словно кто-то распахнул и тут же захлопнул дверцу жарко натопленной печи.

— Ложись! — заорал на меня солдат. — Ложись, болван чертов!..

Тирада его на этом не закончилась, однако

---

[21] Примечания: 21

Фельд-офицер — старший офицер, в чине от майора до полковника включительно.

остальные слова были заглушены резким грохотом, раздавшимся где-то за нашими спинами.

Я увидел, что солдат — как, впрочем, и все остальные вокруг, — распластался на земле. Я плюхнулся рядом. Послышался еще один удар, и на противоположном склоне я заметил множество открывающихся печных дверец. Послышался звук быстро летящих приближающихся предметов — и на возвышенности позади нас, казалось, взорвался весь мир.

И продолжал взрываться.

Сама земля подо мной ходуном ходила от канонады. Громовые раскаты достигли нестерпимой силы и продолжали оставаться невыносимыми. Над землею поплыл дым; со свистом и воем его пронизывали осколки, вплетая и эти мерзкие звуки в какофонию канонады С абсолютной ясностью, какая приходит иногда в минуты порожденного смертельной опасностью страха, я зримо представил себе эти обломки металла.

Я чуть-чуть повернул голову — так, чтобы можно было видеть, что происходит на вершине холма. И с удивлением обнаружил, что ничего не вижу — по крайней мере, не вижу того, чего ожидал. Все было окутано клубами густого дыма, стелившегося не больше чем в трех футах над

землей. В этот просвет мне были видны лишь ноги канониров, неистово сновавших возле пушек, — казалось, отряд полулюдей ведет огонь из батареи полуорудий, поскольку лишь нижняя часть лафетов открывалась взгляду, тогда как все остальное скрывал клубящийся дым.

Из этой дымной мути вылетали временами огненные клинки — батареи федералистов вели встречный огонь. В такие моменты я всякий раз ощущал проносящуюся надо мной волну гневного пламени; самым неестественным во всем этом было то обстоятельство, что рев стреляющих чуть ли не над самой моей головой орудий почти полностью заглушался непрерывными взрывами рвущихся за спиной ядер и потому словно бы доносился издалека.

Ядра рвались и в дымной пелене, и над ней, однако сквозь дым сполохи разрывов казались не мгновенными вспышками, как можно было бы ожидать, а мерцающими красно-оранжевыми бликами, пробегающими по вершине холма, словно огни неоновой рекламы. Мощный взрыв взметнул сквозь дым сверкающий багровый факел, вслед за ним к небу рванулся столб черного дыма — одно из сыплющихся ядер угодило в зарядный ящик.

Я плотнее прижался к земле, изо всех сил стараясь зарыться в нее, отяжелеть настолько, чтобы мой вес прогнул почву, тем самым образовав для меня укрытие. И в то же время я понимал, что нахожусь, вероятно, в одном из самых безопасных мест на Кладбищенской возвышенности, потому что в этот день, больше ста лет тому назад, артиллеристы-конфедераты взяли слишком высокий прицел, и в результате бомбардировка перепахала не столько вершину, сколько обратный склон холма.

Вернув голову в прежнее положение, я посмотрел через лощину и увидел над Семинарским холмом другое облако дыма, кипящее над вершинами деревьев, а под этим облаком перебегали крохотные огоньки, обозначавшие стволы конфедератских орудий. Разбудившему меня солдату я сказал, что пушек у них сотни две, а теперь вдруг вспомнил, что их насчитывалось сто восемьдесят, а за мной, на вершине Кладбищенской возвышенности, располагалось восемьдесят отвечавших им пушек — по крайней мере, так было написано в книгах. И что сейчас должно было быть чуть больше часу дня, поскольку канонада началась сразу после часа и продолжалась часа два.

Где-то там генерал Ли[22] наблюдал за битвой с вершины Тревеллер-Хилла. Где-то там с мрачным видом сидел на кривой жердине забора Лонгстрит[23], размышляя о том, что атака, которую он должен начать, наверняка окажется безуспешной. Потому что наступать так, как придется это сделать сейчас, — свойственно военной манере янки[24], боевые же достоинства южан всегда проявлялись в умении спровоцировать атаку войск Союза[25], а потом истощить их силы, перемалывая в упорной обороне.

Однако мне пришлось признаться себе, что в этих рассуждениях присутствует и слабое место. Там, на других холмах, нет ни Ли, ни Лонгстрита. Они отвоевали свое больше века назад, и впредь им никогда не сражаться. А эта пародия на бой,

---

[22] Примечания: 22

Ли Роберт Эдуард (1807–1870) — генерал, главнокомандующий войсками конфедератов.

[23] Примечания: 23

Лонгстрит Джордж Гордон (1815–1872) — генерал конфедератов, командовавший войсками южан, участвовавшими в битве при Геттисберге.

[24] Примечания: 24

Янки — сегодня для нас это словцо — собирательное прозвище американцев вообще. Однако так было не всегда. Первоначально, в XVII веке, Ян Киис (Ян Сыр) было пренебрежительным прозвищем голландских пиратов; затем голландцы, жители Нового Амстердама, города-предка Нью-Йорка, стали называть так английских поселенцев в Коннектикуте, подразумевая, что это сплошь разбойный люд. Имея в виду то же самое, те, кто в пору Войны за независимость сохранил

верность британской короне, называли так мятежников-колонистов — Янки Реб. А потом оно прочно закрепилось за уроженцами северных, главным образом северо-восточных штатов. И потому для конфедератов северяне были «янки», но сами они — никогда.

[25] Примечания: 25

Войск Союза — т. е. федеральных войск.

разыгрываемая у меня на глазах, отнюдь не повторяла подлинной геттисбергской битвы, а всего лишь отражала традиционное представление о ней, выглядела именно такой, какой предстала она мысленному взору позднейших поколений.

Рядом со мной, вспахав дерн, впился в землю осколок. Я потянулся было к нему, но, не успев прикоснуться, отдернул руку — металл источал жар. Я был уверен, что попади он в меня — и я был бы убит столь же легко и надежно, как в настоящем сражении.

Справа от меня виднелась рощица — та самая, которой в момент наивысшего успеха достигла атака конфедератов, достигла — и откатилась по склону назад; позади — и тоже чуть правее — высились невидимые сейчас в дыму массивные и безобразные кладбищенские ворота. Несомненно, местность выглядела сейчас точно так же, как и в тот, более чем столетней давности день, а это воспроизведение баталии будет развиваться в полном соответствии с хронологией событий, какой сохранилась она в человеческой памяти — включая передвижения отдельных воинских частей и более мелких подразделений, хотя, разумеется, со временем многие детали стерлись из памяти, и последующие поколения уже не знали

о них — или предпочли точному знанию пометы на полях; но так или иначе, а здесь Гражданская война будет в точности такой, какой представляется людям во время застольной беседы: во многих отношениях их знания или предположения могут, конечно, оказаться справедливыми, однако никому не под силу представить себе, как это выглядело в действительности, не пережив баталии лично и не испытав ее превратностей на собственном опыте.

Разверзшийся вокруг кромешный ад и не думал прекращаться — грохот и рев, пыль и дым, скрежет и пламя. Я все так же прижимался к земле, которая, казалось, продолжала колебаться подо мной. Я уже не был в состоянии воспринимать звуков, и временами мне начинало казаться, что я оглох навсегда, что такого понятия, как «слух», вообще никогда не существовало и я его попросту выдумал.

Со всех сторон одетые в голубые мундиры[26] солдаты тоже вжимались в землю, прячась за камнями, нагромождениями жердей, вытащенных из каких-то изгородей, втискиваясь в наспех вырытые мелкие окопчики; они инстинктивно

---

[26] Примечания: 26
Голубые мундиры — форма федералистов; южане носили серые.

старались спрятать головы, но руки сжимали ружья, направленные в сторону холма, откуда палили пушки конфедератов. Они ждали, когда кончится канонада, и там, на склоне, поднимется длинная цепь марширующей, как на параде, пехоты, пересечет лощину и примется взбираться по склону Кладбищенской возвышенности.

Сколько времени это уже продолжается? Я поднес руку к лицу: часы показывали половину двенадцатого, и это, конечно, было неверно — ведь канонада началась в час, может быть, в несколько минут второго. Впервые с тех пор, как оказался в этом дурацком времени, я взглянул на часы, однако у меня не было возможности сопоставить местное время с нормальным земным — если, конечно, в этом месте такое понятие, как время, существует вообще.

Я решил, что с момента начала канонады прошло, вероятно, не больше пятнадцати-двадцати минут — хотя по ощущению казалось, будто минуло куда больше, и это было вполне естественно. Во всяком случае, я был уверен, что ждать прекращения огня предстоит еще долго. Поэтому я еще плотнее вжался в землю, чтобы представлять собой возможно меньшую мишень. Придя к выводу, что остается только ждать, я

принялся размышлять над тем, что делать, когда прекратится канонада и цепь конфедератов начнет взбираться на этот последний склон, когда заплещут на ветру алые боевые знамена, а солнце вспыхнет на саблях и штыках. Что предпринять, если один из них вознамерится пырнуть меня штыком?

Бежать, разумеется — если здесь найдется, куда бежать. Наверное, тут окажется в избытке и других беглецов, однако более чем вероятно, что по другую сторону возвышенности стоят голубомундирные солдаты и офицеры, у которых дезертиры не вызовут ни малейших симпатий. О том, чтобы пытаться защитить себя, не могло быть и речи, даже окажись у меня в руках ружье — поскольку эти ружья являли собой самое неуклюжее творение рук человеческих, и я не имел даже отдаленного представления о том, как из них стрелять. Похоже, все они заряжались с дула, а о подобном оружии я знал меньше, чем ничего.

Дым сражения становился все гуще, застилая солнце. Клубы его заполонили всю лощину, а здесь, на склоне, он стелился над самыми головами людей, распластавшихся перед батареями северян. Казалось, я смотрю на мир сквозь узкую щель, с трех сторон ограниченную грязно-серыми

колышущимися занавесами.

Вдалеке на склоне что-то зашевелилось — не человек, а какое-то гораздо меньшее существо. Поначалу я принял его за щенка, оказавшегося на нейтральной полосе, но для собаки оно было слишком рыжим, пушистым, и вообще не очень-то походило на собаку. Скорее уж оно напоминало крота. И я сказал ему: «Будь я на твоем месте, крот, я зарылся бы в нору и не вылезал из нее». Не думаю, чтобы я произнес что-нибудь вслух, но даже если бы и проговорил, это не имело бы значения — никто, не говоря уже об этом дурном кроте, все равно не мог бы меня услышать.

Некоторое время крот продолжал сидеть на одном месте, а потом направился вверх по склону ко мне, пробираясь сквозь высокую траву.

Передо мной опустился завиток дыма, скрыв крота из виду. Расположенная позади батарея продолжала вести огонь, но вместо четкого разговора ее орудия выговаривали лишь невнятное «чуфф-чуфф», а уже ставший привычным их рев заглушался треском и визгом рушащейся с неба лавины металла. Временами осколки, словно тяжелые дождевые капли, выпадали из дымной тучи и сыпались вокруг — те, что покрупнее, вспахивали дерн, взметывая в воздух комочки

грязи.

Завиток дыма рассеялся. Крот оказался теперь намного ближе, и я разглядел, что это совсем не крот. Не пойму, как я сразу не узнал эту остроконечную волосяную шляпу и кувшинообразные уши. Даже на расстоянии я должен был бы догадаться, что это Арбитр, а вовсе не щенок или крот.

Но теперь он был мне отчетливо виден; Арбитр смотрел на меня, смело бросая вызов, точно воинственный бантамский петух, а потом поднял руку с плоскими пальцами и показал мне нос.

Мне следовало бы быть разумнее. Следовало дать ему подойти. И не следовало обращать на него внимание. Но я был не в силах вынести этого зрелища — кривоногий, смахивающий на петуха Арбитр показывал мне нос!

Не раздумывая, я вскочил и бросился к нему. Но не успел я пробежать вниз по склону и нескольких шагов, как что-то ударило меня.

Дальше я мало что помню. Мимолетное прикосновение к черепу раскаленного металла, внезапное головокружение стремительного падения — и больше я не чувствовал ничего.

15

Казалось, я бесконечно долго блуждал по какому-то затерянному во мраке пространству, хотя глаза были закрыты, и было не понять, действительно ли вокруг царит тьма. Но я был уверен, что это именно так, что даже сквозь сомкнутые веки я ощущаю окружающую темноту, однако в то же время понимал, насколько это глупо, и считал, будто, открыв глаза, увижу полуденное солнце. И все же я не открывал глаз. Почему-то мне казалось, что я должен держать их закрытыми, — словно в противном случае мне предстанет зрелище, которое не дозволено видеть ни единому смертному. Конечно, все это было чистейшей фантазией. Не было ни малейших оснований полагать, что дело обстоит именно так. Как раз в том-то и заключалось самое ужасное, что я ничем не мог доказать, будто блуждаю в мире мрака по пустынной земле — но не просто пустынной, а недавно еще полнившейся жизнью, а теперь лишенной ее совсем.

Я продолжал медленно, с болезненными усилиями карабкаться вверх по склону, понятия не имея, куда и зачем. Казалось, я даже испытывал

удовлетворение — не оттого, что мне хотелось этим заниматься, а потому, что альтернатива была непостижима и ужасна. Я не понимал, кто я или что я, где нахожусь и какая причина подвигла меня на это восхождение; казалось, я вечно взбирался во тьме на этот бесконечный склон.

Но со временем ко мне пришли новые ощущения — земли и травы под руками, неудобства от врезавшегося в колено камешка, прохлады от прикосновения ветерка к лицу и трепещущий звук — шум листвы, колышущейся где-то над головой.

И это было куда реальнее предыдущего. «Этот мир, — подумал я, — это мрачное место вновь наполнилось жизнью».

Я перестал ползти и приник к земле, чувствуя, как она отдает тепло летнего дня. Теперь стал слышен не только шелест ветра в листве, но и топот множества ног, и отдаленные голоса.

Я открыл глаза — действительно, кругом было темно, но не в такой степени, как я себе это представлял. Передо мной виднелась рощица, а за ней, на вершине холма, силуэтом вырисовывалась на фоне звездного неба пьяная пушка — с одним колесом, осевшая набок, со стволом, нацелившимся на звезды.

При виде ее я вспомнил Геттисберг, осознал, где лежу, и понял, что никуда не взбирался. Я находился на том же — или приблизительно на том же — месте, где днем вскочил на ноги, когда Арбитр показал мне нос. А все последующие видения были только лихорадочным бредом.

Поднеся руку к голове, я нащупал с одной стороны большой, скользкий струп и почувствовал, что пальцы сразу же стали липкими.

Я поднялся на колени и постоял так немного, борясь с головокружением. Голова болела — особенно там, где я нащупал струп, но сознание было ясным. Я чувствовал, как возвращаются силы. Видимо, осколок задел меня лишь вскользь, рассек кожу и вырвал клок волос.

Я понял, что Арбитр едва не добился своего — смерть прошла от меня в какой-то ничтожной доле дюйма. Неужели вся эта баталия была разыграна исключительно в мою честь, только для того, чтобы завлечь меня в ловушку? Или же это представление, вновь и вновь повторяющееся по расписанию — до тех пор, пока люди в моем мире не перестанут интересоваться происшедшим при Геттисберге?

Я встал и обнаружил, что ноги держат довольно уверенно, хотя и ощущал внутри какое-то стран-

ное беспокойство, — поразмыслив, я пришел к выводу, что это попросту голод. Последний раз я поел накануне, когда мы с Кэти остановились позавтракать, немного не доезжая до границы Пенсильвании. Разумеется, это было мое вчера — я понятия не имел, как течет время на этом перепаханном ядрами склоне. Я вспомнил, что по моим часам бомбардировка началась двумя часами раньше положенного срока; впрочем, историки так и не пришли к единому мнению на этот счет. Но в любом случае она не могла начаться раньше часу дня. «Однако все это, — подумал я, — вряд ли имеет к нынешней ситуации какое-либо отношение. В этом искаженном мире занавес может подняться в любой, момент — как только захочется режиссеру».

Я начал подниматься по склону, но, не пройдя и трех шагов, споткнулся и упал, вытянув руки перед собой, чтобы не удариться о землю лицом. Я набрал полные пригоршни гравия, но это было отнюдь не самым худшим. Худшее наступило, когда я повернулся и понял, обо что споткнулся. И когда при мысли об этом к горлу подступила тошнота, я увидел другие такие же тела — они в великом множестве были разбросаны там, где сошлись и схватились две цепи бойцов, лежав-

ших теперь, подобно бревнам; они мирно лежали во тьме, и легкий ветерок пошевеливал полы мундиров — возможно, напоминая, что совсем недавно эти люди были живыми.

«Люди, — подумал я, — нет, не люди. О них не имеет смысла горевать — разве что вспоминая тех, кто погиб в подлинном сражении, а не в этой дурацкой пантомиме».

Другая форма жизни, как предположил мой старый друг. Может быть, лучшая, наиболее совершенная форма. Достижение, являющееся вершиной эволюционного процесса. Сила мысли, субстанция абстрактного мышления обрела здесь форму и способность жить и умирать — или симулировать смерть, — возвращаясь в прежнее состояние безликой силы, а затем снова и снова обретать форму и оживать, перевоплощаясь из одного облика в другой.

Это бессмысленно, сказал я себе. Но бессмысленным было все и всегда. Бессмыслицей был огонь, пока не оказался приручен безвестным человеком. Бессмыслицей было колесо, пока кто-то его не изобрел. Бессмыслицей были атомы, пока пытливые умы не придумали их и не доказали их существования — пусть даже не понимая их подлинной сущности; и атомная энергия была

бессмыслицей, пока в Чикагском университете не зажегся странный огонь, а позже не распустился над пустыней неистовый вспухающий гриб.

Если эволюция действительно, как это нам представляется, являет собой процесс созидания такой формы жизни, которая полностью овладела бы окружающей средой, то, создав эту самую гибкую, самую податливую форму, она тем самым сотворила последнее свое достижение. Ибо эта жизнь способна принимать любую форму, автоматически приспосабливаться к любому окружению, вписываться в любую экологию.

«Но в чем смысл всего этого? — спрашивал я себя, лежа на поле сражения под Геттисбергом в окружении мертвецов (вот только — были ли они людьми?). — Хотя, — пришла внезапная мысль, — может быть, еще слишком рано доискиваться смысла. Если бы некий разумный наблюдатель увидел голых, хищных обезьян, миллион с лишним лет тому назад стаями скитавшихся, охотясь, по Африке, — он вряд ли распознал в них грядущего царя природы».

Я снова встал и пошел вверх по склону, миновал рощицу, прошагал мимо искореженной пушки — теперь я заметил и множество других, ей подобных, — наконец достиг вершины и смог

взглянуть на обратный склон, простиравшийся за моей спиной.

Представление продолжалось. Там и сям на склоне виднелись лагерные костры — группируясь, в основном, к юго-востоку от меня; откуда-то издали доносилось звяканье упряжи и скрип тележных, а может быть, и пушечных колес. Со стороны Круглой Макушки раздалось ржание мула.

Надо всем этим сияли летние звезды — и я подумал, что вот тут-то и кроется ошибка сценаристов: помнится, сразу после окончания боя разразился ливень, и часть раненых, которые не могли самостоятельно передвигаться, захлебнулись в потоках воды. Это была так называемая «артиллерийская погода». За ожесточенными сражениями так часто следовали жестокие бури, что люди уверовали, будто артиллерийская канонада вызывает дождь.

Весь склон был усеян темными холмиками человеческих и, реже, лошадиных трупов, но среди них, казалось, не было раненых, не слышалось жалобных стонов и воплей, неизбежных после всякой баталии. «Конечно, — сказал я себе, — всех раненых к этому времени могли отыскать и унести; однако я не слишком удивился бы, узнав,

что раненых вообще не было, — возможно, отредактированная в сценарии историческая правда вообще исключала возможность существования раненых».

Глядя на эти смутные фигуры, скорчившиеся на земле, я ощутил исходящие от них мир и спокойствие, почувствовал величие смерти.

Не было видно искалеченных и разорванных на куски, все лежали в приличных позах, словно попросту прилегли вздремнуть. Ни следа агонии или боли. Даже лошади казались спящими. Ни единое тело не вздулось, ни одна нога гротескно не оттопыривалась. Поле битвы выглядело благочинно, аккуратно и опрятно — с некоторой примесью романтичности, может быть. Конечно, сценарий был отредактирован — однако отредактирован усилиями скорее моего, чем этого мира. Именно так людям последующих поколений представляется Геттисбергская битва — думая об этой войне, они забывают о ее жестокости, грубости и ужасах, драпируя их рыцарской мантией, творя из реляции о боевых действиях сагу.

Я понимал, что это ошибочно. Знал, что на самом деле все было по-другому. Однако, стоя здесь, почти забыл, что это всего лишь спектакль, — я испытывал сложное чувство, в котором перепле-

лись восхищение, гордость и грусть.

Ржание мула смолкло, а на смену ему пришла песня, которую завели где-то у костра. Из-за спины слышался трепещущий шорох листвы.

«Геттисберг, — подумал я. — Я был здесь в другое время и в другом мире, стоял на этом самом месте и пытался вообразить, на что все это могло быть похоже, и вот теперь увидел воочию — по крайней мере, отчасти».

Я зашагал вниз по склону и тут услышал окликавший меня голос:

— Хортон Смит!

Я поискал глазами и вскоре заметил его — он взгромоздился на сломанное колесо вдребезги разбитой взрывом пушки. Я мог различить лишь его силуэт — остроконечную волосяную шляпу и кувшинообразные уши; но главное — он больше не подпрыгивал от ярости, а просто сидел, как на насесте.

— Опять ты?

— Вам Дьявол помог, — заявил Арбитр. — Это нечестно. Стычку с Дон Кихотом вообще засчитывать нельзя, а без помощи Дьявола вам бы ни за что не пережить канонады.

— Ладно. Значит, мне помог Дьявол. Ну и что?

— Вы признаете это? — спросил он, оживля-

ясь. — Вы признаете, что вам помогли?

— Вовсе нет, — отозвался я. — Это утверждаешь ты. А мне доподлинно ничего не известно. Дьявол ничего не говорил мне о помощи.

— Тогда ничего не поделаешь, — удрученно проговорил Арбитр и сник. — Три — волшебное число. Так гласит закон, и я не могу этого обсуждать, хотя, — резко добавил он, — мне и очень хочется. Вы не нравитесь мне, мистер Смит. Совершенно не нравитесь.

— И я плачу тебе взаимностью.

— Шесть раз! — взвыл Арбитр. — Это же безнравственно! Невозможно! Никто и никогда не выдерживал раньше и трех!

Подойдя поближе к пушке, на которой восседал Арбитр, я пристально посмотрел на него.

— Если это тебя утешит, — проговорил я наконец, — я не заключал договора с Дьяволом. Я попросил его замолвить за меня словечко, но он отказался, объяснив, что не может этого сделать. Он сказал, что закон есть закон и в этом случае даже он бессилен.

— Утешит?! — заверещал Арбитр и снова пустился в яростную пляску. — С чего это вам захотелось меня утешать? Это еще одна хитрость, говорю я! Еще один грязный человеческий трюк!

Я резко повернулся на пятках.

— Пошел вон! — сказал я Арбитру. Что толку пытаться быть вежливым с таким ничтожеством?

— Мистер Смит! — закричал он мне вслед. — Мистер Смит! Пожалуйста, мистер Смит!..

Не обращая на его вопли внимания, я продолжал спускаться с холма.

Слева я заметил смутные очертания белого фермерского дома, обнесенного тоже выбеленным забором. Однако часть забора была повалена. В окнах дома горел свет, во дворе топтались лошади. Здесь должен был находиться штаб генерала Мида[27], и сам генерал мог быть тут. Стоило подойти — и я мог бы взглянуть на него.

Но я не подошел. Я зашагал дальше по склону холма. Ибо этот Мид не был подлинным Мидом — не больше, чем этот дом был настоящим домом, а разбитое орудие — настоящей пушкой. Все это было лишь жестокой игрой, хотя и чрезвычайно убедительной — настолько, что там, на вершине, я на секунду уловил, что представляет собой настоящее, историческое поле битвы.

---

[27] Примечания: 27

Мид Джордж Гордон — генерал федералистов, командующий Потомакской армией; осуществлял руководство действиями войск северян в битве под Геттисбергом.

Вокруг раздавались голоса, слышался звук шагов, временами я улавливал взглядом смутные человеческие фигуры, спешащие куда-то — то ли с поручением, то ли, скорее, по собственным делам.

Спуск стал круче, и я увидел, что оканчивается он оврагом, края которого поросли мелколесьем.

Под деревьями горел костер.

Я попытался свернуть в сторону, поскольку не хотел ни с кем встречаться, но я подошел слишком близко, чтобы не оказаться обнаруженным. Из-под ног у меня покатились и посыпались на дно оврага камешки, и тут же послышался резкий оклик.

Я остановился и замер.

— Кто здесь? — снова прокричал тот же голос.

— Друг, — глуповато отозвался я, не зная, что еще придумать.

Свет костра блеснул на поднятом ружейном стволе.

— Не надо, Джед, не дергайся, — произнес голос с характерным протяжным выговором. — Ребов поблизости быть не может, а если бы вдруг оказались — то были бы полны миролюбия.

— Я просто хотел убедиться, и все, — сказал Джед. — После нынешнего дня я не хочу ничем

рисковать.

— Полегче, дружище, — сказал я, подходя к костру. — Я вовсе не реб.

Оказавшись на свету, я остановился, предоставляя им возможность рассмотреть меня. Их было трое — двое сидели у костра, а третий стоял с ружьем в руках.

— Вы не из наших, — проговорил стоящий, которого, по-видимому, звали Джедом. — Кто же вы, мистер?

— Меня зовут Хортон Смит. Я газетчик.

— Подумать только! — сказал тот, с протяжным выговором. — Подходите и присаживайтесь у огонька, коли есть время.

— Время найдется.

— Мы можем вам обо всем порассказать, — проговорил тот, что до сих пор хранил молчание. — Мы как раз в самой заварухе оказались. В аккурат рядом с рощей.

— Погодите, — возразил протяжноголосый. — Нечего нам ему рассказывать. Я уже встречал этого джентльмена. Он был с нами. Может, даже все время. Я видел его, а потом стало так припекать, что уже ни на что не обращал внимания.

Я подошел поближе к костру. Джед прислонил мушкет к сливовому дереву и вернулся на свое

место возле огня.

— Мы поджариваем бекон, — сказал он, указывая на сковородку, стоявшую на угольях, выгребенных из костра. — И если вы голодны — учтите, у нас его много.

— Только вы должны быть очень голодным, — заметил другой, — иначе этого никак не переварить.

— Полагаю, что голоден достаточно, — я вошел в круг света и присел на корточки. Рядом со сковородой, на которой жарилась свинина, стоял дымящийся кофейник. Я вдохнул аромат. — Кажется, я пропустил обед. Да и завтрак тоже.

— Тогда вы, может, с этим и справитесь, — проговорил Джед. — У нас найдется и пара сухарей в придачу, так что я приготовлю вам сандвич.

— Конечно, — добавил протяжноголосый, — сперва нужно как следует постучать ими обо что-нибудь, чтобы выколотить червей. Если вы не хотите употребить их в качестве свежего мяса, разумеется.

— Скажите-ка, мистер, — вмешался третий, — мне кажется, или вам звездануло по маковке?

Я поднес руку к голове, и пальцы снова стали липкими.

— Оглушило ненадолго, — ответил я. — Недав-

но пришел в себя. Осколком, наверное.

— Майк, — обратился к протяжноголосому Джед, — почему бы вам с Асой[28] не промыть рану и не посмотреть, так ли она страшна? А я тем временем налью ему кофе. Вероятно, он сможет с ним управиться.

— Все в порядке, — сказал я. — Это просто царапина.

— Лучше взглянуть, — возразил Майк. — А когда пойдете дальше — шагайте вниз, к Тэйнтаунской дороге. Пройдете по ней немного на юг, и там отыщете костоправа. Он может шлепнуть на рану какой-нибудь дряни, чтобы не началась гангрена.

Джед протянул мне кружку крепкого и горячего кофе. Я глотнул — и обжег язык. Тем временем Майк с поистине женской нежностью обрабатывал мне голову, промывая рану смоченным водой из его фляжки носовым платком.

— Действительно, царапина, — проговорил он. — Только кожу ссадило. Но на вашем месте я бы все-таки наведался к костоправу.

---

[28] Примечания: 28

Имечко у солдата диковинное, но отнюдь не является причудой автора или ошибкой переводчика. В большинстве своем протестанты, американцы любили давать детям библейские имена, в том числе — и такие редкие. Желающие убедиться пусть заглянут в 14-ю главу 2-й Книги Паралипоменон Ветхого завета.

— Непременно, — пообещал я.

Самое удивительное заключалось в том, что эти трое собравшихся у костра действительно верили, будто они солдаты Союза. Они не играли. Они были теми, кем им полагалось быть. Вероятно, они могли быть чем угодно еще — или, вернее, сила (если это была сила), способная стать материей и формой, могла принять какое угодно обличье. Но, обретая форму какого-то определенного существа, она полностью воссоздавала его — со всеми присущими ему признаками, целями и желаниями. Возможно, вскоре эти материализации вернутся в свое первоначальное элементарное состояние, субстанцию, готовую в любой миг обрести иную форму и другую суть, но пока это были настоящие солдаты Союза, только что сражавшиеся на перепаханном бомбардировкой склоне холма.

— Вот и все, что я могу сделать, — садясь, проговорил Майк. — У меня нет даже чистой тряпицы, чтобы перевязать вам голову. Но отыщите дока, и он вмиг все путем обтяпает.

— А вот и сандвич, — сказал Джед, протягивая две галеты с зажатым между ними куском жареного бекона. — Червей я выколотил. Думаю, почти всех.

Это было весьма неаппетитное на вид блюдо, а сухарь оказался твердым как раз настолько, как я об этом читал, но я был голоден, а сандвич являл собой пищу, и я стал трудиться над ним. Джед приготовил сандвичи остальным, и мы молча принялись за них — молча потому, что лишь полностью сосредоточенный на процессе поглощения пищи человек был в состоянии управиться с такого рода пищей. Кофе остыл достаточно, чтобы можно было пить, и помог мне одолеть сухарь.

Наконец мы одержали и эту победу, и Джед налил нам еще по кружке кофе, Майк достал старенькую трубку и рылся в карманах до тех пор, пока не наскреб достаточно табаку, чтобы набить ее. Он прикурил от горящей ветки, вытащенной из костра.

— Газетчик, — проговорил он. — Из Нью-Йорка, должно быть?

Я покачал головой. Нью-Йорк был слишком близко. Кто-то из них мог по случайности встречаться с каким-нибудь нью-йоркским журналистом.

— Из Лондона, — ответил я. — «Таймс».

— А говорите вы не как англичане, — заметил Аса. — У них такой уморительный акцент.

— Я много лет не был в Англии. Прижился здесь.

Это не объясняло, конечно, каким образом человек ухитрился потерять свой английский акцент, но на некоторое время помогло.

— В армии Ли есть англичане, — сказал Джед. — Фримантл[29] или как-то вроде. Полагаю, вы его знаете?

— Слышал, — отозвался я. — Но встречаться не приходилось.

Они становились слишком любопытными. По-дружески, конечно, но уж чересчур. Однако продолжать они не стали. Слишком много было других тем для разговора.

— Когда будете писать статью, — поинтересовался Майк, — что вы думаете сказать о Миде?

— Ну, пока еще не знаю, — ответил я. — Просто еще не успел подумать об этом толком. Разумеется, он одержал здесь блестящую победу. Подпустил южан поближе. Сыграл в их же игру. Прочная оборона и…

— Может, оно и так… — Джед сплюнул. — Да

---

[29] Примечания: 29

Английский подполковник Фримантл был прикомандирован к штабу генерала Ли в качестве наблюдателя.

только у него нет стиля. Мак[30] — другое дело, вот уж у кого стиль есть.

— Оно, конечно, стиль, — откликнулся Аса. — Да только с ним нас всегда били. Хорошо хоть разок оказаться в победителях, скажу я вам. — Он посмотрел на меня поверх костра. — Ведь мы победили, как вы думаете?

— Уверен, — сказал я. — Поутру Ли отступит. Может быть, даже отступает сейчас.

— Не все так думают, — заметил Майк. — Я тут перекинулся словечком кой с кем из Миннесотского отряда. Так они считают, что эти чокнутые ребы попытаются еще раз.

— Не думаю, — возразил Джед. — Сегодня мы перебили им хребет. Черт возьми, они поднимались на холм, точно на параде маршировали. Прямо на нас шли, прямо на пушечные стволы. А мы палили по ним, как по мишеням. Всегда говорили, что Ли — генерал умный, да только вот что

---

[30] Примечания: 30

Джед имеет в виду Джорджа Бринтона Мак-Клеллана (1826–1885), генерала с блестящим послужным списком, бывшего американским наблюдателем во время Крымской войны, отличившегося в Мексиканской кампании, а во время Гражданской войны в 1861–1862 годах являвшегося главнокомандующим войсками Союза, пока его не отстранил президент Линкольн. Поражения он и впрямь терпел, но в войсках пользовался большой популярностью — солдаты называли его Маком, Маленьким Маком (роста он был наполеоновского) и даже (не из-за этого ли?) Маленьким Наполеоном.

я вам скажу: генерала, который под огнем гонит солдат вверх по склону, как стадо по пастбищу, умным не назовешь.

— Вот так же и Бернсайд под Фредериксбергом[31], — заметил Аса.

— А Бернсайд и не был умным. — Джед сплюнул. — Никто этого и не говорил.

Я допил кофе, раскрутил оставшуюся на дне гущу и длинным язычком выплеснул ее в костер. Джед потянулся за котелком.

— Спасибо, хватит, — сказал я. — Мне пора идти.

Уходить не хотелось. Я предпочел бы остаться и поболтать с ними еще часок у костра. Так уютно было сидеть у разведенного на дне оврага огня…

Но в глубине души я понимал, что лучше уйти отсюда поскорее. Уйти от этих людей и с этого поля боя до того, как что-нибудь случится. Осколок пролетел достаточно близко. Теоретически я пребывал сейчас в безопасности, конечно, однако не доверял ни этой земле, ни Арбитру. Чем быстрей

---

[31] Примечания: 31

Аса подразумевает крупнейшее в истории Гражданской войны поражение северян — состоявшуюся 13 декабря 1862 года битву под Фредериксбергом, где федералисты во главе с командующим Потомакской армией генералом Эмброузом Эвереттом Бернсайдом (1824–1881) потеряли почти 20 тысяч человек, что впятеро превосходило потери южан.

я уйду, тем лучше.

Я встал.

— Спасибо за ужин. Это было как раз то, чего мне не хватало.

— Куда же вы теперь?

— Думаю прежде всего поискать доктора.

— На вашем месте я бы так и сделал, — кивнул Джед.

Я повернулся и пошел, каждую секунду ожидая, что меня позовут обратно. Но они не позвали, и я, спотыкаясь, выбрался из оврага к погрузился в ночную тьму.

В памяти у меня сохранилась в общих чертах карта этих мест, и по пути я прикидывал, куда лучше всего направиться. Не на Тэйнтаунскую дорогу, разумеется, — она казалась мне слишком близкой к полю битвы. Я пересеку ее и пойду на восток — до тех пор, пока не доберусь до Балтиморской заставы, а оттуда поверну на юго-восток.

В сущности, я и сам не знал, о чем беспокоюсь. В этом неестественном мире одно место было ничуть не хуже любого другого. В действительности я никуда не шел, а просто блуждал по кругу. По словам Дьявола, Кэти находилась в безопасности, вернувшись в нормальный человеческий мир,

однако он ни словом не обмолвился о том, как вернуться туда другому человеку, — вдобавок, я был совершенно не уверен в правдивости его слов относительно Кэти. Он был слишком коварен, чтобы ему можно было доверять.

Добравшись до конца оврага, я вышел в долину. Передо мной лежала Тэйнтаунская дорога. Неподалеку от нее виднелись здесь и там бивачные костры. В темноте я налетел на нечто теплое, поросшее шерстью — и оно фыркнуло на меня. Я отпрянул, но тут же понял, что передо мной лошадь, привязанная к перекладине уцелевшей изгороди.

Лошадь повела ушами и мягко, тихонько заржала. Вероятно, она долго простояла здесь и была испугана — я ощутил, как обрадовалась она появлению человека. Лошадь была под седлом, а на месте ее удерживала накинутая на перекладину уздечка.

— Привет, коняга, — сказал я. — Соскучился, приятель?

Лошадь неуверенно пофыркивала; я шагнул к ней и похлопал по шее. Повернув голову, она ткнулась в меня носом.

Отступив, я огляделся, но никого поблизости не заметил. Тогда я отвязал уздечку, перекинул

ее через лошадиную шею и неуклюже забрался в седло. Похоже, ей это понравилось.

Тэйнтаунская дорога оказалась загромождена множеством фургонов, но я пробрался между ними, никем не замеченный, а потом направил лошадь на юго-восток, и она пустилась бежать легкой рысцой.

На пути мне встречались небольшие группы тащившихся куда-то людей, однажды пришлось объезжать артиллерийскую батарею на марше, но постепенно движение становилось все разреженнее; потом я достиг, наконец, Балтиморской заставы, миновал ее — и лошадь понесла меня прочь от Геттисберга.

16

Как и следовало ожидать, в нескольких милях от Геттисберга дорога кончилась — так же, как там, в горах Саут-Маунтин, когда мы с Кэти оказались перенесены сюда, и шоссе бесследно исчезло, оставив вместо себя лишь наезженные тележными колесами колеи. Балтиморская застава, Тэйнтаунская и все остальные дороги и, может быть, сам Геттисберг были не больше, чем декорацией для батальной сцены, и стоило мне покинуть поле битвы — надобность в них тут же исчезла.

Как только дорога пропала, я оставил всякие попытки выбирать маршрут, позволив лошади идти куда заблагорассудится. Не зная, куда направиться, я предоставил лошади сделать выбор вместо меня. В конце концов, никакой определенной цели у меня не было. Мне просто казалось, что лучше убраться подальше отсюда.

И вот теперь, трясясь в седле теплой и звездной летней ночью, я впервые с тех пор, как оказался в этом мире, получил возможность поразмыслить. Я восстановил в памяти все, происшедшее после того, как я свернул с автострады на извилистую

дорогу, ведшую к Пайлот-Нобу; я задавался множеством вопросов — обо всем, что случилось потом, но готовых ответов не находил. Когда это стало окончательно ясно, я осознал, что ищу ответы исключительно затем, чтобы спасти собственную человеческую логику, и понял всю бесплодность этих попыток. В свете всего, что я теперь знал, не было оснований считать, что человеческая логика — это инструмент, которым можно будет пользоваться и впредь. Я вынужден был признать, что единственно возможное объяснение можно было почерпнуть лишь из соображений, изложенных в записках моего старого друга.

Итак, существует некий мир, в котором, между прочим, я сейчас нахожусь, мир, где сила-субстанция воображения (что за неуклюжий термин!) становится исходным материалом, из которого может быть создана новая материя — или ее видимость, или даже новая ее концепция. Некоторое время я ломал голову в поисках формулировки, способной исчерпывающе описать и объяснить ситуацию, сведя всяческие «может быть» и «если» к приемлемому соотношению, но это была безнадежная затея, и чтобы покончить с ней, я в конце концов просто подобрал подходящий

ярлык — Воображенный Мир. Это было трусливым отступлением, но, возможно, впоследствии кто-нибудь подберет лучшее определение.

Итак, вот он, этот мир, выкованный из всех фантазий, всех самообманов, всех легенд и волшебных сказок, всех измышлений и традиций человеческой расы. И в этом мире обитают — бегают, прячутся, крадутся — все существа, которые могли быть созданы воображением всех вечно занятых умов легкомысленных приматов — с того самого момента, как первый из них появился на свет. Здесь (каждую ночь или только в канун Рождества?) проезжает в своих запряженных оленями санях Санта-Клаус. Где-то здесь (каждую ночь или только в канун Дня Всех Святых?) на каменистой горной дороге погоняет свою клячу Икебод Крейн, отчаянно пытаясь достичь волшебного мостика раньше, чем Всадник Без Головы сможет швырнуть в него тыкву, притороченную у седла[32]. Здесь крадется по кентуккийским лугам с длинным ружьем на плече

[32] Примечания: 32

Подробности этой леденящей душу истории можно почерпнуть в новелле американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859) «Легенда о Сонной Лощине».

Дэниел Бун[33]. Здесь бродит Песчаный Человек, и танцуют джигу на коньке крыши отвратительные, ухмыляющиеся существа. Здесь повторяется (лишь в особых случаях? или длится всегда?) битва при Геттисберге — но не та, что была в действительности, а рыцарское, великолепное, галантное и почти бескровное представление, каким по прошествии времени и рисуется оно в общественном сознании. А возможно, здесь происходят и другие битвы — из тех великих и кровавых, значение которых со временем не теряется, а растет. Ватерлоо и Марафон, Шилох[34], Конкорд-Бридж[35] и Аустерлиц, а в будущем, когда они тоже станут историей, — бессмысленные и бесчеловечные сражения Первой и Второй мировых войн, Кореи и Вьетнама. А со временем

---

[33] Примечания: 33

Бун Дэниел (1734–1820) — один из первых американских поселенцев в Кентукки, был среди инициаторов захвата индейских земель; но в данном случае гораздо важнее, что он стал популярным персонажем американского фольклора.

[34] Примечания: 34

Разыгравшаяся 6 апреля 1862 года близ города Шилоха в Тенесси битва — одна из самых кровопролитных в истории Гражданской войны: обе сражавшихся стороны вместе потеряли в ней 24 тысячи человек. Сейчас на этом месте организован Национальный военный парк.

[35] Примечания: 35

Близ Конкорд-Бриджа, неподалеку от Бостона, 19 апреля 1775 года произошло самое первое сражение Войны за независимость.

частью этого мира станут к тому же — если уже не стали — и Ревущие Двадцатые, с их енотовыми шубами, фалдами и карманными фляжками, с их сухим законом и гангстерами, чьи автоматы так удобно укладывались в скрипичные футляры.

Все, о чем человек мог подумать или думал достаточно долго, — все безумие и разум, злобность и шутовство, все радости и печали всех людей, от первобытной пещеры до наших дней, — все, сформировавшееся в их сознании, обрело в этом мире плоть.

Конечно, с позиций холодной человеческой логики все это могло показаться безумием, но оно существовало здесь, вокруг меня. Я ехал верхом по местам, подобных которым не сыщешь нигде на Земле, ибо это была волшебная страна, замороженная светом звезд тех созвездий, ни одного из которых нельзя было бы отыскать в небе человеческой Земли. Вокруг меня простирался невозможный мир, где дурацкие пословицы становятся законами, где нет места логике, целиком построенный на не подчиняющемся логике воображении.

Лошадь продолжала бежать, временами переходя на шаг, если местность становилась труднопроходимой, но потом сразу же вновь

поднимаясь в рысь. Голова у меня все еще побаливала; я пощупал — и пальцы снова стали липкими; однако я ощущал, что ссадина начинает подсыхать; в целом, похоже, все должно было обойтись. Во всяком случае, я чувствовал себя куда лучше, чем можно было предполагать, и ехал в сиянии звезд по этой холодной местности, ощущая полное удовлетворение.

Разумеется, если не считать того, что в любой момент я мог повстречать кого-нибудь из странных обитателей этого фантастического мира; впрочем, никто из них не показывался. Лошадь, наконец, отыскала дорогу получше и вновь припустила быстрей. Миля за милей оставались позади, а воздух становился холоднее. Временами я видел вдалеке редкие жилища, которые трудно было как следует разглядеть, хотя одно из них напоминало форт, окруженный высоким бревенчатым палисадом, — в таких поселялись продвигавшиеся на Запад переселенцы, добравшись до новых земель в Кентукки. Временами в отдалении мелькали во тьме звездной ночи огоньки, но понять, что они представляли собой, было совершенно невозможно.

Внезапно лошадь резко остановилась, и я лишь по счастливой случайности не перелетел через

ее голову. Только что она беспечно шла рысью, как всем довольная, беззаботная лошадь, и остановка была неожиданной — со скольжением на прямых ногах. Уши ее повернулись вперед, ноздри раздувались, словно она почуяла что-то во тьме впереди.

Она в ужасе заржала, прыгнула вбок с тропы, развернулась на задних ногах и бешеным галопом помчалась в лес. Я усидел на ее спине только потому, что успел вовремя броситься ей на шею, вцепившись руками в гриву, и хорошо сделал, ибо сучья неизбежно раскроили бы мне череп, останься я по-прежнему прямо сидеть в седле.

Лошадиное чутье намного превосходило человеческие возможности, поскольку лишь в лесу я услышал донесшийся сзади мяукающий звук, окончившийся сочным шлепком, и уловил пришедший с порывом ветра запах падали; затем позади раздались треск и хруст — словно нас догоняло огромное, неуклюжее и ужасное тело.

Отчаянно цепляясь за лошадиную гриву, я украдкой оглянулся и краешком глаза заметил преследующую нас болезненно-зеленую тварь.

И вдруг, так быстро, что я не мог ни о чем заподозрить, пока это не произошло, лошадь подо мной растворилась. Она исчезла, словно никогда

и не существовала, а я приземлился — поначалу на ноги, но потом опрокинулся и проехался на заду по лесной глине добрую дюжину футов, пока не перевалился через край откоса и не покатился по склону на дно. Я был потрясен и исцарапан, но все же смог подняться на ноги и посмотреть в ту сторону, откуда продиралось ко мне сквозь чащу зеленое чудовище.

Я точно знал, что произошло, предвидел это и был к этому готов, но ехать верхом казалось так привычно и удобно, и я как-то упустил из виду неизбежность окончания геттисбергского спектакля. Но вот он завершился — и все эти пока еще живые люди на склонах и вершинах холмов, разбросанные по полю мертвые тела, разбитые пушки и невыпущенные ядра, боевые знамена и все остальное, собранное для воспроизведения битвы, — все это просто исчезло. Пьеса кончилась, актеры и сама сцена перестали существовать, а поскольку лошадь, на которой я ехал, была частью этой игры — она исчезла тоже.

Я был оставлен один в этой маленькой, наклонной долине, пролегавшей через лес, один на один с омерзительной зеленью, бушевавшей позади, — омерзительной на вид и распространяющей столь же омерзительный смрад, ужасный

запах гнилостного разложения. Тварь мяукала теперь еще более злобно, и эти звуки перемежались хлюпаньем и жутким чириканьем, буквально раздиравшим мне внутренности. Сейчас, остановившись и обратившись к нему лицом, я понял, что оно представляет собою — существо, выдуманное Лавкрафтом[36], пожиратель мира, вышедший из мифов Ктулху, Древнейшее, для кого земля долго пребывала запретной, а теперь оно вернулось, мучимое отвратительным голодом вампира, который не только обдерет плоть с костей, но и заставит оцепенеть душу, жизнь и разум того, кого захватит в плен своим безымянным ужасом.

И ужас нахлынул на меня — волосы на затылке встали дыбом, судорожно извивался кишечник, тошнота подступала к горлу, и я чувствовал, что лишаюсь всего человеческого; но в то же время ощущал и гнев — именно этот гнев, я уверен, и сохранил мне рассудок. «Проклятый Арбитр, — подумал я, — грязный, маленький, коварный обманщик! Разумеется, он ненавидит меня — и

[36] Примечания: 36

Лавкрафт Говард Филипс (1890–1937) — американский писатель-фантаст, признанный мастер литературы ужасного и сверхъестественного. А с зеленым чудовищем можно поближе познакомиться, прочитав его роман «Зов Ктулху» (1928)

имеет на это право, ибо я побил его, и не раз, а дважды, и еще я с презрением отвернулся от него и ушел, когда он сидел на колесе разбитой пушки и звал меня. Но правило есть правило, — говорил я себе, — и я играл по этим правилам — так, как сам Арбитр их понимал, — и теперь по праву должен находиться вне опасности».

Зеленоватый свет стал ярче — смертоносная, болезненная зелень — но я все еще не мог определить форму преследующего меня существа. Кладбищенский запах усилился, забив мне горло и заполнив ноздри, я пытался не дышать, но безуспешно — из всего, что мне пришлось испытать, этот запах был, несомненно, самым ужасным.

Затем, совершенно неожиданно, я увидел эту тварь, приближавшуюся ко мне, пробираясь между деревьями, — неясно, ибо черные стволы рассекали силуэт на части. Но тем не менее глазам моим предстало достаточно, чтобы запомнить до конца дней. Возьмите чудовищную, раздувающуюся жабу, добавьте немного от плюющейся ящерицы и еще кое-что от змеи — и вы получите приблизительное, весьма отдаленное представление. Тварь была гораздо отвратительнее, настолько, что это не поддается описанию.

Захлебываясь этим смрадом, задыхаясь от зло-

вония, я повернулся на подгибающихся от страха ногах, чтобы бежать, — и в тот же миг земля ушла из-под меня, а потом ударила прямо в лицо. Я понял, что лежу на какой-то твердой поверхности — с исцарапанным лицом и руками и, похоже, с выбитым зубом в придачу.

Но зловоние пропало, стало светлее, причем это был не тот мертвенный зеленый свет, а немного придя в себя, я обнаружил, что вместе со смрадом исчез и лес.

Я осознал, что лежу на бетонной поверхности, и меня пронзил новый страх. Что это? Взлетная полоса? Автострада?

Я встал, потрясенно оглядывая длинную полосу бетона. Это было скоростное шоссе, и я находился как раз на середине проезжей части. Однако мне ничто не угрожало. Ни одна машина не мчалась прямо на меня. То есть машины здесь, разумеется, были, но — неподвижные. Они просто стояли.

17

Некоторое время я не понимал, что произошло. Слишком уж испугала меня поначалу сама мысль о том, что я нахожусь посреди шоссе. Автостраду я узнал сразу же — широкие ленты бетона, поросшая травой разделительная полоса, ограда из стальной сетки, змеящаяся параллельно правой обочине, перекрывая тропинки. Потом я заметил замершие автомобили, и эта картина меня потрясла. Вид случайной машины, с поднятым капотом стоящей на обочине, не являет собой ничего примечательного. Но увидеть их больше дюжины одновременно — совсем другое дело. Людей не было и следа. Только машины — некоторые с поднятыми капотами, хотя и не все. Как будто все они разом вышли из строя и остановились. И замерли они не только рядом со мной, а протянулись вдоль всей дороги, насколько хватало глаз, постепенно превращаясь вдали в темные точки.

И лишь после того, как сознание мое примирилось с очевидностью этих бездвижных машин, до меня дошел куда более явный факт, который я должен был осознать сразу.

Я вновь вернулся в человеческий мир! Я не находился больше в странном мире Дьявола и Дон Кихота!

Не будь я так взволнован видом неподвижных машин, то почувствовал бы себя более счастливым. Но это зрелище настолько обеспокоило меня, что все остальные чувства как бы притупились.

Подойдя к ближайшей машине, я осмотрел ее. На переднем сиденье лежали дорожная карта Американской автомобильной ассоциации и несколько путеводителей, а в углу заднего я заметил термос и свитер. В пепельнице лежала трубка; ключей в замке зажигания не было.

Я осмотрел несколько других машин. В некоторых оставался багаж — словно люди отправились за помощью, рассчитывая вернуться.

Солнце поднялось уже высоко над горизонтом, и утро становилось все более жарким.

Вдали виднелся переход — тонкий мостик, аркой перекинувшийся через шоссе. Вероятнее всего, там мне удастся сойти с автострады. В утренней тишине я зашагал по направлению к нему. В кронах растущих вдоль ограждения деревьев перелетала с ветки на ветку стайка птиц, но это были молчаливые птицы.

Итак, я наконец дома — как и Кэти, если, конечно, Дьяволу можно верить. Только где же она? Скорее всего, прикинул я, в Геттисберге — дома и в безопасности. Я пообещал себе, что, как только доберусь до телефона, сразу же позвоню туда и выясню, где она находится.

Я миновал множество стоящих машин, не обращая на них никакого внимания. Самое главное сейчас — сойти с автострады и отыскать кого-нибудь, кто был бы в состоянии объяснить, что происходит. Дойдя до дорожного указателя, на котором было написано «708», я понял, что нахожусь где-то в Мэриленде, между Фредериком и Вашингтоном. Выходит, за ночь лошадь покрыла изрядное расстояние — если, конечно, география Воображенного Мира совпадала с нашей.

На указателе, установленном возле съезда с автострады, значилось название города, о котором я никогда не слыхал. Я побрел по съезду и там, где он соединялся с узкой дорогой, обнаружил станцию обслуживания, однако двери ее были заперты и она производила впечатление покинутой. Пройдя еще немного, я оказался на окраине маленького городка. И здесь жались к поребрикам неподвижные машины. Я завернул в первую же открытую дверь — это оказалось небольшое

кафе, построенное из бетонных блоков, выкрашенных тошнотворной желтой краской.

За длинным обеденным столом, установленным посреди зала, не было ни единого посетителя, но откуда-то из глубины доносился звон посуды. Под спиртовым кофейником на стойке горел огонь, и все помещение было наполнено соблазнительным ароматом.

Я взгромоздился на табурет, и почти сразу же из заднего помещения появилась безвкусно одетая женщина.

— Доброе утро, сэр, — проговорила она. — Раненько встаете, — взяв чашку, она налила кофе и поставила ее передо мной. — Что-нибудь еще?

— Яичницу с ветчиной, — попросил я. — А если дадите мелочи, я воспользуюсь телефоном, пока вы ее готовите.

— Мелочи-то я дам, — сказала она, — да что толку? Телефон все равно не работает.

— Вы имеете в виду, что испортился? Так, может быть, где-нибудь поблизости…

— Я вовсе не это имела в виду, — перебила женщина. — Ни один телефон не работает. Они не работают уже два дня — с тех пор, как остановились машины.

— Машины я видел…

— Ничего не работает, — продолжала женщина. — Не знаю, что с нами будет. Ни радио, ни телевидения. Ни машин, ни телефонов. Что нам делать, когда кончатся припасы? Пока не кончились каникулы, мой сын может объезжать на велосипеде окрестные фермы, чтобы брать цыплят и яйца. А что потом? И что мне делать, когда подойдут к концу кофе, сахар, мука и многое другое? Грузовиков нет. Они тоже встали.

— Вы уверены? — поинтересовался я. — Относительно машин, я хочу сказать. Вы уверены, что они остановились повсюду?

— Ни в чем я не уверена, — отозвалась женщина. — Я знаю только, что за последние два дня не видела ни единой машины.

— Но в этом вы уверены?

— Совершенно, — сказала она. — А теперь я пойду и поджарю вам яичницу.

Не это ли, происходящее сейчас, имел в виду Дьявол, упоминая о своем плане? Сидя на вершине Кладбищенской возвышенности, он говорил так, будто план еще только зреет, тогда как на самом деле замысел уже претворялся в жизнь. Может быть, это началось как раз в тот момент, когда машина Кэти была перенесена с автострады в теневой мир человеческого воображения.

Все машины на шоссе просто остановились, и только автомобиль Кэти оказался на вершине холма, пересеченной наезженными тележными колесами колеями. Я вспомнил, что Кэти и там никак не удавалось завести двигатель.

Но как это можно было осуществить? Каким образом оказалось возможным разом заглушить двигатели всех машин — да еще таким образом, чтобы потом их нельзя было снова завести?

«Колдовство, — сказал я себе, — скорее всего — колдовство». Однако даже помыслить об этом казалось нелепостью.

Впрочем, невозможно это было лишь здесь, в том мире, где я сейчас сидел, ожидая, пока женщина готовит мне в кухне завтрак. Но, вероятно, это было вполне возможным в мире Дьявола, где колдовство является столь же основополагающим понятием, как у нас — физические или химические законы. Ибо колдовство являлось принципом, вновь и вновь утверждаемым старыми волшебными сказками, древним фольклором, длинной цепью фантастических историй, протянувшейся вплоть до наших дней. Люди безоговорочно верили в него на протяжении многих, многих лет — даже сейчас многие из нас не только причуды ради почтительно относятся

к этим старинным верованиям, расставаясь с ними очень неохотно, а зачастую и сохраняя не безоговорочную уже, но все-таки веру. Сколько человек свернет с дороги, только чтобы не пройти под лестницей? Сколькие все еще ощущают холодок грозящей опасности, стоит черной кошке перебежать им дорогу? Сколькие все еще носят тайком кроличью лапку — а если не кроличью лапку, так какой-нибудь другой амулет на счастье, монетку, может быть, или вовсе какой-то дурацкий значок? Сколькие ищут от нечего делать четырехлистный клевер? Вероятно, все это делается полушутливо, не всерьез, но уже сами поступки выдают не изжитый по сей день страх, по наследству перешедший к нам от пещерного человека, вечную людскую жажду обрести защиту от невезения, от черной магии или сглаза — или как еще можно это назвать…

Дьявол сетовал, что простые бессмысленные человеческие пословицы причиняют массу неприятностей его миру, вынужденному принимать их в качестве основополагающих принципов и законов, а раз уж даже поверья, вроде «три — волшебное число», фактически вступают в силу в Воображенном Мире, то волшебство и подавно имеет там право на существование.

Но сколь бы действенным ни было оно там, каким образом колдовство смогло проникнуть в наш мир, где физические законы должны были превозмочь его силу? Хотя, если подумать, то колдовство также обязано своим происхождением человеку. Человек выдумал его и поместил в Воображенный Мир, и если тот вернул людям их дар — они того вполне заслуживают.

Понятия вроде колдовства не имеют ни малейшего смысла при рассмотрении в контексте логики человеческого мира, но замершие машины на шоссе, бездействующие телефоны, молчащие радиоприемники и телевизоры — все это обрело достаточно осязаемый смысл. В большинстве своем люди могут не верить в действенность волшебства — однако все вокруг меня свидетельствовало о его существовании и эффективности.

Однако ситуация настойчиво требовала осмысления. Если не движутся все машины и поезда, если прерваны все виды связи — значит, не больше чем через несколько дней страна окажется на грани гибели. С остановкой транспорта и разрывом коммуникаций национальная экономика судорожно задергается и замрет. В крупных городах запасы продовольствия быстро иссякнут

— особенно если учесть, что многие кинутся безрассудно его запасать. Придет голод, и голодные орды устремятся из городов, выискивая пищу везде, где ее только можно найти.

Я понимал, что уже сейчас могли проявиться первые приступы паники. Перед лицом неизвестности, да еще когда прекратилось свободное поступление информации, неизбежно должны начать распространяться всевозможные слухи. Еще день-другой, и эти слухи приведут ко всеобщей панике.

Очевидно, человеческий мир получил удар, от которого — если не будет найден ответ — может никогда не оправиться. Современное общество существует благодаря тому, что является сложной структурой, основанной, прежде всего, на скоростном транспорте и мгновенной связи. Уберите эти главные опоры — и весь непрочный дом может рухнуть. Не пройдет и месяца, как от горделивой цивилизации не останется и следа, и человек вновь окажется на стадии варварства, а банды грабителей примутся рыскать повсюду в поисках пропитания.

Конечно, я мог объяснить — но только что происходит, а не что можно предпринять. Вдобавок, размышляя об этом, я понял, что моих объясне-

ний никто и слушать не станет; им просто не поверят; ситуация породит множество безумных объяснений, и мое окажется лишь одним из них.

Женщина высунула голову из кухни.

— Вроде я не встречала вас прежде, — сказала она. — Должно быть, вы приезжий?

Я кивнул.

— В городе сейчас много приезжих, — заметила она. — Пришли с шоссе. Большинство оказались слишком далеко от дома и не могут вернуться…

— Железные дороги должны бы действовать.

— Не думаю, — покачала головой она. — Ближайшая станция в двадцати милях отсюда, и я слышала, как кто-то говорил, что и там все стоит.

— А где находится сам этот город? — спросил я.

— Похоже, — она подозрительно взглянула на меня, — вы мало что знаете. — Я промолчал, и она в конце концов ответила на мой вопрос: — Вашингтон в тридцати милях отсюда по шоссе.

— Спасибо.

— Получится славная длинная прогулка, — проговорила она. — Целый день, не меньше. А денек будет жарким. Вы собираетесь идти пешком до самого Вашингтона?

— Думаю, так.

Она снова исчезла в кухне.

Вашингтон в тридцати милях; значит, до Геттисберга по меньшей мере шестьдесят. «И ни малейшей уверенности, — напомнил я себе, — что Кэти находится в Геттисберге».

Я призадумался — Вашингтон или Геттисберг?

В Вашингтоне находятся люди, которые должны, обязаны узнать то, что я могу им рассказать, хотя, скорее всего, они не станут меня слушать.

Многие, занимающие там высокие посты, — мои добрые друзья или старые приятели, но окажется ли среди них хоть один, способный выслушать историю, которую я хочу рассказать? Мысленно перебрав дюжину из них, я пришел к выводу, что никто не воспримет мой рассказ всерьез. Прежде всего, они не могли себе этого позволить, ибо рисковали обречь себя на вежливое осмеяние, которому неизбежно подвергся бы всякий, рискнувший поверить мне. Я был уверен, что не смогу ничего добиться в Вашингтоне — разве что расшибу лоб о дюжину каменных стен.

Понимая это, я склонялся к тому, чтобы как можно скорее разыскать Кэти. Если мир катится к гибели, то мы должны быть вместе, когда он вдребезги разобьется. Она была единственным человеком в мире, знавшим то же, что и я; един-

ственным представителем человеческой расы, способным понять, какие муки я испытываю; она одна могла посочувствовать мне и прийти на помощь.

Хотя в этом заключалось гораздо больше, чем просто сочувствие и желание помочь; больше, чем просто понимание. Здесь были и воспоминания о тепле и свежести ее тела в моих объятиях; и счастливое выражение, с которым она взглянула на меня там, на постоялом дворе, и глаза ее мягко сияли в свете ведьмина очага… После многих лет, после многих женщин, которых я встречал во многих дальних странах, я нашел, наконец, Кэти. Я вернулся в места своего детства, не зная, правильно ли поступаю, не уверенный, что там найду, — и нашел Кэти.

Женщина принесла яичницу с ветчиной, и я принялся за завтрак.

А пока я утолял голод, совершенно нелогичная мысль зародилась и окрепла в мозгу. Я пытался отделаться от нее, ибо идея казалась абсолютно беспочвенной и безосновательной; но чем больше я старался, тем больше завладевало мной убеждение, что я найду Кэти, — но не в Геттисберге, а в Вашингтоне, кормящей белок перед решеткой Белого Дома.

Я вспомнил, как мы говорили о белках в тот вечер, когда я провожал Кэти домой; пытался припомнить, кто завел этот разговор и что именно было сказано; однако в памяти засел лишь сам факт — и ничего, что могло бы оправдать мою нынешнюю уверенность. И тем не менее я продолжал пребывать в этом бессмысленном, глубоком убеждении, будто встречу Кэти возле Белого Дома. Вдобавок я ощущал еще и необходимость спешить — нужно было оказаться в Вашингтоне как можно скорее, чтобы не упустить ее.

— Мистер, — спросила женщина из-за стойки, — где вы так расцарапали лицо?

— Упал.

— И на голове у вас сбоку отвратительная болячка. Видно, здорово досталось. Как бы вам инфекции туда не занести. Надо бы доктору показаться.

— Некогда.

— Старина док Бэйтс живет ниже по улице, — сказала она. — У него не слишком обширная практика, и вам не придется ждать. Старина док не ахти какой лекарь, но рану обработать сумеет.

— Не могу, — повторил я. — Мне надо как мож-

но скорее добраться до Вашингтона. Мне нельзя терять времени.

— У меня есть на кухне йод. Давайте я промою и смажу йодом. Да и чистое посудное полотенце найдется. Не стоит рисковать заражением.

Некоторое время она смотрела, как я уписываю яичницу, потом сказала:

— Не беспокойтесь, мистер. Я знаю, как это делается. Работала одно время медсестрой. Дура я была, что бросила это дело и содержу такую забегаловку.

— Вы говорили, у вашего сына есть велосипед. Вы не могли бы его продать?

— Ну, не знаю, — протянула она. — Он разболтанный и не много чего стоит, но без него нам будет не доставить яиц.

— Я хорошо заплачу, — предложил я.

— Я могу у него спросить, — поколебавшись, сказала она. — Мы с ним можем обсудить это на кухне. А заодно я и йод поищу. Не могу вам позволить уйти отсюда с такой раной на голове.

18

Женщина пообещала, что день выдастся жарким, так оно и вышло. Волны зноя плыли над тротуаром мне навстречу. Небо превратилось в медную чашу, и ни малейшего дуновения ветерка не чувствовалось в знойном воздухе.

Поначалу велик доставил мне некоторые неприятности, но уже через несколько миль тело восстановило приобретенные еще в детстве навыки, и я почувствовал себя уверенно. Тем не менее, ехать было нелегко, хотя и лучше, чем идти пешком, разумеется; к тому же это был мой собственный выбор.

Я пообещал женщине хорошо заплатить, и она поймала меня на слове. Сто долларов, которые пришлось выложить, составляли почти всю мою наличность. Сотня — за новейшее достижение древней конструкторской мысли, связанное проволокой и скрепленное болтами, и стоившее никак не больше десятки. Но нужно было или раскошеливаться, или идти пешком, а я торопился. «И если нынешнее положение будет продолжаться, — говорил я себе, — возможно, я не так уж и переплатил. Если бы только я мог

сохранить лошадь, она стала бы самым ценным имуществом. Будущее могло принадлежать ве́ликам и лошадям».

Автострада была забита безжизненными машинами — легковушками и грузовиками, тут и там встречались автобусы, но нигде не было видно людей. У всех, застрявших здесь, было достаточно времени, чтобы убраться с шоссе. Это было угнетающее зрелище — словно все внезапно остановившиеся автомобили были живыми существами, убитыми и оставленными лежать здесь; да и сама автострада прежде была живой, полной шума и движения, а теперь умерла.

Я жал и жал на педали, утирая заливавший глаза пот рукавом рубашки, и мечтал лишь о глотке воды — и неожиданно заметил, что добрался до пригорода.

Люди здесь встречались, но уличного движения не было. Попадалось, правда, довольно много велосипедистов, и я заметил несколько человек на роликовых коньках. В мире не сыщется зрелища забавнее, чем человек, облаченный в деловой костюм, с кейсом в руках, пытающийся сохранить невозмутимый вид, направляясь куда-то по улице на роликовых коньках. Однако в большинстве своем люди ничего не делали

— просто сидели на поребриках, на ступеньках, лежали в садах и на уличных газонах; некоторые с безнадежным видом куда-то шли.

Я подъехал к небольшому парку — типичному вашингтонскому парку, со статуей в центре, скамейками под деревьями, пожилой женщиной, кормящей голубей, и питьевым фонтанчиком. Этот фонтанчик и привлек меня. Несколько часов езды по солнцепеку превратили мой язык в ком ваты, забивший рот.

Много времени я тратить не стал. Утолив жажду и чуть-чуть отдохнув на одной из скамеек, я снова сел на велик и погнал дальше.

Подъезжая к Белому Дому, я увидел выстроившуюся полукругом толпу, заполнившую тротуар и часть улицы и в молчании рассматривающую — вероятно, кого-то, стоящего возле решетки.

«Кэти», — подумал я. Именно в этом месте у ограды я и ожидал ее встретить. Но почему они на нее так воззрились? Что происходит?

Яростно нажимая на педали, я подъехал к толпе и соскочил с велика. Позволив ему рухнуть на тротуар, я ввинтился в толпу и принялся, толкаясь и пихаясь, протискиваться вперед. Люди ругали меня, некоторые возвращали мне тычки, другие сердито ворчали, но я продолжал прокла-

дывать себе путь и наконец прорвал внутренний ряд и вырвался на тротуар.

И здесь действительно стоял — но не Кэти, а тот, кого, хорошенько подумав, я должен был бы ожидать встретить тут, — Старый Ник, Его Сатанинское Величество, Дьявол.

Одет он был так же, как во время нашей последней встречи, непотребное брюхо свешивалось на грязный кусок ткани, позволявший ему соблюсти минимум приличий. В правой руке он держал свой хвост, пользуясь шипом на его конце как зубочисткой и ковыряя им в замшелых клыках. С бесстрастным видом он привалился к ограде, упершись раздвоенными копытами в пересекавшую асфальт трещину, и злобно поглядывал на толпу, явно стараясь раздразнить ее. Однако, едва завидев меня, он тотчас же оставил в покое хвост, шагнул навстречу и приветствовал, как закадычного и долгожданного приятеля.

— Приветствую героя! — протрубил он, быстро подойдя ко мне с распростертыми объятиями. — Вернулись из Геттисберга? Вижу, вы ранены. Где вы нашли очаровательную плутовку, так ловко перевязавшую вам голову?

Он попытался обнять меня, но я отшатнулся, раздраженный тем, что нашел его там, где ожи-

дал встретить Кэти.

— Где Кэти? — требовательно спросил я. — Я ожидал встретить ее здесь.

— А, маленькая самочка, — отозвался он. — Вы можете за нее не опасаться. Она в безопасности. В большом белом замке на холме. Полагаю, вы его видели.

— Вы обманули меня! — яростно сказал я. — Вы говорили…

— Обманул, — подтвердил он, разводя руками и как бы желая показать, что ничего не скрывает. — Это один из моих наименьших недостатков. Что может значить маленькая ложь для хороших друзей? Кэти в безопасности — до тех пор, пока мы с вами играем в одну игру.

— Играть в одну игру с вами?! — с отвращением воскликнул я.

— Вы хотите, чтобы забегали прелестные машинки, — проговорил он. — Хотите, чтобы заболтало радио. Чтобы зазвонили телефоны…

Толпа беспокойно зашевелилась. Огородившее нас полукольцо сжалось; пока еще люди не понимали, что происходит, однако навострили уши, как только Дьявол упомянул машины и радио.

Но Дьявол их игнорировал.

— Вы можете стать героем, — говорил он. — Вы

можете положить начало переговорам. Сыграть великую роль.

Я не желал быть героем. И чувствовал, что толпа становится угрожающей.

— Пойдемте, — предложил Дьявол, — и поговорим с этими в откровенку, — и он ткнул пальцем через плечо в направлении Белого Дома.

— Нам туда не попасть, — возразил я. — Мы не можем просто взять и войти.

— Вы ведь аккредитованы при Белом Доме? Есть у вас пресс-карточка?

— Да, конечно. Но это не означает, что я могу приходить туда, когда захочу особенно с птичкой вроде вас на буксире.

— Вы хотите сказать, что войти нельзя?

— Не так, как вы хотите.

— Послушайте, — чуть ли не просительно проговорил Дьявол, — мы должны с ними потолковать. Вы болтаете на их тарабарщине и знаете протокол. Я сам ничего не смогу добиться. Они не станут меня слушать.

Я покачал головой.

Несколько охранников вышли из ворот и по тротуару зашагали к нам. Дьявол заметил, что я поглядываю на них.

— Неприятности? — поинтересовался он.

— Наверное, — отозвался я. — Вероятно, охрана позвонила в полицию — нет, не позвонила, я забыл… Скорее, они послали кого-то сказать копам, что здесь что-то назревает.

Он придвинулся ближе и произнес, почти не разжимая губ:

— Неприятности с копами мне ни к чему.

Вытянув шею, он посмотрел на охранников. Они приближались. Дьявол схватил меня за руку.

— Пошли!

С громовым раскатом земля провалилась из-под ног, меня окружила тьма, в которой слышался рев тяжелых крыльев. Затем мы оказались в просторной комнате, посреди нее стоял длинный стол, вокруг которого сидело много народу с Президентом во главе.

Дым струйками поднимался от выжженного места на ковре, где стояли мы с Дьяволом, а в воздухе повис тяжелый запах серы и паленой ткани. Снаружи кто-то яростно барабанил по створкам ведущих в комнату дверей.

— Пожалуйста, скажите им, — попросил Дьявол, — что никто не сможет сюда войти. Боюсь, что двери заговорены.

На ноги поднялся человек со звездами на пле-

чах. Его оскорбленный рев наполнил комнату.

— Что все это значит?!

— Генерал, — обратился к нему Дьявол, — пожалуйста, займите свое место и сделайте все, что можете, чтобы быть не только офицером, но джентльменом. Никто не пострадает.

И он яростно взмахнул хвостом, как бы подчеркивая свои слова.

Я быстро оглядел комнату, чтобы проверить свое первое впечатление, и убедился, что оно было правильным. Мы оказались здесь как раз в разгар заседания кабинета — а может быть, даже чего-то большего, поскольку здесь присутствовали и другие: директор ФБР, глава ЦРУ, несколько высокопоставленных военных, а также изрядное количество мрачного вида людей, совершенно мне не знакомых. Вдоль стены сидели в ряд несколько очень серьезных джентльменов — судя по всему, ученые мужи.

«Ну, парень, — подумал я, — теперь мы совсем пропали!»

— Хортон, — мягко и спокойно (он никогда не волновался) обратился ко мне государственный секретарь, — что вы здесь делаете? Когда я последний раз о вас слышал, вы были в отпуске.

— Я взял отпуск. Только, кажется, он не слиш-

ком затянулся.

— Вы, разумеется, слышали о Филе?

— Да.

Генерал снова вскочил на ноги; в отличие от госсекретаря, он был крайне взволнован.

— Быть может, государственный секретарь объяснит мне, что происходит?

В двери продолжали ломиться — громче, чем когда-либо. Похоже, парни из секретной службы, пытаясь взломать двери, пустили в ход стулья и столы.

— Все это очень странно, — спокойно проговорил Президент. — Но раз уж джентльмены оказались здесь, я подозреваю, их появление преследует какую-то цель. Полагаю, нам следует их выслушать, а потом вернуться к нашим делам.

Разумеется, все это выглядело нелепо, и у меня создалось ужасное впечатление, словно я все еще нахожусь в Воображенном Мире, что я никогда его не покидал, а вся эта сцена с Президентом, его кабинетом и всеми остальными — не больше, чем непродуманная пародия, пригодная лишь для картинки в комиксе.

— Полагаю, — сказал Президент, — вы должны быть Хортоном Смитом, хотя я вас и не узнал бы.

— Я был на рыбалке, господин Президент, и мне

не подвернулось случая переодеться.

— Не беспокойтесь, мы здесь не особенно придерживаемся этикета. Однако я не знаю вашего друга…

— Не уверен, сэр, что он — мой друг. Он утверждает, будто он — Дьявол.

Президент серьезно кивнул:

— Я так и подумал, хотя это и кажется невероятным. Но если он Дьявол, то что ему здесь нужно?

— Я пришел, чтобы потолковать о сделке, — объяснил Дьявол.

— Об этих затруднениях с машинами? — оживился министр торговли.

— Но это же безумие! — возразил министр здравоохранения, образования и социального обеспечения. — Я сижу здесь, гляжу на происходящее и говорю себе, что этого не может быть. Если бы даже такой персонаж, как Дьявол, существовал… — Он повернулся, чтобы воззвать ко мне: — Мистер Смит, — воскликнул он, — знаете ли, мистер Смит, так нельзя!

— Действительно, — согласился я.

— Я согласен, — заявил министр торговли, — все, что происходит сейчас, очень необычно, но мы и находимся в необыкновенной ситуации. Если мистер Смит и его сернистый друг обладают

некоей информацией, мы обязаны их выслушать. Мы выслушали уже великое множество других, в том числе — и наших ученых друзей, — он обвел жестом рассевшихся в креслах вдоль стены, — однако все это неисчислимое воинство твердило исключительно о том, что случившееся невозможно. Научная общественность информировала нас, что происходящее откровенно игнорирует физические законы, отчего ученые попросту окосели. Инженеры утверждают…

— Но Дьявол!.. — взревел звездоносный генерал.

— Если это Дьявол, — вставил министр внутренних дел.

— Друзья мои, — устало проговорил Президент, — некогда один из моих предшественников — великий президент военного времени — когда его упрекнули за переговоры с сомнительными иностранцами, сказал: «Если понадобится навести мост через реку, я пройду по нему и с Дьяволом»[37]. А сейчас другой президент не побоится вступить в сделку с Дьяволом, если это поможет найти выход из положения. — Он посмотрел на

[37] Примечания: 37

Намек на Франклина Делано Рузвельта (1882–1945), 32-го президента США, четырежды занимавшего этот пост, и его слова, сказанные по поводу договора со Сталиным.

меня. — Мистер Смит, не объясните ли вы мне, что, к черту, здесь происходит?

— Господин Президент, — запротестовал минзос, — не слишком ли нелепо растрачивать на это наше время? Если пресса пронюхает хоть о чем-либо, происходящем в этих стенах…

— Не больно-то они разживутся, — фыркнул государственный секретарь. — Как бы они этим воспользовались? Связь-то не работает. К тому же, мистер Смит сам является представителем прессы — стоит ему захотеть, и нам ничего не удастся сохранить в тайне.

— По-моему, мы напрасно тратим время, — вмешался генерал.

— Мы все утро попусту тратили время, — не удержался от замечания министр торговли.

— Я потратил его куда больше, — сказал я им. — И могу объяснить все происходящее, только вы не поверите ни единому слову.

— Мистер Смит, — проговорил Президент, — мне не хотелось бы вас упрашивать.

— Вы и не упрашивали меня, сэр, — огрызнулся я.

— Тогда, может быть, вы со своим другом присядете к столу и расскажете, зачем сюда пришли?

Я пересек комнату и подошел к одному из ука-

занных кресел; Дьявол, тяжело ступая, последовал за мной — хвост его дергался от возбуждения. По дверям больше никто не молотил.

По дороге я чувствовал, как буравят мне спину взгляды сидящих за столом. «Господи Боже мой, — подумал я, — что за положение — заседать вместе с Президентом, его кабинетом, пентагонскими шишками, сонмом высокоученых мужей и всяческих консультантов! И хуже всего, что не успеет еще все кончиться, как они разорвут меня на клочки». Я мечтал лишь разыскать обладающего властью или близкого к ней человека, который согласился бы просидеть на месте достаточно долго, чтобы выслушать меня.

И вот они все готовы внимать мне — и не просто один человек, а битком набитая комната — а я до смерти перепуган. Министр здравоохранения, образования и социального обеспечения уже показал зубы, генерал тоже; остальные пока бесстрастно помалкивали, но я не сомневался, что и они вскоре последуют примеру этих двоих.

Как только я сел и придвинулся к столу, Президент обратился ко мне:

— Расскажите нам все, что вам известно. Я несколько раз видел ваши выступления по телевидению, а потому не сомневаюсь, что вы сумеете

сделать ясное и интересное сообщение.

Я не знал, как начать, как уложить в минимальное время повествование обо всем случившемся за последние несколько дней. И вдруг понял, что для этого существует лишь один путь — представить, что стою перед камерой и микрофоном и делаю лишь то, чем занимался годами. За исключением того, что мне придется труднее обычного. Ведь в студии у меня всегда было время мысленно выстроить схему всего, о чем я хочу сказать, а порой мне мог помочь выйти из затруднения сценарий. Здесь же я был предоставлен себе, и это мне не слишком нравилось, но мне не оставалось ничего, кроме как выбираться из этого положения любым способом.

Все взгляды были устремлены на меня, и я понимал, что многие из присутствующих готовы выплеснуть на меня всю злость, вызванную оскорблением, которое наносило происходящее их интеллекту; другие же просто забавлялись, отлично зная, что никакого Дьявола в природе существовать не может, и ждали, чем же закончится этот анекдот. Кроме того, полагаю, кое-кто из них был напуган, однако это не имело значения, поскольку они испугались еще до нашего с Дьяволом здесь появления.

— Кое-что из того, о чем я собираюсь рассказать, вы можете проверить, — я посмотрел на государственного секретаря. — В частности, обстоятельства гибели Фила. — Я видел, что он удивлен, но продолжал, не давая ему возможности вставить слово: — Однако большую часть проверить невозможно. Я буду придерживаться правды — или настолько близко к правде, насколько смогу. А уж поверить ли в это, полностью или хотя бы частично, или нет — решать вам…

Теперь, когда я уже начал, продолжать оказалось легче. Я представлял себе, что нахожусь не в президентском кабинете, а в студии, и по окончании рассказа просто встану и уйду.

Они сидели и спокойно слушали, хотя время от времени кто-то и начинал тревожно ерзать, словно собираясь прервать мою речь. Но всякий раз Президент жестом призывал их к молчанию, предлагая мне продолжать. Я не следил за временем, однако полагаю, что занял не больше пятнадцати минут. Я излагал лишь самую суть, отбросив все, кроме основного.

Когда я закончил, на протяжении какого-то времени никто не проронил ни слова; я тоже молча сидел, поглядывая на них.

Наконец зашевелился директор ФБР.

— Очень интересно, — сказал он.

— Да уж! — едко поддержал его генерал.

— Как я понял, — проговорил министр торговли, — ваш друг возражает против того, что мы вносим в этот мифический мир слишком много разнородных элементов, которые обрезают крылья любым попыткам образовать порядочное правительство.

— Не правительство, — быстро возразил я, поражаясь, как можно в политических терминах говорить об описанном мною мире. — Культуру. Или, может быть, это стоит назвать образом жизни. Или целью — хотя в этом мире, кажется, не существует единой цели. Каждый следует собственным веселым и сумасбродным путем. Не существует никакого общего направления. Конечно, я провел там всего несколько часов и, как вы понимаете…

Министр финансов бросил испуганный взгляд на министра торговли.

— Неужто вы хотите сказать… — он почти кричал, — что хоть чуть-чуть верите… в эти сказки… эти…

— Не знаю, верю ли, — ответил министр торговли. — Но перед нами достойный доверия очевидец, который, я уверен, лжесвидетельство-

вать не станет.

— Его одурачили! — возопил министр финансов.

— Или он валяет дурака перед публикой, — заявил минзос.

— Если позволите, джентльмены, — проговорил госсекретарь, — хочу заметить, что меня поразило одно из утверждений. Согласно заключению коронера, Филип Фримен скончался от сердечного приступа. Однако ходили упорные толки о том, что он был убит стрелой, выпущенной человеком, одетым на манер древнего лучника. Никто, разумеется, в это не поверил. Слишком невероятно. Однако история, которую мы только что выслушали, также невероятна и…

— А вы в нее верите? — спросил минзос.

— Поверить трудно, — ответил госсекретарь, — но я бы не советовал просто отбрасывать ее, запихивать под ковер, не взглянув вторично. По крайней мере, ее стоит обсудить.

— Возможно, нам стоит поинтересоваться, что думают на этот счет наши достопочтенные ученые, — предложил генерал; повернувшись на стуле, он кивнул в сторону людей, сидевших вдоль стены.

Один из них медленно встал. Это был нервный,

худой старик, седой и на свой странный лад довольно внушительный. Он говорил осторожно, сопровождая слова легкими жестами рук, изрисованных синими прожилками вен.

— Я не могу выступать от имени всех своих коллег, и я оставляю каждому из них возможность поправить меня, если я ошибаюсь. Но с моей — и тщательно обдуманной — точки зрения, обрисованная нам ситуация представляется, должен прямо сказать, нарушающей все известные научные принципы. Я бы сказал, что такое невозможно.

И он сел — так же осторожно, как вставал, предварительно крепко ухватившись за подлокотники.

В кабинете повисло молчание. Некоторые из ученых выразили согласие легкими кивками, остальные не шевельнулись.

— Эти тупицы и ничтожества не верят ни единому слову, — обращаясь ко мне, сказал Дьявол.

Он произнес это достаточно громко, чтобы в наступившей тишине его услышали все; можно предположить, что и раньше кому-нибудь случалось охарактеризовать их подобным образом, однако вот так, прямо в лицо им заявили об этом, скорее всего, впервые в жизни.

Я кивнул Дьяволу, упрекая за выбор слов, но соглашаясь с их существом. Я понимал, что они не отважатся поверить; ведь всякий поверивший рисковал превратиться во всеобщее посмешище.

Вскочив на ноги, Дьявол грохнул по столу массивным, волосатым кулаком. Из ушей у него взвились тоненькие струйки дыма.

— Вы сотворили нас! — завопил он. — Своими грязными, злобными умишками; своими прекрасными, расплывчатыми умами; своими мямлящими, неопределенными, томящимися, боязливыми умами — вы сотворили нас и мир, в который нас поместили. Вы сделали это, не ведая, что творите, и вас нельзя за это винить, хотя можно было бы предположить, что люди, столь сведущие в физике и химии, смогли бы разобраться и в этих невозможных вещах, которые, как утверждают ваши ученые, происходить не могут. Но теперь, когда вы знаете, когда знание это навязано вам насильно, — теперь вы морально обязаны предложить средства для исправления тех плачевных условий, в которых вы обрекли нас существовать. Вы можете…

Президент тоже вскочил на ноги и, подобно Дьяволу, также хватил по столу кулаком — хотя общий эффект был заметно меньшим, поскольку

дым у него из ушей не повалил.

— Месье Дьявол, — воскликнул он. — Я требую, чтобы вы ответили на ряд вопросов. Если верить вашим словам, это вы остановили машины, прекратили работу радио и…

— Вы чертовски правы, их остановил я, — взревел Дьявол. — Я остановил их по всему миру, но это лишь предупреждение, наглядно демонстрирующее, что может произойти. Я поступил гуманно. Машины остановились плавно, ни единая живая душа не пострадала. Я позволил самолетам приземлиться, прежде чем их двигатели заглохли. Я позволил работать заводам, чтобы сохранились рабочие места, заработки, чтобы производилась продукция…

— Но мы погибнем без транспорта! — воскликнул министр сельского хозяйства, до сих пор хранивший молчание. — Если нельзя перевозить продовольствие, начнется голод! Если положение не улучшится, бизнес зайдет в тупик!

— А армия! — вскричал генерал. — Без самолетов, техники, связи…

— Это еще что, — пообещал им Дьявол. — В следующий раз вне закона будет объявлено колесо. Ни одно из них не повернется. Ни заводы, ни велосипеды, ни роликовые коньки, ни…

— Пожалуйста, месье Дьявол, — заорал Президент, — не можете ли вы умерить голос? И пусть все остальные говорят потише. Мы ничего не выиграем от ссоры. Мы должны быть благоразумны. Я задал один вопрос, а теперь хочу задать другой. Вы утверждаете, что сделали это. А теперь скажите нам, как.

— Ну, я… — Дьявол замялся. — Ну, я просто сделал это — и все. Я сказал, чтобы это произошло, — и оно произошло. Я многое делаю так. Видите ли, таким вы меня представляли, и вы сами вложили в меня эти способности. Дьявол может учинить все что угодно — дурное, разумеется. Сомневаюсь, чтобы я столь преуспел в добрых делах.

— Колдовство, джентльмены, — сказал я. — Вот единственное объяснение. И не упрекайте в этом Дьявола — мы сами измыслили его таким.

Старый джентльмен, выступавший от имени ученых, с трудом воздвигся на ноги. Он потрясал над головой сжатыми кулаками.

— Колдовство! — пискнул он. — Колдовства быть не может! Законы науки отрицают…

Он собирался продолжать, однако голос изменил ему; старец еще некоторое время стоял, пытаясь совладать с дыханием и голосом, но

отказался от своего намерения и сел.

— Может быть, и нет, — согласился Дьявол. — Может, законы науки и отрицают. Но что нам до науки? Следующим на очереди будет колесо, потом электричество, затем, скорее всего, огонь, хотя так далеко я пока не заглядывал. А когда все это свершится — назад, к феодальному замку, к старым добрым средним векам, когда о нас думали много и честно…

— Теперь, сэр, — перебил его Президент, — следующий вопрос, если вы уже кончили с угрозами.

— Благородный сэр, — проговорил Дьявол, изо всех сил пытаясь быть вежливым. — Я вовсе не угрожаю. Я лишь поясняю, что может быть сделано и что будет приведено в исполнение…

— Но почему? — спросил Президент. — На что вы жалуетесь?

— Жалуюсь! — взревел Дьявол, начисто забывая в гневе о вежливости. — Вы спрашиваете, на что я жалуюсь? Хортон Смит, раненный под Геттисбергом; голыми руками сражавшийся с Дон Кихотом; едва не пойманный в ужасной чаще злобным чудовищем, — Хортон Смит выразил причины моего недовольства достаточно ясно. — В знак своих честных намерений Дьявол с рева

перешел на обычный крик. — Некогда наша земля была заселена стойким народом — некоторые из нас были откровенно добрыми, другие — столь же откровенно злыми. Я не обманываю вас, друзья, — лично я принадлежал к числу самых злых. Но у нас, по крайней мере, была цель, и стремление к ней уравновешивало добро и зло, чертей и фей. Но к чему мы пришли теперь? Я говорил вам об этом. Теперь среди нас Ли Абнер, Чарли Браун и Пого. Среди нас Сиротка Энни и Дагвуд Бамстед, Двойняшки Бобси, Горацио Олджер, мистер Магу, Тинкербелл, Микки-Маус, Хауди-Дуди…[38] Президент знаком попросил его замолчать.

— Полагаю, мы поняли вашу точку зрения.

— У них нет характеров, — проговорил Дьявол. — Нет ни вкуса, ни стиля. Совершенно бессодержательные существа. Нет в них ни честного зла, ни подлинного добра — от их добродетелей попросту тошнит. Признайтесь как на духу — можно ли построить стоящую цивилизацию, имея дело с такими обитателями?

— Тошнит не только этого джентльмена, — вмешался минзос. — Понять не могу, к чему нам весь этот балаган?

---

[38] Примечания: 38

Весь этот перечень составляют персонажи комиксов и мультфильмов, причем нередко — того и другого сразу.

— Чуточку терпения, — сказал Президент. — Я хочу попытаться извлечь из этого рациональное зерно. С вашего разрешения, разумеется…

— Очевидно, — заметил Дьявол, — вы раздумываете сейчас над тем, что можно предпринять.

— Совершенно верно, — подтвердил Президент.

— Вы можете положить конец всему этому идиотизму. Можете остановить всех этих Ли Абнеров, Микки-Маусов и Хауди-Дуди. Можете вернуться к честной фантазии. Можете думать о злых и добрых силах и существах, верить в них…

— В жизни не слыхивал более позорного предложения! — воскликнул, вскочив, министр сельского хозяйства. — Он предлагает ввести контроль над мыслями! Он станет диктовать нам шкалу ценностей, с которой мы должны соизмерять развлечения, хочет задушить литературное творчество и театр. И даже согласись мы на это — как осуществить подобную программу? Законов и указов окажется недостаточно. Если начать какую-то секретную кампанию, а она должна быть совершенно секретной, то я уверен, удержать такую затею в тайне удастся не больше трех дней. Но пусть даже нам повезет — и в этом случае потребуются миллиарды долларов и дол-

гие годы всяческих ухищрений Мэдисон Авеню; да и то вряд ли выйдет что-нибудь путное. У нас не темные века, честностью помыслов которых, по-видимому, так восхищается этот джентльмен. Мы не можем заставить наш народ или народы всего мира снова поверить в дьяволов и чертей — да и в ангелов тоже. Предлагаю закончить на этом обсуждение.

— Мой друг воспринимает этот случай слишком всерьез, — заявил министр финансов. — Ни я, ни — подозреваю — большинство остальных здесь присутствующих не смотрят на это так. Обсуждать эту смехотворную ситуацию даже в сослагательном наклонении — значит, по-моему, наносить оскорбление нормальной процедуре.

— Слушайте! Слушайте! — воскликнул Дьявол.

— Хватит с нас ваших дерзостей! — оборвал его фэбээровец. — Не в лучших американских традициях позволять не имеющему никакого реального, фактического права на существование порождению абсурда преднамеренно оскорблять государственный совет.

— Ну, все! — взъярился Дьявол. — Не имеющий фактического права на существование, говорите вы? Я вам покажу, дурачье! В следующий раз я приду, когда прекратят вращаться колеса, исчез-

нет электричество — я вернусь, и тогда, может быть, у нас появится фактическое право на честную сделку. — С этими словами он схватил меня за руку. — Мы уходим, с вашего позволения.

И мы исчезли — несомненно, во вспышке зловония, света и дыма. Во всяком случае, мир вновь исчез, сменившись тьмой и ревом ветра, а когда мрак рассеялся, мы опять оказались на тротуаре перед оградой Белого Дома.

— Ладно, — победоносно провозгласил Дьявол, — кажется, я им все растолковал. Посбил спеси. Видели вы их физиономии, когда я назвал их дурачьем?

— Да, это у вас неплохо вышло, — с отвращением согласился я. — С изяществом борова.

Он потер руки.

— А теперь — колесо!

— Подождите с этим, — предостерег я. — Вы уничтожите этот мир, но что произойдет тогда с вашим собственным?

Однако Дьявол не слушал меня. Со странным выражением он воззрился на что-то, происходившее на улице у меня за спиной. Толпа, окружавшая Дьявола в момент моего появления, рассосалась, но в парке на той стороне улицы скопилось немало народу, и все они возбужденно

гудели.

Я повернулся и посмотрел.

И менее чем в полуквартале увидел Дон Кихота, стремительно приближавшегося к нам верхом на галопирующем мешке с костями, служившем ему лошадью. Забрало его шлема было опущено, щит поднят, на солнце сверкало замершее параллельно земле копье. За ним поспешал Санчо Панса, с энтузиазмом нахлестывая осла, который, сгорбившись, скакал на прямых ногах, чем-то напоминая вспугнутого кролика. Одной рукой Санчо размахивал хлыстом, а другой крепко прижимал к боку наполненное какой-то жидкостью ведро — оно опасно накренилось, когда осел попытался догнать несущегося коня. А за ними гарцевал единорог — ослепительно-белый в ярком солнечном свете; стройный серебряный рог походил на серебряное копье.

Двигался он легко и изящно, и казался воплощением грациозности, и на его спине восседала в дамском седле Кэти Адамс.

Дьявол протянул ко мне руку, но я оттолкнул ее и сам обхватил его за талию, пытаясь в то же время уцепиться ногами за железные прутья ограды. Я действовал, не размышляя, без всякого плана — не уверен даже, что понимал тогда,

зачем поступаю именно так. Но, видимо, что-то подсознательно подсказывало мне, что это — единственно возможный путь. Если я смогу задержать здесь Дьявола хоть на секунду, то подоспеет Дон Кихот, и если глаз его верен, то Дьявол окажется нанизанным на копье. А помимо желания получше закрепиться на месте, что-то еще говорило мне о возможном влиянии на него железа — наверное, потому я просунул ногу между прутьями решетки.

Дьявол пытался вырваться, но я висел на нем, обеими руками обхватив вокруг пояса. Шкура его воняла, и там, где я касался ее лицом, вся была покрыта липким зловонным потом.

Он боролся изо всех сил, сыпал ужасными проклятиями, молотил меня кулаками, но краешком глаза я уже заметил приближающееся копье. Топот копыт все приближался, наконечник копья с мягким, хлюпающим звуком впился в тело, и Дьявол упал. Я разжал руки и тоже упал на тротуар, а нога так и осталась зажатой между прутьями ограды.

Повернувшись, я увидел, что копье поразило Дьявола в плечо. Он извивался и мяукал. Он размахивал руками, и из уголков рта сбегала пена.

Дон Кихот поднял руку и попытался отки-

нуть забрало шлема. Его заело. Рыцарь дернул с такой силой, что сорвал с головы весь шлем. Вырвавшись из рук, он со звоном покатился по тротуару.

— Негодяй! — вскричал Дон Кихот. — Я призываю тебя сдаться и связать себя клятвенным обещанием воздерживаться впредь от дальнейшего вмешательства в дела человеческого мира!

— Убирайся в ад и будь проклят! — бушевал Дьявол. — Я не уступлю никакому любителю совать нос в чужие дела! Никакому типу, что шныряет и вынюхивает, не пахнет ли новым крестовым походом! А из всех этих типов ты самый худший, Кихот. Ты способен почуять доброе дело за миллион световых лет — и тут же опрометью кинешься его свершать. А я не хочу этого! Понимаешь, я этого не хочу!

Санчо Панса спрыгнул с осла и бежал теперь к нам — я заметил, что в ведре, которое он тащил, болтался еще и ковш. Санчо остановился перед Дьяволом и ковшом плеснул на него немного жидкости. Жидкость кипела и шипела, а Дьявол корчился в агонии.

— Вода! — ликуя, вопил Санчо Панса. — Вода, благословленная святым Патриком! Самая могучая на свете!

Он выплеснул на Дьявола еще ковш. Дьявол корчился и визжал.

— Клянись! — кричал Дон Кихот.

— Сдаюсь! — взвыл Дьявол. — Сдаюсь и клянусь!

— И еще поклянись, — угрюмо проговорил Дон Кихот, — что все причиненные тобой беды кончатся — и немедленно.

— Нет! — взвизгнул Дьявол. — Нет, или все мои труды пойдут прахом!

Санчо Панса швырнул ковш на тротуар и двумя руками поднял ведро, готовясь выплеснуть на Дьявола все его содержимое.

— Остановись! — вскричал Дьявол. — Убери эту проклятую воду. Я окончательно сдаюсь и обещаю выполнить все ваши требования.

— Тогда, — не без некоторой церемонности проговорил Дон Кихот, — наша миссия здесь выполнена.

Я не заметил, как они исчезли. Не было даже никакой вспышки. Просто не стало ни Дьявола, ни Дон Кихота, ни Санчо Пансы, ни единорога. Но Кэти бежала ко мне, и я подумал: «Странно, как она может бежать с растянутой лодыжкой?» Я попытался выдернуть ногу из решетки, чтобы встретить ее стоя на ногах, однако ступня за-

стряла плотно и я не смог высвободить ее. Кэти опустилась на колени рядом со мной.

— Мы снова дома! — восклицала она. — Хортон, мы снова дома!

Она наклонилась, чтобы поцеловать меня, а толпа на другой стороне улицы громогласно и грубо приветствовала наш поцелуй.

— У меня застряла нога, — сказал я.

— Ну так высвободите ее, — улыбаясь сквозь счастливые слезы, посоветовала Кэти.

Я попытался, но не смог. К тому же от моих рывков нога начала болеть. Кэти поднялась, подошла к решетке и сама попробовала освободить меня, но с тем же результатом.

— По-моему, у вас опухает лодыжка, — со смехом проговорила она, опускаясь на тротуар. — Ну и парочка! — воскликнула она. — Сперва у меня, теперь у вас!

— Ваша уже в полном порядке, — заметил я.

— Это магия — там, в замке, — пояснила она. — Удивительный старый маг с длинной седой бородой, в смешном колпаке и усеянной звездами мантии. Это было самое приятное место, какое я когда-либо видела. Все такие любезные и вежливые… Я могла бы остаться там навсегда, если бы вы были со мной. И единорог. Он такой

милый и прекрасный! Вы когда-нибудь видели единорога?

— Видел.

— Хортон, кто эти люди, идущие к нам через лужайку?

Я был так увлечен Кэти, так рад ее возвращению, что на лужайку как-то не обращал внимания. Теперь я посмотрел — и увидел их. Они толпой бежали к решетке — впереди Президент, а за ним все остальные, кто был тогда в кабинете.

Подбежав к решетке, Президент остановился. На меня он посмотрел без особого дружелюбия.

— Хортон, — поинтересовался он, — какого черта вы тут делаете?

— У меня застряла нога, — пояснил я.

— К черту вашу ногу, — отозвался он. — Я не это имел в виду. Клянусь, я видел рыцаря и единорога!

Остальные толпились возле решетки.

От ворот закричал охранник:

— Эй! Смотрите все! Машина на улице!

Я в этом не сомневался.

— Но как же быть с ногой? — возмущенно спросила Кэти. — Освободить ее мы не можем, а лодыжка опухает. Боюсь, что это растяжение.

— Кто-нибудь, вызовите врача, — проговорил

государственный секретарь.

— Раз машины пошли, так и телефон, наверно, работает. Как вы себя чувствуете, Хортон?

— В порядке, — отозвался я.

— И пусть кто-нибудь придет сюда с ножовкой, — добавил Президент. — Бога ради, освободите же ему ногу!

Так я и остался лежать на тротуаре, а Кэти сидела рядом со мной в ожидании доктора и слесаря с ножовкой.

Не обращая внимания на толпившихся возле ограды, белки Белого Дома пробрались на тротуар посмотреть, что происходит. Они изящно сидели, поджав передние лапки к груди, и выпрашивали подачку.

А по улице мимо нас катилось все больше и больше машин.

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

1

Грохот стих. Дым, словно тонкие серые пряди тумана, плыл над истерзанным полем, развален-ными изгородями и персиковыми деревьями, которые артиллерийский огонь превратил в тор-чащие из земли щепки. Над огромной равниной, где в порыве застарелой ненависти сошлись в битве непримиримые враги, где совсем недавно люди рубились насмерть, а затем, истощив все силы, отползли назад, на какое-то мгновение воцарилось — нет, не успокоение — безмолвие.

Казалось, целую вечность перекатывался от горизонта до горизонта пушечный гром, взмета-лась в небо земля, ржали кони, хрипло кричали люди. Свист металла и тупые удары пуль, насти-гающих жертву, вспышки обжигающего огня, блеск клинков, яркие боевые знамёна, реющие на ветру.

А затем всё это кончилось, и наступила ти-шина.

Но тишина в этот день и над этой равниной звучала фальшиво, и вот она уже нарушается стонами и криками: кто-то просит воды, кто-то молит о смерти — крики, стоны, призывы о по-

мощи будут звучать под безжалостным летним солнцем ещё долгие часы. Позже распростёртые фигуры умолкнут и замрут, а потом над полем поплывёт удушливый, тошнотворный запах — и могилы павших будут совсем не глубоки…

Много пшеницы останется неубранной, и не зацветут весной неухоженные сады, а на равнине, плавно поднимающейся к каменистому хребту, останутся несказанные слова, недоделанные дела и набухшие от влаги кучки тряпья, кричащие о бессмысленной расточительности смерти.

Железная Бригада, 5-й Нью-Гэмпширский, 1-й Миннесотский, 2-й Массачусетский, 16-й Мэнский — то были славные имена, и с годами их слава росла, но всё же это только имена, откликающиеся эхом в туннелях веков.

Ещё одно имя — Инек Уоллис.

Он так и держал в мозолистой руке свой разбитый мушкет. Лицо его почернело от пороховой гари. Сапоги покрылись коркой спёкшейся крови и пыли.

Он всё ещё был жив.

2

Доктор Эрвин Хардвик в раздражении перекатывал карандаш между ладонями и оценивающе разглядывал человека, что сидел напротив него.

— Я никак не могу понять, — произнёс он, — почему вы пришли именно к нам.

— Ну, вы — это всё-таки Национальная академия, и я подумал…

— А вы — разведка.

— Послушайте, доктор, если это устроит вас больше, давайте считать мой визит неофициальным, а меня просто частным лицом. Предположим, я столкнулся с необычной проблемой и зашёл узнать, можно ли рассчитывать на вашу помощь.

— Я не против того, чтобы помочь вам, но не вижу, чем могу быть полезен. Всё это настолько туманно и гипотетично.

— Но тем не менее, — сказал Клод Льюис, — вы не можете опровергнуть даже те немногие имеющиеся у меня доказательства.

— Ладно, — произнёс Хардвик, — давайте начнём всё сначала и по порядку. Вы утверждаете, что этот человек…

— Его зовут Инек Уоллис, — сказал Льюис. — По документам ему уже давно перевалило за сто. Он родился на ферме близ небольшого городка Милвилл в штате Висконсин 22 апреля 1840 года. Единственный ребёнок в семье Джедедии и Аманды Уоллис. Когда Эйб Линкольн стал собирать добровольцев, Инек Уоллис вступил в армию одним из первых и воевал в Железной Бригаде, которую уничтожили практически целиком у Геттисберга в 1863 году. Но Уоллис был переведён в другое подразделение, с которым он сражался в Виргинии под предводительством Гранта до самого конца, до Аппоматтокса…

— Я смотрю, вы не поленились проверить.

— Пришлось разыскивать его документы. Свидетельство о зачислении в армию в архиве законодательного собрания штата в Мадисоне. Всё остальное — включая и запись о демобилизации — здесь, в Вашингтоне.

— Вы говорите, что он выглядит на тридцать?

— От силы на тридцать. Если не моложе.

— Но вы с ним не разговаривали?

Льюис покачал головой.

— Может быть, это не тот человек? Если бы у вас были отпечатки пальцев…

— Во времена Гражданской войны, — сказал

Льюис, — до этого ещё не додумались.

— Последний из ветеранов Гражданской войны, — произнёс Хардвик, — умер несколько лет тому назад. Если не ошибаюсь, барабанщик из армии южан. Должно быть, тут какая-то ошибка.

Льюис снова покачал головой.

— Поначалу, когда мне поручили это дело, я тоже так думал.

— Кстати, как это вообще произошло? С каких пор разведка занимается подобными делами?

— Должен признать, — ответил Льюис, — случай действительно не совсем обычный. Но тут кроются серьёзные перспективы…

— Вы имеете в виду бессмертие?

— И это тоже. Возможность такого явления. Однако тут есть и другие соображения. Сама эта странная история требовала расследования.

— Но при чём здесь разведка?

— Вы, очевидно, думаете, что этим следовало бы заняться какой-то научной группе? — Льюис улыбнулся. — Пожалуй, это было бы логично. Но дело в том, что Уоллиса случайно обнаружил наш человек. Он был в отпуске, гостил у своих родных в штате Висконсин милях в тридцати от того места, где живёт Уоллис. До него дошёл слух об этом человеке. Скорее, даже не слух — просто

кто-то упомянул о нём в разговоре. После чего наш сотрудник попытался выяснить кое-какие подробности самостоятельно. Ему не очень-то много удалось узнать, но и этих крох хватило, чтобы он заинтересовался.

— Меня вот что удивляет, — сказал Хардвик. — Как мог человек прожить на одном месте сто двадцать четыре года без того, чтобы не прославиться на весь мир? Вы представляете себе, какой шум подняли бы газетчики, узнай они о подобном случае?

— При мысли об этом, — сказал Льюис, — меня бросает в дрожь.

— Однако вы не объяснили мне, как ему удалось остаться в безвестности.

— Не так-то просто это объяснить, — ответил Льюис. — Нужно знать те места и людей, которые там живут. Юго-западная часть штата Висконсин ограничена двумя реками: на западе течёт Миссисипи, на севере — Висконсин. В глубине территории раскинулись бескрайние прерии: земли там богатейшие, фермы и города процветают. Но вдоль берегов места холмистые, много оврагов, скал, обрывов, и кое-где образовались совсем уединённые, отрезанные от мира уголки. Дороги в этих районах неважные, а на маленьких

примитивных фермах живут люди, которые по духу ближе к первым годам освоения этих земель, чем к двадцатому веку. У них, конечно, есть машины, радиоприёмники и скоро, видимо, будет телевидение. Но они консервативны по натуре и держатся друг друга — не все, конечно, и даже не то чтобы большая часть, зато это в полной мере относится к людям, которые живут в тех забытых богом местах. Когда-то там было немало ферм, но в наши дни едва ли можно заработать что-то, хозяйствуя по старинке, и экономические обстоятельства постепенно вытесняют людей из этих медвежьих углов. Они продают свои фермы за гроши и уезжают. По большей части в города, где ещё можно устроиться на работу.

Хардвик кивнул.

— А те, кто остаётся, как раз наиболее консервативны и не жалуют чужаков.

— Вот именно. Земли в основном перешли к людям, которые не живут там и даже не пытаются делать вид, что используют их для сельскохозяйственных нужд. Иногда пускают на выпас скот — очень небольшие стада, — и на этом дело кончается. Совсем неплохой способ получения скидки с налогов для тех, кому такое бывает нужно. Кроме того, во времена земельных банков им

тоже было сдано немало участков.

— Хотите сказать, что эти «лесные жители» — так, что ли, их можно назвать — участвуют в заговоре молчания?

— Не то чтобы они делали это сознательно или намеренно, — сказал Льюис. — Это просто их образ жизни, мораль, унаследованная от старой крепкой философии первопроходцев Запада. Они занимаются своими делами. Им не нравится, когда люди суются в их дела, а сами они не лезут в чужие. Если человеку хочется жить до тысячи лет, это, может быть, и удивительно, но это его личное дело — чёрт с ним, пусть живёт. И если он хочет жить один, хочет, чтобы его оставили в покое, — это тоже его дело. Они, возможно, обсуждают Уоллиса между собой, но ни в коем случае ни с кем из посторонних. И скорее всего, им не понравится, если кто-то чужой будет пытаться разговорить их на эту тему. Мне кажется, они уже просто привыкли к тому, что Уоллис остаётся молодым, хотя их самих годы не щадят. Удивление прошло, и, видимо, даже между собой они не очень-то его обсуждают. Новые поколения принимают это как должное, потому что их родители не видят тут ничего необычного. Да и самого Уоллиса люди встречают редко — ведь он

живёт очень обособленно. А чуть дальше от тех мест если кто и думал об этом чуде, то, скорее, как об очередной «утке». Ещё, мол, одна байка, выдумка, которая гроша ломаного не стоит. Может, всего лишь шутка, понятная разве что жителям какого-нибудь медвежьего угла вроде Дарк-Холлоу. Как легенда про Рип ван Винкля, — легенда, где нет ни слова правды. Скорее всего, люди просто посмеются над человеком, который воспримет эту историю всерьёз и попытается в ней разобраться.

— Однако ваш человек заинтересовался.

— Да. И, убей меня бог, не знаю почему.

— Тем не менее ему это дело не поручили.

— Он был нужен в другом месте. Кроме того, его там знали.

— И вы…

— Мне потребовалось два года работы.

— И теперь вы знаете всю его историю.

— Не всю. Надо сказать, теперь вопросов у меня стало ещё больше.

— Вы видели его самого?

— Неоднократно, — ответил Льюис. — Но я никогда с ним не разговаривал. И думаю, меня он не видел ни разу. Каждый день, перед тем как забрать почту, Уоллис совершает прогулку, но

никогда не уходит далеко от дома. Всё, что ему бывает нужно, приносит почтальон: то пакет муки, то фунт бекона, дюжину яиц, иногда спиртное.

— Надо полагать, в нарушение правил почтового ведомства.

— Разумеется. Но почтальоны делали это годами. Всех такая ситуация устраивает, по крайней мере до тех пор, пока кто-нибудь не устроит скандал. Но там скандалов не устраивают. Возможно, кроме почтальонов, Уоллис ни с кем никогда дружеских отношений и не поддерживал.

— Насколько я понял, хозяйством он практически не занимается.

— Совсем не занимается. У него есть небольшой огород, но это всё. Земля пришла в полное запустение.

— Но должен же он на что-то жить. Где-то ведь он берёт деньги?

— Да, — ответил Льюис. — Раз в пять или десять лет он отсылает одной фирме в Нью-Йорке горсть драгоценных камней.

— Как на это смотрит закон?

— Вы имеете в виду, что они могут быть краденными? Нет, не думаю. Хотя, если бы кто-то захотел найти к чему прицепиться, это было бы несложно. Давным-давно, когда Уоллис только

начал отправлять им камни, возможно, всё было в порядке. Но время шло, законы менялись, и, я подозреваю, теперь и он сам, и покупатель кое-какие из них нарушают.

— Но вы не вмешиваетесь?

— Я проверил фирму, — сказал Льюис, — и они здорово забеспокоились. Прежде всего потому, что все эти годы безбожно обдирали Уоллиса. Но я сказал им, чтобы они покупали, как и раньше. А если кто-то ещё будет их проверять, чтобы сразу отсылали этих людей ко мне. Короче, посоветовал им держать язык за зубами и ничего не менять.

— Вы не хотите, чтобы кто-нибудь его спугнул? — спросил Хардвик.

— Совершенно верно. Мне нужно, чтобы почтальон по-прежнему продолжал доставлять продукты, а нью-йоркская фирма по-прежнему покупала у него драгоценные камни. Я хочу, чтобы всё оставалось как есть. И если вы спросите меня, откуда берутся эти камни, я вам сразу скажу: не знаю.

— Может быть, у него там свой прииск?

— Хорош прииск. Алмазы, изумруды и рубины — всё в одном и том же месте?

— Надо полагать, что даже при тех ценах, по каким с ним рассчитывались, Уоллис получает

неплохой доход.

Льюис кивнул.

— Видимо, он посылает им новую партию, только когда кончаются деньги. А денег Уоллис тратит не так уж много, поскольку живёт довольно просто, если судить хотя бы по тем продуктам, что он закупает. Правда, он выписывает множество газет, еженедельников и более десятка научных журналов. Кроме того, заказывает по почте много книг.

— Технических?

— Отчасти — да, но большинство из них — просто популярные издания, которые держат читателя в курсе последних достижений науки. Физика, химия, биология и всё такое прочее.

— Но я не…

— Вот именно. Я тоже. Он вовсе не учёный. По крайней мере настоящего образования Уоллис не получил. В те далёкие годы, когда он ходил в школу, не очень-то многому там учили — сейчас, во всяком случае, естественнонаучным дисциплинам уделяется гораздо больше внимания. Кроме того, всё, что он мог тогда узнать, давно уже обесценилось. Уоллис посещал начальную школу — типичную для тех времён школу, где все занимались в одной комнате, — а затем провёл

зиму в так называемой «академии», что просуществовала год или два в городке Милвилл. Если вы не в курсе, могу сообщить, что для пятидесятых годов прошлого века это относительно высокий уровень образования. Так что он наверняка был очень способным юношей.

Хардвик покачал головой.

— Невероятно! Вы всё это проверили?

— Насколько было возможно. Приходилось действовать очень осторожно. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь догадался о том, что меня интересует на самом деле. Да, забыл упомянуть — Уоллис много пишет. Он покупает толстые тетради для дневниковых записей дюжинами. И чернила — пинтами.

Хардвик поднялся из-за стола и прошёлся по комнате.

— Льюис, — произнёс он, — если бы вы не предъявили мне свои документы и если бы я не проверил их подлинность, честно говоря, я бы решил, что всё это просто бездарный розыгрыш.

Он вернулся к столу и сел, потом взял карандаш и снова принялся перекатывать его между ладонями.

— Вы занимаетесь этим делом уже два года. У вас есть какие-нибудь предположения?

— Никаких, — ответил Льюис. — Я в полном недоумении. И именно поэтому я здесь.

— Расскажите мне, что вы знаете о нём ещё. Я имею в виду — о его жизни после войны.

— Его мать умерла, когда Уоллис был в армии. Отец с соседями похоронили её там же, на ферме. В те годы многие так поступали. Молодой Уоллис получил отпуск, но слишком поздно: на похороны он не успел. Никакого замораживания тогда попросту не было, а дорога отнимала много времени. Потом он вернулся в действующие войска. Отец Уоллиса остался холостяком, в одиночку работал на ферме и жил в достатке. По тем сведениям, что мне удалось собрать, он был хорошим фермером, даже исключительно хорошим для своего времени. Выписывал кое-какие сельскохозяйственные журналы и вводил у себя всякие новшества. Уже тогда он использовал севооборот и боролся с эрозией почвы. По современным стандартам это была не бог весть какая ферма, но жил он с неё совсем неплохо и даже сумел кое-что отложить. Затем с войны вернулся Инек, и они больше года работали на ферме вместе. Старый Уоллис купил косилку для лошадиной тяги — этакая цилиндрическая конструкция с острыми длинными резаками, чтобы убирать

сено и зерновые. Весьма прогрессивный шаг по тем временам. Вручную за такой штукой не угонишься. Но однажды хозяин отправился на косьбу, и лошадей что-то испугало: они рванули, и старого Уоллиса бросило вперёд, прямо под косилку. Далеко не самый лучший способ уйти из жизни…

Хардвик передёрнулся и пробормотал.

— Ужасно…

— Инек нашёл отца и перенёс его тело в дом. Затем взял ружьё и пошёл искать лошадей. Отыскал их в дальнем конце пастбища, пристрелил на месте, да там и оставил. Это действительно так и произошло. Долгие годы на пастбище лежали два лошадиных скелета, запряжённые в косилку, — до тех пор, пока не сгнила сбруя. Инек вернулся домой и занялся приготовлениями к похоронам. Обмыл отца, одел его в выходной чёрный костюм и положил на стол, — потом сколотил в сарае гроб. Могилу он выкопал рядом с могилой матери. Закончил уже при свете фонаря и всю ночь просидел возле отца. Когда наступило утро, он отправился к ближайшему соседу, тот сообщил другим соседям, и кто-то позвал священника. Под вечер состоялись похороны, и Инек вернулся домой. С тех пор он там и жил, но никогда больше

не возделывал землю. Только огород, и всё.

— Вы говорили, что эти люди не любят разговаривать с чужаками, однако вам удалось узнать много подробностей.

— У меня ушло на это два года. Я, можно сказать, внедрился к ним. Купил побитую машину и, остановившись в Милвилле, пустил слух, что ищу женьшень.

— Что ищете?

— Женьшень. Это такое растение.

— Я знаю. Но на него уже долгие годы нет спроса.

— Ну, небольшой спрос всё-таки есть. Время от времени женьшень скупают экспортёры. Но я собирал и другие лекарственные травы тоже и вообще делал вид, что хорошо знаю народную медицину. Впрочем, «делал вид» — не совсем те слова: за два года я это дело неплохо освоил.

— Понятно, этакая простая душа, — сказал Хардвик, — тамошние таких понимают. Чудак, мол, травы какие-то ищет — это в наше-то время. Да и безобидный совсем. Может, даже немного чокнутый.

Льюис кивнул.

— Да, вышло даже лучше, чем я предполагал. Я просто шатался по окрестностям, и иногда люди

со мной разговаривали. Мне, кстати, и женьшень удалось найти, правда немного. Особенно я подружился там с одной семьёй, с Фишерами. Они живут ниже по реке, а ферма Уоллиса стоит на возвышенности у крутого берега. Причём живут они там почти столько же, сколько и Уоллисы, но занимаются совсем другими делами. Фишеры всегда охотились на енотов, ловили рыбу-зубатку и гнали самогон. В моём лице они, видимо, нашли родственную душу. Я был столь же беспечен и склонен к безделью, как они сами. Я им даже помогал с самогоном: и гнать помогал, и пить, а пару раз и продавать. Ходил с ними ловить рыбу, охотился, разговоры разговаривал, и они показали мне несколько мест, где искать женьшень — «шань», как они его называют. Наверно, для социологов эта семейка — золотое дно. У Фишеров есть дочь — глухонемая, но очень хорошенькая, — так вот она умеет заговаривать бородавки…

— Мне это всё очень знакомо, — отозвался Хардвик. — Я сам родился и вырос в горах на юге.

— Они-то и рассказали мне про сенокосилку. Я выбрал денёк, отправился в дальний конец пастбища Уоллисов и произвёл кое-какие раскопки. Нашёл лошадиный череп и кости.

— Но тут вряд ли докажешь, что это лошади Уоллиса.

— Пожалуй, — согласился Льюис. — Однако я нашёл ещё и обломки косилки. Осталось от неё не так много, но определить, что это такое, всё же можно.

— Давайте вернёмся к истории Уоллиса, — предложил Хардвик. — После смерти отца он остался на ферме. И никогда её не покидал?

Льюис покачал головой.

— Инек живёт в том же самом доме. Там абсолютно ничего не изменилось. И похоже, дом состарился ничуть не больше, чем его хозяин.

— Вам удалось побывать в доме?

— В доме — нет. Только возле дома. Сейчас я и об этом расскажу.

3

В его распоряжении был час. Льюис знал это совершенно точно — последние десять дней он следил за Уоллисом с хронометром в руках, и от того момента, когда тот выходил из дома, до возвращения с почтой каждый раз получалось около часа. Иногда чуть больше, когда почтальон опаздывал или они останавливались поговорить. Но час, говорил себе Льюис, — это всё, на что он может твёрдо рассчитывать.

Уоллис скрылся за холмом, направляясь к каменистой гряде, что поднималась над отвесным берегом реки Висконсин. Там он, зажав винтовку под рукой, заберётся на скалу и остановится, задумчиво глядя на дикую долину реки. Затем спустится по камням вниз и пойдёт по лесной тропе, вдоль которой в положенное время года цвели розовые «башмачки». А оттуда — снова вверх по холму к роднику, что выбивается из земли чуть ниже старого поля, непаханного, может, уже сотню лет, потом дальше, до почти заросшей дороги и вниз к почтовому ящику.

За те десять дней, что Льюис наблюдал за ним, его маршрут не менялся ни разу. Возможно, он не

менялся годами. Уоллис никогда не торопился. Прогуливался он с таким видом, словно времени у него было хоть отбавляй. Останавливался по пути, чтобы пообщаться со своими давними знакомыми, с деревом, с белкой, с цветком. Выглядел Уоллис крепким, здоровым, да и во всей его повадке ещё чувствовался бывалый солдат — старые привычки и маленькие хитрости, оставшиеся с тех суровых лет, что он провёл в боях под началом многих полководцев. Подняв голову и расправив плечи, Уоллис всегда двигался лёгкой походкой человека, познавшего в своё время долгие изнурительные переходы.

Льюис выбрался из своего укрытия за густой завесой ветвей деревьев, которые когда-то давно были садом: на кривых, узловатых, серых от старости ветвях кое-где ещё родились крохотные кислые яблоки.

Остановившись у края зарослей, он окинул взглядом жилище Уоллиса, стоящее на вершине холма, и на мгновение ему показалось, что дом освещён каким-то особым сиянием, словно некий чистейший концентрат солнечного света преодолел разделяющую два небесных тела бездну и пролился только на один этот дом, чтобы выделить его среди всех других домов мира. Залитый

солнечным сиянием, дом казался неземным, словно он и в самом деле был каким-то необыкновенным. Но затем это сияние исчезло — как будто оно просто привиделось, — и дом снова вернулся в освещённый привычным солнечным светом мир лесов и полей.

Льюис потряс головой, уверяя себя, что это просто игра воображения или оптический обман. Потому что особого солнечного света не бывает, и этот дом — самый обыкновенный дом, хотя он и прекрасно сохранился.

Такой дом в наши дни не часто увидишь. Прямоугольное, длинное, узкое строение с высокой крышей и старомодными резными карнизами. Какая-то в нём чувствовалась суровость, не имеющая ничего общего с возрастом: таким он, видимо, был уже в тот день, когда его закончили строить. Простой, суровый, крепкий дом, под стать людям, которые в нём жили. Однако же, несмотря на эту вековую суровость, аккуратный и ухоженный: везде ровная, не ободранная краска; ни малейшего намёка, что где-то что-то подгнило; и даже непогода не оставила на нём своей печати.

С одной стороны от дома стояла пристройка, скорее даже просто сарай, и выглядел он тут со-

всем не на месте, словно его привезли откуда-то целиком и приставили к стене, закрыв боковую дверь. Может быть, дверь, ведущую на кухню, подумал Льюис. Сарай, без сомнения, использовался для того, чтобы вешать там плащи и куртки, оставлять калоши и сапоги; наверняка есть там скамьи для вёдер и молочных бидонов и стоит плетёная корзина для сбора яиц. Над крышей сарая торчала невысокая печная труба.

Льюис приблизился к дому, обогнул пристройку и увидел, что дверь туда приоткрыта. Он поднялся по ступенькам, открыл дверь пошире и застыл в изумлении.

Это был не просто сарай. Судя по всему, именно тут Уоллис и жил.

В одном углу стояла печь, от которой уходила под крышу труба. Обыкновенная древняя печь, размерами немного меньше, чем старомодные кухонные плиты; на печи — кофейник, кастрюля и сковорода. На крюках, прибитых к доске за печкой, висела другая кухонная утварь. Напротив полуторная кровать на четырёх ножках, покрытая пёстрым одеялом с орнаментом из множества цветных лоскутков, вроде тех, что были очень популярны у хозяек лет сто назад. В другом углу стояли стол и стул, над столом в небольшом

открытом стенном шкафчике — тарелки. Керосиновая лампа на столе, старая, обшарпанная, но стекло чистое, словно его вымыли и отполировали сегодня утром.

Однако никакой двери, ведущей из сарая в дом, и никаких признаков, что она тут когда-то была. Просто ровная, обшитая дощечками стена дома, где полагалось быть четвёртой стене пристройки.

Невероятно, сказал себе Льюис, как это — нет двери? И почему Уоллис живёт здесь, в этом сарае, а не в самом доме? Возможно, есть какая-то причина, по которой он не живёт там, но тем не менее остаётся поблизости. Может быть, Уоллис всю жизнь несёт за что-то покаяние, словно средневековый отшельник, поселившийся в лесной хижине или в пещере где-нибудь в пустыне.

Льюис стоял посреди помещения и оглядывался вокруг, надеясь, что ему удастся обнаружить какую-то зацепку, ключ к пониманию этой необычной ситуации. Но в сарае не было абсолютно ничего, помимо самых элементарных, необходимых для жизни вещей — печь, чтобы готовить пищу и обогревать жилище, кровать, чтобы спать, стол, на котором есть, лампа для освещения. Ни даже лишней шляпы (хотя, если

подумать, Уоллис вообще не носил шляп) или лишней куртки.

Ни журналов, ни бумаг, хотя Уоллис никогда не возвращался от почтового ящика с пустыми руками. Он выписывал «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнэл», «Крисчен сайенс монитор», «Вашингтон стар» и ещё множество научных и технических журналов. Но в сарае не было ни журналов, ни книг, что он покупал. Ни, если на то пошло, толстых дневников. Там вообще не было ничего, на чём можно писать. Возможно, сказал себе Льюис, этот сарай не больше чем маскировка, место, которое по совершенно неизвестной причине Уоллис тщательно обставил, чтобы создавалось впечатление, будто он именно здесь и живёт. Не исключено, что на самом деле он живёт в доме. Но если дело действительно обстоит так, то зачем этот маскарад — не очень, кстати, убедительный?

Льюис повернулся к двери и вышел из сарая. Обогнул дом и приблизился к крыльцу. На первой ступеньке он остановился и осмотрелся. Кругом стояла тишина. Солнце взобралось уже высоко, день обещал быть тёплым, и весь этот уединённый уголок земли словно успокоился и затих в ожидании полуденной жары.

Взглянув на часы и убедившись, что у него есть ещё сорок минут, Льюис поднялся по ступенькам, взялся за круглую дверную ручку и повернул — но она не повернулась, лишь скользнули по ней обхватившие её пальцы.

Льюис удивился, попробовал ещё раз, и снова у него ничего не получилось. Как будто дверная ручка была покрыта чем-то твёрдым и скользким, словно плёнкой льда, по которой пальцы скользили, не оказывая на ручку никакого давления.

Он наклонился, стараясь разглядеть, есть ли там какое-нибудь покрытие, однако ничего не обнаружил. Ручка выглядела совершенно нормально, даже, может быть, слишком нормально. Она была такая чистая, словно кто-то совсем недавно протёр её и отполировал: ни пыли, ни оставленных непогодой отметин или пятен ржавчины.

Льюис попробовал царапнуть её ногтем, однако ноготь скользнул, не оставив на ней никакого следа. Он провёл рукой по поверхности двери, дерево оказалось таким же скользким. Ладонь совсем не чувствовала трения, как будто дверь намазали маслом. Однако никакой смазки там не было. Вообще не было ничего, что объясняло бы это непонятное скольжение. Льюис отошёл

от двери и потрогал обшитую досками стену — стена была тоже скользкая. Он провёл по ней сначала ладонью, затем ногтем — результат тот же. Весь дом, казалось, покрыт чем-то скользким и гладким, настолько гладким, что даже пыль не садилась на его поверхность и непогода не оставляла на нём никаких следов.

Льюис подошёл к окну и только тут заметил странность, которую не заметил раньше, и понял, отчего дом производил такое суровое впечатление. Все окна были чёрными. Ни занавесок, ни штор, ни жалюзи — просто чёрные прямоугольники, похожие на пустые глазницы голого черепа здания.

Он приник к стеклу, закрывшись с обеих сторон ладонями от света, но всё равно ничего не разглядел за окном. Перед глазами застыл глубокий чёрный омут, и, что странно, в этой черноте ничего не отражалось. Не отражалось даже его лицо. Ничего, кроме черноты, словно свет падал на стекло и тут же поглощался, всасывался и оставался там навсегда. Ни единого отблеска.

Льюис спустился с крыльца и медленно обошёл вокруг дома, внимательно его разглядывая. Все окна до единого — те же чёрные прямоугольники, впитывающие свет без остатка, все стены такие

же скользкие и твёрдые, как возле крыльца. Он ударил по стене кулаком, всё равно что скала. Обследовав каменный фундамент, Льюис убедился, что и там всё гладко и скользко. Раствор между камнями лежал неровно, да и в самих камнях были трещины, но рука не чувствовала никаких шероховатостей.

Что-то невидимое покрывало камень — ровно настолько, чтобы заполнить щербины и неровности. Но что это, он не понимал. Казалось, оно было бесплотно.

Выпрямившись, Льюис взглянул на часы. В его распоряжении оставалось всего десять минут. Пора уходить.

Он спустился по холму к старому заброшенному саду и уже под деревьями остановился, чтобы взглянуть на жилище Уоллиса ещё раз. Теперь дом выглядел иначе. Теперь это было не просто здание. В его ожившем облике появилось что-то насмешливое, даже издевательское, как будто внутри дома зрело готовое вот-вот вырваться наружу зловещее хихиканье.

Льюис поднырнул под низкие ветки и двинулся через сад, пробираясь между деревьями. Тропинки там, конечно, не было, а трава и сорняки вымахали выше колен. Он снова пригнулся,

потом обошёл дерево, которое много лет назад вырвало с корнем во время бури.

Время от времени он протягивал руку и срывал яблоки — мелкие горькие дички, откусывал кусочек и тут же выбрасывал; ни одного съедобного среди них так и не нашлось, словно они всосали из заброшенной земли горечь запустения.

В дальнем конце сада Льюис наткнулся на забор, поставленный вокруг могил. Здесь трава разрослась не так сильно, а на заборе можно было заметить следы недавнего ремонта. В изножье у каждой могилы, напротив трёх простых надгробий из местного известняка, росло по кусту пеонов — большие, разросшиеся кусты, посаженные, видимо, много лет назад. Поняв, что он наткнулся на семейное кладбище Уоллисов, Льюис остановился у ветхой изгороди.

Но тут должно быть только два надгробных камня. Откуда взялся третий?

Он двинулся вдоль изгороди к осевшей калитке, прошёл внутрь и остановился у могил, читая надписи на надгробьях. Угловатые, неровные буквы свидетельствовали о том, что надписи сделаны неопытной рукой. Тут не было ни сентиментальных фраз, ни стихотворных строк, ни изображений ангелов, ягнят или других символи-

ческих образов, характерных для шестидесятых годов прошлого века, — только имена и даты.

На первом камне: **Аманда Уоллис 1821–1863**.

На втором: **Джедедия Уоллис 1816–1866**.

А на третьем…

4

— Дайте мне, пожалуйста, карандаш, — сказал Льюис. Хардвик перестал катать его между ладонями и протянул Льюису.

— Лист бумаги? — спросил он.

— Да, если можно.

Льюис склонился над столом, и карандаш быстро забегал по бумаге.

— Вот, — произнёс он, передавая лист Хардвику.

— Это какая-то бессмыслица, — сказал тот, сдвинув брови. — Кроме вот этого символа внизу.

— Восьмёрка, лежащая на боку. Я знаю. Символ бесконечности.

— А всё остальное?..

— Не имею понятия, — ответил Льюис. — Так начертано на надгробье. Я просто скопировал.

— И теперь знаете на память?

— Ничего удивительного, если учесть, сколько времени я провёл, пытаясь понять, что это такое.

— Никогда в жизни не видел ничего подобного, — сказал Хардвик. — Впрочем, я не специалист и в таких вещах ничего не смыслю.

— Пусть вас это не смущает. Об этих символах

никто не имеет ни малейшего понятия. Тут нет никакого сходства, даже отдалённого, с каким-то языком или с известными нам письменами. Я консультировался со специалистами. Опросил с десяток учёных. Говорил им, что обнаружил эту надпись на скале, и, думаю, большинство из них решили, что я чокнутый фанатик. Вроде тех людей, которые постоянно пытаются доказать, что в доколумбову эпоху в Америке были поселения римлян, финикийцев, ирландцев или ещё что-нибудь в таком же духе.

Хардвик положил лист на стол.

— Я понимаю, что вы имели в виду, когда сказали, что сейчас у вас вопросов стало больше, чем вначале. Тут и молодой человек, которому больше ста лет, и гладкий, скользкий дом, и третье надгробье с непостижимой надписью. Вы ни разу не говорили с Уоллисом?

— С ним никто не говорил. Кроме почтальона. Когда Уоллис выходит на свою ежедневную прогулку, он берёт с собой ружьё.

— И что, люди боятся заговаривать с ним?

— Вы имеете в виду из-за ружья?

— Да, пожалуй. Почему он всегда при оружии?

Льюис покачал головой.

— Не знаю. Я пытался найти этому какое-то

объяснение, понять, почему он всегда берёт с собой ружьё. Насколько мне известно, он не сделал из него ни одного выстрела. Однако я не думаю, что местные жители не вступают с ним в разговоры, потому что он вооружён. Уоллис для них — анахронизм, нечто из прошлого века. Я уверен, его никто не боится. Он слишком долго жил там. Слишком привычен. Он просто часть этих мест — такой же привычный, как деревья или скалы. Но при этом особого расположения к нему тоже никто не испытывает. Подозреваю, что, встретившись с ним лицом к лицу, большинство местных жителей будут чувствовать себя не очень уютно. Он не такой, как все, — нечто большее и одновременно нечто меньшее. Как человек, утративший своё человеческое естество. Я думаю, втайне многие соседи даже немного стыдятся его, потому что он каким-то образом, может быть, невольно, обошёл старость стороной, а старость — это одно из наших наказаний, но в то же время и одно из неотъемлемых прав человека. Может быть, этот затаённый стыд в какой-то степени объясняет и их нежелание рассказывать об Уоллисе.

— Вы наблюдали за ним долго?

— Поначалу — да. Но теперь у меня группа. Мои сотрудники следят за ним посменно. У нас

больше десятка наблюдательных постов, и их мы тоже периодически меняем. Но каждый день и каждый час дом Уоллиса находится под наблюдением.

— Я смотрю, вас эта ситуация заинтересовала всерьёз.

— И не без оснований, — ответил Льюис. — Я хочу показать вам ещё кое-что.

Он наклонился, поднял кейс, стоявший у кресла, раскрыл его и, достав пачку фотографий, передал их Хардвику.

— Что вы на это скажете?

Хардвик взял фотографии. И внезапно застыл. Лицо его побледнело, руки затряслись. Затем он принялся аккуратно раскладывать фотографии на столе, но взгляд его удерживала первая — та, что лежала сверху. Льюис увидел в его глазах вопрос и сказал:

— В могиле. В той самой, где надгробье с непонятными закорючками.

5

Аппарат связи пронзительно засвистел. Инек Уоллис отложил дневник и встал из-за стола. Прошёл через комнату к аппарату, нажал кнопку и вставил ключ. Свист прекратился.

Из аппарата донеслось гудение, и на экране появились слова — сначала едва различимые, но с каждой секундой всё более отчётливые:

НОМЕР
406 301 СТАНЦИИ 18 327. ПУТЕШЕСТВЕННИК В 16 097.38. ЖИТЕЛЬ ПЛАНЕТЫ ТУБАН-6.

БАГАЖА НЕТ. ЖИДКОСТНЫЙ КОНТЕЙНЕР НОМЕР 3. СМЕСЬ 27. ОТПРАВЛЕНИЕ НА СТАНЦИЮ 12 892 В 16 439.16.

ПРОШУ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Инек взглянул на большой галактический хронометр, закреплённый на стене. До прибытия гостя оставалось ещё три часа.

Он коснулся другой кнопки, и из щели на боку аппарата выполз тонкий металлический лист с текстом сообщения. Дубликат автоматически поступил в архив. Послышался щелчок, и экран опустел до следующего послания.

Инек вытащил металлическую пластинку с

двумя дырочками и подколол в досье, затем опустил руки на клавиатуру и напечатал:

НОМЕР 406 301 ПОЛУЧЕН. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГОТОВНОСТИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Текст высветился на экране, и Инек не стал его стирать. Тубан-VI? Интересно, кто-нибудь оттуда уже бывал здесь? Уоллис решил, что, закончив дела, непременно заглянет в картотеку и проверит.

Путешественнику требовался жидкостный контейнер, и такие гости, как правило, оказывались наименее интересными. Завязать с ними разговор удавалось далеко не всегда, поскольку их языковые концепции часто вызывали слишком много трудностей для понимания. А нередко и сами мыслительные процессы этих существ столь значительно отличались от человеческих, что с ними невозможно было найти точку соприкосновения.

Хотя так случалось не всегда. Уоллис вспомнил, как несколько лет назад к нему попал такой вот обитатель жидкой среды откуда-то из созвездия Гидры (или из Гиад?), с которым они проговорили всю ночь, и так было интересно, что Инек едва не пропустил время отправки гостя на станцию назначения. Это довольно путаное общение (едва ли его можно было назвать беседой) продолжалось

всего несколько часов, но оставило у него ощущение товарищеской, даже братской близости.

Он — а может быть, она или оно, поскольку у них как-то не возникло необходимости прояснить этот вопрос, — больше на станции не появлялся. Впрочем, так случалось часто. Очень немногие из гостей останавливались на его станции на обратном пути. Большинство из них просто следовали к своей цели.

Но он (она или оно) остался в его записях. Чёрным по белому. Как и все остальные. До единого. Чёрным по белому. Ему потребовался, вспоминал Уоллис, почти весь следующий день, чтобы, сгорбившись за столом, описать услышанное: все рассказанные истории, все впечатления о далёких, прекрасных и манящих мирах (манящих, потому что так много было там непонятного), всё тепло товарищеских отношений, возникших между ним и этим странным, уродливым, по земным меркам, существом с другой планеты. И теперь в любой день по желанию он мог вытащить из длинного ряда стоящих на полке дневников тот самый и вновь пережить памятную ночь. Хотя он ни разу этого не сделал. Странно, отчего-то ему всегда не хватает времени, или кажется, что не хватает, — на то, чтобы перелистать и перечи-

тать хоть что-то из записанного за долгие годы…

Он отвернулся от аппарата связи и подкатил жидкостный контейнер номер три под материализатор, установил его точно на место и закрепил. Затем вытянул из стены шланг, нажал на селекторе кнопку номер 27 и заполнил контейнер. Шланг, когда он его отпустил, сам уполз обратно в стену.

Уоллис вернулся к клавиатуре, убрал текст с экрана и послал подтверждение о полной готовности к приёму путешественника с Тубана, в свою очередь получил двойное подтверждение с центральной станции и перевёл аппарат в состояние готовности для новых сообщений.

Затем прошёл к картотечному шкафу, расположенному у письменного стола, и вытянул ящик, заполненный карточками. Да, действительно: Тубан-VI. И число: 22 августа 1931 года. Инек прошёл через комнату к стене, от пола до потолка заставленной полками с книгами, журналами, его дневниками, и, выбрав нужную тетрадь, вернулся к столу.

22 августа 1931 года, как он обнаружил, открыв соответствующую страницу, выдалось совсем мало работы: всего один путешественник с Тубана-6. И хотя записи о том дне занимали целую стра-

ницу, исписанную его мелким, неразборчивым почерком, гостю он посвятил всего один абзац:

«Сегодня прибыл сгусток с Тубана-6. По-другому, пожалуй, и не скажешь. Просто масса живой материи, и эта масса меняла форму, то превращалась в шар, то растекалась по дну контейнера, словно блин. Потом она сжималась, втягивая края внутрь, и снова превращалась в шар… Перемены происходили медленно, и в них был заметен определённый ритм, но только в том смысле, что они повторялись. По времени каждый цикл отличался от предыдущего. Я пробовал хронометрировать их, но не смог установить чёткой периодичности. Самое короткое время до полного завершения цикла составило семь минут, самое долгое — восемнадцать. Может быть, за более длительный срок можно было бы уловить повторяемость и по времени, но у меня не хватило терпения. Семантический транслятор не сработал, но существо издало несколько резких щелчков — как будто хлопнуло клешнями, хотя никаких клешней я у него не заметил. И, только проверив по пазимологическому справочнику, я понял смысл этого обращения. Гость сообщал, что с ним всё в порядке, что внимания ему не требуется и что он просит не беспокоить его. Я

так и поступил».

В конце абзаца на оставшемся пустом месте было приписано: *«Смотри 16 октября 1931 года»*.

Инек перелистнул несколько страниц и добрался до 16 октября. До одного из тех дней, когда Улисс прибыл на станцию с инспекторской проверкой.

Разумеется, его звали не Улисс. И, строго говоря, у него вообще не было имени. У его народа просто не возникло необходимости в именах, поскольку они выработали иную идентификационную терминологию, гораздо более выразительную. Однако эта терминология и даже её общая концепция были настолько сложны для человека, что ни понять, ни тем более использовать её Уоллис не мог.

— Я буду звать тебя Улисс, — сказал он ему, когда они встретились впервые. — Должен же я как-то тебя называть.

— Согласен, — ответило незнакомое существо (тогда ещё незнакомое, но вскоре ставшее другом). — Но могу ли я спросить, почему ты выбрал имя Улисс?

— Потому что это имя великого человека моей расы.

— Я рад, что ты выбрал такое имя, — произнесло

существо, только что получившее крещение. — Оно звучит, как мне кажется, возвышенно и благородно. Между нами говоря, я буду счастлив носить это имя. А тебя я буду звать Инеком, поскольку нам предстоит работать вместе много-много твоих лет.

И действительно, прошло много-много лет, подумал Инек, стоя с открытым дневником в руках и глядя на запись, сделанную несколько десятилетий назад. Десятилетий, удивительно обогативших его, оставивших такой след в душе, что это и представить себе невозможно было до тех пор, пока он их не прожил.

И всё это будет продолжаться. Гораздо дольше, чем тот небольшой отрезок времени, что уже прожит. Века, а может быть, целое тысячелетие. Чего он только не узнает к концу этого тысячелетия!

Хотя, думалось Инеку, может быть, знания — не самое главное.

К тому же он понимал, что прежнее положение долго не сохранится, поскольку теперь ему могут помешать. В окрестностях появились наблюдатели, или по крайней мере один наблюдатель. Вполне возможно, что скоро они начнут сжимать кольцо поисков. Пока Уоллис не имел ни малейшего понятия, что делать и как готовиться

к надвигающейся опасности. Но рано или поздно это должно было случиться, и, во всяком случае, внутренне он уже приготовился… Странно только, что этого не произошло раньше.

О такой опасности Инек рассказал Улиссу ещё в тот день, когда они встретились впервые. И теперь, размышляя о своих проблемах, он снова вспоминал события многолетней давности — прошлое вставало перед его внутренним взором с такой ясностью, словно всё это случилось только вчера.

6

Инек сидел на ступенях крыльца. Вечерело. Над далёкими холмами в штате Айова, за рекой, собирались грозовые тучи. День был жаркий, душный, ни дуновения ветерка. У сарая вяло ковырялись в земле несколько кур — скорее, наверно, по привычке, чем в надежде найти что-нибудь съедобное. Стайка воробьёв то срывалась вдруг с крыши амбара и неслась к кустам жимолости, что у поля за дорогой, то летела обратно, и крылья их сухо потрескивали, словно от жары перья стали жёсткими и твёрдыми.

Вот сижу, думал Инек, и гляжу на тучи, а ведь ещё столько работы, и поле кукурузное надо перепахать, и убрать сено, и скопнить пшеницу…

Но что бы там ни случилось, как бы тяжело ему ни было, надо жить дальше, и по возможности с толком. Это станет ему уроком, напоминал себе Инек, хотя за последние годы он должен был в полной мере познать всю тщету земную. Однако на войне всё было по-другому. На войне ты знаешь, чего ожидать, готовишься, но сейчас-то не война. Сейчас мирная жизнь, к которой он вернулся с такими надеждами. Человек вправе

ожидать, что в мире без войны действительно будет покой, что он будет ограждён от жестокости и страха.

Теперь он одинок. Одинок, как никогда раньше. Теперь и вправду надо начинать новую жизнь, другого выбора нет. Но будь то здесь, на родной земле, или в каком-то другом месте — эта новая жизнь начнётся с горечи и печали.

Инек сидел на крыльце, уронив руки на колени, и всё смотрел на собиравшиеся на западе тучи. Может, пойдёт дождь, и это хорошо, потому что земле нужна влага, но может, и не пойдёт: воздушные течения над сходящимися речными долинами — штука капризная, никогда не скажешь наверняка, куда двинутся облака…

Путника он заметил, когда тот уже свернул к воротам. Высокий сухопарый человек в запылённой одежде, судя по всему, проделавший долгий путь. Гость шёл по тропе к дому, но Инек сидел и ждал, не трогаясь с места.

— Добрый день, сэр, — произнёс он наконец. — Сегодня жарко, и вы, должно быть, устали. Присаживайтесь, отдохните.

— С удовольствием, — ответил незнакомец. — Но сначала, прошу вас, глоток воды.

— Идёмте, — сказал Инек, поднимаясь со ступе-

ней. — Я накачаю прямо из колодца.

Он прошёл через двор к насосу, снял с крюка ковш и дал его незнакомцу. Потом взялся за рукоятку и принялся качать.

— Пусть немного стечёт, — сказал он. — Холодная идёт не сразу.

Инек продолжал качать, и вода, выплёскиваясь из крана неровными порциями, сбегала по доскам, закрывавшим колодец.

— Думаете, пойдёт дождь? — спросил незнакомец.

— Трудно сказать, — ответил Инек. — Подождём, посмотрим.

Что-то неуловимое вызывало у него беспокойство, когда он глядел на своего гостя. Ничего явного, конкретного, но тем не менее какая-то мелочь не давала ему успокоиться. Качая воду, он ещё раз посмотрел на незнакомца и подумал, что, должно быть, это его уши, чуть более острые вверху, чем положено, но, когда он через некоторое время взглянул на него снова, уши оказались нормальными, и Инек решил, что его подвело воображение.

— Ну вот, наверно, уже холодная, — сказал он.

Путник подставил ковш под кран и, подождав, когда он наполнится, предложил Инеку. Тот по-

качал головой.

— Сначала — вы. Вам больше нужно.

Гость приложился к ковшу и жадно выпил его до дна, раз-другой пролив воду на себя.

— Ещё? — спросил Инек.

— Нет, спасибо, — ответил гость. — Но я подержу ковш, теперь качайте для себя.

Инек снова взялся за насос и, когда ковш наполнился до краёв, принял его из рук незнакомца. Вода была холодная, и Инек, только в эту минуту поняв, что его тоже мучает жажда, осушил ковш почти целиком. Затем повесил его на место и сказал:

— Ну, а теперь можно и посидеть.

Незнакомец улыбнулся:

— Пожалуй, мне это не повредит.

Инек достал из кармана красный платок и вытер лицо.

— Воздух плотный, как перед дождём… — произнёс он и тут понял, что же его всё-таки беспокоило. Одежда на госте несвежая, башмаки покрылись слоем пыли, ясно было, что он одолел неблизкий путь, да ещё эта предгрозовая духота, а между тем его гость совсем не вспотел. Выглядел он таким свежим, словно была весна и он весь день пролежал, отдыхая, под деревом.

Инек засунул платок обратно в карман, и они уселись на ступенях.

— Видимо, вы проделали неблизкий путь, — сказал он, пытаясь незаметно навести разговор на нужную тему.

— О да. Я забрался довольно далеко от дома.

— И, как видно, дорога предстоит ещё дальняя?

— Нет, — ответил незнакомец. — Похоже, я оказался там, куда стремился.

— Вы имеете в виду… — начал было Инек, но не договорил.

— Я имею в виду — вот здесь, на этих вот ступенях. Я давно искал одного человека, и думаю, этот человек именно вы. Имени его я не знал, не знал и где искать, но никогда не сомневался, что когда-нибудь найду того, кого ищу.

— Вы искали меня? — ошарашенно спросил Инек. — Но почему меня?

— Я искал человека, которому присуще много различных черт. Одной из них является то, что этот человек наверняка заглядывался на звёзды и размышлял, что они из себя представляют.

— Да, — признался Инек, — иногда я это делаю. Не раз, бывало, ночуя в поле, я лежал без сна, завернувшись в одеяла, и глядел на небо, на звёзды, пытаясь понять, что это такое, как они там ока-

зались и — самое главное — зачем. Я слышал от людей, что каждая звезда — это такое же солнце, что светит над землёй, только до сих пор не знаю, верно это или нет. Как видно, не больно-то много люди о них знают.

— Есть и такие, кто знает много, — сказал незнакомец.

— Уж не вы ли? — спросил Инек с лёгкой усмешкой, потому что его гость совсем не походил на человека, который много знает.

— Да, я, — ответил тот. — Хотя есть и другие, которые знают несравненно больше меня.

— Я иногда задумывался… — сказал Инек. — Если звёзды это солнца, то, возможно, там, наверху, есть и планеты, а может быть, и люди тоже…

Он вспомнил, как сидел однажды у костра, коротая вечер за разговорами со своими приятелями, и упомянул о том, что, мол, на других планетах, которые крутятся вокруг других солнц, живут другие люди; приятели тогда здорово посмеялись над ним и ещё долго потом отпускали в его адрес шуточки, поэтому Инек никогда больше не делился с ними своими догадками. Впрочем, он и сам не особенно в них верил — мало ли что придёт в голову ночью у костра.

А вот сейчас вдруг опять заговорил об этом,

да ещё с совершенно незнакомым человеком. С чего бы это?..

— Вы в самом деле верите, что там тоже живут люди? — спросил путник.

— Да так, пустые домыслы… — ответил Инек.

— Ну, не такие уж и пустые, — сказал незнакомец. — Другие планеты и вправду есть, и на них живут другие люди. Я один из них.

— Но вы… — начал было Инек и тут же умолк.

Кожа на лице незнакомца лопнула и начала сползать в стороны, а под ней Инек увидел другое лицо, не похожее на человеческое.

И в ту минуту, когда маска сползла с этого другого лица, через всё небо полыхнула огромная молния, тяжёлый грохот сотряс землю, а издалека донёсся шум дождя, обрушившегося на холмы, — он всё близился и нарастал.

7

Вот так это и началось, думал Инек, больше века назад. Фантазия, родившаяся у горящего в ночи костра, обернулась реальностью, и теперь Земля отмечена на всех галактических картах как пересадочная станция для многочисленных путешественников, добирающихся от звезды до звезды. Когда-то все они были чужаками, но это давно уже не так. Просто для Уоллиса такой категории не существовало: в любом обличье и какую бы цель они ни преследовали — все они для него люди.

Он взглянул на запись от 16 октября 1931 года и быстро её перечитал. То, что его интересовало, оказалось в самом конце:

«Улисс сказал, что жители шестой планеты Тубана, возможно, самые выдающиеся математики во всей галактике. Похоже, они создали новую систему счисления, превосходящую любую из существовавших ранее, и она особенно полезна для обработки статистических данных».

Инек захлопнул дневник и сел в кресло. Интересно, подумал он, знают ли статистики с Мицара-X о достижениях жителей Тубана? Воз-

можно, знают, поскольку и они применяют порой для обработки информации нетрадиционные методы.

Он отодвинул дневник в сторону и, покопавшись в ящике стола, извлёк свою таблицу, расстелил её на столе, проглядел ещё раз и погрузился в раздумья. Если бы он только был уверен… Если бы знал мицарскую систему лучше… Последние десять лет Инек работал над этой таблицей, проверяя и перепроверяя все известные ему факторы по системе, выработанной на Мицаре, снова и снова пытаясь определить, те ли факторы он использует, что нужны для анализа… Инек крепко стиснул кулак и ударил им по столу. Если бы только быть уверенным до конца. Если бы можно было с кем-нибудь поговорить. Но именно этого он пытался избежать, поскольку такой ход очень ясно показал бы обнажённость, беспомощность человечества.

А он всё ещё был человеком. Странно, подумал он, что ничего не изменилось, что за сто с лишним лет общения с существами из множества других миров он по-прежнему остаётся человеком с планеты Земля.

Ибо связи его с Землёй во многих отношениях давно уже прервались. Он теперь общался

с одним-единственным человеком, со старым Уинслоу Грантом. Соседи его сторонились, а больше тут никто не бывал, если не считать наблюдателей, которых он видел довольно редко, скорее мельком, а то и вообще просто их следы.

Только старый Уинслоу Грант да Мэри и другие люди-тени время от времени скрашивали его одинокие часы.

Вот и вся его Земля — старик Уинслоу, люди-тени да акры принадлежавшей семье фермы, раскинувшиеся вокруг дома. Но не сам дом, поскольку дом уже принадлежал галактике.

Он закрыл глаза и принялся вспоминать, как выглядел дом в те давние времена. Здесь вот, где он сидит, была кухня с железной плитой, огромной чёрной плитой, сверкающей своими огненными зубами в щели решётки для поддува. У самой стены стоял стол, где они втроём ели, и он даже помнил, что на нём стояло: графинчик с уксусом, стакан с ложками и судок с горчицей, хреном и соусом из красного перца в центре стола, на красной скатерти в клеточку, точно какое-то украшение.

Зимний вечер, Инеку года три или четыре. Мама у плиты готовит ужин. Он сидит на полу, играет в кубики и деревянные дощечки, а снару-

жи доносится приглушённое завывание ветра. Отец только что вернулся из хлева, где доил коров, и вместе с ним в дом ворвался порыв ветра, несущий вихрь снежинок. Дверь тотчас захлопнулась, ветер и снег остались снаружи, в ночном мраке и непогоде. Отец поставил ведро с молоком в раковину. Инек смотрит на него: на бороде и на бровях отца налип снег, в усах поблёскивают мелкие льдинки.

Эта картина всё ещё перед ним, словно три восковых манекена, застывших на стенде исторического музея: отец с примёрзшими к усам льдинками, в больших валенках до колен; раскрасневшаяся у жаркой плиты мать в кружевном чепце и он сам с кубиками на полу.

Помнилось ему и ещё кое-что, может быть, отчётливее, чем всё остальное. На столе стояла большая лампа, а на стене за ней висел календарь, и свет от лампы падал на картинку, словно луч прожектора. На ней был изображён Санта Клаус в санях, несущихся по просеке в лесу, и весь лесной народец высыпал на обочины полюбоваться им. В небе висела большая луна, а землю укрывал толстый слой снега. Два зайца глядели на Санта Клауса во все глаза, рядом стоял олень, чуть дальше — закутавшийся в собствен-

ный хвост енот, а на низко свисающей ветке рядышком сидели белка с синицей. Старый Санта Клаус приветственно вскинул руку со свёрнутым кнутом, щёки у него раскраснелись, он весело улыбался, а сани тянули гордые, сильные, неутомимые северные олени.

Сквозь все эти годы Санта Клаус из девятнадцатого столетия мчался по заснеженным дорогам времени, весело приветствуя лесных жителей. И вместе с ним мчался золотой свет настольной лампы, по-прежнему ярко освещавшей стену и скатерть в клеточку.

Да, думал Инек, что-то всегда остаётся навечно — хотя бы воспоминание об уютной тёплой кухне в студёную зимнюю ночь из детства.

Но это лишь воспоминание, память души, потому что в жизни ничего такого не сохранилось. Кухни уже нет, и нет общей комнаты со старинным диваном и креслом-качалкой, нет гостиной со старомодными парчовыми занавесами и шёлковыми шторами. Не сохранились ни гостевая спальня на первом этаже, ни семейные спальни на втором.

Вместо всего этого появился один большой зал. Пол на втором этаже и все перегородки убрали, и получился зал, одну сторону которого занимает

галактическая пересадочная станция, а на другой живёт её смотритель. В углу стоит кровать, у противоположной стены — плита, работающая на неизвестном Земле принципе, и холодильник — тоже инопланетного происхождения. Всё свободное место вдоль стен занято шкафами и полками, заставленными журналами, книгами и дневниками.

В доме сохранилась только одна примета тех давних времён — старый массивный камин, сложенный из кирпича и местного камня, у стены общей комнаты, — единственное, что Инек не разрешил убрать инопланетным рабочим, которые устанавливали аппаратуру станции. Камин стоял на месте, напоминая о далёких днях прошлого, словно последняя частичка Земли в доме, а над ним выступала из стены дубовая каминная полка, которую отец Инека сам вырубил из толстого бревна и потом обтесал рубанком и стругом.

На каминной и на книжных полках, на столе стояли и лежали различные предметы внеземного происхождения, для многих из которых даже не существовало земных названий, подарки от дружелюбных путешественников, — их много накопилось за долгие годы. Некоторым из них

находилось применение, на другие можно было только смотреть, но попадались и совершенно бесполезные вещи — эти либо не могли быть использованы человеком, либо просто не работали в земных условиях, либо созданы были для каких-то целей, о которых Инек не имел ни малейшего понятия. Несколько смущаясь, он принимал эти дары, потому что люди, даривше их, всегда делали это от души, и долго, путано благодарил.

В другой половине дома размещался сложный комплекс аппаратуры, переносившей странников от звезды до звезды; он занимал всё пространство до самого потолка.

Постоялый двор. Пересадочная станция. Галактический перекрёсток.

Инек свернул таблицу и убрал в ящик стола. Дневник поставил на место среди других таких же дневников. Потом взглянул на галактический хронометр: пора было идти.

Он придвинул кресло вплотную к столу, взял со спинки стула куртку и надел её. Затем снял с крюков винтовку и, повернувшись к стене лицом, произнёс одно-единственное слово. Дверь бесшумно отъехала в сторону, и Инек перешёл в свой скудно обставленный сарайчик. Секция стены за его спиной так же бесшумно скользнула

на место, и даже следа разъёма не осталось.

Инек вышел во двор. День был изумительный, один из последних дней уходящего лета. Ещё неделя-другая, подумал он, и появятся первые признаки осени, начнутся заморозки. Уже зацвёл золотарник, а днём раньше начали распускаться в канаве у забора первые астры.

Он завернул за угол дома, прошёл через большое запущенное поле, поросшее орешником и редкими деревьями, направился к реке.

Вот она, Земля, размышлял он, планета, созданная для Человека. Но не для одного его, ведь на ней живут лисы, совы, горностаи, змеи, кузнечики, рыбы и множество других существ, что населяют воздух, почву и воду. И даже не только для них, для здешних обитателей. Она создана и для странных существ, что называют домом другие миры, удалённые от Земли на многие световые годы, но в общем-то почти такие же, как Земля. Для «улиссов», и «сиятелей», и для всех других инопланетян, если у них вдруг возникнет необходимость или желание поселиться на этой планете и если они смогут жить тут вполне комфортно, без всяких искусственных приспособлений.

Наши горизонты, думал Инек, так узки, и мы

так мало видим. Даже сейчас, когда, разрывая древние путы силы тяжести, поднимаются на столбе огня ракеты с мыса Канаверал, мы так мало задумываемся о том, что лежит за этими горизонтами.

Душевная боль не оставляла его и только усиливалась, боль, вызванная стремлением поведать человечеству всё то, что он узнал. Не только передать какие-то конкретные технические сведения — хотя что-то Земле обязательно пригодилось бы, — но, самое главное, рассказать о том, что во Вселенной есть разум, что человек не одинок, что, избрав верный путь, он уже никогда не будет одинок.

Инек миновал поле, перелесок и поднялся на большой каменный уступ на вершине скалы, высящейся над рекой. Он стоял там, как стоял уже тысячи раз по утрам, и глядел на реку, величественно несущую серебристо-голубые воды через заросшую лесом долину.

Старая, древняя река, мысленно обращался к ней Инек, ты смотрела в холодные лица ледников высотой в милю, которые пришли, побыли и ушли, отползая назад к полюсу и цепляясь за каждый дюйм; ты уносила талую воду с этих самых ледников, заливавшую долину невиданными

доселе потопами, ты видела мастодонтов, саблезубых тигров, бобров величиной с медведя, что бродили по этим вековым холмам, оглашая ночь рыком и рёвом; ты знала небольшие тихие племена людей, которые ходили по здешним лесам, забирались на скалы или плавали по твоей глади, людей, познавших и лес, и реку, слабых телом, но сильных волей и настойчивых, как никакое другое существо; а совсем недавно на эти земли пришло другое племя людей — с красивыми вещами, жестокими руками и с непоколебимой уверенностью в успехе. Но прежде чем всё это случилось — ибо это древний материк, очень древний, — ты видела многих других существ, и много перемен климата, и перемены на самой Земле. Что ты обо всём этом думаешь? Ведь у тебя есть и память, и ощущение перспективы, и даже время — ты уже должна знать ответы, пусть не все, пусть хоть какие-то.

Человек, проживи он несколько миллионов лет, знал бы их и, может быть, ещё узнает, когда пройдут эти несколько миллионов лет. Если до тех пор Человек не покинет Землю.

Я мог бы помочь, думал Инек. Я не способен дать никаких ответов, но я мог бы помочь человечеству в его поисках. Я мог бы дать человечеству

веру, и надежду, и цель, какой у него не было ещё никогда.

Но Инек знал, что не решится на это. Далеко внизу, над гладкой дорогой реки, лениво кружил ястреб. Воздух был так чист и прозрачен, что Инеку казалось, будто, вглядевшись чуть-чуть пристальнее, он сможет различить каждое перо в распростёртых крыльях.

Место это обладало каким-то странным, почти сказочным свойством. Дали, открывающиеся отсюда взору, кристально чистый воздух — всё рождало чувство отрешённости, навевало мысли о величии духа. Словно это некое особенное место, одно из тех мест, что каждый человек обязательно должен отыскать для себя и считать за счастье, если ему это удалось, — ведь на свете столько людей, которые искали и не нашли. Но хуже того, есть люди, которые никогда даже и не искали.

Инек стоял на вершине скалы, наблюдая за ленивым полётом ястреба, окидывая взором речной простор и зелёный ковёр деревьев, а мысли его уносились всё выше и дальше, к другим мирам, и от этих мыслей начинала кружиться голова. Но пора было возвращаться на Землю.

Он медленно спустился со скалы и двинулся по

вьющейся меж деревьев тропе, пробитой им за долгие годы.

Сначала Инек хотел пройтись к подножью холма, чтобы взглянуть на полянку, где летом цвели розовые «башмачки», и представить себе красоту, которая вернётся к нему в следующем июне, но затем решил, что в этом нет смысла, поскольку цветы росли в уединённом месте и с ними вряд ли что могло случиться. Было время, лет сто назад, когда они цвели на каждом холме, и он приходил домой с огромными охапками. Мама ставила цветы в большой коричневый кувшин, и на день-два дом наполнялся их густым ароматом. Однако теперь они почти перестали встречаться. Скот, что пасли на холмах, и охочие до цветов люди почти свели их на нет.

Как-нибудь в другой раз, сказал себе Инек. Перед первыми заморозками он сходит туда и удостоверится, что весной они появятся вновь.

По дороге он остановился полюбоваться белкой, игравшей в ветвях дуба, потом присел на корточки, когда заметил переползающую тропу улитку. Постоял у дерева-гиганта, рассматривая узоры облепившего ствол мха, затем долго следил взглядом за птицей, то и дело перелетавшей с ветки на ветку.

Тропа вывела Инека из леса, и он пошёл по краю поля, пока не дошёл до родника, бьющего из земли у подножья холма.

У самой воды сидела девушка, и он сразу узнал Люси Фишер, глухонемую дочь Хэнка Фишера, который жил на берегу реки.

Инек остановился. Сколько в ней грации и красоты, подумал он, глядя на девушку, — естественной грации и красоты простого, одинокого существа.

Она сидела у родника, протянув вперёд руку, и у самых кончиков её чувствительных пальцев трепетало что-то яркое. Люси замерла, выпрямив спину и высоко подняв голову; в лице девушки ощущалась какая-то обострённая настороженность, как, впрочем, и во всём её нежном облике.

Инек подошёл ближе и, остановившись в трёх шагах позади неё, увидел, что это яркое пятно — бабочка, большая золотисто-красная бабочка, какие появляются под конец лета. Одно крыло у неё было ровное и гладкое, но другое — помятое, и кое-где с него стёрлась пыльца, которая придаёт окраске золотистый блеск.

Инек заметил, что Люси не удерживает бабочку, та просто сидела на кончике пальца и время от времени взмахивала здоровым крылом,

чтобы удержать равновесие. Но неужели ему померещилось? Теперь второе крыло было лишь чуть-чуть изогнуто, а ещё через несколько секунд оно медленно выпрямилось, и на нём снова появилась пыльца (а может, она там и была). Бабочка подняла оба крыла, сложила их вместе.

Инек обошёл девушку сбоку, и, заметив его, Люси не испугалась и не удивилась. Наверно, подумал он, для неё это естественно, она давно привыкла, что кто-нибудь может беззвучно подойти сзади и неожиданно оказаться рядом.

Глаза её блестели, а лицо излучало внутренний свет, словно она только что испытала какое-то радостное душевное потрясение. И он в который раз подумал о том, каково это — жить в мире полного молчания, без общения с людьми. Может быть, не совсем без общения, но, во всяком случае, в стороне от тех свободных потоков информации, которыми все остальные люди обмениваются просто по праву рождения.

Он слышал, что её несколько раз пытались определить в государственную школу для глухих, но ничего из этого не получилось. В первый раз она убежала и бродила по окрестностям несколько дней, прежде чем сумела найти свой дом. Позже просто устраивала «забастовки», отказы-

валась слушаться и вообще участвовать в любой форме обучения.

Глядя, как она сидит с бабочкой на пальце, Инек решил, что знает, почему это происходило: Люси жила в своём собственном мире, в мире, к которому она привыкла, в котором она знала, как себя вести. В этом мире она не чувствовала себя ущербной, что наверняка случилось бы, если её насильно втянуть в нормальный человеческий мир.

Зачем ей язык жестов и умение читать по губам, если у неё отнимут чистоту души?

Она принадлежала этим лесам и холмам, весенним цветам и осенним перелётам птиц. Она была частью этого мира, мира близкого и понятного ей. Она жила в старом, затерянном уголке природы, занимая то жилище, которое человечество давно оставило — если оно вообще когда-либо им владело. Вот она — с золотисто-красной бабочкой на кончике пальца, встревоженная, полная ожидания, лицо светится от сознания исполненного долга. Она, именно она живёт такой полной жизнью, какой не доводилось жить никому из тех, кого Инек знал.

Бабочка расправила крылья, взлетела с вытянутого пальца и запорхала без забот и страха над

ковром диких трав и цветов золотарника.

Люси проследила взглядом за её полётом, пока бабочка не скрылась из виду у вершины холма, на который взбиралось старое поле, затем обернулась к Инеку и улыбнулась. Она свела и развела ладони, точно взмахнула золотисто-красными крыльями, но что-то в этом жесте чувствовалось ещё: ощущение счастья, покоя, словно она говорила, что в мире всё прекрасно.

Если бы, думал Инек, я мог обучить её пазимологии — науке моих галактических друзей, — тогда мы могли бы разговаривать почти так же легко, как с помощью человеческой речи, правда только друг с другом. Когда времени достаточно, это совсем не трудно, ведь галактический язык жестов настолько прост и логичен, что им можно пользоваться почти инстинктивно после того, как освоишь основные принципы.

В давние времена на Земле тоже существовало множество языков жестов, но ни один не был развит настолько хорошо, как язык жестов, распространённый среди аборигенов Северной Америки. Независимо от того, на каком языке говорил американский индеец, он всегда мог объясниться с представителями других племён.

Однако даже индейский язык жестов можно

сравнить в лучшем случае с костылём, помогающим человеку идти, когда он не в состоянии бежать. А галактический — это такой язык, который годится для любых средств и методов самовыражения. Он развивался не одно тысячелетие, с участием многих рас разумных существ, и за столь долгое время язык усовершенствовали, утрясли, отшлифовали до такой степени, что теперь он стал вполне самостоятельным средством общения.

А оно было крайне необходимо, поскольку галактика — это своеобразный Вавилон. Но даже галактическая пазимология, отшлифованная до совершенства, не каждый раз могла преодолеть все препятствия и надёжно гарантировать хотя бы минимальную возможность общения. Потому что кроме миллионов языков, на которых галактика говорила, существовало ещё множество других, основанных не на звуках: далеко не все способны их производить. Да и звуки не всегда оказывались эффективными, если какая-нибудь раса общалась с помощью ультразвука, неразличимого для остальных. Конечно же, существует телепатия, но на одну расу телепатов приходилась тысяча других, не способных к обмену мыслями. Многие обходились одним только языком

жестов, другие могли общаться лишь при помощи письменности и пиктографических систем, причём среди них встречались и такие, которые создавали изображения прямо на участках тела, представляющих собой нечто вроде химического экрана. А ещё была раса слепых, глухих, немых существ с загадочных звёзд на дальнем конце галактики, которые пользовались, наверное, самым сложным из всех галактических языков — кодированными сигналами, передаваемыми непосредственно в нервную систему.

Инек занимался своей работой уже больше века, но тем не менее даже при помощи универсального языка жестов и семантического транслятора — а это всего лишь механическое приспособление, пусть и довольно сложное, — он иной раз с трудом понимал, что пытаются сообщить ему гости…

Люси Фишер подобрала с земли берестяной черпачок, зачерпнула воды и протянула Инеку. Тот подошёл ближе, взял черпачок в руки и, опустившись на колени, приник к нему губами. Вода протекала через тонкие щели в стенках и дне, и он замочил рукав рубашки и куртки.

Выпив воду, Инек отдал черпачок Люси. Она приняла его одной рукой, а другую протянула

вперёд и легко коснулась лба Инека кончиками пальцев — наверно, ей представлялось, что она благословила его.

Инек промолчал. Он уже давно не пытался говорить при ней, чувствуя, что движения губ, сопровождающие звуки, которые она не способна слышать, приводят её в замешательство.

Вместо этого он дружеским жестом прикоснулся широкой ладонью к её щеке. Потом поднялся на ноги и снова посмотрел на неё. На мгновение их взгляды встретились.

Он перебрался через ручей, берущий своё начало из родника, и направился к вершине холма по тропе, что выходила из леса и бежала через поле. На полпути Инек обернулся — Люси смотрела ему вслед. Он помахал на прощанье рукой, и она ответила тем же. Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как он увидел её впервые — сказочную фею, которой исполнилось тогда, может быть, чуть больше десяти, маленькую лесную дикарку. Друзьями они стали далеко не сразу, вспоминал Инек, хотя он часто встречал её во время прогулок: Люси бродила по окрестным холмам, по долине реки, словно это её площадка для игр. Да, собственно, так оно и было.

Люси росла на его глазах. Они часто встреча-

лись, и постепенно между ними, одинокими изгоями, возникло взаимопонимание. Но не только это сближало их. Ещё и то, что у каждого из них был свой собственный мир, и эти миры дарили им понимание, недоступное другим. Хотя ни он, ни она ни разу не говорили друг другу о своих мирах и даже не пытались, но каждый это чувствовал, оттого-то они потянулись друг к другу, оттого-то их дружба и становилась всё крепче.

Ему вспомнился день, когда он застал её на поляне, где росли розовые «башмачки». Она стояла на коленях и просто глядела на них, не сорвав ни одного цветка. Инека тогда очень обрадовало, что Люси их не тронула. Им двоим уже только вид этих цветов дарил радость и красоту — чувства куда более возвышенные, чем стремление обладать.

Инек дошёл до вершины холма и стал спускаться вниз по заросшей травой дороге, что вела к почтовому ящику.

И он не ошибся там, у родника, сказал он себе, пусть даже это кажется невероятным. Крыло у бабочки и вправду было порванное, смятое и блёклое. Сначала он действительно увидел покалеченную бабочку, а потом вдруг крыло стало

целёхоньким, и она улетела прочь.

8

Уинслоу Грант не опоздал.

Добравшись до почтового ящика, Инек увидел вдали облако пыли, поднятое его развалюхой, подпрыгивающей на ухабах дороги. В этом году вообще пыльно, подумал Инек, поджидая Уинслоу. Дождей выпадало мало, и это сказалось на урожае. Хотя, по правде говоря, не так уж много осталось обработанных земель в здешних местах. Было время, вдоль дороги одна за другой тянулись небольшие фермы, на которые приятно было поглядеть: красные сараи, белые дома. Но теперь почти все они стояли заброшенные и опустевшие. Краска на сараях и домах облезла, и теперь постройки были не красные или белые, а одинаково серые от непогоды. Крыши просели, люди ушли.

До прибытия Уинслоу осталось совсем недолго. Инек ждал. Почтальон, может быть, остановится у ящика Фишеров, сразу за поворотом, хотя Фишеры, как правило, почти не получали писем — разве что рекламные проспекты и прочую ерунду, которая рассылается всем без разбору сельским жителям. Фишеров, впрочем, такая

корреспонденция мало волновала: иногда они не забирали почту по нескольку дней. И если бы не Люси, которая обычно бегала к ящику, они бы вообще её не брали.

Таких лодырей, как Фишеры, думал Инек, ещё надо поискать. И дом, и все их постройки столько лет уже держатся на честном слове, что того и гляди рухнут. На своём запущенном участке они высаживали кукурузу, которую заливало каждый раз, когда поднималась вода в реке. Сено Фишеры косили на заливном лугу в долине. Из живности держали двух костлявых лошадей, с полдюжины тощих коров и несколько кур. Машина-развалюха да спрятанная где-то в зарослях у реки самогонная установка — вот, пожалуй, и всё хозяйство. Они, конечно, охотились, ловили рыбу, ставили капканы, но от случая к случаю — в общем, совершенно безалаберный народ. Хотя, если поразмыслить, соседи они вроде бы и не плохие. Занимаются своими делами и никого особенно не беспокоят, разве что изредка выбираются всем кланом и ходят по окрестностям, раздавая брошюры никому не известной секты фундаменталистов, в которую Ма Фишер записалась несколько лет назад на ярмарке в Милвилле.

Уинслоу не остановился у ящика Фишеров и в облаке пыли вылетел из-за поворота. Подъехав к Инеку, он резко затормозил и выключил двигатель.

— Пусть остынет немного, — сказал он.

Мотор, охлаждаясь, начал пощёлкивать.

— Ты сегодня прямо минута в минуту, — сказал Инек.

— Почты было мало, — ответил Уинслоу. — Проезжал мимо ящиков, даже не останавливаясь.

Он полез в сумку, стоявшую рядом с ним на сиденье, и достал перевязанную бечёвкой пачку для Инека: несколько ежедневных газет и два журнала.

— Ты, я смотрю, много всякого выписываешь, — сказал он, — а писем почти не получаешь.

— Да кто же мне напишет? У меня никого не осталось.

— Но сегодня тебе пришло письмо.

Инек, не скрывая удивления, взглянул на пачку корреспонденции и тут только заметил уголок конверта, торчащего между журналами.

— Личное письмо, — добавил Уинслоу, причмокнув губами. — Не деловое. И не реклама.

Инек сунул пачку под руку, рядом с прикладом ружья.

— Наверно, какая-нибудь ерунда.

— А может, и нет, — сказал Уинслоу, и глаза его блеснули. Он достал из кармана трубку, затем извлёк кисет и неторопливо набил её табаком. Мотор всё ещё пощёлкивал. На безоблачном небе сияло солнце. Пышная листва вдоль дороги источала душный едкий запах.

— Я слышал, этот тип, что ищет женьшень, опять вернулся в наши места, — сказал Уинслоу, стараясь, чтобы фраза прозвучала обыденно, но в голосе его всё равно послышались заговорщицкие нотки. — Дня три или четыре его не было.

— Может быть, уезжал продавать женьшень.

— Сдаётся мне, он вовсе не женьшень ищет, — сказал почтальон. — Что-то другое.

— Он уже довольно давно тут…

— Начнём с того, — сказал Уинслоу, — что на женьшень теперь почти нет спроса, но даже если бы и был, так нет самого женьшеня. Вот раньше его хорошо покупали. Китайцы им вроде лечатся. Но сейчас торговли с Китаем почти что нет. Помню, когда я был мальчишкой, мы тоже ходили искать корешки. Они и в ту пору не часто попадались, но всё же попадались…

Уинслоу откинулся на спинку сиденья, сосредоточенно потягивая трубку.

— Странно всё это, — сказал он.

— Я ни разу этого человека не видел, — ответил Инек.

— Бродит по лесам, — продолжал Уинслоу. — Собирает всякие растения. Я одно время думал, он какой-нибудь знахарь или колдун. Травы для разных там снадобий и всё такое. И к Фишерам зачастил, хлещут там это их пойло да всё о чём-то разговаривают. Колдовство сейчас не в почёте, но я в эти вещи верю. На свете полно такого, что наука объяснить не в состоянии. Взять хотя бы дочку Фишера, глухонемую, — так вот она умеет заговаривать бородавки.

— Я тоже слышал, — сказал Инек и подумал: «Не только это. Она ещё умеет лечить бабочек».

Уинслоу наклонился вперёд.

— Чуть не забыл. У меня для тебя ещё кое-что есть.

Он поднял с пола машины коричневый бумажный свёрток и протянул Инеку.

— Не посылка. Это я сам для тебя сделал.

— Да? Спасибо. — Инек взял свёрток из его рук.

— Можешь развернуть, — сказал Уинслоу. — Посмотришь, что там такое.

Инек медлил.

— Стесняешься, что ли? Открывай.

Инек разорвал бумагу и увидел деревянную статуэтку, двенадцати дюймов высотой, изображающую его самого. Светлое, медового цвета дерево сияло на солнце — словно золотистый кристалл. Он шагал, удерживая винтовку под рукой и чуть наклонившись против ветра, морщившего куртку и брюки.

Инек даже дар речи потерял, так его поразила статуэтка.

— Уинс, — сказал он наконец, — я такой красоты в жизни не видывал.

— Я её вырезал из того полешка, что ты дал мне прошлой зимой, — сказал почтальон. — Материал, скажу тебе, отменный, первый раз такой попался. Твёрдое дерево, и почти без волокон. Не колется, не ломается. Режешь по нему, и получается то, что надо. А полируется, считай, само, пока режешь; просто руками потереть, и больше ничего не требуется.

— Ты не представляешь себе, как много это для меня значит.

— За эти годы ты мне много всяких чурбачков надарил. Дерево, какого здесь никто никогда не видел. Всё высочайшего качества и очень красивое. Так что я подумал, пора мне что-то и для тебя сделать.

— Ты и так для меня много делаешь, — сказал Инек. — Возишь из города всё, что ни попрошу…

— Инек, — сказал Уинслоу, — я к тебе очень хорошо отношусь. Не знаю, кто ты, и не собираюсь спрашивать, но, кто бы ты ни был, отношусь я к тебе очень хорошо.

— Я бы рад рассказать тебе, но нельзя.

— Ну и ладно, — сказал Уинслоу, усаживаясь поудобнее за рулём. — Пока мы ладим друг с другом, не так уж и важно знать, кто каждый из нас. Если бы некоторые страны брали пример с таких вот маленьких общин, как наша, — пример того, как жить в согласии, — мир был бы куда лучше.

— А пока в мире не очень-то спокойно, — с серьёзным видом поддержал его Инек.

— Да уж куда там, — ответил почтальон и завёл мотор.

Машина двинулась вниз по холму, волоча за собой шлейф пыли. Инек долго смотрел ей вслед, потом перевёл взгляд на деревянную статуэтку.

Человек, похоже, шёл по гребню холма, открытому ветру, и чуть пригнулся, чтобы выдержать его бешеный напор.

Почему Уинслоу изобразил меня именно так? — недоумевал Инек. — Что он такое разглядел во мне, изобразив шагающим навстречу ветру?

9

Положив винтовку и почту на пыльную траву, Инек снова аккуратно завернул статуэтку. Он поставит её на каминную полку или, ещё лучше, на кофейный столик, что у его любимого кресла, рядом с письменным столом. Хочется, признавался он самому себе немного смущённо, чтобы статуэтка всегда стояла рядом, чтобы можно было смотреть на неё или подержать в руке, когда захочется. Подарок почтальона согревал душу, вызывая у него глубокое радостное чувство. Отчего это, почему он так разволновался?

Вовсе не потому, что редко получал подарки. Практически ни одна неделя не проходила без того, чтобы кто-то из инопланетных путешественников не оставил ему подарка. Они стояли и лежали по всему дому, а в похожем на пещеру подвале занимали целую стену, от пола до потолка. Может быть, говорил он себе, дело в том, что это подарок жителя Земли, такого же, как он сам.

Инек сунул свёрток со статуэткой под руку, другой подхватил винтовку, пачку газет и журналов и направился домой по изрядно заросшей тропе

— когда-то она была дорогой до фермы и по ней свободно проезжала повозка.

Между колеями буйно разрослась густая трава, но сами колеи так глубоко врезались в глинистую почву, так плотно утрамбовали их окованные железом колёса старинных фургонов, что там до сих пор не могло укорениться ни одно растение. Кусты по обеим сторонам дороги, расползшиеся от края леса по всему полю, вымахали в рост человека, а кое-где и выше, и получилось нечто вроде зелёного коридора.

Но в некоторых местах, непонятно почему, может, почва другая, да и мало ли какие ещё бывают капризы у природы, кустарник редел и сходил на нет, оставляя большие окна, откуда с гребня холма можно было увидеть всю речную долину.

В одном из таких просветов Инек и уловил блик среди деревьев на краю старого поля, неподалёку от ручья, где он повстречал Люси. Он нахмурился и остановился на тропе, ожидая повторения, но больше там ничего не мелькнуло.

Видимо, один из наблюдателей с биноклем. И этот блик просто отражённое от линзы солнце.

Кто они? И почему следят за ним? Это ведь продолжается довольно долго, но, как ни странно, они только наблюдают, не предпринимая ника-

ких действий, и ни один из них даже не пытался к нему приблизиться, познакомиться с ним, хотя это было бы вполне естественно и так просто сделать. Если им — кто бы это ни был — хотелось поговорить с ним, они могли устроить вроде бы совершенно случайную встречу во время одной из его утренних прогулок.

Но, как видно, у них пока такого желания не возникло. Чего же, гадал Инек, они хотят? Наверно, изучают его привычки. Но для этого, подумал он, криво усмехнувшись, им вполне хватило бы первых десяти дней наблюдений. А возможно, они ждут какого-то события, которое поможет им понять, чем он занимается. Хотя тут их наверняка постигнет разочарование: они могут наблюдать хоть тысячу лет подряд и всё равно ни о чём не догадаются.

Инек отвёл взгляд от просвета в зелёной стене и зашагал по дороге, озадаченный и обеспокоенный своими наблюдениями.

Может быть, думал Инек, они не пытались вступить в контакт из-за разных историй, которые им могли рассказать. Историй, которые никто, даже Уинслоу, не передаёт ему самому. Интересно, что напридумывали за долгие годы люди, жившие по соседству? Всякие небылицы, что рассказывают у

камина и слушают, затаив дыхание?

Возможно, это и к лучшему, что он не знает, какие о нём рассказывают байки, хотя они наверняка существуют. И то, что наблюдатели не вступают с ним в разговор, тоже, может быть, к лучшему. Пока контактов нет, он всё ещё в безопасности. Пока нет вопросов, не надо на них и отвечать.

Вы действительно, спросят они, тот самый Инек Уоллис, что в 1861 году отправился сражаться за Эйба Линкольна? И на этот вопрос есть только один ответ. Да, скажет он, я именно тот человек.

Но это, пожалуй, единственный вопрос, на который он сможет ответить правдиво. Во всех остальных случаях обязательно придётся вилять или отмалчиваться.

Они спросят, почему он с тех пор не изменился. Почему он остаётся молодым, когда все люди стареют? Не может же он объяснить им, что стареет только вне станции: что стареет только час, когда выходит на прогулку, час или около того, когда работает на огороде, и пятнадцать минут, когда сидит на ступенях крыльца, любуясь закатом. Но едва он возвращается на станцию, процесс старения прекращается, и его организм возвращается в прежнее состояние.

Конечно же, он не может им этого рассказать. Как не может рассказать и многое другое. Возможно, наступит день, когда они придут к нему с вопросами, и тогда, он знал, придётся бежать от них и скрыться в стенах станции, полностью отрезав себя от мира.

Такой поворот событий не вызовет осложнений, поскольку он может жить внутри станции, не испытывая никаких неудобств. Недостатка у него не будет ни в чём: инопланетяне предоставят ему всё необходимое для жизни. Время от времени Инек, конечно, покупал земные продукты через Уинслоу, который привозил его заказы из города, но только потому, что ему иногда хотелось простой земной пищи, памятной с детства или со времён военных походов.

Но даже и такие продукты он мог бы получать с помощью дупликации. Для этого достаточно отправить кусок бекона или дюжину яиц на другую станцию, где они останутся в качестве образцов, а копии ему будут высылать по мере необходимости.

Инопланетяне не могут предоставить ему только одного — общения с человечеством, которое он поддерживает через Уинслоу и почту. Оставшись внутри станции, он будет полностью отрезан от

знакомого мира, поскольку газеты и журналы — единственная ниточка, которая связывает его с Землёй. Радио на станции просто не работает из-за помех, создаваемых аппаратурой.

Он не будет знать, что происходит вокруг, не будет знать, как идут дела во всём мире. Это, конечно же, отразится на работе над таблицей, но кому она тогда будет нужна? Впрочем, сказал он себе, она и сейчас почти бесполезна, поскольку он не уверен, что правильно учитывает все факторы.

Но самое главное — ему будет недоставать той маленькой части окружающего мира, что знакома ему до последнего камушка, того маленького уголка планеты, где он совершает свои прогулки. Может быть, эти самые прогулки более, чем всё остальное, позволяли ему оставаться человеком, жителем Земли.

Он никак не мог решить для себя, насколько это важно — оставаться жителем Земли со всеми его мыслями и чувствами, оставаться частичкой человечества. Может быть, это и ни к чему. Может быть, он ведёт себя слишком провинциально, цепляясь так долго за старую родную планету, — ведь ему открыта вся галактика. Не исключено, что из-за этого провинциализма он

даже что-то теряет.

Однако Инек знал, что не в силах будет отвернуться от родной Земли. Он слишком сильно любит свою планету, сильнее, может быть, чем те люди, которым не довелось, как ему, соприкоснуться с далёкими загадочными мирами. Человек, говорил он себе, должен быть к чему-то привязан, должен быть верен чему-то, должен себя с чем-то отождествлять. Галактика слишком велика, чтобы остаться с ней один на один, без опоры и поддержки.

Над поросшей высокими травами поляной пронёсся жаворонок и взмыл в небо. Инек прислушался, ожидая, что с высоты польются стремительные переливчатые трели, но птица молчала: весна уже давно прошла.

Инек двинулся дальше по дороге, и вскоре впереди показалось строгое здание станции, оседлавшее холм.

Странно, что он воспринимает это здание не как дом, а только как станцию, подумал Инек. Хотя на самом деле ничего удивительного тут, может быть, и нет: станцией оно прослужило дольше, чем домом. Что-то в нём чувствовалось вызывающе-непоколебимое, словно здание уселось на холме навсегда. Но, собственно говоря,

если понадобится, оно и простоит там целую вечность, ибо ничто не может причинить станции вреда.

Если он будет вынужден когда-нибудь остаться в стенах станции, она выдержит любые попытки узнать её природу. Ни отколоть кусочек, ни оцарапать, ни разрушить её просто невозможно. Люди не смогут сделать ровным счётом ничего. Любые наблюдения, предположения, попытки анализа не принесут им ничего нового, кроме понимания, что на вершине холма стоит в высшей степени необычное строение. Потому что оно в состоянии выдержать любое воздействие, кроме, пожалуй, термоядерного взрыва, а может, и его тоже.

Зайдя во двор, Инек обернулся и взглянул в сторону рощицы, где он заметил блик, но не увидел ничего такого, что выдавало бы наблюдателя.

10

В помещении станции жалобно свистел аппарат связи.

Инек повесил ружьё на место, положил почту и статуэтку на стол и подошёл к аппарату в другом конце комнаты. Нажал кнопку, передвинул рычажок, и свист прекратился. На экране возник текст:

НОМЕР 406 302 СТАНЦИИ 18 327. ПРИБУДУ РАНО ВЕЧЕРОМ ПО ТВОЕМУ ВРЕМЕНИ.

ПРИГОТОВЬ ГОРЯЧИЙ КОФЕ. УЛИСС.

Инек улыбнулся. Улисс и его кофе! Он оказался единственным инопланетянином, которому понравилось хотя бы что-то из земной еды и напитков. Другие тоже пробовали разок-другой, но им ничего не нравилось.

У них с Улиссом вообще сложились странные отношения. Они с самого начала прониклись друг к другу тёплыми чувствами, ещё с того дня, когда сидели вдвоём на ступенях крыльца перед началом грозы и с лица Улисса сползла человеческая маска, скрывавшая его истинный облик.

Под ней оказалось ужасное лицо, некрасивое, даже отталкивающее. Лицо, как подумалось

Инеку, жестокого клоуна. Хотя ещё в тот момент он удивился возникшему сравнению, потому что жестоких клоунов не бывает. Однако вот он — лицо в цветных пятнах, плотно сжатые тяжёлые челюсти, узкая щель рта.

Потом Инек увидел глаза, и это сразу изменило впечатление. Большие, добрые глаза, светившиеся пониманием, — существо словно тянулось к нему взглядом, как земной человек протянул бы руку дружбы.

Стремительно налетел дождь, прошелестел по траве, потом забарабанил по крыше сарая, а потом косая пелена придвинулась ещё ближе, и дождевые капли ожесточённо застучали по участку, вколачивая в землю пыль, а перепачканные куры испуганно бросились под навес.

Инек вскочил и, схватив гостя за руку, втащил под крышу. Они стояли, глядя друг на друга, и Улисс потянул за обвисшие края маски, обнажая лысую голову, похожую на тупую пулю, и расцвеченное лицо — словно у разъярённого индейца, что вышел на тропу войны, хотя в нём всё же было что-то клоунское, какие-то нелепые мазки тут и там, точно лицо это являло собой гротескный образ войны, нелепого и бессмысленного занятия. Но мгновение спустя Инек понял, что это

не грим, а естественная пигментация существа, прилетевшего из невообразимой звёздной дали.

Конечно, он был удивлён, растерян, но ни на минуту не усомнился, что перед ним и вправду неземное существо. Не человек. Фигура человеческая: две руки, две ноги, голова, лицо. И в то же время было в нём что-то нечеловеческое, отталкивающее, чуждое.

В древности, подумал Инек, его, возможно, приняли бы за демона, но давно уже минуло то время (хотя, как знать, может, ещё не везде), когда люди верили в демонов, призраков и прочую нечисть, что в представлении людей некогда обитала на Земле.

Пришелец со звёзд, значит. Может, так оно и есть. Хотя это просто не укладывалось у Инека в голове. Такое не представить даже самой смелой фантазии. Не знаешь, что и делать, — ни примеров, ни правил для такой ситуации нет. В голове пустота, полная пустота! Может, со временем и осенит какая-нибудь мысль, но пока одно безмерное, бесконечное удивление.

— Не торопитесь, — произнёс пришелец. — Я понимаю, вам нелегко. Только не знаю, чем вам помочь. Я даже не могу убедительно доказать, что действительно прилетел оттуда.

— Но вы так хорошо говорите…

— Вы имеете в виду, на вашем языке? Это совсем не сложно. Если бы вы знали, как много во всей галактике различных языков, то поняли бы, насколько не сложно. Ваш язык относительно прост. В нём отсутствует множество понятий — с какими-то явлениями людям просто не приходилось ещё сталкиваться.

Возможно, так оно и есть, подумал Инек.

— Если хотите, — сказал пришелец, — я могу уйти дня на два, чтобы дать вам время поразмыслить. А потом, когда вы всё обдумаете, вернусь.

Инек улыбнулся и почувствовал, что улыбка у него получилась натянутая, деревянная.

— Мне как раз хватит времени, чтобы разнести новость по всей округе. И когда вы возвратитесь, тут будет ждать засада.

Пришелец покачал головой.

— Уверен, что вы этого не сделаете, и готов рискнуть. Если вы хотите…

— Нет, — ответил Инек спокойно и сам удивился своему спокойствию. — Если уж на тебя что свалилось, то решать надо сразу. Это я ещё на войне понял.

— Отлично, — сказал пришелец. — Просто отлично. Я не ошибся в вас и могу этим гордиться.

— Не ошиблись?..

— Не думаете же вы, что я пришёл сюда наугад? Я много знаю о вас, Инек. Почти столько же, сколько знаете о себе вы сами. А может быть, и больше.

— Вы знаете, как меня зовут…

— Конечно.

— Ладно, — сказал Инек. — А как зовут вас?

— Этот вопрос вызывает у меня крайнее смущение, — ответил пришелец, — потому что у меня нет имени как такового. Есть опознавательный признак, соответствующий предназначению моей расы, но его невозможно передать словами.

Непонятно почему, но Инек вдруг вспомнил сутулую фигуру человека, сидящего на верхней перекладине ограды с палкой в одной руке и складным ножом в другой. Человек спокойно обстругивал палку. Над головой его свистели пушечные ядра, а всего в полумиле от него трещали мушкеты, изрыгая свинец и клубы порохового дыма, поднимавшегося над рядами солдат…

— Вам нужно имя, — сказал Инек. — Пусть это будет имя Улисс. Должен же я как-то вас называть.

— Согласен, — ответил пришелец. — Но могу я спросить, почему именно Улисс?

— Потому что это имя великого представителя моего народа.

Дико, конечно. Они нисколько не были похожи — сутуловатый американский генерал времён Гражданской войны и это существо, что стояло напротив Инека на крыльце.

— Вот мы и познакомились. Я рад, что теперь у меня есть имя, — произнёс Улисс. — Мне кажется, оно звучит возвышенно и благородно, и, между нами говоря, я буду даже счастлив носить это имя. А тебя я буду звать просто Инеком, как водится между друзьями, — ведь нам предстоит работать вместе много твоих лет.

Мало-помалу к Инеку возвращалось трезвое понимание происходящего, и ему стало немного не по себе. Может быть, и к лучшему, подумал он, что сначала меня всё это так ошарашило. Я даже не мог понять, в чём дело.

— Что ж, может, и так, — сказал он, инстинктивно сопротивляясь подсказываемому сознанием выводу, уж слишком быстро теснящему привычный ход мыслей. — Я могу предложить тебе перекусить. И приготовлю кофе.

— Кофе… — Улисс причмокнул тонкими губами. — У тебя есть кофе?

— Я сделаю большой кофейник. И разобью туда

сырое яйцо, чтобы осела гуща.

— Замечательно! — воскликнул Улисс. — Сколько я напитков перепробовал на разных планетах, но кофе мне понравился больше всего.

Они прошли на кухню. Инек поворошил угли в печке и подбросил ещё несколько поленьев. Затем налил в кофейник воды и поставил его на огонь. Принёс из кладовой яйца и слазил в подпол за окороком. Улисс сидел неподвижно в кресле и наблюдал за его действиями.

— Ты ешь ветчину и яйца? — спросил Инек.

— Я ем всё, — ответил Улисс. — Моя раса очень легко приспосабливается к чему угодно. По этой причине меня и послали на твою планету в качестве… Как это называется? — Высматривателя?

— Разведчика, — подсказал Инек.

— Да, верно. Разведчика.

Инек удивлялся, что с ним так легко разговаривать — почти как с обычным человеком, хотя, видит бог, на человека Улисс совсем не походил. Скорее, на какую-то дикую карикатуру на человека.

— Ты уже так долго живёшь здесь, — сказал Улисс, — и, наверно, любишь свой дом?

— Я тут родился. Правда, отсутствовал четыре года, но родной дом всегда родной.

— Я тоже жду не дождусь, когда смогу вернуться домой. Давно я там уже не был. Но такие задания, как это, всегда отнимают много времени.

Инек положил на стол нож, которым резал ветчину, и тяжело опустился на стул, глядя на Улисса, сидящего по другую сторону стола.

— Ты отправишься домой?

— Конечно, — ответил Улисс. — Я почти закончил свою работу, и у меня тоже есть дом. А ты как думал?

— Не знаю, — тихо произнёс Инек. — Я ещё ничего об этом не думал.

Вот оно как… Ему и в голову не пришло, что у такого существа тоже может быть дом. Дом, в его представлении, мог быть только у человека.

— При случае, — сказал Улисс, — я расскажу тебе о своём доме, и, возможно, ты даже будешь когда-нибудь моим гостем.

— Там, среди звёзд…

— Сейчас тебе всё кажется странным, — сказал Улисс. Ты не сразу привыкнешь. Но, узнав нас лучше — всех нас, — ты многое поймёшь. И я надеюсь, мы понравимся тебе. Галактику населяет множество самых разных существ. И все мы, право же, неплохие соседи.

Звёзды, застывшие в одиночестве космоса…

Инек даже представить себе не мог, насколько они далеки, и что они такое, и для чего существуют. Другой мир — нет, неверно! — много других миров. И там живут люди. Много других людей. Самые разные люди у каждой из этих звёзд. И один из них сидит у него на кухне, ждёт, когда закипит вода в кофейнике и поджарится яичница с ветчиной.

— Но почему?.. — спросил Инек. — Зачем я тебе нужен?

— Мы все путешественники. И нам нужна здесь пересадочная станция. Мы хотели бы превратить этот дом в станцию, а ты чтоб был её смотрителем.

— Этот дом?

— Мы не можем построить новую станцию, потому что твои люди начнут задавать вопросы: кто строит, для чего? Мы вынуждены использовать уже существующие строения и переделывать их для наших целей. Но только внутри. Снаружи мы оставляем всё, как есть. Я хочу сказать, внешний вид останется прежним. Мы не хотим, чтобы кто-то задавал вопросы. Это важно…

— А путешествия?

— Мы путешествуем от звезды до звезды быстрее, чем ты можешь об этом подумать, — сказал

Улисс. — Быстрее, чем ты моргнёшь. У нас есть то, что ты назвал бы машинами. Но это не машины, во всяком случае не те, которые ты знаешь.

— Извини, — произнёс Инек в замешательстве, — но всё это кажется мне совершенно невероятным.

— Ты помнишь, когда в Милвилл пришла железная дорога?

— Помню. Я тогда был совсем ещё мальчишкой.

— Тогда представь себе: это просто ещё одна железная дорога, и Земля на ней — просто городок, а твой дом — станция для новой, необычной дороги. Разница только в одном: никто на Земле, кроме тебя, не будет знать о существовании новой дороги. И этой станции. Совсем маленькая станция, место, где можно немного отдохнуть и пересесть на другой поезд. Однако на Земле никто не сможет купить на него билет.

В таком виде, конечно, это звучало просто, но Инек чувствовал, что на самом деле всё несравненно сложнее.

— Вагоны в космосе? — спросил он.

— Не вагоны, — ответил Улисс. — Это нечто совсем иное, и я даже не знаю, как тебе объяснить…

— Может, тебе стоит подыскать кого-то другого. Кого-то, кто сможет понять.

— Пока что на этой планете нет никого, кто сумел бы понять меня пусть даже приблизительно. Так что, Инек, ты устраиваешь нас так же, как любой другой. И во многих отношениях даже больше, чем любой другой.

— А знаешь…

— Ты что-то хотел сказать?

— Нет, ничего.

Он просто вспомнил, как сидел на крыльце и думал о том, что остался совсем один и надо начинать новую жизнь. Да, ничего не поделаешь, надо строить свою жизнь сначала.

И вдруг вот оно, начало — удивительное, пугающее. Такое не привиделось бы ему даже в самом безумном сне!

11

Инек отправил сообщение в архив и послал подтверждение:

НОМЕР 406 302 ПОЛУЧЕН. КОФЕ НА ПЛИТЕ. ИНЕК.

Убрав текст с экрана, он подошёл к приготовленному перед уходом жидкостному контейнеру номер три. Проверил температуру и уровень раствора, ещё раз убедился, что контейнер надёжно закреплён под материализатором.

После этого Инек прошёл ко второму материализатору, стоявшему в углу, — для официальных визитов и аварийных ситуаций — и внимательно проверил приборы. Как всегда, всё было в порядке, но Инек обязательно осматривал материализатор перед каждым визитом Улисса. Сам он, конечно, починить его не мог, и в случае поломки ему полагалось просто послать срочное сообщение в Галактический Центр, после чего на станцию через рейсовый материализатор явился бы кто-нибудь, кто в состоянии справиться с этой задачей.

Такой порядок объяснялся тем, что материализатор для официальных визитов и аварийных

ситуаций предназначался только для тех целей, какие предполагало название: для визитов сотрудников Галактического Центра и для возможных непредвиденных обстоятельств. И управление осуществлялось не со станции, а из Галактического Центра.

В качестве инспектора этой и нескольких других станций Улисс имел право пользоваться материализатором в любое время и без уведомления. Но за все годы их дружбы, вспоминал Инек с гордостью, Улисс ни разу не забыл предупредить его о предстоящем визите. Своего рода знак внимания, и, как Инек знал, его заслужили далеко не все станции огромной транспортной сети галактики, хотя наверняка есть смотрители, к которым в Галактическом Центре относятся с таким же уважением.

Сегодня, подумал Инек, он, может быть, расскажет Улиссу о начавшейся слежке. Наверно, следовало сделать это раньше, но очень уж не хотелось всё это объяснять — ведь тем самым он признал бы, что человечество может создать для галактической системы какие-то сложности.

Безнадёжное дело, конечно, эта его одержимость, стремление доказать, что люди Земли добры и разумны. Потому что они довольно часто

бывают и не добры, и не разумны. Человечество, наверно, просто ещё не повзрослело. Да, земляне стремительно прогрессируют, они, случается, проявляют друг к другу сострадание и даже способны понять друг друга, но как же жалки их достижения во многих других областях…

Если бы только появился у людей шанс, говорил себе Инек, если бы как-то помочь им, если дать понять, какой огромный мир там, в космосе, тогда бы они спохватились, поумнели, и со временем их приняли бы в огромное братство звёздных народов.

А когда их примут, они докажут, что достойны его, и многое смогут свершить, потому что люди — ещё молодая раса, энергичная. Порой даже слишком энергичная.

Инек тряхнул головой, прошёл через комнату и сел за стол, затем освободил пачку газет и журналов от бечёвки, которой их перевязал Уинслоу, и разложил почту на столе: несколько ежедневных газет, еженедельник новостей, два журнала. «Природа» и «Наука» — и письмо.

Отодвинув газеты в сторону, он взял в руки письмо: авиа, на штемпеле — Лондон, а над обратным адресом — незнакомое ему имя. Странно, с чего это вдруг незнакомый человек пишет ему

из Лондона. Впрочем, напомнил он себе, любой человек из Лондона или ещё откуда-нибудь будет для него незнакомым. Ни в Лондоне, ни где-то ещё он никого не знает.

Инек разрезал конверт, развернул листок и пододвинул лампу поближе, чтобы свет падал прямо на письмо.

«Уважаемый сэр, — прочёл он, — *я подозреваю, что Вы меня не знаете, но я один из редакторов британского журнала «Природа», который Вы выписываете много лет подряд. Я не воспользовался редакционным бланком, поскольку это письмо личное, неофициальное и, возможно, даже несколько бестактное.*

Вам, быть может, будет небезынтересно узнать, что Вы являетесь нашим старейшим подписчиком. Уже более восьмидесяти лет мы высылаем Вам наш журнал.

Понимая, что это, строго говоря, меня не касается, мне всё же хотелось бы спросить у Вас, выписывали ли Вы весь этот срок журнал сами, или его выписал в своё время ваш отец (или кто-то из близких), а Вы просто оставили подписку на его имя?

Мой вопрос, безусловно, свидетельствует о непрошеном и непростительном любопытстве,

поэтому, если Вы, сэр, предпочтёте оставить его без ответа, — это, разумеется, Ваше право, и Вы поступите вполне естественно. Однако, если Вы всё же сочтёте возможным ответить мне, я буду Вам чрезвычайно признателен.

В своё оправдание могу только сказать, что я проработал в журнале очень долгое время и испытываю определённую гордость от того, что кто-то считал его достойным внимания более восьмидесяти лет подряд. Честно говоря, я сомневаюсь, что многие издания могут похвастаться столь продолжительным интересом со стороны одного человека.

Позвольте заверить Вас в моём бесконечном уважении.

Искренне Ваш».

И подпись.

Инек отодвинул письмо в сторону.

Вот оно, снова, подумал он. Ещё один наблюдатель. Впрочем, вежливый и корректный. Никаких осложнений здесь, скорее всего, не будет.

Но тем не менее это ещё один наблюдатель, который его заметил, который заинтересовался, обнаружив, что один и тот же человек выписывает журнал в течение восьмидесяти с лишним лет.

С годами таких любопытствующих будет всё больше и больше. Видимо, ему следует беспокоиться не только из-за наблюдателей, засевших вокруг станции, — ведь сколько ещё будет других! Человек, как бы он ни старался, не может спрятаться от мира. Рано или поздно мир его заметит и соберётся у порога его жилища сгорающей от любопытства толпой, чтобы узнать, почему он прячется.

Инек отдавал себе отчёт в том, что времени у него почти не осталось. Толпа уже подступала к порогу.

Что им от меня нужно, думал он. Может быть, они отстанут, если объяснить им, в чём дело? Но объяснить-то он как раз и не мог. Даже если рассказать им правду, всё равно найдутся такие, что не уйдут, не отвяжутся…

Материализатор в другом конце комнаты подал сигнал, и Инек обернулся.

Прибыл путешественник с Тубана. В контейнере плавала тёмная шарообразная масса, а над ней покачивался на поверхности раствора какой-то прямоугольный предмет.

Видимо, багаж, подумал Инек. Хотя в сообщении говорилось, что путешественник будет без багажа. Он заторопился к контейнеру и на полпу-

ти услышал доносящиеся из контейнера частые щелчки — гость с Тубана заговорил:

— Подарок. Для тебя. Мёртвое растение.

Инек уставился на плавающий в контейнере куб.

— Возьми, — прощёлкал инопланетянин. — Это тебе.

В ответ Инек неуверенно простучал пальцами по прозрачной стенке контейнера:

— Благодарю тебя, милостивый странник.

Назвав это шарообразное существо «милостивым странником», он тут же засомневался, правильное ли выбрал обращение. За долгие годы он так и не разобрался до конца в тонкостях галактического этикета и иногда допускал ошибки. С некоторыми существами полагалось разговаривать таким вот цветистым стилем (само обращение тоже зависело от каждого конкретного случая), с другими можно было общаться при помощи вполне обычных, простых слов.

Инек склонился над контейнером, извлёк куб и увидел, что это кусок тяжёлой древесины — чёрной, как эбеновое дерево, и такой плотной, что поверхность её казалась гладкой, будто камень. Инек усмехнулся про себя: благодаря Уинслоу он уже стал в некотором роде экспертом, понимает

толк в дереве.

Положив куб на пол, он повернулся к контейнеру.

— Не объяснишь ли ты мне, — обратился к нему инопланетянин, — для чего оно вам нужно? У нас это совершенно бесполезная вещь.

Инек помедлил, тщетно пытаясь отыскать в памяти код, соответствующий слову «вырезать».

— Для чего же? — повторил гость.

— Прошу прощения, милостивый странник. Я не очень часто пользуюсь этим языком. Мне не хватает слов.

— Пожалуйста, не называй меня «милостивым странником». Я — самое обычное существо.

— Мы придаём ему форму, — простучал Инек. — Другую форму. Если ты обладаешь способностью видеть, я могу показать тебе такую вещь.

— Нет, я не обладаю этой способностью, — ответил гость. — Мы можем многое другое, но видеть нам не дано.

Прибыл путешественник с Тубана в форме шара, но теперь он начал медленно растекаться в стороны.

— Ты, — прощёлкал он, — существо двуногое?

— Да.

— Твоя планета твёрдая?

Твёрдая? А, твёрдая или жидкая — вот что интересует гостя, догадался Инек.

— Поверхность на одну четверть твёрдая. Оставшаяся часть покрыта жидкостью.

— Моя планета почти вся жидкая. Совсем мало тверди. Очень удобный мир.

— Я хотел задать тебе вопрос, — прощёлкал Инек.

— Спрашивай.

— Ты математик? Я имею в виду, вы все математики?

— Да, — ответило существо. — Занятие математикой — превосходный отдых.

— Ты хочешь сказать, что вы не используете математику в практических областях?

— Когда-то использовали. Но теперь в этом нет необходимости. Всё, что нам нужно, у нас уже есть. Теперь это отдых.

— Я слышал о вашей системе счисления…

— Она сильно отличается от тех, что распространены на других планетах. Наша система гораздо лучше.

— Ты можешь рассказать мне о ней?

— А ты знаком с системой счисления, которой пользуются жители Полариса-VII?

— Нет, — ответил Инек.

— Тогда это бессмысленно. Сначала нужно изучить их систему.

Вот так, подумал Инек. Этого следовало ожидать. В галактике накоплено так много знаний, а он ознакомился лишь с крохотной их частью и при этом понял только малую долю того, с чем ознакомился.

Однако на Земле есть люди, которые способны понять гораздо больше. Люди, которые отдадут последнее даже за то немногое, что стало доступно ему, и наверняка найдут способ употребить эти знания в дело.

Там, среди звёзд, накопился колоссальный запас знаний — и новые открытия в развитие тех, что уже известны человечеству, и такие науки, о которых человечество ещё даже не догадывается. Может быть, так и не догадается, если по прежнему будет предоставлено само себе.

Ну хорошо, пройдёт ещё лет сто… Сколько нового узнает он за сто лет? За тысячу?

— Теперь я хочу отдохнуть, — прощёлкал гость с Тубана. — Приятно было с тобой поговорить.

12

Повернувшись к контейнеру спиной, Инек поднял с пола брусок. На полу осталась маленькая блестящая лужица натёкшей с него жидкости.

Он отнёс подарок к окну в противоположном конце комнаты и принялся внимательно его разглядывать: чёрная тяжёлая древесина с очень плотной структурой, в одном месте остался кусок коры. Видно было, что куб опалён со всех сторон. Кто-то подгонял его размеры, чтобы он тут, на станции, поместился в контейнер.

Инеку вспомнилась статья, которую он прочёл в одной из газет всего день или два назад. Автор этой статьи, учёный, утверждал, что на планетах, не имеющих суши, разумная жизнь возникнуть не может.

Разумеется, учёный ошибался, потому что цивилизация Тубана-6 возникла именно на такой планете, и в галактическое содружество входило много других миров, поверхность которых сплошь покрыта жидкостью. Человечеству, если оно когда-нибудь узнает о существовании галактической культуры, предстоит не только учиться, но во многом ещё и переучиваться.

Например, представление о том, что скорость света — это предел…

Если бы ничто не могло двигаться быстрее света, тогда галактическая транспортная система была бы просто невозможна.

Однако не стоит слишком строго судить за это человечество, напомнил себе Инек. Наблюдения — это единственный способ получения данных, посредством которого человек — или, если на то пошло, кто угодно — может делать выводы о природе Вселенной. И поскольку человечество пока не обнаружило ничего такого, что движется быстрее скорости света, оно вправе предположить, что ничто и в самом деле не может двигаться быстрее. Но только предположить. Не больше. Потому что импульсная система, переносившая путешественников от звезды к звезде, работала почти мгновенно независимо от расстояния…

Размышляя об этом, Инек признался себе, что даже ему самому порой с трудом в это верится.

Секунду назад существо, плавающее в контейнере, находилось в таком же контейнере на другой станции, где материализатор скопировал его целиком — не только тело, но и то неуловимое нечто, делавшее его существом одушевлённым, а затем практически мгновенно перенёс в виде

импульса через бездну пространства в материализатор этой станции, воссоздавший и тело, и разум, и память, и жизнь существа, оставшегося за много световых лет отсюда и теперь уже мёртвого.

В контейнере возникло новое тело с новым разумом, памятью, жизнью — совершенно новое существо, но точно такое же, как прежде. Его личность, его сознание остались неизменными, и лишь на ничтожно малое мгновение прервалось течение мысли — так что существо это осталось во всех отношениях прежним.

Разумеется, возможности импульсной системы были не безграничны, но не скорость накладывала ограничения, поскольку импульс мог пересечь всю галактику практически мгновенно. Проблема заключалась в том, что при определённых условиях характеристики импульса нарушались, и, чтобы воспрепятствовать этому, требовалось много пересадочных станций — многие тысячи станций. Пылевые облака, скопления межзвёздного газа, области с высокой ионизацией — всё это могло разрушить импульс, и в тех районах галактики, где встречались подобные опасности, станции строились гораздо ближе друг к другу. Нередко их строителям приходилось проклады-

вать маршруты в обход больших концентраций газа или пыли, способных исказить сигнал.

Сколько уже безжизненных тел, подумал Инек, оставило это существо позади, на других станциях, расположенных вдоль пути его следования? Таких же безжизненных, каким станет это тело, плавающее в контейнере, спустя несколько часов, когда существо в виде импульса отправится дальше.

Длинная цепочка безжизненных тел, протянувшаяся среди звёзд, — каждое из них должно быть уничтожено кислотой и смыто в глубинный резервуар, а само существо тем временем продолжает свой путь от станции к станции, пока не доберётся туда, куда влечёт его цель путешествия. Но что, какие задачи влекут в дорогу жителей галактики от станции к станции, через космическую бездну? Их так много, этих существ, а значит, и цели у них разные. Иногда из разговоров с гостями Инек узнавал о целях путешествия, но по большей части оставался в неведении, да и не считал он себя вправе вмешиваться. Ведь он всего лишь смотритель. Хозяин постоялого двора, думал Инек, хотя многим существам он и в такой роли не всегда нужен. Но во всяком случае, человек, который следит за надёжностью

станции, работает здесь, готовит, что надо, к приёму путешественников и отправляет их дальше, когда подходит время. А также выполняет мелкие просьбы и поручения, если в этом возникает необходимость.

Инек взглянул на деревянный куб и представил себе, как обрадуется Уинслоу. Такое дерево — чёрное и плотное — попадалось крайне редко.

Как бы повёл себя Уинслоу, если бы узнал, что его статуэтки вырезаны из дерева, выросшего на неизвестной планете за много световых лет от Земли? Должно быть, он не раз задавал себе вопрос, откуда берётся такое дерево и как Инеку удаётся его добывать. Но он никогда не спрашивал напрямую. Конечно же, Уинслоу чувствовал, что в этом человеке, который каждый день встречает его у почтового ящика, есть что-то странное. Но он ни о чём его не расспрашивал, никогда.

Видимо, потому, что они друзья, говорил себе Инек.

И этот кусок древесины, что он держал в руке, тоже свидетельство дружбы — дружбы, установившейся между жителями звёзд и обычным, незаметным смотрителем станции, затерявшейся в одном из спиральных рукавов галактики, далеко-далеко от её центра.

Очевидно, с годами по галактике разнёсся слух, что на этой вот станции есть смотритель, который коллекционирует экзотические породы дерева, — и он стал получать подарки. Не только от тех существ, которых он считал своими друзьями, но и от незнакомцев вроде этого, что отдыхал сейчас в контейнере.

Инек положил полешко на стол и подошёл к холодильнику. Достал кусок выдержанного сыра, что привёз Уинслоу несколько дней назад, и пакетик фруктов, который днём раньше подарил ему путешественник с Сирра-Х.

— Проверено, — сказал он Инеку. — Ты можешь употреблять это в пищу без всякого вреда. Никакой опасности для метаболизма. Может быть, ты уже пробовал их раньше? Нет? Жаль. Восхитительный вкус. Если тебе понравится, я в следующий раз привезу ещё.

Из шкафа рядом с холодильником Инек достал небольшую плоскую буханку хлеба — часть рациона, ежедневно предоставляемого Галактическим Центром. Хлеб, испечённый из неизвестной на Земле муки, слегка отдавал орехами и какими-то инопланетными специями.

Инек разложил всё на кухонном столе — так он его называл, хотя на самом деле кухни как тако-

вой в доме не было, — затем поставил на плиту кофейник и вернулся к письменному столу.

Раскрытое письмо всё ещё лежало посередине. Он сложил его и убрал в ящик.

Сняв коричневые обёртки с газет, он отобрал «Нью-Йорк таймс» и сел читать в своё любимое кресло.

ДОГОВОРЁННОСТЬ О НОВОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ — значилось на первой же странице.

Кризис назревал уже больше месяца — последний из серии кризисов, что уже несколько лет подряд угрожали миру и спокойствию на Земле. И хуже всего, говорил себе Инек, это то, что большинство из них созданы искусственно, — то одна сторона, то другая пытается добиться преимуществ в бесконечном шахматном матче силовой политики, начавшемся сразу после второй мировой войны.

В посвящённых конференции статьях «Таймс» ощущался какой-то отчаянный, почти фаталистический подтекст, словно их авторы, а может быть, и дипломаты, и все остальные непосредственные участники событий уже знали, что конференция ни к чему не приведёт и, возможно, даже углубит кризис ещё больше.

«Столичные обозреватели, — (писал один из сотрудников вашингтонского бюро «Таймс»), — *отнюдь не убеждены, что конференция оттянет конфликт, как случалось на прошлых конференциях, или послужат продвижению вперёд в спорных вопросах. Многие источники почти не скрывают, что конференция может вместо этого ещё сильнее раздуть пламя вражды, так и не выработав в качестве компенсации каких-либо решений, которые откроют пути к компромиссу. Конференция, предположительно, должна предоставить возможность для трезвой оценки фактов и спорных доводов, однако сейчас мало кто верит, что предстоящая встреча послужит этой цели в полной мере».*

Кофейник закипел, и Инек, отложив газету, бросился к плите, чтобы успеть его снять. Потом достал из шкафа чашку и поставил её на стол.

Но прежде чем приняться за еду, он снова достал из ящика таблицу и развернул её на письменном столе. В который раз уже его посетили сомнения, имеет ли она какую-либо практическую ценность, хотя временами ему казалось, что в определённых случаях таблица всё же себя оправдывает.

Таблица основывалась на статистической тео-

рии, выработанной на Мицаре, но в силу природы изучаемого объекта он был вынужден заменить кое-какие величины и сместить влияние определённых факторов. Поэтому Инек в тысячный раз задавал себе вопрос: не сделал ли он где-нибудь ошибку? Может быть, эти подстановки и замены свели достоверность результатов на нет? И если так, то каким образом он может исправить ошибки, чтобы восстановить объективность метода?

Вот они, факторы, думал Инек, все здесь: скорость прироста и численность населения Земли, смертность, официальные курсы денежных единиц, рост стоимости жизни, сведения о числе исповедующих различные религии, успехи медицины, прогресс технологии, темпы роста промышленного производства, состояние рынка рабочей силы, тенденции в мировой торговле и многие другие, включая даже то, что на первый взгляд может показаться не слишком важным, — цены, назначаемые на аукционах за произведения искусства, передвижения населения во время отпусков и предпочитаемые районы отдыха, скорости транспортных средств и количества психических расстройств.

Он знал, что статистические методы, созданные математиками Мицара, пригодны для любых

условий и для любых ситуаций — но только если они применены правильно. Ему же пришлось подгонять модель ситуации на чужой планете к тому, что происходит здесь, на Земле. Не сказалась ли эта подгонка на работоспособности метода?

Инек снова взглянул на таблицу и вздрогнул. Если он нигде не ошибся, если все факты учтены правильно, если подгонка не нанесла ущерба самой концепции оценки — тогда Земля движется к ещё одной большой войне, к уничтожительной ядерной катастрофе…

Он отпустил края листа, и таблица сама свернулась в трубку.

Протянув руку, Инек взял плод, подаренный ему гостем с Сирра, и откусил. Покатал на языке, наслаждаясь необычным вкусом, и решил, что он действительно выше всяких похвал, как утверждало это странное, похожее на птицу существо.

Было время, когда он надеялся, что таблица, созданная на основе мицарской теории, подскажет ему если не способ покончить с войнами, то хотя бы путь к тому, как продлить мир. Но таблица ничем не могла ему помочь. Путь, который она указывала, неумолимо вёл к войне.

Сколько войн смогут ещё вынести люди Зем-

ли?

Никто, конечно, не ответит с уверенностью, но, вполне возможно, это будет последняя война. Сила оружия, которое люди готовятся пустить в ход, никем ещё не проверена в полной мере, и ни один человек не знает точно, каковы могут быть последствия.

Когда-то люди сражались, держа всё своё оружие в руках, и уже тогда война была достаточно страшна, но в любой современной войне смертоносный груз будет обрушиваться с небес, сметая с лица Земли сразу целые города — не скопления войск, а города со всем их населением.

Инек протянул руку к таблице, но остановился. Какой смысл просматривать её ещё раз? Он и так помнит всё наизусть. Никакого проблеска надежды! Он может корпеть над таблицей до второго пришествия, и это ничего не изменит.

Никакой надежды. Над миром снова сгущались грозовые тучи, и человечество неумолимо скатывалось к войне.

Он откусил ещё кусочек — плод показался ему даже вкуснее. «В следующий раз, — сказало существо с Сарра, — я привезу тебе ещё». Но, видимо, пройдёт немало времени, прежде чем оно сюда вернётся. А может быть, они никогда

больше не увидятся. Многие путешественники показывались тут лишь единожды, хотя было и несколько таких, которые объявлялись чуть ли не каждую неделю, — постоянные посетители, они уже стали близкими друзьями.

Ему вспомнилась небольшая группа сиятелей, навещавших его много лет назад. В те далёкие годы они заранее договаривались о длительных остановках на станции, чтобы можно было вволю посидеть за столом, поговорить с Инеком. Прибывали сиятели всегда словно на пикник — с огромными плетёными корзинами, полными всякой снеди и напитков.

Но в конце концов они перестали появляться. Инек уже давно не видел никого из них и грустил: с ними всегда было весело и интересно.

Инек выпил ещё одну чашку кофе и всё сидел за столом, вспоминая старые добрые времена, когда его посещала эта маленькая компания сиятелей.

Тут послышался лёгкий шорох, и, вскинув взгляд, он увидел на диване женщину в скромной юбке с кринолином, какие носили в шестидесятых годах прошлого века.

— Мэри! — удивлённо воскликнул он, вскакивая на ноги.

Мэри улыбалась ему, как умела улыбаться

только она одна.

Какая она красивая, подумал Инек, с ней просто никто не сравнится.

— Мэри, — сказал он, — я так рад тебя видеть.

Тут Инек заметил, что в комнате появился ещё один его друг: у камина стоял мужчина с пушистыми чёрными усами, в синей военной форме и с саблей на поясе.

— Привет, Инек! — сказал Дэвид Рэнсом. — Надеюсь, мы не помешали.

— Что ты! Как могут помешать двое лучших друзей!

Он стоял у стола, а вокруг него вставало прошлое, доброе, понятное прошлое, напоённое ароматом роз, прошлое, которое он не так уж часто вспоминал, но которое никогда его не покидало.

Откуда-то издалека доносились звуки флейты и барабана, бряцание оружия и амуниции, юноши уходили на войну под предводительством славного полковника при всех регалиях, гарцующего на великолепном чёрном скакуне; на порывистом июньском ветру реяли полковые знамёна.

Инек прошёл через комнату и остановился у дивана.

— Ты не возражаешь? — спросил он с лёгким

поклоном.

— Садись, пожалуйста, — ответила она. — И если у тебя дела…

— Никаких дел. Я так надеялся, что вы придёте.

Инек опустился на диван, но чуть поодаль от неё. Он смотрел на её руки, чинно сложенные на коленях, и ему хотелось взять их хоть на мгновение, подержать в своих руках, но он знал, что не может этого сделать.

Потому что Мэри здесь не было.

— Прошла почти неделя с тех пор, как мы виделись в последний раз, — сказала Мэри. — Как твоя работа, Инек?

Он покачал головой.

— Всё те же проблемы. За мной по-прежнему следят. А таблица предсказывает войну.

Дэвид прошёл по комнате и, опустившись в кресло, положил саблю на колени.

— Война, если судить по тому, как сейчас воюют, — заявил он, — будет страшна и безжалостна. Мы в своё время воевали совсем не так.

— Да, — сказал Инек, — мы воевали не так. Но, хотя война ужасна сама по себе, сейчас может произойти нечто ещё более ужасное. Если на Земле разразится ещё одна война, мы закроем себе

дорогу к галактическому братству — навсегда или по крайней мере на многие века.

— Может быть, это и не так плохо, — предположил Дэвид. — Мы пока ещё не готовы присоединиться к жителям галактики.

— Может быть, и не готовы, — произнёс Инек. — Я тоже такого же мнения. Но когда-нибудь это должно произойти. А если у нас начнётся война, этот день отодвинется далеко в будущее. Чтобы объединиться с другими расами, нужно хотя бы делать вид, что мы цивилизованны.

— А если они не узнают? — спросила Мэри. — Я имею в виду, про войну. Они ведь нигде, кроме этой станции, не бывают.

Инек покачал головой.

— Узнают. Я думаю, они за нами наблюдают. И уж во всяком случае, прочтут в газетах.

— В тех, что ты выписываешь?

— Я их сохраняю для Улисса. Вон та стопка в углу. Он каждый раз забирает их в Галактический Центр: за годы, что Улисс провёл здесь, Земля очень заинтересовала его. И я подозреваю, эти газеты, после того как он их прочтёт, попадают в самые разные уголки галактики.

— Представляешь, — сказал Дэвид, — как бы удивились в отделах подписки, узнай они, сколь

широко распространяются их газеты?

Инек улыбнулся.

— В Джорджии выходит одна газета, — добавил Дэвид. — Так вот, они пишут в своих рекламных объявлениях, что появляются каждое утро так же регулярно и повсеместно, как «роса на траве». Придётся им придумать что-нибудь в таком же духе, только про всю галактику.

— «Наша «Перчатка», — живо отозвалась Мэри, — годится для всей галактики!» Каково?

— Вот-вот.

— Бедный Инек, — произнесла Мэри с сожалением. — Мы тут сидим и развлекаемся шуточками, а у него столько проблем.

— Не мне их, конечно, решать, — ответил Инек, — но всё-таки они меня беспокоят. Впрочем, чтобы избавиться от них, достаточно не выходить из дома, и все проблемы исчезнут. Когда дверь дома захлопывается, проблемы Земли остаются снаружи.

— Но ты не можешь так поступить.

— Не могу.

— Я думаю, ты прав, полагая, что другие расы наблюдают за нами, — сказал Дэвид. — Может быть, с намерением в один прекрасный день пригласить человечество присоединиться к ним.

Иначе зачем бы им понадобилась станция здесь, на Земле?

— Они расширяют транспортную сеть постоянно. И станция в нашей Солнечной системе была нужна им, чтобы продлить маршрут в этом спиральном рукаве галактики.

— Да, верно, — согласился Дэвид, — но почему именно на Земле? Они могли построить станцию на Марсе. Назначили бы смотрителем кого-нибудь из своих, и всё было бы прекрасно.

— Я об этом часто думаю, — сказала Мэри. — Им понадобилась станция именно на Земле и смотритель-землянин. Должно быть, для этого есть какая-то серьёзная причина.

— Я тоже надеялся, но, боюсь, они пришли слишком рано. Слишком рано для человечества. Мы ещё не повзрослели. Мы всё ещё подростки.

— А как жаль! — вздохнула Мэри. — Мы могли бы многому от них научиться. Ведь они знают куда больше нас. Взять, например, их концепцию религии…

— Я не думаю, — сказал Инек, — что это на самом деле религия. У них нет тех привычных ритуалов, что мы ассоциируем с религией. И основано их мироощущение не на вере. В ней нет необходимости. Их понимание основано на

знании. Они просто знают.

— Ты имеешь в виду энергию духовности…

— Да, и это такая же сила, как все другие, из которых складывается Вселенная. Энергия духовности существует точно так же, как время, пространство, гравитация и все те факторы, что характеризуют нематериальную сторону Вселенной. Она просто есть, и люди галактического содружества научились её использовать.

— Но, видимо, люди Земли тоже её ощущают? — спросил Дэвид. — Они не знают о её существовании, но чувствуют что-то. И тянутся к ней. Поскольку точного знания нет, людям остаётся только вера, которая имеет давнюю историю. Может быть, ещё с пещерных времён. Это грубая, примитивная вера, но тоже вера, поиск, попытка.

— Очевидно, да, — ответил Инек. — Но на самом деле я думал не об энергии духовности. Я имел в виду другое — практические достижения, научные методы, философские концепции, которые человечество могло бы использовать. Назови любую отрасль науки — и у них наверняка найдётся что-то для нас новое, потому что они знают гораздо больше нас.

Однако мысли Инека возвращались к удиви-

тельной концепции энергии духовности и ещё более удивительной машине, построенной много тысячелетий назад, с помощью которой жители галактики черпали эту энергию. У машины было название, но подобрать близкое ему по значению на родном языке оказалось трудно. Ближе всего подходило слово «талисман», но Инек считал его слишком неточным, хотя именно такое слово употребил Улисс, когда они впервые разговаривали об этом много лет назад.

Там, в галактике, существовало столько удивительного, столько различных концепций, и многие из них просто нельзя ни изложить, ни объяснить ни на одном из языков Земли. Талисман — это не просто талисман, и машина, которую так назвали, — не просто машина. Помимо определённых механических принципов в неё заложили принципы духовные, может быть, некий резонатор психической энергии, неизвестной на Земле. Это и ещё многое другое. В своё время он знакомился с литературой, посвящённой энергии духовности и Талисману, и, читая, осознавал, насколько далёк от истинного понимания, насколько далеко от понимания всё человечество.

Привести Талисман в действие могли лишь

некоторые существа с определёнными особенностями мышления и ещё некими свойствами (может быть, думал он, это особые качества души?). Термин, которым этих существ называли, Инек перевёл для себя как «восприимцы», хотя его и здесь не оставляли сомнения в точности соответствия. Хранился Талисман у наиболее способного, или наиболее умелого, или наиболее преданного из галактических восприимцев, который переносил его от звезды к звезде, — этакое бесконечное шествие. Через Талисман и его хранителя обитатели каждой планеты черпали вселенскую энергию духовности.

Мысль об этом буквально потрясала, наполняя душу восторгом. Мысль о возможности соприкоснуться с духовностью, заполняющей галактику и, без сомнения, Вселенную целиком. Как это, должно быть, замечательно, думал он, и сколько уверенности рождает в том, что жизнь занимает особое место в великой схеме бытия, что даже один-единственный человек, независимо от того, сколь он мал, слаб и незначителен, всё же наделён важной ролью в грандиозном действе, развёртывающемся в пространстве и времени.

— Что-то случилось, Инек? — спросила Мэри.

— Нет, ничего, — ответил он. — Я просто заду-

мался. Прошу прощения.

— Ты говорил о том, какие великие открытия ждут нас в галактике, — сказал Дэвид. — Вот тот, например, раздел математики, о котором ты когда-то нам рассказывал…

— Ты имеешь в виду математику Арктура? Я и сейчас знаю не больше, чем тогда. Слишком для меня сложно. Этот раздел математики основан на поведенческом символизме.

Трудно даже назвать эту дисциплину математикой, думал он, хотя, если вдуматься, математика — самый подходящий термин. Это именно то, чего, без сомнения, не хватает учёным Земли, чтобы их социальные исследования оказывались эффективными и логичными в такой же степени, как эффективны и логичны механизмы, создаваемые на планете с помощью традиционных разделов математики.

— А вспомни биологию, созданную расой из созвездия Андромеды, которая заселила все эти непокорные планеты, — сказала Мэри.

— Да, я помню. Но Земля должна развиться и интеллектуально, и морально, прежде чем мы сможем рискнуть по их примеру использовать такие знания. Хотя, я думаю, даже сейчас им нашлось бы применение.

При воспоминании о том, как андромедяне использовали свои знания, его охватывала дрожь. Видимо, это доказывало, что он всё ещё гражданин Земли, которому по-прежнему близки все пристрастия, предубеждения и привычки человеческого разума. Потому что андромедяне поступили в полном соответствии со здравым смыслом. Если ты не можешь колонизировать планету, оставаясь самим собой, в том виде, в каком существуешь, тогда ты просто изменяешься. Превращаешь себя в существо, которое способно на этой планете жить, и подчиняешь её себе. Если надо стать червём, становишься червём. Или насекомым, или моллюском, или чем-то ещё — чем или кем нужно. И меняешь ты при этом не только тело, но и разум, меняешь его до такой степени, какая необходима, чтобы выжить на этой планете.

— А все их лекарства? — продолжала Мэри. — Все медицинские знания, которые можно было бы использовать на Земле. Хотя бы тот маленький набор, что прислали тебе из Галактического Центра.

— Да, набор лекарств, которые могли бы вылечить практически любую болезнь на Земле. Это мучит меня, пожалуй, сильнее всего. Знать, что

они вот там, в шкафу, то есть уже на этой планете, где в них нуждается так много людей…

— Ты мог бы отправить образцы каким-нибудь медицинским организациям или производителям лекарств, — сказал Дэвид.

Инек покачал головой.

— Я уже думал об этом. Но я должен помнить и о галактике, о своих обязательствах перед Галактическим Центром. Они так старались, чтобы станция осталась незамеченной. Мне нужно думать об Улиссе и обо всех моих друзьях. Я не могу разрушить их планы. Не могу предать их. И вообще, если вдуматься, Галактический Центр и работа, которую они выполняют, — всё это гораздо важнее, чем одна только Земля.

— И нашим, и вашим, значит, — произнёс Дэвид с лёгкой издёвкой в голосе.

— Вот именно. Одно время — много лет назад — я хотел написать несколько статей для научных журналов. Не медицинских, разумеется, потому что я ничего не смыслю в медицине. Лекарства у меня есть, лежат себе на полке, и к ним даже приложены инструкции по использованию, но это таблетки, порошки, мази или что-то там ещё — всё уже готовое. Однако я всё-таки набрался кое-каких знаний в других областях, что-то понял.

Не очень много, но, во всяком случае, достаточно, чтобы намекнуть, в каком направлении надо двигаться. Для людей сведущих это вполне могло бы послужить толчком.

— Вряд ли из этого что-нибудь вышло бы, — заметил Дэвид. — У тебя нет практического опыта исследования. Ты нигде не учился и не связан ни с одним из колледжей или научных центров. Тебя бы просто не напечатали, если бы ты не представил каких либо доказательств.

— Это я понимаю, конечно. Потому и не стал никуда писать. Я знал, что это безнадёжно. Да и какие могут быть претензии к научным журналам — они ведь должны отвечать за то, что печатают. Их страницы открыты отнюдь не для любого желающего. Но даже если бы редакторы отнеслись к моим статьям уважительно и захотели их опубликовать, они непременно захотели бы узнать, кто я такой. А это привело бы их к станции.

— Но даже если бы ты сумел остаться в тени, — добавил Дэвид, — не только в этом всё дело. Вот ты говорил о своей лояльности к Галактическому Центру…

— Если бы на меня никто не обращал внимания, всё было бы в порядке. Если бы я мог просто под-

брасывать земным учёным идеи, чтобы они сами разрабатывали их дальше, это не принесло бы вреда Галактическому Центру. Главная проблема в том, чтобы не раскрывать источник идей.

— Видимо, даже в этом случае ты всё равно не смог бы сообщить слишком много, — сказал Дэвид. — У тебя нет достаточно подробных данных, чтобы на их основе можно было сделать что-то значительное. Галактическая наука слишком далека от привычных наезженных дорог.

— Это я понимаю, — ответил Инек. — Например, психотехника Манкалинена-3. Если бы Земля располагала этими знаниями, люди наверняка нашли бы способы лечения нервных и умственных расстройств. Мы освободили бы бесчисленные заведения для нервнобольных, а потом снесли бы их или использовали для чего-то другого. Они просто стали бы ненужными. Но, кроме жителей Манкалинена-3, нас некому научить. Сам я знаю только, что они постигли в психотехнике невероятных успехов, но больше мне ничего не известно. Ведь я ничего не смыслю в этой науке. Точные знания можно получить только от них, от жителей звёзд.

— Ты всё время говоришь о неизвестных науках, — сказала Мэри. — Люди ещё даже не

подозревают об их существовании.

— И не только люди — мы тоже, — добавил Дэвид.

— Дэвид! — воскликнула Мэри.

— Нам незачем прикидываться людьми, — ответил Дэвид рассерженно.

— Но вы — люди, — сказал Инек с усилием. — Для меня вы — люди. Кроме вас, у меня никого нет. В чём дело, Дэвид?

— Мне кажется, пришло время сказать, кто мы на самом деле, — ответил тот. — Мы — иллюзии, плод воображения. Мы созданы тобой с единственной целью: появляться и разговаривать с тобой, заменяя тебе настоящих людей, общения с которыми ты лишён.

— Но ты ведь так не думаешь, Мэри! — крикнул Инек. — Ты не можешь так думать!

Он потянулся к ней и тут же безвольно уронил руки, с ужасом осознав, что хотел сделать. Впервые в жизни Инек попытался дотронуться до неё, впервые за все эти годы он забылся.

— Извини, Мэри. Мне не следовало этого делать.

Глаза её заблестели слезами.

— Если бы это было возможно! — вздохнула она. — Я так хотела бы, чтобы это было возмож-

но!

— Дэвид, — позвал Инек, не поворачивая головы.

— Дэвид ушёл, — сказала Мэри. — Он не вернётся. — Мэри медленно покачала головой.

— В чём дело, Мэри? Что происходит? Что я такое наделал?

— Ничего, — ответила она, — если не считать, что ты сделал нас слишком похожими на людей. Настолько похожими, что у нас появились все человеческие качества. И теперь мы уже не марионетки, не красивые куклы, мы — люди! Мне кажется, именно это мучило Дэвида больше всего — не то, что он человек, а то, что, став человеком, он по-прежнему остаётся тенью. Раньше, когда мы были куклами, это не имело значения. У нас не было тогда человеческих чувств.

— Прости меня, Мэри, — произнёс Инек. — Прошу тебя, прости!

Она наклонилась к нему, и лицо её озарилось нежностью.

— Ты ни в чём не виноват. Скорее, мы должны благодарить тебя. Ты создал нас, потому что любил, и это прекрасно — знать, что ты любима и нужна.

— Но теперь всё по-иному, — молил Инек. — Те-

перь вы приходите ко мне сами, по собственной воле.

Сколько лет уже прошло? Должно быть, все пятьдесят. Мэри стала первой, Дэвид — вторым. Из всех, кого воскрешало его воображение, они были ближе и дороже других.

А сколько лет минуло с тех пор, как он попытался сделать это впервые? Сколько лет провёл он, изучая безымянную науку, созданную чудотворцами Альфарда-22?

Когда-то, в прежние дни, при его прежнем отношении к жизни, всё это могло показаться ему чёрной магией, хотя чёрная магия была тут ни при чём. Скорее, упорядоченные манипуляции некими естественными характеристиками Вселенной, о которых человечество ещё не подозревает. Может быть, оно никогда их не откроет. Потому что на Земле просто не существовало — по крайней мере в настоящее время — направления научной мысли, необходимого для появления исследований, которые могли бы привести к такому открытию.

— Дэвид чувствовал, — сказала Мэри, — что так не может продолжаться вечно. Эти наши благочинные визиты… Рано или поздно должно было наступить время, когда нам пришлось бы

признаться себе, кто мы такие.

— И остальные тоже так решили?

— К сожалению, да, Инек. Остальные тоже…

— А ты? Ты сама, Мэри?

— Не знаю, — ответила она. — Для меня всё это по-другому… Я люблю тебя.

— И я тебя.

— Нет, ты не понимаешь! Я и вправду влюблена в тебя.

Инек застыл, глядя на неё, и ему почудилось, что весь мир заполнился грохотом, словно он сам остановился, а пространство и время всё так же несутся мимо него.

— Если бы всё оставалось по-прежнему, как вначале… — произнесла Мэри. — Тогда мы радовались своему существованию, эмоции наши были ещё не столь глубоки, и нам казалось, что мы счастливы. Как маленькие беспечные дети, что играют на улице под яркими лучами солнца. Но потом мы повзрослели. И возможно, я больше, чем другие.

Она улыбнулась Инеку, но в глазах у неё стояли слёзы.

— Не принимай это так близко к сердцу. Мы можем…

— Мэри, дорогая, — сказал Инек. — Я полюбил

тебя с того самого дня, когда мы встретились впервые. А может быть, и ещё раньше.

Он потянулся было к ней, но тут же опомнился и опустил руку.

— Я не знала этого… — проговорила Мэри. — Наверно, мне не следовало признаваться тебе… Если бы ты не знал, что я тоже тебя люблю, тебе, возможно, было бы легче.

Инек удручённо кивнул. Мэри склонила голову и прошептала:

— Боже праведный, за что ты обрушил на нас свою немилость? Мы ничем не заслужили такой кары.

Она подняла голову, посмотрела Инеку в глаза и добавила:

— Мне бы только коснуться тебя…

— Мы можем встречаться, как раньше, — сказал Инек. Приходи в любое время, когда захочешь. Мы…

Она покачала головой.

— Теперь уже не получится. Для нас обоих это будет слишком тяжело.

И Инек понял, что она права, что всё кончено. Целых пятьдесят лет и Мэри, и другие люди-тени появлялись в доме, чтобы повидаться с ним. Но теперь они не вернутся. Сказочное королевство

рассыпалось в прах, волшебные чары развеялись. Отныне он будет одинок — более одинок, чем когда-либо, более одинок, чем до знакомства с ней.

Сама она не вернётся, а у него не хватит духу вызвать её снова, даже если бы он смог, — теперь мир теней и его любовь, единственная любовь в его жизни, уйдут навсегда.

— Прощай, моя любимая, — произнёс он.

Но было уже поздно — Мэри исчезла.

И откуда-то издалека, как поначалу показалось Инеку, до него донёсся свист аппарата связи, требующего внимания к новому сообщению.

13

«Пришлось бы признаться себе, кто мы такие», — сказала Мэри.

А действительно, кто они? Не в его представлении, а на самом деле? Что они думают о самих себе? Может быть, им известно больше, чем ему?

Куда ушла Мэри? В каком неизвестном измерении растворилась она, покинув эту комнату? Существует ли она сейчас?

И если да, то что это за существование? Может быть, она лежит, словно кукла, в коробке, куда маленькие девочки прячут свои игрушки, убирая их в шкаф. А рядом хранятся все остальные куклы…

Инек попытался представить себе это вневременное, затерянное измерение, и воображение рисовало ему серую пустоту, где его прежние друзья существовали в небытии, где не было ни пространства, ни времени, ни света, ни воздуха, ни цвета, ни видения — одна бескрайняя пустота, которая простирается за пределами Вселенной.

Мэри! — кричала его душа. — Мэри, что я натворил?

Ответ лежал на поверхности — безжалостный

и холодный.

Он вмешался в нечто такое, чего не понимал, и тем самым совершил ещё больший грех, считая, что всё понимает. На самом деле он понял самую малость — ровно столько, чтобы заставить принцип сработать, — но он не понял, не смог предугадать, какие будут последствия.

Акт творения подразумевал ответственность, а он был готов лишь к моральной ответственности за причинённое зло, но ничем не мог помочь, а значит, был совершенно бессилен.

Они ненавидели его, негодовали, и Инек даже не мог их за это осуждать, потому что именно он вызвал их из небытия, показал им мир людей, а затем вернул обратно. Он дал им всё, чем располагает человек, за одним, но самым важным исключением — им не дано было способности существовать в мире людей.

И они возненавидели его, все, кроме Мэри, но с Мэри было ещё хуже. На неё он обрушил проклятье, ибо, вдохнув в неё всё человеческое, он обрёк Мэри на любовь к сотворившему её чудовищу.

«Ты вправе ненавидеть меня, Мэри, — твердил он. — Как и все другие».

Люди-тени — так Инек их называл, но это всего лишь термин, который он придумал для себя, для

собственного удобства, аккуратный ярлык, которым он всех их пометил, чтобы как-то отличать, когда о них думал.

Оказалось, ярлык неудачен, потому что они не тени и не призраки. Выглядели его творения так же материально, как любые другие люди. И только если попытаться прикоснуться, становилось понятно, что они нереальны: рука не чувствовала решительно ничего.

Игра воображения, как ему казалось прежде, но потом Инек начал сомневаться. Раньше они являлись, лишь когда он звал их, используя знания и приёмы, приобретённые за годы изучения работ чудотворцев с Альфарда-22. Но в последние годы он ни разу не позвал их сам. Не приходилось. Они всегда появлялись сами. Словно чувствовали, что вот-вот понадобятся. Они предчувствовали, что он их позовёт, знали это ещё до того, как у него возникало желание увидеть их, и появлялись вдруг в комнате, чтобы провести с ним час или целый вечер.

Конечно, в определённом смысле они действительно плод его фантазии; создавая их, Инек сам не знал, почему создаёт именно такими. Позже понял, хотя старался гнать от себя это прозрение, предпочитая прежнее неведение. Долгие годы

он старательно загонял объяснение в самый дальний уголок памяти. Но теперь, когда они покинули его, Инек наконец взглянул правде в глаза.

Дэвид Рэнсом был он сам, каким он мечтал себя видеть, каким хотел быть и, разумеется, каким он никогда не был. Удалой офицер северян, не в очень высоком звании — в том смысле, что не этакий отяжелевший, солидный вояка, — но с определённым положением в обществе. Подтянутый, жизнерадостный и, без сомнения, отчаянный храбрец, которого любят все женщины и уважают все мужчины. Прирождённый вожак и в то же время хороший друг, человек, который везде чувствует себя на месте — и на поле битвы, и в светской гостиной.

А Мэри? Странно, подумал Инек, что я всегда называл её только по имени. У неё никогда не было фамилии, просто Мэри.

Но в ней слились две женщины — по меньшей мере две. Одна из них — Салли Браун, которая жила неподалёку от Уоллисов… Сколько лет уже прошло с тех пор, когда он в последний раз вспоминал Салли Браун? Странно, подумалось ему, что он так давно о ней не вспоминал, и теперь воспоминание о соседской девушке по имени

Салли Браун буквально потрясло его. Ведь когда-то они любили друг друга, или по-крайней мере им так казалось. Даже в более поздние годы, когда Салли вспоминалась уже сквозь романтическую дымку времени, Инек всё равно не был уверен, любовь это была или просто фантазия молодого солдата, уходящего на войну. Робкое, ещё неопределившееся чувство, любовь дочери фермера к сыну фермера соседа. Они хотели пожениться, когда он вернётся с войны, но спустя несколько дней после сражения под Геттисбергом Инек получил письмо, написанное тремя неделями раньше, в котором сообщалось, что Салли Браун умерла от дифтерии. Он, помнилось, горевал, и, хотя в памяти не сохранилось, насколько сильно, видимо, сильно и долго, потому что в те времена это было принято.

Так что в Мэри воплотилась Салли Браун, но лишь отчасти. Точно так же в ней проявился и образ той высокой, стройной дочери Юга, женщины, которую он видел только один раз, да и то мельком, когда их колонна двигалась пыльной дорогой под жарким солнцем Виргинии. Чуть в глубине от дороги высился особняк, один из тех больших домов, что строили тогда владельцы плантаций, и там, в портике, у высокой белой

колонны, стояла женщина и смотрела на проходящих мимо врагов. Чёрные волосы и белая — белее, чем мрамор колонны, — кожа. Так прямо и гордо она держалась, глядела на них с таким вызовом и непокорством, что Инек запомнил её и часто мечтал о ней, даже не зная её имени, пока тянулись пропылённые, потные, кровавые дни войны. Вспоминая южанку, Инек всё время думал: а не изменяет ли он тем самым своей Салли? Порой, сидя у костра или завернувшись в одеяло и глядя на звёзды, он представлял, как после войны вернётся в Виргинию и найдёт эту женщину. Возможно, её уже не будет в том доме, но он обойдёт весь Юг и обязательно отыщет её. Конечно же, он туда не поехал, да и не помышлял об этом всерьёз. Так, мечты у костра…

Одним словом, Мэри воплотила в себе их обеих — и Салли Браун, и ту неизвестную красавицу из Виргинии, что стояла у колонны, провожая взглядом марширующие войска. Она стала их тенью и, может быть, тенью многих других — он бы затруднился сказать, кого именно, — своего рода символом всего того, что Инек знал о женщинах, что видел и чем восхищался. Идеал. Совершенство. Безукоризненная женщина, созданная его воображением. И вот теперь она ушла из его

жизни — как Салли Браун, спящая в земле, как та красавица из Виргинии, затерявшаяся в тумане времени, как все другие, возможно привнёсшие что-то в образ Мэри.

Да, он любил её, в ней слились воедино все женщины, которых он когда-то любил (а было ли это в его жизни?) или представлял себе, что любит, просто придумывая их образы.

Но что и она может полюбить его — такое никогда не приходило Инеку в голову. И потому он жил относительно спокойно, храня свою любовь глубоко в душе, понимая, что она и безнадёжна, и невозможна, но другой ему не дано.

Где сейчас Мэри? Куда она ушла? В то вневременное измерение, что он пытался себе представить, или в какое-то странное небытие, откуда, не заметив унёсшихся лет, она когда-нибудь снова возвратится к нему?

Инек спрятал лицо в ладони, мучаясь от жалости к самому себе и чувства вины.

Она не вернётся. И пусть не возвращается — он даже хотел этого. Так будет лучше для них обоих.

Вот только знать бы, где она сейчас. Только бы быть уверенным, что для неё наступило некое подобие смерти, что её не терзают мысли и воспоминания. Невыносимо было думать, что она

страдает.

Услышав наконец свист аппарата связи, Инек поднял голову, но не двинулся с места. Руки его потянулись к кофейному столику у дивана, уставленному наиболее яркими безделушками и сувенирами из тех, что дарили ему путешественники.

Взяв со столика первое, что попалось под руку, — кубик, выполненный то ли из какого-то странного стекла, то ли из полупрозрачного камня, то ли из какого-то неизвестного вещества (он так до сих пор и не разобрался, из чего), — Инек обхватил его ладонями и, вглядевшись внутрь, увидел крошечную панораму царства фей — трёхмерную и с мельчайшими подробностями. Уютное сказочное местечко, лесная поляна в окружении цветистых грибов-поганок. Сверху, лёгкие, воздушные, медленно падали разноцветные сверкающие снежинки; они блестели и искрились в сиреневых лучах большого голубого солнца. На прогалине танцевали маленькие существа, похожие, скорее, на цветы, и двигались они так грациозно и вдохновенно, что от их танца в крови разгорался огонь. Затем царство фей исчезло, и на его месте возникла новая картинка — дикий, мрачный пейзаж с суровыми, изъеден-

ными ветром, крутыми скалами на фоне злого красного неба. Вдоль отвесных скал метались вверх-вниз большие летучие твари, похожие на трепещущие на ветру рваные тряпки. Время от времени они усаживались на тощие коряги, торчащие прямо из отвесных скал, — очевидно, уродливые местные деревья. А откуда-то снизу, настолько издалека, что о расстоянии можно было только догадываться, доносился тяжёлый грохот одинокой стремительной реки.

Инек положил кубик обратно на стол. Что же он видит в его глубинах? Впечатление такое, словно листаешь альбом с новым пейзажем на каждой странице, но без единого разъяснения, где находятся все эти удивительные места. Когда ему подарили кубик, он, словно зачарованный, часами держал его в руках, разглядывая сцену за сценой. За всё это время Инек ни разу не нашёл картины, которая хоть в чём-то повторила бы уже виденные, и конца им не было. Порой ему начинало казаться, что он видит не картинки, а сами эти далёкие миры и что в любое мгновение можно, не удержавшись, сорваться и полететь головой вниз прямо туда.

В конце концов это занятие ему приелось: бессмысленно просматривать длинные вереницы

пейзажей, не зная, где эти места. Разумеется, бессмысленно для него, но не для жителя Энифа-5, который и подарил ему удивительный кубик. Не исключено, говорил себе Инек, что на самом деле вещь эта нужная и очень ценная.

Так случалось с большинством подарков. Даже те, которые доставляли ему радость и удовольствие, он, вполне возможно, использовал неправильно или, во всяком случае, не по назначению.

Однако среди всех этих даров встречались и такие — хотя их набралось не так уж много, — назначение которых он действительно понимал и которыми дорожил, несмотря на то что ему порой не было от них никакого проку. Например, маленькие часы, показывавшие время для всех секторов галактики: занятная вещица, даже в определённых обстоятельствах необходимая, но для него она большой ценности не имела. Или смеситель запахов — так он по крайней мере его называл, — который позволял создавать по желанию любые ароматы. Нужно только указать смесь, включить приборчик — и всю комнату тут же заполнял выбранный аромат, который держался, пока аппарат продолжал работать. Однажды студёной зимой эта машина здорово

его позабавила: после долгих проб и ошибок он подобрал наконец аромат яблоневого цвета и целый день наслаждался весной, хотя за окном завывала вьюга.

Инек протянул руку и взял со столика ещё один предмет — красивую вещицу, которая всегда интриговала его, хотя он так и не понял, для чего она нужна. Может быть, вообще ни для чего. Может быть, это произведение искусства, говорил он себе, просто красивая вещь, на которую нужно смотреть, и только. Однако у него каждый раз возникало ощущение (если это верное слово), что вещь должна выполнять какую-то конкретную функцию.

На вид — пирамида, сложенная из шариков, и чем выше расположены шарики, тем они меньше. Изящная игрушка дюймов четырнадцати высотой, у каждого шарика свой цвет, и не только снаружи. Цвета такие глубокие и чистые, что с первого взгляда становилось понятно: шарик весь, от центра до поверхности, — одного ровного цвета.

Ни клея, ни чего-то похожего на клей не было заметно. Вся конструкция выглядела так, словно кто-то просто сложил шарики пирамидой, но они тем не менее прочно держались на местах.

Поворачивая пирамидку в руках, Инек тщетно пытался вспомнить, кто ему её подарил.

Аппарат связи всё ещё свистел, напоминая, что пора заняться делом. Нельзя же, в конце концов, сидеть весь день на одном месте, сказал себе Инек, и предаваться размышлениям.

Он поставил пирамидку на место, поднялся и пошёл к аппарату.

Сообщение гласило:

НОМЕР 406 303 СТАНЦИИ 18 327. ЖИТЕЛЬ ВЕГИ-21 ПРИБЫТИЕМ В 16 532.82.

ВРЕМЯ ОТБЫТИЯ НЕ ОПРЕДЕЛЕНО. БАГАЖА НЕТ. ПРИЁМНЫЙ КОНТЕЙНЕР. УСЛОВИЯ МЕСТНЫЕ.

ПРОШУ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Проглядывая текст, Инек почувствовал, как теплеет у него на душе. Будет неплохо снова повидать сиятеля. Последний был у него на станции уже больше месяца назад.

Он хорошо помнил, как встретил этих существ впервые, когда они прибыли сразу впятером. Случилось это году в 1914-м или, может быть, в 1915-м. В большом мире, как он знал, шла первая мировая война, которую все тогда называли Большой войной.

Сиятель появится примерно в одно время с

Улиссом, и они прекрасно проведут вечер втроём. Не так уж часто случается, что прибывают сразу два хороших друга.

Он с удивлением отметил, что подумал о сиятеле как о друге, хотя, скорее всего, с тем, который должен прибыть, они никогда не встречались. Но это не имело значения: сиятель — любой сиятель — всегда оказывался другом.

Инек установил контейнер под материализатором и дважды удостоверился, что всё работает как положено, затем подошёл к аппарату связи и отправил подтверждение.

Всё это время ему не давал покоя вопрос: в каком же году всё-таки появился первый сиятель, в 1914-м или позже?

Выдвинув ящик картотеки, он отыскал Вегу-21. Первая дата — 12 июля 1915 года. Инек достал с полки дневник, отнёс к столу и принялся листать, пока не нашёл нужный день.

14

12 июля 1915 года. Сегодня после полудня (15:20) прибыли пять существ с Веги-XXI, первые жители этой планеты на моей станции. Двуногие, человекоподобные, но кажется, что тела их не из плоти и крови (словно столь банальная материя слишком груба для таких существ), хотя на самом деле это плоть и кровь. Дело в том, что они светятся. Не то чтобы излучают свет, но за каждым из них неотступно следует какое-то сияние.

Насколько я понимаю, все пятеро — сожители, хотя, может быть, я ошибаюсь: такие вещи не всегда легко распознать. Счастливая компания близких друзей, чувствуется в них живой интерес и готовность радоваться — не чему-то конкретному, а самой Вселенной, словно они только что услышали какую-то понятную только им одним шутку про всю галактику.

Они направлялись на отдых и собирались посетить фестиваль (хотя, может быть, это не совсем точное слово), который представители различных цивилизаций устраивали на далёкой планете. Как и почему их туда пригласили, я не понял. Видимо, приглашение на такое событие

— большая честь, но они, мне показалось, совсем об этом не думали, а приняли приглашение очень просто, как своё право. Сиятели были в тот вечер веселы, беззаботны и уверены в себе, однако со временем я решил, что они таковы всегда, и, признаться, позавидовал этой их беззаботности и весёлости. Более того, пытаясь представить себе, как эти существа воспринимают жизнь и Вселенную, я даже немного обиделся на них за то, что они так бездумны и счастливы.

В соответствии с инструкцией я развесил по комнате гамаки, где мои гости могли бы отдохнуть, но они ими так и не воспользовались. Сиятели привезли с собой большие корзины с едой и напитками и, устроившись за моим столом, принялись пировать и беседовать. Пригласили и меня, предварительно выбрав два блюда и бутылку с напитком, которые, по их заверениям, безопасны для метаболизма человека, — всё остальное вызывало у них некоторые сомнения. Еда оказалась вкуснейшая, за свою жизнь я ни разу не пробовал ничего подобного, — одно блюдо напоминало деликатесный выдержанный сыр, другое — нектар, буквально таявший во рту. В бутылке оказалось нечто похожее по вкусу на бренди — жёлтого цвета,

но совсем не крепкое. Гости расспрашивали меня о жизни на моей планете, обо мне самом — деликатно и, похоже, с искренним интересом, причём понимали объяснения почти сразу. Сами они направлялись на планету, название которой мне никогда раньше и слышать не доводилось, но оживлённый, весёлый разговор вёлся таким образом, что я не оставался в стороне. Из этого разговора я понял, что фестиваль будет посвящён какой-то незнакомой мне форме искусства. Не музыка или живопись, а нечто сложенное из звука, цвета, эмоций, форм и многого другого, для чего на Земле даже не существовало названий. Я не очень хорошо понял, что это, уловив в данном случае лишь темп разговора, но у меня родилась догадка, что они говорят о некоей трёхмерной симфонии (хотя это не очень точное выражение), которая создаётся сразу группой существ. Они с энтузиазмом обсуждали эту разновидность творчества, и я понял, что сами произведения исполняются даже не по нескольку часов, а целыми днями, что их нужно не просто слушать или смотреть, а как бы переживать, и публика, если она хочет воспринять их в полной мере, может и даже должна принимать в действе непосредственное участие. В чём это участие

заключается, я, правда, не понял, но решил не выспрашивать. Они говорили о каких-то своих знакомых, с которыми должны там встретиться, вспоминали, когда видели их в последний раз, сплетничали, впрочем, довольно добродушно, — и от всего этого создавалось впечатление, что и они, и множество других обитателей Вселенной путешествуют с планеты на планету просто потому, что они счастливы. Была ли у путешествий какая-либо иная причина, кроме поиска наслаждений, я не уяснил. Возможно, была.

Мои гости разговаривали о других фестивалях, не обязательно посвящённых именно одному этому виду искусства, но и ещё каким-то более специализированным областям творчества; что это за области, мне понять не удалось. Фестивали дарили им радость и истинное счастье, но, как мне показалось, не только искусство наполняло их ощущением безграничного счастья — было в фестивалях что-то ещё, очень важное и значительное. В разговор на эту тему я не вступал — не представилось такой возможности. По правде говоря, мне хотелось расспросить их поподробнее, но почему-то так и не удалось. Может, мои вопросы показались бы им глупыми, однако меня это не пугало, просто не удалось их порасспра-

шивать. Но хоть я и не задавал вопросов, они каким-то образом заставляли меня чувствовать, что я тоже участвую в разговоре. Никаких очевидных попыток никто не предпринимал, но тем не менее мне постоянно казалось, что я не просто смотритель станции, с которым им случилось провести вместе несколько часов, а один из них. Временами гости говорили на языке своей планеты — один из самых красивых языков, которые мне доводилось слышать, — но по большей части они пользовались диалектом, распространённым среди множества гуманоидных рас, своего рода посредническим языком, созданным для удобства общения. Подозреваю, что это делалось из уважения ко мне. Похоже, сиятели наиболее цивилизованные люди из всех тех, с кем мне доводилось встречаться.

Я уже писал, что они светятся, и думаю, это свет души. Их постоянно сопровождает некое искрящееся золотое сияние, приносящее счастье всем, кого оно коснётся, — будто они существуют в каком-то особом мире, который неведом другим. Когда я сидел с ними за столом, золотое сияние охватывало меня со всех сторон, и мою душу наполняло странное умиротворение, по всему телу струились глубинные токи счастья. Каким

образом они и их мир постигли этого золотого благоденствия и возможно ли, что когда-нибудь мой мир придёт к тому же, — вот что мне хотелось бы узнать.

Счастье их зиждется на присущей сиятелям кипучей энергии, на бурлящем, искромётном духе, стержень которого — внутренняя сила и любовь к жизни, заполняющая, кажется, каждую их клеточку, каждую секунду прожитого времени.

В распоряжении моих гостей было только два часа, но время промчалось стремительно, и мне даже пришлось напомнить им, что пора отправляться дальше. Перед отбытием они поставили на стол две коробки, сказав, что дарят их содержимое мне, затем поблагодарили меня за угощение (хотя благодарить-то должен был я), попрощались и забрались в контейнер (специальный, крупногабаритный), после чего я отправил их в путь. Но даже когда их не стало, в комнате ещё больше часа мерцало золотое сияние. Как хотелось мне отправиться с ними на фестиваль на далёкой планете!

В одной из оставленных коробок оказалась дюжина бутылок с похожим на бренди напитком; каждая из них — сама по себе произведение искусства, у каждой — своя неповторимая форма,

причём изготовлены они не иначе как из алмаза, то ли из искусственного, то ли из целого — этого я определить не смог. Одно я понимал — они бесценны; каждая украшена поразительно богатым орнаментом, каждая красива по-своему. Во второй коробке лежал… За отсутствием другого названия назовём этот предмет музыкальной шкатулкой. Сама шкатулка сделана как будто из кости, желтоватой, гладкой, как атлас, и украшенной множеством схематических рисунков, значения которых мне, очевидно, никогда не понять. На крышке шкатулки — круглая рукоятка, обрамлённая шкалой с делениями. Когда я повернул её до первого деления, послышалась музыка, всю комнату заполнили многоцветные всполохи, а сквозь них как бы светилось знакомое золотое сияние. Ещё эта шкатулка источала запахи, наплывы чувств, эмоции — не знаю, что именно, но что-то такое, от чего становилось то грустно, то радостно, то ещё как-то, как повелевали музыка, цвета и запахи. Целый мир вырывался из шкатулки, дивный мир, и ты жил в этом творении искусства, отдаваясь ему всем своим существом, — всеми эмоциями, верой и разумом. Я уверен, что это то самое искусство, о котором говорили мои гости. И не одна запись, а целых 206,

потому что именно столько делений на круглой шкале и каждому делению соответствует новое сочинение. В будущем я обязательно проиграю их все, сделаю заметки, подберу, может быть, название каждому в соответствии с композицией, и, наверно, это будет не только развлечение, но и возможность узнать что-то новое.

15

Двенадцать алмазных бутылок, давно уже пустых, стояли теперь на каминной полке. Музыкальная шкатулка хранилась среди наиболее дорогих Инеку подарков в одном из шкафов. И за все эти годы, подумал он не без огорчения, ему так и не удалось проиграть весь набор композиций до конца, хотя пользовался шкатулкой он постоянно, — так много было уже знакомых, которые хотелось слушать снова и снова, что он едва перебрался за середину шкалы.

Сиятели, всё та же пятёрка, прибывали к нему на станцию не один раз — возможно, им чем-то понравилась эта станция, а может, и сам смотритель. Они помогли ему выучить веганский язык и помимо разных других вещей нередко привозили с собой свитки с литературными произведениями родной планеты; без всякого сомнения, они стали его лучшими друзьями среди инопланетян, если не считать Улисса. Но потом они вдруг перестали появляться, и Инек не мог понять почему; он спрашивал о них у других сиятелей, когда те прибывали на станцию, но так и не узнал, что случилось с его друзьями.

Теперь он понимал сиятелей, их искусство, традиции, обычаи и историю гораздо лучше, чем в тот день в 1915 году, когда впервые описал их в своём дневнике. Однако даже сейчас многие привычные для них идеи давались ему с большим трудом.

С 1915 года он встречал много сиятелей, но одного из них запомнил особенно хорошо — старого мудреца-философа, который умер у него в комнате, на полу возле дивана.

Они тогда сидели рядом, разговаривали, и Инек даже помнил, о чём был разговор. Старик рассказывал об извращённом этическом кодексе, одновременно бессмысленном и комичном, выработанном странной расой растительных существ, с которой ему довелось встретиться во время посещения планеты на другом краю галактики, далеко в стороне от привычных маршрутов. Старый сиятель выпил за обедом пару бокалов золотистого напитка и, находясь в прекрасном расположении духа, с удовольствием рассказывал случаи из своей жизни.

Но вдруг, прямо посреди фразы, он умолк и резко склонился вперёд. Инек в растерянности протянул руку, но, прежде чем он успел до него дотронуться, сиятель соскользнул с дивана на

пол.

Его золотое сияние потускнело, несколько раз мигнуло и исчезло совсем, оставив на полу лишь тело, угловатое, костлявое, уродливое, — тело чужеродного, одновременно жалкого и чудовищного существа. Более чудовищного, казалось Инеку, чем всё, что ему доводилось видеть раньше.

При жизни это было замечательное создание, но теперь, когда пришла смерть, оно превратилось в отвратительный скелет, заполняющий мешок из чешуйчатой натянутой кожи. Видимо, думал Инек, с трудом подавляя в себе смятение, именно золотое сияние делало его таким замечательным и красивым, таким живым, стремительным и преисполненным величия. Это золотое сияние было самой жизнью, и, когда оно уходило, оставалось нечто ужасное, при одном только взгляде вызывающее отвращение.

Если этот золотистый туман и есть животворное начало сиятелей, то очевидно, они носили его как окутывающий плащ — нечто вроде маскарадного костюма, скрывающего их истинный облик. И ведь как странно: они носили своё животворное начало снаружи, тогда как у всех остальных существ оно внутри.

Под крышей жалобно стонал ветер, а в окно Инек видел, как проносятся, то и дело закрывая луну, взбирающуюся по восточному небосклону, батальоны рваных облаков. На станции стало холодно, одиноко, и это одиночество, казалось, простирается далеко-далеко за пределы привычного земного одиночества.

На негнущихся ногах Инек прошёл к аппарату связи. Вызвал Галактический Центр и стал ждать ответа, опершись на машину обеими руками.

— К ПРИЁМУ ГОТОВЫ, — ответил Центр.

Коротко и как мог беспристрастно Инек обрисовал случившееся на станции. В Центре это не вызвало ни замешательства, ни вопросов. Они просто дали ему указания, как следует поступить (словно такое случалось нередко). Веганец должен остаться на планете, где застигла его смерть. С телом необходимо поступить, как того требуют местные обычаи. Таков закон жителей Веги-XXI, и это его долг перед покойным. Веганец должен оставаться там, где он скончался, и это место навсегда становилось как бы частью Веги-XXI. Такие места, сообщил Галактический Центр, есть по всей галактике.

— НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ, — напечатал Инек, — ПРИНЯТО ПОГРЕБАТЬ ПОКОЙНЫХ В ЗЕМЛЕ.

— ТОГДА ПОХОРОНИТЕ ВЕГАНЦА.

— ПРИНЯТО ТАКЖЕ ЗАЧИТЫВАТЬ ОДИН-ДВА СТИХА ИЗ НАШЕЙ СВЯТОЙ КНИГИ.

— ПРОЧТИТЕ ДЛЯ ВЕГАНЦА СТИХ. ВЫ В СОСТОЯНИИ СПРАВИТЬСЯ СО ВСЕМИ ЭТИМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ?

—

ДА.

ХОТЯ

ОБЫЧНО ЭТО ДЕЛАЕТ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ, НО В ДАННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРИГЛАШАТЬ ЕГО БЫЛО БЫ НЕРАЗУМНО.

— СОГЛАСНЫ. ВЫ СМОЖЕТЕ СДЕЛАТЬ ВСЁ САМИ?

— ДА.

— ТОГДА ДЕЛАЙТЕ САМИ.

— ПРИБУДУТ ЛИ НА ПОХОРОНЫ РОДСТВЕННИКИ ИЛИ ДРУЗЬЯ ПОКОЙНОГО?

— НЕТ.

— ВЫ ИМ СООБЩИТЕ?

— ДА, ПО ОФИЦИАЛЬНЫМ КАНАЛАМ. НО ОНИ УЖЕ ЗНАЮТ.

— ОН УМЕР ТОЛЬКО ЧТО.

— ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ОНИ ЗНАЮТ.

— КАК Я ДОЛЖЕН ОФОРМИТЬ СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ?

— В ЭТОМ НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ. НА ВЕГЕ-21 УЖЕ ЗНАЮТ, ОТЧЕГО ОН УМЕР.

— ЧТО ДЕЛАТЬ С БАГАЖОМ? ЗДЕСЬ ЦЕЛЫЙ КОНТЕЙНЕР.

— ОСТАВЬТЕ СЕБЕ. ОН ВАШ. В БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА УСЛУГУ, КОТОРУЮ ВЫ ОКАЖЕТЕ ВЫСОКОЧТИМОМУ ПОКОЙНОМУ. ЭТО ТАКЖЕ ЗАКОН.

— ВОЗМОЖНО, ТАМ ЧТО-ТО ВАЖНОЕ.

— ВЫ ДОЛЖНЫ ОСТАВИТЬ КОНТЕЙНЕР СЕБЕ. ОТКАЗ СОЧТУТ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ПАМЯТИ ПОКОЙНОГО.

— ЕЩЁ КАКИЕ-НИБУДЬ УКАЗАНИЯ БУДУТ?

— НЕТ. ДЕЙСТВУЙТЕ ТАК, КАК БУДТО ЭТО ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ.

Убрав текст с экрана, Инек вернулся к дивану и остановился над сиятелем, собираясь с духом, чтобы наклониться и поднять его с пола. Очень не хотелось прикасаться к телу. Ему казалось, что перед ним лежит что-то жуткое, нечистое, словно это какая-то подделка, муляж того сияющего существа, которое совсем недавно сидело рядом с ним и разговаривало.

Инек полюбил сиятелей с того самого дня, как встретил их впервые, он восхищался ими, и

каждой новой встречи ждал с нетерпением — встречи с любым из них. А теперь он весь сжался от ужаса, не в силах заставить себя прикоснуться к мёртвому сиятелю.

И дело было даже не в боязни, поскольку за долгие годы работы смотрителем ему не раз доводилось видеть совершенно кошмарных инопланетян. Он научился подавлять свои чувства и уже не обращал внимания на внешний вид гостей, воспринимая их просто как другие формы разумной жизни, как людей, как братьев.

Что-то иное беспокоило его — не страх, а какое-то непонятное, незнакомое ощущение. Но умерший гость, напомнил Инек себе, был его другом, и, как умерший друг, он заслуживает уважения и заботы.

Наконец Инек решился и взялся за дело. Он наклонился и поднял мёртвого сиятеля с пола. Тот почти ничего не весил, словно с приходом смерти он как бы утратил объём, стал меньше, ничтожнее. Может быть, подумал Инек, само золотое сияние обладало каким-то весом?

Он положил тело на диван, выпрямил его, как мог. Затем прошёл в пристройку, засветил там фонарь и направился в хлев.

Уже несколько лет минуло с тех пор, как он

заглядывал сюда в последний раз, но ничего в хлеву не изменилось. Прочная крыша надёжно защищала его от непогоды, внутри по-прежнему было сухо и прибрано, только везде лежала толстым слоем пыль, а с потолочных балок свисала паутина. Из щелей в потолке клочьями повылезло вниз старое-престарое сено. Запахи навоза и домашних животных давно уже выветрились, и теперь остался лишь один запах — сухой, сладковатый, пыльный.

Инек повесил фонарь на крюк в стене и взобрался по лестнице в сенник. Работая в темноте — поскольку он не решился занести фонарь в заваленный пересохшим сеном чердак, — Инек отыскал дубовые доски, сложенные под самым скатом крыши.

Здесь, вспомнилось ему, в этом углу, была его потайная «пещера», где он, будучи мальчишкой, провёл много счастливых часов в те дождливые дни, когда на улице играть ему не разрешали. Он представлял себя и Робинзоном Крузо на необитаемом острове, и каким-то безымянным беглецом, что скрывается от облавы, и переселенцем, спасающимся от индейцев, которые охотятся за его скальпом. У него было ружьё, деревянное ружьё, которое он сам выпилил из доски, а затем обстру-

гал и зачистил стекляшкой. Инек очень дорожил этой игрушкой всё своё детство — до того самого дня, когда ему исполнилось двенадцать и отец, вернувшись из поездки в город, подарил ему настоящую винтовку.

Инек перебрал в темноте доски, отыскал на ощупь те, которые могли пригодиться, отнёс их к лестнице и осторожно спустил вниз. Потом слез сам и прошёл в угол, где у него хранились инструменты. Открыв крышку сундука, он обнаружил, что там полно старых, уже давно оставленных мышиных гнёзд. Инек выбросил на пол несколько охапок соломы и сена, которые грызуны использовали для устройства своих жилищ, и наконец добрался до инструментов. Металл потускнел оттого, что инструментом долго никто не пользовался, но ничего не поржавело, и режущие кромки всё ещё оставались острыми.

Прихватив с собой всё, что ему было нужно, Инек взялся за работу. Вот так же, при свете фонаря, он делал гроб и век назад, подумалось ему. Только тогда в доме лежал его отец.

Дубовые доски высохли за долгие годы, затвердели, но инструмент сохранился совсем неплохо, и Инек продолжал работать — пилить, строгать, вколачивать гвозди. В воздухе стоял запах

опилок. Огромный ворох сена наверху глушил жалобное завывание ветра снаружи, отчего в сарае было тихо и покойно.

Готовый гроб оказался тяжелее, чем Инек предполагал. В стойле для лошадей он нашёл приставленную к стене старую тачку, погрузил на неё гроб и, то и дело останавливаясь передохнуть, отвёз его к маленькому кладбищу за яблоневым садом.

Затем, прихватив из сарая лопату и кирку, снова отправился на кладбище и выкопал рядом с могилой отца ещё одну, правда не такую глубокую — не положенные по обычаю шесть футов, — потому что понимал: если выкопать глубоко, он ни за что не сможет в одиночку опустить туда гроб. Копая при слабом свете фонаря, установленного на куче земли, Инек вырыл яму чуть меньше четырёх футов глубиной. Из леса прилетел филин и, устроившись на ветке в саду, забормотал что-то, время от времени ухая в кромешной темноте.

Луна сползала к западу, рваные облака поредели, и сквозь них проглянули звёзды.

Наконец могила была готова, и Инек опустил туда гроб без крышки. Керосин в фонаре почти кончился, и он начал мигать, а стекло почер-

нело от копоти, потому что фонарь долго стоял неровно. Вернувшись на станцию, Инек первым делом нашёл простыню, чтобы завернуть покойного. Затем положил в карман Библию, поднял запелёнутого в саван веганца на руки и с первым проблеском зари отправился к яблоневому саду. Опустил покойного в гроб, приколотил крышку и выбрался из могилы.

Он встал на краю и, достав из кармана Библию, отыскал нужное место. Инек читал громко, и ему почти не приходилось напрягать зрение, вглядываясь в текст в предрассветном полумраке, потому что эту главу он перечитывал не один раз: «В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам…»

Он читал и думал, что выбрал очень уместный отрывок: обителей действительно должно быть много, чтобы разместить все души жителей нашей галактики и других галактик, протянувшихся в космосе, очевидно, до бесконечности. Хотя, если бы в мире царило взаимопонимание, хватило бы и одной обители.

Закончив чтение, Инек произнёс заупокойную молитву — как сумел, по памяти, хотя полной уверенности в том, что молитва сохранилась в памяти точно, у него не было. Но во всяком

случае, подумалось ему, он помнит достаточно, чтобы передать смысл. После чего осталось только засыпать могилу землёй.

Звёзды и луна растаяли, ветер утих. В предутренней тиши небо на востоке начало окрашиваться в жемчужно-розовый цвет.

Инек, с лопатой в руках, ещё стоял у могилы.

— Прощай, друг мой, — сказал он наконец и с первыми лучами солнца двинулся к станции.

16

Инек встал из-за стола, подошёл к полке и поставил дневник на место. Затем повернулся и остановился в нерешительности. Нужно ещё было просмотреть газеты, дополнить дневник и разобраться с двумя статьями в последних номерах «Журнала геофизических исследований».

Но делать ничего не хотелось. На душе у Инека было тревожно, многое огорчало, беспокоило, требовало осмысления.

Наблюдатели всё ещё наблюдали. А вот люди-тени ушли, оставив его в одиночестве. И мир по-прежнему катился к войне.

Хотя, может быть, ему не следует беспокоиться о том, что происходит в большом мире. Он может отказаться от него, отречься от человечества в любую минуту. Если он никогда не выйдет наружу, никогда не откроет дверь, какая ему разница, что делается в мире и что с этим миром случится? У него есть свой мир. Мир такой огромный, что его даже не сможет вообразить себе кто-нибудь за пределами станции. Земля ему просто не нужна.

Однако даже сейчас Инек понимал, что он никогда не примет подобных рассуждений. Потому

что на самом деле Земля — как это ни странно и ни смешно — всё-таки нужна ему.

Он прошёл к выходу и произнёс кодовую фразу. Дверь скользнула в сторону и закрылась сама, едва он оказался в пристройке. Обогнув дом, Инек сел на ступени крыльца.

Вот здесь, подумалось ему, всё и началось. Здесь он сидел в то самое лето, больше века назад, когда звёзды разглядели его через космическую бездну и остановили на нём свой выбор.

Солнце клонилось к западу, приближался вечер. Дневная жара уже спадала, и из низины между холмами, что спускалась к долине реки, тянуло прохладным ветерком. Над полем у самого края леса с карканьем кружились вороны.

Это будет нелегко — захлопнуть дверь и никогда больше её не открывать. Оставить за дверью и тёплое солнце, и нежный ветер, и запахи, приходящие с переменой времён года. Человеку такое не под силу. Он не может ограничить свой мир только станцией и отречься от родной планеты. Солнце, земля и ветер нужны ему, чтобы оставаться человеком.

Наверно, подумал Инек, следует делать это чаще — выходить на улицу и просто сидеть, глядя на деревья, на реку, на холмы Айовы, поднима-

ющиеся в голубой дали за Миссисипи, на ворон, что кружат в небе, и голубей, рассевшихся на коньке сарая.

Пожалуй, оно того стоит. Даже если он постареет ещё на один лишний час. Зачем беречь эти часы — теперь они ему ни к чему. Хотя, как знать, может, и наступит ещё день, когда он снова начнёт ревниво сберегать своё время, копить часы, минуты и даже секунды, жадно используя любую возможность…

Из-за дома послышались шаги — кто-то бежал, спотыкаясь, бежал, похоже, издалека и совсем выбился из сил.

Вскочив на ноги, Инек поспешно двинулся навстречу и, свернув за угол дома, чуть не столкнулся с бегущей девушкой, протянувшей к нему руки. Она споткнулась, но Инек успел подхватить её и крепко прижал к себе.

— Люси! — проговорил он. — Что случилось, девочка?

Руки, обнимавшие её за спину, почувствовали тёплую липкую влагу, и, взглянув на ладонь, Инек увидел, что она в крови. Платье на спине у Люси промокло и потемнело.

Взяв Люси за плечи, он чуть отстранил её от себя и взглянул ей в лицо. По щекам девушки текли

слёзы, в глазах застыл ужас — ужас и мольба.

Она шагнула назад и повернулась к нему спиной, затем расстегнула платье, и оно само сползло до пояса. На плечах темнели длинные глубокие следы от кнута, из которых всё ещё сочилась кровь. Люси снова натянула платье, потом повернулась к Инеку, сложила ладони, словно молила его о чём-то, потом указала в сторону поля, что сбегало по холму к самому лесу.

Там было какое-то движение, кто-то шёл по опушке леса у края поля. Видимо, Люси тоже заметила движение и, задрожав, шагнула ближе к Инеку, ища у него защиты.

Он наклонился, поднял её на руки и побежал к пристройке. Инек произнёс кодовую фразу, дверь открылась, и он шагнул внутрь, в помещение станции. Дверь за его спиной скользнула на место.

Минуту-другую Инек неподвижно стоял с Люси Фишер на руках. Он понимал, что совершил ошибку. Наверно, если бы у него было время подумать, он бы так не поступил. Но он действовал импульсивно, думать было некогда. Девушка попросила защиты — и вот… Здесь она в безопасности, здесь ей ничто не угрожает. Но она — человек, а ни одному человеческому существу,

кроме него самого, не положено было переступать порог станции.

Однако что сделано, то сделано, и ничего тут уже не изменишь. Она на станции: назад хода нет.

Инек посадил Люси на диван и отступил на шаг. Она сидела, подняв на него глаза, и несмело улыбалась, как будто сомневалась, можно ли улыбаться в таком странном месте. Потом подняла руку, утёрла слёзы со щёк и обежала комнату быстрым взглядом, после чего застыла, открыв рот от удивления.

Присев на корточки, Инек похлопал ладонью по дивану и погрозил пальцем, надеясь, что она поймёт и будет сидеть на месте. Потом обвёл рукой помещение станции и строго покачал головой.

Люси смотрела на него неотрывно, затем улыбнулась и кивнула, словно всё поняла.

Инек взял её руку и ласково погладил, стараясь успокоить и дать понять, что всё будет в порядке, если только она останется на месте и не будет ничего трогать.

Теперь Люси улыбалась, словно уже забыла о своих прежних сомнениях. Вопросительно взглянув на него, она трепетным жестом указала на

кофейный столик, заваленный инопланетными сувенирами. Инек кивнул, и она занялась какой-то безделушкой, восхищённо разглядывая её и поворачивая в руке.

Инек поднялся, снял со стены винтовку и вышел из дома навстречу тем, кто гнался за Люси.

17

По склону холма поднимались двое, и одного из них Инек узнал сразу — Хэнк Фишер, отец Люси. В прошлые годы он несколько раз встречал его во время своих прогулок, хотя встречи эти были очень короткими. Хэнк всегда смущался и пытался объяснить — чего от него никто не требовал, — что он, мол, разыскивает отбившуюся корову. Но по его вороватому взгляду и странному поведению Инек заключал, что дело вовсе не в корове: Хэнк темнил, скрывал что-то, хотя, что именно, Инек по-прежнему не догадывался.

Второй был моложе. Лет шестнадцать, от силы семнадцать. Скорее всего, один из братьев Люси, решил Инек, поджидая их у крыльца.

Хэнк нёс в руке свёрнутый кольцом кнут, и Инек понял, отчего на плечах у Люси такие рубцы. В груди его всколыхнулась злость, но, сделав над собой усилие, он унял недоброе чувство. Лучше будет, если в разговоре с Хэнком он сохранит спокойствие.

Непрошеные гости остановились в двух-трёх шагах от него.

— Добрый вечер, — сказал Инек.

— Ты не видел тут мою девчонку? — спросил Хэнк.

— А что, если и видел?

— Я с неё шкуру спущу! — крикнул Хэнк, потрясая кнутом.

— В таком случае, — ответил Инек, — я, пожалуй, ничего тебе не скажу.

— Ты её спрятал, — тут же обвинил его Хэнк.

— Можешь поискать.

Хэнк шагнул было вперёд, но тут же опомнился.

— Она получила по заслугам! — выкрикнул он. — И я с ней ещё не разделался. Никому, даже собственной дочери, я не позволю напускать на меня порчу!

Инек молчал. Хэнк стоял в нерешительности.

— Она влезла не в своё дело, — сказал он. — Никто её не просил. Её это вообще не касалось…

— Я натаскивал Батчера, только и всего, — пояснил его сын. — Это мой щенок, и я его готовлю охотиться на енотов.

— Верно, — сказал Хэнк. — Он ничего плохого не делал. Прошлым вечером ребятишки поймали молодого енота, а это, я тебе скажу, не так просто. Рой — вот он — привязал енота к дереву и натравливал на него Батчера на поводке. Чтобы они

дрались между собой, значит. Всё как положено. Когда они уж совсем в раж входили, Рой каждый раз оттаскивал Батчера за поводок и давал им передохнуть. А потом опять…

— Собаку для охоты на енотов только так и можно выучить! — вставил Рой.

— Точно, — сказал Хэнк. — Для того они его и поймали.

— Он нам был нужен, чтобы натаскать Батчера, — добавил Рой.

— Всё это прекрасно, — сказал Инек, — но только я не понимаю, при чём тут Люси.

— Она влезла не в своё дело, — ответил Хэнк. — Хотела отобрать у Роя собаку.

— Уж больно много эта бестолочь о себе воображает, — сказал Рой.

— Помолчи, — сурово приказал отец, поворачиваясь к нему.

Рой тут же отскочил назад, бормоча что-то себе под нос.

Хэнк повернулся к Инеку.

— Рой сбил её с ног, — сказал он. — Хотя делать этого, может быть, и не следовало. Полегче нужно было, поосторожнее.

— Я не нарочно, — сказал Рой, оправдываясь. — Просто толкнул её рукой. Хотел отогнать

от Батчера.

— Верно, — продолжил Хэнк. — Просто оттолкнул чуть сильнее, чем следовало. Но ей совершенно незачем было делать то, что она потом сделала с Батчером, чтобы тот не смог драться с енотом. Даже пальцем его не тронула, понимаешь, но он и пошевельнуться не мог. Ну, Рой и разозлился. — Он взглянул на Инека и простодушно добавил: — А ты бы не разозлился?

— Не думаю, — ответил Инек. — Однако я ничего не понимаю в охоте на енотов.

Хэнк уставился на Инека: что, мол, тут непонятного? Но продолжил рассказ:

— Вот Рой и разозлился. Он Батчера сам вырастил и очень на него рассчитывал. Понятное дело, ему не понравилось, что кто-то — даже если это его родная сестра — напускает на собаку порчу. Рой хотел было задать ей трёпку, но она сделала с ним то же самое, что и с собакой. Клянусь, я ничего подобного за всю свою жизнь не видел. Рой остановился как вкопанный и упал. Ноги прижал к груди, обхватил руками колени — короче, свернулся в комок и замер. Что он, что Батчер. А енота она даже не тронула, ничего с ним не сделалось. Только своих, значит…

— Но мне не было больно, — вставил Рой. — Со-

всем не больно.

— Я как раз сидел неподалёку, — сказал Хэнк, — заплетал вот этот самый кнут. У него конец обтрепался, и я решил приделать новый. Я всё видел, но не вмешивался, пока Рой не свалился на землю. Вот тут-то я и сообразил, что дело зашло слишком далеко. Вообще-то я человек понятливый. Когда бородавки там заговаривают или ещё что-нибудь такое, тут я не возражаю. На свете полно людей, которые это умеют, и ничего плохого здесь нет. Но когда собак или людей вот так вот, в узел…

— И ты отстегал её кнутом, — сказал Инек.

— Это моя святая обязанность, — убеждённо произнёс Хэнк. — Только ведьмы мне ещё в семье не хватало! Я ей приложил пару раз, а она меня всё остановить хотела, руками там что-то показывала. Но я своё дело знаю. Решил, что если её хорошенько отлупить, то эта дурь из неё выйдет. И давай лупить её ещё. Ну тут она и на меня порчу напустила. Как на Роя и Батчера, но только по-другому. Она меня ослепила. Лишила зрения отца родного! Я вообще ни черта не видел. Только шатался по двору, орал и тёр глаза. Потом всё стало нормально, только она уже исчезла. Но я видел, как она побежала через лес, вверх по

холму, и мы с Роем бросились вдогонку.

— И ты думаешь, она здесь?

— Я знаю, что она здесь.

— Ладно, — сказал Инек. — Можешь искать.

— И поищу, — мрачно пообещал Хэнк. — Рой, посмотри в хлеву. Может быть, она там спряталась.

Рой направился к хлеву, Хэнк заглянул в сарай, но очень скоро вернулся и прошёл к покосившемуся курятнику.

Инек молча ждал с винтовкой на сгибе руки. Он понимал, что ситуация складывается неприятная; раньше с ним ничего подобного не приключалось. Но такого человека, как Хэнк Фишер, словами убедить непросто. А сейчас ему вообще ничего не втолкуешь. Оставалось только ждать, когда тот немного поостынет, и надеяться, что тогда можно будет с ним поговорить спокойно.

Хэнк с Роем вернулись.

— Там её нигде нет, — сказал Хэнк. — Она в доме.

Инек покачал головой.

— Никто не может войти в этот дом.

— Рой, — приказал Хэнк. — Ну-ка поднимись по этим вот ступеням и открой дверь.

Рой испуганно взглянул на Инека.

— Валяй, — сказал тот.

Тогда Рой медленно двинулся вперёд и поднялся по ступенькам. Подойдя к двери, он взялся за круглую ручку и повернул. Попробовал ещё раз и обернулся к отцу.

— Па, — сказал он, — я не могу. Дверь не открывается.

— Чёрт побери! — выругался Хэнк и добавил презрительно: — Ничего-то ты не можешь.

В два прыжка он преодолел ступени, протопал рассерженно по крыльцу, ухватился за дверную ручку и изо всех сил крутанул. Потом ещё раз. И ещё. Наконец он совсем разозлился и взглянул на Инека.

— Что за чертовщина? — заорал он.

— Я же тебе сказал, — ответил Инек, — что никто не может войти в этот дом.

— Ещё как войду! — прорычал Хэнк.

Швырнув кнут Рою, он спрыгнул с крыльца, бросился к поленнице у сарая и выдернул из колоды тяжёлый топор с двухсторонним лезвием.

— Поаккуратней с топором, — предупредил Инек. — Он у меня уже давно, и я к нему привык.

Хэнк даже не ответил. Он поднялся на крыльцо и встал перед дверью, широко расставив ноги.

— Ну-ка отойди, — сказал он Рою, — а то размахнуться негде.

Рой попятился.

— Постой, — сказал Инек, — ты что, собираешься рубить дверь?

— Вот именно, чёрт побери!

Инек кивнул с совершенно серьёзным видом.

— Что такое? — спросил Хэнк.

— Ничего, всё в порядке. Можешь попробовать, если очень хочется.

Хэнк изготовился, крепко ухватившись за рукоять. Сверкнув сталью, топор взлетел у него над плечом, и Хэнк обрушил на дверь страшный удар.

Топор коснулся поверхности и так резко отскочил, просвистев всего в дюйме от ноги Хэнка, что того даже развернуло на месте. Несколько секунд он просто стоял с глупым выражением лица, держа топор в вытянутых руках, и глядел на Инека.

— Можешь попробовать ещё раз, — предложил тот.

Хэнка охватила ярость. Лицо его налилось кровью.

— И попробую, клянусь богом! — крикнул он, опять повернулся лицом к дому и взмахнул топором, но на этот раз ударил не по двери, а рядом,

по окну. Послышался высокий вибрирующий звон, и в воздухе пронеслись обломки сверкающей стали.

Присев и отскочив в сторону, Хэнк выпустил топор из рук. Он упал на доски крыльца и перевернулся. Вместо одного из лезвий торчали лишь короткие зубья блестящего на изломе металла. На окне не осталось даже царапины.

Хэнк некоторое время стоял, разглядывая сломанный топор, словно всё ещё не мог поверить в случившееся. Затем молча протянул руку, и Рой вложил в неё кнут. Они вместе спустились по ступеням, остановились внизу и уставились на Инека. Рука Хэнка нервно сжимала рукоять кнута.

— На твоём месте я бы этого не делал, Хэнк. У меня очень хорошая реакция, — сказал Инек, поглаживая приклад. — Я отстрелю тебе руку, прежде чем ты успеешь взмахнуть кнутом.

— Ты спутался с дьяволом, Уоллис, — произнёс Хэнк, тяжело дыша, — и моя дочь тоже. Вы оба заодно. Я знаю, что вы то и дело встречаетесь в лесу.

Инек молчал, наблюдая за отцом и сыном одновременно.

— Помоги мне бог! — вскричал Хэнк. — Моя

дочь ведьма!

— Советую тебе вернуться домой, — сказал Инек. — Если я найду Люси, я её приведу.

Никто не двинулся с места.

— Мы ещё встретимся, — пригрозил Хэнк. — Я знаю, что ты спрятал мою дочь где-то здесь, и я тебе это припомню!

— Когда пожелаешь, но только не сейчас, — ответил Инек и угрожающе повёл стволом винтовки. — Проваливай. И чтобы я больше вас здесь не видел. Ни того, ни другого.

Они постояли в нерешительности, глядя ему в лицо и пытаясь угадать, как он теперь поступит.

Затем повернулись и, держась рядом, пошли вниз по холму.

18

Их бы пристрелить обоих, как они того заслуживают, думал Инек. Носит же таких земля! Он перевёл взгляд на винтовку и заметил, как крепко его руки сжимают оружие. Белые, онемевшие пальцы буквально вцепились в гладкое коричневое дерево.

Инек судорожно вздохнул, борясь с клокочущей, грозящей вырваться наружу яростью. Если бы они остались чуть дальше, если бы он не прогнал их от дома, ярость наверняка победила бы. И всё могло быть гораздо хуже. Инек сам удивлялся, как ему удалось сдержаться. Но, слава богу, удалось.

Потому что и без того всё плохо.

Фишеры скажут, что он сумасшедший, что он прогнал их, угрожая оружием. Они могут даже заявить, что он увёл Люси и держит у себя против её воли. Эта семейка ни перед чем не остановится, чтобы напакостить ему как только можно.

Никаких иллюзий на этот счёт Инек не питал, поскольку прекрасно знал такой тип людей, мелких и мстительных. Маленькие ядовитые насекомые.

Стоя у крыльца, он глядел Фишерам вслед. Даже странно, как такая замечательная девушка могла появиться в этом гнилом семействе. Может быть, её несчастье помогло ей защититься от их влияния, может, именно поэтому она не стала одной из них. Не исключено, что, если бы Люси разговаривала с ними, слушала их, она со временем стала бы такой же никчёмной и озлобленной, как все Фишеры.

Конечно, он совершил ошибку, вмешавшись в их конфликт. Человек, на котором лежит такая ответственность, не должен вмешиваться в подобные дела. Слишком велика может быть потеря, и поэтому ему следует держаться в стороне от всяких скандалов.

Но разве у него был выбор? Разве мог он отказать Люси в защите, когда она прибежала вся в крови от побоев? Разве мог он не откликнуться на её мольбу, застывшую в испуганном, беспомощном взгляде?

Может быть, следовало поступить по другому, думал Инек. Умнее, осторожнее. Но времени на размышления не было. Его хватило только на то, чтобы отнести Люси в дом, спрятать от опасности и выйти к её преследователям.

Теперь Инек понимал, что лучше всего, воз-

можно, было бы не выходить из дома вообще. Если бы он остался на станции, не случилось бы того, что случилось.

Он поддался чувству, вышел им навстречу. Совершенно естественный для человека поступок, хотя и не самый умный. Но он уже сделал это, всё позади, и теперь уже ничего не поправишь. Если бы всё повторилось снова, он поступил бы иначе, но такой возможности ему не представится.

Инек тяжело повернулся и пошёл в дом.

Люси сидела на диване, держа в руке какой-то сверкавший предмет. В глазах её светился восторг, а на лице было такое же трепетное, сосредоточенное выражение, как в то утро в лесу, когда на пальце у неё сидела бабочка.

Он положил винтовку на стол и остановился, но Люси, должно быть, заметила краем глаза какое-то движение и взглянула в его сторону. Затем снова занялась той блестящей штуковиной, что она держала в руке.

Инек увидел, что это пирамидка из шариков, но теперь все они медленно вращаются — одни по часовой стрелке, другие против — и сияют, переливаясь своими особенными цветами, словно внутри у каждого из них скрывается источник мягкого, тёплого света.

У Инека даже перехватило дыхание — так это было красиво и удивительно; удивительно, потому что он давно пытался разгадать, что это за вещица и для чего она предназначена. Он обследовал её, наверно, раз сто, не меньше, колдовал над ней часами, но так и не обнаружил никакой зацепки. Скорее всего, решил он, это просто красивая вещица — любоваться, и только, — однако его не оставляло ощущение, что у неё всё-таки есть какое-то назначение, что каким-то образом пирамидка должна действовать.

И вот теперь она действовала. Инек так долго пытался её разгадать, а Люси взяла эту штуковину в руки первый раз, и тут же всё заработало.

Он заметил восторг, с каким она глядит на пирамидку. Может быть, она знает и её назначение?

Инек подошёл к Люси, тронул за руку и, когда она подняла на него взгляд, снова отметил про себя, каким счастьем и радостным волнением сияют её глаза.

Он указал на пирамидку, потом постарался изобразить вопрос, мол, знает ли она, для чего эта игрушка предназначена.

Но Люси его не поняла. А может, и поняла, да только знала, что объяснить будет невозможно. Люси протянула руку к столику с сувенирами,

пальцы её снова затрепетали, как тогда у родника, с бабочкой, и она даже как будто попыталась рассмеяться — во всяком случае, такое у неё было выражение лица.

Прямо как ребёнок, подумал Инек. Ребёнок перед полным ящиком новых, удивительных игрушек. Интересно, что она в них нашла? И потому ли только она рада, что увидела сразу столько красивых незнакомых вещей?

Инек устало повернулся и пошёл обратно к столу. Взял винтовку и повесил на стену.

Люси не положено находиться на станции. Ни одному человеку, кроме него, не положено находиться здесь. Приведя её сюда, он нарушил негласную договорённость с инопланетянами, поручившими ему работу смотрителя. Оправдывало его в какой-то мере лишь то, что к Люси эти вполне понятные запреты относились меньше, чем к кому-либо другому: она ничего не могла рассказать о том, что увидела на станции.

Но он знал, что ей нельзя здесь оставаться. Её нужно отвести домой. Если она не вернётся, обязательно начнутся поиски. Пропала глухонемая девушка, и к тому же ещё красивая.

Через день-два об этой истории обязательно пронюхают газетчики. Сообщения о том, что

Люси до сих пор не найдена, напечатают во всех газетах, об этом объявят по радио, по телевидению, и вскоре в окрестных лесах появится множество поисковых отрядов.

Хэнк Фишер наверняка расскажет, как он пытался разбить дверь топором, после чего обязательно найдутся желающие сделать то же самое, и вот тут-то всё и начнётся.

Инека даже пот прошиб, когда он представил себе, что тогда произойдёт.

Все долгие годы, что он хоронился от людей, стараясь быть незаметным, будут потрачены впустую. О таинственном старом доме на вершине холма станет известно всему миру, и к нему устремятся тысячи любопытных.

Он подошёл к шкафу, где хранилась заживляющая мазь, присланная ему вместе с другими лекарствами из Галактического Центра. Открыв маленькую баночку, Инек увидел, что там осталось ещё больше половины. Он, конечно, пользовался мазью все эти годы, но понемногу. Да и необходимость такая возникала довольно редко.

Вернувшись к дивану, где сидела Люси, он показал ей, что у него в руках. Затем жестами объяснил, что собирается сделать. Она расстегну-

ла платье, стянула его с плеч, и Инек наклонился, чтобы разглядеть раны. Кровь уже не текла, но кожа вокруг покраснела и воспалилась.

Он осторожно втёр мазь в оставленные кнутом длинные рубцы. Люси исцелила бабочку, подумалось ему, а вот себя вылечить не может.

Пирамидка на столе перед ней всё ещё светилась и вспыхивала, разбрасывая цветные всполохи по всей комнате.

Игрушка оказалась действующей. Узнать бы ещё теперь, для чего она всё-таки предназначена.

Шарики в пирамидке светились и вращались, но, кроме этого, ничего не происходило.

19

Улисс появился, когда сгущающиеся сумерки уже готовились уступить место ночи. Инек и Люси только-только закончили ужин и ещё сидели за столом, когда послышались его шаги.

Инопланетянин остановился. В полумраке комнаты он больше обычного походил на жестокого клоуна. Его гибкое, словно текучее тело, казалось, было обтянуто дублёной оленьей кожей. Пятна на теле слабо люминесцировали, а резкие черты лица, гладкий лысый череп и острые приплюснутые уши придавали ему зловещий, даже устрашающий вид.

Если не знать о его мягком характере, подумал Инек, можно сойти с ума от страха, увидев такое создание.

— Мы ждали тебя, — сказал Инек. — Кофейник уже кипит.

Улисс в нерешительности шагнул вперёд и тут же остановился.

— Я вижу, ты не один. Насколько я могу судить, это человек Земли…

— Не беспокойся.

— Существо противоположного пола. Женщи-

на, верно? Ты нашёл себе жену?

— Нет, — ответил Инек, — она мне не жена.

— Все эти годы ты действовал мудро, — произнёс Улисс. — В твоём положении завести семью — это не самый осторожный поступок.

— Не беспокойся. Эта девушка страдает серьёзным недугом: ей не дано ни слышать, ни говорить.

— Это болезнь?

— Да. Она с самого рождения лишена слуха и голоса. И поэтому не сможет никому рассказать о том, что здесь увидела.

— А язык жестов?

— Она его не знает. Отказалась учиться.

— Вы друзья?

— Да, уже много лет, — ответил Инек. — Она искала у меня защиты — отец избил её кнутом.

— Отец знает, что она здесь?

— Он так думает, но доказать не может.

Улисс медленно выступил из тени и остановился в круге света от лампы. Люси взглянула на него, но ни страха, ни отвращения на её лице не отразилось. Она даже не вздрогнула, взгляд её оставался ровным и безмятежным.

— Как спокойно она ко мне отнеслась, — заметил Улисс. — Не убежала и не закричала.

— Крикнуть она не сможет, даже если бы захотела, — сказал Инек.

— Но при первой встрече я любому человеку должен казаться совершенно ужасным.

— Люси видит не только внешнюю оболочку, но и какой ты на самом деле.

— Она не испугается, если я поклонюсь ей, как это делают люди?

— Я думаю, ей это будет даже приятно, — ответил Инек.

Улисс поклонился от пояса, приложив руку к кожистому животу, — получилось очень чинно и церемонно. Люси улыбнулась и захлопала в ладоши.

— Видишь, — произнёс Улисс, явно довольный собой, — похоже, я ей понравился.

— Почему бы тебе тогда не сесть к столу? — предложил Инек. — Попьём кофе втроём.

— А я и забыл про кофе. Увидел, что ты не один…

Улисс сел за стол, где ему уже была приготовлена чашка. Инек приподнялся, собираясь идти за кофейником, но Люси его опередила.

— Она понимает, о чём мы говорим? — спросил Улисс.

Инек покачал головой.

— Просто ты сел перед пустой чашкой.

Люси налила им кофе, а сама пошла к дивану.

— Почему она не осталась с нами? — снова спросил Улисс.

— Её очень заинтересовали подарки, что лежат на столике. Один из них она даже привела в действие.

— Ты думаешь оставить девушку на станции?

— Я не могу, — ответил Инек. — Её будут искать. Придётся отвести Люси домой.

— Не нравится мне всё это, — сказал Улисс.

— Мне тоже. Видимо, надо сразу признать, что мне не следовало её сюда приводить. Но в ту минуту я не мог придумать ничего другого. У меня не было времени на размышления.

— Ничего плохого ты не сделал, — мягко сказал Улисс.

— Люси не помешает нашей работе, — добавил Инек. — Она ведь не сможет ничего рассказать.

— Дело не в этом, — сказал Улисс. — Она — просто небольшое осложнение. Хуже другое. Я прибыл сегодня, чтобы предупредить тебя о назревающих неприятностях.

— Что за неприятности?

— Ничего страшного пока не случилось.

Улисс подняв чашку и сделал большой глоток.

— Замечательный кофе, — сказал он. — Я уже брал с собой зёрна и делал кофе дома, но вкус почему-то не тот.

— Что за неприятности? — переспросил Инек.

— Ты помнишь веганца, который умер тут несколько твоих лет назад?

— Сиятель. Помню, — кивнул Инек.

— У этого существа есть правильное название…

Инек рассмеялся.

— Тебе не нравится моё?

— Но мы их так не называем.

— То, как я их называю, говорит о моём добром к ним отношении.

— Ты похоронил веганца?

— На нашем семейном кладбище, — сказал Инек. — И прочёл над ним молитву. Как над своим собратом.

— Очень хорошо. Так и следовало поступить. Ты сделал всё как нужно. Но тело исчезло.

— Как исчезло? Этого не может быть! — воскликнул Инек.

— Тело из могилы забрали.

— Ты не можешь этого знать! — запротестовал Инек. — Как ты мог узнать?

— Это не я. Веганцы. Они знают.

— Но до них ведь множество световых лет…

Однако уверенность уже оставила Инека. В ту ночь, когда старый мудрец умер и он отправил сообщение в Галактический Центр, ему тоже сказали, что веганцы узнали о смерти, едва она наступила, и никакого свидетельства о смерти им не требовалось, потому что они уже знали, отчего он умер.

Казалось бы, это невозможно, однако в галактике столько невозможного оказывалось возможным, что человеку не так-то легко во всём этом разобраться.

Может быть, размышлял тогда Инек, все веганцы поддерживают друг с другом постоянный мысленный контакт? Или какое-то центральное бюро (если дать земное название чему-то совершенно непонятному) поддерживает непрерывную связь с каждым из живых веганцев, зная, где он, как себя чувствует и что делает?

Видимо, что-то подобное возможно, признавал Инек. Ведь жители галактики обладают самыми разными и удивительными способностями. Но поддерживать контакт с уже мёртвым веганцем…

— Тело исчезло, — сказал Улисс. — В этом нет никаких сомнений. И тебя считают в какой-то

степени ответственным.

— Веганцы?

— Да, они. И вся галактика тоже.

— Я сделал, что было в моих силах, — горячо возразил Инек. — И выполнил все требования веганских законов, отдав покойному дань уважения от себя и от своей планеты. Нельзя же считать меня вечно за него ответственным. Да и не верю я, что тело действительно исчезло. Кто мог его похитить? Никто просто не знал о захоронении.

— Ты рассуждаешь логично, — сказал Улисс, — если иметь в виду вашу логику. Но у веганцев иная логика. И в данном случае Галактический Центр поддержит скорее их.

— Но веганцы всегда были моими лучшими друзьями, — вспылил Инек. — За всё это время я не встретил ни одного, который бы мне не понравился или с которым мне не удалось найти общего языка. Я уверен, что смогу с ними объясниться.

— Если бы это касалось только веганцев, не сомневаюсь, — сказал Улисс. — И я не стал бы беспокоиться. Но тут всё куда сложнее. В самом происшествии, казалось бы, ничего сложного нет, но надо принимать во внимание и другие факторы. Веганцы, к примеру, узнали о том, что

тело исчезло, уже давно, и это их, конечно, беспокоило. Однако в силу некоторых обстоятельств они пока молчали.

— И напрасно. Они могли явиться сюда. Правда, я не знаю, что тут можно сделать, но…

— Они молчали не из-за тебя. Есть другие причины.

Улисс допил свой кофе и налил себе ещё, затем долил в чашку Инека и отставил кофейник в сторону. Инек ждал разъяснений.

— Ты, возможно, об этом не знаешь, — продолжил Улисс, — но, когда решался вопрос о строительстве станции на Земле, многие галактические расы выступали против. Как всегда бывает в подобных ситуациях, они приводили разные доводы, но за всеми этими спорами, если разобраться, крылось непрекращающееся соперничество между расами, которые хотели добиться преимуществ для себя или каких-то регионов галактики. Насколько я понимаю, эта ситуация сродни тому, что происходит здесь, на Земле: бесконечные интриги и конфликты ради экономических преимуществ, выгодных какой-то группировке или нации. В масштабах галактики, разумеется, экономические соображения редко служат причиной разногласий, но существует

много других важных факторов.

Инек кивнул.

— Я догадывался, хотя не очень обращал на это внимание.

— В основном споры ведутся из-за выбора направлений, — разъяснил Улисс. — Раз Центр начал расширять транспортную сеть в этом спиральном рукаве галактики, значит, у него будет меньше времени и возможностей для расширения в других направлениях. Одна большая группа цивилизаций, например, уже несколько веков добивается развития транспортной системы в сторону близлежащих шаровых скоплений. И определённый смысл здесь, конечно, есть. При том уровне технологии, которого мы достигли, переброска на большие расстояния к некоторым из этих скоплений вполне реальна. Кроме того, шаровые звёздные скопления практически свободны от пыли и газа, так что, добравшись туда, мы получили бы возможность расширять транспортную сеть гораздо быстрее, чем во многих других регионах галактики. Однако никто пока не знает, что нас там ждёт. Об этом можно лишь догадываться. Не исключено, что, потратив так много времени и усилий, мы в конце концов не найдём там ничего достойного внимания, кроме

новых свободных территорий. А этого добра хватает и в нашей галактике. Тем не менее шаровые скопления обладают немалой притягательностью для существ с определённым складом ума.

Инек кивнул.

— Понятно. Это стало бы первой попыткой проникнуть за пределы галактики. Первым маленьким шагом, который может привести нас к другим галактикам.

Улисс взглянул на него с удивлением.

— И ты туда же, — сказал он. — Впрочем, мне следовало догадаться.

— Да, наверное, у меня тот самый склад ума, — сказал Инек ехидно.

— Короче, эта фракция шаровых скоплений — видимо, их можно охарактеризовать именно так — разразилась протестами, едва только мы начали продвижение в направлении Земли. Ты наверняка понимаешь, что мы находимся в самом начале работы: здесь чуть больше десятка станций, а нужна по меньшей мере сотня. Видимо, пройдёт не один век, прежде чем работа над маршрутом будет закончена.

— Но та фракция по-прежнему предъявляет претензии, — догадался Инек. — И работы в нашем спиральном рукаве ещё могут быть

свёрнуты.

— Верно. И это меня беспокоит. Фракция не упустит шанс использовать инцидент с пропавшим телом как обладающий большим эмоциональным зарядом аргумент против расширения сети в этом направлении. К ним обязательно присоединятся различные другие группировки со своими специфическими интересами. Все они понимают, что, закрыв наш проект, они получат дополнительный шанс для реализации своих планов.

— Закрыв проект?

— Да, закрыв. И как только инцидент получит огласку, они начнут вопить, что такая варварская планета, как Земля, совсем не место для станции и что нужно её закрыть.

— Но они не могут этого сделать!

— Могут, — сказал Улисс. — Они будут утверждать, что для нас унизительно и небезопасно держать станцию на варварской планете, где грабят могилы и тревожат прах высокочтимых покойных. Столь эмоциональный довод встретит широкое понимание и поддержку в некоторых областях галактики. Веганцы старались, как могли. Ради завершения проекта они даже пытались скрыть это происшествие. Ничего подобного им никогда делать не приходилось. Это гордый на-

род, и они очень чувствительны в вопросах чести — более чувствительны, может быть, чем другие галактические расы, — однако ради дела они готовы были стерпеть даже оскорбление. Наверно, и стерпели бы, если бы инцидент удалось скрыть. Но каким-то образом история получила огласку — без сомнения, в результате хорошо продуманной информационной диверсии. И теперь, когда их позор стал известен всей галактике, стерпеть они не могут. Веганец, который прибудет сюда сегодня вечером, — официальный представитель их планеты, он должен будет вручить ноту протеста.

— Мне?

— Тебе. А через тебя всей Земле.

— Но Земля тут ни при чём. Земля ни о чём не знает.

— Конечно, нет. Только для Галактического Центра ты и есть Земля. Для них ты представляешь Землю.

Инек покачал головой. Сумасшествие какое-то! Но с другой стороны, чему тут удивляться? Чего-то подобного даже следовало ожидать. Он просто слишком узко, слишком ограниченно мыслит. С самого рождения он привык подходить ко всему с земными мерками, и даже после стольких лет

этот образ мышления сохранял силу. До такой степени, что любой другой, если ему случалось вступать в конфликт с уже привычным, автоматически казался неверным.

Взять хотя бы предложение закрыть станцию. Какой в этом смысл? Скорее всего, одна закрытая станция никак не помешает завершению проекта. Но человечеству уже не на что будет надеяться.

— Если вам придётся оставить Землю, — сказал Инек, — вы всегда можете поставить станцию на Марсе. Если нужна станция в нашей звёздной системе, здесь есть много других планет.

— Ты не понимаешь, — ответил Улисс. — Эта станция — лишь одно направление атаки. Зацепка. Начало. А цель — закрыть проект целиком, чтобы можно было перебросить усилия на какой-то другой. Если мы будем вынуждены убрать станцию, это нас в какой-то степени дискредитирует, и тогда у них появятся основания для критической переоценки всех наших мотивов и замыслов.

— Но даже если проект закроют, — возразил Инек, — нет никакой уверенности, что какой-то из группировок это принесёт пользу. Снова начнутся дебаты о том, куда потратить высво-

бодившиеся время и энергию. Ты говорил, что сейчас против нас объединяются много различных фракций. Предположим, они победят. Тогда им придётся разбираться уже между собой.

— В том-то и дело, — согласился Улисс, — но у каждой из них появляется шанс добиться желаемого. По крайней мере они так думают. В настоящее время у них нет таких шансов. Чтобы они появились, нужно закрыть наш проект. Одна из группировок, базирующаяся на противоположном конце галактики, мечтает, например, добраться до малонаселённого региона на краю нашего звёздного скопления: они до сих пор верят в древнюю легенду, которая гласит, что их цивилизация якобы появилась в результате эмиграции из другой галактики, чьи жители обосновались на далёкой окраине, а затем в течение долгих галактических лет проникали к центру. Они считают, что, вернувшись в окраинные районы галактики, смогут найти доказательства легенды и сделать её частью истории к вящей своей славе. Другая группировка хочет получить возможность исследовать маленький спиральный рукав галактики, потому что они располагают какими-то источниками, свидетельствующими, что в своё время их далёкие предки

поймали не поддающиеся расшифровке сигналы, которые, по их убеждению, были посланы именно оттуда. История эта обрастала подробностями много тысячелетий, и теперь они просто убеждены, что там обитает раса феноменальных интеллектуалов. И разумеется, по-прежнему не угасает стремление поглубже исследовать ядро галактики. Ты ведь понимаешь, что мы только начали, что галактика по большей части ещё не изучена и что тысячи цивилизаций, сформировавших Галактический Центр, — первопроходцы. В результате Центр постоянно подвергается нападкам и давлению со всех сторон.

— Похоже, — сказал Инек, — у тебя уже не осталось надежды сохранить станцию здесь, на Земле.

— Почти никакой, — ответил Улисс. — Но у тебя есть выбор. Ты можешь остаться на Земле и жить обычной жизнью земного человека, а можешь — если тебе захочется — получить место на другой станции. В Галактическом Центре надеются, что ты выберешь последнее и продолжишь работу.

— Значит, всё уже решено?

— Боюсь, да, — сказал Улисс. — Извини, что на этот раз я прибыл с плохими новостями.

Инек сидел словно в оцепенении. Плохие ново-

сти! Это ещё мягко сказано. Конец всему!

Рушился не только его собственный мир, но и все надежды Земли. Без станции планета снова окажется в глуши на задворках галактики — без надежды на помощь, без шансов на признание, без понимания того, какой чудесный, большой мир ждёт людей за пределами Солнечной системы. Одинокое, беззащитное человечество, оступаясь и ошибаясь, пойдёт прежним путём к своему слепому, безумному будущему.

20

Сиятель оказался в летах. Окружавшее его золотое сияние давно потеряло искромётный блеск молодости. Оно уже не слепило, как у молодых веганцев, а заливало всё вокруг мягким, густым, тёплым светом. Держался он с большим достоинством, а мерцающий белоснежный хохолок на макушке — не перья, не волосы, а что-то совсем непонятное — придавал ему сходство со святым. В лице мягкость, чуткость — иногда такие лица с множеством добрых морщин можно увидеть у стариков и здесь, на Земле.

— Мне действительно жаль, что наша встреча вызвана подобными обстоятельствами, — обратился он к Инеку. — Но тем не менее я рад знакомству, поскольку мне уже рассказывали о тебе. Не так часто случается, что смотрителем станции работает существо с планеты, которая не входит в галактическое содружество. Признаться, именно поэтому ты меня и заинтересовал. Я всё пытался представить себе, каким ты окажешься на самом деле.

— Опасения в данном случае были излишни, — произнёс Улисс немного резко. — Я за него

ручаюсь. Мы давние друзья.

— Да, я забыл. Ведь ты его и нашёл, — сказал сиятель, потом окинул комнату взглядом. — Ещё одно существо. Я не знал, что их будет двое. Мне говорили только про одного.

— Это друг Инека, — пояснил Улисс.

— Значит, произошёл контакт? Контакт с планетой?

— Нет, контакта не было.

— Тогда нарушение секретности?

— Может быть, — сказал Улисс, — но при таких обстоятельствах, при которых и я, и ты были бы вынуждены поступить так же.

Люси поднялась со своего места и двинулась через комнату к ним — медленно, спокойно, словно она плыла.

Сиятель обратился к ней на посредническом языке:

— Я рад познакомиться с тобой. Очень рад.

— Она не разговаривает, — сказал Улисс. — И слышать ей тоже не дано. Она лишена возможности нормального общения.

— Зато она наделена другими способностями, — сказал сиятель.

— Ты так полагаешь? — спросил Улисс.

— Даже не сомневаюсь.

Сиятель сделал несколько шагов навстречу Люси. Та стояла, не двигаясь.

— Оно… вернее, она… — насколько я понял из твоих слов, это женщина, — она совсем меня не боится.

— Она не испугалась даже меня, — усмехнулся Улисс.

Сиятель протянул руку Люси. Та несколько секунд стояла неподвижно, затем подняла свою руку и коснулась пальцев — скорее даже, щупалец — сиятеля.

Инеку на мгновение показалось, что окутывающее веганца золотое сияние обволокло светом и её. Он моргнул, и наваждение — если это было наваждение — исчезло: в ореоле золотистого света стоял один только сиятель.

Но почему, подумал он, Люси не испугалась ни Улисса, ни веганца? Может быть, она действительно видит сквозь внешнюю оболочку или как-то ощущает скрытую в этих существах человечность (помоги мне бог, я даже сейчас думаю не иначе как земными понятиями!). А если так, то, может, в ней самой есть что-то такое, чего обычным людям не дано. По происхождению и по виду она, безусловно, человек Земли, но её не коснулось деформирующее влияние земной куль-

туры. Таким, возможно, был бы человек, если бы его не стесняли узкие рамки правил поведения и условностей, которые с годами затвердевают и превращаются в законы, определяющие отношение к жизни.

Люси опустила руку и вернулась на диван.

— Инек Уоллис, — произнёс сиятель.

— Я слушаю.

— Она твоей расы?

— Да, конечно.

— Но она совсем другая. Как будто вы принадлежите к двум различным цивилизациям.

— На Земле только одна раса людей.

— А есть ещё такие же, как она?

— Я не знаю.

Тут к сиятелю обратился Улисс:

— Кофе. Ты не хочешь кофе?

— Кофе?

— Совершенно удивительный напиток. Одно из наивысших достижений Земли.

— Мне этот напиток незнаком. Пожалуй, я откажусь, — ответил сиятель и обратился к Инеку. — Ты уже знаешь, зачем я здесь?

— Похоже, знаю.

— Как это ни печально, — сказал сиятель, — но я вынужден…

— Если ты не возражаешь, — предложил Инек, — давай считать, что протест уже выражен и выслушан. Я заранее его принимаю.

— Может, так оно и лучше будет, — сказал Улисс. — Похоже, это избавит нас троих от довольно болезненной процедуры.

Сиятель всё ещё сомневался.

— Конечно, если ты считаешь, что должен… — сказал Инек.

— Нет, — ответил сиятель. — Меня вполне удовлетворит, если ты великодушно примешь мой невысказанный протест.

— Согласен, но с одним условием. Я хочу убедиться, что это обоснованное обвинение. Мне нужно сходить и проверить.

— Ты мне не веришь?

— Здесь дело не в доверии. Просто, раз есть возможность проверить, я не могу принять обвинение против меня самого и моей планеты, не сделав хотя бы этого.

— Инек, — обратился к нему Улисс, — веганцы всегда проявляли доброе отношение к Земле. Им и сейчас не хотелось затевать это дело. Они так старались защитить и Землю, и тебя…

— Ты хочешь сказать, что я поступаю неблагодарно, если не приму это обвинение на веру?

— Извини, но я именно это и хотел сказать.

Инек покачал головой.

— Долгие годы я стремился понять и принять этику и образ мышления существ, что проходили через мою станцию. Я отталкивал в сторону свои человеческие инстинкты и привычки. Пытался понять чужие точки зрения, проникнуться иным видением мира, хотя порой это оказывало губительное воздействие на моё прежнее мировоззрение. Но я счастлив, что мне выпала такая доля, что мне представился шанс вырваться из узких земных рамок. Несомненно, я что-то приобрёл, но Земли это не коснулось — только меня одного. Однако сейчас происходит нечто такое, что скажется на судьбе всей Земли, и я должен подходить к этому как житель планеты Земля. Сейчас я не просто смотритель галактической станции.

Ни один из его гостей не ответил. Инек подождал ещё немного, но инопланетяне по-прежнему молчали, и он направился к двери.

— Я скоро вернусь, — сказал он, затем произнёс кодовую фразу, и дверь поползла в сторону.

— Если ты позволишь, — обратился к Инеку сиятель, — я пойду с тобой.

— Хорошо. Идём.

Снаружи было темно, и Инек зажёг фонарь. Сиятель следил за его действиями, не отрывая настороженного взгляда.

— Ископаемое топливо, — пояснил Инек. — Фитиль пропитывается им и горит.

— Но у вас должны быть более совершенные системы. — Сиятель был несколько ошарашен.

— Они есть, — ответил Инек. — Это я несколько старомоден в своих привычках.

Он шёл впереди и нёс в руке фонарь, отбрасывавший небольшой круг света.

— Какая дикая планета, — сказал сиятель.

— В этих местах, пожалуй, да. Но у нас есть и совсем освоенные регионы.

— Нашей планетой мы овладели целиком. Там всё давно распланировано.

— Я знаю. Мне доводилось разговаривать со многими веганцами, и они рассказывали о своей планете.

Они дошли до сарая.

— Может, ты хочешь вернуться? — спросил Инек.

— Нет, — ответил сиятель. — Мне это даже интересно. А вот там что — дикие растения?

— Мы их называем деревьями.

— И ветер у вас дует самопроизвольно?

— Да. Мы ещё не научились управлять погодой.

Инек взял лопату, стоявшую сразу за дверью сарая, и они направились к саду.

— Ты, конечно, уже поверил, что тело исчезло, — сказал сиятель.

— Я к этому готов.

— Тогда зачем мы идём?

— Я должен убедиться лично. Тебе, наверно, трудно это понять.

— Несколько минут назад, на станции, ты говорил, что старался понять всех нас. Может быть, настало время хотя бы одному из нас постараться понять тебя…

Инек вёл сиятеля по тропе, идущей через сад, и вскоре они оказались у грубой ограды, поставленной вокруг могил. Инек прошёл за калитку, сиятель последовал за ним.

— Здесь ты его и похоронил?

— Это наше семейное кладбище. Здесь похоронены мои родители, и веганца я похоронил рядом с ними.

Он отдал фонарь сиятелю и, подойдя к могиле, воткнул лопату в землю.

— Пожалуйста, держи свет поближе.

Сиятель сделал два шага вперёд. Инек опустил-

ся на колени и отгрёб в сторону нападавшие листья. Под ними оказалась свежая, мягкая, недавно перекопанная земля. Потом он заметил углубление с небольшим отверстием в центре. Разгребая землю, Инек слышал, как кусочки высохшей глины падают в это отверстие и ударяются обо что-то твёрдое.

Сиятель переступил с ноги на ногу, и свет фонаря снова ушёл в сторону. Однако Инеку и не нужно было больше смотреть. Копать — тоже. Он и так знал, что найдёт под землёй. Видимо, ему следовало заглядывать сюда почаще, проверять. И наверное, он зря поставил камень, который, скорее всего, и привлёк к могиле внимание. Хотя, с другой стороны, в Галактическом Центре сказали: «Действуйте так, как будто это человек Земли». Что он и сделал.

Инек распрямил спину, но всё ещё стоял на коленях, ощущая, как сырость пропитывает брюки.

— Мне никто не сказал, — тихо произнёс сиятель.

— О чём?

— О памятнике. И о том, что на нём написано. Я не знал, что тебе знаком наш язык.

— Я уже давно его выучил — мне хотелось прочесть кое-какие свитки самому. Но, боюсь, здесь

я наделал ошибок.

— Две, — заметил сиятель, — и одна маленькая неточность. Но это не важно. Значение имеет лишь то, что ты, когда писал эти строки, думал, как мы.

Инек поднялся с колен и протянул руку к фонарю.

— Идём обратно, — неожиданно резко, даже нетерпеливо сказал он. — Я понял, кто это сделал. И я его отыщу.

21

Кроны деревьев над головой стонали под напором ветра. Впереди замаячили в слабых отсветах фонаря белые стволы высоких берёз. Они росли на краю глубокого обрыва, и Инек знал, что в этом месте надо брать правее, чтобы спуститься по склону холма.

Он обернулся. Люси следовала за ним. Она улыбнулась и показала жестом, что всё в порядке. Инек в свою очередь показал рукой, куда им нужно свернуть, и попытался объяснить ей жестами, чтобы не отставала. Хотя, подумал он тут же, это, возможно, лишнее: Люси знала окрестные холмы ничуть не хуже его, а может быть, даже и лучше.

Свернув направо, Инек прошёл по краю обрыва, затем спустился по промоине к склону холма. Слева доносилось журчание стремительного ручья, сбегавшего по каменистому ложу из родника у края поля. Вскоре холм стал круче, и им пришлось идти наискось.

Странно, думал Инек, что даже в темноте он легко узнаёт знакомые приметы: искривлённый ствол дуба, торчащего чуть ли не под прямым углом к склону; дальше — старая дубовая роща,

венчающая куполообразную каменную насыпь, где деревья выросли так близко друг к другу, что ни один дровосек даже не пытался их срубить; маленькое болотце, заросшее рогозом и словно втиснутое в нишу, вырытую в склоне холма…

Далеко внизу засветились окошки дома, и Инек повернул в том направлении. Потом снова оглянулся, но Люси по-прежнему следовала за ним. Через какое-то время они наткнулись на старую, полуразвалившуюся ограду, пробрались между жердями, и дальше уже земля стала ровнее.

Где-то в глубине двора залаяла собака. К ней тут же присоединилась вторая, затем ещё несколько, и секунду спустя навстречу им уже неслась целая собачья свора. Псы на всём ходу обогнули Инека с фонарём и бросились к Люси. Только теперь они вдруг преобразились, это были уже не свирепые сторожевые псы, а этакий приветственный комитет: собаки проталкивались вперёд, вставали на задние лапы и повизгивали. Люси приласкала, погладив по голове, одну, вторую, и они, словно по сигналу, принялись радостно носиться вокруг.

Чуть дальше за забором начинался огород, и Инек пошёл вперёд, осторожно ступая по дорожкам между грядками. Вскоре они оказались во дворе перед домом. Очертания этого просевшего,

покосившегося строения скрывала ночная тьма, и только окна кухни светились мягким, тёплым светом.

Инек подошёл к двери кухни и постучал. Изнутри послышались торопливые шаги, дверь открылась, и в освещённом проёме появилась Ма Фишер — высокая костлявая женщина в каком-то балахоне, похожем на мешок. Она уставилась на Инека одновременно с испугом и с вызовом, но тут заметила позади него свою дочь.

— Люси!

Девушка бросилась вперёд, и мать заключила её в объятия. Инек поставил фонарь на землю, сунул винтовку под руку и шагнул через порог.

Семейство ужинало, сидя за большим круглым столом, стоявшим посередине кухни. Хэнк поднялся, но трое его сыновей и незнакомец остались сидеть.

— Привёл, значит, — сказал Хэнк.

— Да, я её отыскал.

— А мы только-только вернулись. Собирались идти искать снова.

— Ты помнишь, что сказал мне сегодня днём? — спросил Инек.

— Я много чего говорил.

— Ты сказал, что я спутался с дьяволом. Так вот,

если ты хотя бы ещё раз её ударишь, я тебя самого к дьяволу отправлю. Понял?

— Нечего меня стращать! — огрызнулся Хэнк, но по тому, как он весь напрягся, было видно, что угроза подействовала.

— Я тебя предупредил. Не испытывай моё терпение.

С минуту они стояли лицом к лицу, затем Хэнк не выдержал и сел.

— Ужинать с нами будешь? — буркнул он.

Инек покачал головой и перевёл взгляд на незнакомца.

— Это вы женьшень ищете? — спросил он.

Незнакомец кивнул.

— Мне нужно с вами поговорить. Выйдем…

Клод Льюис встал.

— Незачем тебе выходить! — вскинулся Хэнк. — Ещё приказывает! Пусть здесь говорит.

— Да я не против, — сказал Льюис. — Мне и самому давно хотелось с ним поговорить. Вы ведь Инек Уоллис, верно?

— Он самый, — буркнул Хэнк. — Ему следовало помереть от старости лет пятьдесят назад, а ты глянь на него! Я же говорю, он с дьяволом спутался.

— Помолчи, Хэнк, — сказал Льюис, вышел из-за

стола и направился к двери.

— Спокойной ночи, — попрощался Инек со всем семейством.

— Мистер Уоллис, — обратилась к нему Ма Фишер, — спасибо вам за то, что вы привели мою девочку. Хэнк её больше не тронет. Я вам обещаю.

Инек вышел на улицу, прикрыл за собой дверь и поднял с земли фонарь. Льюис поджидал его во дворе.

— Отойдём немного, — сказал Инек.

Они дошли до огорода и остановились.

— Вы за мной наблюдали — сказал Инек.

Льюис кивнул.

— Это санкционировано? Или праздное любопытство?

— Боюсь, санкционировано. Меня зовут Клод Льюис. И мне нет смысла скрывать от вас, что я сотрудник ЦРУ.

— Я не изменник и не шпион, — заявил Инек.

— Никто так и не думает. Мы просто наблюдаем за вами.

— Вам известно о кладбище?

Льюис снова кивнул.

— Вы забрали из могилы тело.

— Да. Из той, где надгробный камень со стран-

ной надписью?

— Где оно?

— Тело, вы имеете в виду? В Вашингтоне.

— Этого делать не следовало, — мрачно произнёс Инек. — Ваши действия повлекли за собой большие неприятности. Нужно вернуть тело в могилу. И как можно скорее.

— На это потребуется время, — сказал Льюис. — Придётся доставлять его самолётом, но всё равно получится не меньше суток.

— А быстрее?

— Ну, может быть, немного быстрее.

— Верните тело как можно скорее. Это очень важно.

— Хорошо, Уоллис. Я не знал…

— И вот что ещё, Льюис…

— Да?

— Не вздумайте хитрить. Никаких фокусов. Просто сделайте, что я сказал. Я пошёл на переговоры с вами, потому что это единственный путь. Но один ваш неверный шаг…

Инек схватил Льюиса за рубашку и притянул к себе.

— Вы меня поняли, Льюис?

Тот стоял, даже не пытаясь освободиться.

— Да. Я всё понял.

— За каким чёртом вы вообще это сделали?

— Работа такая, — ответил Льюис.

— Работа… Вам положено наблюдать за мной, а не грабить могилы. — Инек отпустил наконец его рубашку.

— А скажите… — неуверенно начал Льюис, — там, в могиле… Что это было?

— Вас это не касается, — отрезал Инек. — Но доставить тело обратно — ваша прямая обязанность. Вы уверены что сумеете это сделать? Вам никто не помешает?

— Всё будет в порядке. Я позвоню, как только доберусь до телефона. Скажу, что дело крайне важное.

— Так оно и есть, — подтвердил Инек. — Если вы вернёте тело на место, это будет самая важная работа в вашей жизни. Не забывайте об этом ни на минуту. Ситуация касается абсолютно всех на Земле. Вас, меня — всех. И если вы меня подведёте, вам не поздоровится в первую очередь.

— Имеется в виду вот это? — спросил Льюис, кивнув на винтовку.

— Возможно, — ответил Инек. — И не вздумайте шутить со мной! Можете не сомневаться: если потребуется вас убить, я сделаю это без колебаний. Положение таково, что я готов пойти

на всё…

— Уоллис, но хоть что-то вы мне можете объяснить?

— Ничего, — ответил Инек.

— Вы домой?

Инек кивнул.

— Похоже, вы не возражаете против нашей слежки?

— Не возражаю. Но только против слежки. Верните тело и можете продолжать, если вам хочется. Но ко мне не суйтесь. Не давите на меня. Не вмешивайтесь. Держитесь подальше.

— Но что происходит, чёрт побери? Скажите же хоть что-нибудь!

Инек задумался.

— Хотя бы намекните, — продолжал Льюис. — В общих чертах…

— Верните тело на место, — с нажимом проговорил Инек. — Тогда мы, может быть, поговорим.

— Вернём, — заверил его Льюис.

— Если не вернёте, считайте себя покойником, — сказал Инек и, резко повернувшись, двинулся через огород к подножью холма.

Льюис долго стоял во дворе и, пока раскачивающийся фонарь не скрылся из виду, смотрел Инеку вслед.

22

Когда Инек вернулся на станцию, Улисс был уже один. Тубанца он отправил своей дорогой, а сиятеля послал обратно на Вегу-21. На плите снова грелся кофейник, а сам Улисс разлёгся на диване.

Инек повесил винтовку на место и погасил фонарь. Затем снял куртку, швырнул её на стол и сел в кресло напротив дивана.

— Тело вернут, — произнёс он. — Завтра, к этому часу.

— Всей душой надеюсь, что это принесёт какую-то пользу, — сказал Улисс. — Хотя сомнений у меня предостаточно.

— Может быть, мне и беспокоиться не стоило? — с горечью спросил Инек.

— В любом случае это послужит доказательством доброй воли землян и, возможно, окажет умиротворяющее действие при окончательном решении вопроса.

— Сиятель мог сам сказать мне, где находится тело. — Инек решил перевести разговор на другую тему. — Если ему стало известно, что тело пропало, тогда он наверняка знал и где оно

сейчас.

— Видимо, да, — отозвался Улисс, — но, я думаю, он не мог тебе сообщить. Ему было поручено заявить протест. Всё остальное — твоя задача. Как-никак он представитель потерпевшей стороны, их оскорбили. Он должен был помнить об этом и блюсти достоинство.

— Иногда от всего этого с ума можно сойти, — заметил Инек. — Несмотря на рекомендации и подсказки Галактического Центра, я то и дело сталкиваюсь с новыми неожиданностями или попадаю впросак.

— Возможно, наступит день, когда всё изменится. Вглядываясь в будущее, я представляю себе, как через несколько тысячелетий жители галактики сольются в единую культуру, основанную на взаимопонимании. Какие-то местные и расовые различия останутся — так и должно быть, — но превыше всего будет терпимость, которая поможет созданию своего рода галактического братства.

— Ты говоришь почти как землянин, — сказал Инек. — Об этом мечтали и на это надеялись многие наши великие мыслители.

— Может быть. Сам знаешь, я на Земле тоже открыл для себя немало. Нельзя провести столько

времени на этой планете без того, чтобы она не оставила в душе какого-то следа… Кстати, ты произвёл на веганца очень хорошее впечатление.

— Мне так не показалось, — сказал Инек. — Он, конечно, был доброжелателен, вежлив, но не более того.

— Надпись на камне… Именно она на него и подействовала.

— Я сделал её не ради того, чтобы произвести на кого-то впечатление. Просто я чувствовал, что так будет правильно. И ещё потому, что мне нравятся сиятели. Мне хотелось сделать всё честь по чести.

— Если бы не давление со стороны различных фракций содружества, — сказал Улисс, — я бы даже не сомневался, что сиятели предпочтут забыть о случившемся, а это, надо заметить, такая значительная уступка с их стороны, что ты себе и не представляешь… Не исключено, что даже в сложившихся обстоятельствах они в конце концов окажутся на нашей стороне.

— Ты имеешь в виду, что они могут спасти станцию?

Улисс покачал головой.

— Думаю, это уже никому не под силу. Но всем нам в Галактическом Центре было бы гораздо

легче, если бы сиятели поддержали нас.

Кофейник забулькал, и Инек пошёл его снимать. Улисс тем временем отодвинул сложенные на кофейном столике сувениры, освобождая место для двух чашек. Инек наполнил их и поставил кофейник на пол.

Улисс взял свою чашку, но, подержав в руках, поставил обратно.

— Плохо у нас стало, — неожиданно сказал он. — Не то что в прежние времена. Это очень беспокоит Галактический Центр. Ссоры, разногласия между расами, все чего-то требуют, показывают свой гонор… — Он взглянул на Инека и спросил: — А ты думал, у нас тишина и покой?

— Нет, — ответил Инек, — не совсем так. Я знал, что у вас тоже существуют противоположные точки зрения и случаются конфликты. Но я, признаться, думал, что все свои проблемы вы решаете на достойном уровне, по-джентльменски, что ли, цивилизованно.

— Когда-то так оно и было. Разногласия существовали всегда, но если раньше их причиной служили какие-то философские концепции или этические нормы, то теперь это чаще всего специфические интересы. Ты, разумеется, знаешь о вселенской энергии духовности…

Инек кивнул.

— Я читал кое-какие труды на эту тему. Мне не всё понятно, но я готов принять её существование. Насколько я понимаю, у вас есть способ черпать эту энергию…

— Талисман.

— Да. Талисман. Что-то вроде машины…

— Видимо, можно и так сказать, — согласился Улисс. — Хотя слово «машина» не совсем точное. В конструкции Талисмана воплощены отнюдь не только механические принципы. Кроме того, он уникален. Некое таинственное существо, жившее около десяти тысяч лет назад, изготовило только один Талисман. Я бы с удовольствием рассказал тебе, что он из себя представляет и как устроен, но, боюсь, этого не знает ни один житель галактики. Многие пытались создать дубликат Талисмана, и никому это не удавалось, а его творец не оставил после себя ни чертежей, ни схем, ни даже единой записочки. Так что Талисман по-прежнему остаётся загадкой для всех.

— Но, надо полагать, — сказал Инек, — против изготовления дубликата никто бы не возражал? Никаких священных запретов тут нет? Это не будет святотатством?

— Ни в коей мере. Более того, нам крайне необ-

ходим второй Талисман, потому что первый пропал. Исчез.

Инек даже подскочил в кресле.

— Исчез?

— Да, — подтвердил Улисс. — Потерян. Украден. Никто не знает, что с ним случилось.

— Но я даже не…

— Верно, ты не мог об этом слышать. — Улисс печально улыбнулся. — Потому что мы никому не сообщали. Не решались. Жители галактики не должны знать о пропаже Талисмана. Хотя бы какое-то время.

— Но как можно скрыть пропажу Талисмана?

— На самом деле это не сложно. Ты же сам знаешь, что хранители переносят его с планеты на планету, где Талисман выставляется для обозрения и к нему стекается огромное число жителей, черпающих с его помощью энергию духовности. Но передвижения хранителей не подчиняются каким-то расписаниям или графикам: они просто путешествуют по галактике. На некоторых планетах между посещениями хранителей проходит порой до сотни лет и больше. Люди не ждут этих визитов к какому-то определённому сроку. Они знают, что рано или поздно хранитель с Талисманом появится и на их планете.

— Но так можно хранить тайну годами.

— Да, — сказал Улисс. — Без всяких сложностей.

— Руководители планет, разумеется, знают? И их помощники?

Улисс покачал головой.

— Мы рассказали очень немногим. Только тем, кому полностью доверяем. В Галактическом Центре, конечно, все знают, но у нас не принято болтать.

— Тогда почему…

— Почему я рассказал тебе? Я не должен был этого делать, знаю. И признаться, сам не понимаю, почему сделал. Хотя, может быть, догадываюсь… Как ты себя чувствуешь, мой друг, в роли исповедника?

— Ты всерьёз обеспокоен, — сказал Инек. — Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу тебя таким.

— Это очень странная история. Талисман пропал несколько лет назад. И никто об этом пока не знает — кроме Галактического Центра и… — как бы это поточнее сказать? — иерархии, что ли. Организации посвящённых, которая занимается вопросами духовности. Но даже при том, что никто ещё не знает, галактика уже даёт слабину и

кое-где трещит по швам. Со временем всё вообще может рухнуть. Как будто Талисман незримо объединял все расы галактики, оказывая своё воздействие, даже когда он находился далеко.

— Но ведь Талисман всё равно где-то существует, — заметил Инек. — Он по-прежнему должен действовать. Не могли же его уничтожить?

— Ты забываешь, — напомнил Улисс, — что он не действует без хранителя, без восприимца. Дело не в самом механизме. Он всего лишь связующее звено между восприимцем и энергией духовности. Продолжение восприимца. Талисман только усиливает его талант и действует в качестве некоего посредника, позволяющего восприимцу выполнять свою функцию.

— И ты полагаешь, что потеря Талисмана имеет какое-то отношение к тому, что происходит сейчас?

— Ты имеешь в виду судьбу этой станции? Не прямо, но это одна цепочка событий, и то, что существование станции оказалось под угрозой, очень симптоматично. Те же самые склоки и недостойные разбирательства, что поразили всю галактику. Случись это в прежние времена, все обсуждения велись бы, как ты выразился, по-джентльменски, достойно и тактично.

Некоторое время они сидели молча, прислушиваясь к негромкому свисту ветра за стенами дома.

— Не забивай себе голову, — сказал наконец Улисс. — У тебя и так забот хватает. Зря я тебе всё рассказал. Довольно опрометчиво с моей стороны.

— Ты имеешь в виду, что я никому не должен об этом говорить? Можешь быть спокоен.

— Я знаю, что ты этого не сделаешь. И никогда не думал иначе.

— Но ты действительно считаешь, что отношения между галактическими расами портятся? — спросил Инек.

— Когда-то все они были заодно, — ответил Улисс. — Конечно, по многим вопросам жители галактики придерживались различных позиций, однако они всегда пытались примирить свои взгляды — порой довольно искусственно, порой не очень успешно, но, когда к этому стремятся обе стороны, они, как правило, достигают цели. Потому что они этого хотят. А целью всегда было создание братства разумных существ. Все прекрасно понимали, что вместе мы располагаем огромным массивом знаний и опыта, что, работая бок о бок, объединяя эти знания и способности,

мы добьёмся результатов гораздо более значительных, чем в состоянии добиться какая-то одна раса. Трудностей и проблем, как я уже говорил, хватало, но всё же содружество прогрессировало. Мелкие обиды и разногласия мы просто отметали в сторону и занимались только крупными проблемами, потому что знали: если нам удастся справиться с ними, мелкие станут ещё мельче, а потом и вовсе исчезнут. Но теперь всё по-другому. Откуда-то из тёмных углов извлекаются старые мелкие раздоры и раздуваются до совершенно безобразных размеров, в то время как решения крупных, важных вопросов попросту никто не ищет.

— Это здорово напоминает Землю, — заметил Инек.

— Да, очень, — ответил Улисс. — Внешне. Хотя речь идёт о совершенно иных вещах.

— Ты читаешь газеты, которые я тебе отдаю?

Улисс кивнул.

— Похоже, у вас тут тоже не очень спокойно.

— Похоже, у нас будет война, — без околичностей заявил Инек.

Улисс поёжился, но промолчал.

— У вас, насколько я понимаю, войн не бывает, — сказал Инек.

— В галактике, ты имеешь в виду? Нет, при нынешнем устройстве не бывает.

— Слишком для этого цивилизованны?

— Ты меня как будто попрекаешь, — сказал Улисс. — Раза два и мы стояли на грани, но это было давно. В содружество входят много цивилизаций, которые на раннем этапе своего развития тоже познали войны.

— Тогда и у нас, может быть, есть ещё надежда. Нужно только переболеть этим.

— На что требуется время.

— Ты не уверен, что мы справимся?

— Нет. Не уверен.

— Я много лет работал над таблицей, основанной на мицарской статистической теории, — сказал Инек. — По таблице выходит, что будет война.

— Тут и без таблицы всё ясно.

— Но дело не в этом. Я работал над ней не только ради точного ответа. Меня не оставляла надежда, что она подскажет, как сохранить мир. Должен же быть какой-то способ. Какое-то решение. Если бы мы только нашли его или знали, где искать, у кого спросить.

— Такой способ есть, — произнёс Улисс.

— Ты хочешь сказать, что тебе известно…

— Но это радикальная мера. И применять её можно, лишь когда ничего другого уже не остаётся.

— А ты считаешь, что у нас ещё есть шанс?

— Нет. Наверное, уже нет. Война, которая может разразиться на Земле, уничтожит плоды нескольких тысячелетий развития, уничтожит культуру — всё уничтожит, кроме жалких остатков цивилизации. Не исключено, что она убьёт почти всё живое на планете.

— Этот твой способ… Он уже применялся?

— Несколько раз.

— И помогло?

— Да, конечно. Мы даже не стали бы об этом думать, если бы сомневались в успехе.

— Его можно использовать на Земле?

— Да. Ты должен дать запрос.

— Я?!

— Как представитель Земли, ты можешь обратиться в Галактический Центр с просьбой предотвратить войну на своей планете. Тебя обязательно выслушают, и — если ты убедишь Центр, они назначат группу специалистов для подготовки доклада, на основании которого будет приниматься решение.

— Ты сказал, что это должен сделать я. А кто-

нибудь ещё с Земли может?

— Любой, кто имеет возможность обратиться в Галактический Центр. Но чтобы туда обратиться, нужно прежде всего знать о его существовании — а ты единственный человек на Земле, которому о нём известно. Кроме того, ты сотрудник Галактического Центра. Долго работал смотрителем станции. У тебя безупречный послужной список. К тебе там прислушаются.

— Но я же один! Как может один человек решать судьбу целой планеты?

— Ты единственный представитель человечества, который на это способен.

— Если бы можно было посоветоваться с другими людьми.

— Нельзя. Да и не поверит тебе никто.

— Тоже верно…

Ему самому мысль о галактическом содружестве разумных существ и раскинувшейся среди звёзд транспортной сети давно уже перестала казаться странной. Время от времени на него ещё накатывало восторженное удивление, но ничего странного он тут уже не находил. Хотя, конечно же, чтобы привыкнуть, потребовались годы. Годы, в течение которых он всё это видел своими глазами и лишь потом постепенно принял. Но

рассказать такое любому другому землянину и тот подумает, что рассказчик просто рехнулся.

— Что это за способ? — спросил Инек, хотя внутри у него всё сжалось от волнения и он приготовился к самому худшему.

— Оглупление, — ответил Улисс.

Инек судорожно вздохнул.

— Оглупление? Не понимаю… Мы и без того достаточно глупы.

— Ты сейчас имеешь в виду дефицит трезвого мышления. Такое встречается часто — не только на Земле, но и по всей галактике. А я говорю об общем уровне умственных способностей человечества. О состоянии, когда никто не сможет понять науку и технику, что делает возможной грозящую Земле войну. О неспособности справиться с машинами и аппаратурой для ведения боевых действий. Это означает возвращение людей на такую ступень умственного развития, с которой они уже не смогут дотянуться до научных и технологических вершин, покорённых ранее. Тот, кто знал, забудет. Тот, кто не знал, так и не выучится. Назад к колесу и рычагу. И тогда ваша страшная война станет невозможна.

Инек застыл, выпрямившись в кресле, не в силах вымолвить хотя бы слово. Его будто сковало

леденящим ужасом, но в мозгу роилось множество мыслей.

— Я же говорил, что это радикальная мера, — добавил Улисс. — Но необходимая: войну так просто не остановишь. Цена здесь высока.

— Я не могу принять такое решение в одиночку, — проговорил Инек. — Это никому не под силу…

— Да, это нелегко. Но подумай: если разразится война…

— Я знаю. Если начнётся война, будет ещё хуже. Но таким способом войну не остановить. Я совсем не это искал. Люди всё равно смогут воевать и убивать.

— Дубинами, — сказал Улисс. — Может быть, луками и стрелами. Винтовками, пока они не выйдут из строя или пока не кончатся патроны. Люди забудут, как делать порох, как добывать металл для пуль и прочие подобные вещи. Пусть вражда и не прекратится, но, во всяком случае, мир избежит катастрофы. Не погибнут в ядерных взрывах города, потому что никто не будет знать, как запустить ракету или как подготовить боеголовку к запуску. Скорее всего, люди просто перестанут понимать, что такое ракета или боеголовка. Исчезнет вся современная связь.

Прекратит существование весь транспорт, за исключением простейших повозок. Война — кроме мелких локальных конфликтов — станет невозможна.

— Ужасная картина… — произнёс Инек.

— Война не менее ужасна, — сказал Улисс. — Тебе выбирать.

— Но сколько это продлится? — спросил Инек. — Мы же оглупеем не навсегда?

— На несколько поколений, — ответил Улисс. — Потом эффект, если можно так сказать, обработки начнёт сходить на нет. Люди в конце концов стряхнут с себя это оглупляющее оцепенение, и снова начнётся интеллектуальный подъём. Фактически цивилизация получит второй шанс.

— Но спустя ещё несколько поколений они снова могут прийти к той же самой ситуации, что мы имеем сейчас.

— Возможно. Хотя маловероятно. Развитие культуры вряд ли пойдёт тем же путём. Есть шанс, что ваша цивилизация станет лучше, а люди не столь воинственны.

— Но это слишком большой груз для одного человека…

— Есть одно обнадёживающее обстоятельство, — добавил Улисс, — и тебе необходимо

иметь это в виду. Описанный способ предлагается только тем мирам, которые, по нашему мнению, заслуживают спасения.

— Ты должен дать мне время подумать, — сказал Инек.

Однако он понимал, что времени на раздумья практически не осталось.

23

Человек, который работал всю жизнь, вдруг не сможет больше делать своё дело. И со всеми вокруг произойдёт то же самое. У людей ни с того ни с сего пропадут знания и опыт, необходимые, чтобы выполнять стоящие перед ними задачи. Они, конечно, будут пытаться работать, как прежде, но, видимо, не очень долго. А поскольку никто не сможет работать, корпорации, конторы, заводы просто перестанут действовать. Не закроются, не обанкротятся, а просто остановятся. И не только потому, что никто не сможет работать или ни у кого уже не хватит ума, чтобы управлять производством, — транспорт и связь, от которых зависит бизнес, тоже прекратят существование.

Локомотивы, самолёты и корабли останутся на своих местах, потому что не будет никого, кто мог бы вспомнить, как управлять этими машинами. Множество людей, которые ещё недавно обладали всеми необходимыми знаниями, вдруг поймут, что они уже ничего не умеют. Возможно, найдётся кто-то, кто всё равно захочет попробовать, но, скорее всего, такая попытка закончится трагически. У кого-то ещё, видимо, останутся

смутные воспоминания о том, как водить легковой автомобиль, грузовик или автобус, потому что они просты в управлении и люди, как правило, делают это почти инстинктивно. Но когда машины сломаются, не останется уже ни одного автомеханика, способного их починить, и они тоже встанут.

Всего через несколько часов после обработки человечество вновь окажется в затерянном мире, где расстояние — один из важнейших факторов. Мир увеличится, океаны снова превратятся в непреодолимые водные пустыни, а миля опять станет очень длинной. Спустя два-три дня начнётся паника, суматоха, бегство, отчаянье перед свершившимся, перед действительностью, которую никто не в состоянии понять.

Сколько пройдёт времени, размышлял Инек, прежде чем жители городов израсходуют последние продукты, оставшиеся на складах, и начнётся голод? Что произойдёт, когда исчезнет электричество? Долго ли в такой ситуации сохранят свою цену бессмысленные символические бумажки или даже монеты?

Торговля рухнет, коммерция и промышленность умрут, правительства, лишённые средств и способностей для нормального функционирова-

ния, превратятся в ничто, связь исчезнет, закон и порядок канут в прошлое, мир снова потонет в варварстве и лишь потом начнёт медленно возрождаться. На это уйдут многие годы — годы страданий, болезней, смертей и несказанного отчаянья. Со временем положение стабилизируется, и мир привыкнет к новому образу жизни, но в процессе утряски слишком многие погибнут и многие другие потеряют всё то, что означало для них нормальную жизнь или смысл жизни.

Однако будет ли это хуже, чем ядерная война?

Да, многие умрут от холода, голода и болезней (поскольку медицина исчезнет вместе со всей остальной наукой), зато миллионы, которых не коснётся огненное дыхание ядерных вспышек, останутся в живых. С неба не польются смертоносные дожди, вода останется чистой и свежей, земля сохранит плодородие. Когда закончится начальная фаза перемен, человечество получит шанс выжить и построить новую цивилизацию.

Если бы только знать наверняка, что война будет, что она неизбежна, думал Инек, тогда выбор был бы прост. Но всегда остаётся надежда, что Земля всё-таки избежит этой опасности, что мир — пусть хрупкий и неустойчивый — удастся сохранить. В таком случае уже не будет отчаянной

нужды в радикальном средстве против войны, что предлагают жители галактики. Прежде чем решать, необходима уверенность. Но где её взять? Да, таблица, лежащая на столе, предрекает войну. Да, дипломаты и обозреватели считают, что грядущая конференция может послужить толчком к катастрофе. Однако уверенности в том, что войны не миновать, всё равно нет.

И даже зная наверняка, как может один человек — один! — брать на себя роль вершителя судеб всего человечества? По какому праву может один человек принимать решение, которое повлияет на всех остальных, на миллиарды людей? И оправдают ли последующие годы его выбор?

Под силу ли одному человеку решить, что хуже — война или поголовное оглупление? Видимо, не под силу. Разве можно представить себе, оценить и ту, и другую катастрофу?

Конечно, если не торопиться, оба варианта выбора можно обосновать. Со временем оформятся какие-то убеждения, которые позволят прийти всё-таки к окончательному решению — пусть не совсем верному, но, во всяком случае, достаточно продуманному, чтобы его можно было примирить потом с собственной совестью…

Инек встал и подошёл к окну. Звук шагов от-

давался в помещении станции глухим эхом. Он взглянул на часы и увидел, что уже за полночь.

Среди жителей галактики, думалось ему, наверняка есть расы, способные правильно и быстро справиться практически с любой проблемой — одним стремительным рывком сквозь сложное переплетение мыслей, логикой, более точной, чем та, которой следует человечество. Это было бы, конечно, неплохо — в том смысле, что появилось бы всё-таки определённое решение, но разве не принижает оно — или не отметает вовсе — значимость каких-то граней проблемы, которые для человечества не менее важны?

Инек стоял у окна, вглядываясь в залитые лунным светом поля, сбегавшие к тёмной полосе леса. Облака разошлись, и ночь стояла тихая, спокойная. Впрочем, здесь всегда будет спокойно, думал он, поскольку места эти далеко от шумных дорог, от любой возможной цели ядерной атаки. За исключением, быть может, какого-нибудь мелкого конфликта в доисторические времена, никем не описанного и давно забытого, здесь никогда не было никаких сражений и никогда не будет. Но даже этому затерянному уголку не избежать общей судьбы планеты, если она отравит свою воду и почву, если её обитатели

в порыве вражды вдруг пустят в ход своё чудовищное оружие. Небо затянет радиоактивным пеплом, который затем падёт на землю, и уже не будет никакой разницы, где живёт человек. Рано или поздно война дотянется до него, если не вспышкой обезумевшего огня, то смертоносным снегом, сыплющимся с небес.

Вернувшись к столу, Инек собрал газеты, доставленные утренней почтой, и сложил в пачку, отметив, что Улисс забыл забрать с собой те, которые он приготовил для него раньше. Разумеется, инопланетянин был расстроен, иначе он не забыл бы газеты. Боже, подумал Инек, у каждого из нас полно своих тревог.

День выдался нелёгкий. И только сейчас Инек осознал, что пробежал всего лишь две или три статьи в «Таймс», касающиеся созыва конференции. Слишком полон был день, причём событиями серьёзными и зловещими.

Более ста лет всё шло хорошо. Бывали дни плохие, бывали хорошие, однако в целом жизнь текла спокойно и без тревожных инцидентов. Но вот наступил день сегодняшний, и все безмятежные годы как ветром сдуло.

Когда-то он надеялся, что Землю примут в галактическую семью, что своей службой он

принесёт родной планете признание. Но теперь надежды рассыпались в прах: станцию, похоже, закрывают, а сама эта мера вызвана в значительной степени варварскими повадками человечества. Вообще-то в галактической политике Земля оказалась в положении мальчика для битья, но клеймо, единожды наложенное, не так легко будет смыть. И даже если отмыть клеймо удастся, Земля запомнится всем как планета, ради спасения которой Галактический Центр готов провести радикальную и унизительную акцию.

Наверное, ещё не поздно попытаться спасти положение. Он может остаться землянином и передать людям Земли всю информацию, собранную им за долгие годы и записанную до мельчайших подробностей вместе с фактами его жизни, впечатлениями и всякими незначительными событиями в дневниках, что занимают несколько полок. Отдать эти дневники и литературу инопланетян, которую он получил, прочёл и сохранил. Сувениры и огромное количество предметов из других миров. Люди Земли наверняка сумеют извлечь из всего этого новые знания, которые помогут им и в конце концов выведут на дорогу к звёздам, к ещё большим знаниям и тому возвышенному пониманию Вселенной,

которое станет их культурной традицией и которое, очевидно, должно быть традицией и правом каждой расы разумных существ. Но ждать этого дня придётся долго, а последние события, о которых ему стало известно, отодвинут его ещё дальше. Впрочем, и информация, собранная с такими трудами за век с лишним, уже казалась ему настолько незначительной по сравнению с теми знаниями, какие он мог бы получить за следующий век (или за тысячелетие), что просто стыдно было предлагать её людям Земли. Если бы только ему было отпущено больше времени… Но времени, разумеется, не будет. Его не хватает сейчас и никогда не хватит. Сколько бы веков он ни посвятил собиранию знаний, их всегда будет больше, чем уже собрано, и то, чем он располагает, всегда будет казаться жалкими крохами.

Инек тяжело опустился в кресло у стола и впервые задумался о том, как всё это произойдёт, — как он откажется от работы в Галактическом Центре, как променяет целую галактику на одну-единственную планету, пусть даже эта планета его родная.

Терзая свой разум, он мучительно искал ответ, но по-прежнему безуспешно.

Ведь он один, совсем один…

Не может один человек удержать на своих плечах и Землю — и галактику.

24

Разбудили его лучи утреннего солнца, заглядывавшего в окно, и с минуту он не двигался, наслаждаясь даримым теплом. Доброе, обнадёживающее прикосновение солнца позволяло забыться, защищая его от беспокойных проблем, но Инек чувствовал, что они рядом, и снова закрыл глаза. Может быть, если опять уснуть, они уйдут, затеряются где-то и, когда он проснётся, их уже не будет?..

Но что-то ещё было не так, что-то, помимо забот и проблем… Шея и плечи болели невыносимо, всё тело как будто свело, а подушка казалась слишком твёрдой.

Инек открыл глаза, поднял голову и увидел, что он вовсе не в постели. Его сморило прямо в кресле, и головой он лежал не на подушке, а на крышке стола. Пошевелив губами, Инек почувствовал во рту противный привкус, как того и следовало ожидать.

Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и потянулся, разогревая затёкшие мышцы и онемевшие суставы. Пока он стоял у стола, беспокойство, и все его проблемы, и ужасная

необходимость искать ответы просочились из тёмных углов памяти обратно. Инек мысленно отмахнулся от них — не очень успешно, но всё же они отползли чуть назад и затаились, готовясь к новому броску.

Подойдя к плите, он поискал кофейник, потом вспомнил, что вечером поставил его на пол рядом со столиком. Две чашки с коричневым осадком на дне всё ещё стояли среди сувениров, где в куче других безделушек, что Улисс отодвинул в сторону, освобождая место для чашек, лежала на боку пирамидка из шариков. Она по прежнему светилась и вспыхивала, а шарики, как и раньше, вращались каждый в свою сторону.

Инек взял пирамидку в руки и провёл пальцами по основанию, на котором покоились шарики, но ни кнопки, ни рычажка, ни какого-нибудь углубления — ничего такого, чем можно было бы включать игрушку и выключать, — он так и не нашёл. Впрочем, этого следовало ожидать: ведь он не один раз смотрел… Однако днём раньше Люси что-то с ней сделала, и пирамидка включилась. Она работала уже двенадцать часов, но пока ничего не произошло. Хотя, может быть, ничего такого, что он в состоянии заметить…

Вернув игрушку на столик, Инек составил

чашки одну в другую, потом наклонился за кофейником, но взгляд его по-прежнему удерживала пирамидка.

Чертовщина какая-то, подумал он. Ему бог знает сколько лет не удавалось её включить, а Люси сумела сделать это за несколько минут. Теперь вот неизвестно, как её выключить, хотя, судя по всему, работает она или нет, разницы никакой…

Чашки и кофейник Инек отнёс в раковину. На станции царила тишина — тяжёлая, давящая тишина, но, скорее всего, сказал он себе, это ему просто кажется.

Инек подошёл к аппарату связи, экран был пуст. За ночь не поступило ни одного сообщения. Глупо, конечно, проверять: если бы что-то пришло, сработал бы звуковой сигнал, который можно отключить только вручную.

Но вдруг станцию уже закрыли? И весь поток путешественников пустили обходным маршрутом? Впрочем, вряд ли это возможно, потому что закрытие станции на Земле будет означать, что придётся закрыть и все остальные станции, идущие за ней. В этом спиральном рукаве галактики просто нет обходных, дублирующих маршрутов, по которым можно в случае чего пропустить путешественников. И не стоит удивляться их

отсутствию, уверял себя Инек. Раньше тоже случалось, что гости на станции не появлялись по нескольку дней подряд. Ведь движение тут не подчиняется никакому расписанию. Бывало, что многочисленные запланированные пересадки приходилось даже откладывать до тех пор, пока не освободится аппаратура, в другие же дни наоборот — никто на станцию не направлялся, и аппаратура простаивала так же, как сейчас.

Нервы у меня шалят, подумал Инек. Нервы.

Конечно же, ему сообщат, прежде чем закрыть станцию. Этого требует хотя бы элементарная вежливость.

Он вернулся к плите и поставил кофейник. Потом вынул из холодильника пакет с густым концентратом из злаков, что растут в джунглях на одной из планет системы Дракона. Немного подумал, положил пакет обратно и достал два последних яйца из той дюжины, что привёз ему из города Уинслоу с неделю назад.

Посмотрев на часы, Инек увидел, что проспал гораздо дольше, чем ему казалось, и скоро уже пора отправляться на прогулку. Он поставил на плиту сковородку, положил кусок масла и, когда оно растаяло, разбил туда два яйца.

Может быть, подумал он, сегодня не ходить?

Пожалуй, это будет с ним впервые, если не считать одного или двух случаев, когда очень уж бушевала непогода. Но вовсе не обязательно идти сегодня только потому, что у него так заведено. Он просто пропустит сегодня прогулку, а за почтой сходит позже. Да и дела остались со вчерашнего дня. Газеты до сих пор не прочитаны. К дневнику он так и не прикоснулся, хотя записать нужно очень много, потому что он привык описывать случившееся с ним точно и подробно, а вчера столько всего случилось.

Это правило Инек установил себе с самого первого дня работы станции — никогда не запускать дневник. Случалось, он делал записи чуть позже, но, даже когда у него не хватало времени, Инек ни разу не позволил себе пропустить что-то хоть мало-мальски значительное. Глядя на длинные ряды дневников, теснящихся на полках в противоположном конце комнаты, он испытал прилив гордости и удовлетворение от того, насколько полны и тщательны его записи. Огромный срок — больше века — нашёл отражение между обложками этих дневников. Ни одного пропущенного дня!

Вот наследство, которое он завещает миру, вот чем он заплатит за право вернуться в человече-

ское общество; здесь всё, что он видел, слышал и о чём думал в течение ста с лишним лет общения с жителями галактики.

Но тут все вопросы, от которых он пытался уйти, нахлынули с новой силой, и он понял, что никуда от них не деться. Какое-то время Инеку удавалось как бы не замечать их — совсем недолго, только чтобы прийти в себя и справиться с усталостью, но теперь он уже не противился. Решать всё равно придётся.

Переложив яичницу в тарелку, он снял с плиты кофейник и сел завтракать. Потом взглянул на часы.

Времени для прогулки оставалось ещё достаточно.

25

У родника его ждал «искатель женьшеня».

Инек заметил Льюиса издалека и с раздражением подумал: уж не хочет ли тот сказать ему, что вернуть тело сиятеля не удастся, что в Вашингтоне к этой идее отнеслись отрицательно, что он столкнулся с неожиданными трудностями.

Инек вспомнил вдруг, как предыдущим вечером грозился убить любого, кто помешает вернуть тело. Возможно, подумал он, говорить этого не стоило. Способен ли он вообще убить человека? Ему приходилось в своё время убивать, но то было давно, на войне, и вопрос тогда стоял по другому: или ты, или тебя.

Он на секунду закрыл глаза и снова увидел перед собой пологий склон холма с длинными рядами людей, наступающих сквозь пороховой дым. Эти люди поднимались наверх с одной только целью — убить его и всех тех, кто был рядом с ним.

Отнюдь не в первый раз пришлось ему тогда убивать, и далеко не в последний, но все долгие годы сражений почему-то свелись у него в памяти к одному этому моменту не к тому, что

произошло позже, а к этому тягучему, страшному мгновению, когда он увидел перед собой ряды солдат, неотвратимо приближающихся по склону холма, чтобы его убить.

Именно тогда он осознал в полной мере, что это за безумие — война. Тщетное действо, которое по прошествии времени и вовсе теряет всякий смысл и должно питаться безрассудной яростью, что живёт значительно дольше породившего её инцидента; действо совершенно нелогичное, как будто один человек своей смертью или своими страданиями может доказать какие-то права или утвердить какие-то принципы.

Где-то на своём долгом историческом пути человечество оступилось, возвело это безумие в норму и существовало так вплоть до настоящего времени, когда безумие, ставшее нормой, грозит уничтожить если не сам род людской, то по крайней мере все те материальные и духовные ценности, что были символами человечества на протяжении многих трудных веков.

Когда Инек подошёл к роднику, Льюис, сидевший на стволе поваленного дерева, встал.

— Я решил подождать вас здесь, — сказал он. — Надеюсь, вы не возражаете…

Инек молча перешагнул через небольшую за-

водь у родника.

— Тело доставят сегодня вечером, — продолжал Льюис. — Из Вашингтона в Мадисон самолётом, а оттуда привезут сюда на машине.

— Рад слышать, — кивнул Инек.

— Моё руководство настаивало, чтобы я ещё раз спросил у вас, чьё это тело.

— Я уже говорил вчера вечером, что не могу ничего рассказать. Хотел бы, но не могу. Я много лет прикидывал, как это сделать, но так ничего и не придумал.

— Мы уверены, что это тело существа с какой-то другой планеты.

— Вы так думаете, — сказал Инек, но совсем без вопросительной интонации.

— Дом тоже неземного происхождения.

— Этот дом построил своими руками мой отец, — осадил его Инек.

— Но что-то изменило его. Он стал таким позже.

— Время всё меняет.

— Всё, кроме вас самого.

— Вот что вас беспокоит, — усмехнулся Инек. — Не положено?

— Нет, что вы. Да и не в этом дело. После долгих наблюдений я просто принял вас самого и всё,

что с вами связано, на веру. Ничего ещё не понимаю, но по крайней мере уже принял. Иногда мне кажется, что я схожу с ума, но, впрочем, это быстро проходит. Я старался не беспокоить вас, старался, чтобы всё оставалось без изменений. Теперь, когда я с вами познакомился, я даже рад, что выбрал такой путь. Но всё-таки это неверно. Мы ведём себя как враги, как два незнакомых пса, но не так же всё должно быть. Мне кажется, на самом деле у нас много общего. Сейчас происходят какие-то важные события, но не хочу никоим образом вмешиваться…

— Вы уже сделали это, — сказал Инек. — Вы забрали тело из могилы — ничего хуже и случиться не могло. Даже сев и хорошенько подумав, как мне навредить, вы вряд ли придумали бы более удачный способ. Причём вы оказали плохую услугу не только мне. Я тут не в счёт. Вы навлекли беду на всё человечество.

— Ничего не понимаю, — сказал Льюис. — Я очень сожалею, но всё равно не понимаю. Там на камне была надпись…

— Вот это уже моя ошибка, — перебил его Инек. — Мне не следовало ставить камень. Но тогда мне казалось, что это обязательно нужно сделать. Я никак не предполагал, что кто-то будет

рыскать тут и…

— Он был вашим другом?

— Он? Вы имеете в виду покойного? Не совсем так. Не он сам.

— Что сделано, то сделано, — сказал Льюис. — Я приношу свои искренние извинения.

— Они вряд ли помогут.

— Но неужели ничего нельзя сделать? Я имею в виду, кроме того, что мы вернём тело?

— Можно… Не исключено, что мне потребуется помощь.

— Говорите, — поспешно сказал Льюис. — Если это выполнимо…

— Возможно, мне понадобится грузовик, — ответил Инек. — Перевезти кое-какие вещи. Записи и прочее. Не исключено, что он понадобится мне срочно.

— Грузовик я обеспечу. Он просто будет ждать. И люди, чтобы помочь с погрузкой.

— Возможно, мне понадобится переговорить с кем-то на достаточно высоком уровне. С президентом. С государственным секретарём. Может быть, с ООН. Я пока не знаю. Мне надо подумать. И важно, чтобы я не только смог переговорить с ними, а чтобы они ещё и отнеслись к тому, что я скажу, с полной серьёзностью.

— Я поставлю сюда передвижной коротковолновый комплекс. Всё будет наготове.

— Меня выслушают?

— Да, — сказал Льюис. — Мы свяжем вас, с кем пожелаете.

— И ещё одно…

— Слушаю.

— Умение забывать, — сказал Инек. — Может так случиться, что все эти приготовления мне не потребуются. И грузовик, и прочее. Может быть, придётся оставить всё как прежде. И если это произойдёт, смогли бы вы и те другие люди, о которых мы говорили, просто забыть о моей первой просьбе?

— Думаю, это возможно, — ответил Льюис. — Но я продолжу наблюдения.

— Хотелось бы. Не исключено, что в будущем мне снова понадобится помощь. Но ни во что не вмешивайтесь.

— Вы уверены, что больше ничего не нужно? — спросил Льюис.

Инек покачал головой.

— Ничего. Всё остальное я должен сделать сам.

Может быть, подумал он, я и так уже слишком много сказал. Где гарантия, что этому человеку можно доверять? И может ли он быть уверен,

что вообще на кого-то можно положиться? Однако, если он решится оставить Галактический Центр и разделить судьбу Земли, ему наверняка потребуется помощь. Вдруг инопланетяне станут возражать, когда он захочет взять с собой свои дневники и подарки? Ему придётся действовать быстро.

Но хочется ли ему расставаться с этой работой? Сможет ли он забыть свои мечты о галактике? Найдёт ли в себе силы отказаться от предложения перейти смотрителем на другую станцию? Когда подойдёт время решать, сможет ли он разом оборвать всё, что связывало его с другими жителями галактики и загадками других звёзд?

Впрочем, он уже предпринял кое-какие шаги. Вот только что он, даже особо не задумываясь, словно на самом деле давно всё решил, договорился, как организовать своё возвращение на Землю, к людям.

Инек с удивлением размышлял о своих действиях.

— Здесь, у этого родника, постоянно кто-то будет, — сказал Льюис. — Если не я, то кто-нибудь, кто сможет со мной связаться.

Инек кивнул, слушая его вполуха.

— Каждое утро во время прогулки кто-нибудь

из нас обязательно будет с вами встречаться. Или вы сами в любой момент сможете найти нас здесь.

Ну прямо заговор, подумалось Инеку. Как у детей, играющих в воров и полицейских.

— Мне пора. Вот-вот приедет почта, и, если я опоздаю, Уинслоу забеспокоится, — сказал он наконец и двинулся вверх по склону холма.

— До скорого! — крикнул Льюис ему вслед.

— Да. До скорого, — ответил Инек.

Он с удивлением почувствовал, как потеплело у него на душе, словно что-то до сих пор было не так, а теперь всё встало на свои места; словно он искал что-то давно потерянное и вдруг нашёл.

26

Почтальона Инек встретил на полпути к станции. Старая развалюха неслась по заросшим травой колеям, продираясь сквозь нависшие ветви придорожных кустов. Завидев Инека, Уинслоу затормозил и дождался его, сидя в машине.

— Ты что, решил сделать объезд? — спросил Инек, подходя ближе. — Или поменял маршрут?

— Тебя не оказалось у почтового ящика, — ответил Уинслоу, — а мне нужно было срочно тебя увидеть.

— Пришло что-нибудь важное?

— Нет, не про почту речь. Я про старого Хэнка Фишера хотел сказать. Он сейчас в Милвилле, угощает всех подряд в кабаке Эдди и мелет языком без умолку.

— Угощает всех подряд? На него это совсем не похоже.

— Он рассказывает всем, что ты пытался умыкнуть Люси.

— Ничего подобного, — сказал Инек, — Хэнк отхлестал Люси кнутом, и я просто спрятал её, чтобы он немного поостыл.

— Наверно, не надо было этого делать, Инек.

— Может быть. Но он совсем озверел и, наверно, избил бы её до полусмерти.

— Хэнк баламутит людей, хочет устроить тебе неприятности.

— Он ещё вчера грозился.

— Рассказывает всем, что ты сначала увёл девчонку, а потом испугался и привёл обратно. Говорит, ты спрятал её в доме, но, когда он попытался туда вломиться, у него ничего не вышло. Говорит, что у тебя вообще дом какой-то странный, и он, мол, сломал топор, когда хотел высадить окно.

— Ничего странного тут нет, — сказал Инек. — Хэнку просто померещилось.

— Пока всё спокойно, — добавил почтальон. — На трезвую голову да ещё средь бела дня никто из них никуда не пойдёт. Но ближе к вечеру они все наберутся и уже перестанут соображать. Может статься, кое-кто решит заглянуть к тебе, разобраться…

— Надо думать, он им рассказывает, что я спутался с дьяволом?

— Рассказывает. И много чего другого, — ответил Уинслоу. — Я там, наверно, полчаса сидел слушал.

Он покопался в сумке, достал стопку газет и,

отдав её Инеку, продолжил:

— Я тебе вот что ещё скажу. Может, ты сам этого не понимаешь. Ему не так сложно будет собрать против тебя людей… И живёшь — всех сторонишься, и вообще странный ты. Я не хочу сказать, что у тебя что-нибудь не в порядке — я-то тебя давно знаю и ничего такого не думаю, — но тем, кто с тобой не знаком, всякое в голову взбрести может. До сих пор никто тебя не трогал, потому что ты не давал им повода. Но если Хэнк их накрутит… — Уинслоу не закончил фразу и умолк.

— Ты хочешь сказать, они двинутся сюда всей толпой?

Уинслоу молча кивнул.

— Спасибо, что ты меня предупредил, — сказал Инек.

— А это правда, что никто не может забраться в твой дом? — спросил Уинслоу.

— Похоже, правда. Они не смогут вломиться туда и не смогут его сжечь. У них вообще ничего не получится.

— Тогда на твоём месте я бы сегодня далеко от дома не уходил. Или вообще сидел у себя и никуда не высовывался.

— Неплохая идея. Может быть, я так и сделаю.

— Ладно, — произнёс Уинслоу, — вроде я всё

рассказал. Решил, что тебя надо предупредить. Похоже, мне до дороги придётся ехать задним ходом. Здесь и развернуться-то негде.

— Давай подъезжай к дому. Там места хватит.

— До дороги ближе. Справлюсь, — сказал Уинслоу, и машина медленно двинулась назад.

Инек стоял, провожая её взглядом, и, когда машина добралась до поворота, поднял руку, прощаясь с Уинслоу. Тот помахал в ответ, и секунду спустя его развалюха скрылась за кустами, вымахавшими по обеим сторонам дороги.

Инек повернулся и побрёл к станции.

Только пьяной толпы ему и не хватало…

Орущая толпа вокруг станции… Рассвирепевшие люди колотят в окна и двери, лупят из ружей по стенам… Если и оставалась ещё какая-то смутная надежда на то, что Галактический Центр не станет закрывать здесь станцию, то после такой сцены об этом можно будет просто забыть. А у тех, кто стремится прекратить расширение транспортной сети в этом спиральном рукаве галактики, появится лишний довод в свою пользу.

Почему всё случилось вот так, сразу? Долгие годы ничего не случалось, а теперь вдруг столько событий за какие-то считанные часы. И одно хуже другого.

Если сюда явится разъярённая толпа, вопрос о закрытии станции будет решён однозначно, но и это ещё не всё: в такой ситуации у него просто не останется выбора — придётся принять предложение Галактического Центра и стать смотрителем на другой станции. Остаться на Земле будет невозможно при всём желании… Инек вдруг осознал, что предложение перейти на другую станцию тоже висит на волоске. Когда появится толпа, жаждущая его крови, он сам окажется вовлечённым в этот скандал, и обвинения в варварстве, направленные против всего человечества, будут касаться и его.

Может быть, подумал он, есть смысл сходить к роднику и поговорить с Льюисом. Толпу, видимо, можно как-то остановить. Но если он обратится к нему, придётся давать объяснения и рассказывать слишком много подробностей. А толпа, может, и не соберётся. Вряд ли люди поверят болтовне Хэнка Фишера, и, возможно, всё ещё обойдётся.

Нет, он останется на станции и будет надеяться на лучшее. Может быть, когда явится толпа — если они вообще соберутся, — он будет на станции один, и никто в Галактическом Центре о случившемся не узнает. Если повезёт, то всё обойдётся.

А ему просто должно повезти: уже несколько дней подряд на него сваливаются одни только неприятности.

Инек подошёл к сломанным воротам во двор и остановился, рассматривая дом, — ему почему-то хотелось увидеть его таким, каким он знал его в детстве.

Сам дом выглядел как и прежде, разве что в те далёкие времена на окнах ещё были занавески с оборками. А вот двор медленное шествие лет действительно изменило: кусты сирени с каждой новой весной становились всё гуще, пышнее и запутаннее; вязы, что посадил его отец, из прутиков футов шести высотой превратились в могучие деревья; куст жёлтых роз у двери на кухню вымерз в одну из давно забытых зим; клумбы исчезли, а несколько грядок с пряностями у ворот совсем задушили сорняки.

От старой каменной ограды, уходившей в обе стороны от ворот, осталась теперь просто длинная утрамбованная насыпь. Сотня холодных зим, ползучие вьюнки и трава, долгие годы небрежения сделали своё дело. Пройдёт ещё век, и ограда совсем сровняется с землёй — от неё даже следа не останется. А на склоне холма, где поработала эрозия, уже сейчас были длинные участки, где

она исчезла совсем.

Все эти изменения произошли давно, но Инек почти не замечал их. А сейчас заметил и удивился: почему это вдруг? Может, потому, что скоро ему предстоит вернуться к Земле? Но ведь он никогда и не покидал здешних просторов, солнца, воздуха, физически он всегда оставался на Земле, хотя долгие годы — куда дольше, чем большинству людей вообще выделяет судьба, — можно сказать, путешествовал по множеству миров, разбросанных среди звёзд.

Солнце уходящего лета светило по-прежнему ярко, но Инек то и дело вздрагивал от холодного ветра, налетавшего, казалось, из какого-то таинственного, иллюзорного измерения. Впервые в жизни ему пришлось задуматься о том, кто же он на самом деле. Преследуемый сомнениями человек, которому суждено прожить на перепутье между миром людей и миром инопланетян, испытывающий привязанность и к тем, и к другим, терзаемый сомнениями и преследуемый призраками старых воспоминаний, что будут брести рядом сквозь годы и расстояния независимо от того, какую жизнь он себе изберёт — на Земле или среди звёзд? Сын двух культур, не понимающий до конца ни Землю, ни галактику, задолжав-

ший и тем, и другим, но не способный ни с кем расплатиться? Бездомное, безродное, бродячее существо, которое не в состоянии определить, где добро, а где зло, потому что ему довелось увидеть слишком много разных (и по законам чужой логики вполне объяснимых) проявлений и того, и другого?

Инек поднялся на холм, у подножья которого бил из земли родник; от ощущения вновь обретённой принадлежности к человечеству на душе у него потеплело — теперь его связывало с этим миром что-то вроде мальчишеского заговора. Но действительно ли он человек? И если это так, то как быть с его вековой преданностью Галактическому Центру? Да и хочется ли ему снова стать просто человеком?

Инек медленно прошёл за ворота. В его мыслях беспрестанно сталкивались вопросы — огромный, неиссякающий поток вопросов, на которые нет ответов. Впрочем, подумал он, это не так. Ответы есть, но их слишком много.

Может быть, его навестят сегодня Мэри, Дэвид, все остальные люди-тени, и ему удастся обсудить с ними… Тут Инек вспомнил, что ни Мэри, ни Дэвид, ни кто-то ещё уже не придёт. Они посещали его годами, но теперь всё кончено. Волшебный

свет померк, иллюзии разбились, и он остался один.

Совсем один, пронеслась горькая мысль. Всё — иллюзии. У него никогда не было ничего настоящего. Долгие годы он обманывал себя — весьма охотно и добровольно, — населяя угол у камина творениями своего собственного воображения. Мучаясь одиночеством, не имея возможности видеть и слышать людей, он создал по инопланетной методике существа, способные обмануть любое чувство, кроме осязания.

В общении с ними подводило даже чувство меры.

Странные создания, думал он. Несчастные создания, не принадлежащие ни миру теней, ни миру живых. Слишком человечные для мира теней и слишком бесплотные для Земли.

Мэри, если бы я только знал заранее… Я никогда бы этого не сделал. Мне самому было бы легче остаться в одиночестве…

Но теперь ничего уже не поправишь. И помощи ждать неоткуда.

Однако, встревожился Инек, что это со мной происходит?

В чём дело?

Он совершенно перестал соображать. Пообе-

щал себе спрятаться в помещении станции, чтобы избежать встречи с пьяной толпой, если те явятся к дому, но это невозможно: вечером, едва стемнеет, Льюис должен привезти тело сиятеля. И если они появятся одновременно, тут чёрт знает что начнётся.

Сражённый этой мыслью, Инек долго стоял в нерешительности. Если он предупредит Льюиса об опасности, тот может не привезти тело. А он просто обязан это сделать. Сиятель должен лежать в могиле до наступления ночи. Придётся рискнуть, решил Инек.

Может быть, толпа ещё не нагрянет. А если это всё же произойдёт, какой-нибудь выход из положения наверняка найдётся.

Он что-нибудь придумает.

Должен придумать.

27

В помещении станции по-прежнему стояла тишина. Новых сообщений не поступало, и аппаратура молчала — не слышно было даже приглушённого гудения материализатора.

Инек положил винтовку на стол, бросил рядом стопку газет, затем снял куртку и повесил её на спинку стула. Пора наконец заняться газетами, напомнил он себе, и не только сегодняшними, но и вчерашними тоже. Да и дневник надо бы привести в порядок, а это займёт немало времени. Выйдет, пожалуй, несколько страниц, даже если писать плотно, и события надо излагать чётко, последовательно, чтобы всё выглядело так, словно о вчерашних событиях он написал вчера, а не день спустя. Нужно описать каждое событие, каждую грань происшедшего и всё, что он по этому поводу думает. Так он делал всегда и так же должен сделать сегодня. Ему это неизменно удавалось, потому что он создал для себя как бы особую маленькую нишу — не на Земле, не среди галактических просторов, а в каком-то неопределённом мире, который можно было бы назвать бытием, — и работал там, словно сред-

невековый монах в своей келье. Он был всего лишь наблюдателем. Правда, в высшей степени заинтересованным — его часто не устраивала пассивная роль, и он делал попытки внедриться в наблюдаемое, чтобы его понять, — но тем не менее он оставался именно наблюдателем, никак не вовлечённым в происходящее. Впрочем, осознал вдруг Инек, за последние два дня он этот статус утратил. И Земля, и галактика активно вмешались в течение его жизни, стены кельи рухнули, и он оказался втянутым в самую гущу событий. Теперь он уже не сможет сохранять объективность, не сможет относиться к фактам спокойно, непредвзято, а такое отношение всегда служило ему основой для работы над дневниками.

Инек подошёл к полке, вытащил последний том и, перелистнув несколько страниц, нашёл то место, где остановился в прошлый раз. До конца дневника оставалось лишь несколько чистых листков — видимо, слишком мало, чтобы записать всё, что требовалось. Скорее всего, ему не хватит места и придётся начинать новую тетрадь.

Стоя с раскрытым дневником в руках, он перечитал последнюю страницу. Запись была сделана позавчера. Всего два дня назад, но казалось, она

повествовала о древних временах, и даже чернила как будто выцвели. Хотя ничего удивительного тут нет, подумалось ему, запись действительно из другой эпохи. Эти строки он написал ещё до того, как рухнул его мир.

Что толку продолжать дневник, спросил себя Инек. С записями покончено, потому что они никому уже не нужны. Станцию закроют, его собственная планета затеряется в бездне пространства, и уже не будет иметь никакого значения, останется он здесь или перейдёт на новую станцию на другой планете — Земля для галактики всё равно потеряна.

Инек в раздражении захлопнул дневник, поставил его на полку и вернулся к столу.

Земля потеряна, думал Инек, и он тоже потерял себя — его одолевают сомнения и негодование. Негодование на свою судьбу (если такая штука вообще существует), на недомыслие — это касалось и Земли, и жителей галактики, — на мелочные ссоры, грозящие остановить шествие галактического братства, которое только-только достигло этого сектора пространства. И на Земле, и во всей галактике количество и сложность техники, высокие мысли, мудрость, эрудиция могут сойти за культуру, но не за цивилизацию. Чтобы стать

истинно цивилизованным, обществу требуется нечто большее, чем техническое совершенство и полёт мысли.

Инек чувствовал в себе смутное, неосознанное стремление что-то делать — мерить станцию шагами, словно зверь за решёткой, бежать за ворота, кричать изо всех сил, — крушить, ломать, чтобы избавиться от гнева и разочарования.

Он протянул руку и взял со стола винтовку. Торопливо выдвинул ящик, где хранились патроны, вытащил коробку и, разорвав картон, высыпал их в карман. Постоял немного, держа винтовку в руках и прислушиваясь. Тишина, царившая в комнате, казалось, отдаётся в ушах тяжёлым грохотом, но спустя какое-то время он почувствовал её холодность, унылость и положил винтовку на место.

Какое мальчишество, подумал он, вымещать своё раздражение и злость на чём-то несущественном. Тем более что серьёзных причин для таких эмоций в общем-то нет. И в том, как складываются события, тоже нет ничего неожиданного — ему следовало сразу понять это и принять как совершенно естественное явление. К подобным вещам человеку, живущему на Земле, положено бы привыкнуть уже давно.

Инек окинул станцию взглядом: всё как будто замерло в ожидании, словно сама станция отсчитывала время до события, которое должно случиться в назначенный ему срок.

Он тихо рассмеялся и снова протянул руку за винтовкой. Нелепое это занятие или нет, оно по крайней мере отвлечёт его, вырвет хоть на время из бурлящего потока проблем.

Да и потренироваться ему не мешает. Он уже дней десять, наверное, не стрелял в цель.

28

Подвал занимал огромную площадь, и дальние его стены терялись в полумраке за рядами огней, что Инек включил, спустившись вниз. Многочисленные туннели и комнаты были вырезаны прямо в камне, вытолкнутом из толщи земли тектоническими силами и ставшем основанием холму.

Здесь стояли массивные баки, заполненные различными растворами для путешественников, предпочитающих жидкую среду, насосы и электрогенераторы, работавшие на неизвестном Земле принципе. А глубоко внизу, под каменным полом, покоились гигантские цистерны с кислотами и кашеобразной жижей, получившейся из тел существ, что прибыли на станцию, а затем отправились дальше, оставив позади бесполезные оболочки, от которых нужно было просто избавиться.

Миновав баки и генераторы, Инек очутился в длинной, уходящей в темноту галерее. Нащупав выключатель, он зажёг свет и двинулся дальше. По обеим сторонам коридора тянулись металлические стеллажи, уставленные бесчисленными

подарками от путешественников. От пола до потолка полки были буквально забиты разным хламом со всех концов галактики. Впрочем, думал Инек, на самом деле хлама тут мало: все эти вещи, как правило, работали и имели какое-то назначение — или практическое, или эстетическое. Узнать бы только, какое именно. Хотя, конечно, далеко не в каждом случае это может пригодиться землянам.

В конце галереи размещались стеллажи, где экспонаты были разложены более аккуратно — каждый с биркой и номером, индексом по каталогу и датой, соответствующей записи в дневнике. Об этих предметах Инек по крайней мере знал, для чего они предназначены, а в отдельных случаях и каков их принцип действия. Некоторые не представляли из себя ничего особенного, другие обладали громадной потенциальной ценностью, третьи на данный момент вообще никак не соотносились с человеческим образом жизни, и был там ещё ряд предметов, помеченных красными бирками, при мысли об этих «сувенирах» Инека каждый раз пробирала дрожь.

Он двигался вдоль своей выставки напоминаний о былых визитах инопланетян, и его шаги

отзывались в галерее гулким эхом.

Наконец галерея привела к большому овальному залу, стены которого были покрыты толстым слоем серого материала, способного улавливать пули и не давать им рикошетировать.

Инек подошёл к панели, установленной в глубокой нише, повернул рычажок и быстро прошёл в центр зала. Свет погас, затем снова вспыхнул, но теперь Инек оказался уже не в зале, а в каком-то другом, никогда не виданном раньше месте.

Склон невысокого холма, где он стоял, сбегал к медленной, ленивой речке с полузатопленными болотистыми берегами, а на полосе от края болота до подножья холма волнами колыхалась высокая жёсткая трава. Ветра не было, но трава всё равно колыхалась, и Инек понял, что там рыщут какие-то животные. Со стороны луга доносилось свирепое хрюканье, словно тысячи разозлённых боровов дрались там из-за отборных кусков сразу у сотни корыт с помоями. А откуда-то дальше, может быть прямо от реки, слышался монотонный рёв, хриплый и усталый.

Инек почувствовал, как шевелятся у него на голове волосы, и выставил винтовку перед собой. Удивительное ощущение не проходило: он чуял опасность, знал о её присутствии, и в то же время

ничто вокруг вроде бы ему не угрожало. Тем не менее Инеку всё ещё казалось, что сам воздух здесь дышит опасностью.

Он обернулся. Почти вплотную к лугу, окружавшему холм, где он стоял, спускался по склону соседнего холма густой тёмный лес. За лесом высились на фоне неба тёмно-лиловые горы. Вершины их таяли в облаках, но, насколько хватал глаз, сохраняли тёмно-лиловый оттенок, как будто снега на пиках не было вовсе.

Из леса выбежали две отвратительные твари и замерли на краю луга. Они уселись на задние лапы, обмотав их длинными хвостами, и повернули к Инеку ухмыляющиеся морды. Напоминали твари то ли волков, то ли собак, но на самом деле не имели к этим животным никакого отношения. Инек никогда в жизни не видел ничего похожего. Шкуры их блестели под бледным солнцем, словно смазанные жиром, но у шеи мех сходил на нет, и над туловищем, как будто из воротника, торчали голые черепа. Издалека звери выглядели как два старика, накинувших на плечи волчьи шкуры и собравшихся на маскарад. Но картину портили мертвенно-зелёные морды и болтающиеся языки, ярко-красные и блестящие.

Из леса не доносилось ни звука. У самого края

под деревом сидели только две эти зловещие твари. Они глядели на Инека и молча скалились, раскрывая в усмешке беззубые пасти. Тёмный густой лес казался почти чёрным, а листва странно отсвечивала, как будто каждый отдельный лист был отполирован до блеска.

Инек снова повернулся к реке и увидел, что у границы травяной полосы появились сразу несколько похожих на жаб страшилищ футов шести длиной и фута в три высотой. Шкуры их напоминали цветом брюхо издохшей рыбы, а над пастью у каждого красовался один огромный глаз. И все эти глаза светились в опускающихся сумерках, словно у крадущегося к добыче кота в луче фонаря.

От реки всё ещё доносился хриплый рёв, а между его раскатами слышалось тонкое, слабое жужжание, сердитое и зловещее, словно где-то рядом вился комар. Инек вскинул голову и увидел в вышине цепочку маленьких точек — с такого расстояния даже нельзя было понять, что там летит.

Инек перевёл взгляд на выползших из травы страшилищ, но тут краем глаза заметил какое-то движение и повернулся к лесу.

По склону холма бесшумно скользили две по-

хожие на волков твари с лысыми черепами. Не бежали, а именно скользили, словно их одним резким ударом выдавили из тюбика.

Инек вскинул винтовку, и приклад словно прирос к плечу, став продолжением тела. Мушка сошлась с прицельной планкой и закрыла морду первого зверя. Прогремел выстрел, но Инек даже не взглянул, попал ли он в цель, и, передёрнув затвор, прицелился во вторую тварь. Ещё один толчок в плечо — зверь подпрыгнул в воздух, перевернулся, упал на землю, проскользнув по инерции чуть вперёд, а затем покатился по склону холма обратно вниз.

Инек снова передёрнул затвор — на солнце блеснула вылетевшая гильза — и повернулся к другому склону. Похожие на жаб страшилища оказались уже ближе. Пока Инек стоял к ним спиной, они медленно подползали, но, едва он обернулся, сразу присели и замерли, уставившись на него в упор.

Он сунул руку в карман, достал два патрона и загнал их в магазин.

Рёв, доносившийся от реки, прекратился, но теперь появилось прерывистое хрюканье, и ему никак не удавалось определить, что это и откуда оно исходит. Медленно поворачиваясь,

Инек оглядел окрестности: похоже было, что звук доносился со стороны леса, но там абсолютно ничего не двигалось. А в промежутках между приступами хрюканья он всё ещё слышал жужжание, и теперь оно стало громче. Точки на небе тоже стали больше и двигались уже не цепочкой. Перестроившись в круг, они, похоже, спускались по спирали вниз, но были всё ещё так далеко, что Инек по-прежнему не мог разглядеть, кого это там несёт.

Снова взглянув на страшилищ, он заметил, что те подползли ещё ближе. Вскинув винтовку, Инек выстрелил от бедра.

Глаз ближайшей к нему твари выплеснулся наружу, словно вода в реке от брошенного камня, но сама тварь даже не дёрнулась — просто осела, растекшись по земле, как будто на неё наступили и расплющили. Из большой круглой дыры на месте глаза вытекала густая, тягучая жидкость жёлтого цвета — видимо, кровь.

Остальные страшилища попятились. Медленно, настороженно отступая по склону холма, они остановились, лишь когда оказались у самой границы травяной полосы.

Хрюканье стало ближе, жужжание громче, и теперь Инек уже не сомневался, что хрюка-

нье доносится из-за холмов, заросших лесом. Обернувшись, он наконец увидел, кто же издаёт этот звук: зловеще похрюкивая и перешагивая через верхушки деревьев, в его сторону двигалось нечто совершенно невообразимое. Чёрный шар, надувавшийся и опадавший при каждом новом звуке, раскачивался между четырьмя негнущимися тонкими лапами, которые вверху соединялись суставом с четырьмя длинными ходулями, нёсшими тварь над лесом. Двигалась она рывками и высоко поднимала ноги, чтобы не зацепить массивные кроны, но всякий раз, когда ходуля опускалась, Инек слышал треск сучьев и грохот падающих деревьев. Он почувствовал, что по спине у него забегали мурашки.

Шею закололо, словно, подчинившись древнему инстинкту, короткие волосы на затылке встали дыбом. Но, даже замерев от испуга, он помнил, что один выстрел уже сделан. Пальцы сами нащупали в кармане патрон и загнали его в магазин.

Жужжание стало ещё громче, характер звука тоже изменился. Теперь оно приближалось с огромной скоростью. Вскинув голову, Инек увидел, что точки уже не кружат в небе, а одна за другой стремительно падают прямо на него.

Хрюкающий и раскачивающийся шар на ходулях тоже шагал в его сторону, но пикирующие точки двигались быстрее и явно должны были добраться до холма раньше.

Взяв оружие на изготовку, Инек продолжал наблюдать за падающими точками, которые постепенно превращались в устрашающих тварей с торчащими из головы рапирами. Может быть, это клювы, подумал Инек, а сами летающие твари, возможно, птицы, но таких больших, стремительных, смертоносных птиц никто на Земле никогда не видел.

Жужжание перешло в вопль, который становился всё пронзительнее, всё тоньше и тоньше, пока от звука не заныли зубы, а сквозь него доносилось размеренное, словно удары метронома, хрюканье пробирающегося над лесом чёрного шара.

Безотчётным движением Инек прижал приклад к плечу, выжидая, когда летающие монстры окажутся поближе и можно будет стрелять наверняка.

Они падали, как камни, брошенные с высоты, и были гораздо больше, чем казалось поначалу, — огромные смертоносные стрелы, направленные прямо в него…

Винтовка толкнула в плечо. Летучая тварь съёжилась, потеряла стремительную, обтекаемую форму и, переворачиваясь, повалилась куда-то в сторону. Передёрнув затвор, Инек выстрелил ещё раз, и закувыркалась вторая «птица». Снова щёлкнул затвор, и раздался ещё один выстрел. Третья тварь скользнула вбок, потом, болтая обмякшими крыльями, стала падать к реке.

Остальные вдруг прервали стремительное пике, круто развернулись и, отчаянно работая крыльями, похожими на лопасти ветряной мельницы, снова рванулись в небо.

Тут на склон холма упала тень, и откуда то сверху опустилась рядом могучая колонна. Земля задрожала от тяжёлой поступи, а из лужи, скрытой в траве, фонтаном взметнулась грязная вода. Хрюканье перешло в оглушительный рёв. Чёрный шар, раскачивавшийся между ходулями, потянулся вниз, и Инек увидел лицо чудовища, если что-то столь карикатурное и отвратительное вообще можно назвать лицом, — с клювом, пастью-присоской с вытянутыми вперёд губами и ещё десятком каких-то одинаковых органов, очевидно, глаз. Чёрный шар — тело существа — висел под перекрестьем лап глазами вниз и обозревал свои охотничьи угодья. Теперь же

ходули начали сгибаться в суставах и опускать его к земле, чтобы схватить жертву.

Инек почти не осознавал своих действий, но приклад винтовки то и дело ударял в плечо. Грохотали выстрелы. Ему казалось, будто он стоит в стороне и наблюдает за стрельбой, словно стрелявший человек был кто-то другой.

При каждом попадании от тела чудовища отлетали куски плоти, кожа лопалась большими рваными прорехами, и оттуда вырывались облака мутного тумана, который тут же конденсировался и проливался на землю крупными чёрными каплями.

Инек в очередной раз нажал на курок, но винтовка отозвалась лишь сухим щелчком: кончились патроны. Впрочем, можно было уже и не стрелять. Высоченные лапы-ходули складывались и вздрагивали, а съёжившийся, провисший шар в облаках густого тумана сотрясали конвульсии. Оглушительное хрюканье прекратилось, и в наступившей тишине до Инека донёсся дробный шорох чёрных капель, падающих в траву на склоне холма.

В воздухе стоял тошнотворный, удушливый запах, густые и липкие, как холодное машинное масло, капли падали даже ему на одежду. Тварь

на ходулях накренилась, словно какая-то строительная конструкция, и повалилась на землю.

Окружавший Инека мир тут же растаял и исчез.

Он снова оказался в овальном зале с тусклыми лампами.

Сильно пахло пороховым дымом, а на полу вокруг него поблёскивали пустые гильзы.

Тренировка закончилась.

29

Инек опустил винтовку и сделал глубокий, осторожный вдох. Возвращаясь в свой, знакомый мир после коротких посещений мира иллюзорного, он каждый раз входил туда медленно, постепенно.

Включая тир, он понимал, что его ожидает иллюзия, и, когда всё заканчивалось, у него тоже не возникало на этот счёт никаких сомнений. Но события, заключённые между двумя этими мгновениями, казались абсолютно реальными и достоверными.

Когда строилась станция, его спросили, есть ли у него какое-нибудь увлечение — что-нибудь такое, для чего они могли бы оборудовать специальное помещение. Инек сказал тогда, что было бы неплохо построить стрелковый тир, и не ожидал, в общем-то, ничего более сложного, чем длинный коридор, в конце которого перемещаются на цепи жестяные утки или вертится колесо с глиняными трубками. Но это, конечно же, было слишком примитивно для эксцентричных архитекторов и шустрых строителей станции.

Сначала они не понимали, что он имеет в виду,

и пришлось объяснять, что такое винтовка, как она действует и для чего используется. Инек рассказал им, как это здорово — выйти солнечным осенним утром в лес и поохотиться на белок, или выгнать по первому снегу зайца из-под куста (хотя на зайцев ходят не с винтовкой, а с охотничьим ружьём), или пострелять осенним вечером енотов, или подстеречь у тропы, ведущей к водопою, оленя. Впрочем, Инек не был до конца откровенен и не стал рассказывать, как ещё можно использовать винтовку и как он занимался этим четыре долгих года.

Он поделился с ними своей юношеской мечтой об охотничьей экспедиции в Африку, хотя даже в тот момент понимал, как далеко до её исполнения. Но после ввода станции в действие ему не раз доводилось охотиться на зверей гораздо более странных, чем самые экзотические животные Африки.

Откуда, с каких планет взялись все эти звери (если только они не плод воображения инопланетян, программировавших ленты, которые воспроизводили охотничьи сцены), Инек не имел ни малейшего понятия. Он пользовался тиром тысячи раз, но за долгие годы ни сами сцены, ни животные ещё никогда не повторялись. Возмож-

но, думалось ему, набор сюжетов когда-нибудь кончится и всё начнётся сначала, но это его совершенно не беспокоило: едва ли он припомнит в деталях приключения, которые ему довелось пережить так много лет назад.

Инек не понимал технологии и научных достижений, сделавших этот фантастический тир реальностью, но, как и многое другое, просто принимал на веру, не задаваясь лишними вопросами и надеясь, что когда-нибудь ему удастся отыскать ключ к двери, ведущей от слепой веры к пониманию — не только удивительного тира, но и всего остального.

Он часто пытался представить себе, что думают инопланетяне об этом его увлечении стрельбой, о древнем инстинкте, заставляющем человека убивать — не ради удовольствия, но ради победы над опасностью, ради стремления противопоставить силе зверя ещё большую силу, ответить на коварство хищника мастерством. Может быть, тем самым он дал своим галактическим друзьям повод для переоценки человеческого характера? Что они думают о способности человека провести грань между убийством других форм жизни и существа своего вида? Да и есть ли какое-то убедительное различие между охотой и войной?

Особенно для жителей галактики. Ведь животные, на которых человек издавна охотится, ему гораздо ближе, чем большинство инопланетян.

Что такое война? Проявление инстинкта, за которое каждый отдельный человек так же ответствен, как политики или так называемые государственные деятели? Может быть, и не совсем так, но в каждом человеке продолжает жить этот боевой инстинкт, агрессивный дух, стремление обязательно опередить, а такие качества, дай им свободно развиваться, рано или поздно приводят к конфликтам.

Инек сунул приклад под руку и подошёл к стенной панели. Из щели в самом низу торчал кончик ленты. Он вытянул её и принялся разбирать условные обозначения. Результаты оказались не слишком утешительными.

Он промахнулся, стреляя в первую атакующую тварь, похожую на волка с лицом старика, и где-то там, в иллюзорном мире, два рычащих хищника уже раздирали окровавленное тело Инека Уоллиса в клочья.

30

Возвращался Инек по той же галерее, заставленной подарками инопланетян, словно пыльная мансарда обычного земного дома, куда складывают всякие ненужные вещи.

Лента всё ещё беспокоила его. Маленький кусочек ленты, который сообщал, что первая пуля прошла мимо цели. Это не часто случалось, потому что тысячи «охотничьих экспедиций» в тире приучили его за долгие годы именно к такой вот стрельбе — навскидку, когда опасность появляется совершенно неожиданно, когда не знаешь, что случится в следующее мгновение, когда действует один только закон — «или ты, или тебя». Может быть, успокаивал он себя, в последнее время он просто не слишком часто тренировался. Да и не было у него никаких серьёзных причин заботиться о сохранении формы — стрелял он ради удовольствия, а винтовку брал с собой на утренние прогулки только в силу привычки — как кто-то берёт с собой, скажем, трость или палку. Когда эта привычка у него появилась, и оружие было не то, и времена были другие. В те дни никто не удивлялся, если человек, выходя на

прогулку, брал с собой ружьё. Однако всё изменилось, и Инек даже улыбнулся, представив себе, сколько разговоров вызывала эта привычка у людей, встречавших его в лесу. Почти в самом конце галереи на глаза ему попался громоздкий чёрный контейнер, торчавший из под нижней полки.

Он его задвинул к самой стене, но контейнер всё равно выступал в проход на фут с лишним.

Инек прошёл мимо, потом вдруг обернулся. Этот контейнер, вспомнил он, принадлежал сиятелю, что умер у него на станции. Своего рода наследство, оставленное существом, чьё тело должны были вернуть в могилу вечером.

Он подошёл к полке, прислонил винтовку к стене и, наклонившись, выдвинул контейнер в проход. Когда-то давно, прежде чем перетащить ящик сюда на хранение, Инек заглянул в него, но в то время, вспомнилось ему, содержимое контейнера почему-то не очень его заинтересовало. Теперь же он вдруг почувствовал жгучее любопытство.

Откинув крышку, Инек присел рядом и, ни к чему не прикасаясь, обвёл взглядом предметы, лежавшие сверху. Аккуратно свёрнутый сверкающий плащ — возможно, какое-то церемониальное одеяние. В складках плаща — маленький

пузырёк, горевший отражённым светом, словно алмаз, выдолбленный изнутри. Рядом лежала гроздь матовых шариков тёмно-фиолетового цвета, больше всего похожих на обычные шарики для настольного тенниса, из которых кто-то слепил грубое подобие сферы. Только на самом деле они свободно перемещались в пределах этой сферы, словно в контейнере с жидкостью. Вытащить оттуда хотя бы один шарик не удавалось никакими силами, но все они двигались относительно друг друга. Разглядывая фиолетовую гроздь в первый раз, Инек решил, что это, скорее всего, некий калькулятор, хотя утверждать наверняка он бы не стал, поскольку все шарики выглядели совершенно одинаково и отличить один от другого было просто невозможно. Во всяком случае, человеку. Не исключено, что сиятели могут их отличать, однако он всё равно не представлял себе, что это за калькулятор. Математический? Этический? Философский? А может быть, он и ошибается: никто никогда не слышал о калькуляторах для этических или философских проблем. Вернее, на Земле никто не слышал. Возможно, это и не калькулятор вовсе, а что-нибудь другое — допустим, игра.

Будь у него побольше времени, он, может быть,

и догадался бы, что это за штука, но ни времени, ни желания тратить его на один-единственный экспонат среди сотен столь же фантастических и загадочных у него не было. Стоит только начать разгадывать что-нибудь одно, как тут же одолевают сомнения: а не тратишь ли ты своё время на самый незначительный и ненужный экспонат во всей коллекции?

Заваленный многочисленными инопланетными дарами, по большей части непонятными, Инек стал в каком-то смысле жертвой этого музейного изобилия.

Он протянул руку и достал из контейнера сверкающий пузырёк, что лежал поверх плаща. Подняв его к глазам, он увидел, что на стекле (или на алмазе?) выгравирована надпись.

В своё время Инек выучился читать на языке сиятелей, если не бегло, то по крайней мере вполне сносно, но уже несколько лет он не брал в руки веганских текстов и многое забыл.

Путаясь в символах и подолгу задумываясь, он тем не менее сумел перевести надпись на пузырьке: «Принимать при первых признаках заболевания».

Лекарство! Лекарство, которое нужно принимать при первых симптомах болезни. Но, видимо,

эти симптомы проявились так неожиданно, что бывший владелец пузырька даже не успел до него дотянуться и умер.

Чуть ли не с благоговением Инек положил пузырёк на место, в маленькое углубление, выдавленное им в ткани плаща. Столь многое отличает их от нас в большом, думал Инек, и в то же время в мелочах мы так похожи, что это порой просто пугает. Взять хотя бы пузырёк с лекарством, который он только что держал в руке: такую же бутылочку с наклеенным предписанием врача можно купить в любой земной аптеке.

Рядом с гроздью шариков лежала деревянная шкатулка с защёлкой на боку. Инек достал шкатулку из контейнера и, откинув крышку, увидел внутри листки материала с металлическим блеском, который сиятели использовали вместо бумаги.

Он осторожно поднял верхний лист, и у него в руках оказалась длинная полоса, сложенная гармошкой. Под ней лежали другие листки из такого же материала. Инек поднёс полоску поближе к глазам, силясь разобрать выцветшие строки.

«Моему..., ...другу». (Хотя на самом деле последнее слово следовало перевести, скорее, как «кровный брат» или, может быть, «коллега»; два

прилагательных, стоящих перед ним, Инек вообще не понял.) Текст давался нелегко: написан он был на официальном диалекте веганцев, но в почерке заметно отразилась личность писавшего, и многочисленные росчерки и завитушки скрывали порой истинную форму символов. Инек медленно пробирался от строки к строке. Многого он не понимал, но общий смысл улавливал почти везде.

Автор письма рассказывал о своём пребывании на чужой планете. Или, может быть, на своей, но в каких-то далёких местах. Названия планеты (или этих мест) Инеку никогда не доводилось слышать. Во время своего визита автор совершил некий ритуал (в чём он заключается, понять было невозможно), имевший отношение к его приближающейся смерти.

Инек удивлённо перечитал строку ещё раз, и, хотя многое оставалось непонятным, фраза *«моя приближающаяся смерть»* сомнений не вызывала. Ошибиться в переводе тут было невозможно, все три слова он узнал без труда.

Далее автор письма советовал своему дорогому другу (?) поступить так же, уверяя, что его ждёт душевный покой и ясное понимание пройденного пути. Больше в письме ничего не объяснялось.

Автор просто сообщал, что сделал некие, по его мнению, необходимые приготовления к смерти. Как будто он знал, что смерть уже рядом, но это его не пугало и даже не беспокоило.

После этого (абзацы в письме отсутствовали) рассказывалось о встрече с каким-то другим существом и о беседах на совершенно непонятную для Инека тему. Читая этот отрывок, он просто запутался в незнакомой ему терминологии. А дальше шёл такой текст: *«Меня крайне беспокоят посредственные способности* (некомпетентность? непригодность? слабость?) *очередного хранителя* (загадочный символ, который можно было перевести как «Талисман»), *поскольку* (следующее слово, судя по всему, означало длительный отрезок времени), *с тех самых пор, как умер предыдущий хранитель, Талисман используется очень плохо. Прошло уже* (ещё один длительный отрезок времени) *с тех пор, как нам удалось найти последнего настоящего* (восприимца?), *который действительно мог работать с талисманом. Многие проходили проверку, но достойного среди них не оказалось, и по причине отсутствия такового галактика отошла от своих главенствующих жизненных принципов. Мы все тут в* (святилище? храме?) *весьма обеспокое-*

ны тем, что без надлежащего единения людей с (несколько непонятных слов) *галактика придёт к хаосу и* (целая строка, которую Инек не смог расшифровать)*».*

Следующее предложение касалось уже новой темы — планов какого-то фестиваля, связанного с едва понятной Инеку формой искусства.

Он медленно сложил письмо и спрятал его обратно в шкатулку, чувствуя себя немного неловко от того, что прочёл его и словно бы заглянул без спроса в чужую дружбу. Мы все тут в храме… Возможно, письмо было написано одним из веганских посвящённых и адресовано его другу, старому философу. Остальные письма тоже, видимо, от него, и старик сиятель так ими дорожил, что, отправляясь в путешествие, взял с собой.

Плечи у Инека похолодели, и ему показалось, что в галерее потянуло лёгким ветерком — даже не ветерок, скорее, а какое-то необъяснимое движение в холодном воздухе. Он взглянул вглубь коридора, но всё выглядело спокойно. Да и ощущение это уже ушло, словно никакого дуновения и не было. Как будто дух пролетел, подумалось Инеку.

Есть ли у сиятелей духи?

Соотечественники сиятеля на Веге-21 узнали

о том, что он умер, и даже как умер, в тот самый момент, когда это случилось. Точно так же они узнали и о пропаже тела. А о приближении смерти в письме говорилось совершенно спокойно — большинству людей это вряд ли под силу.

Может быть, на самом деле сиятели знают о жизни и смерти что-то такое, о чём люди ещё просто не догадываются. Может, где-то, в каких-то галактических хранилищах информации давно уже лежат труды, в которых всё это исчерпывающе объяснено?

Есть ли там ответ на загадку жизни?

Возможно, есть. Возможно, кто-то уже знает, в чём смысл и назначение жизни. От этой мысли, от надежды на то, что разумные существа уже решили самое таинственное уравнение Вселенной, на душе становилось спокойнее. А может быть им известно и какую роль в этом уравнении играет энергия духовности — идеалистическая сестра пространства-времени и всех остальных базовых элементов, из которых состоит Вселенная.

Он попытался представить себе, что значит вступить в контакт с энергией духовности, и не смог. Не исключено, что даже те, кому доводилось испытывать подобные ощущения, не могут передать их словами. Наверное, о них просто

невозможно рассказать. В конце концов, человек всю жизнь живёт в теснейшем взаимодействии и с пространством, и со временем, но разве может он передать словами, что это означает или как он это чувствует?

Улисс, очевидно, не сказал ему всей правды. Он говорил о пропаже Талисмана, но ни словом не обмолвился о том, что в последние годы его сила и престиж померкли, поскольку очередной хранитель оказался не в состоянии обеспечить надёжный контакт между жителями галактики и энергией духовности. И ещё тогда начали ослабевать узы галактического братства, подтачиваемые, словно ржавчиной, несостоятельностью хранителя. То, что происходило сейчас, началось отнюдь не после пропажи Талисмана. Процесс длился гораздо дольше, чем инопланетянам хотелось бы признать. Хотя возможно, большинство из них об этом и не подозревали.

Инек захлопнул шкатулку и вернул её на место в контейнер. Как-нибудь в другой день, когда у него будет соответствующее настроение, когда ему будет не столь тревожно, а чувство вины за это подглядывание в чужую жизнь притупится, он переведёт письма добросовестно и по всем правилам. Он не сомневался, что в письмах сиятеля

наверняка найдёт какие-то откровения, которые помогут ему ещё глубже понять эту удивительную расу и ещё выше оценить их человечность — не в том смысле, в каком слово употребляется применительно к жителю Земли, а в более широком, имея в виду, что в основе определения любой расы должны лежать некие правила поведения. Так же как термин «человечность» в его привычном значении определяет расу людей.

Он протянул руку, чтобы закрыть контейнер, но что-то его остановило.

Как-нибудь в другой день… Но вдруг другого дня уже не представится? Видимо, живя на станции, он просто привык думать, что всегда будет «другой день». Здесь дни уходили в прошлое и тянулись в будущее бесконечной чередой. Станция ломала привычную временную перспективу, даруя возможность спокойно вглядываться в длинный, а может, и бесконечный поток времени. Но всё это может теперь кончиться. Время вдруг сожмётся и вернётся в своё обычное состояние. Если ему придётся покинуть станцию, бесконечная череда будущих дней просто оборвётся.

Он снова откинул крышку контейнера, достал шкатулку с письмами и поставил на пол, решив

забрать её с собой наверх и положить где-нибудь с другими ценными вещами, которые, если придётся покинуть станцию, нужно будет вынести в первую очередь.

Если придётся покинуть… Вот и ответ на один из мучивших его вопросов. Как-то незаметно для себя самого Инек пришёл к окончательному решению, и теперь оставалось только его выполнить.

Но раз это решение принято, тогда он готов и к его последствиям. Оставив станцию, он уже не сможет просить Галактический Центр излечить Землю от войны.

Улисс назвал его представителем Земли. Но может ли он в самом деле представлять её интересы? Он, человек девятнадцатого века? Имеет ли он право представлять двадцатый?

Человечество меняется с каждым поколением очень заметно. А он не только вырос в девятнадцатом веке, но и больше ста лет прожил в особых условиях, совсем не похожих на те, в которых жило всё человечество.

Стоя перед контейнером на коленях, Инек размышлял о себе с удивлением и жалостью. Кто он? Человек ли ещё? Или безотчётно он впитал в себя столько чужих воззрений, что превратился

в некий странный галактический гибрид?

Захлопнув крышку, Инек задвинул контейнер на место под стеллаж. Сунул шкатулку с письмами под мышку, поднялся на ноги и, прихватив винтовку, пошёл к лестнице.

31

В углу кухни он нашёл несколько пустых картонных коробок, в которых Уинслоу привозил из города заказанные продукты, и начал упаковывать вещи.

Сложенные по порядку дневники заняли целую коробку и половину второй. Туда же, во вторую коробку, Инек уложил двенадцать алмазных графинов, обернув их в несколько слоёв старыми газетами. Потом достал из шкафа веганскую музыкальную шкатулку и, завернув её в бумагу, упаковал в третью коробку. В четвёртую он сложил всю инопланетную литературу, что скопилась у него за много лет.

В столе не оказалось ничего нужного — кое-какие бумаги, прочая ерунда да ещё таблица. Инек скомкал её и бросил в мусорную корзину.

Заполненные коробки он отнёс к двери. Льюис обещал держать грузовик наготове, но, если Инек попросит его о помощи, машина не появится в ту же минуту, пройдёт какое-то время. А сложив всё ценное заранее, он сможет вынести коробки из дома и дождаться её снаружи.

Всё ценное… Кто будет решать — что тут цен-

ное, а что нет?

Дневники и инопланетная литература — это, конечно, нужно вывезти в первую очередь. А остальное? Ведь для Земли каждый предмет в доме может представлять интерес, и поэтому надо забирать всё. Если будет достаточно времени и если никто не помешает, это вполне реально — вывезти сначала то, что находится в комнате, а затем и то, что хранится в подвале.

Все эти вещи — его, потому что их ему подарили, а значит, он вправе распоряжаться ими по своему усмотрению. Хотя Галактический Центр наверняка может с ним не согласиться и даже попытаться помешать.

Если обстоятельства сложатся именно так, важно успеть передать хотя бы наиболее ценное. Может быть, есть смысл спуститься в подвал и перетащить наверх по крайней мере те вещи, назначение которых он уже знает. Лучше взять предметы, о которых ему хоть что-то известно, чем тащить множество вещей непонятных и, возможно, бесполезных.

Остановившись в нерешительности посреди комнаты, Инек разглядывал свои сокровища. Конечно же, нужно будет взять всё, что лежит на кофейном столике, включая и маленькую

сверкающую пирамидку, которую привела в действие Люси.

Потом он заметил, что Малыш снова сполз со стола и упал на пол. Наклонившись, Инек взял его на руки. С тех пор как он рассматривал его в последний раз, Малыш отрастил две или три новые шишки и приобрёл нежно-розовую окраску. Раньше он был голубого цвета.

Возможно, подумал Инек, ему не следовало называть его Малышом, поскольку он даже не знал, живая эта штуковина или нет. Трудно представить себе, что жизнь может существовать и в такой форме: не камень, не металл, но что-то очень похожее. Напильник не оставлял на нём никакого следа. Несколько раз Инека подмывало стукнуть по нему молотком и посмотреть, что получится, но почему-то он был уверен, что Малышу всё равно ничего не сделается. Он медленно рос и иногда двигался, но совершенно непонятно, каким образом. Стоило забыть о нём, а потом вернуться, и он уже передвинулся — совсем чуть-чуть, но передвинулся. Более того, он чувствовал, когда за ним наблюдают, и в таких случаях лежал неподвижно. Насколько Инек понимал, Малыш ничего не ел, и, соответственно, вокруг него всегда было чисто. Иногда он вдруг менял окраску,

но совершенно бессистемно.

Малыша года два назад подарило ему существо, прибывшее с планеты, которая находилась где-то в созвездии Стрельца, и такого гостя Инек, конечно, забыть не мог. Может быть, он и не был ходячим растением, но выглядел именно так: корявый, худосочный куст, которому и земля досталась неважная, и воды вечно не хватало, но он тем не менее вырос, и на его ветвях расцвело множество дешёвых браслетов, позвякивавших, словно серебряные колокольчики, при каждом движении.

Инек попытался узнать у него, что из себя представляет подарок, но ходячий куст только тряс браслетами, заполняя всю станцию весёлым перезвоном, и ничего не отвечал.

Положив Малыша на край стола, Инек забыл о нём, но спустя несколько часов, когда гость давно уже отправился своей дорогой, он заметил, что «камень» лежит на другом краю. Поверить в то, что эта штуковина может двигаться сама, было невозможно, и Инек подумал, что просто не помнит, куда положил подарок. Только спустя два или три дня он всё-таки убедил себя, что с памятью у него всё в порядке, а «камень» действительно ползает.

Всё это нужно будет взять с собой — и Малыша, и пирамидку Люси, и куб, который показывает инопланетные пейзажи, и многое-многое другое…

Инек стоял посреди комнаты, держа Малыша в руке, и только сейчас вдруг задумался: с чего это он уже собирается?

Он действовал так, словно окончательно решил оставить станцию, словно уже выбрал Землю, а не галактику. Но когда и как пришло к нему это решение? Ведь для того, чтобы решить, необходимо осмыслить, оценить варианты, а ничего подобного он не делал. Не взвешивал «за» и «против», не пытался продумать всё до конца. Решение пришло к нему само, — решение, казавшееся невозможным, но теперь такое понятное и доступное.

Может быть, неосознанно вобрав в себя странную смесь чужих систем мышления и этических представлений, он, сам того не замечая, обрёл способность думать по-новому, принимать решения на подсознательном уровне и эта способность дремала в нём до сегодняшнего дня, пока в ней не возникала необходимость?

Инек вспомнил про несколько пустых коробок, лежавших в сарае, и подумал, что нужно пере-

тащить их в дом. Потом можно будет спуститься в подвал и заняться предметами, назначение которых ему известно. Он взглянул в окно и с удивлением обнаружил, что времени у него остаётся мало: солнце уже садилось. Скоро стемнеет.

Поесть он за весь день так и не успел, но решил, что это подождёт. Позже можно будет перехватить что-нибудь на ходу.

Повернувшись к столу, чтобы положить Малыша на место, Инек вдруг услышал знакомый звук и замер. Лёгкий шелест заработавшего материализатора невозможно было спутать ни с чем другим — слишком часто ему доводилось слышать его за годы работы на станции.

И видимо, это служебный материализатор, поскольку без предварительного сообщения никто не мог воспользоваться вторым.

Очевидно, Улисс, подумал Инек. Или кто-то ещё из Галактического Центра, потому что Улисс всегда предупреждал его о своих визитах заранее.

Инек сделал шаг вперёд, чтобы лучше видеть материализатор, и в этот момент там появился тёмный силуэт какого-то существа.

— Улисс! — произнёс Инек и тут же понял, что это не он.

На мгновение ему показалось, что существо

одето в элегантный чёрный фрак с длинными фалдами, белую манишку и остроконечную шляпу, но он тут же понял, что это огромная крыса с гладкой чёрной шерстью и острой мордочкой, как у всех земных грызунов, только она ходит на задних лапах. Существо бросило взгляд в его сторону, и Инек заметил красные блестящие глаза. Затем крыса отвернулась, и он увидел, как она достаёт из висящей на поясе кобуры какой-то отсвечивающий металлическим блеском предмет.

Что-то тут было не так. Прибывшему полагалось по крайней мере подойти, поздороваться со смотрителем. Вместо этого существо лишь зыркнуло на него своими красными глазищами и отвернулось.

Когда оно извлекло металлический предмет из кобуры, Инек понял, что это пистолет или, во всяком случае, какое-то оружие.

Может быть, так они и закрывают станции? Один выстрел, без слов, и смотритель падает на пол. Только Улисса не послали, потому что он не смог бы убить друга.

Винтовка всё ещё лежала на столе, но он вряд ли успеет её схватить…

Однако похожее на крысу существо даже не повернулось в его сторону. Оно стояло, глядя в

угол. Рука с оружием поднялась…

В голове Инека словно зазвучал сигнал тревоги. Он размахнулся и, непроизвольно вскрикнув, запустил в крысу Малышом.

До него вдруг дошло, что крыса хочет убить не его, Инека, — она хочет уничтожить саму станцию. Там, в углу, куда крыса собиралась стрелять, не было ничего, кроме комплекса управления — центра станции, её сердца. Если его уничтожить, станция будет мертва, и, чтобы вернуть её к жизни, группе специалистов с ближайшей станции придётся добираться сюда космическим кораблём, а на это уйдёт несколько лет.

Когда Инек вскрикнул, крыса, чуть присев, резко обернулась, и кувыркающийся Малыш попал ей в живот. Не удержавшись на ногах, она отшатнулась к стене и выронила пистолет. Раскинув руки, Инек бросился вперёд и ещё в прыжке почувствовал исходивший от крысы отвратительный запах. Он обхватил её руками за туловище и швырнул через комнату. Крыса оказалась вовсе не такая тяжёлая, как он ожидал. Она упала, проскользила по полу и остановилась, врезавшись в кресло. Потом вскочила, распрямившись, словно пружина, и рванулась к пистолету.

Инек настиг её в два прыжка, ухватил сзади за шею и, оторвав от пола, несколько раз тряхнул. Пистолет снова выпал у неё из руки, а висевшая через плечо сумка застучала по волосатой груди, как пневматический молот.

Вонь стояла такая плотная, что казалось, её вот-вот можно будет увидеть. Инека замутило. Но вонь ещё усилилась и стала совсем невыносимой, словно в ноздри Инеку врывался огонь, а по голове лупили палкой. Он расцепил руки и, шатаясь, отскочил назад. Давясь сухим кашлем, он согнулся, поднял руки к лицу, стараясь отогнать от себя эту вонь, прущую в нос, в рот, в глаза.

Сквозь пелену слёз он увидел, как крыса схватила с пола пистолет и понеслась к выходу. Кодовой фразы Инек не расслышал, но дверь скользнула в сторону и, выпустив крысу наружу, тут же закрылась.

32

Инек, шатаясь, добрался до стола и опёрся о него руками. Отвратительный запах постепенно улетучивался, голова прояснялась, но ему даже не верилось, что всё это действительно произошло. Такое просто не могло случиться. Крысоподобное существо прибыло через служебный материализатор, которым пользовались только сотрудники Галактического Центра. Однако никто из них, Инек был уверен, не повёл бы себя так, как этот непрошеный гость. С другой стороны, существо знало кодовую фразу, открывающую дверь, а её опять же не мог знать никто, кроме самого Инека и сотрудников Галактического Центра…

Протянув руку, Инек взял со стола винтовку. Станция цела, и пока ничего страшного не произошло, подумал он. Если не считать того, что на Земле оказался инопланетянин, а этого допускать нельзя, потому что Земля, как планета, не входящая в галактическое содружество, для инопланетян закрыта.

Он понимал, что должен вернуть крысу на станцию.

Произнеся на ходу кодовую фразу, Инек вы-

бежал из дома и свернул за угол. Крыса неслась через поле и почти уже достигла леса. Инек со всех ног бросился за ней, но она скрылась за деревьями, когда ему оставалось до них несколько сот футов.

В лесу начало темнеть. Косые лучи заходящего солнца ещё касались верхушек деревьев, но внизу уже сгущались тени. Оказавшись в подлеске, Инек огляделся и заметил крысу в небольшой лощине, где она карабкалась по противоположному склону, пробираясь через заросли папоротника, вымахавшего почти ей по пояс.

Если она будет двигаться в том же направлении, подумал Инек, тогда всё в порядке. Дальний склон лощины выходил к каменистой гряде, обрывавшейся с другой стороны отвесными скалами. Место там совершенно изолированное, и хотя выкурить оттуда инопланетянина, если тот решит схорониться где-нибудь среди камней, будет нелегко, по крайней мере он окажется в тупике и обратно уже не выберется.

Впрочем, напомнил себе Инек, времени осталось не так много: солнце уже садится, и скоро станет совсем темно.

Он свернул к западу, чтобы обойти лощину, но старался не упускать мелькавшую за деревьями

фигуру из виду. Крыса продолжала взбираться по склону, и Инек прибавил ходу.

Теперь он точно знал, что она в ловушке: крыса миновала то место, где ещё можно было вернуться и уйти в сторону. Скоро она доберётся до гряды, и ей останется только спрятаться там среди обломков скал.

Инек бегом пересёк заросшую папоротником поляну и вышел на склон холма в сотне ярдов ниже каменистой гряды. Здесь кустарник рос не так плотно, и лишь кое-где встречались деревья, но мягкий лесной грунт уступил место россыпи мелких обломков камня, что в течение долгих-долгих лет откалывались зимними морозами от скал и скатывались вниз по склону. Пробираться по этим обломкам, покрытым кое-где толстым слоем мха, стало гораздо труднее.

Поднимаясь, Инек обвёл взглядом лежащую впереди гряду, но инопланетянина нигде не было. Потом он заметил краем глаза какое-то движение и бросился на землю за куст орешника. Оттуда уже, сквозь переплетение ветвей, он увидел на фоне тёмного неба крысу. Она вертела головой из стороны в сторону, осматривая склон внизу и держа оружие наготове.

Инек замер, удерживая винтовку в вытянутой

руке. Костяшки пальцев саднило — ободрал об камни, когда нырнул под куст.

Крыса скрылась за валунами, и Инек медленно подтянул к себе винтовку. Теперь, если представится возможность, можно стрелять.

Но хватит ли у него духу? Осмелится ли он убить инопланетянина?

Ведь тот мог убить его там, на станции, когда Инек чуть не потерял сознание от дикой вони, но не сделал этого и просто скрылся. Может быть, существо было напугано и думало только о том, как бы убежать? Или оно просто не осмелилось поднять руку на смотрителя станции — точно так же, как и он сам не мог сейчас решиться на убийство?

Инек внимательно оглядел лежащие впереди глыбы, но теперь никакого движения не заметил. Надо подниматься выше, подумал он, поскольку время работает против него, но на руку беглецу. До полной темноты осталось от силы полчаса, и надо успеть закончить это дело: если крысе удастся ускользнуть, потом её уже не поймаешь.

Но откуда вдруг такое беспокойство по поводу инопланетянина, прорвавшегося на Землю? Вопрос всплыл перед ним, словно его задало взирающее со стороны второе «я» Инека. Разве ты

сам не собирался сообщить Земле о населяющих галактику существах? И без разрешения передать своей планете все те инопланетные знания и артефакты, которые оказались в твоём распоряжении? Почему ты остановил инопланетянина, когда тот пытался уничтожить станцию? Ведь это обеспечило бы её изоляцию на долгие годы. Если бы это произошло, у тебя появилась бы возможность поступить с сокровищами станции по своему разумению. Если бы события развивались своим чередом, всё закончилось бы как нельзя лучше.

«Но я не мог, — мысленно выкрикнул Инек. — Разве ты не понимаешь, что я не мог? Не понимаешь?»

Из задумчивости его вывел шорох кустарника слева, и он тут же вскинул винтовку.

Всего в двадцати футах от него стояла Люси Фишер.

— Уходи! — крикнул он, забыв, что она не услышит.

Она, конечно же, не обратила на его крик никакого внимания, потом чуть повернулась влево, взмахнула рукой и указала на каменистую гряду впереди.

— Уходи! Уходи отсюда, — пробормотал Инек,

показывая рукой, что ей нужно вернуться.

Люси покачала головой и, пригнувшись, побежала вверх по левой стороне склона. Инек вскочил на ноги и бросился за ней, но в этот момент в воздухе что-то прошкворчало, и вокруг запахло озоном. Он снова упал и немного ниже увидел участок булькающей, исходящей паром земли фута три диаметром, где яростным жаром уничтожило всю растительность, а камни превратило в кипящую жижу.

Лазер, догадался Инек. Лазер, обладающий колоссальной мощностью и довольно узким лучом.

Собравшись с духом, он сделал ещё одну короткую перебежку и бросился на землю за бугорком, из которого росли несколько кривых берёзок.

Над головой опять прошкворчало, полыхнуло жаром, и снова запахло озоном. Земля на другой стороне лощины задымилась. Сверху посыпался пепел. Инек осторожно поднял голову и увидел, что верхнюю половину берёзок снесло начисто. С обгоревших пеньков лениво поднимались струйки дыма.

Неизвестно, что бы инопланетянин мог сделать там, на станции, но сейчас, похоже, он настроился серьёзно. Он понял, что его загнали в угол, и

теперь ему оставалось только убить противника.

Инек прижался к земле, и тут же в голову пришла мысль о Люси: успела ли она спрятаться? И что ей здесь понадобилось? Да ещё в такое время? Хэнк опять решит, что её украли, и пойдёт искать. Что на неё сегодня нашло?

Темнота сгущалась. Последние лучи уходящего солнца цеплялись за верхние ветви деревьев. Из речной долины потянуло прохладой, сочно запахла влажная земля. Где-то пустила печальную трель птица козодой.

Инек вскочил из-за укрытия и, рванувшись вверх по склону, добрался до толстого поваленного дерева. Крысы не было видно, и на этот раз лазерной вспышки не последовало.

Вглядываясь вперёд, он решил, что сделает ещё две перебежки — сначала до маленькой кучи камней, а затем прямо к валунам — и тогда его положение будет гораздо лучше, чем у прячущейся крысы. Вот только что делать дальше?

Двигаться вперёд, видимо, и отлавливать инопланетянина. Заранее тут ничего не продумаешь. Нужно добраться до первых валунов и действовать по обстановке, используя любое укрытие. Только стрелять он всё-таки не станет. Придётся ловить его живьём и, если понадобится, силком

тащить упирающегося и визжащего инопланетянина к станции.

Оставалось надеяться, что на воздухе крысе не удастся использовать против него свой омерзительный запах. Во всяком случае, не так успешно, как это случилось на станции. И тогда справиться с ней будет гораздо легче.

Инек оглядел нагромождение валунов от края до края, но не увидел ничего такого, что могло бы указать на спрятавшегося инопланетянина. Медленно, осторожно, чтобы не выдать себя шумом, он приготовился к новому броску, но тут краем глаза заметил движущуюся тень чуть ниже на склоне холма.

Одним молниеносным движением он перевернулся на спину, сел и перехватил винтовку, но навести уже не успел. Тень навалилась на него, прижав к земле, и ладонь с широко расставленными пальцами зажала ему рот.

— Улисс! — успел выдавить Инек, но инопланетянин только зашипел, чтобы он молчал.

Улисс осторожно сполз в сторону и убрал руку, затем показал на каменную гряду. Инек кивнул. Улисс подтянулся поближе, наклонился к Инеку и прошептал в самое ухо:

— Талисман! У него Талисман!

— Талис...?! — воскликнул было Инек, но на полуслове задушил свой возглас, вспомнив, что нельзя выдавать себя шумом.

Сверху загрохотал покатившийся камень, и Инек прижался к земле.

— Ложись! — крикнул он Улиссу. — Ложись! У него лазер!

В этот момент рука Улисса тряхнула его за плечо.

— Инек! Смотри!

Инек рывком поднял голову и увидел на фоне тёмного неба два сцепившихся силуэта.

— Люси! — закричал он.

Очевидно, она сумела подкрасться. Чёрт бы её!.. Пока крыса следила за склоном холма, Люси обошла её сбоку, тихо подползла ближе и набросилась. В поднятой руке Люси было что-то вроде дубины, очевидно, старый сломанный сук, которым она собиралась ударить крысу по голове, но та успела схватить Люси за запястье.

— Стреляй! — произнёс Улисс упавшим голосом.

Инек вскинул винтовку, но в сгустившейся темноте прицелиться оказалось нелегко. Да и стояли крыса с Люси слишком близко друг к другу.

— Стреляй! — закричал Улисс.

— Не могу, — Инек даже всхлипнул от отчаянья. — Слишком темно.

— Ты должен! — В голосе Улисса зазвучала твёрдость. — Ты должен рискнуть!

Инек снова прицелился. На этот раз он нашёл цель почти без труда и понял, что дело было не в темноте: мешало воспоминание о том первом выстреле, когда он промахнулся, стреляя в фантастическом мире, где бродили над лесом огромные хрюкающие твари на ходулях. Если он промахнулся тогда, значит, может промахнуться и сейчас…

Мушка остановилась на голове крысоподобного существа, но оно качнулось в сторону. Потом обратно.

— Стреляй! — снова крикнул Улисс.

Инек нажал на курок. Раздался сухой треск выстрела. Крыса, наверное, ещё целую секунду стояла на камнях, хотя от её головы осталась только половина, с которой в разные стороны разлетались, словно стремительные насекомые, чёрные ошмётки, едва заметные на фоне потемневшего западного неба.

Выронив винтовку, Инек упал на землю и вцепился пальцами в мягкий мох. От мысли о том, что могло бы случиться, его била дрожь, но

тут же накатила слабость, вызванная чувством облегчения и благодарности за то, что этого не произошло, за то, что годы тренировок в его фантастическом тире наконец-то окупились сторицей.

Странно, подумалось ему, как много бессмысленных вещей формирует наши судьбы. Тир предназначался для одной только цели — ублажать смотрителя станции. Казалось бы, совершенно бессмысленное занятие, как бильярд или игра в карты, однако время, что он там провёл, выкристаллизовалось в одно это короткое мгновение на склоне холма.

Беспокойство и боль постепенно оставляли его — будто уходили в землю, и в душе воцарялся покой. Покой леса, покой холмов, покой первых тихих шагов наступившей ночи. Небо, звёзды и само пространство словно склонились над Инеком, нашёптывая о том, что он един с ними, что он тоже частица этого большого мира. На мгновение ему показалось, что он сумел ухватиться за краешек какой-то великой истины, а вместе с истиной к нему пришло успокоение и неведомое ранее ощущение величия жизни.

— Инек, — прошептал Улисс. — Инек, брат мой…

В его голосе Инеку послышался судорожный, взволнованный вздох. Раньше он никогда не называл землянина братом.

Инек поднялся на колени и увидел над грядой камней мягкий, восхитительный свет, словно там зажёг свой фонарик гигантский светлячок. Свет перемещался, спускаясь по камням к ним, а рядом шла Люси — как будто она несла в руке горящую лампу.

Рука Улисса протянулась откуда-то из темноты и сдавила плечо Инека.

— Ты видишь? — спросил Улисс.

— Да, вижу. Что это?

— Это Талисман, — произнёс Улисс восхищённо и от волнения немного хрипло. — А рядом его новый хранитель. Именно такого хранителя мы искали долгие-долгие годы.

33

Привыкнуть к такому просто невозможно, говорил себе Инек, когда они возвращались лесом к станции. Талисман наполнял своим тёплым сиянием каждое мгновение его жизни, и хотелось сохранить это ощущение навсегда. Разумеется, Талисман будет рядом не вечно, но он точно знал: ему никогда уже не забыть того, что произошло у него в душе.

Охватившее его чувство не поддавалось описанию: было в нём что-то от материнской любви, и от гордости отца, и от обожания милой сердцу женщины, и от товарищеской верности, и ещё многое-многое другое. Это чувство приближало далёкое, а сложное делало простым и понятным, оно уносило прочь страх и печаль, хотя в нём самом тоже звучала нотка печали — словно бы от понимания, что никогда в жизни не будет больше такого возвышенного мгновения, что в следующую секунду оно уйдёт безвозвратно и отыскать его уже не удастся. Однако мгновение длилось.

Крепко прижимая к груди сумку с Талисманом, Люси шла между ними, и, глядя на неё, Инек невольно представлял себе маленькую девочку с

любимым котёнком на руках.

— Наверное, уже несколько веков — а может быть, и вообще никогда — не светился Талисман так ярко, — проговорил Улисс. — Я, во всяком случае, такого не припоминаю. Замечательно, да?

— Замечательно, — ответил Инек.

— Теперь мы снова станем едины, — сказал Улисс. — Снова почувствуем, как на самом деле близки. И снова будет не много народов, а одно галактическое содружество.

— Но это существо, которое…

— Хитрый негодяй, — сказал Улисс. — Он хотел получить выкуп за Талисман.

— Значит, Талисман всё-таки был украден?

— Мы ещё не знаем всех обстоятельств этой истории, но, разумеется, узнаем.

Какое-то время они шли молча. Далеко на востоке появились над верхушками деревьев первые отсветы поднимающейся луны.

— Я одного не понимаю… — начал было Инек.

— Спрашивай.

— Как могло это существо носить с собой Талисман и не чувствовать его? Ведь если бы оно чувствовало, разве пришло бы ему в голову украсть Талисман?

— Среди многочисленных жителей галактики

попадается лишь один на несколько миллиардов, кто способен… как бы это вернее сказать? — настроить Талисман, привести его в действие. На меня или на тебя он просто не отреагирует. Но стоит этому одному существу прикоснуться к Талисману, как он тут же оживает. Нужна особая восприимчивость, которая связывает машину с резервуарами вселенской энергии духовности. Дело не в самой машине — она лишь помогает избранному существу дать нам возможность ощутить энергию духовности.

Машина, аппарат, инструмент — технологический родственник мотыге или гаечному ключу, но как же далеки они друг от друга! Как человеческий мозг от первой аминокислоты, зародившейся на Земле, когда эта планета ещё была молода. Можно даже сказать, что это предел эволюции инструмента, последняя вершина, выше которой уже не подняться. Впрочем, это неверное заключение — скорее всего, развитию нет предела, а значит, последней вершины тоже нет; едва ли наступит время, когда какое-то существо или группа существ остановится в своём развитии у определённой точки и скажет: «Всё. Дальше мы не пойдём. В этом нет смысла». Ведь каждый шаг вперёд открывает в свою очередь

множество новых возможностей, множество новых путей, и следующий шаг по одному из них снова открывает новые дороги. И нет им конца…

Они добрались до края поля и пошли напрямик к станции. Откуда-то спереди послышались быстрые шаги — кто-то бежал им навстречу.

— Инек! — донёсся из темноты знакомый голос. — Инек, это ты?

— Да, Уинслоу. Что случилось?

Почтальон подбежал ближе и, переводя дух, остановился за кругом света, падающего от Талисмана.

— Инек, они всё-таки собрались! Погрузились в две машины и едут. Но, надеюсь, мне удалось их задержать. В том месте, где начинается грунтовая дорога к твоему дому, я высыпал в колеи фунта два кровельных гвоздей, и на какое-то время они там застрянут.

— Кровельных гвоздей? — недоумевающе спросил Улисс.

— Толпа, — пояснил Инек. — Они собираются расправиться со мной. А гвозди…

— Понятно, — сказал Улисс. — Чтобы проколоть шины…

Уинслоу шагнул ближе, пристально глядя на светящийся сквозь ткань сумки Талисман.

— Это Люси Фишер, да?

— Точно, — ответил Инек.

— Её старик только что примчался в город и начал вопить, что она опять исчезла. Там всё вроде бы уже поутихло, но Хэнк их снова накрутил. Я послушал-послушал и двинулся в скобяную лавку. Прихватил гвоздей и успел сюда раньше них.

— Толпа? — снова переспросил Улисс. — Я не…

— А этот тип, что искал женьшень, ждёт тебя у дома, — перебил его Уинслоу, захлёбываясь от желания поскорее рассказать всё, что ему известно. — У него там грузовик.

— Это Льюис с телом сиятеля, — пояснил Инек Улиссу.

— Он, по-моему, здорово расстроен, — добавил Уинслоу. — Говорит, ты должен был его ждать.

— Может быть, нам не стоит тогда задерживаться, — сказал Улисс. — Я не всё понимаю, но догадываюсь, что назревает некий кризис.

— Послушай, что здесь происходит? — удивлённо спросил Уинслоу. — Что это за штука у Люси в руках? И кто это стоит рядом с тобой?

— Потом, — сказал Инек. — Я всё объясню тебе потом. Сейчас не до объяснений — надо спешить.

— Но, Инек, сюда направляется пьяная толпа…

— Когда они появятся, я и с ними разберусь. А сейчас есть более важное дело.

Продираясь сквозь бурьян, вымахавший местами по пояс высотой, все четверо бегом поднялись по склону. Впереди, на фоне ночного неба, темнело угловатое здание станции.

— Они уже у поворота! — задыхаясь, крикнул Уинслоу. — Я только что видел, как там мелькнул свет фар.

Инек, а за ним и остальные вбежали в ворота и, не сбавляя шага, бросились к дому. В отсветах Талисмана уже можно было разглядеть массивный кузов грузовика. От тёмного силуэта машины отделилась фигура человека и заторопилась им навстречу.

— Уоллис, это вы?

— Да, — ответил Инек. — Извините, что меня не оказалось на месте.

— Я, признаться, расстроился, когда понял, что вас тут нет.

— Непредвиденные обстоятельства, — коротко сказал Инек. — Мне срочно потребовалось отлучиться.

— Тело почтенного мыслителя в машине? — спросил Улисс.

Льюис кивнул.

— К счастью, нам удалось его вернуть.

— Через сад тело придётся нести, — сказал Инек. — Машина туда не пройдёт.

— В прошлый раз тело нёс ты, — произнёс Улисс.

Инек кивнул.

— Друг мой, я надеялся, что сегодня ты доверишь мне эту почётную обязанность…

— Конечно, — ответил Инек. — Думаю, и он не стал бы возражать.

На язык просились другие слова, но Инек сдержался, решив, что было бы неуместно благодарить Улисса за то, что он снял с него тяжкую необходимость приносить покаяние перед умершим.

— Они уже идут, — пробормотал Уинслоу, стоявший рядом. — Я слышу на дороге какой-то шум.

И действительно, со стороны дороги доносился звук шагов, неторопливых, уверенных, точно поступь чудовища, которому незачем спешить — жертва всё равно никуда не денется. Инек стал лицом к воротам и вскинул винтовку.

За его спиной заговорил Улисс:

— Наверное, будет правильнее и достойнее похоронить его при полном свете нашего возвра-

щённого Талисмана…

— Она тебя не слышит, — сказал Инек, не оборачиваясь. — Ты забыл, что Люси глухонемая. Надо ей показать.

Не успел он договорить, как всё окружающее пространство озарилось вдруг ослепительным сиянием. Со сдавленным возгласом удивления Инек повернулся к своим товарищам и увидел, что сумка, где хранился Талисман, лежит у ног Люси, а сама она гордо держит над головой маленькое солнце, заливающее светом и двор, и древний дом, и даже край поля.

Стало так тихо, будто весь мир затаил дыхание и замер, встревоженно ожидая страшного грохота, который вот-вот должен прокатиться по земле, но его всё не было и не было.

А вместе с тишиной пришло устойчивое ощущение мира и спокойствия, заполнившее каждую клеточку каждого живого существа вокруг. Не просто мир, который объявили и которому пока позволяют остаться, нет, — настоящий, прочный мир, покой в мыслях, какой приходит вместе с закатной прохладой после долгого жаркого дня или с тёплым призрачным сиянием весенней зари. Мир в душе и вокруг, достигающий самых дальних пределов бесконечности; устойчивый,

надёжный мир, который сохранится до последнего дыхания вечности…

Опомнившись, Инек медленно повернулся к полю и увидел на границе освещённого участка серые силуэты людей, сбившихся в кучу, словно стая присмиревших волков в слабых отблесках костра. Пока он смотрел, люди по одному таяли в темноте и исчезали в том же направлении, откуда пришли. Вскоре скрылись все, кроме одного, который вдруг сорвался с места и бросился вниз по склону холма к лесу, подвывая от ужаса, как испуганная собака.

— Это Хэнк побежал, — заметил Уинслоу.

— Жаль, что мы его напугали, — серьёзным тоном произнёс Инек. — Никто не должен этого бояться.

— Он сам себя боится, — сказал почтальон, — потому что живёт со страхом в душе.

Видимо, он прав, подумал Инек. Человек всегда был таким. Человек долго жил со страхом и больше всего на свете боялся самого себя.

34

Все пятеро стояли у невысокого земляного холмика. Беспокойный ветер шелестел в ветвях залитого лунным светом яблоневого сада, а где-то вдалеке у реки переговаривались в серебряной ночи птицы козодои.

Инек попробовал прочесть надпись, выбитую на грубо отёсанном камне, но лунного света не хватало. Впрочем, он и так помнил её наизусть:

Здесь лежит гость с далёкой звезды, но эта земля ему не чуждая, ибо, умерев, он вернулся в большую Вселенную.

«Ты, когда писал эти строки, думал, как мы», — сказал ему посланник с Веги-XXI всего днём раньше. Инек тогда ничего ему не ответил, но сиятель был не прав, потому что суждение это не только веганское, но и вполне земное.

Язык сиятелей — не самый лёгкий на свете, и, выбивая зубилом слова, Инек допустил две или три ошибки. Но камень был гораздо мягче мрамора или гранита, которые обычно используют в таких целях, и неумело сделанную надпись вряд ли ждала долгая жизнь. Через несколько десятков лет солнце, дожди и морозы раскрошат выбитые

на плите символы, а спустя ещё такой же срок они исчезнут вовсе, и там, где были слова, останутся лишь шероховатые выступы. Но слова всё равно сохранятся — если не на камне, то в памяти.

Инек взглянул на Люси, стоявшую по другую сторону могилы. Талисман вернулся в сумку, и свечение стало немного слабее, но Люси по-прежнему прижимала его к груди, и на лице её сохранялось всё то же восторженное, отрешённое выражение, словно она жила уже не в этом мире, а в каком-то другом измерении, где, кроме неё, не было никого, где не существовало прошлого.

— Ты думаешь, она пойдёт с нами? — спросил Улисс. — Я имею в виду, мы сможем взять её с собой в Галактический Центр? Земля отпустит?..

— Земли это не касается, — сказал Инек. — Мы свободные люди, и она сама решит, как ей поступить.

— Как по-твоему, она согласится?

— Думаю, согласится. Мне кажется, этого дня Люси ждала всю свою жизнь. Может быть, она предчувствовала его даже без Талисмана. Она и вправду жила словно в каком-то особом мире, недоступном всему остальному человечеству. Что-то было в её душе такое, чем не обладал ни один другой житель Земли. Это всегда чувство-

валось, хотя не поддавалось описанию. Ей очень хотелось использовать свой дар, и она пробовала — слепо, неуверенно, неумело. Заговаривала бородавки, лечила бабочек, бог знает что ещё делала.

— А её отец? — спросил Улисс. — Тот, что убежал от нас с криками?

— С Хэнком я договорюсь, — сказал Льюис. — Мы с ним хорошо знакомы.

— Ты хочешь взять её с собой в Галактический Центр прямо сейчас? — спросил Инек.

— Если она согласится, — ответил Улисс. — И надо срочно сообщить им радостную весть.

— А из Центра в путешествие по всей галактике?

— Да. Она нам очень нужна.

— А нам вы её одолжите на денёк-другой?

— Одолжить?..

— Ну да, — сказал Инек. — Земле Люси тоже нужна. Просто необходима.

— Конечно, — сказал Улисс, — однако…

— Льюис, — перебил его Инек, — как вы полагаете, сможем ли мы уговорить кого-нибудь в правительстве — например, государственного секретаря — включить Люси Фишер в состав делегации на мирную конференцию?

Льюис начал что-то говорить, поперхнулся, потом наконец выговорил:

— Думаю, это можно будет организовать…

— Представляете себе, какой эффект произведёт девушка с Талисманом за столом переговоров!

— Кажется, представляю, — сказал Льюис, — но государственный секретарь непременно захочет поговорить с вами, прежде чем объявить о своём решении.

Инек повернулся к Улиссу, но тот понял его и без вопроса.

— Конечно. Дайте мне знать когда, и я тоже с удовольствием поучаствую в разговоре. Кстати, можете передать уважаемому секретарю, что было бы неплохо сразу приступить к формированию всемирного комитета.

— Какого комитета?

— По вопросу вступления Земли в галактическое содружество. Разве это дело, если хранитель Талисмана будет с неприсоединившейся планеты?

35

У края скалы, что возвышалась над рекой, деревьев было совсем мало, и камни, лежавшие под открытым небом, белели в лунном свете, словно огромный скелет какого-то доисторического зверя.

Инек остановился у большого валуна и взглянул на мёртвого инопланетянина, лежавшего тёмным комом среди каменных глыб.

Жалкий неудачник… Умереть так далеко от дома, и, главное, ради чего?

Впрочем, отчего же жалкий? В его мозгу, теперь уже безвозвратно погибшем, зародился колоссальный план — нечто сравнимое с планами Александра, Ксеркса или Наполеона, циничная мечта о беспредельной власти, требующая осуществления любой ценой, мечта столь грандиозная, что она просто вытеснила все другие моральные соображения.

Инек попытался представить себе такой план и понял, что это ему не под силу: слишком многого он не знал о галактике, слишком многого не понимал.

Тем не менее что-то в этом плане не сработало.

Ведь ясно, что Земля там не учитывалась — разве что в качестве запасного варианта, укромного уголка, где можно отсидеться в случае непредвиденных осложнений. Лежащее среди камней существо привела сюда последняя, отчаянная попытка скрыться, однако и это ему не удалось.

Но вот ирония судьбы — беглец с украденным Талисманом попал буквально к порогу дома настоящего восприимца, хотя вряд ли кому пришло бы в голову искать восприимца здесь, на Земле. Вспоминая недавние события, Инек уже не сомневался, что Люси каким-то образом почувствовала присутствие Талисмана, и её потянуло к нему, как иголку к магниту. Она, наверное, ничего больше и не осознавала, кроме того, что Талисман рядом, что он непременно нужен ей, что это именно то, чего она ждала всю свою одинокую жизнь, не понимая, чего ждёт, и не надеясь найти. Как ребёнок, который вдруг замечает на рождественской ёлке сверкающий шар и, решив, что на свете нет ничего прекрасней, хочет во что бы то ни стало им завладеть.

Должно быть, думал Инек, это существо обладало и значительными способностями, и большой изобретательностью.

Иначе ему вряд ли удалось бы украсть Та-

лисман, долгие годы скрывать его от всех и проникнуть в секреты Галактического Центра. Но разве стало бы это возможно, если бы Талисман действовал в полную силу, размышлял Инек. Если бы Талисман действовал в полную силу, ни у кого бы просто не возникло мысли о допустимости подобного шага и не расцвела бы так пышно алчность, побудившая к краже.

Однако теперь всё это позади. Талисман нашёлся, и, что не менее важно, у него появился новый хранитель — глухонемая девушка с Земли. А на самой Земле будет мир, и со временем она присоединится к галактическому содружеству.

И никаких теперь проблем, и не надо ничего решать. Люси избавила от необходимости принимать решения сразу всех. Станция теперь никуда не денется. Можно будет распаковать коробки и поставить дневники обратно на полки. Теперь он может вернуться на станцию и заняться своей обычной, будничной работой.

«Прости, — мысленно проговорил Инек, обращаясь к мёртвому инопланетянину. — Я очень сожалею, что именно моя рука оборвала твою жизнь».

Он повернулся и пошёл к обрыву, где далеко внизу, у подножья скалы, несла свои воды река.

Постоял немного, держа винтовку в поднятой руке, а затем швырнул её изо всей силы вперёд и долго смотрел, как она падает, медленно переворачиваясь и поблёскивая сталью в лунном свете. Река приняла её с еле заметным всплеском, но до вершины скалы по-прежнему доносилось только удовлетворённое журчание воды, перетекающей по камням у подножья и уплывающей в какие-то далёкие края.

Теперь на Земле установится мир, подумал Инек. Войны уже не будет. Если за столом переговоров на конференции будет Люси, ни у кого и мысли не возникнет о войне. Даже если кто-то не выдержит живущего в душе страха — страха, который окажется настолько сильным, что он заслонит красоту и покой, даруемый Талисманом, — даже тогда войны всё равно не будет.

Но человечеству предстоит пройти долгий путь, прежде чем подлинный, прекрасный мир поселится в каждом сердце.

Настоящий мир не наступит, пока будет скулить от страха (любого страха) хотя бы один человек. Род человеческий не добьётся мира, пока не выбросит оружие (любое оружие) последний его обладатель. И винтовка, подумалось Инеку, далеко не самое страшное оружие из

того, что создано на Земле, — можно сказать, это наименее жестокое проявление человеческой бесчеловечности, скорее, символ оружия по сравнению с другими, более смертоносными его видами.

Он стоял на краю скалы, глядя на речную долину и темнеющий в ночи лес. Рукам словно чего-то не хватало без винтовки, но Инек чувствовал, что всего несколько минут назад вступил в новую полосу времени, как будто закончилась целая эпоха и он оказался в совершенно ином мире — новом, чистом, не замаранном прежними ошибками.

Внизу текла река, но реке было всё равно. Ей безразлично, что происходит в мире. Она примет и бивень мастодонта, и череп саблезубого тигра, и скелет человека, и мёртвое, пропитавшееся водой дерево, и камень, и винтовку, — примет, занесёт илом или песком, спрячет и потечёт дальше.

Миллион лет назад здесь, возможно, не было реки, а спустя ещё миллион лет снова не будет, но и через миллион лет здесь будет Человек или, во всяком случае, какое-то существо, которому не безразличен мир. В этом, наверно, и заключено великое таинство Вселенной — в существовании тех, кого что-то заботит.

Инек повернулся и не спеша побрёл обратно,

пробираясь между валунами. В опавшей листве шуршали маленькие ночные зверушки, и один раз до него донёсся сонный вскрик разбуженной птицы. Лес стоял, окутанный покоем и уверенностью того тёплого света, что дарил Талисман, — не такого, конечно, яркого и завораживающего, как от самого Талисмана, но отблески его словно ещё жили здесь.

Выйдя из леса, Инек двинулся через поле по склону холма, на вершине которого темнело прямоугольное здание станции. Только теперь оно казалось ему не просто станцией, но ещё и домом. Много лет назад это действительно был всего лишь дом, потом он превратился в галактическую пересадочную станцию, а сейчас стал и станцией, и снова домом.

36

Дома стояла тишина — даже немного пугающая тишина. На столе горела лампа, а среди безделушек на кофейном столике по-прежнему вспыхивала огнями маленькая пирамидка, сложенная из шариков. Почему-то она напомнила вдруг Инеку хрустальные шары, с помощью которых в двадцатые годы превращали танцевальные залы в настоящие волшебные замки. Маленькие мерцающие всполохи бегали по всей комнате, словно весёлые разноцветные светлячки.

Инек прошёл в комнату и остановился в нерешительности. Чего-то не хватало, и он тут же понял, в чём дело. Все эти годы он первым делом вешал винтовку на крючья или клал её на стол. Но теперь винтовки не стало.

Что ж, сказал он себе, пора браться за работу. Для начала надо распаковать коробки и убрать всё на место. Потом дополнить дневник, просмотреть нечитаные газеты и журналы. Дел достаточно.

Улисс и Люси отбыли часа два назад в Галактический Центр, но Инек так живо чувствовал Талисман, словно он всё ещё оставался на стан-

ции. Хотя, может быть, подумал Инек, дело и не в станции вовсе, а в нём самом, в душе. Может быть, это ощущение останется в нём теперь навсегда, где бы он ни оказался.

Он не спеша прошёл по комнате и сел на диван. Прямо перед ним разбрызгивала фонтаны света пирамидка. Инек протянул было к ней руку, но потом передумал. Что толку? Если за долгие годы ему так и не удалось разгадать её секрет, почему это должно произойти сейчас?

Милая вещица, но бесполезная.

Интересно, как там Люси, подумал Инек, и тут же ответил сам себе: наверняка с ней ничего теперь не случится.

А ему надо снова работать, а не рассиживаться. Дел полно. Да и время его отныне уже не будет принадлежать ему одному, потому что Земля вот-вот постучится в дверь. Конференции, встречи и тому подобное… Через несколько часов здесь уже, возможно, появятся газетчики. Впрочем, Улисс обещал вернуться помочь, и, может быть, с ним прибудут другие инопланетяне.

Сейчас он чего-нибудь поест, а потом примется за работу. Если не ложиться спать, можно много успеть.

Одинокими ночами так хорошо работается… А

сейчас ему и в самом деле одиноко, хотя именно сегодня одиночеству положено бы отступить — ведь теперь всё изменилось. Теперь у него есть и Земля, и галактика, и Люси, и Улисс, и Уинслоу, и Льюис, и старый философ-веганец, что спит под каменным надгробьем.

Инек поднялся, прошёл к столу и, взяв в руки статуэтку, которую подарил ему Уинслоу, принялся рассматривать её, медленно поворачивая в свете лампы. В деревянной фигурке человека тоже чувствовалось одиночество — теперь он это увидел, — одиночество путника, шагающего бесконечно долгой дорогой.

Но ведь по-иному и быть не могло. Он должен был идти один. Выбирать тут не приходилось, потому что этого требовала работа. И теперь она… нет, не закончена, поскольку сделать нужно ещё очень много. Но закончилась её первая часть, и уже начинается вторая.

Он поставил статуэтку на место и вспомнил, что не успел отдать Уинслоу кусок древесины, который привёз ему путешественник с Тубана. Кстати, теперь можно будет рассказать ему, как здесь оказались все эти деревяшки. Они могут даже вместе пройтись по дневникам и выяснить, когда и откуда попала на Землю каждая из них.

Уинслоу это занятие наверняка понравится.

Инек услышал шорох шёлка и резко обернулся.

— Мэри! — воскликнул он.

Она стояла на границе падающего от лампы света, и всполохи, разбрасываемую пирамидкой, делали её похожей на сказочную фею. Да, пронеслось у него в голове, именно так, потому что утерянная сказочная страна вдруг вернулась обратно.

— Я чувствовала, что должна прийти, — сказала Мэри. — Тебе было одиноко, Инек, и я не могла не вернуться. Да, не могла.

Возможно, так оно и есть. Очевидно, создавая её образ, он невольно запрограммировал в неё стремление быть рядом с ним, когда ему одиноко.

Ловушка, подумал он; ловушка, из которой ни он, ни она не могут вырваться. Вместо свободы воли — абсолютная точность механизма чувств, им же самим и созданного.

Ей не следовало возвращаться, и, наверное, она знала это не хуже его, но ничего не могла с собой поделать. Неужели так будет вечно?

Инек стоял неподвижно, словно окаменев: всей душой он рвался к ней и в то же время остро

осознавал её иллюзорность.

Первой сделала шаг в его сторону Мэри. Вот она уже близко и сейчас должна остановиться — ведь ей так же, как и ему, известны правила игры и так же больно признавать, что она всего лишь иллюзия.

Но Мэри не остановилась и подошла так близко, что Инек уловил исходивший от неё лёгкий запах яблоневого цвета. Она протянула руку и коснулась его запястья.

Не сделала вид, а на самом деле коснулась! Он почувствовал прикосновение её пальцев, их прохладу.

Инек стоял неподвижно, и её рука лежала на его руке.

«Всполохи света! — догадался он. — Пирамидка, сложенная из шариков!»

Ну конечно же! Инек сразу вспомнил, кто подарил ему эту игрушку — путешественник с одной из тех планет в системе Альфарда, где обитали чудотворцы. С помощью их книг он и освоил искусство сотворения иллюзий. Путешественник хотел помочь ему и подарил пирамидку, а он тогда не понял её назначения. Вернее, они не поняли друг друга, что, в общем-то, случается нередко. В галактическом Вавилоне очень

легко ошибиться или просто не найти нужных знаний.

Пирамидка оказалась несложным, но очень занятным механизмом — своего рода фиксатором, превращавшим иллюзию в реальность. Нужно лишь придумать что-то, а затем включить пирамидку, и созданное воображением становится таким же реальным, как окружающий мир.

Только себя всё равно не обманешь, потому что иллюзия всегда остаётся иллюзией…

Инек потянулся к Мэри, но она отпустила его руку и медленно шагнула назад. В комнате повисло тяжёлое молчание ужасное, пронзительное молчание одиночества. Шарики в пирамидке продолжали вращаться, разбрасывая радужные огоньки, и по стенам всё так же бегали, словно юркие мыши, цветные всполохи.

— Прости, — сказала Мэри, — но это всё равно бессмысленно. Самих себя не обмануть.

Инек стоял, не в силах вымолвить слово.

— Я так ждала… Мечтала и надеялась, что когда-нибудь это произойдёт.

— Я тоже, — произнёс Инек. — Хотя я никогда не думал, что такое возможно.

Видимо, в этом-то всё и дело. Пока ничего подобного не могло случиться, оставалась возможность

предаваться романтическим мечтам о далёком и недоступном. Да и романтическими они казались только потому, что были несбыточными.

— Словно ожившая кукла… — проговорила Мэри, — или любимый плюшевый мишка. Прости, Инек, но нельзя же любить куклу или плюшевого мишку, которые вдруг ожили. Ты всегда будешь помнить, как было раньше: кукла с глупой нарисованной улыбкой, медведь с торчащей из шва ватой…

— Нет! — вскричал Инек. — Нет же!

— Мне жаль тебя, — сказала Мэри. — Тебе будет нелегко. Но я ничем не могу помочь. Тебе предстоит долгая жизнь наедине со своими воспоминаниями.

— А как же ты? Что ты собираешься делать?

Не у него, а у Мэри хватило духу признать истинное положение вещей, посмотреть правде в лицо.

Но как она смогла почувствовать, понять?

— Я уйду, — ответила Мэри. — И никогда больше не вернусь. Даже когда буду очень нужна тебе. По-другому не получится.

— Но ты не можешь уйти. Мы с тобой в одной ловушке.

— Как странно всё случилось, — сказала она. —

Мы оба оказались жертвами иллюзии.

— И ты тоже?

— И я. Точно так же, как ты. Ведь ты не можешь любить куклу, а я не могу любить мастера, её изготовившего. Раньше нам обоим казалось, что это возможно, а сейчас, когда стало понятно, что это не так, мы всё ещё тянемся друг к другу и от этого мучаемся и страдаем оба.

— Если бы ты осталась… — сказал Инек.

— Чтобы потом возненавидеть тебя? Или, ещё хуже, чтобы ты возненавидел меня? Пусть уж лучше мы будем страдать. Это не так страшно, как ненависть.

Она шагнула к столику, схватила пирамидку и подняла её над головой.

— Нет! Только не это! — закричал Инек. — Не надо, Мэри!..

Пирамидка засверкала, кувыркаясь в полёте, и ударилась о каминную кладку. Огоньки погасли, и, раскатившись по полу, зазвенели осколки.

— Мэри! — крикнул Инек, бросившись вперёд, в темноту.

Но её уже не было.

— Мэри! — вскрикнул он снова, даже не вскрикнул, а простонал.

Мэри ушла и никогда уже не вернётся к нему.

Даже когда ему очень захочется её увидеть, она всё равно не придёт.

Инек стоял в безмолвии станции, прислушиваясь к голосу прожитых лет.

Жизнь тяжела, говорил голос. В жизни нет лёгких путей.

И та девушка, дочь соседа-фермера, что жила чуть дальше по дороге, и красавица южанка, которую он видел, проходя в строю солдат мимо её поместья, и теперь Мэри — все они ушли из его жизни навсегда.

Он повернулся и, тяжело ступая, пошёл к столу, к свету. Постоял, окидывая комнату взглядом. Здесь вот, на этом самом месте, где стоит сейчас стол, раньше была кухня, а там, где камин, гостиная. Дом переменился, и уже давно, но Инек ясно видел его прежним, словно это было ещё вчера.

Однако те дни ушли, и вместе с ними люди.

Только он один остался.

Остался, потеряв свой прежний мир, покинув его в прошлом.

Впрочем, сегодня то же самое произошло со всеми живущими на планете.

Возможно, они об этом ещё не знают, но их прежний мир остался в прошлом. И никогда уже он не будет прежним.

За свою жизнь Инеку много раз приходилось прощаться — с друзьями, с прошлым, с любовью, с вещами.

— Прощай, Мэри, — произнёс он тихо. — Прости меня, и да хранит тебя господь.

Он сел за стол и, придвинув к себе дневник, отыскал нужную страницу.

Впереди ждала большая работа.

И теперь Инек был готов к ней.

С прошлым он уже распрощался.

КОЛЬЦО ВОКРУГ СОЛНЦА

Карсону

1

Виккерс проснулся очень рано, потому что накануне вечером позвонила Энн и сообщила, что кое-кто хочет встретиться с ним в Нью-Йорке.

Он пытался уклониться.

— Знаю, что нарушаю твои планы, Джей, но, думаю, этой встречей пренебрегать не стоит.

— У меня нет времени на поездку. Работа в полном разгаре, и я не могу ее бросить.

— Речь идет об очень важном деле, — сказала Энн, — небывало важном. И в первую очередь хотят переговорить с тобой. Тебя считают самым подходящим из писателей.

— Реклама?

— Нет, не реклама. Речь идет совсем о другом.

— Напрасные хлопоты. Я не хочу ни с кем встречаться, кто бы это ни был.

Он повесил трубку. Но уже с раннего утра был на ногах и собирался после завтрака отправиться в Нью-Йорк.

Он жарил яйца с беконом и хлеб, краем глаза наблюдая за капризным кофейником, когда позвонили у двери.

Он запахнул халат и пошел открывать.

Звонить мог разносчик газет. Виккерса не было дома, когда следовало расплачиваться с юношей, и он мог зайти, увидев свет на кухне. Или сосед, странный старик по имени Гортон Фландерс, переехавший сюда около года назад и заходивший поболтать в самое неожиданное и неудобное время. Это был учтивый изысканный, хотя и несколько потрепанный жизнью человек. С ним приятно было посидеть, но Виккерс предпочел бы принимать его в более подходящее для себя время.

Звонил явно либо разносчик газет, либо Фландерс. Кто другой мог зайти так рано?

Он открыл дверь и увидел девчушку в вишневом купальном халатике и шлепанцах. Ее волосы были всклокочены со сна, но глаза ярко блестели. Она мило улыбнулась.

— Здравствуйте, мистер Виккерс. Я проснулась и не могла заснуть, а потом увидела свет у вас на кухне и подумала, вдруг вы заболели.

— Я прекрасно себя чувствую, Джейн, — сказал Виккерс. — Вот готовлю себе завтрак. Может, откушаешь со мной?

— О да! — воскликнула Джейн. — Я так и думала, что вы пригласите меня поесть, если завтракаете.

— Твоя мама, наверное, не знает, что ты здесь?

— Мама с папой еще спят, — ответила Джейн. — У папы сегодня выходной, и они вчера очень поздно вернулись. Я слышала, как они пришли и мама говорила папе, что он слишком много пьет, и еще она сказала ему, что никогда-никогда не пойдет с ним, если он будет так много пить, а папа…

— Джейн, — сурово прервал Виккерс, — мне кажется, что твои папа и мама были бы очень недовольны, услышав тебя.

— О, им все равно. Мама все время говорит об этом, и я слышала, как она сказала миссис Тейлор, что почти готова развестись. Мистер Виккерс, а что такое «развестись»?

— Мгм, не знаю, — сказал Виккерс. — Что-то я не припомню такого слова. И все же не стоит повторять мамины слова. Послушай-ка, ты здорово замочила шлепанцы, пока шла через лужайку.

— На улице очень мокро. Сильная роса.

— Проходи, — пригласил Виккерс. — Я принесу полотенце, хорошенько вытрем ноги, позавтракаем, а потом сообщим маме, где ты.

Она вошла, и он закрыл дверь.

— Садись на этот стул, — сказал он. — Я пошел за полотенцем. Боюсь, как бы ты не простуди-

лась.

— Мистер Виккерс, а у вас есть жена?

— Нет… Я не женат.

— Почти у всех есть жены, — сказала Джейн. — Почти у всех, кого я знаю. А почему у вас нет жены, мистер Виккерс?

— Право, не знаю. Наверное, не встретил.

— Но ведь девушек так много.

— Девушка и у меня была, — сказал Виккерс. — Но давно, очень давно…

Он не вспоминал о ней уже много лет. Долгие годы он подавлял в себе саму мысль о ней, но независимо от его желания она упрямо жила в глубине его памяти.

И вот все вернулось.

И девушка, и заветная долина, словно открывшаяся в волшебном сне… Они вместе идут по этой весенней долине; на холмах дикие яблони в розовой кипени цветов, а воздух наполнен пением птиц. Легкий весенний ветерок морщит воду ручья, гуляет по траве, и, кажется, весь луг струится, словно озеро в пенящихся барашках волн.

Но кто-то наложил чары на эту долину, ведь, когда он позже вернулся туда, она исчезла, вернее, на ее месте он нашел совсем другую долину. Та, первая, он отчетливо помнил ее, была совер-

шенно иной.

Двадцать лет назад он гулял по той долине, и все эти двадцать лет он прятал воспоминание о ней на задворках памяти; и вот оно снова вернулось, вернулось совсем не потускневшим, как будто все было только вчера.

— Мистер Виккерс, — услышал он голос Джейн, — мне кажется, ваши гренки сгорели.

2

Когда Джейн ушла и Виккерс вымыл посуду, он вдруг вспомнил, что целую неделю собирался позвонить Джо насчет мышей.

— У меня мыши, — сказал он.

— Что?

— Мыши, — повторил Виккерс. — Этакие маленькие зверьки. Они разгуливают по всему дому.

— Странно, — сказал Джо. — Ваш дом отлично построен. В нем не должно быть мышей. Вы хотите, чтобы я вас избавил от них?

— Думаю, это необходимо. Я поставил мышеловки, однако хитрые животные не обращают на них внимания. Я взял кошку, но она сбежала, не прожив и двух дней.

— Это уже совсем странно. Обычно кошки любят дома, где водятся мыши.

— Кошка была какая-то чокнутая, — сказал Виккерс. — Ее словно околдовали — она ходила на цыпочках.

— Кошки — странные животные, — согласился Джо.

— Сегодня я еду в город. Можете зайти, пока

меня не будет?

— Конечно, — ответил Джо. — Последнее время почти не приходится травить мышей. Я заеду часов в десять.

— Я оставлю входную дверь открытой.

Виккерс повесил трубку и подобрал с порога газету. Бросив газету на стол, он взял свою рукопись и прикинул ее на вес, будто вес мог говорить о ценности написанного, о том, что он даром времени не терял и сумел выразить все, что хотел, выразить достаточно ясно, чтобы мужчины и женщины, которые будут читать эти строки, именно так, как нужно, поняли его мысль, спрятанную за безликим строем типографских знаков.

«Жалко терять день, — сказал он себе. — Следовало остаться дома и засесть за работу. Эти встречи нужнее всего литературным агентам». Но Энн очень настаивала, даже после того, как он сказал ей, что у него неисправна машина. По правде говоря, здесь он немного погрешил против истины, ибо знал, что Эб наладит ее в любую минуту.

Он глянул на часы. До открытия гаража оставалось около получаса. За работу садиться уже не имело смысла. Взяв газету, он вышел на крыльцо.

И тут вспомнил о малышке Джейн, ее милой болтовне и похвалах его кулинарным способностям.

— У вас есть жена? — спросила Джейн. — А почему у вас нет жены, мистер Виккерс?

И он ответил: «Девушка и у меня была. Но давно, очень давно…»

Ее звали Кэтлин Престон, и она жила в большом кирпичном доме на вершине холма, в доме с колоннами, широкой лестницей и ложными окнами над входом. Это был старый дом, построенный во времена первых переселенцев, когда страну только начали обживать. Он был свидетелем многих событий и все так же царил над окрестными землями, хотя, изъеденные оврагами, они утратили былое плодородие.

Виккерс был тогда юн, так юн, что сейчас сама мысль об этом причиняла ему боль, а потому не понимал, что девушка, жившая в старинном доме с колоннами, доме своих предков, вряд ли могла принять всерьез юношу, чей отец владел умирающей фермой, на полях которой родилась чахлая пшеница. А быть может, виной всему ее родители — девушка тоже была слишком юна и мало знала жизнь. Быть может, она ссорилась с родными, и в доме слышались резкие слова и лились чьи-то слезы. Этого он так и не узнал:

между той прогулкой по заветной долине и его следующим визитом ее успели отослать в какое-то учебное заведение на Востоке, и с тех пор он ее больше не видел.

В поисках прошлого он бродил по долине, пытаясь пробудить в себе ощущения того дня и той прогулки. Но яблони отцвели, иначе звучала песнь жаворонка, и былое очарование отступило в какую-то недосягаемую даль. Колдовство исчезло.

Лежавшая на коленях газета соскользнула на пол, Виккерс поднял ее. Новости были столь же невеселы, как и накануне. Холодная война затянулась. Вот уже лет тридцать один кризис следует за другим, одни слухи сменяют другие, и люди привыкли, зевая, читать обо всем этом.

Студент какого-то колледжа в Джорджии побил мировой рекорд по глотанию сырых яиц; одна из самых соблазнительных кинозвезд собиралась в очередной раз выйти замуж; рабочие-сталелитейщики готовились к забастовке.

Была в газете и длинная статья об исчезновениях. Он прочел ее до половины. Исчезали какие-то люди, исчезали целыми семьями, и полиция забила тревогу. Если раньше такие исчезновения были единичными, то теперь, не оставляя ника-

ких следов, сразу исчезало по нескольку семей из одной деревни. Как правило, это были бедняки. Так что, казалось, именно бедность служила причиной массовых исчезновений. Но объяснить, каким образом происходили эти исчезновения, не могли ни автор статьи, ни опрошенные им соседи пропавших.

В глаза бросился заголовок: «МНЕНИЕ УЧЕНОГО — СУЩЕСТВУЮТ И ДРУГИЕ МИРЫ».

Он прочел начало:

БОСТОН, МАССАЧУСЕТС (Ассошиэйтед Пресс). Возможно, нашему миру предшествует опережающий его на секунду мир, в то время как еще один мир на секунду отстает от нашего…

Нечто вроде беспрерывной цепи миров, следующих один за другим. Такую теорию выдвигал доктор Винсент Олдридж.

Виккерс уронил газету, задумчиво глядя на цветущий сад. Этот крохотный уголок земли дышал таким покоем, словно находился в другом измерении. Золотое утреннее солнце, шуршащая на ветру листва, цветы, птичий гомон, солнечные часы, деревянная ограда, которую давным-давно следовало покрасить, старая безмолвно умирающая ель, которая изо всех сил старается не терять связи с травой, цветами, своими собратьями…

Никакие людские волнения не имели здесь власти; здесь время мирно текло, лето следовало за зимой, луна сменяла солнце и было так ясно, что жизнь — это бесценный дар, а не право, которое одному человеку надо оспаривать у другого…

Виккерс глянул на часы — пора было отправляться в путь.

3

Эб, владелец гаража, одернул грязный комбинезон и прищурился от дыма сигареты, зажатой в уголке испачканного смазкой рта.

— Знаете, Джей, — произнес он. — Я не стал ремонтировать вашу машину.

— Я собирался в город, — сказал Виккерс, — но раз машина не готова…

— Я подумал, может, она вам больше не понадобится и не стал ничего делать. К чему напрасная трата денег.

— Но старушка совсем неплохо бегает, — обиделся Виккерс. — И хотя у нее потрепанный вид, она мне еще послужит.

— Что говорить, бегать она еще может. Но лучше купить новенький вечмобиль.

— Вечмобиль? Довольно странное название.

— Вовсе нет, — возразил Эб. — Машина на самом деле вечная. Поэтому ее так и называют. Вчера ко мне приходил один тип, все рассказывал о ней и предложил стать агентом по продаже этих вечмобилей. Я, конечно, согласился, а этот тип сказал, что я правильно сделал, потому что скоро в продаже других машин и не будет.

— Минуточку, — сказал Виккерс. — Хотя ее и называют вечмобилем, она не может быть вечной. Ни одна машина не может быть вечной. Она может служить от силы двадцать лет, ну поколение, но не больше.

— Джей, — перебил Эб, — мне этот тип сказал так. Купите машину, и пользуйтесь ею всю жизнь. Завещайте ее своему сыну, он ее завещает своему сыну и так далее. У нее гарантия — навсегда. Если что-то выходит из строя, они ее ремонтируют или дают вам другую. Вечно все, кроме скатов. Скаты придется покупать. Они лысеют, как и обычно. И окраска тоже не вечная. Гарантия на окраску — десять лет. Если она испортится раньше, перекраска производится бесплатно.

— Может, оно и так, — произнес Виккерс, — но я как-то мало во все это верю. Не сомневаюсь, что можно сделать автомобиль гораздо выносливей сегодняшних. Но какой здравомыслящий предприниматель станет создавать вечный автомобиль? Он же разорится. Да и такая машина будет слишком дорого стоить.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, — сказал Эб, — пятнадцать сотен и ни цента больше. Никаких запчастей, никаких неприятных сюрпризов. Пятнадцать сотен — и она ваша.

— Надо думать, красотой она не отличается?

— Я красивее машины не видел. Вчерашний тип приехал на ней, и я ее хорошенько рассмотрел. Окраска может быть любого цвета, на ней куча хрома, нержавейки, самые последние новинки, а вести ее — мечта. Конечно, к ней надо привыкнуть. Я хотел поднять капот, чтобы посмотреть двигатель, но тот тип мне сказал, что двигатель никогда не барахлит и не выходит из строя, так что даже доступ к нему не нужен. «А куда заливается масло?» — спросил я. И знаете, что он ответил? «Никакого масла не надо, нужен только бензин».

— Через пару дней я получу первую дюжину вечмобилей, — сказал Эб. — Вам оставить один из них?

Виккерс покачал головой.

— Я совсем на мели.

— Да, вот еще что — эта компания много дает за старые машины. За вашу я мог бы дать тысячу долларов.

— Она не стоит этого, Эб.

— Знаю, но тот тип мне сказал: «Давайте им больше, чем стоят их машины. О цене не беспокойтесь, мы с вами договоримся». Конечно, если вдуматься, так дела обычно не ведутся, но это их

идея и я им мешать не буду.

— Я подумаю.

— Вы заплатите только пятьсот долларов, а остальное будете вносить частями. Этот тип разрешил мне так делать. Он сказал, что пока их интересует, не столько получить, сколько продать.

— Что-то все это мне не очень нравится, — сказал Виккерс. — Вдруг откуда ни возьмись появляется фирма и предлагает совершенно новую модель автомобиля. Да о ней должны были бы кричать все газеты. Доведись мне выпускать в продажу новый автомобиль, я бы заклеил афишами всю страну, поместил броскую рекламу в журналах, привлек телевидение, расставил на дорогах рекламные щиты.

— Вы знаете, я тоже подумал об этом, — сказал Эб. — Я и сказал тому типу: «Послушайте, вы хотите, чтобы я продавал этот ваш вечмобиль, а как я его буду продавать, если нет никакой рекламы и никто никогда о нем ничего не слыхал». А он отвечает: они рассчитывают, что качество автомобиля будет говорить само за себя, что нет лучшей рекламы, чем слухи, что они предпочитают не тратиться на дорогую рекламную кампанию, а снизить цену на машину. Он сказал,

что клиент не должен платить за рекламную кампанию.

— Не понимаю.

— Конечно, все это кажется довольно странным, — согласился Эб. — Но те, кто делает эти автомобили, думаю, ничего не теряют. Будьте покойны, они не сумасшедшие. А если они ничего не теряют, то сколько же зарабатывают компании, которые за две-три тысячи долларов продают свой железный лом, выходящий из строя после второй поездки? Дрожь пробирает, когда подумаешь, сколько они отхватили.

— Когда получите машины, — сказал Виккерс, — я зайду глянуть на них. Может, и сговоримся.

— Хорошо, — обрадовался Эб. — Вы сказали, что едете в город… С минуты на минуту придет автобус. Он останавливается на углу, возле аптеки, через два часа будете в Нью-Йорке. У них отличные водители.

— Действительно, я как-то не подумал об автобусе.

— Вы уж простите меня за машину, — извинился Эб. — Знай я, что она вам понадобится, непременно бы ее отремонтировал. Там ничего серьезного, но мне сначала хотелось узнать, что

вы скажете на мое предложение, чтобы не вводить вас в лишний расход.

Аптека, казалось, стояла не на своем месте. Но, когда Виккерс подошел ближе, он понял, почему у него возникло такое ощущение.

Не так давно скоропостижно скончался старый Ганс, сапожник, и его лавочка, стоявшая рядом с аптекой, несколько недель была закрыта. Теперь ее снова открыли. Во всяком случае, ее витрина была чисто вымыта, чего старый Ганс никогда не делал. В витрине лежали какие-то предметы. Виккерс так спешил рассмотреть их, что, лишь вплотную подойдя к магазину, заметил свежую вывеску: «Технические новинки».

Виккерс остановился перед витриной. На черной бархатной полосе лежали зажигалка, бритвенное лезвие и электрическая лампочка. И ничего больше. Только три предмета. Ни ярлыков, ни рекламы, ни цен. В этом, впрочем, не было никакой нужды. Виккерс знал, что всякий, кто увидит витрину, поймет, чем торгует магазин.

Виккерс услышал негромкое постукивание. Он обернулся и увидел Гортона Фландерса, совершавшего свой утренний моцион. На нем был несколько потертый, но тщательно вычищенный костюм. В руке он держал элегантную эбеновую

трость. Виккерс знал, что ни у кого в Клиффвуде не хватило бы духа ходить с тростью по улицам.

Фландерс поднял трость в знак приветствия и подошел взглянуть на витрину.

— Итак, они открывают свой филиал и здесь, — сказал он.

— Похоже на то, — ответил Виккерс.

— Очень странная фирма, — продолжал Фландерс. — Меня она очень заинтересовала. Я вообще весьма любопытен.

— Я не заметил ничего особенного.

— О, боже! — воскликнул Фландерс. — Вокруг происходит столько удивительного. Возьмите историю с углеводами. Весьма таинственная история. Вы так не считаете, мистер Виккерс?

— Я как-то не задумывался над этим. У меня столько работы…

— Что-то назревает, — сказал Фландерс. — Уверяю вас.

Автобус спустился по улице, проехал мимо и, затормозив, остановился возле аптеки.

— Боюсь, мне придется вас покинуть, мистер Фландерс, — заспешил Виккерс. — Я еду в город. Вернусь к вечеру. Всегда рад вас видеть у себя.

— Благодарю вас, — ответил Фландерс. — Всенепременно зайду.

4

Все началось с лезвия, бритвенного лезвия, которое никогда не затуплялось. Потом появилась зажигалка, она безотказно работала без кремния и бензина. Затем пришел черед лампочки, которая могла гореть вечно, если только ее не разбивали. И наконец наступила очередь вечмобиля. Сюда же, несомненно, следовало отнести появление синтетических углеводов.

— Что-то назревает, — сказал ему Фландерс, когда они стояли перед лавочкой старого Ганса.

Виккерс уселся возле окна в середине автобуса и принялся размышлять, пытаясь во всем этом разобраться.

Бритвенные лезвия, зажигалки, лампочки, синтетические углеводы и теперь вечмобиль — между их появлением явно существовала какая-то связь. Обнаружив ее, найдя этот общий знаменатель, можно было понять, почему появились именно эти пять предметов, а не какие-то пять других, например не шторы, ходули, волчок, самолет и зубная паста. Лезвия необходимы были ежедневно, как и лампочки, зажигалки напоминали о себе при каждом закуривании,

синтетические углеводы позволили преодолеть кризисную ситуацию и спасли от голода миллионы людей.

— Что-то назревает, — сказал Фландерс, одетый в свой поношенный, но, как обычно, тщательно вычищенный костюм. По привычке он постукивал своей смешной тростью, хотя по зрелом размышлении в руке мистера Фландерса трость эта вовсе не выглядела смешной.

Вечмобиль будет работать, не требуя смены масла, после вашей смерти перейдет к вашему сыну, а от него — к его сыну, и если прадед купит такую машину, то старший сын его старшего сына унаследует ее. Машина будет служить из поколения в поколение.

Но появление вечмобиля означало гораздо больше. Года не пройдет, как закроются все автомобильные заводы и большинство гаражей и ремонтных мастерских. Это нанесет серьезный удар сталелитейной, стекольной, текстильной и, наверное, еще дюжине других отраслей промышленности.

Можно было не придавать значения вечному бритвенному лезвию, электрической лампочке, зажигалке, но теперь пришло время задуматься. Сотни тысяч людей лишатся работы и, вернув-

шись домой, скажут родным: «Ну, вот и все. Я потерял работу». И повседневная жизнь семьи будет продолжаться в молчании отчаяния, в гнетущей атмосфере страха. Глава семьи станет покупать все газеты, жадно изучая предложения о работе, потом начнет с утра уходить из дома; меряя шагами длинные улицы, он будет обивать пороги крупных компаний, а люди, сидящие там за окошками или столами, будут отрицательно качать ему головой. В конце концов глава семьи с тяжелым сердцем переступит порог одной из небольших контор под вывеской «Синтетические углеводы» и со смущенным видом, какой может быть у квалифицированного рабочего, который никак не может найти работу, выдавит: «Мне не везет, а деньги кончаются. Я хотел бы спросить…» И человек, сидящий за столом, кивнет ему: «Ну, конечно, конечно, сколько у вас детей?» После этого он напишет что-то на листке бумаги и протянет его просителю.

— Обратитесь вон в то окошечко, — скажет он. — Очевидно, на неделю вам этого хватит, потом приходите снова.

Глава семьи, взяв листок, станет бормотать слова благодарности, но человек из «Синтетических углеводов» остановит его:

— Помилуйте, для того мы и существуем, чтобы помогать таким, как вы.

И глава семьи подойдет к окошечку, служащий прочтет записку и выдаст ему банки. Содержимое одних банок будет иметь вкус картошки, других — вкус хлеба, третьих — кукурузы или зеленого горошка.

Такие сцены можно было наблюдать постоянно.

Деятельность компании по производству и распространению синтетических углеводов не имела ничего общего с благотворительностью — это мог подтвердить всякий, кому доводилось иметь с ней дело. Служащие компании никогда не унижали вас, если вы обращались за помощью. Они относились к вам, как к уважаемым клиентам, и просили приходить снова, а если вы больше не появлялись, шли к вам домой узнать, в чем дело, устроились ли вы на работу или постеснялись прийти вновь. Они не жалели времени, чтобы побороть ваше смущение, и после их ухода вы ощущали уверенность, что, получая помощь, оказываете фирме немалую услугу. Благодаря синтетической пище были спасены миллионы людей, а теперь, когда грозят остановиться автомобильные заводы и свернут производство

смежные предприятия, поле деятельности компании беспредельно расширится. К тому же многое говорит за то, что вечмобили не являются последней новинкой этой таинственной фирмы.

«Нет сомнения, — думал Виккерс, — что за всеми этими вечными бритвенными лезвиями, зажигалками, электрическими лампочками и автомобилями стоят одни и те же люди». Это вовсе не мешало существованию разных компаний. Однако Виккерс отнюдь не собирался заниматься их поисками.

Автобус понемногу наполнялся, а Виккерс по-прежнему в одиночестве сидел у окна. Позади него болтали две женщины, и ему невольно пришлось слушать их разговор.

— Мы состоим членами клуба фантазеров, — хихикнув, сказала одна из них. — Там столько интересных людей.

— Я тоже хотела было вступить в такой клуб, — перебила вторая, — но Чарли сказал, что все это — сплошной треп. Он говорит, что мы живем в Америке, живем без малого в двухтысячном году от рождества Христова и нет никаких оснований не радоваться этому. Он считает, что наша страна — лучшая в мире, да и лучшего времени никогда не было. Мы живем с таким комфортом, какой до

нас никому и не снился. И Чарли говорит, что все эти слухи — коммунистическая пропаганда и уж он-то сумел бы показать тем, кто их распускает, попадись они ему в руки. Он так и сказал…

— О, я об этом ничего не знаю, — в свою очередь перебила первая женщина. — Но то, чем мы занимаемся, так увлекает; конечно, довольно нудно читать все эти древние истории, но в конечном счете получаешь удовлетворение. На прошлом собрании кто-то так и сказал, что все усилия будут вознаграждены. Однако мне не удается сделать ничего путного. У меня, наверное, котелок совсем не варит. Я не очень люблю читать и не все понимаю, мне надо объяснять, но некоторые довольны. Один мужчина из нашей группы вроде жил в Лондоне во времена какого-то Сэмюэля Пеписа[39]. Я не знаю, кто такой Пепис, но, думаю, большая знаменитость. Глэдис, а вы знаете, кто такой Пепис?

— Понятия не имею, — ответила Глэдис.

— Этот мужчина все время твердит о Пеписе. Пепис написал книгу, надо думать, большую, так как речь там идет о самых разных вещах. И наш, этот из клуба, тоже вроде ведет дневник. Страшно

---

[39] Примечания: 39

Самюэль Пепис — известный английский хронист времен Реставрации (1633–1703).

интересно. Мы просим его читать свои записи на каждом собрании. Просто удивительно, кажется, будто он на самом деле жил там.

Автобус остановился у железнодорожного переезда, и Виккерс глянул на часы — через полчаса он будет в Нью-Йорке.

«Теряю даром время, — подумал он. — Что бы Энн ни замышляла, роман свой не брошу. Не стоило отлучаться даже на день».

Позади него продолжала верещать Глэдис:

— А вы слыхали о новых домах, которые сейчас начали строить? Прошлым вечером я предложила Чарли сходить посмотреть на них. Наш дом потерял вид, надо заново все красить и ремонтировать, но Чарли сказал, что эти новые дома — сплошное надувательство. Там что-то нечисто. И еще он сказал, что слишком долго занимался бизнесом, чтобы клюнуть на такую аферу. А вы, Мэйбл, видели эти дома или, может, читали о них?

— Я рассказывала вам о нашем клубе, — не унималась Мэйбл. — Один из наших членов, по всей вероятности, уже живет в будущем. Вы не находите это удивительным? Только представьте себе человека, который утверждает, что живет в будущем…

5

Перед дверью Энн остановилась.

— А теперь прошу тебя, Джей, запомни: его фамилия Крофорд. Не Крохэм, а Крофорд и никак иначе.

Виккерс униженно пробормотал:

— Я сделаю все, что в моих силах.

Она подошла к нему, подтянула галстук и щелчком сбила с отворота пиджака несуществующую пылинку.

— Потом пойдем и купим тебе новый костюм.

— У меня есть еще один костюм, — возразил Виккерс.

На дверях висела табличка «Североамериканское исследовательское бюро».

— Одного не пойму, — возмутился Виккерс, — что общего между мной и сим бюро?

— Деньги, — сказала Энн. — У них они есть, а тебе они нужны.

Она открыла дверь, и он послушно последовал за ней, подумав, что Энн не только красивая, но и весьма способная женщина. Слишком способная. Она знала толк в книгах и цену издателям, угадывала вкусы читателя и разбиралась во всех

тонкостях писательской профессии. Она сама могла найти верный путь и направить тех, кто ее окружал. Для нее не было большего наслаждения, чем слышать одновременно звонки трех телефонов или отвечать сразу на дюжину писем. Она вынудила его приехать сюда и, по всей вероятности, заставила Крофорда из Североамериканского бюро принять его.

— Мисс Картер, — сказала секретарша. — Можете пройти. Мистер Крофорд ждет вас.

«Она покорила даже секретаршу», — подумал Виккерс.

6

Джордж Крофорд был человеком столь могучего сложения, что кресло, в котором он восседал, казалось игрушечным. Он сидел, сложив руки на животе, и говорил ровным бесстрастным голосом, лишенным всякого выражения. Виккерс подумал, что вряд ли встречал когда-либо человека неподвижнее. Крофорд не только не двигался, но даже и не пытался это делать. Он высился в кресле, похожий на громадную статую, и не столько говорил, сколько шептал, еле шевеля губами.

— Я познакомился с некоторыми вашими произведениями, мистер Виккерс, и нашел их превосходными.

— Счастлив узнать это, — ответил Виккерс.

— Три года назад я бы ни за что не поверил, что примусь за чтение художественной литературы и буду беседовать с настоящим писателем. Но сегодня нам необходим человек вашего плана. Я говорил с моим административным советом, и мы пришли к выводу, что вы — именно тот, кто нам нужен.

Он замолчал и своими маленькими голубыми глазками в упор уставился на Виккерса.

— Мисс Картер сообщила мне, что вы весьма заняты в данный момент.

— Совершенно верно.

— У вас очень важная работа? — спросил Крофорд.

— Надеюсь, да.

— Однако то, что я хочу предложить вам, гораздо важней.

— Это, — сухо возразил Виккерс, — смотря на чей взгляд.

— Я вам не очень нравлюсь, мистер Виккерс, — сказал Крофорд. Он не спрашивал, а констатировал, и это разозлило Виккерса.

— Я еще не составил о вас определенного мнения, — ответил он. — Тем более что меня совершенно не интересует ваше предложение.

— Прежде чем продолжать беседу, — сказал Крофорд, — я хотел бы вас предупредить, что она носит сугубо конфиденциальный характер.

— Мистер Крофорд, — ответил ему Виккерс, — я не любитель грошовых тайн.

— Это не грошовая тайна, — впервые голос Крофорда утратил свою бесстрастность. — Речь идет о мире, стоящем на краю пропасти.

Виккерс удивленно взглянул на него. «Бог мой, — подумал он. — Эта туша говорит вполне

серьезно. Ему действительно кажется, что мир стоит на краю пропасти».

— Вы слышали о вечмобиле? — спросил Крофорд.

Виккерс кивнул.

— Мне сегодня предлагали его купить.

— А вы знаете, что существуют вечные бритвенные лезвия, зажигалки и электрические лампочки?

— Я имею такое лезвие, — сказал Виккерс, — и оно лучше всех тех, которые я когда-либо покупал. Не думаю, что оно вечное, но пока я не правил его. А когда оно затупится, непременно куплю себе такое же.

— Если вы не потеряете свое лезвие, вам никогда не понадобится покупать другое, мистер Виккерс. Оно действительно вечное, как и машина, которую вам предлагали. Возможно, вы слышали и о домах?

— Я не в курсе дела.

— Речь идет о сборных домах, — пояснил Крофорд. — Их продают по пятьсот долларов за полностью обставленную комнату. Вам дают хорошую скидку за ваш старый дом и предоставляют рассрочку на оставшуюся сумму. Рассрочка эта значительно превосходит то, что может поз-

волить себе нормальное кредитное общество. Обогрев домов и кондиционирование воздуха в них производятся с помощью солнечной батареи, которая на порядок лучше всех тех, что существовали до сих пор. Я мог бы рассказать и еще кое о чем, но, думаю, этого достаточно, чтобы вы получили общее представление о сложившейся ситуации.

— Мне кажется, дома — это хорошая идея. Долгие годы мы говорим о дешевом жилье. Быть может, это и есть то самое решение.

— Идея в самом деле хорошая, — согласился Крофорд, — и я бы стал ее самым горячим приверженцем, не повлеки она за собой гибель энергетической промышленности. Солнечная установка дает тепло, свет, энергию для работ по дому. Стоит вам купить этот дом, и у вас отпадает нужда в электроснабжении. Эти дома лишат работы тысячи плотников, маляров, каменщиков, и они попадут в лапы людей из «Синтетических углеводов». В конце концов погибнет и лесная промышленность.

— Мне понятно, когда вы говорите об энергетической промышленности, — сказал Виккерс, — но как это может отразиться на строителях и лесной промышленности? Для строительства домов все-

гда будет необходимо дерево, как будут нужны и плотники для его обработки.

— В этих домах действительно используется дерево и кто-то производит все связанные с ним работы, но мы пока не знаем кто.

— Неужели нельзя навести справки? — удивился Виккерс. — Ведь это не так и сложно. В торговых книгах должны быть записи. Наконец, где-то имеются заводы и фабрики.

— Компания существует, — признал Крофорд. — Но это торговая фирма. Мы были там и обнаружили лишь склады, где хранятся готовые конструкции до высылки покупателю. И все. Наши поиски предприятий-производителей не увенчались успехом. Они вписаны в накладные одной компании, название и адрес ее нам известны. Но никто и никогда не продал этой компании и щепки. Она не приобрела ни у кого ни одного гвоздя. У нее нет ни одного служащего. Фирма указывает, где расположены ее фабрики, эти местности существуют, но там нет никаких предприятий. И, если мы не ошибаемся, никто не переступал порога компании с тех пор, как мы взяли ее под наблюдение.

— Невероятно! — воскликнул Виккерс.

— Конечно, — согласился Крофорд. — Строи-

тельные материалы, из которых делаются дома, где-то надо производить.

— Мистер Крофорд, позвольте задать вам один вопрос. Почему все это вас так интересует?

— Видите ли, я еще не решил, стоит ли вам говорить об этом.

— Понимаю, но все же мне хотелось бы получить от вас ответ.

— Я должен возвратиться несколько назад, чтобы вы правильно поняли мои намерения. Наши цели, если хотите, наша организация, могут показаться смешными, если не знать их предыстории…

— Вы кого-то боитесь… — перебил Виккерс. — Вы не хотите признавать этого, но вы находитесь во власти какого-то животного страха.

— Как ни странно, я охотно это признаю. Но речь идет не обо мне лично, а о промышленности, о мировой промышленности.

— Вы думаете, — сказал Виккерс, — что те люди, которые делают и продают дома, производят и вечмобили, и зажигалки, и лампочки…

Крофорд кивнул.

— И углеводы… Стоит задуматься, и цепенеешь от ужаса. Кто-то уничтожает нашу промышленность и отнимает работу у миллионов людей,

потом делает поворот на сто восемьдесят градусов и кормит эти миллионы людей, кормит их без анкет, бумагомарания и прочих бюрократических штучек, которые всегда были отличительной чертой благотворительных организаций.

— Политический заговор?

— Больше того. Мы уверены, что ведется сознательное и хорошо организованное наступление на нашу экономику в мировом масштабе, налицо намеренная попытка подорвать социальную и экономическую основу нашего образа жизни и, следовательно, нашей политической системы. Наш образ жизни определяют капитал, будь он частный или государственный, и заработная плата, которую получают рабочие за свой повседневный труд. Устраните эти два фактора, и вы подорвете само основание нашего организованного общества.

— Вы сказали: «Мы уверены». Кого вы имеете в виду?

— Североамериканское бюро.

— Североамериканское бюро?

— Я чувствую, что заинтересовал вас, — заметил Крофорд.

— Просто я хочу знать, с кем имею дело, чего вы ждете от меня и о чем идет речь…

Крофорд не спешил с ответом.

— Именно это я и хотел сказать вам, когда предупредил о конфиденциальности нашей беседы.

— Не рассчитывайте, что я стану давать какие-то клятвы, — поспешил вставить Виккерс.

— Вернемся немного назад, — сказал Крофорд, — и займемся историей. Тогда станет ясно, кто мы и чем занимаемся. Вспомните о бритвенном лезвии. Незатупляющемся бритвенном лезвии. Новость о нем распространилась с невероятной быстротой, и буквально каждый мужчина приобрел себе такое лезвие. Вам известно, что нормальный человек бреется одним лезвием пять-шесть раз. Затем выбрасывает его и берет другое. Это означает, что он постоянно покупает новые лезвия. Следовательно, производство бритвенных лезвий — очень выгодное дело. В этой отрасли были заняты тысячи людей, продажа лезвий давала некоторый заработок тысячам торговцев, кроме того, производство лезвий стимулировало выпуск определенных сталей. Иными словами, эта отрасль промышленности была одним из экономических факторов, который наряду с тысячами других схожих факторов формировал мировую промышленность в том виде, как мы ее понимаем. И что же случилось?

— Я, конечно, не экономист, но я могу предположить: теперь никто не покупает бритвенных лезвий. Производство бритвенных лезвий вылетело в трубу, не так ли?

— Ну, все это происходит несколько медленнее, чем вы думаете, — сказал Крофорд. — Крупная отрасль промышленности — сложный механизм, который мгновенно не умирает. Даже если ничего нельзя сделать и сбыт постепенно сходит на нет. Но вы правы, именно сейчас предприятия, выпускающие бритвенные лезвия, терпят крах… Затем появилась зажигалка. Казалось бы, мелочь, но в мировом масштабе она перестает быть мелочью. Происходит то же самое, что и с производством лезвий. Затем приходит очередь электрических лампочек. И опять мы наблюдаем тот же процесс. Три отрасли промышленности приговорены к смерти, мистер Виккерс. Эти три отрасли уничтожены. Вы сказали, что я боюсь, и я признаю это. Мы испугались после появления электрических лампочек. Ведь если кто-то может уничтожить три отрасли промышленности, то почему бы ему не уничтожить полдюжины, дюжину, сотню отраслей, а то и всю промышленность в целом? Мы объединились, и за словом «мы» скрывается промышленность не только

Соединенных Штатов Америки, но и всего Американского континента, ряда стран Европы и Азии. Конечно, нашлись скептики, кое-кто отказался присоединиться к нам, но наша деятельность находит поддержку в деловых кругах во всем мире. Как я уже говорил, я хочу, чтобы все это осталось между нами.

— В настоящий момент, — сказал Виккерс, — у меня нет никакого желания говорить с кем-либо на эту тему.

— Мы объединились, — продолжал Крофорд, — и в наших руках, как вы можете себе представить, сосредоточена значительная власть. Кое-что мы уже предприняли, кое-где нажали и кое-чего добились. Во-первых, ни одна газета, ни один журнал не рекламируют эти предметы и не публикуют никакой информации о них. Во-вторых, ни один уважающий себя магазин не продает этих лезвий, зажигалок, лампочек.

— Вот почему они открыли свои собственные магазинчики!

— Конечно, — сказал Крофорд.

— Эти магазинчики множатся как грибы, — вставил Виккерс. — Один из них открылся на днях в Клиффвуде.

— Да, они открыли собственные магазинчики

и стали практиковать новый вид рекламы: наняли тысячи мужчин и женщин, которые ходят и говорят каждому встречному: «Вы слышали об этих потрясающих товарах, которые недавно появились в продаже?.. Нет?.. Позвольте вам рассказать…» Принцип вам ясен. Нет лучше рекламы, чем реклама, построенная на личном контакте, но стоит она баснословно дорого. Мы поняли, что нам противостоят творческие, активные умы, располагающие практически неограниченным капиталом. Мы начали расследование. Пытались загнать этих людей в их логово, разузнать, кто они, как ведут дела и каковы их намерения. Но, как я вам уже сказал, наши усилия ни к чему не привели.

— Быть может, есть законные пути? — спросил Виккерс.

— Мы думали о них, но этих людей невозможно прижать. Налоги? Они их платят. Больше того, они делают это с охотой. Чтобы никто не лез в их дела, они платят даже сверх положенного. Корпоративные правила? Они скрупулезно их выполняют. Социальное обеспечение? Они выплачивают громадные суммы, представляя длинные списки служащих, однако эти списки, по нашему убеждению, фиктивны. Но вы же

не явитесь в Фонд социального обеспечения со словами: «Послушайте, тех людей, за которых они платят взносы, не существует». Есть и другие средства воздействия, но все они не действенней этих; мы запутались в законодательных дебрях, и даже наши юристы не знают, как поступать.

— Мистер Крофорд, — сказал Виккерс, — все это очень интересно, но я все же не пойму, куда вы клоните. Вы сказали, что речь идет о заговоре против мировой промышленности с целью разрушить наш образ жизни. Но ведь вся история экономики содержит тысячи примеров жесточайшей конкуренции. Может, это тоже ее проявление?

— Вы забыли об углеводах, — возразил Крофорд.

— Вы правы, — признал Виккерс, — углеводы не оставляют камня на камне от моего предположения.

Из-за неблагоприятных погодных условий над отдельными странами нависла угроза голода. Конгресс Соединенных Штатов рассматривал вопрос о помощи с политических позиций — кому помогать и как, и вообще помогать ли. А в утренних газетах появилось сообщение о том, что одна лаборатория синтезировала углеводы. В статье не

говорилось, что лабораторию эту никто не знает. Это стало известно позже. Лаборатория возникла из небытия буквально за одну ночь. Даже крупные дельцы, Виккерс сейчас вспомнил об этом, не поверили случившемуся, обозвав создателей синтетических углеводов шарлатанами.

Но это не были шарлатаны. Может быть, фирма и вела свои дела каким-то непонятным образом, однако отныне с ней следовало считаться. Через несколько дней после первого сообщения стало известно, что продукты ее производства не поступают в продажу, а раздаются бесплатно всем нуждающимся, которые по тем или иным причинам не имеют возможности заработать себе на пропитание. Продуктами снабжались не только голодающие, но и те, кто постоянно жил на грани голода, то есть та значительная часть человечества, которая хотя и не вымирает из-за отсутствия пищи, но подвержена болезням и отстает в своем развитии по причине постоянного ее недостатка.

Словно по мановению волшебной палочки, в самых разных уголках земного шара возникли тысячи контор фирмы, и бедняки потекли туда рекой. Отдельные люди пользовались случаем без всяких оснований получать бесплатное пи-

тание, но служащие контор как бы не замечали этого.

Сами по себе синтетические углеводы не являлись полноценным пищевым продуктом. Но это было лучше, чем ничего, и во многих случаях деньги, сэкономленные на углеводах, помогали купить кусок мяса, которое давно исчезло со стола.

— Мы серьезно изучали вопрос об углеводах, — продолжал Крофорд, — и снова ничего не нашли. Мы убеждены, что их никто не производит, однако они существуют. В конторы они поступают со складов, но на складах не может храниться более двухдневного запаса. Мы не обнаружили даже следов фабрик и транспортных средств, кроме транспорта, который доставляет углеводы со складов в конторы. А вот откуда продукция поступает на склады, неизвестно. Такое впечатление, что она туда вообще не поступает. Как в старой сказке Готторна о горшке, в котором никогда не кончалось молоко.

— А вы сами не можете производить углеводы?

— Я понял вашу мысль, — кивнул Крофорд. — Но мы не в состоянии это сделать, как не в состоянии производить вечмобили или незатуп-

ляющиеся бритвенные лезвия. Наши инженеры и химики уже давно заняты изучением этого вопроса, но ни на шаг не продвинулись в решении проблемы.

— А что произойдет, когда безработным понадобится еще кое-что, кроме пищи? — спросил Виккерс. — Когда их семьи окажутся в лохмотьях и возникнет нужда в новой одежде? Когда их выбросят на улицу?

— Думаю, что могу ответить на ваш вопрос. Появится еще одно филантропическое общество, которое даст им одежду и кров. Уже продаются дома по пятьсот долларов за комнату, и это чисто символическая цена. Почему бы не давать их даром? И почему бы не продавать одежду за десятую или двадцатую часть стоимости? Костюм за пять долларов, платье за пятьдесят центов…

— А вы не пробовали прогнозировать, какую следующую новинку они готовят?

— Мы пытались это сделать. Мы были уверены в скором появлении автомобиля. Как видите, так оно и случилось. Думали мы и о домах. Теперь очередь за одеждой.

— Пища, одежда, жилье, средства передвижения — четыре основные потребности человека.

— Кроме того, они располагают горючим и

источниками энергии, — добавил Крофорд. — Когда достаточное количество людей поселится в новых домах, снабжаемых солнечной энергией, придется распрощаться с обычными отраслями энергетической промышленности.

— Но кто же эти деятели? — спросил Виккерс. — Вы говорите, что не знаете их. Но есть ли хоть какое-то предположение?

— Ни малейшего. У нас имеются списки персонала и членов их административных советов. Но мы не можем найти этих людей.

— Может быть, это русские?

Крофорд отрицательно покачал головой.

— Нет, они тоже обеспокоены, хотя у них пока ничего подобного не наблюдается.

В первый раз Крофорд шевельнулся. Он снял руки с живота, схватился за ручки своего массивного кресла и встал.

— Кажется, вы не поняли, какая роль во всем этом отводится вам? — спросил он.

— Не понял.

— Мы не можем сразу, без какой-либо подготовки заявить: «Люди! Перед вами союз мировых промышленных держав, борющихся за сохранение вашего образа жизни». Мы не можем сказать им о сложившейся ситуации. Нам рассмеются в

лицо. Нельзя просто так объяснить людям, что вечный автомобиль и дом по пятьсот долларов за комнату обернутся для них катастрофой. Мы не можем этого сказать, но им необходимо это узнать. Мы хотим, чтобы вы написали об этом книгу.

— Не вижу… — начал Виккерс. Но Крофорд прервал его на полуслове.

— Вы напишите так, словно сами обо всем узнали. Вы намекнете на хорошо информированные источники, не называя их. Мы предоставим вам материалы, но все должно исходить от вас.

Виккерс медленно поднялся и протянул руку за шляпой.

— Спасибо, что вы подумали обо мне, — сказал он, — но меня не интересует ваше предложение.

7

Энн Картер сказала Виккерсу:

— В один прекрасный день, Джей, я так разозлюсь, что разобью тебе голову. И тогда, может, узнаю, чем она набита.

— Мне нужно написать книгу, чем я и занят в настоящий момент. Ты имеешь что-нибудь против?

— Твоя книга может подождать. Ее ты всегда сможешь написать. А вот эту, о которой шла речь, — нет.

— Давай, давай. Скажи, что я швырнул на ветер миллион долларов, ты ведь именно так считаешь?

— Ты мог получить с них кругленькую сумму и заключить с издателем такой договор, что пальчики оближешь.

— И отложить в сторону мое самое великое произведение, — сказал Виккерс. — Остыть и, вернувшись к книге снова, понять, что душа к ней уже не лежит.

— Любая книга, которую ты пишешь, — твое самое великое произведение. Джей Виккерс — ты жалкая тень писателя. Согласна, ты неплохо пи-

шешь и твои чертовы книги хорошо расходятся, хотя иногда мне непонятно почему. Если бы ты не зарабатывал этим деньги, ты и строчки не написал. Скажи мне откровенно, зачем ты пишешь?

— Ты ответила сама. Ради денег. Раз ты так считаешь, значит, так оно и есть.

— Ну, ладно, я — лицо заинтересованное.

— Боже мой, мы ругаемся так, будто давно женаты.

— Кстати, то, что ты никогда не был женат, доказывает, какой ты эгоист. Бьюсь об заклад, ты никогда и не думал о женитьбе.

— Думал однажды, — вздохнул Виккерс, — но это было очень давно.

— Ну-ну, урони голову на руки и порыдай. Уверена, это будет впечатляющее зрелище. Вот почему в твоих романах встречаются душераздирающие любовные сцены.

— Энн, во хмелю на тебя накатывает злость.

— Приходится пить, ты сам меня толкаешь на это. Как ты сказал: «Спасибо, что вы подумали обо мне, но меня не интересует ваше предложение».

— У меня было предчувствие, что тут дело не чисто, — упорствовал Виккерс.

— Ты весь в этом, — сказала Энн.

Она выпила вина.

— Под предлогом предчувствия ты не хочешь признать, что отказался от лучшего предложения в твоей жизни. Предложи мне такую сумму, я бы плюнула на все предчувствия.

— Не сомневаюсь, — сказал Виккерс.

— Вот уж этого тебе не следовало говорить. Плати и пойдем. Провожу тебя до автобуса, и чтоб глаза мои тебя больше не видели.

8

Громадный плакат занимал почти все пространство необъятной витрины:

ДОМА НА ЛЮБОЙ ВКУС

500 долларов за комнату

Большая скидка за ваш СТАРЫЙ ДОМ

Через витрину виден был пяти — или шестикомнатный домик, его окружал небольшой, хорошо спланированный сад с лужайкой и солнечными часами. К дому примыкал гараж с флюгером в виде утки. На ровно подстриженном газоне стояли два белых садовых стула и круглый столик, а на дорожке сверкал новенький автомобиль.

Энн сжала руку Виккерса.

— Зайдем?

— Это, должно быть, то, о чем говорил Крофорд.

— У нас есть еще время до отхода твоего автобуса, — сказала Энн.

— Почему бы и нет? Может, присматривая дом, ты перестанешь говорить гадости.

— Будь это возможно, я бы поймала тебя на слове и вышла за тебя.

— И превратила бы мою жизнь в ад…

— Конечно, — нежно сказала Энн, — а зачем же еще выходить замуж за тебя?

Дверь захлопнулась за ними, сразу оборвав шум улицы, и они направились к дому, ступая по толстому зеленому паласу, который пружинил под ногами, словно лужайка.

Продавец увидел их и пошел навстречу.

— Мы проходили мимо, — произнесла Энн, — и решили зайти. Этот дом так привлекателен и…

— Это отличный дом, — заверил их продавец, — и его владельцы пользуются многими преимуществами.

— В витрине написано, что комната в нем стоит пятьсот долларов. Это правда? — поинтересовался Виккерс.

— Все спрашивают одно и то же. Люди не верят своим глазам.

— Так это верно? — продолжал настаивать Виккерс.

— Конечно, — ответил продавец. — Пятикомнатный дом стоит две с половиной тысячи долларов, десятикомнатный — пять. Но пока на десятикомнатные дома желающих мало.

— Что вы понимаете под словом «пока»?

— Дело в том, сэр, что эти дома можно расши-

рять. К примеру, вы покупаете пятикомнатный дом, а через некоторое время замечаете, что вам нужна еще одна комната — мы приезжаем, производим изменения и ваш дом становится шестикомнатным.

— Переделки стоят дорого? — спросила Энн.

— Отнюдь, те же пятьсот долларов за каждую комнату. Все остальное мы берем на себя.

— Эти дома — сборные? — снова спросила Энн.

— Кажется, их так называют, хотя это не совсем соответствует истине. Когда говорят о сборных домах, имеют в виду дома, которые собираются из отдельных конструкций; такая сборка занимает восемь-десять дней. В результате вы получаете только оболочку — без отопления, без каминов, словом, без внутренностей…

— Меня интересует эта дополнительная комната, — прервал Виккерс. — Вы сказали, что в случае необходимости вас следует вызвать и вы присоедините ее.

Продавец как-то сжался.

— Не совсем так, сэр. Мы не присоединяем ее. Мы трансформируем дом. У вас по-прежнему остается удобный дом, планировка которого отвечает самым последним достижениям домостроения. Иногда требуется полная трансформация дома,

меняется расположение комнат и тому подобное. Конечно, — добавил продавец, — если вы хотите целиком трансформировать дом, лучше обменять его на новый. За все эти операции мы берем чисто условную плату в размере одного процента в год, не считая, разумеется, стоимости дополнительных комнат.

Он с надеждой посмотрел на них.

— Может быть, у вас уже есть дом?

— Крохотный коттедж в долине, — сказал Виккерс, — ничего особенного.

— Какова его цена, по вашему мнению?

— Пятнадцать — двадцать тысяч, но не думаю, что смогу продать его за эту цену.

— Мы вам дадим двадцать тысяч, — сказал продавец, — после оценки экспертами. Наши эксперты не очень придирчивы.

— Но, — возразил Виккерс, — мне не нужен дом больше чем из пяти-шести комнат. Он не будет стоить дороже двух с половиной-трех тысяч…

— О, это не имеет никакого значения, — ответил продавец. — Разницу мы вам выплатим наличными.

— Ну, это уже совершенная бессмыслица!

— Вовсе нет. Мы готовы выплачивать нашим покупателям всю стоимость их домов, чтобы как

можно шире знакомить людей с нашей продукцией. Иными словами, мы выплачиваем вам разницу, убираем ваш старый дом и возводим для вас новый. Все очень просто.

Энн обратилась к Виккерсу.

— Скажи, что тебя это не интересует. Дело выглядит слишком выгодным, а потому ты, конечно, отказываешься.

— Простите, мисс, — сказал продавец, — я не понял.

— У нас свои счеты, — успокоил его Виккерс.

— А! Я уже говорил, что владелец дома пользуется рядом преимуществ.

— Расскажите нам о них, пожалуйста, — сказала Энн. — Это интересно.

— Охотно. В доме установлен солнечный генератор. Вам известно, что это такое?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Установка, преобразующая солнечную энергию в электрическую.

— Совершенно верно, — сказал продавец. — Однако наш генератор значительно превосходит все установки такого рода. Он круглый год снабжает дом электроэнергией. Вы перестаете нуждаться в коммунальных услугах. Более того, генератор производит громадное количество

энергии, значительно большее, чем вам может понадобиться.

— Чудесно, — сказала Энн.

— Дом полностью оборудован. В нем устанавливается холодильник с морозильной камерой, стирально-сушильная и посудомоечная машины, мусородробилка, тостер, вафельница, радиоприемник, телевизор и прочая аппаратура.

— За особую плату, конечно? — обронил Виккерс.

— Вовсе нет. Все те же пятьсот долларов за комнату.

— А кровати, — спросила Энн, — кресла и остальная мебель?

— Увы, — сказал продавец, — мебель вы должны покупать сами.

— А сколько стоит разборка старого и установка нового дома? — спросил Виккерс.

Продавец с достоинством расправил плечи.

— Поймите, речь идет о честном предложении. Никакого обмана. Вы покупаете дом или даете распоряжение о его оплате по пятьсот долларов за комнату. Наши бригады специализированных рабочих разбирают ваш дом и устанавливают новый. В указанную нами цену входит абсолютно все. Никаких дополнительных платежей.

Правда, иногда покупатели хотят сменить место жительства. В этом случае нам всегда удается договориться с ними о приемлемом обмене их старого владения на новое. Я полагаю, вы хотите остаться там же. В долине. Очень красивое место.

— Не уверен, — сказал Виккерс.

— Я кое-что упустил, — продолжал продавец. — Наши дома не требуют окраски. Они построены из материала, который никогда не меняет своего цвета. У нас большой выбор приятных оттенков.

— Простите, что мы отняли у вас время, — сказал Виккерс. — Мы не клиенты, а просто прохожие.

— Но у вас есть дом?

— Да, есть.

— Мы готовы заменить его на новый и выплатить вам кругленькую сумму…

— Я это уже слышал, — сказал Виккерс, — но …

— Мне кажется, — перебил его продавец, — что вы должны уговаривать меня, а не я вас…

— У меня есть дом, который мне нравится. Откуда мне знать, будет ли мне хорошо в вашем новом доме?

— Но, сэр, — сказал продавец, — я же объяснил…

— Я привык к своему дому. Привык, и он платит мне тем же. Я очень привязался к нему.

— Джей Виккерс! — воскликнула Энн. — Так привыкнуть к дому за три года? Послушать тебя, так можно подумать, что речь идет о родовом замке.

Виккерс продолжал упорствовать:

— Я его чувствую, я его знаю. В столовой скрипит одна половица, и я иногда специально наступаю на нее, чтобы услышать ее скрип. В виноградной лозе над террасой живут два снегиря, а в подвале поселился сверчок. Я искал его, но не нашел, он оказался хитрее меня. А теперь я ни за что не трону его, он стал частью дома и…

— В наших домах вас никогда не будут беспокоить сверчки. Материалы, из которых сделан дом, содержат инсектициды. Вас никогда не будут беспокоить комары, муравьи, сверчки и любая другая живность.

— Но сверчок мне вовсе не мешает, — возразил Виккерс. — Об этом-то я и толкую. Более того, я уверен, что не смогу жить в доме, где не могут водиться сверчки. Мыши — дело другое.

— Уверяю вас, — заявил продавец, — мышей в наших домах не бывает.

— У меня их тоже не будет. Я вызвал специаль-

ного человека, и он уничтожит их.

— Я еще хочу спросить вас, — обратилась Энн к продавцу, — вы говорили о стиральной машине, холодильнике…

— Разумеется.

— Но вы ничего не сказали о плите…

— Разве? — удивился продавец. — Как я мог о ней забыть? Конечно, мы устанавливаем и плиту.

9

Когда автобус прибыл в Клиффвуд, уже начало темнеть. Виккерс купил газету и перешел на другую сторону улицы, где находилось единственное в городе приличное кафе.

Он заказал ужин и только развернул газету, как услышал пронзительный голосок:

— О, мистер Виккерс!

Виккерс отвел газету. Перед ним стояла Джейн, девчушка, с которой он завтракал утром.

— А, Джейн, добрый вечер, — сказал он. — Что ты тут делаешь?

— Мы с мамой пришли купить мороженого, — Джейн влезла на стул и уселась напротив него. — А где вы были целый день, мистер Виккерс? Я приходила к вам, но там был один человек, и он не хотел меня пускать. Он сказал, что травит мышей. Зачем он травит мышей, мистер Виккерс?

— Джейн, — раздалось над головой.

Виккерс поднял глаза. Рядом стояла элегантная цветущая женщина и улыбалась ему.

— Она вам не мешает, мистер Виккерс?

— Ни капельки, она так мила.

— Я — миссис Лесли, — произнесла женщи-

на. — Мать Джейн. Мы с вами уже давно стали соседями, а познакомиться как-то не доводилось.

Она присела к столу.

— Я прочла несколько ваших книг, — сказала она, — они мне очень понравились. Но я прочла не все. Ужасно мало времени.

— Благодарю вас, миссис Лесли, — сказал Виккерс.

«А она ведь решит, — подумал он, — что я благодарю ее за то, что она соизволила прочесть мои книги».

— Я давно собиралась зайти к вам, — призналась миссис Лесли. — Мы организуем клуб фантазеров, и ваше имя — в моем списке.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Я ограничен во времени. И придерживаюсь нерушимого правила — ни в чем не принимать никакого участия.

— Но, — возразила миссис Лесли, — мы там будем заниматься тем же, чем и вы.

— Спасибо, что подумали обо мне.

Она смущенно улыбнулась.

— Вы считаете нас сумасшедшими, мистер Виккерс?

— Нет, — сказал он, — ни в коем случае.

— Тогда взрослыми детьми?

— Ну, если вы именно так формулируете свою мысль, — сказал Виккерс, — я соглашусь с вами. Ваша затея мне действительно кажется ребячеством.

«Вот я и совершил промашку, — сказал он себе. — Теперь она представит дело так, будто это мои слова, а не ее. Все соседи будут знать, что это я назвал идею клуба ребячеством».

Но слова Виккерса, казалось, не задели ее.

— Если у человека каждая минута на счету, то наша затея, может, и покажется ему ребячеством. Однако специалисты считают, что такой клуб — прекрасное средство занять себя вне дома.

— Не сомневаюсь, — сказал Виккерс.

— Нужно много работать. Когда вы выбираете эпоху, в которой хотели бы жить, надо все о ней читать, все выискивать и день за днем вести дневник; со всеми подробностями, а не одной-двумя фразами описывать свое ежедневное воображаемое времяпрепровождение, чтобы всем было интересно это слушать.

— В истории было много увлекательных эпох, — сказал Виккерс.

— Как приятно слышать это, — воскликнула миссис Лесли. — Вы не можете указать мне одну из них? Например, какую бы эпоху выбрали вы

сами, мистер Виккерс?

— Простите меня. Я никогда не задумывался над этим.

— Но вы же сказали, что их много.

— Конечно. И все же, если хорошенько подумать, наша эпоха не менее увлекательна, чем другие.

— Но сейчас ничего не происходит.

— Напротив, именно сейчас происходит много интересного, — возразил Виккерс.

Он испытывал жалость к этим взрослым людям, которые притворялись, что живут в другом веке, и во всеуслышание заявляли, будто не могут жить в своем времени. Желанием хоть на мгновение окунуться в затхлое очарование чужой жизни они прикрывали свою внутреннюю пустоту.

Он вспомнил разговор двух женщин, сидевших позади него в автобусе. Какое удовлетворение можно получить от воображаемой жизни во времена Пеписа. Жизнь самого Пеписа была заполнена скитаниями, самыми разными встречами. Крохотные таверны, где можно получить кусок сыру и кружку вина, представления, сборища, разговоры далеко за полночь и, наконец, множество всяких забот, столь же естественных

для Пеписа, сколь неестественных для этих фантазеров.

Их движение стало бегством от действительности, но от чего именно? Может, от неуверенности в себе? Они жили в повседневном напряжении, которое не оставляло их в покое ни на минуту, хотя и не перерастало в страх. Возможно, их мучило постоянное неосознанное сомнение, а такое состояние духа не могли компенсировать никакие ухищрения технологической эпохи.

— Мороженое нам уже, наверное, упаковали, — заторопилась миссис Лесли, беря перчатки и сумочку. — Буду рада видеть вас как-нибудь вечерком у нас, мистер Виккерс.

Виккерс встал вместе с ней.

— Непременно как-нибудь зайду, — пообещал он.

Он знал, что никуда не пойдет, а она не хотела, чтобы он приходил, но такова была обязательная формула вежливости.

— Пойдем, Джейн, — сказала миссис Лесли. — Я очень рада, что наконец познакомилась с вами, мистер Виккерс.

Не дожидаясь ответа, она удалилась.

— Дома сейчас все хорошо, — успела шепнуть Джейн. — Мама с папой помирились.

— Рад за тебя, — сказал Виккерс.

— Папа обещал больше не ухаживать за женщинами, — добавила Джейн.

— Счастлив слышать это, — ответил Виккерс.

Мать окликнула ее через зал.

— Мне надо идти, — сказала Джейн. Она сползла со стула и бегом бросилась за матерью. Прежде чем скрыться за дверью, девочка обернулась и помахала ему рукой.

«Бедняжка, — подумал он. — Что ее ждет? Будь у меня такая дочь…» Он тут же прогнал эту мысль. У него не было дочери. У него была полка с книгами, его ждала рукопись — его надежда и возможный успех. И вдруг все показалось ему таким ничтожным, включая и его лишенный смысла успех. «Книги и рукописи, — думал он, — можно ли только на этом строить жизнь?»

Перед ним, как и перед каждым сейчас, стояла проблема, как жить дальше. Долгие годы мир находился в страхе перед возможной войной. Вначале была безысходность, бегство от окружения и от себя, потом чувство обреченности притупилось, оставив какую-то саднящую ранку в глубине души, его перестали замечать, сжились с этой ноющей болью…

«И ничего странного нет в появлении фан-

тазеров», — сказал он себе. Он и сам жил вне действительности со своими книгами и рукописями.

10

Он поискал ключ под цветочным горшком на террасе, но его там не оказалось. И он вспомнил, что оставил дверь открытой, чтобы Джо мог попасть в дом.

Он повернул дверную ручку и вошел, на ощупь в темноте добрался до стола и зажег лампу. Под лампой лежал клочок белой бумаги, на котором размашистым почерком было написано:

> Джей, я все сделал и проветрил дом. Плачу сотенную за каждую пойманную мышь. Джо.

Он услышал шорох и, повернувшись, заметил, что на террасе кто-то покачивается в его любимом кресле-качалке. Зажженная сигарета выписывала в темноте замысловатые кривые.

— Это я, — раздался голос Гортона Фландерса. — Вы уже поужинали?

— Я перекусил в поселке.

— Жаль, я принес бутерброды и пиво. Я думал, вы будете голодны, и, зная вашу любовь к стряпне…

— Спасибо, — сказал Виккерс, — пока я сыт. Может, поедим попозже.

Бросив шляпу на стол, он вышел на террасу.

— Я занял ваше место, — забеспокоился Фландерс.

— Ничего страшного, — ответил Виккерс.

— Какие новости? У меня дурная привычка не заглядывать в газеты.

— Ничего нового. Все те же разговоры о войне.

— Они не прекращаются уже добрых тридцать лет. Но пока все же дело ограничивалось локальными конфликтами. Правда, мировая война могла вспыхнуть по меньшей мере раз двенадцать.

— Я как-то никогда об этом не задумывался, мистер Фландерс. Однако, полагаю, никому не хочется воевать, — сказал Виккерс.

— Так-то оно так, да не всегда стремление к миру позволяет предотвратить войну. Сколько раз великие державы оказывались перед выбором — начать войну или уступить. И они всегда уступали. Однако так происходит лишь последние тридцать лет. Вам не кажется, мистер Виккерс, что появился какой-то новый фактор?

— Я, пожалуй, не вижу никакого нового фактора. Человек остался человеком. Люди не всегда

воевали. В 1945 году они закончили самую страшную в истории войну.

— С тех пор возникало немало поводов, вспыхивали местные конфликты, но не мировая война. Как вы думаете, почему?

— Мне трудно сказать.

— А я считаю, что все дело в появлении нового фактора.

— Может быть, это страх, — заметил Виккерс, — страх перед новыми ужасными видами оружия.

— Может, и так, — согласился Фландерс, — но страх — удивительное чувство. Он в равной мере может и вызвать войну, и помешать ей. Однако не думаю, мистер Виккерс, что страх является единственной причиной поддержания мира.

— Вы полагаете, существует некий психологический фактор?

— Не исключено, — ответил Фландерс, — как не исключено и вмешательство.

— Вмешательство? Чье?

— Затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Но я уже давно одержим этой мыслью и не только в связи с последними событиями. Столетие назад с нашим миром что-то произошло. До тех пор наблюдался медленный прогресс, почти не менялся образ мыслей. И вдруг до сих пор мелко

семенившее человечество двинулось вперед семимильными шагами. Люди изобрели автомобиль, телефон, кино, летательные аппараты. Появились радио, телевидение… И четверти века не понадобилось, чтобы классическая физика уступила место новой форме мышления. Человеческий разум принял свое невежество как должное, столкнувшись с атомами и электронами. Появились такие науки, как атомная физика, квантовая электроника. Физики вдруг набрались храбрости и заявили, что не знают, почему электроны ведут себя именно так, а не иначе.

— Вы хотите сказать, — прервал его Виккерс, — произошло нечто, что сбило человека с его пути? Но так случается не впервые. Был ренессанс и была промышленная революция.

— Я не утверждаю, что это произошло впервые, — ответил Фландерс. — Я только сказал, что это имеет место. Тот факт, что нечто подобное уже случалось, только доказывает некую закономерность. Значит, мы являемся свидетелями какого-то явления. Но кто пришпорил выдохшуюся лошадь цивилизации и заставил ее галопом рвануться вперед, да так, что она, не выказывая усталости, не снижает скорости уже добрую сотню лет?

— Вы говорите о вмешательстве, — сказал Виккерс. — И дали волю своей фантазии. Может, вы думаете, что это какие-нибудь марсиане?

Фландерс отрицательно покачал головой:

— Нет, не марсиане. У меня возникла более общая идея.

Он указал сигаретой на усеянное звездами ночное небо.

— Там должны находиться неисчерпаемые источники знания. Повсюду в этом пространстве, окружающем нашу Землю, должны жить разумные существа, об уровне развития их науки мы можем только догадываться. Какая-то часть знаний, которыми они располагают, может оказаться полезной людям Земли.

— Вы имеете в виду пришельцев?

— Нет, — ответил Фландерс. — Я считаю, что источник знания ждет нас на месте. Ждет, пока мы сможем добраться до него.

— Но звезды слишком далеко…

— Не исключено, что нам не понадобятся ракеты. Нам не придется летать, а мы сможем попасть туда с помощью разума…

— Телепатия?

— Возможно, что это ближе к действительности. Разум, который исследует и ищет; разум,

который пытается вступить в контакт с другим разумом. Если телепатия существует, то расстояния роли не играют — полмили или световой год, какая разница? Разум не подчиняется физическим законам, а следовательно, может путешествовать со сверхсветовой скоростью.

Виккерс смущенно засмеялся — он почувствовал, как по затылку ползут невидимые мурашки.

— Вы шутите, — сказал он.

— Возможно, — согласился Фландерс. — Наверное, я — просто эксцентричный старик, любящий побеседовать с человеком, который не очень смеется над его словами.

— А имеются ли какие-либо доказательства применимости и пользы знаний, о которых вы говорили? Ведь они могут оказаться чуждыми для нас, потребуют иной логики мышления, будут касаться иных проблем и использовать иные понятия, которые мы не в состоянии осмыслить.

— В основном вы правы, — сказал Фландерс. — Придется прибегнуть к какому-то отсеву. Но среди плевел окажутся и зерна. Так, например, если будет обнаружено средство, исключающее трение, появятся вечно работающие машины, появятся…

— Минуточку, — нервно воскликнул Вик-

керс. — К чему вы клоните? Почему вы говорите именно о вечно работающих машинах? У нас они уже появились. Утром я говорил с Эбом…

— А! Вечмобиль… Именно его я и имел в виду, мистер Виккерс.

11

Еще долго после ухода Фландерса Виккерс сидел в своем кресле и курил, рассматривая кусочек неба между оградой и крышей террасы… Он видел бесчисленные блестки звезд и думал, как трудно, да и вообще возможно ли, оценить расстояние между ними и время, необходимое, чтобы его преодолеть.

Фландерс был старым человеком, и его потертый пиджак, деревянная трость и изысканная манера речи наводили на мысль о былых временах. Мог ли он знать и знал ли о том, что накоплено на далеких звездах?

Подобные разговоры мог вести любой мечтатель. Что он еще сказал? Что-то о вмешательстве. Но все его рассуждения носят отвлеченный характер. Фландерс ищет в них убежища от действительности. Туманные рассуждения помогают ему забыть об унылом существовании.

«Вот и я, — подумал Виккерс, — тоже начал фантазировать. Что я знаю о жизни этого эксцентричного старика?»

Он встал с кресла и вошел в гостиную. Выдвинул стул, уселся перед рабочим столом, поглядел

на пишущую машинку, стоявшую с немым укором — останься он дома на целый день, к рукописи прибавилось бы еще немного.

Виккерс взял несколько страниц, хотел было их перечитать, но почувствовал, что потерял к ним интерес, и вдруг испугался — неужели ушло вдохновение, заставлявшее его писать каждый день. Он не мог противиться внутренней потребности освободить свой мозг от накопившихся мыслей и тем самым вновь обрести ясность мышления. Он воспринимал необходимость писать как неизбежное покаяние, после которого снова можно было спокойно жить.

Он отказался писать книгу для Крофорда, сказав что она не интересует его, и это было правдой, ибо он мечтал вернуться домой к своей рукописи, оставшейся на столе.

Но рукопись была не единственной причиной отказа — на него подействовало и еще что-то. «Предчувствие», — сказал он Энн, и та подняла его на смех. А у него на самом деле было предчувствие, более того, ощущение опасности, страха, словно рядом стоял его двойник и умолял как можно быстрее уйти оттуда.

Рассуждая логически, он не должен был ощущать страха. У него не было никаких причин

отказываться от предложения Крофорда. Деньги очень пригодились бы. И Энн получила бы хорошие комиссионные. Отказ противоречил здравому смыслу. И все же он отказался без малейшего колебания.

Он положил страницы поверх стопки, встал и задвинул стул.

Шорох скользящего по ковру стула словно послужил сигналом — в темном углу послышался топот, кто-то перебежал в другой угол. И все стихло — только через открытую дверь доносилось шуршание виноградной лозы, которая, качаясь, задевала за накомарник, натянутый вокруг террасы. Затем лоза перестала качаться, и в доме стало совсем тихо, сверхъестественно тихо, словно весь дом замер, ожидая, что произойдет дальше.

Виккерс медленно повернулся и окинул взглядом комнату. Он поворачивался очень осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума и в то же время не показаться кому-то смешным.

Мышей быть не могло. Джо гарантировал. Кто же тогда мог бегать из угла в угол?

Ничто не нарушало тишины. Даже не тишины, а какого-то мертвого оцепенения: казалось, кто-то, сдерживая дыхание, затаился во тьме.

Двигая только глазами — ему чудилось, стоит

повернуть голову, как хруст шейных позвонков навлечет на него опасность, — Виккерс осматривал комнату, внимательно вглядываясь в темные углы, куда не доставал свет лампы. Он осторожно завел руки за спину, чтобы ухватиться за край стола, опереться на что-нибудь твердое. Пальцы его правой руки наткнулись на металлический предмет, и он угадал в нем пресс-папье, которое снял с рукописи, когда сидел за столом. Он схватил его и зажал в руке — теперь он был вооружен.

Кто-то притаился в углу возле желтого кресла, и, хотя это существо не имело глаз, Виккерс чувствовал, что за ним наблюдают. Существо еще не знало или не хотело знать, что его заметили, но такое положение не могло длиться долго.

— Вот тебе! — крикнул Виккерс и с силой метнул пресс-папье в угол.

И тут же послышался звон катящихся по полу металлических предметов.

12

Перед Виккерсом была груда обломков: разбитые крохотные радиолампы, перепутанные провода, потрескавшиеся кристаллы, помятый металлический корпус, в котором помещалась вся эта таинственная механика, совершенно неизвестная ему.

Он подвинул к себе настольную лампу, чтобы лучше рассмотреть собранные с пола предметы, и нерешительно трогал их пальцем.

Оказывается, вовсе не мыши разгуливали ночью по дому. И кошка боялась этого незнакомого предмета, обходившего мышеловки.

Судя по всему, это было какое-то электронное устройство. «Электронный шпион, — догадался Виккерс, — который движется, слушает, наблюдает за мной, записывает все, что видит и слышит, а потом кому-то передает добытую информацию. Но кому? И зачем? А может, это что-то совсем другое, и его присутствие объясняется очень просто, а может, и вовсе необъяснимо. Будь это электронный соглядатай, мне не удалось бы застигнуть его врасплох. Ясно одно, шорохи и шаги, которые месяцами слышались по ночам, отнюдь

не мышиная возня».

Однако всякий шпион ведет наблюдения, стараясь ничем не выдать своего присутствия. Тем более подобное устройство. Его нельзя было бы обнаружить, не пожелай оно открыться.

Не пожелай оно открыться… Он сидел за столом, потом встал, отодвинул стул. И только тогда услышал топот. Если бы оно не побежало, он никогда и не заметил бы его. Да и для бегства не было причин: в комнате было темно, светила лишь настольная лампа, к тому же этот соглядатай находился у него за спиной.

Теперь Виккерс был уверен, что устройство сознательно обнаружило себя, сознательно побежало по комнате, привлекая к себе внимание, и не пыталось скрыться, когда его заметили.

Он снова сел, на лбу выступил холодный пот, но он даже не поднял руки, чтобы стереть его.

Оно хотело, чтобы его заметили… Оно хотело, чтобы он узнал о нем. Конечно, не оно само хотело этого, а организация или человек, которые стояли за всем этим и поместили эту штуку в его дом. Несколько месяцев шпион гулял по дому, слушал, наблюдал, теперь настало время сказать ему, что за ним наблюдали.

Но для чего и кто?

Он подавил растущее чувство панического страха и заставил себя остаться сидеть.

«Это явно связано с событиями сегодняшнего дня, — подумал он. — Сегодня что-то произошло, и те, кто наблюдал за мной, решили, что пора ввести меня в курс дела».

Он перебрал в памяти все события дня.

Соседская девочка, которая зашла позавтракать.

Воспоминание о прогулке двадцатилетней давности.

Газетная статья о множественности миров.

Вечмобиль.

Беседа двух женщин в автобусе.

Крофорд и его рассказ о загнанном в угол мире.

Дома по пятьсот долларов за комнату.

Миссис Лесли и организованный ею клуб.

Мистер Фландерс, утверждающий, что какой-то новый фактор оберегает мир от войны.

Мышь, которая оказалась электронным соглядатаем.

Но это было не все. Сам не зная почему, он был уверен, что упустил какой-то важный факт, который следовало поставить в один ряд с сегодняшними событиями.

Был Фландерс, который говорил, что интере-

суется магазинчиками, что его заинтриговала история с углеводами, что он уверен в развитии каких-то событий.

А вечером, сидя на террасе, старик рассуждал о запасе знаний в иных звездных мирах, о факторе, который предохранял мир от войны, и о факторе, который может помочь вывести человечество из тупика, указав ему путь дальнейшего развития. Фландерс подчеркнул, что его рассуждения носят общий характер.

Но были ли они столь общими?

Или Фландерс знал значительно больше, чем говорил?

А если знал, то что именно?

Виккерс отодвинул стул и встал. Он взглянул на часы — было два часа ночи.

«Тем хуже, — подумал он. — Пришло время объясниться. Даже если придется выломать дверь и вытряхнуть Фландерса из постели в ночной рубашке (он был уверен, что Фландерс спал не в пижаме), я должен узнать все».

13

До дома Фландерса еще было далеко, когда Виккерс заметил неладное. Во всех окнах от подвала до чердака горел свет.

По саду двигались люди с фонарями, посреди улицы о чем-то спорили несколько мужчин, на террасах домов видны были женщины и дети в наброшенных наскоро халатах. Все это выглядело так, будто они ждут послеполуночного парада, который вот-вот прошествует по улице.

Возле ограды стояла группа людей; свернув к ним, Виккерс узнал знакомые лица. Среди них были Эб, Джо и владелец аптеки Вик. Они поздоровались.

— Что случилось? — поинтересовался Виккерс.

— Исчез старик Фландерс, — ответил Вик.

— Служанка поднялась к нему ночью, чтобы дать лекарство, — пояснил Эб, — но Фландерса в комнате не оказалось. Она поискала его, а потом пошла за помощью.

— Уже начали поиски? — спросил Виккерс.

— Только вокруг дома, — ответил Эб, — но теперь надо расширить круг и организовать систематическое прочесывание местности.

Владелец аптеки добавил:

— Мы думали, что он решил прогуляться по саду и у него случился приступ. Поэтому вначале искали только здесь.

— Мы обшарили весь дом сверху донизу и каждый ярд в саду, — сказал Джо. — И никаких следов.

— Может, он решил пройтись, — предположил Виккерс.

— Какой здравомыслящий человек станет гулять после полуночи? — возразил Джо.

— Мне кажется, он был немного не в своем уме, — сказал Эб. — Я ничего не хочу сказать плохого, скорее наоборот. В жизни не встречал человека вежливее. Но было в нем что-то странное.

Приблизилась фигура с фонарем.

— Ну что, начнем? — спросил мужчина.

— Конечно, шериф, — откликнулся Эб. — Мы в вашем распоряжении. Ждали, пока вы все организуете.

— Ладно, — сказал шериф, — в темноте много не сделаешь, но через пару часов рассветет. Сейчас организуем несколько поисковых групп. Часть из них прочешет город — все улицы и переулки, а остальным, пожалуй, следует отправиться к реке.

— Мы согласны, — ответил за всех Эб, — скажите, что делать, и начнем.

Шериф поднял фонарь повыше и посмотрел на них:

— А! Джей Виккерс? Рад вас видеть здесь. Нам нужны все мужчины.

Виккерс солгал, сам не зная почему.

— Я услышал шум и решил узнать, в чем дело.

— Кажется, вы хорошо знали этого старика? Лучше, чем остальные.

— Он заходил поболтать со мной почти каждый день.

— Знаю. Мы заметили это. Ни с кем другим он особенно не разговаривал.

— Нас интересовали общие темы, — объяснил Виккерс. — Мне кажется, он чувствовал себя очень одиноким.

— Его служанка сказала, что он заходил к вам вчера вечером.

— Совершенно верно, — подтвердил Виккерс. — Он ушел сразу после полуночи.

— Вы не заметили ничего необычного в его поведении, в его словах?

— Ну-ну, шериф, — вмешался Эб, — уж не думаете ли вы, что Джей имеет к этому какое-то отношение?

— Нет, — ответил шериф, — не думаю. — Он опустил фонарь и добавил — Если хотите, направляйтесь к реке, разделитесь там на две группы и пройдите вниз и вверх по течению. Не думаю, что вы что-нибудь обнаружите, но кто знает. Возвращайтесь к рассвету. Тогда мы возьмемся за дело всерьез.

Шериф повернулся, поднялся на кирпичный тротуар и удалился, размахивая фонарем.

— Наверное, — сказал Эб, — нам тоже пора. Я спущусь вниз по реке с одной группой, а Джо с другой пусть идет вверх по течению. Согласны?

— Я согласен, — ответил Джо.

Они миновали ограду, прошли по улице до перекрестка и направились к мосту. Там остановились.

— Отсюда мы пойдем в разные стороны, — скомандовал Эб. — Кто пойдет с Джо?

Несколько человек подошли к Джо.

— Ну вот, — сказал Эб, — а остальные за мной.

Они спустились к берегу реки, где стоял холодный и влажный туман, в темноте слышался плеск воды. Какая-то ночная птица прокричала где-то на другом берегу.

— Мы найдем его, Джей? — спросил Эб.

Виккерс помедлил с ответом.

— Нет, не думаю. Не могу сказать почему, но почти уверен, что не найдем.

14

Виккерс вернулся домой только к вечеру.

Открыв входную дверь, он услышал телефонные звонки и поспешил снять трубку.

Звонила Энн Картер.

— Я пытаюсь поймать тебя с самого утра. Прямо-таки извелась. Где ты был?

— Искал человека, — сказал Виккерс.

— Джей, мне не до шуток.

— А я не шучу. Пропал один мой сосед — старик. Я участвовал в его поисках.

— Нашли?

— Нет.

— Жаль, — сказала Энн. — А что, симпатичный человек?

— В высшей степени.

— Может, вы его еще найдете?

— Возможно, — ответил Виккерс. — Что тебя так взволновало?

— Помнишь, о чем говорил Крофорд?

— Он о многом говорил.

— Я имею в виду прогноз на ближайшее будущее. Помнишь?

— Боюсь, что нет.

— Он сказал, что очередь за одеждой. Платья за пятьдесят центов.

— Теперь припоминаю.

— Так вот, это произошло.

— Что произошло?

— В продажу поступили такие платья. Правда, не по пятьдесят центов, а по полтора доллара.

— Ты уже купила себе?

— Нет, Джей, мне стало страшно. Я шла по Пятой авеню и увидела в витрине табличку, совсем скромную табличку, где было написано, что здесь за полтора доллара можно купить платье, сшитое на манекенщицу. Джей, ты когда-нибудь видел на Пятой авеню платья за полтора доллара?

— Нет, никогда.

— Это было такое красивое платье, — говорила Энн. — Оно все переливалось. И это были не блестки и не нити, блестела сама ткань. Словно живая. А цвет… Джей, это было самое красивое платье, которое я когда-либо видела, и я могла купить его всего за полтора доллара. Но не решилась. Я вспомнила слова Крофорда и у меня по спине поползли мурашки.

— Жаль, — усмехнулся Виккерс. — Успокойся и возвращайся туда завтра утром, может, оно еще не продано.

— Но речь идет совершенно о другом, неужели ты не понимаешь, Джей? Подтверждаются слова Крофорда. Значит, он говорил всерьез и заговор действительно существует, и мир находится в отчаянном положении.

— А что же ты хочешь от меня?

— Не знаю, Джей. Я подумала, что тебя это заинтересует.

— Меня это очень интересует, — ответил Виккерс.

— Джей, что-то происходит.

— Успокойся, Энн. Конечно, что-то происходит.

— Но что, Джей? Крофорд явно не все сказал.

— Я сам не знаю что, но что-то небывалое. Это выше нашего понимания. Мне надо поразмыслить над этим.

— Джей, — сказала она, в ее голосе уже не было прежней тревоги, — мне стало лучше. Я рада, что поговорила с тобой.

— Пойди завтра утром в магазин и купи охапку этих полуторадолларовых платьев. Только приходи пораньше, до толпы.

— До толпы? Не понимаю.

— Послушай, Энн. Как только эта новость станет известна, Пятую авеню запрудит такая толпа любителей дешевых распродаж, какой ты нико-

гда не видела.

— Ты прав, Джей. Ты позвонишь мне завтра?

— Позвоню.

Они попрощались, и Джей повесил трубку. Некоторое время он стоял на месте, размышляя, что делать дальше. Следовало приготовить обед, сходить за газетами, просмотреть почту.

Он вышел наружу и по дорожке дошел до почтового ящика. Перебрал пачку лежавших там писем, но уже стало темно и трудно было разобрать отправителей. «Проспекты, — подумал Виккерс, — и счета, месяц только начался, а их уже куча».

Он вернулся в дом, зажег настольную лампу и положил письма перед собой. Здесь же все еще лежали обломки, которые он подобрал с пола прошлым вечером. Глядя на них, он не верил, что все случилось только накануне, ему казалось, что с того момента, как он швырнул пресс-папье и разбитые детали градом посыпались на пол, прошло уже очень много времени.

Он стоял на том же месте, что и вчера, и чувствовал — разгадка совсем рядом, но не знал, где ее искать.

Снова зазвонил телефон. Это был Эб:

— Ну, что вы скажете?

— Не знаю, что и подумать, — ответил Виккерс.

— Он определенно в реке. Где ему еще быть? Я сказал об этом шерифу. Завтра с восходом солнца они начнут тралить реку.

— Не знаю, — проговорил Виккерс, — может, вы и правы, но не думаю, что он умер.

— Почему?

— По правде говоря, у меня нет никаких оснований считать его живым. Я сказал бы — просто предчувствие.

— Я звоню вам, — сказал Эб, — чтобы сообщить о получении вечмобилей. Они прибыли после обеда. Все же вам нужна такая машина.

— По правде говоря, Эб, я серьезно не думал о ней, но, возможно, я и заинтересуюсь.

— Я подгоню вам одну завтра утром. Посмотрите, попробуйте. Может, она вам понравится.

— Ладно, — согласился Виккерс.

— Тогда договорились. До завтра.

Виккерс вернулся к столу и взял письма. Счетов не было. В шести конвертах оказались проспекты, а на седьмом адрес был написан угловатыми буквами.

Он вскрыл конверт. Внутри лежал тщательно сложенный белый лист.

Виккерс развернул его.

Дорогой Виккерс!

Надеюсь, поиски моей персоны не слишком вас утомили.

Я прекрасно понимаю, что мои действия причинят некоторые хлопоты милым жителям нашего славного городка, но я уверен — они все проделают не без удовольствия.

Я полагаюсь на вас и убежден, что вы не скажете о письме соседям. Уверяю вас, что нахожусь в здравом уме и мои действия продиктованы необходимостью.

Пишу вам по двум причинам. Во-первых, успокоить вас по поводу моей судьбы. А во-вторых, позволю себе во имя нашей дружбы дать вам совет, хотя вы и не спрашивали его.

Мне кажется, что вы слишком поглощены работой и вам следует несколько дней отдохнуть. Возможно, пребывание в стране вашего детства и прогулки по местам, где вы бродили мальчишкой, помогут вам разобраться в сложившейся ситуации и на многое откроют глаза.

Искренне ваш Гортон Фландерс

15

«Не поеду, — подумал Виккерс. — Незачем мне возвращаться в страну своего детства. Нечего там делать после стольких лет».

Однако стоило ему закрыть глаза, и прошлое тут же всплывало перед его мысленным взором: желтоватая глина залитых дождем полей; белые от пыли дороги, петляющие по долинам и перевалам; почтовые ящики на верхушках покосившихся столбов; тощий скот, бредущий по выбитой копытами дороге; запаршивевшие собаки, которые выскакивали из конуры и долго лаяли вслед каждому проезжавшему мимо фермы автомобилю.

Если я вернусь, все начнут спрашивать, зачем я приехал и как идут мои дела, думал он. Буду слышать: «Жаль твоего отца — хороший был человек». Они, как обычно, будут сидеть на перевернутых ящиках возле единственного деревенского магазинчика, жевать свой табак, сплевывать на тротуар, искоса поглядывать на него и говорить: «Значит, ты пишешь книги. Надо бы почитать хоть одну».

И я пойду на кладбище и постою несколько ми-

нут со шляпой в руках перед могильной плитой, прислушиваясь к шороху ветра в соснах, растущих у ограды, и думая, что мог бы совершить что-то такое, чем бы они гордились и о чем могли бы рассказать соседям — но, увы…

Я снова пройду по знакомым с детства дорогам, остановлю машину возле ручья, перелезу через ограду из колючей проволоки, найду омут, в котором ловил головлей, но ручей окажется струйкой воды, омут — ямой, и уже не будет унесенного весенним разливом дерева, на котором я так любил сидеть. А холмы покажутся мне одновременно чужими и знакомыми, и я буду силиться понять, что изменилось, и чем больше стану думать об этом, тем сильнее охватит меня тоска одиночества. И тогда останется одно — бегство. Я до отказа выжму педаль акселератора, вцеплюсь в руль и постараюсь забыть обо всем.

А потом обязательно доберусь до большого кирпичного дома с колоннами и ложными окнами. Проеду медленно мимо и увижу, что ставни давно не закрываются, со стен осыпалась штукатурка, а розы, которые росли вдоль решетки, погибли суровой снежной зимой.

Не хочу туда возвращаться, сказал он себе. Ни за что не хочу…

А если…

Ведь многое может проясниться и стать на свои места, так считал Фландерс.

Но что я должен увидеть?

А вдруг там, в стране моего детства, существует какой-то тайный символ, на который прежде я не обращал внимания и который поможет во всем разобраться?

А может, эти домыслы не имеют под собой никакой почвы? Существует ли связь между Гортоном Фландерсом, с его потертым костюмом и смешной тростью, и тем, о чем говорил Крофорд, описывая загнанное в угол человечество?

Доказательств такой связи не было.

Однако Фландерс исчез и написал ему письмо.

Разобраться, писал Фландерс, открыть глаза. Может, он имел в виду его писательское мастерство. Ведь писатель должен наблюдать жизнь взглядом, который не застилают ни предрассудки, ни тщеславие, а у него просто притупилась острота зрения.

Виккерс прижал рукопись ладонью и ласково провел большим пальцем по ее обрезу. «Как мало сделано, — подумал он. — Сколько работы еще предстоит». За последние два дня не прибавилось ни строчки. Два дня впустую.

Чтобы написать хорошую книгу, надо спокойно сидеть на месте, собравшись с мыслями, отгородиться от мира сплошной стеной, пропускающей этот мир небольшими, тщательно отобранными порциями, годными для анализа и изображения с безошибочной ясностью и точностью.

«Спокойно», — сказал он себе. Но как можно оставаться спокойным, если тебя мучают тысячи вопросов и разрывают сомнения?

Полуторадолларовые платья, полуторадолларовые платья в магазине на Пятой авеню!

Существовало что-то, что он упустил. Еще раз…

Сначала была девчушка, которая пришла позавтракать с ним, затем он прочел газету. Потом он пошел за машиной, и Эб рассказал ему о вечмобиле; его машина оказалась неотремонтированной, и он отправился на остановку автобуса, а там ему встретился Фландерс, и они вместе рассматривали витрину нового магазина, и Фландерс сказал…

Минутку… Он отправился на угол, к аптеке, чтобы сесть в автобус…

На слове «автобус» он запнулся, что-то здесь было…

Он вошел в автобус и уселся возле окна. Рядом с ним всю дорогу никого не было. Так в одиноче-

стве он и доехал до города.

«Вот оно», — подумал он и в тот же момент почувствовал одновременно и облегчение и ужас. Как он мог забыть? Теперь он знал, что надо сделать.

Он вернулся к столу, открыл верхний левый ящик и методично перебрал его содержимое. Он обшарил и другие ящики, но не нашел того, что искал.

«Тетрадь где-то лежит, не может быть, чтобы я выбросил ее».

Вероятно, на чердаке. В одном из ящиков.

Он взобрался вверх по лестнице и зажмурился от резкого света голой лампы, подвешенной к потолку. Воздух на чердаке был холодный, а стропила напоминали зубы чудовищной, готовой вот-вот сомкнуться челюсти, и от этого ему стало не по себе.

Виккерс добрался до ящиков, задвинутых под самую крышу. В котором же из трех лежит нужная тетрадь?

Он начал с ближайшего и, разобрав его до половины, под парой старых охотничьих сапог, которые ему так и не удалось отыскать прошлой осенью, нашел эту свою старую записную книжку.

Он открыл ее, перелистал и остановился на нужной странице.

16

Наверное, прошли годы, прежде чем он обратил внимание на один странный факт.

Но, даже обратив на него внимание, он вначале не задумывался над ним. Потом занялся наблюдением всерьез.

Целый месяц он скрупулезно вел записи. И когда подозрения подтвердились, пытался убедить себя в том, что у него просто разыгралось воображение. Но записи неумолимо показывали — за фактами что-то крылось.

Дела обстояли намного хуже, чем ему казалось вначале, — подобными фактами изобиловали многие периоды его жизни. И по мере накопления данных его все больше и больше поражало, что прежде он ничего не замечал, хотя это должно было броситься в глаза с самых первых дней.

Все началось с того, что в автобусе рядом с ним никто не садился. Жил он тогда в старом семейном пансионе на окраине города, недалеко от конечной остановки. Он ездил на работу по утрам и всегда занимал в автобусе свое любимое место. На остановках в автобус входили люди, но они не садились рядом. Его это мало трогало, более

того, даже устраивало, ибо он мог, опустив шляпу на глаза и поудобнее устроившись, подремать или помечтать, не думая ни о каких правилах приличия. Правда, тогда он не очень заботился о их соблюдении — слишком рано начинался рабочий день.

Люди входили в автобус, усаживались рядом с другими пассажирами, с которыми так же не были знакомы, как и с ним, поскольку не обменивались ни единым словом. Они садились рядом с другими людьми, пока оставались свободные места. И место рядом с ним занимали лишь тогда, когда приходилось выбирать — сесть или остаться стоять.

Вначале он думал, что от него разит пóтом или у него дурно пахнет изо рта. Он стал ежедневно принимать ванну и пользоваться мылом с гарантированным запахом свежести, тщательнее чистить зубы и употреблять специальные пасты.

Но ничто не изменилось. Он по-прежнему в одиночестве доезжал на своем сидении до места.

Внимательно изучив себя в зеркале, он пришел к выводу, что и одежда здесь ни при чем, ибо в те времена одевался не без элегантности. Тогда он решил, что у него дурные манеры, перестал дремать в автобусе с надвинутой на глаза шляпой

и стал весело и любезно улыбаться всем подряд. Боже, как он старался — он растягивал рот до ушей.

Целую неделю он был предельно любезен, улыбка не сходила с его лица. Окружающие видели в нем делового молодого человека, начитавшегося Дэйла Карнеги[40], члена какого-нибудь молодежного инициативного комитета. Но пока были свободные места, рядом с ним по-прежнему никто не садился. Его утешало лишь то, что, когда выбора не было, они все же предпочитали не стоять.

Потом он заметил и другое.

Его коллеги часто подходили друг к другу, по нескольку человек собирались вокруг чьего-нибудь стола, чтобы поболтать, похвастаться своими успехами в гольфе, рассказать сальный анекдот и посетовать на службу «в этой лавочке». Однако никто и никогда не подходил к его столу. Он пробовал сам подходить к другим столам, но с его приближением группа тут же рассыпалась по местам. При попытках поговорить коллеги проявляли особую корректность, но неизменно оказывались чрезвычайно занятыми. Виккерс

[40] Примечания: 40

Д. Карнеги — автор известной книги «Как обзавестись друзьями и добиться успеха в играх».

быстро уходил.

Он критически оценил свои способности в умении поддержать беседу. Они показались ему вполне удовлетворительными. Он не играл в гольф, но знал множество сальных анекдотов, читал все последние книги и видел лучшие фильмы тех лет. Постиг внутренние интриги и мог не хуже других посплетничать о начальнике. Он читал газеты и даже пару еженедельников, мог рассуждать о политике. Короче говоря, способен был достойно поддерживать любой разговор. Но с ним никто не хотел беседовать.

То же самое происходило и в обеденный перерыв. И так было везде, где бы он ни появлялся, теперь он это знал точно.

Он все заносил в тетрадь, расписал каждый день и вот через пятнадцать лет здесь, на пустом и враждебном чердаке, сидя на ящике, перечитывал свои записи. Уставившись в одну точку, он вспоминал сейчас о том периоде своей жизни, о своих чувствах тех дней, когда он заметил отчужденность. Вот и вчера, когда он ездил в Нью-Йорк, рядом с ним никто не сел.

Пятнадцать лет назад он не нашел ответа на мучивший его вопрос.

Теперь все началось сначала.

Может, что-то в нем было не как у людей? Может, чего-то не хватало в характере, что не располагало к дружбе с ним?

Однако дело было не только в одиноких поездках в автобусе или обособленности на службе. Были моменты, которые трудно описать. Так, чувство одиночества, которое он постоянно испытывал, происходило от ощущения своего «отличия» от окружающих. Именно оно заставляло его сторониться людей, и, наверное, люди, чувствуя это, сторонились его. Тут было и неумение завязать дружбу, и повышенное чувство собственного достоинства, и нежелание подчиняться общепринятым обычаям.

Именно поэтому он выбрал для местожительства этот изолированный от мира городок, ограничил до минимума круг знакомых и начал карьеру писателя, человека-одиночки, который излагает на бумаге свои подавленные эмоции и тайные мысли, ибо так или иначе он должен высказаться.

Он построил свою жизнь на этой своей странности, и, быть может, благодаря ей к нему пришел относительный успех.

Он нашел место в жизни, а теперь вереница событий нарушила его привычное существование.

Вечмобили и искусственные углеводы, Крофорд и его истории о загнанном в угол человечестве — все это вызывало у него смутное ощущение каких-то общих связей и вынуждало сыграть свою роль в происходящих событиях.

Его раздражала собственная уверенность в том, что ему предстоит сыграть эту неясную самому роль: у него не было никаких оснований для такой уверенности.

Так было всегда, даже в самых незначительных делах, теперь он понимал это. Его угнетало малоприятное ощущение, что некая истина сама откроется ему, стоит только протянуть руку, и в то же время он боялся, что никогда не осмелится протянуть ее достаточно далеко.

Было глупо сознавать свою правоту, не зная, почему ты прав, но он знал, что был прав, отвергая предложение Крофорда, хотя по логике вещей его следовало принять, как с самого начала знал, что не удастся отыскать Гортона Фландерса.

Пятнадцать лет назад он оказался лицом к лицу с проблемой, которую решил, не отдавая себе отчета в побуждениях, вызвавших именно такое решение. Он отошел от людей. Он отступил, укрылся и на некоторое время обрел мир и спокойствие. Но теперь интуиция — чувство,

граничащее с предвидением, подсказала ему, что его затворничеству пришел конец. Ему некуда отступать, даже если бы он этого захотел. Однако удивительнее всего, что ему и не хотелось отступать, хотя места среди людей для него не существовало тоже. Он больше не мог скрываться от человечества.

В одиночестве сидел он на чердаке и слушал, как ветер свистит в черепице.

17

Кто-то колотил во входную дверь, выкрикивая его имя, но прошло несколько мгновений, прежде чем Виккерс услышал стук. Он встал с ящика, и записная книжка, выскользнув из рук, упала на пол кверху исписанными страницами.

— Кто там? — хотел спросить он. — Что случилось?

Но голос отказал ему.

— Джей, — крикнул кто-то. — Джей, где вы?

Спотыкаясь, он спустился вниз в гостиную. За дверьми стоял Эб.

— Что случилось, Эб?

— Послушайте, Джей, — заспешил Эб, — вам надо уматывать отсюда.

— Зачем?

— Говорят, что вы прикончили Фландерса.

Виккерс ухватился за спинку кресла.

— Я не спрашиваю вас, так ли это на самом деле, — сказал Эб. — Я уверен, вы этого не делали. И поэтому решил спасти вас.

— О чем вы говорите? — не понял Виккерс.

— Все собрались в пивной, — объяснил Эб, — и набираются храбрости, чтобы линчевать вас.

— Кто все?

— Все ваши друзья, — с горечью вымолвил Эб. — Кто-то настроил их против вас. Не знаю кто. У меня не было времени разузнать это. Я сразу же бросился сюда.

— Но я любил Фландерса. Только я и любил его. Я был его единственным другом.

— У вас мало времени, — сказал Эб. — Вам надо уматывать.

— Куда я поеду? У меня нет машины.

— Я пригнал вам вечмобиль, — сказал Эб. — Никто не узнает, что вы воспользовались им.

— Я не хочу скрываться. Они обязаны выслушать меня. Обязаны!

— Вы с ума сошли! Ведь не шериф же явится с ордером на арест. К вам ворвется толпа, вас и слушать не станут.

Эб пересек комнату и крепко схватил Виккерса за руку.

— Уезжайте, черт подери! — воскликнул он. — Я рискую своей шкурой, предупреждая вас. Вы не должны отказываться от возможности бежать.

Виккерс высвободил руку.

— Хорошо, — сказал он. — Я еду.

— Как у вас с деньгами? — спросил Эб.

— Есть немного.

— Вот еще. — Эб вытащил небольшую пачку ассигнаций.

Виккерс взял их и сунул в карман.

— Бак заправлен полностью, — наставлял Эб. — Смена скоростей автоматическая. Управление, как в обычном автомобиле. Я не выключал двигатель.

— Не хотелось бы поступать так, Эб.

— Знаю, что вам неохота уезжать. Но, если вы не уедете, жители нашего городка станут убийцами, так что у вас нет выбора. Идите, — он подтолкнул Виккерса к двери, — пора ехать.

Виккерс быстро прошел по дорожке, слыша позади шаги Эба. Машина стояла у ограды. Эб оставил дверцу открытой.

— Садитесь. Поезжайте налево и выскочите на автостраду.

— Спасибо, Эб.

— Ну, скорее.

Виккерс выжал сцепление и нажал на акселератор. Машина тронулась с места и покатилась, быстро набирая скорость. Вскоре он выехал на автостраду и повернул на запад.

Милю за милей он ехал вперед, рассекая тьму лучами фар. Он вел машину в каком-то оцепенении, потрясенный происходящим; его, Джея

Виккерса, хотели линчевать соседи, и он бежал от них. Эб сказал, что кто-то подбил их на это, но он не знал кто. Зачинщик должен был ненавидеть его. Но стоило ему подумать об этом человеке, как он понял, кто это был. Он снова ощутил то же чувство страха, которое испытал при разговоре с Крофордом, когда отказался писать книгу.

— Что-то назревает, — сказал ему Гортон Фландерс, когда они стояли перед магазином новинок.

За его словами действительно что-то крылось.

Налицо были предметы первой необходимости, которые производились несуществующими фирмами. Налицо была организация бизнесменов, страшащихся какого-то неумолимого врага. Налицо был Гортон Фландерс с его непонятным фактором, удерживающим мир от войны. Налицо были фантазеры, которые бежали от повседневной реальности, забавляясь игрой в прошлое. И наконец, налицо был он сам, силою удивительных обстоятельств держащий путь на запад.

В полночь он уже знал, что делает и куда направляется.

Он держал путь туда, куда советовал ехать Гортон Фландерс. Он возвращался туда, куда поклялся никогда не возвращаться.

Он направлялся в страну своего детства.

18

Люди выглядели именно такими, какими он их себе представлял. Они сидели на ящиках перед единственным деревенским магазинчиком, жевали табак и, искоса поглядывая на него, говорили:

— Жаль твоего отца, Джей. Хороший был человек.

И еще они говорили:

— Значит, ты пишешь книги. Надо бы почитать хоть одну.

И еще они говорили:

— Ты поедешь к своему дому?

— Сегодня же, — отвечал Виккерс.

— Там все переменилось, — добавляли они. — Все стало иначе с тех пор, как там никто не живет.

— Никто не живет?

— Никто. Хозяйство захирело, — отвечали они ему. — Заработков нет. Теперь есть углеводы, многие бросили свои фермы. У одних земли отняли банки, а другие продали свои фермы почти задаром. Из полей сделали пастбища — поставили загородки и выпускают туда скот. Никто ничего не сеет. На западе закупают скотину на

откорм, все лето она пасется здесь, а осенью ее забивают.

— У нашей фермы такая же судьба?

Они кивали головой.

— Уж так получилось, сынок. Парень, который купил ферму после твоего отца, так и не смог свести концы с концами. Он не был единственным. Были и другие. Ты помнишь хозяйство старика Престона?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Его постигла та же участь. А у него было хорошее хозяйство. Одно из лучших в округе.

— Там кто-нибудь живет?

— Никого. Кто-то забил досками окна и двери. Непонятно зачем.

Из магазина вышел хозяин и присел на ступеньки.

— Где теперь живешь, Джей?

— На востоке, — ответил Виккерс.

— Надеюсь, дела идут хорошо?

— На еду хватает.

— Уже неплохо. Сегодня стыдно сетовать на жизнь тому, кто ест досыта.

— А что за машина у тебя? — спросил кто-то.

— Это новая модель, — ответил Виккерс. — Я ее только купил. Вечмобиль.

И они говорили:

— Мы никогда не слыхали о такой марке.

И они говорили:

— Она небось стоит кучу денег.

И они спрашивали:

— А сколько бензина она жрет?

Он сел в машину и поехал по пыльной захиревшей деревне со старыми автомобилями у ворот, с ее методистской церковью на холме, с ее дряхлыми жителями, с ее собаками, спящими в тени сиреневых кустов.

19

На воротах, у въезда на ферму висела цепь с висячим замком, поэтому Виккерс оставил машину на обочине шоссе и четверть мили до дома прошел пешком.

Дорога на ферму заросла травой, доходящей до колен, и лишь местами видны были следы колеи. Необработанные поля, вдоль изгородей разросшийся кустарник — истощенные постоянным возделыванием одной и той же культуры заросшие сорняками земли.

С шоссе постройки казались такими же, какими он их помнил. Они уютно жались друг к другу, скрывая в себе доброе семейное согласие, но, когда он подошел ближе, стали видны следы запустения. Двор, окружавший дом, зарос травой, сорняки скрыли цветочные клумбы, от пышных кустов роз у крыльца осталось несколько хилых веток. Сливовые деревья в углу возле изгороди совсем одичали, да и самой изгороди почти не осталось. Часть стекол была выбита скорее всего местными мальчишками. Задняя дверь оказалась открытой и хлопала на ветру.

Он продрался сквозь заросли кустарника, обо-

шел дом, удивляясь тому, сколь живучи следы былой жизни. Он различил на задней стене дома отпечатки своих ладоней, которые оставил в свежей глине десятилетним мальчуганом; на подоконнике подвального окна виднелись царапины от поленьев, которые он сбрасывал вниз, чтобы топить старую дровяную печь. Возле дома он нашел старую ванночку, в которой его мать каждую весну высаживала настурции; ее почти съела ржавчина. На переднем дворе по-прежнему стояла рябина, он вошел в ее тень, глянул сквозь листву на небо, погладил гладкую кору ствола и вспомнил, как его, мальчишку, распирало от гордости, что он вырастил дерево, какого не было ни у одного из соседей.

Он не стал открывать дверь, было достаточно осмотреть дом снаружи. Он знал, что внутри он увидит множество навевающих печаль вещей, и дыры в стенах от крюков, на которых висели картины, и след на полу, где когда-то стояла печь, и стертые ступеньки лестницы, ведущей на второй этаж, которые все еще хранили следы любимых людей. Стоит ему войти в дом, как сердце его наполнится горечью при виде распахнутых шкафов и опустевших комнат.

Он обошел другие строения. Несмотря на то же

запустение, они меньше будоражили его память. Птичник давно обрушился, в свинарнике дуло изо всех щелей, а в глубине сарая, где хранились машины, он нашел старую сноповязалку.

В коровнике было прохладно и темно, но он больше всего напоминал ему дом. Стойла были пусты, между балками висела паутина, в которой запутались соломинки, но до сих пор тут ощущался острый запах животных.

По приставленной доске он поднялся на чердак. Из-под ног с писком метнулись мыши. Мешки для зерна лежали стопкой, чтобы не загромождать проход, на крючке висела рваная упряжь, и тут в конце прохода он увидел предмет, который буквально приковал его к месту.

Это был детский волчок, помятый и выцветший детский волчок. Но он помнил его блестящим и ярким. Когда он пускал его, волчок со свистом крутился на полу. Он получил его в подарок на рождество. Это была его любимая игрушка.

Он поднял с пола этот старый кусок металла и с неожиданной нежностью сжал его в ладонях. Волчок был частью его прошлого, немой и лишенной смысла для всякого, кроме того мальчугана, каким он был когда-то.

Волчок был расписан цветными полосками,

свивавшимися в спираль, и стоило его запустить, как они сходились в одной точке — полоска бежала и исчезала, за ней исчезала другая, затем третья.

Он мог часами смотреть, как появляются и исчезают полоски, пытаясь понять, куда же они уходят. Ведь должны же они были куда-то уходить. Не могли они быть здесь в эту секунду и исчезнуть в следующую. Они должны были куда-то уходить.

И они действительно куда-то уходили!

Теперь он вспомнил.

Держа этот старый волчок в руках, он вернулся в один из дней своего детства, словно и не было долгих последующих лет.

За полосками можно было последовать, уйти туда, куда уходили они, но для этого надо было быть совсем юным и иметь богатое воображение.

Место походило на сказочную страну, хотя и выглядело слишком реальным, чтобы действительно оказаться ею. Там была аллея, словно сотканная из стеклянных нитей, там были птицы и цветы, деревья и бабочки. Он сорвал цветок и, крепко сжимая его в руке, двинулся по аллее. Он увидел небольшой домик, приютившийся среди

кустов, испугавшись, попятился назад и вдруг очутился снова дома — волчок валялся на полу, но в руке у него был зажат цветок.

Он пошел к матери и все рассказал ей. Она вырвала цветок из его руки, словно испугалась. Ее можно было понять — на дворе стояла зима.

Отец расспросил его об всем, взял волчок и ушел с ним, а на следующий день, когда он захотел поиграть с любимой игрушкой, ему не удалось ее отыскать. И еще долго он втихомолку оплакивал ее.

И вот волчок, старый выцветший волчок снова оказался у него в руках и, хотя от ярких красок не осталось и следа, это был волчок его детства.

Он спустился с чердака, с нежностью прижимая к груди свою старую игрушку, подальше унося ее от этого неуютного места, где она пробыла так долго.

«Забвение», — решил он, но это было нечто большее — блокировка памяти, которая заставила его забыть и волчок, и путешествие в сказочную страну. Долгие годы он не вспоминал о них и даже не знал, что воспоминание хранится в его памяти. Но теперь вместе с волчком вернулось и воспоминание о том дне, когда он последовал за цветной спиралью и оказался в

сказочной стране.

20

Он решил, что не будет останавливаться у дома Престонов. Только медленно проедет мимо и посмотрит на него. Он уже заглянул в пустую раковину своего нереального детства и ему не хотелось вспоминать еще и о пустоте своей юности.

Нет, он не остановится у дома Престонов. Он медленно проедет мимо, бросит взгляд на дом, а потом наберет скорость и уедет, и их разделят многие мили.

«Я не остановлюсь», — говорил он себе.

Но все же остановился.

Он сидел в машине, смотрел на дом и вспоминал, как гордо тот выглядел и какая гордая семья жила в нем, и гордость ее была столь велика, что она не могла позволить себе породниться с местным парнем, уроженцем бедной фермы, на полях которой росла лишь чахлая пшеница.

Но дому не удалось сохранить свой гордый вид. Кто-то захлопнул ставни и набил сверху длинные доски, закрыв глаза гордому дому, осыпалась штукатурка с величественных колонн, облупилась краска со стен, брошенный кем-то камень

разбил полукруглое окно над входной дверью. Осела ограда, двор зарос дикой травой, а красная кирпичная стена между оградой и верандой исчезла под буйной порослью диких вьюнков.

Он вылез из машины, миновал полуупавшую ограду и приблизился к веранде. Поднявшись по ступенькам, он увидел, что доски пола совсем сгнили.

Он остановился там, где когда-то они стояли вдвоем, где впервые поняли, как неистребима их любовь. Он хотел восстановить ощущение тех мгновений, но оно не вернулось. Прошло слишком много времени, миновало слишком много лет, но только боль по-прежнему щемила грудь. Он пытался представить себе, как в ту ночь выглядели луга, поля, двор, на которые он смотрел с веранды, как лунный свет отражался от белых колонн, как дурманил тонкий запах роз, впитавших в себя жар солнца. Он помнил все, но не мог оживить и ощутить свои воспоминания.

Позади дома размещались конюшни, по-прежнему окрашенные в белый цвет, но теперь это не был белый цвет тех лет. За конюшнями и амбарами начинался спуск в ту долину, по которой они гуляли во время последней встречи.

Он помнил ту заветную долину с ее цветущими

яблонями и пением жаворонков. Долина оказалась заколдованной в первый раз, но во второй чары ее развеялись. Может, на третий раз волшебство вернется.

Он убеждал себя, что сошел с ума и гонится за призраком, но ноги упрямо несли его вперед, мимо конюшен и амбаров, к спуску в долину. Однако прежде чем начать спускаться, он остановился и посмотрел вперед. Долина не была той заветной долиной, однако он вспомнил ее, как вспомнил лунный свет на колоннах, — ведь долина, как и колонны, все так же оставалась на прежнем месте, и деревья росли там, где и прежде, и так же среди лугов змеился ручей.

Он хотел вернуться, но не смог — его неудержимо влекло вниз. Он увидел заросли диких яблонь, которые давно отцвели, и только жаворонки по-прежнему взлетали из-под ног прямо в небо.

Наконец он повернул назад. Все выглядело так же, как и во второй раз. Третье посещение ничем не отличалось от второго. Она, только она своим присутствием делала обычную долину волшебной. А может, чары существовали лишь в его воображении.

Два раза он попадал в сети волшебных чар, два раза в жизни он покидал родную землю.

Два раза. Один раз благодаря девушке и их любви. Второй раз ему помог волчок.

Нет, волчок помог в первый раз.

Да, волчок.

Стоп! Не спеши!

Ты ошибаешься, Виккерс. Ты идешь по неверному пути.

Не сходи с ума, куда ты рвешься?

21

Директор магазина стандартных цен, к которому обратился Виккерс, казалось, понял его.

— Знаю, — сказал он. — Понимаю, что вы ищете. Когда я был мальчишкой, у меня был точно такой же волчок, но теперь их не делают. Не знаю даже почему. Появилось много новых игрушек, в том числе и механических. Но нет ничего похожего на волчки.

— Особенно хороши были большие волчки, — сказал Виккерс. — С ручкой, на которую надо было нажимать. И тогда волчок с гудением разгонялся.

— Помню, — произнес директор, — именно такой у меня и был в детстве. Я мог часами сидеть и смотреть, как он крутится.

— Вы смотрели, куда убегают полоски?

— Не помню, следил ли я за убегающими полосками. Я просто смотрел, как он вращается, и слушал, как он гудит.

— А меня всегда интересовало, куда уходят полоски. Вы помните? Они совершали полный круг и исчезали, достигнув вершины волчка.

— Скажите, — спросил директор, — а куда они

уходят?

— Не знаю, — пожал плечами Виккерс.

— Дальше по улице, в одном или двух кварталах отсюда, есть еще один магазин стандартных цен, — сказал директор. — У них большой выбор, может, вы найдете там ваш волчок.

— Спасибо, — поблагодарил Виккерс.

— Спросите и в скобяном магазине на той стороне улицы. У них тоже есть игрушки, но мне кажется, они хранят их в подвале и достают только к рождеству.

Продавец скобяного магазина сказал Виккерсу, что знает, о чем идет речь, но не видел ни одного волчка уже несколько лет. В другом магазине стандартных цен волчков тоже не оказалось.

— Нет, — сказала жевавшая резинку продавщица, нервным движением задвигая за ухо карандаш, — нет, не знаю, где вы можете найти волчок.

Она даже толком не представляла, о чем идет речь. Она могла предложить другие игрушки для мальчишек. Например, игрушечные ракеты…

Он вышел из магазина и, остановившись на тротуаре, стал рассматривать людей, гулявших в этот послеполуденный час по улицам маленького городка Среднего Запада. Здесь были женщины

в пестрых платьях и в строгих костюмах, школьники, только что окончившие занятия, деловые люди за традиционной чашечкой кофе. Взглянув вверх по улице, он увидел толпу зевак вокруг его машины, которую он оставил у магазина стандартных цен. «Пора, — подумал он, — бросить монету в счетчик автомобильной стоянки».

Он порылся в кармане в поисках десятицентовой монеты. В кармане лежал один десятицентовик, четверть доллара и один пятицентовик. При виде монет он забеспокоился, сколько же у него осталось денег. Он вытащил бумажник и обнаружил в нем лишь две долларовые бумажки.

В Клиффвуд он вернуться не мог, во всяком случае сейчас. Он оказался выброшенным на улицу. А деньги нужны, чтобы снять номер в гостинице, поесть, купить бензин. Но прежде всего надо было купить волчок — гудящий волчок с яркими полосками.

Он в нерешительности стоял посреди тротуара, думая о волчке. Вопреки здравому смыслу ему казалось, что все должно получиться. Получилось же в детстве…

А что могло произойти, не забери отец у него волчок? Решился бы он отправиться еще раз в сказочную страну? Кого бы он там встретил и

что нашел в домике, приютившемся среди кустарника?

Проникал ли кто еще в сказочную страну, разглядывая вращающийся волчок. И если такие люди были, что с ними случилось. Он был уверен, что директор магазина стандартных цен не был из их числа.

Почему только ему довелось найти путь в сказочную страну? А может быть, и та заветная долина была в той стране? Не прошли ли они с той девушкой через еще одну невидимую дверь? Ведь долина, память о которой он пронес через все эти годы, была совсем другой, чем та, где он побывал сегодня утром.

Существовала лишь одна возможность ответить на все эти вопросы, но ему был нужен волчок.

«Волчок, — подумал он. — Его следует добыть во что бы то ни стало».

Но у него же есть волчок! Нужно только выправить ручку, отмыть в керосине ржавчину и заново выкрасить. И ведь его волчок лучше любого нового. Он уже позволил ему однажды перейти в удивительный мир. Ему хотелось думать, что его волчок был особенным, обладал тайными свойствами, каких не могло быть ни у какого

другого волчка.

Довольный, что вспомнил о волчке, который бросил в отделение для перчаток в машине, он направился к скобяной лавке.

— Мне нужна краска. Самая яркая. Красная, зеленая, желтая. И кисточки, — сказал Виккерс и подумал, что в этот момент продавец смотрит на него как на сумасшедшего.

22

Он позвонил Энн из гостиничного номера за ее счет, потому что после обеда у него в кармане осталось только одиннадцать центов.

В ее голосе сквозило беспокойство.

— Джей, где ты? Куда ты запропастился, черт тебя подери?!

Он сообщил, где находится.

— Как ты там очутился? — спросила она. — Что с тобой случилось?

— Со мной ничего не случилось, — ответил Виккерс. — По крайней мере пока. Я в бегах. Пришлось удрать из Клиффвуда.

— Как пришлось?

— Местные жители хотели вздернуть меня на фонаре. Кто-то вбил им в голову, что я убил человека.

— Теперь мне ясно: ты сошел с ума. Да ты и муху убить не способен.

— Естественно, никого я не убивал. Но мне не удалось бы убедить их в обратном. У меня не было другой возможности спастись, кроме бегства.

— Почему? — возразила Энн. — Я разговаривала с Эбом…

— С кем?

— С владельцем гаража. Ты упоминал его имя. Я перевернула небо и землю, разыскивая тебя эти два дня. Где я только не искала. Без конца звонила тебе, но телефон не отвечал, тогда я вспомнила про Эба, попросила соединить меня с ним и…

— И что тебе сказал Эб?

— Ничего особенного, — ответила Энн. — Он сказал, что ты уехал, но он не знает куда. И добавил, что оснований для беспокойства нет…

— Именно Эб меня и предупредил, — перебил Виккерс. — Он сказал мне об их намерениях, дал автомобиль, немного денег и выставил из города.

— Невероятно. И кого же ты убил, по их мнению?

— Гортона Фландерса. Исчезнувшего старика.

— Зачем тебе было его убивать? По твоим словам, он милейший старикан. Ты же мне не раз говорил о нем.

— Послушай, Энн, — сказал Виккерс. — Я никого не убивал. Кто-то их настроил против меня.

— Значит, ты не можешь вернуться в Клиффвуд?

— Нет, — ответил Виккерс. — Не могу.

— Что ты будешь делать, Джей?

— Не знаю. Думаю, пока придется скрываться.

— Почему ты не позвонил мне? — спросила Энн. — Почему уехал на Запад? Ты же мог приехать в Нью-Йорк. Если надо скрыться, нет лучшего места, чем Нью-Йорк. Уж позвонить-то ты мог!

— Разве я не позвонил тебе?

— Конечно, позвонил. Потому что остался без единого цента и хочешь, чтобы я выслала тебе денег и…

— Пока я денег у тебя не просил.

— Попросишь.

— Верно, — согласился он. — Боюсь, что попрошу.

— А тебя не интересует, почему я повсюду разыскивала тебя?

— Не очень, — ответил Виккерс. — Ты не хочешь выпускать меня из рук. Какой литературный агент согласится, чтобы от него ушел лучший автор…

— Джей Виккерс, — отчеканила Энн. — В один прекрасный день я распну тебя на кресте и выставлю у дороги в назидание, дабы другим неповадно было.

— Из меня выйдет трогательный Христос. Лучшей кандидатуры тебе не найти.

— Я разыскивала тебя, — продолжала Энн, — потому что Крофорд — фанатик. Он ничего не хочет знать. Я назвала ему совершенно фантастическую сумму и он, не моргнув, согласился.

— Я думал, мы покончили с Крофордом, — сказал Виккерс.

— Мы не покончили с Крофордом, — ответила Энн и замолчала. В трубке слышалось только еле различимое потрескивание.

— Энн, — спросил Виккерс. — Что-нибудь неладно?

Ее голос был спокоен, но напряжен.

— Крофорд зверски напуган. Я еще никогда не видела столь напуганного человека. Он приходил ко мне. Представь себе! Не я, а он явился ко мне в контору, весь в поту, задыхаясь, и я испугалась, что у меня не найдется стула, который бы выдержал такую массу. Ты помнишь старый дубовый стул в углу? Это была моя первая мебельная покупка для конторы, и я питаю к этому стулу нежные чувства. Так он выдержал.

— Что выдержал?

— Он выдержал его, — торжествующе воскликнула Энн. — Все другие стулья Крофорд просто раздавил бы. Ты же знаешь, какая он громадина.

— Ты хотела сказать туша? — уточнил Вик-

керс.

— Он спросил: «Где Виккерс?» А я ответила: «Почему вы меня спрашиваете о нем, я не вожу его на привязи». А он говорит: «Вы его агент, не так ли?» Я отвечаю: «Пока да, но Виккерс — столь непостоянный человек, что ручаться за это нельзя». Он говорит: «Мне нужен Виккерс». Тогда я сказала: «Ищите сами». Он свое: «Я за ценой не постою. Назовите любую сумму, назначьте любое условие».

— У него не все дома, — вставил Виккерс.

— Он предлагает кучу денег.

— А ты уверена, что они у него есть?

— По правде говоря, не очень. Но почему бы ему их не иметь?

— Кстати, о деньгах, — сказал Виккерс. — У тебя не найдется сотни долларов? Или хотя бы полсотни?

— Найду.

— Пришли мне сейчас же. Потом верну.

— Ладно, пришлю, — сказала она. — Я выручаю тебя не в первый и, думаю, не в последний раз. Скажи только одно.

— Что именно?

— Что ты собираешься делать?

— Хочу провести один эксперимент.

— Какой эксперимент?

— Хочу попробовать свои силы в оккультизме.

— О чем ты говоришь? Ты же понятия не имеешь об оккультизме. Ты такой же медиум, как и всякая деревяшка.

— Знаю, — сказал Виккерс.

— Ответь мне, пожалуйста, что ты собираешься делать? — повторила Энн.

— Как только кончу разговор с тобой, я начну красить.

— Дом?

— Нет, волчок.

— Какой волчок?

— Особый. Детскую игрушку. Ее обычно запускают на полу.

— Теперь послушай меня, — перебила она. — Ты сейчас же выбросишь эту игрушку и приедешь ко мне домой.

— После эксперимента, — сказал Виккерс.

— О чем идет речь, Джей?

— Я хочу попробовать проникнуть в сказочную страну.

— Не болтай глупостей.

— Я уже там побывал однажды. Даже дважды.

— Послушай, Джей, все оборачивается гораздо серьезней. Крофорд напуган, и я тоже. А потом

эта история с линчеванием.

— Пришли мне деньги, — сказал Виккерс.

— Хорошо.

— Увидимся через пару дней.

— Позвони мне, — попросила она. — Завтра.

— Ладно.

— И еще, Джей… Побереги себя. Я не знаю, что ты хочешь делать, но будь поосторожнее.

— Постараюсь, — ответил Виккерс.

23

Он выправил у волчка ручку, очистил металл, наметил карандашом спирали и смазал ось, чтобы ручка легко двигалась. Затем начал красить.

Работал он неумело, но очень старательно. Выводил разноцветные полоски — красную, зеленую, желтую, надеясь, что выбрал цвета правильно — он уже не помнил, как был раскрашен его волчок. Впрочем, вряд ли цвета играли большую роль. Были бы они яркими и закручивались в спираль.

Он перепачкал и руки, и костюм, и стул, на котором красил. Уронил на пол тюбик с краской, но успел его быстро подхватить, так что на ковре осталось только несколько капель.

Наконец он закончил работу — волчок выглядел совсем неплохо.

Его волновало, высохнет ли краска к утру, но, посмотрев на этикетки, обнаружил, что пользовался быстросохнущей краской, и успокоился.

Теперь он был готов запустить волчок и посмотреть, что из этого выйдет. Откроется перед ним сказочная страна или нет? Скорее всего нет. Мало запустить волчок — надо еще и суметь

настроиться, обладать верой и бесхитростной простотой ребенка. А он уже давно их растерял.

Он вышел из номера, закрыл дверь на ключ и спустился вниз. И городок, и отель были так малы, что не нуждались в лифтах. Однако городок был чуть больше крохотной деревеньки, которая казалась ребенку городом, деревеньки, жители которой сидели на ящиках перед магазином и задавали нескромные вопросы, а потом занимались долгими пересудами.

Он фыркнул от удовольствия, подумав о том, что скажут жители городка, когда до них дойдет весть, как он, испугавшись петли, бежал из Клиффвуда.

Он словно слышал их слова:

— Хитрец. Он всегда был хитрецом и не внушал доверия. Его мать и отец были хорошими людьми. Как случилось, что у таких славных людей оказался такой поганый сынок?

Он пересек холл и оказался на улице.

Зашел в кафе, заказал чашечку кофе, и официантка сказала ему:

— Хороший вечерок, не правда ли?

— Хороший, — ответил он.

— Вам принести еще что-нибудь?

— Нет, — сказал Виккерс. — Только кофе.

Деньги у него уже были — Энн проделала все на редкость оперативно, — но он заметил, впрочем не удивившись этому, что утратил аппетит и совсем не хотел есть.

Официантка отошла к другому концу стойки и принялась тереть тряпкой несуществующие пятна.

А он пил кофе и думал.

Волчок. Какова же его роль?

Он возьмет волчок, вернется в свой бывший дом и проверит, есть ли сказочная страна. Нет, не совсем так. Он узнает, может ли проникнуть в сказочную страну.

А дом? Какую роль играет он?

И вообще, существует ли связь между домом и волчком?

Ведь, наверное, не случайно Гортон Фландерс написал: «Вернитесь домой и пройдитесь по тропинкам своего детства. Может, вы найдете то, чего вам не хватает, или то, что вы потеряли». Он не помнил точных слов Фландерса, но смысл был именно таким.

И он вернулся домой, нашел волчок, более того, вспомнил о сказочной стране. Почему же все эти годы, пролетевшие с того времени, когда ему было восемь лет, он ни разу не вспомнил о

путешествии в сказочную страну?

Воспоминание хранилось в глубинах его сознания, и он не сомневался, что всплыло оно после какого-то события.

Что-то, возможно, какой-то психологический шок, заставило его некогда забыть обо всем. И он забыл. Однако в момент, когда та металлическая мышь сама полезла в ловушку, в нем что-то произошло. И что-то заставило его отказаться от предложения Крофорда. Но что?

Официантка вернулась и облокотилась на стойку напротив него.

— Сегодня в кино новый фильм, — сказала она. — Хочется посмотреть, но мне нельзя отойти.

Виккерс не ответил.

— Вы любите кино? — спросила девушка.

— Не знаю, — ответил Виккерс. — Я редко туда хожу.

На ее лице появилось сострадание.

— А вот я очень люблю кино, — сказала она. — Можно сказать ради этого и живу.

Он поднял глаза и увидел самое обычное лицо. Такие же лица были у тех женщин в автобусе, такое же лицо было у миссис Лесли, такие же лица были у тех людей, которые не решались сесть ря-

дом с ним в автобусе. И у мистера Лесли, который заполнял свою жизнь выпивкой и женщинами, было такое же лицо. Это были лица людей, которые и минуты не могли пробыть наедине с собой, лица усталых людей, не сознающих своей усталости, лица испуганных людей, не подозревающих о собственных страхах.

Всех этих людей грызло неосознанное беспокойство, ставшее составной частью жизни и заставлявшее искать какие-то психологические щиты, чтобы укрыться за ними.

Веселье уже давно не помогало, цинизм тоже, скепсис действовал ненадолго. И люди погружались в иллюзии, придумывая себе другую жизнь, в другом времени и месте, долгие часы они просиживали в кинотеатрах и перед экранами телевизоров или погружались в домыслы в клубах фантазеров. Пока вы были кем-то, вы могли не быть самим собой.

Он допил кофе и вышел на затихшую улицу.

В небе пронесся реактивный самолет, рев его двигателей отразился от стен домов. Он посмотрел на огоньки, сиявшие в ночном небе, и решил прогуляться.

24

Открыв дверь номера, Виккерс увидел, что волчок исчез. Он оставил его на стуле сверкающим от свежей краски, а теперь волчка не было. Он заглянул под кровать — волчка не было и там. Его не было ни в шкафу, ни в прихожей.

Он вернулся в комнату и уселся на край кровати.

После всех поисков и трудов волчок исчез. Кто мог его взять? Кому оказался нужен старый побитый волчок?

А зачем он понадобился ему самому?

Не смешно ли сидеть вот так на краю кровати в номере какого-то отеля и задавать себе все эти вопросы?

Ему вспомнилось, как в детстве волчок открыл ему путь в сказочную страну, и вот теперь он дал себя увлечь тем же мыслям. Сейчас при резком свете электрической лампочки все это казалось совершеннейшим безумием.

Позади открылась дверь. Он обернулся. В дверях стоял Крофорд.

Он показался Виккерсу еще массивнее, чем прежде. Крофорд застыл в дверном проеме, це-

ликом заполнив его собой. Подрагивающие веки делали его фигуру особенно неподвижной.

— Добрый вечер, мистер Виккерс. Разрешите?

— Пожалуйста, — ответил Виккерс. — Я ждал вашего звонка. Никогда бы не подумал, что вы способны явиться собственной персоной.

Это было ложью, потому что он не ожидал и звонка.

Крофорд тяжелым шагом пересек комнату.

— Этот стул, похоже, выдержит меня? Вы не против, если я сяду?

— Это не мой стул, — сказал Виккерс. — Можете ломать его.

Стул не сломался. Он заскрипел и затрещал, но выдержал.

Крофорд расслабился и облегченно вздохнул.

— Я чувствую себя намного лучше, когда подо мной крепкий стул.

— Вы подключили подслушивающую аппаратуру к телефону Энн? — спросил Виккерс.

— Конечно. Иначе как бы я отыскал вас? Я знал, что рано или поздно вы ей позвоните.

— Я видел пролетевший самолет, — заметил Виккерс. — Знай, что вы там, я бы подъехал вас встретить. Нам надо уладить кое-какое дельце.

— Не сомневаюсь, — ответил Крофорд.

— Зачем вам понадобилось, чтобы меня линчевали?

— Мне вовсе этого не надо, — возразил Крофорд. — Наоборот, вы мне слишком нужны.

— Зачем же я вам нужен?

— Я решил, что вам это лучше знать.

— Но я ничего не знаю, — признался Виккерс. — Скажите, Крофорд, что происходит? Вы не сказали мне правды, когда я приходил к вам.

— Я сказал вам правду, но не сказал всего.

— Почему?

— Я не знал тогда, кто вы.

— А теперь знаете?

— Да, знаю, — ответил Крофорд. — Вы — один из них.

— Один из них?

— Один из тех, кто производит эти товары.

— Почему вы так думаете?

— На основании данных, полученных анализаторами. Так их называют психологи. Это специальные приборы. Не утверждаю, что разбираюсь в них.

— И анализаторы сообщили вам нечто особое обо мне?

— Да, — ответил Крофорд. — Именно так.

— Если я один из них, то почему вы пришли ко

мне? — спросил Виккерс. — Ведь тогда вы ведете борьбу против меня.

— Не говорите «если», — сказал Крофорд. — Вы действительно один из них, но не считайте меня своим врагом.

— Почему? — возразил Виккерс. — Ведь если я, как вы говорите, один из них, то вы — враг.

— Вы не поняли меня, — произнес Крофорд. — Позвольте привести сравнение. Вернемся к временам, когда кроманьонец вторгся в места обитания неандертальца…

— К черту сравнения! — прервал его Виккерс. — Скажите, что у вас на уме?

— Мне не нравится настоящее положение дел, — сказал Крофорд. — Вернее, тот оборот, который они принимают.

— Вы забыли, что я практически ничего не знаю.

— Поэтому-то я и хотел начать со сравнения. Вы — кроманьонец. У вас есть и лук, и стрелы, и копье. А я — неандерталец. У меня только дубинка. У вас нож из обточенного камня, а у меня лишь зазубренный кусок кремния, найденный на берегу реки. На вас одежды из звериных шкур, а на мне лишь моя собственная шерсть.

— Хотел бы я знать… — начал Виккерс.

— Я и сам в этом не уверен, — перебил Крофорд, — я не силен в этих вещах. Может, я слишком много дал кроманьонцу и недооценил неандертальца. Но речь идет о другом.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — сказал Виккерс. — Но куда это нас ведет?

— Неандерталец вступил в бой, — продолжал Крофорд, — что с ним произошло?

— Он исчез.

— Может, их уничтожили не копья и стрелы. Может, они попросту не выдержали борьбы за существование с более развитой расой. Может, у них отобрали их охотничьи угодья. Может, они уползли и вымерли с голоду. Может, они вымерли от стыда, когда поняли, что отстали и что оказались существами, чья жизнь схожа с жизнью зверей.

— Сомневаюсь, — сухо сказал Виккерс, — чтобы у неандертальца развился столь сильный комплекс неполноценности.

— Мои слова не относятся к неандертальцам. Они касаются нас.

— Вы стремитесь доказать, что пропасть так глубока?

— Именно так, — ответил Крофорд. — Вряд ли вы представляете, как мы вас ненавидим и какой

силой располагаем, но вполне способны оценить наше отчаяние. Вы спросите, кто же эти отчаявшиеся люди? Могу сказать. Это те, кто добился успеха — промышленники, банкиры, бизнесмены, — иначе говоря, профессионалы, достигшие безопасного существования, определенного положения в обществе, люди, представляющие вершину нашей культуры. Они быстро утратят свое положение, если к власти придут такие, как вы. Они превратятся в неандертальцев, изгнанных кроманьонцами. Они будут походить на гомеровских греков, заброшенных в наш технологически сложный век. Физически они, может, и выживут. Но останутся туземцами. Будет разрушена их шкала ценностей, созданная с таким трудом, а это единственное, чем они живут.

Виккерс покачал головой.

— Давайте бросим эту игру, Крофорд. Попробуем поговорить начистоту. Кажется, вы уверены, что я знаю больше, чем есть на самом деле. По-видимому, я должен был сделать вид, что так оно и есть — немного схитрить и заставить вас поверить в то, что я знаю все, о чем следует знать. Мы бы слегка пофехтовали. Вы бы открыли ваши карты. Но у меня не лежит сердце к такой игре.

— Мне известно, что вы пока еще мало знаете.

Поэтому-то я и хотел встретиться с вами как можно скорее. Мне кажется, вы еще не стали полным мутантом, вы — куколка в теле обыкновенного человека. Кое-что в вас пока от обычного человека. Но вы все ближе и ближе подходите к полной мутации — сегодня вы больше мутант, чем вчера, а завтра вы станете им больше, чем сегодня. Но сегодня, в этой комнате, мы с вами можем разговаривать как человек с человеком.

— Мы всегда сможем так разговаривать.

— Нет, не всегда, — возразил Крофорд. — Если бы вы стали полным мутантом, я бы почувствовал в вас перемену. А в неравном положении какие переговоры? Я сомневался бы в справедливости своей логики. А вы смотрели бы на меня со снисхождением.

— Как раз перед вашим приходом, — сказал Виккерс, — я убеждал себя, что все это — игра воображения…

— Нет, это не игра воображения, Виккерс. У вас был волчок, помните?

— Волчка уже нет.

— Он есть.

— Он у вас?

— Нет, — ответил Крофорд. — Я не брал его. Я не знаю, где он, но он должен быть где-то в этой

комнате. Я пришел раньше вас и сломал замок. Совершенно случайно, он был очень слабым.

— Неплохо, — обронил Виккерс, — весьма «милая» выходка.

— Согласен. Но когда дверь открылась, я позволил себе еще кое-что. Войдя в комнату и увидев волчок, я был весьма удивлен, я…

— Продолжайте, — сказал Виккерс.

— Дело в том, Виккерс, что, когда я был ребенком, у меня был очень похожий волчок. Это было очень давно. Я не видел волчков уже много лет, я взял его и запустил. Просто так. Хотя причина все же была. Мне захотелось вспомнить забытые мгновения детства. А волчок…

Он остановился и посмотрел на Виккерса, словно пытаясь разглядеть улыбку на его лице. Когда он заговорил снова, его голос звучал увереннее.

— Волчок исчез.

Виккерс промолчал.

— Что это было? — спросил Крофорд. — Что это был за волчок?

— Не знаю. Вы видели, как он исчез?

— Нет. Мне послышался шум в коридоре. Я выглянул. Когда я обернулся, его уже не было.

— Он не должен был исчезнуть, — сказал Виккерс. — Во всяком случае, пока вы не смотрели

на него.

— Этот волчок имеет какой-то смысл? — настаивал Крофорд. — Вы покрасили его. Краска была еще сырой, а баночки стояли на столе. Вы не случайно делали все это. Виккерс, что это за волчок?

— Он служит для путешествия в сказочную страну, — ответил Виккерс.

— Вы говорите загадками.

Виккерс покачал головой.

— Я посетил ее однажды, когда был ребенком.

— Десять дней назад я бы сказал, что мы оба сошли с ума, вы — говоря это, а я — слушая вас. Сейчас я так уже не скажу.

— И все же мы, наверное, сошли с ума и превратились в пару идиотов.

— Мы не идиоты и не сумасшедшие, — сказал Крофорд. — Мы — два человека, которые с каждым часом становятся все более и более отличными друг от друга, но пока мы еще люди, и это — основа нашего взаимопонимания.

— Почему вы явились сюда, Крофорд? Не уверяйте, что только для беседы со мной. Вас терзает страх. Вы подслушиваете телефонные разговоры, пытаясь узнать, куда я скрылся. Вы вламываетесь в мою комнату и запускаете волчок. У вас были какие-то соображения, когда вы запускали

волчок. Какие?

— Я пришел вас предупредить, — сказал Крофорд. — Хочу вам сказать, что люди, которых я представляю, находятся на грани отчаяния и ни перед чем не остановятся. Они никому не позволят занять их место.

— Даже если у них не останется выбора?

— У них есть выбор. Они будут сражаться теми средствами, которыми располагают.

— Неандертальцы с дубинками.

— Мы — Homo sapiens. Дубинка — против ваших стрел. Именно об этом я хотел поговорить. Почему бы нам с вами не попытаться отыскать решение? Должна найтись какая-то платформа для переговоров.

— Несколько дней назад, — сказал Виккерс, — мы беседовали в вашем кабинете. Описывая положение дел, вы сказали, что ничего не понимаете. Слушая вас, можно было подумать, что вы совершенно не представляете себе, как идут дела. Почему вы лгали мне?

Крофорд продолжал неподвижно сидеть, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Мы исследовали вас с помощью аппаратуры, с помощью анализаторов. Мы хотели узнать, как много вам известно.

— И как много мне известно?

— Ничего не известно, — ответил Крофорд. — Мы выяснили, что вы — развивающийся мутант.

— Почему вы выбрали именно меня? — спросил Виккерс. — Кроме тех странностей, которые вы перечислили, ничто об этом не говорит. Я не знаю ни одного мутанта. Я не могу говорить от их имени. Если вы хотите договориться, найдите настоящего мутанта.

— Мы выбрали именно вас, — сказал Крофорд, — по очень простой причине. Вы единственный мутант, который оказался у нас в руках. Есть, правда, еще один, но тот знает меньше вашего.

— Но должны быть и другие мутанты.

— Конечно. Однако мы не можем их поймать.

— Вы говорите, как траппер, Крофорд.

— А я и есть траппер. Других можно схватить лишь в том случае, если они сами к вам явятся. Обычно они всегда отсутствуют.

— Отсутствуют?

— Они исчезают, — сердито разъяснил Крофорд. — Мы следим за ними и ждем. Мы пишем им и ждем. Их никогда нет. Они входят в дверь, но их нет в комнате. Мы часами ждем встречи с ними, а они оказываются совсем не там, куда

вошли, а иногда даже в нескольких милях от того места.

— Но меня-то вы можете найти. Я не исчезаю.

— Пока…

— Может, я отсталый мутант?

— Нет, просто не совсем развившийся.

— Значит, вы с самого начала остановили на мне свой выбор? — спросил Виккерс. — Вы подозревали меня, хотя я сам еще ничего не знал?

Крофорд хихикнул.

— Виной всему ваши книги. В них было что-то особенное. Наш отдел психологии отметил это. Мы и других обнаружили тем же способом. Двух художников, одного архитектора, одного скульптора, одного или двух писателей. Не спрашивайте меня, как наши психологи это делают. Может, у них особый нюх. Не удивляйтесь, Виккерс. Когда вы представляете мировую промышленность, в вашем распоряжении такие фонды и резервы рабочей силы, такие мощные средства исследования, что вам по плечу решение любой задачи. Вы и не подозреваете, какую работу мы проделали, какие области затронули. Но этого оказалось мало. Мы терпели провал за провалом.

— Теперь вы хотите вступить в переговоры?

— Я хочу. Но не другие. Они не желают никаких переговоров. Они готовы драться за созданный ими мир.

«Да, так оно и есть», — подумал Виккерс.

Гортон Фландерс, сидя в качалке и рисуя огоньком сигареты замысловатые фигуры, говорил именно об этом и о мировой войне, которой что-то или кто-то не раз помешал разразиться.

— Их мир, — заметил Виккерс, — не столь уж хорош. Он построен на крови и нищете, в его фундаменте слишком много костей. Во всей его истории почти не найдется лет, свободных от насилия, организованного официального насилия в каком-нибудь уголке земного шара.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Крофорд, — вы думаете, что пора приступить к реорганизации.

— Примерно так.

— Ну, что ж, — согласился Крофорд. — Наметим основные линии этой реорганизации.

— Как я могу это сделать? У меня нет ни знаний, ни полномочий. Я сам не в состоянии вступить в контакт, а со мной никакие мутанты, если они существуют на самом деле, тоже никогда не пытались вступать в контакт.

— Однако приборы подтверждают существова-

ние мутантов, и вы — один из них.

— Почему вы так убеждены в этом? — спросил Виккерс.

— Вы не верите мне, — сказал Крофорд. — Вы считаете меня предателем. И думаете, будто заранее уверенный в поражении, я примчался к вам, размахивая белым флагом, чтобы доказать новому порядку, что я мирный человек, и заключить сепаратный мир, не заботясь о других. Быть может, тогда мутанты сохранят меня, хотя бы в качестве забавной игрушки.

— Если хотите знать правду, что бы вы не предприняли, все вы обречены.

— Ну, не совсем, — возразил Крофорд. — Мы можем бороться и в состоянии причинить немало осложнений.

— Чем? Вспомните, Крофорд, у вас есть только дубинки.

— У нас есть отчаяние.

— Дубинки и отчаяние? Так ли это много?

— У нас есть секретное оружие.

— Но ведь оно есть не только у вас.

Крофорд кивнул.

— Да, оно не так уж всемогуще. Поэтому я и нахожусь здесь.

— Я вступлю с вами в контакт, — сказал Вик-

керс. — Обещаю. Это самое большое, что я могу сделать. Тогда и, если я сочту, что вы правы, я вступлю с вами в контакт.

Крофорд с трудом поднялся со стула.

— Сделайте это как можно скорее, — сказал он. — Время не терпит. Я не могу долго сдерживать их.

— Вы боитесь, — сказал Виккерс. — Страх сидит в вас, как и в день нашей первой встречи.

— Действительно, я живу в постоянном страхе. Тем более что с каждым днем дела обстоят все хуже.

— Два напуганных человека, — сказал Виккерс. — Два десятилетних мальчугана, бегущих во тьме.

— И вы тоже?

— Конечно. Разве вы не видите. Я весь дрожу.

— Нет, не вижу. В какой-то мере, Виккерс, вы самый хладнокровный человек из всех, кого я встречал.

— Да, вот, — вспомнил Виккерс. — Вы говорили еще об одном мутанте, которого могли схватить.

— Говорил.

— Конечно, вы мне не скажете, кто он?

— Не скажу, — подтвердил Крофорд.

— Я так и думал.

Ковер словно заколыхался, и в комнате вдруг снова появился волчок. С тихим гудением он медленно вращался вокруг оси, так что было видно, как неровно он разрисован. Волчок вернулся.

Они стояли и смотрели, пока он окончательно не замер на полу.

— Он был там, — сказал Крофорд.

— И вернулся, — добавил Виккерс.

Крофорд закрыл за собой дверь, и Виккерс остался в холодной, залитой резким светом комнате с неподвижным волчком на полу, прислушиваясь к удаляющимся шагам Крофорда.

25

Когда шаги стихли, Виккерс подошел к телефону, снял трубку, набрал номер и стал ждать соединения. Он слышал, как на линии переговариваются телефонистки, повторяя его вызов, голоса были слабые.

Энн следовало предупредить. У него было мало времени — их, конечно, подслушивали. Предупредить и заставить сделать то, что он потребует. Она должна была покинуть квартиру и скрыться до того, как они явятся к ней.

Он скажет:

— Энн, можешь ли ты сделать для меня одну вещь? Не задавая вопросов, не спрашивая почему?

Он скажет:

— Ты помнишь, где расспрашивала про плиту? Встретимся там.

И еще он скажет:

— Уходи из квартиры. Уходи и спрячься. Скройся. Сию же минуту. Не через час и даже не через пять минут. Положи трубку и уходи.

Она должна сделать все быстро, без колебаний и споров.

Он не мог ей сказать: «Энн, ты — мутант». Иначе она начнет выяснять, что это значит, как он узнал об этом, и люди Крофорда успеют явиться к ней.

Она должна уйти, слепо подчиняясь ему. Но согласится ли она это сделать?

Он даже вспотел от волнения. При мысли, что она потребует объяснений и не захочет уйти, не узнав причин, его стало трясти и он почувствовал, как струйки холодного пота бегут по спине.

Телефон уже звонил в ее квартире. Он припомнил расположение комнат, аппарат на столике возле дивана — вот она пересекает комнату, вот-вот раздастся ее голос.

А телефон все звонил и звонил.

Ответа не было.

Телефонистка сказала:

— Номер не отвечает.

— Попробуйте позвонить по другому номеру, — попросил он и назвал телефон конторы.

И опять он ждал, прислушиваясь к гудкам.

— И этот номер не отвечает, — сказала телефонистка.

— Спасибо, — поблагодарил Виккерс.

— Повторить вызов?

— Нет, — сказал Виккерс. — Аннулируйте его, пожалуйста.

Следовало поразмыслить и выработать план действий. Прежде всего надо было уяснить положение дел. Раньше было легче — стоило убедить себя, что все — игра воображения, что и сам он и мир вокруг сошли с ума, и, если без раздумий следовать событиям, все уладится.

Теперь промахнуться было нельзя.

Отныне он должен поверить всему, что сейчас в этом номере поведал ему Крофорд, каким бы невероятным это ни казалось.

Он должен поверить в это невероятное изменение человеческой природы и в расколотый враждебный мир. Он должен поверить в сказочную страну своего детства, и, если он действительно мутант, сказочная страна становится отличительным знаком, по которому он сможет узнать своих собратьев, а они — его.

Он пытался вникнуть в тайный смысл рассказанного Крофордом, связать все воедино, но не мог — существовало множество неизвестных ему побочных явлений и факторов.

Имелся мир мутантов, мужчин и женщин, стоящих на более высокой ступени развития, чем обычные люди. Мутанты были наделены такими свойствами и мыслили такими категориями, о которых обычные мужчины и женщины и не

подозревали. Это был следующий шаг в развитии человека, следующая ступень эволюции. Человеческая раса продолжала развиваться.

— И только богу известно, — сказал Виккерс в пустоту комнаты, — нужно ли ей это движение вперед.

Маленькое содружество мутантов содействовало развитию человеческой расы, но трудились они в тайне, потому что стоило им открыться миру нормальных людей, как он восстал бы против них и разорвал только за то, что они не такие, как все.

В чем крылось отличие? Что и как они могли совершить?

Кое-что он знал — вечмобиль, вечные бритвенные лезвия, вечные электрические лампочки и искусственные углеводы.

Какой же фактор действовал еще? Должен был существовать еще какой-то фактор.

Вмешательство, как говорил Гортон Фландерс, раскачиваясь в кресле на террасе. Чье-то вмешательство, которое помогало человечеству двигаться вперед и так или иначе уничтожать горькие плоды своего однобокого развития.

Виккерс знал, что ответ мог дать только Гортон Фландерс. Но где его найти?

— Их трудно схватить, — говорил Крофорд. — Вы звоните у двери и ждете. Вы пишете им и ждете. Вы выслеживаете их и ждете. Но их никогда нет там, где вы думаете, они находятся где-то совсем в другом месте.

«Прежде всего, — подумал Виккерс, — надо смыться отсюда и постараться стать неуловимым.

Во-вторых, надо найти Энн и помочь скрыться и ей.

В-третьих, необходимо отыскать Гортона Фландерса и, если он не захочет говорить, вырвать у него признание».

Он взял волчок, спустился вниз и вернул ключ. Портье вручил ему счет.

— Тут для вас записка, — сказал он, кладя ключ на место. — Ее оставил человек, который был у вас.

Виккерс взял конверт и достал сложенный вчетверо листок бумаги.

— Странно, — сказал портье. — Он ведь только что говорил с вами.

— Да, — ответил Виккерс, — очень странно.

Он прочел записку:

Не пользуйтесь своим вечмобилем. И молчите, чтобы ни случилось.

Это было действительно странно.

26

Он вел машину навстречу заре. Дорога была пуста и машина бесшумно летела вперед, словно птица, только на поворотах шуршали на асфальте шины. Рядом с ним, на сиденье, в такт движению покачивался раскрашенный волчок.

Его смущали два момента, только два момента.

Он должен был остановиться в доме Престонов.

И не должен был пользоваться машиной.

И то и другое было абсолютно абсурдным, и он злился на себя. Он до отказа нажал на акселератор, и шорох шин на поворотах превратился в визг.

Следовало остановиться в доме Престонов и испытать волчок. Он чувствовал, что должен поступить именно так, но сколько ни рылся в памяти, причин этого решения не находил. Если волчок способен сработать, он сработает где угодно. И все же какая-то глубокая уверенность подсказывала ему, что место проведения эксперимента не безразлично. Он был убежден, что дом Престонов явно скрывает что-то в себе. Он

мог послужить ключевым моментом, если только во всех этих историях с мутантами мог быть ключевой момент.

«У меня мало времени, — говорил он себе. — Зачем крутиться вокруг да около. Нельзя терять ни минуты. Прежде всего надо вернуться в Нью-Йорк, чтобы отыскать и спрятать Энн».

Энн должна была быть тем другим мутантом, о котором упомянул Крофорд, но и в данном случае, так же как с домом Престонов, его уверенность зиждилась ни на чем. Ведь не было ни оснований, ни доводов считать Энн Картер мутантом.

«Основания, доводы, доказательства, — думал он. — А что еще? Обычные логические рассуждения, с помощью которых человек построил свой мир. Есть ли у человека другая мера, позволяющая отнести систему причин и следствий к детским забавам, посредством которых люди многого добивались, но которые во многом перестали их удовлетворять? Как отличить истину от лжи, добро от зла, не прибегая к нудному перечислению доказательств? Интуиция? — Так это сродни женской непоследовательности. Предчувствие? — Так это сродни суеверию.

Ну, а в сущности, что представляют собой непоследовательность и суеверие? Долгие годы

исследователи занимались внечувственным восприятием, этим шестым чувством, которое человек так и не сумел развить в себе.

А если возможно внечувственное восприятие, то почему не допустить существования других способностей — психокинетического контроля над предметами, предвидения, иного восприятия времени, чем бег стрелок по циферблату, познания и использования неведомых измерений пространственно-временного континуума.

Пять чувств: обоняние, зрение, слух, вкус, осязание. Пять чувств, о которых человек знал с незапамятных времен! Но разве их не может быть больше? Не исключено, что в человеке заложены и другие чувства, которые ждут своего развития. Ведь человек так медленно меняется на своем эволюционном пути. И вряд ли развитие человеческого интеллекта и человеческих чувств остановилось. А если так, то почему бы не появиться шестому чувству, седьмому, восьмому?

Не так ли, — спрашивал себя Виккерс, — произошло и с мутантами? Неожиданно развились вспомогательные и лишь наполовину осознанные чувства.

Такая мутация логична, и ее следовало ожидать».

Он проносился мимо деревень, крепко спящих в этот предутренний час, мимо ферм, выглядевших особенно голо в рассеянном свете зари.

«Не пользуйтесь своим вечмобилем» — прочел он в записке Крофорда. Бессмыслица. Почему он должен отказываться от машины? Доверившись словам Крофорда? А кто он такой? Враг? Однако порой его поступки говорили об обратном.

И все же не было оснований отказываться от машины. Но и в машине ему было не по себе. Как не было причин останавливаться в доме Престонов, однако он твердо знал, что совершил ошибку, не остановившись там.

Не было доказательств считать Энн мутантом, но он был уверен, что она — мутант.

Он несся навстречу утру. Над встречными речушками поднимался туман. На востоке появились первые лучи солнца, стали попадаться коровы, появились первые редкие автомобили.

Он вдруг понял, что голоден и хочет спать, но ему не хотелось останавливаться. Если уж он совсем станет засыпать, придется передохнуть.

Но вот подкрепиться следовало. В каком-нибудь ближайшем городке он остановится у открытого кафе перекусить. А одна-две чашечки кофе разгонят сон.

27

Город оказался не маленьким, было много кафе. Утренняя смена рабочих спешила на работу.

Он выбрал чистый на вид ресторан и снизил скорость, отыскивая место для стоянки. Только за квартал от ресторана удалось приткнуться к тротуару.

Он вылез из машины и запер дверцу. Было довольно свежо, как иногда бывает летним утром.

«Сейчас я поем, — решил он. — Не буду спешить, чтобы дать отдохнуть мышцам, и потом еще раз попробую позвонить Энн. Может, поймаю ее. Мне станет спокойнее, если она будет в курсе дела и сумеет скрыться. Лучше вместо встречи там, где продают дома, явиться к ним и все объяснить, вероятно, они смогут ей помочь. Как бы то ни было, он должен говорить с Энн быстро и твердо, чтобы она поверила, не обсуждая».

Он спустился вниз по улице и вошел в ресторан. Свободных мест было много, казалось, столиками и не пользовались. Все посетители сгрудились у стойки. Виккерс тоже сел на один из свободных табуретов вместе со всеми.

Рядом с ним оказался громадного роста рабо-

чий в выцветшей рубахе и топорщащейся робе; склонившись над тарелкой, он шумно ел овсяную кашу, так быстро орудуя ложкой, словно пытался создать непрерывный поток между тарелкой и ртом. По другую сторону от Виккерса сидел мужчина в синих брюках и белой рубашке с тщательно завязанным галстуком. Он был в очках и читал газету. У него был вид бухгалтера — человека, умеющего ловко обращаться с цифрами и гордящегося этим своим умением.

Подошла официантка и протерла тряпкой прилавок перед Виккерсом.

— Что желаете? — безразлично спросила она, слив в одно слово всю фразу.

— Оладьи, — сказал Виккерс, — и кусок ветчины.

— Кофе?

— И кофе, — кивнул Виккерс.

Она принесла еду, и Виккерс начал есть, сначала торопливо, глотая большие куски оладий, обильно политые сиропом, а потом, утолив первый голод, — медленнее.

Человек в робе встал и ушел. Его место заняла худенькая девица, у которой закрывались глаза от усталости. «Какая-нибудь секретарша, — подумал Виккерс, — поспавшая час-другой после

целой ночи танцев».

Он почти кончил есть, когда на улице послышались крики и топот бегущих ног.

Девушка, сидевшая рядом, развернулась на табурете и выглянула в окно.

— Все бегут, — сказала она. — Интересно, что там случилось?

В дверях появился человек и крикнул:

— Там нашли вечмобиль.

Люди повскакивали с мест и ринулись к двери. Виккерс медленно последовал за ними.

«Нашли вечмобиль», — крикнул человек. Единственной такой машиной, которую они могли найти, была машина, оставленная им неподалеку на улице.

Толпа опрокинула автомобиль на середину улицы и кричала, потрясая кулаками. Кто-то бросил булыжник, и тот с резким звуком ударился о металл, будто в этот ранний утренний час грохнул пушечный выстрел.

Какой-то человек запустил булыжник в стеклянную дверь скобяной лавки и через разбитое стекло открыл дверь. Люди ворвались внутрь и, вооружившись кувалдами и топорами, вернулись на улицу.

Толпа раздвинулась, освободив им место. И

кувалды и топоры заблестели в косых лучах солнца. Брызнули стекла. Улица наполнилась металлическим грохотом.

Виккерс застыл возле двери ресторана, ощущая спазмы в желудке, — происходившее его просто потрясло.

Крофорд написал: «Не пользуйтесь своим вечмобилем».

Вот что означало его предупреждение.

Крофорд знал, что произойдет с любым вечмобилем, найденным на улице.

Крофорд знал и предупредил его.

Так друг он или враг?

Виккерс протянул руку и коснулся ладонью кирпичной стены. Прикосновение к этой шероховатой поверхности вернуло его к действительности: озлобленная свирепая толпа вдребезги разносила его машину.

«Они знают», — подумал он.

Им сказали о мутантах, и они возненавидели их.

Конечно, возненавидели.

Они не могли их не возненавидеть — само существование мутантов низводило людей на вторую ступень, они становились неандертальцами перед лицом завоевателя, вооруженного

луком и стрелами.

Он повернулся и вошел назад в ресторан; он шел медленно, готовый тут же броситься бежать, если вдруг кто-то крикнет позади или чья-то рука коснется его плеча.

Человек в очках и с черным галстуком оставил возле тарелки свою газету. Виккерс взял ее, решительно обогнул стойку и толкнул дверь, ведущую в кухню. Там было пусто. Он быстро пересек кухню и вышел через черный ход в переулок.

Он двинулся по переулку, свернул еще в один узенький переулок между двумя зданиями и вышел на другую улицу. Пересек ее, опять свернул в проулок, потом еще в один.

«Они будут защищаться, — сказал ему Крофорд, сидя прошлым вечером в его номере на стуле, скрипящем под его массивным телом, — они будут защищаться теми средствами, которыми располагают».

Вот они и начали защищаться — схватили свои дубинки и бросились в бой.

Он увидел сквер, отыскал там уединенную скамейку, спрятавшуюся в кустарнике, и стал просматривать взятую в ресторане газету.

Добравшись до первой страницы, он нашел то, что искал.

28

Заголовок гласил: «НАС ИЗГОНЯЮТ!»

Потом шел подзаголовок: «РАСКРЫТ ЗАГОВОР СВЕРХЛЮДЕЙ». И дальше: «Раса сверхлюдей среди нас; тайна вечных бритвенных лезвий раскрыта».

И сообщение:

> «ВАШИНГТОН (спец. корр.). «Человечество оказалось перед лицом величайшей за все время своего существования опасности — всеобщего превращения в рабов», — говорится в совместном заявлении ФБР, Объединенного комитета начальников штабов и вашингтонского отделения Международного экономического бюро.
>
> Совместное заявление было сделано на пресс-конференции президента. Аналогичные заявления последовали в Лондоне, Париже, Мадриде, Риме, Каире.
>
> В заявлении говорится о появлении новой расы людей, называемых мутантами, которые пытаются захватить власть над

миром.

В данном случае под мутантом понимается человек, претерпевший внезапные резкие изменения исходных наследственных форм. Изменения эти не касаются физического состояния, поскольку мутанта невозможно отличить от обычных людей, а связаны с развитием особых способностей, которые у обычных людей отсутствуют. (О явлении мутации см. статью на стр. 1.) В заявлении (полный текст приведен в колонке 4) говорится, что мутанты начали кампанию по уничтожению мировой экономической системы, производя такие товары, как вечные бритвенные лезвия, электрические лампочки, вечмобили, сборные дома и т. п., продаваемые через так называемые магазины технических новинок.

Многолетние официальные и частные исследования показали, что мутанты ведут организованную кампанию по захвату власти над миром. Настоящее заявление по поводу сложившейся обстановки, говорится далее, составлено после тщательного изучения представленных

данных.

Заявление призывает население мира объединиться в борьбе против заговора, не прекращая своей обычной повседневной деятельности и не впадая в панику.

«Это не должно быть причиной страхов, — говорится в заявлении, — тем более что некоторые контрмеры уже приняты». Однако более конкретного сообщения о контрмерах в заявлении не содержится. На вопросы журналистов по этому поводу официальные круги сообщили, что конкретные меры не подлежат разглашению из соображений безопасности.

«В целях борьбы с мутантами, — говорится в заявлении, — каждый гражданин должен следовать нижеприведенным правилам:

1. Сохранять спокойствие и не поддаваться панике.

2. Воздержаться от использования товаров, производимых мутантами.

3. Отказаться от приобретения любых товаров, производимых мутантами.

4. Немедленно сообщать в ФБР о лю-

бых подозрительных обстоятельствах, которые могли бы иметь отношение к сложившейся обстановке».

(Продолжение см. на стр.11.)»

Виккерс не стал открывать одиннадцатую страницу, а решил просмотреть повнимательнее первую.

Здесь разъяснялось явление мутации и был приведен полный текст заявления. Кроме того, в статье какого-то профессора-биолога обсуждались возможные причины и последствия мутации. Там же было около дюжины сообщений.

Он начал читать:

НЬЮ-ЙОРК (Ассошиэйтед Пресс). Сегодня по улицам города прошли толпы людей, вооруженных топорами и стальными ломами. Они врывались в помещения магазинов технических новинок, уничтожая имевшиеся там товары и установки. Однако в магазинах продавцов не оказывалось. Единственная человеческая жертва к мутантам отношения не имеет.

ВАШИНГТОН (ЮПИ). Сегодня ранним утром разъяренная толпа убила водителя

вечмобиля и уничтожила машину.

ЛОНДОН (Интернэшнл Ньюс Сервис). Сегодня правительство приняло решение выставить охрану вокруг жилых кварталов, где находятся сборные дома, изготовленные, как полагают, мутантами.

Владельцы, говорится в решении, приобрели эти дома, ни о чем не подозревая, и никак не связаны с заговорщиками. Охране предписано защищать этих честных граждан и их соседей от необузданной ярости толпы.

СЕН-МАЛО, ФРАНЦИЯ (Рейтер). Сегодня утром на одной улице на фонарном столбе обнаружен труп человека. На шее повешенного найдена табличка с надписью «Мутант».

Газета выпала из рук. Виккерс тупо смотрел, как она распласталась на песке.

А утренний поток автомобилей уже заполнял улицу. Возле ограды мальчик играл с мячом. Над лужайкой кружились голуби.

«Все как обычно, — подумал он. — Обычное человеческое утро. Люди спешат на работу, играют

дети, воркуют на лужайках голуби».

Однако под видимым спокойствием бушевал поток зверства. Настоящее затаилось за фасадом цивилизации. Оно готовилось вырваться из засады и вцепиться в глотку будущего. Вцепиться в глотку Виккерса, в глотку Энн, в глотку Гортона Фландерса.

Слава богу, пока никак не связали его появление в городе с машиной. Но теперь в любую минуту кто-то сделает это. Кто-то вспомнит, что видел его за рулем этой машины. Кто-то заподозрит, так как он не бросился вместе с остальными из ресторана, чтобы пополнить толпу, крушившую машину.

Пока он был в безопасности. Но сколько времени это продлится, он не знал.

Как же быть?

Он задумался.

Взять напрокат машину и продолжить путь?

Он не знал, как это лучше сделать…

Но во всех случаях одно было неотложным и требовало немедленных действий.

Следовало разыскать волчок.

Он остался в машине и теперь за ним надо было вернуться.

Но стоило ли рисковать?

Виккерс не видел в таком риске особого смысла. Более того, это граничило с безумием. Но он знал, что должен попытаться.

А ведь Крофорд советовал ему не пользоваться машиной. Но тогда он не принял записку в расчет, и теперь оставалось только раскаиваться в этом. Вопреки здравому смыслу он оказался неправ. В данном случае логика подвела его, а его инстинкт, его предчувствие, его интуиция, как бы это ни называлось, подсказывали верный путь.

Он вспомнил собственные размышления о возможностях человеческого мозга, о его способности предвидения, которая порой куда сильнее логики и разума. Может быть, это одна из странных особенностей мутантов?

И, может, именно это чувство, противоречащее логике и разуму, гнало его на поиски волчка.

29

Движение было перекрыто, вдоль улицы стояли полицейские, хотя нужда в их присутствии уже отпала — толпа успокоилась. Изуродованная, разбитая машина лежала колесами кверху, словно дохлая корова на кукурузном поле. Выбитые стекла скрипели под ногами любопытствующих зевак.

Виккерс смешался с толпой и пробился к машине. Передняя дверца была сорвана и валялась на мостовой. Почти никаких надежд найти волчок. А если волчок и здесь, то как им завладеть? Может, встав на колени, сделать вид, что интересуется щитком управления?

Он несколько раз с нарочито равнодушным видом обошел машину, обмениваясь замечаниями с зеваками. Он кружил до тех пор, пока не подобрался к дверце. Тогда он нагнулся и заглянул внутрь, но волчка в машине не было. Он сидел на корточках, вытянув шею и рассуждая о щитке управления и коробке передач, а сам высматривал злополучную игрушку.

Волчок исчез.

Виккерс встал и вновь смешался с толпой,

оглядывая мостовую — волчок мог выпасть из машины и откатиться в сторону. Он осмотрел водостоки по обеим сторонам улицы, мостовую — волчок как провалился.

Итак, волчок исчез раньше, чем он успел проверить его удивительные свойства.

Дважды побывал он в сказочной стране — первый раз ребенком, а второй раз юношей, гуляя по заветной долине с девушкой по имени Кэтлин Престон. Вероятно, эта долина могла быть и совсем другой сказочной страной. А потом, когда он снова захотел встретиться с Кэтлин, ему сказали, что она уехала, и он повернулся спиной к двери и неверными шагами пересек террасу.

«Минуточку, — сказал он себе, — а действительно ли я повернулся спиной к двери и неверными шагами пересек террасу?»

Он напряг память и вспомнил тихий голос человека, который сказал, что Кэтлин уехала, а потом добавил:

— Зайди, малыш. Я хочу кое-что показать тебе.

Он вошел в громадный вестибюль с густыми тенями по углам, с картинами по стенам и величественной лестницей, ведущей наверх. Затем кто-то разговаривал с ним.

Что сказал тот человек?

Или что-то произошло?

Как случилось, что этот момент, о котором он должен был помнить всегда, всплыл после стольких лет забвения, как и воспоминание о его детской встрече со сказочной страной?

И так ли все было на самом деле?

«Об этом, — признался он себе, — я судить не могу».

Он повернулся и двинулся вниз по улице мимо полицейского, который, играя дубинкой, с улыбкой поглядывал на толпу.

На пустыре играли дети. Когда-то и он так же самозабвенно играл, наслаждаясь теплыми лучами солнца и ощущая, как по телу пробегают волны счастья. Не существовало понятия времени — всякая цель ставилась на несколько минут, редко на час. Каждый день был вечностью и жизни не было конца…

В стороне какой-то малыш возился со своей игрушкой. Вдруг он подбросил ее кверху и снова поймал, холодея от счастья. Солнце расцветило предмет и у Виккерса перехватило дыхание.

Это был его волчок!

Он сошел с тротуара и с трудом пересек пустырь.

Дети не замечали его или просто не захотели

замечать — ведь взрослые либо не существуют для их игр, либо присутствуют в них как дружелюбные объекты.

Виккерс остановился возле малыша с волчком.

— Привет, сынок.

— Привет.

— Что это у тебя?

— Я нашел это, — насторожился малыш.

— Красивая штука, — сказал Виккерс. — Я хотел бы ее купить.

— Я не хочу ее продавать.

— Я дам тебе за нее кучу денег, — сказал Виккерс.

Мальчуган глянул на него с интересом.

— А на велосипед хватит?

Краем глаза Виккерс заметил, что стоящий на тротуаре полицейский посмотрел на него и направился к пустырю.

— Держи, — сказал Виккерс.

Он схватил волчок и бросил смятые деньги на колени мальчугана. Потом выпрямился и бросился бежать в сторону переулка.

— Эй, вы! — крикнул полицейский.

Виккерс продолжал бежать.

— Эй, вы! Остановитесь или буду стрелять!

Раздался выстрел, и Виккерс услышал свист

пули над головой. Полицейский не мог знать, кто он, но утренняя газета напугала всех.

Он добежал до ближайшего здания и скрылся за углом. Но оставаться в переулке не мог и свернул в узкий проход между двумя зданиями. Уже свернув, он понял, что совершил ошибку — проулок выходил на улицу, где лежала его исковерканная машина.

Он увидел открытое подвальное окно и, не успев даже подумать, понял, что это его единственное спасение. Он прикинул расстояние и спрыгнул туда. Очутившись в подвале, он ощутил острую боль в спине, видно, задел раму, и тут же стукнулся обо что-то головой — темнота взорвалась миллионами звезд. Дыхание перехватило, он растянулся на полу, выронив из рук волчок, который откатился куда-то в сторону.

Наконец, ему удалось встать на четвереньки и он пополз к волчку. Наткнувшись на водопроводную трубу, он с трудом встал на ноги. Спина кровоточила, голова гудела. Но на некоторое время он обрел безопасность.

Он нашел ступеньки и, поднявшись по ним, понял, что находится в помещении позади скобяной лавки. Там громоздились рулоны арматуры, толя, картонные коробки, упакованные дымовые

трубы и бухты манильского троса.

Он присел позади ящика и очутился в круге солнечного света, падавшего из окна над головой. Снаружи, с улицы, доносился топот бегущих ног и крики. Он снова спустился вниз и прижался к шершавым доскам, сдерживая дыхание и боясь, что оно выдаст его, если кто-то войдет сюда.

Надо было во что бы то ни стало найти выход — если он останется здесь, его найдут. Полиция и жители прочешут квартал. К тому времени они уже будут знать, за кем идет охота. Мальчуган скажет, что нашел волчок неподалеку от машины, кто-то вспомнит, как он ставил машину, вспомнит о нем и официантка ресторана. Из этих отрывочных сведений они поймут, что беглец был водителем разбитого вечмобиля.

Он представил себе, что случится, если его схватят. Он хорошо помнил сообщение из Сен-Мало о повешенном на фонарном столбе.

Но путей к бегству не было. Он не мог выйти на улицу — там его искали. Можно было вернуться в подвал, но это не меняло дела. Можно было пробраться в магазин и, притворившись покупателем, зашедшим присмотреть ружье или инструмент, потом выйти на улицу. Однако он сомневался, что это удастся.

Алогичное поведение ничего не дало. Логика и разум вышли победителями — пока они оставались главными факторами, управляющими жизнью человека.

Не существовало никакой возможности бегства и из солнечного уголка позади ящика.

Не существовало никакой возможности бегства, кроме…

Он снова нашел волчок. Волчок был с ним.

Вообще не существовало никакой возможности бегства, никакой, если не сработает… волчок.

Он поставил волчок на пол и, нажав на ручку, придал ему медленное вращение. Потом разогнал его быстрыми движениями руки и отпустил. Волчок загудел. Придвинувшись ближе, он неотрывно смотрел на цветные полоски. Они появлялись и исчезали в бесконечности, и он спрашивал себя, куда они уходят. Он так сосредоточил свое внимание на волчке, что забыл об окружающем.

Волчок не сработал. Виккерс протянул руку и остановил закачавшуюся игрушку.

Потом попробовал еще раз.

Надо было вновь стать восьмилетним мальчуганом. Снова вернуться в детство. Очистить мозг от всех взрослых мыслей, взрослых забот, от

зрелости. Вновь превратиться в ребенка.

Он подумал об играх на пляже, о сне под деревом, о податливом песке под босыми ногами. Закрыв глаза, он поймал кусочек своего детства с его красками и запахами.

И снова он не отрывал взгляда от полосок, снова весь ушел в их появление и исчезновение.

И опять ничего не вышло. Волчок покачнулся, и он остановил его.

Холодящая мысль пронзила Виккерса — он не мог забыть о времени. Он спешил.

А ведь у ребенка нет понятия времени. Оно для него не существует.

Он заставил себя забыть, что дорога каждая минута, чтобы вновь стать ребенком, только что получившим в подарок новенькую сверкающую игрушку.

И снова запустил волчок.

Он ощутил уют дома и материнскую любовь, увидел разбросанные по полу игрушки и книжки, которые ему читала бабушка, когда приходила в гости. И он смотрел на волчок с наивным восторгом, наблюдая, как исчезают и появляются полоски, появляются и исчезают, появляются и исчезают…

Он провалился вниз примерно на фут и очу-

тился на вершине холма. Вокруг на мили расстилалась равнина — обширная страна с лугами, рощами и змейками рек. У его ног, покачиваясь, медленно вращался волчок.

30

Девственная долина без всяких следов человеческой деятельности простиралась от горизонта до горизонта — земля и небо.

И эту нетронутую землю ласкали лишь порывы ветра, пробегавшие по ней из конца в конец.

С высоты холма Виккерс заметил вдали движущиеся темные пятна и понял, что это стада бизонов. В его сторону трусили три волка. Но увидев его, они повернули назад и сбежали вниз по склону. В голубом безоблачном небе, выписывая величественные круги, парила одинокая птица. До Виккерса донесся резкий птичий крик.

Волчок не подвел. Теперь в этой безграничной стране волков и бизонов он был в безопасности.

Он поднялся выше на гребень, чтобы еще раз осмотреться вокруг. Ничто не говорило о близости человеческого жилья — он не видел ни дорог, ни струек дыма, поднимающихся к небу.

Он посмотрел на солнце, пытаясь определить, где запад. По его расчетам была середина утра. Если он ошибся и время клонилось к вечеру, то через несколько часов тьма окутает равнину. А с наступлением темноты ему хотелось бы оказать-

ся в укрытии.

Он думал, что попадет в сказочную страну, но эта страна была отнюдь не сказочной. «Стоило серьезно поразмыслить, — сказал он себе, — и я бы понял, что такой страны нет, и место, куда я попал ребенком, конечно, не было сказочной страной». Перед ним лежал новый обширный мир, безлюдный, быть может, опасный, но здесь было лучше, чем в складском помещении скобяной лавки в незнакомом городе, где люди охотились за ним, чтобы вздернуть на столбе.

Он покинул старый привычный мир и оказался в новом странном мире, и, если здесь нет людей, ему придется рассчитывать только на себя.

Он уселся, вывернул все карманы, и тщательно осмотрел их содержимое. Полпачки сигарет; три коробка спичек, один из которых почти пуст; перочинный нож; носовой платок; бумажник с десятью долларами; несколько центов; ключ от вечмобиля; брелок с ключами от дома, письменного стола и еще от чего-то; авторучка; сложенные пополам листки бумаги для попутных записей — это было все. Огонь и орудие защиты да несколько кусочков бесполезного металла — вот все, чем он располагал. И если мир безлюден, с этим он должен себя кормить, защищать,

строить убежище, а со временем и одевать.

Он закурил, решив осмыслить происшедшее, но смог думать лишь о необходимости беречь сигареты, которых осталось всего полпачки, — новые взять будет негде.

Чужая страна, впрочем, не совсем чужая, ведь он находился на Земле, старой привычной Земле, которой пока не коснулась рука человека. Он дышал воздухом Земли, видел ее луга и небо, ее животных. Это был мир древней Земли. С невозделанными почвами, нетронутыми сокровищами.

Эта страна не была чужой, волчок не забросил его в другое измерение, да и, по правде говоря, волчок здесь оказался ни при чем. Волчок не играл никакой роли. Волчок явился средством для концентрации внимания, гипнотизирующей игрушкой, которая позволила мозгу выполнить нужную работу. Волчок помог ему попасть в эту страну, но только его мозг и присущие ему особые способности перебросили его со старой привычной Земли в этот странный девственный мир.

Он читал или слышал о чем-то подобном…

Он силился вспомнить.

Статья в газете. Или обрывок разговора. Или передача по телевизору.

И наконец, вспомнил — статья одного бостон-

ского ученого, кажется, доктора Олдриджа, в которой говорилось, что один мир опережает нашу планету на секунду, а другой на секунду отстает от нее. И так они следуют один за другим, целая цепочка миров, словно люди, ступающие по снегу след в след, образуя одну непрерывную линию.

Непрерывная цепь миров, следующих один за другим. Кольцо вокруг Солнца.

Он не дочитал тогда статью до конца, что-то отвлекло его и он отложил газету в сторону. И теперь он жалел об этом. Очень может быть, что Олдридж оказался прав. Этот мир мог следовать за старой привычной Землей и быть следующим звеном бесконечной цепи миров.

Он попробовал представить себе принцип, на котором строилась эта цепочка миров, но не смог — слишком многого он не знал.

«Предположим, я нахожусь на Земле-2, следующей за старой Землей, которую только что покинул, — думал Виккерс. — Допустим, топография обоих миров достаточно схожа, хотя и не идентична. Небольшие отличия станут заметными, может, только в девятом мире. Значит, Земля-2 не должна отличаться от старой Земли. Если там я находился где-то в Иллинойсе, то и

здесь должен быть на землях прежнего Иллинойса».

Восьмилетним мальчуганом он побывал в местах, где рос сад и стоял окруженный кустарником домик. Вполне возможно, что и сейчас он находился на той же Земле. Когда-то он гулял по заветной долине, которая тоже могла находиться на этой Земле. Но тогда здесь мог существовать и дом Престонов, похожий на гордый дом с Земли его дет ства.

«Это — моя надежда, — решил он. — Ничтожная, но единственная, которая у меня есть».

Добраться до дома Престонов, направляясь на северо-запад. Пройти пешком весь тот длинный путь, который он проехал на машине от родного дома. Он понимал, как невелика вероятность найти дом Престонов. Не окажется ли он в ловушке этого пустынного и громадного мира? Но он отогнал сомнения, только эта вероятность таила в себе его единственную надежду.

Он снова посмотрел на солнце, оно поднялось выше, значит, было утро. Теперь он точно знал, где находится запад — единственное, что ему надо было сейчас знать.

Он вскочил на ноги и быстро зашагал вниз, направляясь на северо-запад, к своей единственной

надежде в этом мире.

31

Задолго до наступления темноты в рощице у ручья он выбрал место для ночлега.

Стянув с себя рубашку, он соорудил из нее и прутьев примитивную вершу, потом спустился к заводи и довольно быстро наловчился орудовать ею. Через час на песке бились пять средних по величине рыб.

Почистив их перочинным ножом, он с одной спички развел костер и с гордостью подумал, что из него вышел бы неплохой траппер.

Он испек одну рыбину и съел, не испытав удовольствия — кроме отсутствия соли, сказалось и неумение пользоваться первобытным очагом: часть рыбы обуглилась, а часть осталась сырой. Однако он заставил себя доесть всю рыбину, ибо знал, что впереди его ждут трудные дни.

Между тем наступила ночь, и он придвинулся ближе к костру. Так, сидя, он и заснул.

Проснувшись, он увидел, что огонь почти погас, а ночь стала еще темней. Он снова раздул костер. Огонь не только согревал, но и служил защитой — днем он видел и волков, и медведей, в зарослях промелькнула и гибкая кошачья тень, но он не

успел разглядеть, что это был за зверь.

Когда он снова проснулся, на небе занялась заря. Он подбросил сучьев в костер и испек остальную рыбу. Одну рыбину от съел, а остальные сунул в карман. Он знал, что днем у него не будет времени на привал.

Поблизости в кустарнике он нашел толстую прямую палку и проверил, не гнилая ли она. Такая палка могла служить посохом при ходьбе и дубинкой при обороне. Проверив карманы, он убедился, что все на месте. Главное — перочинный нож и спички. Он туго завернул спички в носовой платок и в майку. Если он попадет под дождь или свалится в реку, они останутся сухими. Он очень сомневался, что сможет развести огонь, высекая искры из камня.

Он пустился в путь до восхода солнца, но шел медленнее, чем накануне, так как понял, что главное — умение экономить силы. Глупо было выдохнуться в первые же дни долгого перехода.

В полдень ему пришлось сделать большой круг, обходя огромное стадо бизонов. На ночь он опять остановился в роще. По пути он поймал еще одну рыбину, а в роще обнаружил кусты ежевики, так что на ужин имел и десерт.

Солнце взошло, и он снова пустился в путь.

Солнце село.

Опять наступил день, и он снова был в пути. Прошел еще один день, и еще, и еще…

Он ловил рыбу. Собирал ягоды. Однажды наткнулся на только что задранного оленя. Хищник, по-видимому, удрал с приближением человека. Он отрезал себе столько мяса, сколько смог унести. Даже без соли мясо было вкуснее рыбы. Он ел его и сырым, тщательно разжевывая на ходу. Когда запах от мяса стал нестерпимым, пришлось выбросить остатки.

Он потерял всякое ощущение времени. Он не знал, сколько прошел, сколько ему осталось пройти до нужного места и вообще, найдет ли он его.

Когда прохудились ботинки, он набил их сухой травой и подвязал полосками ткани, которые нарезал из брючин.

Однажды, склонившись над ручьем, чтобы напиться, он увидел отражение странного лица и был поражен, поняв, что видит собственное лицо, заросшее и отмеченное усталостью, лицо человека в лохмотьях.

Дни следовали один за другим. Он продолжал идти на северо-запад. Сначала он обгорел на солнце, потом покрылся загаром. На бревне он перебрался через широкую и глубокую реку. Он

потратил на переправу много времени, бревно едва не перевернулось, но все же достиг другого берега.

Он продолжал свой путь. У него не было иного выбора.

Он шел через пустынную страну без всяких признаков жизни, хотя края эти во всем подходили человеку. Плодородные земли, поросшие высокими травами луга, вековые рощи вдоль берегов рек.

И наконец, однажды перед самым заходом солнца он вышел на перевал и увидел перед собой равнину и реку, излучины которой показались ему знакомыми. Но его внимание привлекла не река, а отблеск садящегося солнца на металле — вдали у горизонта высились какие-то явно металлические конструкции.

Прикрыв глаза рукой и напрягая зрение, он пытался разглядеть, что это такое, но расстояние было велико и солнце слепило глаза.

Спускаясь по склону и не зная, радоваться ли ему или бояться, Виккерс не отрывал взгляда от металлических бликов. Они то пропадали из виду, когда он спускался в долину, то появлялись вновь, когда он оказывался на перевале, и он понял, что это не мираж.

Наконец он различил сверкающие металлом здания, а потом и странные предметы, подлетавшие к ним и улетавшие прочь. Чувствовалось, что там кипит жизнь.

Это не походило ни на город, ни на поселок. Все было сделано из металла, и совсем отсутствовали какие-либо подъездные пути.

По мере приближения он различал все больше деталей и в одной-двух милях от строений, остановившись, понял, что [illegible] находится перед ним.

Это был не город, а завод, громадный завод. К нему беспрерывно подлетали странные предметы, они больше походили на летающие вагоны, чем на самолеты. Большинство из них двигалось с севера и запада, летели они на небольшой высоте и с небольшой скоростью и направлялись к посадочной площадке, скрытой от Виккерса группой зданий.

Существа, сновавшие между зданиями, лишь отдаленно напоминали людей, скорее всего это были какие-то металлические создания, так как они ослепительно сверкали в последних лучах заходящего солнца.

Возле каждого здания высилась башня громадного диаметра с чашей наверху. Все чаши были обращены к солнцу и горели красным огнем.

Он медленно приблизился к зданиям и, только очутившись рядом, понял, как они огромны. Они занимали гигантскую территорию. Создания, сновавшие между зданиями и выполнявшие какую-то работу, оказались самоуправляемыми роботами.

Некоторые машины были знакомы Виккерсу, а некоторые он узнать не мог. Он увидел мчавшийся тягач с грузом строительного леса, потом мимо него со скоростью тридцать миль в час проехал громадный кран с лязгающим ковшом на стреле. Очень многие машины казались верхом механистического бреда, и все они двигались на громадных скоростях, словно спешили куда-то.

Он нашел улицу, нет, не улицу, скорее проезд между двумя зданиями и двинулся по нему, стараясь держаться поближе к стене — машины носились здесь с бешеной скоростью.

Оказавшись возле здания с распахнутыми воротами, он осторожно поднялся по пандусу и заглянул внутрь. Помещение было залито неизвестно откуда льющимся светом. Вдоль него тянулись длинные ряды работающих машин. Но шума не было, и это поразило Виккерса. Завод работал, но работал совершенно бесшумно. Царила полная тишина, нарушаемая лишь ме-

таллическим позвякиванием проносившихся снаружи машин.

Он спустился по пандусу и проездами прошел к посадочной площадке, на которую садились и с которой взлетали летающие вагоны.

Он смотрел на приземляющиеся и разгружающиеся машины, на штабеля свеженапиленного строительного леса, который укладывался на тягачи, разбегавшиеся по всем направлениям; здесь же были горы руды, скорее всего железной, которую подбирали другие грузовые машины, похожие, как показалось Виккерсу, на пеликанов.

Разгруженный вагон тут же взлетел, без шума, словно его подхватывал и уносил в воздух порыв ветра.

Летающие вагоны прибывали сплошным потоком и тут же разгружались. Прибывшие материалы сразу же куда-то отвозили громадные машины.

«Эти машины ведут себя как люди», — подумал Виккерс. Это не были автоматы. Автомат предполагает строго чередующиеся определенные операции, а вагоны приземлялись достаточно произвольно. Как только вагон садился, одна из грузовых машин подъезжала к нему и разгружала его.

«Они похожи на разумных существ», — подумал Виккерс. И, подумав об этом, понял, что они действительно разумны. Это были машины-роботы. Внешне они совсем не походили на людей, но были наделены разумом и знали, что делать.

Солнце село, а он стоял у угла здания, глядя на башни. Их чаши, только что обращенные в сторону заходящего солнца, теперь медленно поворачивались к востоку, чтобы утром поймать его первые лучи.

«Солнечная энергия», — подумал Виккерс. Где же он слышал о солнечной энергии? Ну, конечно, в домах мутантов! Маленький продавец объяснил ему и Энн, что при наличии солнечных батарей им не нужны ни газ, ни электричество.

И здесь работала солнечная энергия. И здесь машины не знали трения, а потому не производили никакого шума, как не подверженные износу вечмобили.

Машины не обращали на него внимания. Словно не видели его и не подозревали о его присутствии. Ни одна из них не снизила скорости, обгоняя его; ни одна не свернула, чтобы объехать. Но и ни одна из них не угрожала ему.

Как только солнце село, всю местность вокруг залил свет, но он опять не смог определить, где

находится его источник. Наступление ночи не остановило работы. Летающие вагоны, эти громадные угловатые коробчатые конструкции, продолжали прилетать, разгружаться, улетать. Машины увозили их грузы. Длинные ряды станков в зданиях продолжали свой бесшумный труд.

«А летающие вагоны, — спросил он себя, — тоже роботы? Скорее всего — да».

Он снова двинулся вперед, прижимаясь к стенам зданий, чтобы не очутиться посреди дороги.

Он нашел гигантскую погрузочную площадку, где вздымались аккуратные горы ящиков. Одни машины их беспрерывно подвозили, другие заполняли ими летающие вагоны. Он осторожно выбрался на площадку и осмотрел закрытые ящики, пытаясь определить их содержимое, но, кроме букв и цифр, на них ничего не значилось. Он подумал было, не вскрыть ли один из ящиков, но у него не было ни инструмента, ни уверенности, что ранее равнодушные к его персоне машины не заинтересуются им, если он начнет мешать их работе.

Несколько часов понадобилось ему, чтобы выбраться за пределы гигантского завода. А отойдя подальше и обернувшись, он испытал трепет

перед залитой светом отлаженной громадиной.

Ему не надо было спрашивать себя, что производит это предприятие. Он заранее знал ответ. Или бритвенные лезвия, или зажигалки, или лампочки, или дома, или вечмобили. А может, и все эти изделия сразу.

Он был уверен, что перед ним тот самый завод, или один из заводов, который тщетно разыскивали Крофорд и Североамериканское исследовательское бюро.

И не было ничего удивительного, что их поиски оставались тщетными.

32

Он вышел к реке далеко за полдень. Река эта с ее островами, заросшими деревьями и ползучими растениями, с ее песчаными отмелями, со зловещим шорохом зыбучих песков, он был уверен, была река Висконсин в ее нижнем течении перед слиянием с Миссисипи. А если все обстояло именно так, он знал, куда идти. Отсюда было легко добраться до конечной цели путешествия.

Но тут на него нахлынули сомнения. Найдет ли он нужное место? В этой стране дома Престонов могло и не быть. Ведь он немало прошел, но обнаружил только роботов, здесь царила сложная машинная цивилизация, где не было места человеку. Людям нечего было делать на этом заводе, который не нуждался ни в руках, ни в мозге человека.

В угасающем свете дня он устроил привал на берегу реки и долго сидел без сна, уставившись на серебряное зеркало воды в лунном свете и ощущая свое одиночество. Столь горького и глубокого одиночества он еще никогда не испытывал.

Наступило утро, и он снова пустился в путь. Он найдет хотя бы место, где должен стоять дом Пре-

стонов. Но как он поступит, если там ничего нет?

Он решил не думать об этом. В конце концов он заснул.

Утром он спустился к реке и внимательнее рассмотрел скалистый южный берег. Да, места явно были знакомы ему.

Он двинулся вниз по течению и вскоре в голубой дымке различил высокую скалу возле места слияния двух рек, а за ней тонкую лиловую цепочку холмов. Он вскарабкался повыше и долго изучал взглядом долину, к которой стремился.

Ночь он провел уже в стороне от реки, а наутро отыскал долину, которая вела к дому Престонов.

Он прошел до ее половины, прежде чем она стала ему совершенно знакомой. Надежда постепенно превращалась в уверенность, что он идет по знакомой земле.

Наконец, он нашел ту заветную долину, по которой гулял двадцать лет назад!

«Теперь, — думал он, — теперь, если только на месте дом».

Ему становилось плохо при мысли, что дома не окажется, что, поднявшись по последнему склону, он увидит только место, где должен стоять дом. Рухнет последняя надежда, и он превратится в изгнанника родной Земли.

Он отыскал тропинку и пошел по ней, глядя, как ветер колышет высокие травы, чьи седые венчики походили на буруны штормового моря. Он увидел заросли диких яблонь, они не цвели — стояло лето, но это были те самые яблони, которые он когда-то видел в цвету.

Тропинка обогнула вершину холма. И Виккерс увидел дом. Ноги его ослабели, он остановился и быстро отвел взгляд в сторону, а потом медленно повернул голову и убедился, что не стал жертвой воображения — дом действительно стоял на своем месте.

Дом стоял на своем месте.

Он вновь двинулся вверх по тропинке, заметил, что бежит, и заставил себя замедлить шаг. Потом побежал опять и на этот раз не стал останавливаться.

Он добрался до вершины холма, где стоял дом, и замедлил шаг, пытаясь восстановить дыхание. И тут только подумал, на кого он похож со своей многодневной бородой, в лохмотьях, впитавших всю грязь и пыль многодневного путешествия, в разодранной обуви, привязанной к ногам лоскутами от брючин, с остатками брюк, не прикрывавших даже грязных исхудавших колен.

Он подошел к белой ограде, окружавшей дом,

остановился перед калиткой, оперся о нее и стал разглядывать дом. Дом выглядел точно таким, каким он помнил его, чистым, ухоженным, с тщательно подстриженным газоном и цветочными клумбами, со свежевыкрашенными деревянными частями и кирпичом, отшлифованным за долгие годы солнцем, ветром и дождем.

— Кэтлин, — произнес он, с трудом шевеля пересохшими, потрескавшимися губами. — Я вернулся.

Он хотел представить себе, как она выглядит после долгих лет разлуки. Не могла же она остаться девушкой семнадцати или восемнадцати лет, какой он знал ее когда-то, теперь она была женщиной примерно одного возраста с ним.

Она увидит его стоящим у калитки и, несмотря на его бороду и лохмотья, на его многодневное путешествие, узнает, распахнет дверь и пойдет по аллее навстречу.

Дверь распахнулась, но солнце било ему прямо в глаза, и он не мог ее разглядеть, пока она не сошла с крыльца.

— Кэтлин, — произнес он.

Но это была не Кэтлин.

Это был человек, которого он никогда не видел, — его почти обнаженное тело блестело на

солнце. Приблизившись, он спросил Виккерса:

— Сэр, я чем-нибудь могу вам помочь?

33

Что-то раздражало в этом сверкающем на утреннем солнце человеке — то ли его манера двигаться, то ли манера говорить. Прежде всего он был совершенно безволосым. Ни единого волоска не было у него ни на голове, ни на груди. И глаза казались какими-то необычными. Они блестели так же, как и все тело. Кроме того, на лице не было губ.

— Я робот, сэр, — разъяснил сверкающий человек, видя растерянность Виккерса.

— А… — протянул Виккерс.

— Меня зовут Айзекайя.

— Как дела, Айзекайя? — поспешил спросить Виккерс, не зная, что сказать.

— Хорошо, — ответил Айзекайя. — У меня все всегда идет хорошо. Со мной не может случиться ничего плохого. Благодарю вас за внимание, сэр.

— Я надеялся кое-кого встретить здесь, — сказал Виккерс. — Мисс Кэтлин Престон. Она случайно не дома?

Он заглянул в глаза робота, но они ничего не выражали.

Робот спросил:

— Не желаете ли пройти в дом и подождать?

Робот открыл перед ним калитку, отошел в сторону, и Виккерс двинулся вперед по кирпичной дорожке, отметив про себя, как посветлел за долгие годы кирпич. Дом был в хорошем состоянии. Блестели свежевымытые стекла и ставни, газон казался прямо-таки выбритым. На клумбах с яркими цветами не было ни единого сорняка, а ограда словно несла вечную охрану вокруг дома, ее ярко-белые столбики походили на деревянных солдат.

Они обошли вокруг дома, робот поднялся по маленькому крылечку черного входа, толкнул дверь и пригласил Виккерса войти.

— Направо, сэр, — сказал Айзекайя. — Присаживайтесь и подождите, пожалуйста. Если вам что-нибудь понадобится — звонок на столе.

— Спасибо, Айзекайя, — поблагодарил Виккерс.

Для прихожей комната была слишком велика. Веселые обои, посреди стены мраморный камин, увенчанный зеркалом. Здесь стояла тишина, этакая официальная тишина, которая часто оказывается предвестником решающих событий.

Виккерс сел на стул и застыл в ожидании.

На что он надеялся? Что Кэтлин выскочит из

дома и радостно побежит ему навстречу? И это после двадцати лет разлуки, в течение которой она не получила от него ни единой весточки? Он покачал головой. Он принял мечты за реальность. Этого не могло быть. Это противоречило всякой логике.

Хотя некоторые события вопреки той же логике все же произошли. Куда как нелогичнее найти этот дом в этом ином мире? Однако он нашел его. И сидел сейчас под его крышей. Не менее нелогичным было найти позабытый волчок и им воспользоваться. Однако благодаря этому волчку он находится здесь, сидит и прислушивается к происходящему в доме. Из соседней комнаты донеслись тихие голоса, и он заметил, что дверь, ведущая туда из прихожей, слегка приоткрыта.

Других звуков не было, утренняя тишина царила в доме.

Он встал, подошел к окну, потом к мраморному камину.

Кто находился в соседней комнате? Почему он ждал? Кого он увидит за этой дверью и что ему скажут?

Неслышными шагами, почти на цыпочках, он кружил по комнате. Потом остановился возле двери, прижался к ней спиной и, сдерживая ды-

хание, прислушался.

Теперь он различал слова:

— …это будет шоком.

Низкий хриплый голос произнес:

— Шок неизбежен. Как бы мы ни поступали, шок неизбежен. Какие бы мы ни выбирали слова, они все равно будут ранить.

Ему ответил тягучий голос:

— К несчастью, мы можем действовать только так. Жаль, что их невозможно оставлять в телах, данных им от рождения.

Затем снова раздался деловой, уверенный, отчетливо слышимый голос:

— Большинство андроидов реагирует неплохо. Стоит им узнать, кто они такие, как они быстро оправляются от шока. Мы должны им все объяснять. Кстати говоря, из всех троих он самый подходящий и может справиться с делом и в своем нынешнем теле.

— Мне кажется, — проговорил хриплый голос, — что мы поспешили с Виккерсом.

— Фландерс сказал, что это необходимо. Он считает, что только Виккерсу под силу обуздать Крофорда.

Раздался голос Фландерса:

— Уверен, что он справится. Он поздно взялся

за дело, но быстро пошел вперед. Мы не церемонились с ним. Вначале дал промашку клоп, он поймал его и начал размышлять. Затем мы организовали угрозу линчевания. Потом он нашел волчок, который мы подложили ему, и принялся все сопоставлять. Надо подтолкнуть его еще пару раз…

— А девушка, Фландерс? Как ее зовут?

— Энн Картер, — ответил Фландерс. — Мы ее тоже подтолкнули, но не так грубо, как Виккерса.

— Как они воспримут это, — спросил тягучий голос, — когда узнают, что они — андроиды?

Виккерс отшатнулся от двери и медленно побрел прочь, он шел на ощупь, ничего не видя, словно по темной, заставленной мебелью комнате.

Добравшись до двери в вестибюль, он вцепился в притолоку.

«Вещь, — подумал он. — Даже не человек».

— Будь ты проклят, Фландерс, — вырвалось у него.

И он, и Энн — вовсе не мутанты. Они не только не высшие существа, но и не люди. Андроиды!

«Надо удирать, — подумал он. — Удирать, скрыться. Уйти от всех, залечить раны, успокоить свой мозг и подумать, что делать дальше».

Следовало что-то предпринять. Оставить это так было невозможно. Надо подумать и найти ответный ход.

Он пересек вестибюль, приоткрыл парадную дверь и посмотрел, нет ли кого поблизости. Газон был пуст. Нигде никого.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь, спрыгнул с крыльца и кинулся бежать. С ходу перемахнул через ограду и бросился дальше.

Он не оглянулся, пока не достиг опушки, а обернувшись, увидел, что дом по-прежнему безмятежно и гордо высится на холме над долиной.

34

Итак, он оказался андроидом, искусственным человеком, с телом, созданным из горстки химических веществ силой разума и волшебством техники. Но этой силой и волшебством владели мутанты, ибо мозг обычного человека, уроженца его родной Земли, до этого еще не дорос. Мутанты способны были создать искусственного мужчину, наделив его всеми человеческими качествами. Или искусственную женщину, подобную Энн Картер.

Мутанты могли делать и андроидов, и роботов, и вечмобили, и вечные бритвенные лезвия, и многие другие вещи, стремясь подорвать экономику расы, из которой когда-то вышли сами. Они синтезировали углеводы для приготовления пищи, белки для производства тел своих андроидов, они умели путешествовать с одной Земли на другую, на любую из Земель, бегущих одна за другой по коридору времени. Они многое умели и делали. Ему даже трудно было себе представить, что они умели еще, как трудно было и предположить, что они замышляли или планировали.

— Вы — мутант, — сообщил ему Крофорд, —

недоразвитый мутант. Вы — один из них.

Крофорд считал, что имеет умную машину, которая может разобраться в том, что происходит в вашем мозгу, но машина оказалась глупой, ибо не смогла отличить настоящего человека от искусственного.

Не мутант, а мальчик на побегушках при мутантах. И не человек, а искусная копия.

А сколько их, во всем похожих на меня? Сколько таких созданий бродит по земле, выполняя приказы своих хозяев-мутантов? За сколькими следили и на скольких охотились люди Крофорда, не подозревая, что идут по следу искусственных созданий, а не самих мутантов? Вот где крылась разница между нормальным человеком и мутантом, обычный человек ошибался, принимая копию мутанта за самого мутанта.

Мутанты создавали человека, выпускали его на свободу, позволяли ему развиваться и прикрепляли к нему механического шпиона — маленькую искусственную мышь, которую они называли клопом и которую он разбил своим пресс-папье.

Иногда они подталкивали его, но зачем? Они подбивали жителей поселка учинить над ним суд Линча; они подложили ему волчок, чтобы он вспомнил о детстве; они позволили ему передви-

гаться в вечмобиле, хотя знали, что пользование им связано со смертельным риском.

А что случалось с андроидом после такого шока?

Что случалось с ними после выполнения возложенной на них миссии?

Он сказал Крофорду, что встретится с ним, когда узнает, что происходит. Теперь он кое-что узнал и это кое-что должно очень заинтересовать Крофорда.

Но еще существовало что-то, что будоражило его мозг и искало выхода. Он что-то знал, но не мог вспомнить, что именно.

Огибая громадные деревья и ступая по мягкому ковру из мха, прелых листьев и цветов, он пошел через лес. Здесь царила странная мирная тишина.

Следовало разыскать Энн Картер. Сообщить ей, что происходит, и тогда вдвоем они найдут выход.

Он остановился у подножия старого дуба и, глядя снизу на его крону, старался привести мысли в порядок.

Два момента казались ему главными.

Вернуться на родную Землю.

Отыскать Энн Картер.

35

Виккерс заметил человека лишь после того, как он заговорил.

— Доброе утро, незнакомец, — услышал Виккерс и обернулся.

Человек стоял в нескольких футах от него — высокий, крепко сложенный мужчина, одетый как фермер или рабочий, только на голове у него была маленькая кепочка с длинным блестящим козырьком и перышком. Несмотря на простоту одежды, в его облике не было ничего деревенского. Перед ним стоял уверенный в себе человек, напомнивший Виккерсу персонаж какой-то книги, но он не мог вспомнить какой.

На плече у человека висел колчан со стрелами, в руке он держал лук. На его поясе болтались два кролика, а на брючине виднелись следы крови.

— Доброе утро, — суховато ответил Виккерс.

В неожиданном появлении этого человека не было ничего приятного.

— Вы один из них? — спросил человек.

— Кого вы имеете в виду?

Человек весело ухмыльнулся.

— Один из тех, кто прибыл сюда по ошибке, —

пояснил он. — Прибыл и не знает, где очутился. Я часто спрашиваю себя, что с ними произошло бы, приземлись они до нашего появления здесь или в какой-то пустынной местности.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы знаете, где находитесь? — спросил человек.

— Я думаю, это вторая Земля, — ответил Виккерс.

Человек улыбнулся.

— Вы угадали, — признал он. — Вы сообразительнее других. Многие бродят вокруг, теряются и не верят, когда мы говорим, что они на Земле-2.

— Ясно, — сказал Виккерс. — Это — Земля-2? А Земля-3?

— Она подождет, пока не понадобится нам. Бесконечное множество миров ждет своего часа. Мы можем осваивать их поколение за поколением. Новая Земля для каждого нового поколения, если понадобится, но они говорят, что очередь других миров наступит еще не скоро.

— Они? — переспросил Виккерс. — Кто они?

— Мутанты, — ответил человек. — Те, что живут в Большом доме. Вы разве не видели Большой дом?

Виккерс из осторожности покачал головой.

— Вы, наверное, миновали его, перейдя через хребет. Большой кирпичный дом с белой оградой вокруг и постройками, похожими на амбары, хотя это вовсе не амбары.

— А что?

— Лаборатории, исследовательские лаборатории, — сказал человек. — А в некоторых помещениях слушают.

— А зачем слушать в помещениях? Мне кажется, слушать можно, где угодно.

— Они слушают звезды, — разъяснил человек.

— Они слушают… — начал Виккерс и тут же вспомнил Фландерса, который сидел в кресле-качалке на террасе его дома в Клиффвуде и рассуждал о громадных запасах знаний, накопленных в других звездных мирах, и о том, что необязательно туда лететь на ракетах, что звезд можно достигнуть силой разума и что эти знания можно использовать.

— Телепатия? — спросил Виккерс.

— Конечно, — сказал человек. — Ведь они слушают не сами звезды, а их обитателей. Вы когда-нибудь слышали о таком идиотском занятии, как слушать звезды?!

— Да, слыхал, — ответил Виккерс.

— Они заимствуют идеи у обитателей звезд.

Они не могут разговаривать с ними. Они только слушают. Узнают, о чем те думают, кое-что используют, но многое остается им непонятным. Если это не так, помогите мне разобраться, мистер…

— Меня зовут Виккерс, Джей Виккерс.

— Очень приятно, рад с вами познакомиться, мистер Виккерс. Мое имя — Эйза Эндрюс.

Он сделал шаг вперед и протянул руку. Виккерс взял ее и крепко по-дружески пожал.

Теперь он вспомнил, где читал о подобном человеке. Перед ним был настоящий американский первопроходец, вооруженный длинноствольным ружьем, который взялся за освоение охотничьих угодий Кентукки. Он чувствовал в нем твердость, независимость, доброе расположение духа и спокойную уверенность в себе. И здесь, в лесах Земли-2, появился новый тип первопроходца, сильного независимого человека, который мог стать другом.

— Это, наверное, те мутанты, которые сделали вечные бритвенные лезвия и прочие штуковины из магазинов новинок? — невинно спросил Виккерс.

— Вы быстро соображаете, — сказал Эндрюс. — Можете сходить через пару дней в Большой дом

и поговорить с ними.

Он переложил лук в другую руку.

— Послушайте, Виккерс, а вы там никого не оставили? Жену, детей?

— Нет, — ответил Виккерс. — Ни единой души.

— Отлично. Иначе бы мы сразу пошли в Большой дом и поговорили с ними, и они доставили бы сюда вашу жену и детишек. Жаль только, что обратной дороги нет, коли попал сюда. Правда, обратно возвращаться и незачем. Я не знаю никого, кто бы захотел вернуться.

Он осмотрел Виккерса с ног до головы и усмехнулся.

— Что-то вы выглядите худоватым, — сказал он. — Плохо питались?

— Рыбой и олениной. И ягодами.

— Хозяйка наготовила еды. Накормим вас до отвала, побреетесь, я велю детишкам нагреть воды, примете ванну, а потом поговорим. Нам многое надо обсудить.

Он пошел вперед, и Виккерс двинулся следом за ним через густые заросли.

Вскоре они оказались на зеленеющем кукурузном поле.

— Здесь я и живу, — сказал Эндрюс. — Вон там, у спуска в долину. Видите дымок.

— У вас отличная кукуруза, — заметил Виккерс.

— Уже на четверть выше колена. А дальше ферма Джека Смита. Если приглядеться, можно увидеть его дом. А там пониже хребта — поля Джона Симмонса. У нас есть и другие соседи, но отсюда их не видно.

Они миновали загородку из колючей проволоки и пошли по полю между рядами кукурузы.

— Здесь все иначе, — сказал Эндрюс, — чем на той Земле. Там я работал на фабрике, а жил в помещении, годном разве только для свиней. Потом фабрика закрылась, денег не стало. Я пошел к людям из «Углеводов» и получил у них продукты. Потом домохозяин выгнал нас на улицу, я пошел к этим участливым людям снова и рассказал, что случилось. Я не знал, чем они могут помочь, и, по правде говоря, не надеялся на их помощь, ведь они и так сделали больше, чем я просил. Но, кроме них, мне не к кому было обратиться. А дня через два пришел человек и рассказал нам про это место, правда, он не сказал, где оно находилось на самом деле. Он сказал, что знает место, где нужны поселенцы. Он сказал, что это новые, только открытые территории, и что земля там ничья и что мне помогут устроиться и вместо

крохотной квартирки в вонючем бараке у меня будет дом. И я сказал, что согласен. Они предупредили, что вернуться оттуда невозможно, а я спросил, какой сумасшедший захочет сюда возвращаться. Я сказал, что мы поедем куда угодно, и вот мы тут.

— Вы ни о чем не жалеете? — спросил Виккерс.

— Это было, — ответил Эндрюс, — самым счастливым событием в нашей жизни. Чистый воздух для детишек, полно еды и места, где жить, и никаких домовладельцев. Никаких долгов и никаких налогов. Совсем как в исторических книгах.

— Исторических книгах?

— Вы должны знать. Про открытие Америки и первопроходцев. Пожалуйста, бери землю. Сколько хочешь. На всех хватит, а уж какая она плодородная — бросишь горсть зерен — и на тебе урожай. Земля для полей, лес для костра и для строительства, а когда пойдешь вечером прогуляться, глянешь на небо, оно чистое-чистое, и звезды сверкают, и воздух такой свежий, что обжигает ноздри.

Эндрюс повернулся и взглянул на Виккерса блестящими глазами.

— Это самое счастливое, что было у меня в жизни, — повторил он, словно боясь, что Виккерс

будет возражать.

— А мутанты? — спросил Виккерс. — Они вам не надоедают? Не командуют вами?

— Они только помогают. Одного робота присылают, чтобы помочь в работе, а другой робот ходит к нам девять месяцев в году и учит детишек. Робот-учитель для каждой семьи. Что вы на это скажете? Свой собственный учитель, совсем как семейный воспитатель у богачей на той Земле.

— А они вас не раздражают? Вы не чувствуете, что они выше вас по развитию? Вы не испытываете к ним ненависти за то, что они умнее вас?

— Сэр, — сказал Эндрюс, — не дай бог кто-нибудь из наших услышит ваши слова. Вам не поздоровится. Когда мы попали сюда, они нам все объяснили. Они изложили нам свою док… доктор…

— Доктрину.

— Вот-вот. Они объяснили, как обстоят дела. Они изложили нам правила, их не так много.

— В частности, не иметь огнестрельного оружия, — сказал Виккерс.

— Это одно из правил, — согласился Эндрюс. — А откуда вы знаете?

— Вы охотились с луком.

— А если вы не поладите с кем-то или поссори-

тесь, вы идете в Большой дом и они разрешают ваши разногласия. Если вы заболеете, вы сообщаете им, и они присылают доктора и все, что нужно. Большинство правил вам только на пользу!

— А как обстоят дела с работой?

— Работой?

— Вы должны зарабатывать деньги?

— Пока нет, — сказал Эндрюс. — Мутанты дают нам все, в чем мы нуждаемся. Мы только должны обрабатывать землю, чтобы иметь пищу. Они называют это… сейчас припомню это слово, да, пасторально-феодальным периодом. Вы когда-нибудь слыхали такое слово?

— Но у них есть заводы, — настаивал Виккерс, не обращая внимания на вопрос. — Там, где производят вечные лезвия и прочие вещи. Им нужны люди для работы там?

— Они используют роботов. Недавно они начали делать машины — вечные автомобили. Тут есть один завод. Но все делают роботы. Вы знаете, что такое робот?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Еще один вопрос. А как обстоят дела с аборигенами?

— Аборигенами?

— Ну, жителями этой Земли. Если они есть.

— Здесь никого нет, — сказал Эндрюс.

— Но ведь во всем остальном эта Земля похожа на другую Землю, — настаивал Виккерс. — Деревья, реки, животные…

— Нет, здесь нет аборигенов, — убеждал Эндрюс. — Ни индейцев, ни других.

«Вот где, — подумал Виккерс, — кроется отличие этой Земли». Маленькая деталь, которая коренным образом меняет все. Когда-то произошло нечто, что помешало дальнейшему росту человека, какой-то незначительный инцидент. Просто не блеснула очередная искорка разума. А потом здесь никто не высекал искры из камня, не обращал этот камень в орудие, ни в одной грубой душе не зажглось яркой радости, радости, которая спустя некоторое время превратилась в песню, или в картину, или в роман, или в поэму…

— Вот мы и дома, — сказал Эндрюс.

Они миновали изгородь и пересекли лужайку перед домом.

Их встретил веселый гомон, и полдюжины ребятишек скатилось с холма вместе со стаей лающих собак. В дверях бревенчатого дома показалась женщина и посмотрела в их сторону, рукой прикрыв глаза от солнца. Она приветливо

помахала им, Эндрюс тоже махнул в ответ, и тут их окружила стайка галдящих ребят и лающих собак.

36

Его разместили на чердаке над кухней. Он лежал нагишом в постели и слушал, как от ветра погромыхивает кровля над головой. Повернувшись, почувствовал, как шуршит кукурузная шелуха в матрасе, и уткнулся лицом в подушку, набитую гусиным пухом.

Он наслаждался чистотой своего тела. На очаге во дворе ему согрели воды, и он долго плескался в лохани позади дома. Он отмокал в горячей воде и яростно намыливал тело, слушая Эндрюса, который сидел рядом на бревне. Во дворе играли ребятишки, а псы спали, растянувшись на солнце и время от времени подергиваясь, чтобы отогнать назойливых мух.

Он хорошо поел. Даже дважды, вкус такой пищи он позабыл за время скитаний. Он ел кукурузный хлеб, и сорго, и нежных кроликов, поджаренных в сметане с молодым картофелем и овощами на дымящейся сковороде, и кресс-салат, сорванный рядом с домом, а на ужин ему дали свежие, только что снесенные яйца.

Эндрюс обкорнал ему ножницами бороду, потом он брился в окружении глазеющих на него

ребятишек.

В сумерках они с Эндрюсом сидели на ступеньках, тихо беседуя, и Эндрюс сказал, что знает хорошее место для постройки дома — славное место на противоположном склоне холма с источником и ровной площадкой у излучины ручья, годной для поля. Там был лес для постройки дома — высокие стройные деревья, и Эндрюс сказал, что поможет срубить их. А когда бревна будут обтесаны, соседи помогут поставить дом. Джек наварит кукурузы, Джон принесет свою скрипку, и они весело отпразднуют новоселье. А если соседи не справятся с работой, то можно обратиться за помощью в Большой дом, и мутанты пришлют роботов. Но Эндрюс считал, что их помощь не понадобится. Он сказал, что соседи приятные люди и всегда готовы помочь и рады прибытию новых семей.

А когда дом будет выстроен, говорил Эндрюс, Виккерс может познакомиться с дочерьми Симмонса и выбрать какую-то из них: девушки — одна лучше другой. Эндрюс толкнул Виккерса локтем в бок и заговорщически расхохотался, а Джин, жена Эндрюса, которая на минуту присела рядом с ним, смущенно улыбнулась и снова отправилась к детям.

После ужина Эндрюс с гордостью показал ему книги, стоящие на полках в гостиной, и сказал, что читает их, хотя раньше никогда не читал, потому что не было ни желания, ни времени. Виккерс нашел среди авторов Гомера и Шекспира, Монтеня и Джейн Остин, Торо и Стейнбека.

— Вы на самом деле читаете все это? — спросил Виккерс.

Эндрюс утвердительно кивнул.

— Читаю, и многие книги мне нравятся. Иногда туговато идет, но я продолжаю читать. Джин предпочитает Остин.

— Нам здесь хорошо, — продолжал Эндрюс. — Мы никогда так не жили. — Джин улыбкой подтвердила его слова.

«Да, жить здесь здорово», — признал про себя Виккерс. Идеализированная и воспетая в книгах жизнь американских первопроходцев со всеми ее преимуществами, но без опасностей и трудностей. Здесь процветал своего рода феодализм, и Большой дом, словно замок, с отеческой заботой опекал окрестные земли, которые кормили нашедших здесь счастье переселенцев. Самое время и ему передохнуть и набраться сил. Здесь царил мир. Никто не говорит о войне, чтобы ее начать или предотвратить.

Как сказал Эндрюс, пасторально-феодальная стадия. А какая стадия наступит за ней? Пасторально-феодальная стадия — пауза для отдыха и раздумий, для приведения в порядок мыслей, для возобновления связи человека с землей, период подготовки к развитию цивилизации, которая была бы совершеннее предыдущей.

Они находились на одной из многих земель. А сколько их следовало друг за другом? Тысячи, миллионы? И все они были открыты для людей.

Замысел мутантов показался ему ясным, как на ладони, во всей своей простоте и жестокости. И он вполне мог удасться.

На одной Земле все складывалось неудачно. Где-то на долгом пути своего развития человек свернул в сторону и пошел по неверному пути. Он был наделен и умом, и талантом, и добротой, но ум и талант обратились в свою противоположность, а доброта — в эгоизм.

Эти славные люди заслуживали спасения. Но спасти их можно было, вырвав из привычного окружения, нарушив сложившиеся связи и представления. Не существовало иного пути покончить с ненавистью, завистью и злом, укоренившимися в сознании за многие поколения.

И сделать это можно было, разрушив мир, в

котором они жили. Но взамен следовало создать лучший мир.

Для осуществления этой идеи необходима была четкая программа, план действий.

Первым делом следовало разрушить экономическую основу. И ее решили разрушить с помощью вечмобилей, вечных лезвий и синтетических углеводов. Достигнуть уничтожения промышленности решили, пустив в производство и выбросив на рынок предметы, которые невозможно воспроизвести и с которыми нельзя конкурировать. А стоило разрушить промышленность, как война становилась почти невозможной и цель оказывалась наполовину достигнутой. Правда, это было сопряжено с чудовищной безработицей. И людей кормили синтетическими углеводами и завлекали на другие Земли. Не хватит места на Земле-2, можно использовать Землю-3, а может, и Землю-4, чтобы никто никому не мешал. На новых Землях все начинали сначала и можно было избежать ошибок и предотвратить опасности, которые в течение веков вели к кровопролитиям на старой Земле.

На новых Землях становились возможными любые формы цивилизации. Можно было экспериментировать, создавая одну цивилизацию на

Земле-2, несколько отличную от нее — на Земле-3, совсем иную — на Земле-4. Столетия спустя, сравнив эти цивилизации, обработав все данные и выделив каждую ошибку, можно было внести поправки. Так со временем удастся подойти к наилучшей форме.

На Земле-2 первым шагом стала пасторально-феодальная цивилизация. Здесь создали место для передышки, место для воспитания и размышлений. Кое-что изменится или будет изменено. Сыновья человека, под чьей крышей он нашел приют, построят себе лучший дом и, наверное, пожелают, чтобы их поля обрабатывали роботы, они оставят себе больше досуга, а народ, у которого есть досуг, энергия которого направляется добрыми намерениями, может построить рай и на одной Земле и на многих Землях.

В газетной статье, которую он прочел однажды утром, — неужели это случилось всего несколько дней назад? — говорилось, что власти обеспокоены массовым исчезновением людей. Автор ее писал, что бесследно исчезают целые семьи. Единственное, что между ними было общего — это крайняя бедность. И именно их, самых обездоленных людей, лишенных крова, работы, нередко больных, в первую очередь переселя-

ли на новые Земли, следующие за неуютной Землей.

А те, кто останется на старой Земле, освободившись от нежелательного соседства, найдут свой путь и тоже построят лучшую жизнь.

«Прекрасную, — подумал он. — Прекрасную, но как быть с андроидами? Однако начнем сначала».

Мутанты были всегда. Не будь их, человек навсегда остался бы маленьким пугливым животным, скрывающимся в джунглях, лазающим по деревьям, животным трусоватым и незаметным.

В результате мутации на передних конечностях появился большой палец, который противостоял остальным пальцам. В результате мутаций маленький мозг стал сообразительнее. Одна мутация позволила овладеть огнем. Другая — привела к изобретению колеса. Третья — к луку и стрелам. И так от тысячелетия к тысячелетию. От мутации к мутации росла лестница, по которой взбиралось человечество.

Но существо, которое покорило огонь, не знало, что оно мутант. Не знали этого и изобретатель колеса и первый лучник.

Во все века существовали мутанты, которые

и не подозревали о своих отличиях от остальных, — люди, которым все удавалось лучше, чем другим: великие дельцы, великие государственные деятели, великие писатели, великие художники, они стояли настолько выше других, что на общем фоне казались гигантами.

Может, и не все они, но большинство из них были мутантами. А их превосходство по сравнению с возможностями сводилось к минимуму, так как они ограничивали себя, приспосабливаясь к социальному и экономическому уровню обычных людей. Их способность приспосабливаться и казаться меньше, чем есть на самом деле, также говорила об их превосходстве. И хотя успехи этих людей по меркам обычного человека были велики, превосходство это не было всепобеждающим: они не могли обнаружить своего истинного состояния, так как не были бы поняты.

А вдруг человек осознаёт, что он мутант, и получает неоспоримое свидетельство этого, что происходит тогда?

Предположим, человек обнаруживает в себе способность читать мысли разумных существ, населяющих планеты иных Солнечных систем. Такая способность явится бесспорным доказательством мутации. Если, общаясь со звездами,

человек почерпнет какую-то ценную информацию, к примеру, принцип действия машины, работающей без трения, он больше уже не сможет жить по-старому, оставаясь на своем прежнем месте. Осознав свою сущность, он почувствует необходимость идти своим непроторенным путем.

Или, допустим, человека приведет в ужас услышанное на звездах. И вот, ощутив свое одиночество, такой человек испытывает необходимость поделиться полученной информацией, почерпнутой в глубинах пространства. Он приступит к поискам подобных себе мутантов, которые смогут его понять. Это непросто, но он находит их. Сначала одного, а потом и других. Пусть не все они могут «беседовать» со звездами, но у них есть иные таланты. Одни окажутся «богами» в электронике, другие постигнут смысл странной связи времени и пространства, допускающей наличие многих миров, следующих один за другим бесконечной и чудесной чередой.

И среди них окажутся женщины. Сообщество мутантов станет расти за счет рождения детей с закрепленными свойствами родителей, так что через несколько десятилетий уже сотни неординарных людей поставят свои способности на

службу общему делу.

Используя информацию со звезд и собственные таланты, они смогут получить средства для продолжения своих работ. Сколько используемых повседневно товаров создано расой мутантов на сегодняшний день?

Со временем организация мутантов разрастется, их деятельность станет заметной, и им придется искать надежное убежище, чтобы успешно продолжать свою работу. А что может быть надежнее, чем другой мир?

Лежа на матрасе из кукурузной шелухи и уставясь в темноту, Виккерс восхищался силой своего воображения, хотя, строго говоря, это нельзя было назвать воображением, это было что-то, что он уже знал прежде. Но откуда он мог это знать?

Быть может, секрет крылся в особенности его мозга андроида? Или он узнал все это в какой-то период жизни и напрочь забыл, как забыл свое путешествие восьмилетним мальчишкой в сказочную звездную страну? А может, он обладал наследственной памятью, переходящей к ребенку от родителей подобно инстинкту. Но ведь у андроида не могло быть родителей.

У него не было родителей, он не принадлежал к какой-либо человеческой расе, будучи лишь

карикатурой на человека, созданной для определенной цели, которой он пока не знал.

Какую миссию могли возложить на него мутанты? Какие способности использовать?

Он был уязвлен — употребить его для выполнения неизвестных ему задач. И Энн служила для каких-то целей, о которых и не подозревала.

За производством вечмобилей, вечных лезвий, синтетических углеводов крылись грандиозные цели. В планы мутантов входило спасение и новое становление сообщества людей, идущих по неверному пути. Они стремились создать мир или миры, где война не только будет объявлена вне закона, но и станет попросту невозможной, где не будет места страху и неуверенности в завтрашнем дне.

Но какова роль, которую предназначили в этой программе ему, Джею Виккерсу?

В доме, где его приютили, закладывались основы, может, несколько примитивные, этой программы. Через два-три поколения потомки этой семьи созреют для машин и прогресса, достойных человека.

Мутанты отнимут у человечества опасные игрушки и припрячут их, пока его дети не станут настолько мудрыми, чтобы не поранить ими

себя или соседа. Они отнимут у малыша игрушки подростка, которые в младенческих руках могут причинить зло, а когда ребенок повзрослеет, они вернут ему эти игрушки, наверняка улучшив их.

И будущая цивилизация, направляемая мутантами, уже не будет механистической цивилизацией, это будет цивилизация, построенная на иных социальных и экономических основах, на духовном и художественном началах, и в ней найдется место для машин. Мутанты поддержат пошатнувшегося человека, вернут ему давно утерянное равновесие, и годы, потраченные на эту переделку, не пропадут даром, они сторицей окупятся будущим человечества.

А если это только мечты, ничего не значащий сон наяву? Куда важнее теперь то, что совершит он, андроид по имени Джей Виккерс.

Но, прежде чем что-то предпринять, следовало лучше понять происходящее, располагая фактами. Ему нужна была информация, но он не получит ее, если останется на чердаке в доме новых первопроходцев, где так хорошо отдыхать на матрасе из кукурузной шелухи.

Он мог получить нужную информацию лишь в одном месте.

Он бесшумно встал с постели и в темноте стал

на ощупь искать свои лохмотья.

37

Дом стоял с темными окнами, залитый лунным светом, и на его фасаде чернели тени деревьев. Виккерс замер перед калиткой, стараясь вспомнить, как здесь все выглядело тогда. Он вспоминал, как свет луны оттенял белизну колонн, придавая им призрачную красоту, какие слова они говорили друг другу…

Но все умерло и было погребено — осталась лишь горечь сознания, что он только жалкое подобие человека.

Он открыл калитку, прошел по аллее и поднялся по ступеням. Шаги его были так звонки в этой тишине лунной ночи, что, казалось, их слышит весь дом.

Он нашел кнопку звонка, нажал ее указательным пальцем и застыл в ожидании, как в прошлый раз. Но теперь он не ждал Кэтлин, которая бы распахнула дверь ему навстречу.

В холле блеснул свет, и через стекло он увидел человекоподобное создание, которое направлялось к нему. Дверь открылась, он вошел, и поблескивающий робот, неловко склонившись перед ним, произнес:

— Добрый вечер, сэр.

— Вы Айзекайя? — спросил Виккерс.

— Айзекайя, сэр, — подтвердил робот. — Вы видели меня утром.

— Я гулял, — сказал Виккерс.

— Если желаете, я покажу вам вашу комнату.

Робот повернулся и стал подниматься по винтовой лестнице. Виккерс последовал за ним.

— Превосходная ночь, сэр, — произнес робот.

— Да, чудная.

— Вы голодны, сэр?

— Нет, спасибо.

— Я могу принести вам поесть, если вы не ели, — предложил Айзекайя. — Кажется, еще осталась курица.

— Нет, — сказал Виккерс. — Спасибо.

Айзекайя открыл дверь и включил свет, затем отошел в сторону и пригласил Виккерса войти.

— Быть может, — спросил Айзекайя, — вы хотите пить?

— Чудесная мысль, Айзекайя. Шотландского виски, если можно.

— Минуточку, сэр. Пижамы лежат в третьем ящике сверху. Может, они великоваты, но вам подойдут.

Он нашел почти новые пижамы, уродливые и

слишком просторные, но это было лучше, чем ничего.

В уютной комнате стояла широкая кровать, покрытая белым стеганым покрывалом, а на окнах висели белые занавески, колыхавшиеся от ночного ветерка. Он уселся на стул в ожидании Айзекайи и впервые за много дней ощутил усталость. Сейчас он выпьет виски, заберется в постель, а утром шумно сойдет вниз и потребует объяснений.

Дверь открылась.

Но это был не Айзекайя, вошел Гортон Фландерс в малиновом халате и шлепанцах, которые хлопали при каждом его шаге. Он пересек комнату, сел на второй стул и посмотрел на Виккерса с легкой улыбкой.

— Итак, вы вернулись, — начал он.

— Я вернулся, чтобы выслушать вас, — произнес Виккерс. — Можете начинать.

— Почему бы и нет, — согласился Фландерс. — Ради этого я и встал. Как только Айзекайя сообщил мне о вашем возвращении, я понял, что вы хотите поговорить со мной.

— Я не хочу говорить. Я хочу выслушать вас.

— О да, конечно. Говорить действительно должен я.

— И не о запасах знаний на иных мирах, которые вы столь красочно живописали, а о гораздо более земных делах.

— О чем, к примеру?

— К примеру, о том, что я — андроид, как и Энн Картер. О том, кто такая Кэтлин Престон. Существует ли она в действительности или только в моей памяти? Если существует на самом деле, где она сейчас? И наконец, о моей роли во всей этой истории и о ваших намерениях.

Фландерс кивнул.

— Неплохо. Вы умудрились задать именно те вопросы, ответ на которые не принесет вам удовлетворения.

— Должен вам сообщить, — сказал Виккерс, — что на той Земле на мутантов ведется охота, их убивают, магазины технических новинок разбиты и разграблены, обычные люди готовы к борьбе. Я явился сюда, считая, что я — мутант.

— Вы и являетесь мутантом, уверяю вас, Виккерс, особый тип мутанта.

— Мутант-андроид.

— Вы невозможны, — сказал Фландерс. — Отбросьте горечь…

— Да, конечно, я испытываю горечь, — перебил Виккерс. — А как же иначе? Сорок лет я считал се-

бя человеком и вдруг узнаю, что не являюсь им.

— Глупец, — сказал Гортон Фландерс, — вы сами не знаете, кто вы.

Айзекайя, постучав в дверь, вошел с подносом в руках. Он поставил поднос с двумя стаканами содовой, кубиками льда и пинтой виски на стол.

— А теперь, — продолжил Фландерс более высоким голосом, — мы можем поговорить как разумные существа. Не знаю, чем это объяснить, но человек становится более цивилизованным, как только берет в руки стакан.

Он сунул руку в карман халата, достал пачку сигарет и предложил Виккерсу. Виккерс протянул руку за сигаретой и обратил внимание, что у него дрожат пальцы. До сих пор он не замечал, в каком напряжении находится.

Фландерс щелкнул зажигалкой и дал ему прикурить. Виккерс затянулся.

— Хорошо, — произнес он. — Сигареты кончились у меня на четвертый день.

Он курил, наслаждаясь ароматом табака и ощущая, как спадает нервное возбуждение, и смотрел на готовящего напитки Айзекайю.

— Я слышал ваш утренний разговор, — сказал Виккерс. — Айзекайя впустил меня, и я был свидетелем вашей беседы в соседней комнате.

— Знаю, — сказал Фландерс.

— Так все это было разыграно?

— Абсолютно все, — весело подтвердил Фландерс. — Каждое ранящее слово.

— Вы хотели дать мне понять, что я андроид?

— Именно так.

— И мышь вы подослали?

— Мы решили вывести вас из состояния равновесия, — сказал Фландерс. — А мышь выполняла определенную задачу.

— Она шпионила за мной?

— Еще как. Мышь оказалась превосходным шпионом.

— Меня безмерно возмутило, что вы внушили жителям Клиффвуда, будто я — виновник вашей смерти.

— Следовало вынудить вас уехать оттуда и вернуться в страну вашего детства.

— А откуда вы могли знать, что я поеду туда?

— Друг мой, вы когда-нибудь задумывались о способности предчувствия? Я не говорю о предчувствии, которое позволяет вам сделать верную ставку на бегах или угадать погоду назавтра. Нет, я говорю о предчувствии в полном смысле этого слова. Я говорю о способности интуитивно предвидеть результат воздействия ряда факто-

ров, о способности точно знать, что произойдет, не размышляя о связи этих факторов между собой. Такая способность равнозначна чтению будущего.

— Конечно. Я не мог не задумываться над этим. Особенно в последнее время.

— И сделали выводы?

— Кое-какие. Но…

— Вы, наверное, сочли подобную способность обычным человеческим свойством, не получившим должного развития. Вы решили, что мы подозревали о его существовании, но его развитие происходит очень медленно и оно находится в резерве, ожидая своего времени.

— Примерно так, но…

— Именно теперь оно нам понадобилось, — прервал его Фландерс. — Таков ответ на ваш вопрос. У нас было предчувствие, что вы туда направитесь.

— Вначале я подозревал Крофорда, но оказалось, что он здесь ни при чем.

Фландерс утвердительно кивнул головой.

— Крофорд не мог этого сделать. Он слишком нуждается в вас и потому не стал бы вас запугивать. Здесь ваше предчувствие вас подвело.

— Боюсь, что нет.

— Ваши предчувствия не эффективны, — сказал Фландерс, — потому что вы не верите в них. Вы пока остаетесь в мире логики и доверяете логическим рассуждениям, которые были характерны еще для пещерного человека. Рассматривать проблему под всеми углами зрения, взвешивать все за и против, словно решается арифметическая задача. Вы не верите вашим предчувствиям, и в этом кроется ваша ошибка.

«Да, именно в этом», — подумал Виккерс. У него было предчувствие, что волчок следует запустить на террасе дома Престонов. Тогда ему не пришлось бы долгие дни идти через пустынную страну второго мира. У него было предчувствие, что он должен прислушаться к совету Крофорда не трогать вечмобиль. Тогда он избавил бы себя от многих неприятностей. Но, когда у него появилось предчувствие, что он должен отыскать волчок, он тут же бросился на его поиски.

— Как много вы знаете? — спросил Фландерс.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Немного, — признался он. — Я знаю, что существует организация мутантов. Что она действует несколько лет и что человечество отклонилось от привычного пути, как вы говорили мне однажды вечером в Клиффвуде. Организация ушла в под-

полье, на эти миры, потому что ее деятельность приняла широкий размах и стала привлекать внимание. У вас есть заводы, которые производят товары, подрывающие экономику старого мира. Я видел один из них. Там трудятся роботы. Скажите, а на самом деле только роботы?

Фландерс засмеялся.

— Конечно. Мы лишь говорим им, что нам надо.

— А потом эта история со слушанием звезд.

— Мы почерпнули у тамошних обитателей много хороших идей, — сказал Фландерс. — Но не все из нас способны слушать звезды. Только некоторые — это врожденный талант, телепатия. И как я говорил вам в тот вечер, не все можно использовать. Иногда мы имеем только отправную точку и все разрабатываем сами.

— А каковы ваши цели? Что вы намерены сделать?

— Этого я вам сказать не могу. Все время открывается масса новых возможностей, появляются новые направления. Мы так близки ко многим великим открытиям. К примеру, бессмертие. Один из слушающих…

— Вы имеете в виду, — перебил Виккерс, — вечную жизнь?

— Почему бы и нет?

«И в самом деле, — подумал Виккерс, — почему бы и нет? Если у вас есть вечные лезвия и вечные лампочки, почему бы и не иметь вечной жизни? Зачем останавливаться на полпути?»

— А андроиды? — спросил он. — Какова роль андроидов вроде меня? Ведь роль андроида не может быть столь ответственной?

— Для андроидов есть свое поле деятельности, — сказал Фландерс. — В частности, ваша работа — Крофорд.

— Что я должен сделать с Крофордом?

— Остановить его.

Виккерс рассмеялся.

— Я? Вы знаете, что стоит за его плечами?

— Я знаю, что стоит за вашими.

— Просветите меня.

— Предчувствие, развитое в самой высшей степени. Такой остроты предчувствия нет ни у одного человеческого существа. У вас выше всего развитое и менее всего используемое предчувствие.

— Подождите. Вы забываете, что я не человек.

— Вы были им, — сказал Фландерс. — И снова станете. Когда мы взяли вашу жизнь…

— Как взяли мою жизнь?

— Содержимое вашей жизни, — разъяснил Фландерс, — то, что называется душой, мысли, впечатления, реакции, которые присущи Джею Виккерсу, подлинному Джею Виккерсу в возрасте восемнадцати лет. Мы как бы перелили содержимое из одного сосуда в другой. Мы переместили вас из вашего тела в тело андроида, а ваше настоящее тело храним до того времени, когда вы сможете вернуться в него.

Виккерс чуть не вскочил со стула.

Фландерс успокоил его движением руки.

— Сидите. Вы спросите, зачем мы это сделали?

— А вы мне ответите, — сказал Виккерс.

— Конечно, отвечу. Когда вам было восемнадцать лет, вы не подозревали о своем даре. И мы не в силах были на это повлиять. Если бы мы сказали вам об этом, это ничего бы не дало, вам следовало осознать себя самостоятельно. Мы считали, что процесс займет пятнадцать лет, он затянулся за двадцать, а вы все еще окончательно не пробудились.

— Я мог бы…

— Да, — сказал Фландерс, — вы могли бы расти в вашем собственном теле, но существовал еще один фактор — наследственная память. В ваших генах запечатлена еще одна мутация, встреча-

ющаяся столь же редко, как и телепатия. Нам хотелось, чтобы к моменту появления у Виккерса детей, он полностью осознал, что собой представляет и каким даром наделен.

Виккерс вспомнил, как задумался о возможностях наследственной памяти, когда лежал на чердаке дома Эндрюса. Наследственная память, память, переходящая от отца к сыну. Теперь он понял ее механизм. Когда он стал взрослым и — он не мог подыскать более верного слова — пробудился, наступил момент узнать или вспомнить о ней.

— Итак, — сказал Виккерс, — вы хотите использовать этот мой дар против Крофорда, хотите, чтобы у меня появились дети, наделенные тем же даром.

Фландерс утвердительно кивнул.

— Думаю, мы поняли друг друга.

— Да, — согласился Виккерс. — Прежде всего я должен остановить Крофорда. Это нелегкая задача. А какова будет плата?

— Нам есть чем отплатить вам, — сказал Фландерс. — И думаю, форма оплаты заинтересует вас. Вы спрашивали о Кэтлин Престон. Вас интересовало, существовала ли она, и я могу вам ответить, что существовала. Кстати, сколько вам было лет,

когда вы с ней познакомились?

— Восемнадцать.

Фландерс кивнул.

— Прекрасный возраст. — Он глянул на Виккерса. — Не так ли?

— Нам тоже так казалось.

— Вы любили ее, — сказал Фландерс.

— Да, любил.

— И она любила вас?

— Думаю, любила, — сказал Виккерс. — Я не уверен в этом сейчас. Но думаю, что любила.

— Вы можете удостовериться в этом.

— Вы хотите сказать, что она здесь?

— Нет, — ответил Фландерс, — здесь ее нет.

— Но вы…

— Когда вы выполните работу, вы сможете вернуться в свое восемнадцатилетие.

— Такова ваша плата? Значит, вернуться в свое тело и начать все сначала. Снова стать восемнадцатилетним…

— Это вас не привлекает?

— Думаю, да, — сказал Виккерс. — Поймите, Фландерс, мечты восемнадцатилетнего юноши растаяли. Они были убиты в теле сорокалетнего андроида. Иметь физически восемнадцать лет еще не все. Грядущие годы и то, что они обещают,

и мечты, и любовь, которые идут рядом с тобой по веснам жизни.

— Восемнадцать лет, — напомнил Фландерс. — Восемнадцать лет и надежда на бессмертие, и семнадцатилетняя Кэтлин.

— Кэтлин?

Фландерс кивнул.

— Так же как и прежде? — усомнился Виккерс. — Но так не может быть, Фландерс. Я чувствую фальшь. Ведь что-то исчезло, улетучилось.

— Все будет точно так же, — уверенно сказал Фландерс. — Словно и не было всех этих лет.

38

Все-таки он был мутантом, только в облике андроида, и, как только ему удастся остановить Крофорда, он снова превратится в восемнадцатилетнего мутанта, влюбленного в семнадцатилетнюю мутантку, и у них будет надежда, что бессмертие станет явью при их жизни. А если так произойдет, то они с Кэтлин смогут вечно совершать прогулки по заветной долине и у них родятся дети-мутанты, наделенные исключительным даром предвидения, и все они проживут такую жизнь, какой могли бы позавидовать все языческие боги старой Земли.

Он откинул одеяло, вылез из постели и подошел к окну. Застыв у окна, он смотрел на залитую лунным светом долину, по которой когда-то гулял, и видел пустынное место, которое навсегда останется пустынным, что бы ни произошло.

Более двадцати лет он лелеял мечту, и вот, когда она почти стала явью, понял, как она потускнела с годами: невозможно вернуться в тот день 1956 года, человек не в силах вернуть ушедшее.

Нельзя стереть прожитые годы, их нельзя собрать, сложить в уголок, оставить там и уйти. Их

можно упрятать в глубины памяти и забыть там, но наступит день и воспоминания вернутся. И тогда вам станет ясно, что вы прожили не одну, а две жизни.

Это и тревожило — ведь прошлое забыть нельзя.

Скрипнула дверь, и Виккерс обернулся.

В дверях стоял Айзекайя, его металлопластиковая кожа блестела на свету, проникавшем из коридора.

— Не спится? — спросил он. — Могу вам помочь. Принесу снотворное или…

— Вы действительно можете помочь, — сказал Виккерс. — Я хочу заглянуть в дело.

— Дело, сэр?

— Да, дело. Дело моей семьи. Оно должно быть где-то здесь.

— В архиве, сэр. Я могу его принести. Подождите немного.

— А также дело Престонов, — добавил Виккерс. — Дело семьи Престонов.

— Хорошо, сэр, — сказал Айзекайя. — Подождите.

Виккерс включил свет у изголовья кровати и присел на край постели. Теперь он знал, что делать.

Заветная долина оказалась пустыней. Лунные тени на белизне колонн были мертвым воспоминанием. А аромат роз давно ушедшей ночи унесли ветры пролетевших лет.

«Энн, — сказал он сам себе. — Я веду себя по отношению к тебе как дурак».

— Как ты считаешь, Энн? — спросил он вполголоса. — Мы ругались и ссорились и хоронили нашу любовь под этой пикировкой, и если бы не мои мечты о долине, мечты, которые с каждым годом становились все призрачнее, хотя я не знал этого, мы бы давно поняли, как обстоят дела.

«Они забрали у нас обоих, — думал он, — врожденное право прожить нашу собственную жизнь в наших подлинных телах, данных нам при появлении на свет. Они превратили нас в подобие мужчины и женщины, и мы шли по жизни, словно тени, бегущие по стене. А теперь они хотят отнять у нас право на смерть и сознание выполненного долга. И мы должны прожить лживую жизнь — я как андроид, наделенный жизненной силой человека, который вовсе не является мной, и Энн тоже».

— Порвать с ними, — сказал он. — Порвать со всеми их двойными жизнями и состоянием искусственного существа.

Он вернется на ту Землю. Разыщет Энн Картер, скажет, что любит ее, любит не призрачной любовью при лунном свете и аромате роз, а настоящей любовью мужчины, утратившего пыл юности. Они уедут вместе и проживут свою собственную жизнь — он будет писать книги, а она — ходить на службу, и они постараются, насколько возможно, забыть, что они мутанты.

Он прислушался к шорохам дома, тихим шорохам ночного дома, которые не слышны днем, когда он наполнен человеческими голосами, и подумал, что при желании этот язык дома можно понять. Дом расскажет вам все, что вы хотите знать — какое было выражение лица у кого-то и как было произнесено то или иное слово, и все, что мог сделать или о чем мог думать человек, находящийся наедине с самим собой.

В деле он не найдет всего, что хотел бы узнать, там не окажется всей правды, которую он ищет, но там будут сведения о нем и о бедном фермере и его жене, которые были его отцом и матерью.

Дверь открылась и появился Айзекайя с папкой под мышкой. Он протянул папку Виккерсу и в ожидании застыл у стены.

Дрожащими пальцами Виккерс открыл папку и на первой же странице увидел:

Виккерс Джей, род. 5 авг. 1937 г., п. ж. 20 июня 1956 г., д. п., в., н. п., скр.

Он не улавливал смысл написанного.

— Айзекайя.

— Да, сэр.

— Что все это значит?

— О чем вы говорите, сэр?

— Вот эти обозначения, — Виккерс ткнул пальцем, — п. ж. и так далее.

Айзекайя наклонился и прочел.

— Джей Виккерс, родился 5 августа 1937 года, перемещение жизни 20 июня 1956 года, дар предвидения, ощущение времени, наследственная память, скрытая мутация. Все это означает, что вы еще не пробудились.

Виккерс глянул ниже — там были имена, вклейка о браке, в результате которого он родился.

Чарльз Виккерс, род. 10 янв. 1907 г., конт. 8 авг. 1928 г., пр., в., эл., н. п., пр. ж. 6 февр. 1961 г.

И ниже:

Сара Грэхем, род. 16 апр. 1910 г., конт. 12 сент. 1927 г., пр., ук. об., в., н. п., пр. ж. 9 марта 1960 г.

Его родители. Он попытался расшифровать:

— Чарльз Виккерс, родился 10 января 1907 года,

контужен, нет, тут что-то другое…

— Контакт установлен, сэр, — подсказал Айзекайя.

— Контакт установлен 8 августа 1928 года, пробужденный, в., эл., что это означает?

— Ощущение времени и электроника, сэр, — сказал Айзекайя.

— Ощущение времени?

— Ощущение времени, сэр. Другие миры. Все заключено во времени, вам это известно?

— Нет, я этого не знаю, — сказал Виккерс.

— Времени не существует, — разъяснил Айзекайя. — В том смысле, как его понимают обычные люди. Нет беспрерывного потока времени, а есть отрезки времени, как бы секунды, следующие одна за другой. Хотя ни секунд, ни похожих соизмеримых отрезков времени нет.

— Знаю, — сказал Виккерс. И он действительно знал. Он все вспомнил — объяснения этих миров, следующих друг за другом, когда каждый мир заключен в капсулу своего времени, в какой-то странный и произвольный отрезок времени, и эти отрезки времени со своими мирами тянулись в прошлое и настоящее, но как далеко тянулась их цепь не мог ни знать, ни предполагать никто из живых существ.

Словно кто-то нажал скрытый выключатель и вся его наследственная память оказалась в его распоряжении, ведь она всегда была в нем, а он не осознавал ее присутствия, как и не осознавал еще в полной мере своего дара предвидения.

— Времени не существует, — продолжал Айзекайя. — Во всяком случае, в понятиях обычного человека. Время состоит из отрезков, и каждый отрезок — одна из фаз столь обширного мира, что человеческая мысль пасует перед ним, отказываясь постигнуть его целиком.

Но само время? Время представало бесконечной средой, тянувшейся в прошлое и будущее, хотя не было ни прошлого, ни будущего. Просто существовало бесконечное множество отрезков, протянувшихся в обе стороны, и каждый отрезок был одной из фаз Вселенной.

На исконной Земле человека кто-то задумался о путешествии во времени, о возможности вернуться во вчерашний день или уйти в завтрашний. Теперь он знал, что такое путешествие невозможно, что один и тот же момент времени заключен в своей собственной капсуле, что Земля людей двигалась в одной временно́й капсуле с самого рождения до самого конца и что она возникла и вернется в небытие в одном и том же

отрезке времени.

Вы могли путешествовать во времени, но ни во вчера, ни в завтра. Если вы обладали неким ощущением времени, вы могли перейти из одного временного отрезка в другой и тогда оказывались в другом мире, а не во вчерашнем или завтрашнем дне.

Так произошло, когда он запустил волчок, хотя волчок был ни при чем — он лишь облегчал переход.

Он продолжил чтение.

— Пр. ж. Что такое пр. ж., Айзекайя?

— Приостановленная жизнь, сэр.

— Моих отца и матери?

— Их жизнь приостановлена, сэр. До того момента, как мутанты окончательно разработают бессмертие.

— Но они умерли, Айзекайя. Их тела…

— Их тела андроидов, сэр. Мы должны соблюдать внешнюю видимость. Иначе у обычных людей возникнут подозрения.

В комнате словно взорвалась бомба, и истина явилась Виккерсу в своей неприкрытой наготе.

Приостановлена жизнь. Его мать и отец ожидали в состоянии приостановленной жизни дня, когда они обретут бессмертие.

А он, Джей Виккерс, истинный Джей Виккерс, где был он? Его жизнь не была приостановлена, потому что ее переместили из тела истинного Джея Виккерса в тело андроида, находившегося в этой комнате и державшего в своих руках андроида судьбу своих родителей.

— А Кэтлин Престон? — спросил Виккерс.

Айзекайя отрицательно качнул головой.

— Я ничего не знаю о Кэтлин Престон, — сказал он.

— Но у вас есть дело семьи Престон?

Айзекайя опять покачал головой.

— У нас нет дела Престонов. Я сверился по генеральному каталогу. О Престонах нигде не упоминается. Нет никаких Престонов.

39

Итак, принятое им решение оказалось неверным. Перед его внутренним взором встали два родных лица. Он прикрыл глаза и увидел мать, каждую черточку ее лица, вспомнил, в какой ужас привело ее его путешествие в сказочную страну, как ругал его отец и как исчез волчок.

Ведь волчок исчез. И они говорили ему, что у него слишком разыгралось воображение. В конце концов им, по-видимому, трудно было постоянно присматривать за ним, чтобы предотвратить его посещения других миров. Восьмилетний человечек достаточно самостоятелен, чтобы найти себе занятие сразу в нескольких мирах.

Лицо матери и рука отца, с суровой нежностью положенная на плечо, навсегда остаются в памяти человека.

Исполненные доверия, они ждали дня, когда мрак окутает их сознание, но этот мрак будет не концом, а началом жизни, на которую они и не надеялись, когда много лет назад присоединились к маленькой группе мутантов.

Если они так верили в дело мутантов, могла ли быть меньшей его вера?

Имел ли он право отказаться внести свой вклад в создание мира, которому они отдали так много?

А они отдали все, что могли, — свой тяжкий труд, свою негасимую веру, и плоды их жизни должны собрать те, кого они оставили после себя. Он был один из них — и он не мог их предать.

«Каков же будет этот мир?» — спрашивал он себя.

Если мутанты-телепаты раскроют секрет бессмертия, какой мир они создадут?

Предположим, что люди перестанут умирать, но будут ли они жить вечно?

Это уже не будет прежний мир. Мир станет другим, в нем появятся иные ценности и иные стимулы.

Какие факторы будут управлять жизнью вечного мира? Какие стимулы и условия предотвратят его деградацию? Какие постоянно растущие возможности и интересы уберегут его от тупика скуки?

В чем будут нуждаться люди бессмертного мира?

У них будут неограниченные возможности; и они будут существовать всегда. Потому что можно открыть следующие и предыдущие миры.

А если не хватит этих миров, то есть Вселенная со всеми ее солнцами и солнечными системами — коли Земля есть планета, повторяющая себя до бесконечности, то каждое солнце и каждая планета должны бесконечно повторять себя.

Возьмите Вселенную и умножьте ее на неизвестное число, возьмите все миры всех вселенных и умножьте их на бесконечность, и вы получите ответ. Место найдется всем и всегда.

Появится нужда в бесконечных стимулах и возможностях, и каждый мир предложит столько стимулов и возможностей, что даже вечному человеку не удастся исчерпать их полностью.

Но и это не все — в вашем распоряжении будут бесконечное время и бесконечное пространство, появятся новые отрасли техники, и новые области науки, и новые философские учения — и никогда бессмертному человеку не придется скучать от отсутствия дел и мыслей.

Как вы используете бессмертие, если получите его?

Оно поможет вам сохранить силу. И если ваше племя не так велико и невысока рождаемость, оно не остановится в своем развитии — никто не будет умирать.

Бессмертие позволит сохранить таланты и зна-

ния. Вы сможете рассчитывать на всю силу, все знания и все таланты каждого члена племени. Ведь, умирая, человек уносит с собой не только настоящие знания, но и будущие.

«Сколько знаний, — подумал Виккерс, — лишилось человечество из-за того, что кто-то умер на десятилетие раньше? Какие-то знания можно восстановить последующими работами других людей, но какие-то будут утрачены навсегда, какие-то мысли никогда больше не возникнут, как никогда не выкристаллизуются какие-то концепции».

В обществе бессмертных людей такого не произойдет.

Вы могли черпать знания на звездах, вы обладали наследственной памятью, у вас были технические знания, позволяющие производить вечные вещи, а теперь ко всему этому добавлялось бессмертие.

Такова была доктрина. Но доктрина чего? Бесконечной жизни? Вершины знания? Возможности стать богами?

Вернуться на сотню тысяч лет назад. Выяснить, что за создание человек. Дать ему огонь, колесо, лук и стрелы, домашних животных и культурные растения, племенную организацию и заложить в

его мозг понятие о том, что он хозяин Земли. Что скрывалось за всем этим?

Начало цивилизации и зарождение человеческой культуры.

Доктрина мутантов была новой вехой в развитии человечества, как сто тысяч лет назад такими вехами были покорение огня, изобретение колеса, одомашнивание собаки.

Доктрина мутантов не была конечным результатом человеческих усилий, человеческой мысли и знаний; это был новый шаг вперед. Еще один. Еще один шаг в будущее. Человеческий разум был способен еще на многое, но он, Джей Виккерс, не мог представить себе всех масштабов подобного развития, как не мог человек, покоривший огонь и приручивший собаку, представить себе временну́ю структуру последовательных миров.

«Мы еще дикари, — думал он. — И пока сидим в пещере и со страхом вглядываемся через дым костра, охраняющего вход в нее, в безбрежный мрак окружающего мира».

Придет время и люди рискнут рассеять этот мрак, но время еще не пришло.

Бессмертие окажется инструментом, рабочим инструментом. И оно всегда останется только простым рабочим инструментом.

Что скрывает мрак за пределами пещеры?

Человеческое неведение своего собственного состояния, смысла своего существования, своих корней и конечных целей.

Извечные, как мир, вопросы.

Быть может, с помощью такого инструмента, как бессмертие, человеку удастся разрешить их, постичь неумолимые законы Вселенной, живой материи и энергии. И это явится следующим шагом в истории человечества. И у человека не останется ни колебаний, ни сомнений, он поймет себя и навсегда откажется от веры, заменив ее знаниями и твердой уверенностью.

А когда человек поставит смерть вне закона, когда ворота смерти захлопнутся навсегда, человеку понадобится разработать и соответствующую концепцию жизни, если он не хочет превратиться в вечного скитальца галактик.

Виккерсу пришлось напрячь все силы, чтобы прервать ход своих мыслей и вернуться к действительности.

— Айзекайя, — обратился он к роботу, — вы уверены?

— В чем, сэр?

— В том, что Престонов нет?

— Уверен, — ответил Айзекайя.

— Кэтлин Престон существовала, — сказал Виккерс. — Я уверен в ее существовании.

Но откуда он черпал такую уверенность?

Он помнил ее.

Фландерс подтвердил ее существование.

Но его память, как и память Фландерса, могла быть определенным образом сформирована.

Кэтлин Престон могла оказаться привнесенным эмоциональным фактором, дабы привязать его к этому дому, дабы он никогда и нигде не забыл о своих связях с этим домом.

— Айзекайя, — снова обратился к роботу Виккерс, — кто такой Гортон Фландерс?

— Гортон Фландерс, как и вы, — андроид, — ответил Айзекайя.

40

Итак, они рассчитывали, что он остановит Крофорда. И сделает это с помощью своего дара предвидения.

Но проблему следовало рассмотреть всесторонне. Взвесив все факторы, определить силы обеих сторон. Мутантам придется вступить в борьбу с промышленной мощью многих стран мира. Опираясь на нее, Крофорд и его единомышленники объявили войну мутантам. Кроме того, существовало секретное оружие.

— Отчаяние и секретное оружие, — заявил Крофорд, сидя в номере гостиницы. — Но оно недостаточно эффективно, — добавил он.

Прежде всего следовало выяснить, о каком оружие шла речь. И пока это неизвестно, никаких планов строить нельзя.

Лежа на кровати и глядя в потолок, он перебирал факты, систематизировал их, подвергал анализу. Иногда силы обычных людей и силы мутантов казались ему равными, а иногда он видел неоспоримое превосходство одной из сторон.

Рассуждения завели в тупик.

— Так и должно было быть, — произнес он

вслух. — Рассуждение — инструмент обычного человека.

Следовало воспользоваться своим исключительным даром.

Но как?

Он постарался отрешиться от известных ему фактов, изгнать их из своих мыслей и ни о чем не думать. Лежа в постели и глядя во тьму, он физически ощущал, как наперекор желанию они теснятся в его мозгу.

Вдруг с особой отчетливостью проступила мысль о войне. Он остановился на ней. Мысль стала весомей и овладела им.

Война, но война, совершенно отличная от тех войн, которые до сих пор вело человечество.

Невероятно раздражала необходимость думать о чем-то неопределенном.

Появилась новая мысль — бедность.

Он чувствовал, как обе мысли, и о войне и о бедности, словно койоты, кружат во мраке вокруг костра его разума за границей зоны, освещенной интеллектом.

Он хотел прогнать их, но они не желали уходить. Через некоторое время он привык к ним.

«Существует еще один фактор, — подсказал ему засыпающий мозг. — Недостаток рабочих рук

у мутантов. Вот почему они создали роботов и андроидов».

Можно было обойти эту трудность. Можно было взять одну жизнь и разделить ее на несколько. Жизнь одного мутанта — растянуть, удлинить, увеличить. Рабочую силу можно было создать, следовало лишь знать, как это делается.

Мысли совсем замедлили свой бег, он почти уснул.

«Я остановлю тебя, Крофорд, и получу ответ, я остановлю тебя, я люблю тебя, Энн, я...»

И вдруг, даже не сообразив, спал он или нет, Виккерс встрепенулся и уселся на постели.

Он знал!

Он съежился от прохлады летнего утра, быстро высунул ноги из-под одеяла и ощутил босыми ногами холод пола.

Виккерс бросился к двери, распахнул ее и выскочил на площадку винтовой лестницы, ведущей в холл.

— Фландерс! — крикнул он. — Фландерс!

Откуда-то появился Айзекайя и стал взбираться по ступеням, спрашивая:

— Что случилось, сэр? Вам что-нибудь надо?

— Мне нужен Гортон Фландерс.

Открылась еще одна дверь, и появился Гортон

Фландерс с торчавшими из-под ночной рубахи худыми лодыжками и всклокоченными волосами.

— Что происходит? — спросил он спросонья. — Что за шум?

Виккерс быстро пересек холл, схватил его за плечи и спросил:

— Сколько нас? На сколько частей разделена жизнь Джея Виккерса?

— Может, вы перестанете трясти меня?

— Как только вы мне скажете правду.

— С удовольствием, — сказал Фландерс. — Нас трое. Вы, я и…

— Вы?

— Конечно. Вас это удивляет?

— Но вы намного старше меня.

— С синтетической плотью можно делать чудеса, — промолвил Фландерс. — Тут нечему удивляться.

«Действительно, ничего удивительного», — согласился вдруг про себя Виккерс, словно всегда знал это.

— Кто третий? — спросил он. — Вы сказали, нас трое. Кто он?

— А вот этого я вам сообщить не могу, — ответил Фландерс. — Я и так сказал слишком много.

Виккерс разозлился, схватил Фландерса за во-

рот ночной рубашки и сдавил его.

— Насилие вам не поможет, — сказал Фландерс. — Не надо насилия. Я вам сказал все это лишь потому, что кризис наступил быстрее, чем мы предполагали. Вы еще не готовы знать все. Не достойны. Мы слишком многим рискуем, заставляя вас развиваться так быстро. Больше я вам ничего не скажу.

— Не достоин! — вскипел Виккерс.

— Не готовы. Вам следовало предоставить больше времени. А сейчас отвечать на ваши вопросы и говорить с вами просто-напросто невозможно. Это повлечет за собой лишние трудности. Снизит вашу эффективность и действенность.

— Но я уже все знаю, — зло сказал Виккерс. — Готов я или не готов, но я знаю, как взяться за Крофорда и его друзей, а это значительно весомее того, что сделали все вы, несмотря на уйму потраченного времени. Ответ у меня готов, и вы надеялись, что я его найду. Я знаю их секретное оружие и знаю меры защиты. Вы мне сказали, что надо остановить Крофорда, и я могу его остановить.

— Вы уверены?

— Абсолютно уверен, — сказал Виккерс. — Кто третий?

В его мозгу уже зрело подозрение, странное подозрение.

— Я должен знать, — сказал он.

— Именно этого я вам не могу сообщить. Никак не могу, — повторил Фландерс.

Виккерс отпустил ворот ночной рубашки Фландерса, а потом и вовсе уронил руки. То, что начало обретать контуры в его мозгу, разрывало душу, и с каждым мгновением мучения становились все сильнее. Он медленно пошел прочь.

— Да, я уверен, — повторил Виккерс. — Я уверен, что знаю все ответы. Я их знаю, но что это мне дает?

Он вернулся в свою комнату и захлопнул дверь.

41

В какой-то момент словно вспышка осветила его мозг. Воспоминания о Кэтлин Престон, которое могло быть вымыслом, и запечатленная в его мозгу прогулка по заветной долине долгие годы мешали ему понять, что он давно любит Энн Картер, а она платит ему взаимностью.

Потом он узнал, что его родители находились в состоянии прерванной жизни и ждали возвращения в мир любви и взаимопонимания, которому они так много отдали.

Он не мог их предать.

«Быть может, — сказал он сам себе, — это к лучшему, ибо есть новый фактор — умение делить одну жизнь на несколько частей».

Такой метод был разумен и, по-видимому, приносил свои плоды — ведь у мутантов не хватало рабочих рук и приходилось наилучшим способом использовать имеющиеся средства. Вы передаете роботам то, что им можно доверить. А жизнь каждого мутанта делите, получая несколько личностей, помещенных в тела андроидов.

Он не был самим собой, он представлял часть другой личности — треть подлинного Джея Вик-

керса, чье тело ожидало дня, когда в него будет возвращена жизнь.

Энн Картер тоже не была сама собой, а представляла часть другой личности. Быть может, он впервые позволил своему подозрению оформиться: она была частью Джея Виккерса и вместе с Фландерсом разделяла жизнь, бывшую некогда единой.

Три андроида несли в себе некогда единую жизнь — он, Фландерс и еще кто-то. Его не переставал терзать вопрос — кто же все-таки этот третий?

Все трое, они были связаны одной нитью, составляя почти одно целое, и в какой-то день три их жизни вернутся в тело подлинного Джея Виккерса. А когда это произойдет, кто станет новым Джеем Виккерсом? Или им никто не станет — быть может, возвращение будет равносильно смерти всех троих и возобновлению сознания прежнего Джея Виккерса? Или все они смешаются и в воскресшем Джее Виккерсе будут сочетаться его черты, черты Фландерса и черты третьего, неизвестного?

А как же его любовь к Энн Картер? Если этим неизвестным человеком была Энн, во что обратится его вдруг вспыхнувшая нежность к ней?

Что станет с его нынешней любовью после долгих лет бесплодных мечтаний?

Он понимал, что, если Энн была этим третьим, они не смогут любить друг друга. Нельзя любить самого себя, как другого человека. Невозможно любить какую-то грань самого себя, как невозможно, чтобы эта грань любила вас. Вы не могли любить человека более близкого вам, чем сестра или мать…

Дважды он испытал любовь к женщине и дважды ее у него отняли — он оказался в ловушке, и у него не оставалось иного выбора, как выполнить свою задачу.

Он сказал Крофорду, что явится к нему, когда узнает, что происходит, и расскажет все, чтобы найти компромисс, если он возможен.

Теперь он знал — компромисс невозможен.

Если его предвидение было верным.

Фландерс сказал, что дар предвидения — метод более естественный и более зрелый, чем рассуждения. Он, по словам Фландерса, прямее извилистого пути логических рассуждений, которыми человечество пользовалось все время своего становления.

И секретное оружие оказалось старым, как мир, — войной, развязанной с расчетливым ци-

низмом.

«Сколько же войн, — подумал он, — может еще пережить человечество?» И понял — ни одной.

Мутанты — залог выживания человеческой расы. У него самого не осталось ни Кэтлин, ни Энн, ни даже надежды на собственную человеческую жизнь, и он должен был приложить все силы, чтобы уберечь человеческую расу от гибели.

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите, — отозвался Виккерс.

— Завтрак будет подан, — сказал Айзекайя, — как только вы закончите свой туалет.

42

Когда Виккерс спустился вниз, Фландерс уже ждал его в столовой.

— Остальные ушли, — сказал он. — У них дела. А нам надо выработать план действий.

Виккерс ничего не ответил. Он выдвинул стул и сел напротив Фландерса. Фландерс сидел спиной к окну, так что его пышные седые волосы, словно ореол, блестели на солнце. Одежда по-прежнему выглядела поношенной, а галстук знавал лучшие дни, но старик был все также опрятен.

— Я вижу, Айзекайя отыскал вам кое-какие вещи, — сказал Фландерс. — Не знаю, что бы мы делали без него. Он очень заботлив…

— Не только вещи, но и деньги, — добавил Виккерс. — На комоде, рядом с рубашкой и брюками, лежала целая пачка. Я не успел пересчитать, но похоже, в ней несколько тысяч долларов.

— Да, Айзекайя ничего не упускает.

— А зачем мне столько денег?

— Не беспокойтесь, — сказал Фландерс. — У нас их тюки.

— Тюки?!

— Разумеется, мы все время производим их.

— Вы подразумеваете фальшивые деньги?

— О нет, ни в коем случае, — воскликнул Фландерс. — Хотя иногда мы подумывали и об этом. Еще одна стрела для нашего лука.

— Вы хотели наводнить мир фальшивыми деньгами?

— Почему фальшивыми? Мы можем воспроизводить деньги с абсолютной точностью. Бросить в мир сотни миллиардов долларов и посмотреть, что из этого выйдет.

— Замысел ясен, — сказал Виккерс. — Удивлен, что вы не привели его в исполнение.

Фландерс испытующе поглядел на него.

— Мне кажется, наше поведение вас шокирует.

— В какой-то мере, — ответил Виккерс.

Айзекайя принес поднос, на котором стояли стаканы с охлажденным апельсиновым соком, тарелки с яйцами, беконом, гренками с маслом, баночка конфитюра и чашка кофе.

— Доброе утро, сэр, — сказал он Виккерсу.

— Доброе утро, Айзекайя.

— Вы обратили внимание, — спросил робот, — какое сегодня чудесное утро.

— Конечно, — ответил Виккерс.

— Погода стоит исключительная, — сказал робот, — значительно лучше, чем на предыдущей

Земле.

Он поставил еду на стол, удалился через качающуюся дверь на кухню и занялся повседневными делами.

— Мы оставались людьми, — сказал Фландерс, — пока было возможно. Но мы делали наше дело и со временем стали наступать кое-кому на ноги. Теперь мы, наверное, станем порезче, ведь и с нами не церемонятся. Окажись Крофорд и его банда помягче, все прошло бы мирно и спокойно, и мы никому не причинили бы зла. Через десять лет все было бы проще. Через двадцать лет это было бы детской забавой. Но сейчас нет ни уверенности, ни простоты. В данный момент речь идет чуть ли не о революции. Имей мы двадцать лет, тот же процесс прошел бы как эволюционный.

Будь у нас время, мы бы взяли контроль не только над промышленностью и финансами. Кризис разразился слишком рано.

— Теперь нам нужен, — сказал Виккерс, — контркризис.

Фландерс, казалось, не слышал его.

— Мы создали множество фиктивных компаний, — продолжал он. — Следовало создать их еще больше, но нам не хватало исполнителей,

даже для созданных фирм. Иначе мы открыли бы громадное количество компаний по производству самых необходимых вещей. Но мы нуждались в наших людях в других местах, в наиболее критических точках. Следовало искать других мутантов, которые могли бы присоединиться к нам.

— Мутантов должно быть много, — сказал Виккерс.

— Их действительно немало, — согласился Фландерс, — но большинство из них настолько вросли в жизнь и дела обычного мира, что не могли порвать с ним. Возьмите, например, мутанта, женатого на обычной женщине. Мы не можем разбивать счастливый брак просто по гуманным соображениям. А если мутантами являются дети? В такой ситуации остается только ожидание. С ними можно вступать в контакт, когда они вырастают и покидают родное гнездо, но не раньше.

Возьмите банкира или промышленника, на чьих плечах лежит целая экономическая империя. Скажите ему, что он мутант, и он расхохочется вам в лицо. Он нашел свое место в жизни. Он доволен собой, весь идеализм или либерализм его юности исчез, подавленный его воинствующим

индивидуализмом. Его устраивает созданный им образ жизни, и что бы вы ни предложили, это не заинтересует его.

— Вы можете расплатиться с ним бессмертием.

— У нас пока его нет.

— Вам следовало бы организовать атаку на них на правительственном уровне.

Фландерс отрицательно покачал головой.

— Не удалось. Мы сделали несколько попыток, но тщетно. Будь у нас тысяча ключевых мест в правительствах, мы бы победили легко и быстро. Но у нас не было тысячи мутантов для правительственных и дипломатических постов.

Самыми разными методами мы преодолевали один кризис за другим. Углеводы изменили ситуацию, которая могла обернуться войной. Но мы не были достаточно сильны и у нас не хватало времени для нормального воплощения хорошо отработанной долгосрочной программы, поэтому мы стали импровизировать. Мы выпустили наши приспособления, чтобы ускорить развал этой социально-экономической системы и рано или поздно промышленники должны были восстать против нас.

— Но на другое вы и не рассчитывали? — спро-

сил Виккерс. — Вы вмешались…

— Думаю, что мы должны были это сделать, — сказал Фландерс. — Представьте, Виккерс, что вы оперируете больного раком. Чтобы больной выздоровел, его придется резать. И вы вскроете тело больного без всяких раздумий.

— Несомненно, — подтвердил Виккерс.

— Человеческая раса, — продолжал Фландерс, — и есть наш пациент. У него злокачественный рост отдельных тканей. Мы — хирурги. Пациент будет страдать, потом наступит период выздоровления, и в конце концов он останется в живых, но я сомневаюсь, что человеческая раса переживет еще одну войну.

— Ваши методы довольно жесткие!

— Минуточку! — воскликнул Фландерс. — А вы считаете, что они должны быть иными? Я бы мог согласиться с вами, будь у нас хоть какие-то реальные возможности переговоров.

Представьте, являемся мы перед народом, встречаемся с главами правительств и говорим им, что мы — новая мутация человеческой расы и что наши знания и наши способности выше, чем у них, а потому они должны передать все в наши руки. Как вы думаете, какая реакция нас ожидает? Могу вам сказать. Они вышвырнут нас

вон и будут не так уж неправы. С какой стати они должны просто так поверить нам. У нас не было иного выхода. Мы могли действовать лишь в подполье. Следовало захватить ключевые позиции. Другого пути мы не видели.

— Ваши слова, — заметил Виккерс, — может, и верны в масштабе народов, но подумали ли вы о личности, об отдельном человеке? О том, кто получает ваши удары прямо в живот?

— Эйза Эндрюс был здесь сегодня утром, — сказал ему Фландерс. — Он рассказал, что вы гостили у него и исчезли, и волновался, не стряслось ли с вами чего. Но это другая история. Хочу только спросить, считаете ли вы Эйзу Эндрюса счастливым человеком?

— Безусловно, я никогда не видел более счастливого человека.

— И однако, — сказал Фландерс, — мы с ним не церемонились. Мы отняли у него работу, которая кормила и одевала его семью, мы отняли у него кров. И когда он обратился к нам за помощью, мы знали, что он один из тех, кто по нашей милости остался без работы, кого выбросили из дома на улицу и кто не знал, будет ли у него и его семьи крыша над головой в ближайшую ночь. Мы были виновниками всех его несчастий, и все же он стал

счастливым человеком. Таких людей тысячи, мы не церемонились с ними, а сейчас все они счастливы. Счастливы, потому что мы с ними не церемонились, я подчеркиваю это.

— Но вы не можете отрицать, — возразил Виккерс, — что они дорого заплатили за свое счастье. Я говорю не о потере работы и о подачках им, а о том, что произошло потом. Вы расположились на этой Земле, создав здесь так называемую пасторально-феодальную стадию, но забываете, что те, кто прибыл сюда, лишились доброй части материальных преимуществ человеческой цивилизации.

— Мы отняли у них, — сказал Фландерс, — только нож, которым они могли поранить себя или своего соседа. Все, что мы временно отняли у них, будет им возвращено сторицей и с фантастическими процентами. Ибо мы искренне надеемся, мистер Виккерс, что со временем вся раса получит все, чем мы располагаем сейчас. Поймите, мы не чудовища, а человеческие существа, следующий шаг в эволюции. Мы только на день-другой, на шаг-другой впереди остального человечества. Чтобы выжить, человеку надо измениться, мутировать, перерасти свое сегодняшнее состояние. Мы лишь авангард этой мутации выживания.

И, будучи первыми, мы были вынуждены начать борьбу. Мы должны бороться все то время, пока остальное человечество не догонит нас. Расценивайте нас не как маленькую группу привилегированных людей, а как все человечество.

— Человечество, — с горечью сказал Виккерс, — располагает весьма скудными сведениями о вашей борьбе за его спасение. Не случайно оно громит ваши магазины, охотится на мутантов и вешает их на фонарях.

— Здесь на сцене и появляетесь вы, — заметил Фландерс.

Виккерс утвердительно кивнул головой.

— Вы хотите, чтобы я остановил Крофорда?

— Вы заявили, что способны на это.

— Я вижу пути, — сказал Виккерс.

— Ваши предвидения, друг мой, намного превосходят самые стройные рассуждения.

— Но мне нужна помощь, — произнес Виккерс.

— Все, что пожелаете.

— Надо, чтобы некоторые из ваших первопроходцев, людей типа Эйзы Эндрюс, вернулись обратно в качестве миссионеров.

— Это невозможно, — возразил Фландерс.

— Они тоже ведут борьбу, — сказал Виккерс. — Не могут же они сидеть сложа руки.

— Миссионерская деятельность? Вы хотите, чтобы они вернулись и рассказали всем о других мирах?

— Да, именно так.

— Но им никто не поверит. При тех настроениях, которые царят на Земле, их всех переловят и линчуют.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Есть группа людей, которая поверит им, это, как они называют себя, фантазеры. Фантазеры бегут от действительности. Они воображают, что живут во времена какого-нибудь Пеписа или еще кого-то, но даже там не находят покоя и ощущения безопасности. Здесь же мы можем гарантировать полную свободу и безопасность. Здесь они могут вернуться к простой незатейливой жизни без тревог, к которой так стремятся. И как бы фантастично ни звучали наши рассказы, фантазеры поверят им.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Но это не все? Вам требуется еще что-то?

— Безусловно, — сказал Виккерс. — Сможете ли вы удовлетворить спрос на огромное количество углеводов?

— Думаю, сможем. Мы перестроим наши заво-

ды. Сейчас никому не нужны ни наши новинки, ни наши углеводы. Для распространения углеводов придется организовать нечто вроде черного рынка. Если мы вновь окажемся там, Крофорд и его приспешники не дадут нам работать.

— Только вначале, — сказал Виккерс. — Но ненадолго. Пока с ними в борьбу за углеводы не вступят десятки тысяч людей.

— Как только углеводы понадобятся, вы их получите, — пообещал Фландерс.

— Фантазеры нам поверят. Они готовы верить всему, как бы невероятно это ни выглядело. Мы организуем для них некое подобие крестового похода. У вас нет шансов убедить нормальных людей, но большинство беглецов от действительности пожелают расстаться с больным миром. Нужна лишь искра, слово, какое-то обещание подлинного, а не воображаемого бегства. Многие захотят стать жителями второго мира. Как быстро вы сможете перебросить их сюда?

— Как только они явятся к нам, — ответил Фландерс.

— Я могу рассчитывать на это?

— Безусловно, — кивнул Фландерс. — Я не знаю, какие у вас планы, но надеюсь, что ваше предвидение не обманет.

— Вы сами утверждали это, — заявил Виккерс.

— Вы знаете замыслы Крофорда?

— Я думаю, он готовит войну. Он говорил о секретном оружии, и я убежден, что речь шла о войне.

— Но война…

— Давайте рассмотрим войну, — предложил Виккерс, — под несколько иным углом зрения, чем обычно смотрят на нее историки. Рассмотрим ее как деловое предприятие. В какой-то мере так оно и есть. Когда страна ведет войну, все трудовые, промышленные и прочие ресурсы мобилизуются для одной цели и контролируются правительством. Роль бизнесмена столь же важна, как и роль военного. Банкир и промышленник имеют тот же вес, что и генерал.

Сделаем еще один логический ход и рассмотрим войну в сугубо деловом плане, как средство для достижения определенных целей — захватить и удержать контроль над какими-то областями. Во время войны система спроса и предложения прекращает действовать, гражданские товары практически не выпускаются, и правительство принимает строгие меры по отношению к нарушителям, которые не прекращают производить…

— Машины, — продолжил Фландерс, — вечные лампочки и бритвенные лезвия.

— Совершенно верно, — подтвердил Виккерс. — Так они выиграют время, а оно для них не менее важно, чем для нас. Под предлогом войны они могут распространить свой контроль на всю экономику. Война же будет вестись с таким расчетом, чтобы она не переросла во всепоглощающий пожар.

— Это маловероятно, — сказал Фландерс. — Ну, а что будете делать вы?

— Я вернусь на старую Землю, но я не знаю, где мой волчок…

— Он вам больше не понадобится. Он необходим только новичкам. Стоит вам захотеть, и вы перейдете в другой мир. Теперь для вас такой переход очень прост.

— А если мне понадобится связаться с вами?

— Эб — нужный вам человек, — сказал Фландерс. — Обратитесь к нему.

— Вы возвратите Эйзу и других?

— Возвратим.

Виккерс встал и протянул Фландерсу руку.

— Но вам совсем не обязательно отбывать сию же минуту, — сказал Фландерс. — Садитесь и выпейте еще чашечку кофе.

Виккерс отрицательно покачал головой.

— Мне не терпится приступить к делу.

— Роботы могут отнести вас в район Нью-Йорка в считанные мгновения, — предложил Фландерс. — Можете вернуться на старую Землю прямо там.

— Мне нужно время, чтобы подумать, — ответил Виккерс. — Надо выработать план, вернее предвидение, как говорите вы. Думаю, будет вернее начать здесь и лишь потом двинуться в Нью-Йорк.

— Купите машину, — посоветовал Фландерс. — Айзекайя вручил вам достаточно наличных денег. Эб в случае нужды даст вам еще. Любой другой вид транспорта может оказаться опасным. Они, надо думать, позаботились расставить массу ловушек для мутантов. И они все время начеку.

— Я буду осторожен, — заверил Виккерс.

43

Грязная комната с паутиной по углам из-за отсутствия мебели казалась больше, чем была на самом деле. Со стен свисали обои, обнажая трещины, которые молниями разбегались от потолка до плинтуса.

А когда-то обои радовали глаз яркими красками, из них, как на лугу, расцветали цветы и дрезденские пастушки пасли своих лохматых овечек. Навощенный пол был покрыт толстым слоем пыли, но чувствовалось, достаточно смахнуть ее, как он заблестит.

Виккерс топтался посреди комнаты: двери были там же, что и в той столовой. Только дверь на кухню оказалась распахнутой, а окна были прикрыты ставнями.

Он обратил внимание, что отпечатки его обуви на пыльном полу были только в центре. Ни один след не вел от дверей.

Рассматривая комнату, он пытался восстановить в памяти ее прежний облик, тот, который она имела не минуту, а двадцать лет назад.

А может, это было воображение — навязанное ему воображение? Бывал ли он в этой комнате

раньше? И существовала ли Кэтлин Престон?

Он знал, что семья Виккерсов, бедная фермерская семья, жила не далее чем в миле отсюда. Он подумал о матери в ее потрепанном платье и темном свитере, об отце, о его небольшой полочке книг у кровати, о его привычке носить широкие брюки и защитного цвета рубашку и читать при скудном желтом свете керосиновой лампы, об их сыне, суматошном мальчугане со слишком развитым воображением, который однажды побывал в сказочной стране.

«Маскарад, — подумал он, — жалкий маскарад». Но это была их работа, и они отдали ей себя; они наблюдали, как рос и взрослел их сын, и по тому, как он развивался, видели, что он был не чужаком, а одним из них.

А теперь они, эти двое людей, приспособившиеся к незаметному будничному существованию простых фермеров, столь далекому от их истинного предназначения, ждали дня, когда займут подобающее место в обществе, от которого они отказались ради работы на передовом посту, неподалеку от большого кирпичного дома, гордо высящегося на холме.

Он не мог их предать и не предаст — у него только один путь.

Он пересек столовую и холл, приблизился к закрытой двери, оставляя позади себя цепочку следов.

Он знал, за дверью не было никого — ни Энн, ни Кэтлин, не было даже места для него самого — ничего, кроме трудных обязательств перед жизнью, которую даже не он выбрал.

Изредка его обуревали сомнения. Это случалось тогда, когда он ехал по стране, наслаждаясь внешней стороной жизни, которую наблюдал. Крохотные деревушки, спавшие в летней ночи, с их велосипедами и опрокинутыми тележками, с их тенистыми аллейками, ведущими к дому, первыми красными пятнами ранних яблок в садах. Знакомый рев громадных грузовиков, несущихся по автострадам. Улыбка официантки, подающей чашечку кофе, когда он остановился перекусить в придорожном ресторанчике. Он убеждал себя, что все хорошо в этих маленьких деревеньках, и у шоферов грузовиков, и у веселой девушки. Мир людей был приятным и добрым и жить в нем было прекрасно. Мутанты с их планами казались чудовищным кошмаром из дешевого воскресного приложения, и иногда ему хотелось остановиться, бросить машину и навсегда окунуться в эту чудесную жизнь. Для такого

человека, как он, здесь вполне могло найтись место; казалось, среди этих кукурузных полей в маленьких придорожных деревушках любой человек мог обрести счастье и безопасность.

Но он отдавал себе отчет в том, что все было видимостью. Он пытался скрыться от того, что носилось в воздухе. Когда у него возникло желание бросить машину и уйти, он чувствовал в себе тот же страх, что и фантазеры, когда они мысленно бежали в другие времена и веси. Именно эта необходимость бегства заставляла его думать о том, чтобы бросить машину и искать спокойной жизни в этих кукурузных просторах.

Но даже здесь, в сельскохозяйственном сердце страны, не было подлинного мира и спокойствия. Видимое спокойствие и безопасность существовали, если вы не читали газет, не слушали радио, не беседовали с людьми. Он чувствовал, как признаки беспокойства проступают сквозь внешний фасад благополучия — на каждом пороге, в каждом доме, в каждом ресторанчике.

Судя по газетам, новости были совсем неважными. По радио комментаторы говорили о новом глубоком кризисе, перед которым стоял мир. Он слушал разговоры людей в холлах гостиниц, где ночевал, и в ресторанах, где ел. Они говори-

ли, качали головами, в их поведении сквозила тревога.

Он слышал:

— Одного не могу понять, почему так быстро изменилось положение. Неделю или две назад, казалось, можно договориться, а теперь все вернулось к прошлому и стало еще хуже.

Он слышал:

— Я всегда говорил, что всю эту историю с мутантами выдумали красные. Мое мнение, что все идет оттуда.

Он слышал:

— Это невозможно. Вчера война была в тысячах миль от нас, и мы жили спокойно и мирно. А завтра…

А завтра, а завтра, а завтра…

Он слышал:

— Если бы все зависело от меня, я бы договорился с этими мутантами.

Он слышал:

— Я бы не церемонился с ними ни минуты, черт меня подери. Я бы набрал побольше бомб и показал им.

Он слушал их разговоры и сознавал, что за ними нет и намека на компромисс и взаимопонимание, в них не чувствовалось никакой надежды

на то, что войну можно предотвратить.

— Если не сейчас, — говорили они, — то через пять или десять лет она разразится все равно. Так уж чем раньше, тем лучше. Надо только напасть первыми…

И он ясно понимал, что неуемная ненависть различалась даже здесь, в сердце страны, на этих мирных фермах, в маленьких мирных деревеньках, в придорожных ресторанчиках. «И это, — сказал он себе, — не что иное, как крах цивилизации, основанной на ненависти, чудовищном себялюбии и недоверии к каждому, кто говорит на другом языке, ест иную пищу и носит отличную от него одежду».

Это была односторонняя механистическая цивилизация грохочущих машин, мир технологии, которая обеспечивала комфорт, но не могла дать человеку ощущения справедливости и безопасности. Это была цивилизация, которая обрабатывала металл, расщепляла атом, создала мощную химию и понастроила сложных и опасных машин. Она сосредоточила свое внимание на технике, совсем забыв о личности, и теперь ничего не стоило нажать кнопку и уничтожить далекий город, не зная и не желая узнать жизни и обычаев, мыслей и надежд, устремлений народа,

который ты уничтожил.

Он вел машину, останавливался перекусить и снова садился за руль. Он глядел на кукурузные поля и краснеющие яблоки в садах, слушал шум косилок, вдыхал запах клевера, но стоило ему взглянуть в небо, как он ощущал всю тяжесть нависшей опасности, и он понимал, что Фландерс был прав: в любой момент могла разразиться роковая буря.

Но не только новости о приближающейся войне заполняли колонки ежедневных газет и звучали в пятнадцатиминутных комментариях. Непрестанно говорилось об угрозе со стороны мутантов, и народу постоянно внушалась необходимость быть бдительным по отношению к ним. Еще продолжались бунты, еще линчевали мутантов, еще громили магазины технических новинок.

Но появилось и нечто новое.

По всей стране расползались слухи — и в ресторанах, и в магазинах, и в ночных барах больших городов можно было услышать о существовании другого мира, нового мира, где можно начать жизнь заново, куда можно скрыться от тысячелетней неустроенности нынешнего мира.

Вначале пресса отнеслась к этим слухам недо-

верчиво, потом появились осторожные статьи со скромными заголовками, а радиокомментаторы, поначалу не менее осторожные, скоро отбросили всякую сдержанность. И через несколько дней сообщения о другом мире и о странных людях с лучистыми глазами, которые разговаривали с кем-то (всегда с кем-то) и утверждали, что явились оттуда, занимали столько же места, сколько сообщения о войне и мутантах.

В мире ощущалась тревога, какая возникает у человека, когда в тишине ночи вдруг раздается резкий звонок телефона.

44

Вечерний Клиффвуд был напоен ароматами, в нем ощущалось что-то домашнее, и, проезжая по улицам городка, Виккерс чувствовал, как его сердце наполняется горечью: это было именно то место, где ему хотелось бы осесть и жить, занимаясь писательством, перенося на бумагу рождавшиеся в мозгу мысли.

Его дом вместе с рукописями, с полочкой любимых книг по-прежнему стоял на своем месте, но он уже не принадлежал ему и никогда больше не будет принадлежать. «Отныне все пойдет иначе, — подумал он. — Земля, исконная Земля человека, Земля с большой буквы недолго служила мне домом и уже никогда не будет им».

Он решил прежде всего навестить Эба, а потом заехать в свой бывший дом за рукописью. «Ее можно передать Энн», — подумал он, но тут же засомневался. Он уверял себя, что ему не хочется встречаться с Энн, но на самом деле это было не совсем так. Он хотел встретиться с ней, но знал, что лучше этого не делать, ибо почти смирился с мыслью, что и он и она были частями одной жизни.

Он остановил машину напротив дома Эба. И, как всегда не без удивления, отметил, как ухожены дом и дворик. Ведь Эб жил один, без жены и детей, а не часто встретишь холостяка в роли столь рачительного хозяина.

Виккерс рассчитывал на минуту заскочить к Эбу, поставить его в известность о происшедшем, о сложившейся ситуации, договориться о порядке встреч и в свою очередь узнать здешние новости.

Захлопнув дверцу машины, он пересек тротуар и открыл калитку во двор, с трудом справившись с защелкой. Лунный свет, пробивавшийся сквозь листву, пятнами ложился на дорожку. Виккерс приблизился к двери и только тут обратил внимание: в доме ни огонька.

Он постучал в дверь, помня по прежним редким визитам — они иногда играли в покер, — что у Эба не было звонка.

Никто не ответил. Он подождал, постучал еще раз и направился к выходу. Быть может, Эб возился в гараже с какой-нибудь срочной работой или выпивал с приятелями в кабачке.

Он решил подождать Эба в машине. Было бы неосторожно ехать в центр, где его могли узнать.

Кто-то спросил:

— Вы ищете Эба?

Виккерс повернулся на голос. У изгороди стоял сосед.

— Да, — ответил Виккерс. — Я хотел повидать его.

Он пытался вспомнить, кто жил рядом с Эбом, кем мог быть этот человек, мог ли он узнать его.

— Я его старый друг, — сказал Виккерс. — Ехал мимо, решил заглянуть, передать привет.

Человек протиснулся через пролом в изгороди и, приблизившись, спросил:

— А вы его хорошо знаете?

— Да не очень, — ответил Виккерс. — Я виделся с ним лет десять-пятнадцать назад. Еще мальчишкой.

— Эба нет в живых, — сказал сосед.

— Как нет в живых?

Сосед сплюнул.

— Он оказался одним из этих проклятых мутантов.

— Да нет, — запротестовал Виккерс. — Быть того не может!

— Он им был. Был тут и еще один, но тот успел смыться. Его, наверное, предупредил Эб.

Злоба и ненависть, звучавшие в словах соседа, наполнили Виккерса ужасом.

Толпа убила Эба, как убила бы и его, узнай, что он возвратился в городок. И жители городка очень скоро могут узнать, что он вернулся. Стоит этому человеку приглядеться — теперь он вспомнил его — этот здоровяк заведовал мясным отделом в городском магазине. Его звали — впрочем, какое значение имело его имя.

— Нет-нет, — сказал человек, — я вас видел где-то.

— Вы ошибаетесь. Я здесь впервые.

— Я ваш голос…

Виккерс нанес сильный удар снизу вверх, вложив в него весь свой вес. Удар пришелся прямо в подбородок и прозвучал, словно хлопок бича. Человек рухнул наземь.

Виккерс не стал ждать, повернулся и бросился к изгороди. Он чуть не сорвал дверцу автомобиля. Резко нажал на стартер, до отказа выжал акселератор, и машина, швырнув гравий из-под задних колес, рванулась вперед.

Рука его ныла от сильного удара, а в слабом свете приборного щитка он увидел, что из пальцев сочится кровь.

У него было всего несколько минут — от момента, когда мясник очнется, до момента, когда он сообразит, что произошло. Как только он встанет

на ноги и доберется до телефона, за Виккерсом начнется охота, и в ночь, визжа на поворотах, рванутся машины, набитые людьми с ружьями, пистолетами и веревками.

Он должен удрать от них. И рассчитывать отныне только на себя.

Эб умер — на него напали внезапно, подло, так что он не имел возможности ускользнуть на другую землю. Эба убили, или повесили, или затоптали ногами. А Эб был его единственным связным.

Теперь в живых остались только они с Энн.

И Энн, конечно, не подозревала, что она мутант.

Он выскочил на автостраду и понесся, до отказа выжимая акселератор.

Он вспомнил, что милях в десяти к автостраде подходит старая заброшенная дорога. Там можно было спрятать машину и выждать момент — он мог и не наступить, — чтобы продолжить свой путь. Или лучше скрыться в холмах и дождаться, чтобы все утихло? «Нет, — сказал он себе. — Это опасно». И время будет потеряно.

Следовало скорее встретиться с Крофордом и помешать осуществлению его планов. И совершить все в одиночку.

Показалась заброшенная дорога, терявшаяся на середине крутого склона. Он свернул, футов тридцать трясся на выбоинах, а потом выехал на дорогу.

Спрятавшись за деревьями, он смотрел на проносившиеся автомобили, не зная, были ли в них его преследователи.

Затем показался старенький грузовичок, с пыхтеньем взбиравшийся на холм. Виккерс успел заметить, что задний борт у него невысокий. Он выбежал на автостраду, догнал грузовичок, подпрыгнул, ухватился сзади и, с силой оттолкнувшись ногами, перелетел через борт. Он прополз между ящиками, которыми был заполнен кузов, и сжался в уголке. глядя на убегающую назад дорогу.

«Как загнанное животное, — подумал он. — А охотятся за мной люди, считавшиеся некогда моими друзьями».

Миль через десять кто-то остановил грузовичок.

Раздался голос:

— Вы никого не видели на дороге? Какого-нибудь пешехода?

— Никого, — ответил шофер. — Ни единой души.

— Мы ищем мутанта. Он, наверное, бросил свою машину.

— Я думал, мы уже со всеми расправились, — сказал шофер.

— Нет еще. Может, он скрылся в холмах. Тогда его песенка спета.

— Вас будут останавливать еще, — произнес другой голос. — Мы предупредили в обоих направлениях. Нам обещали перекрыть дорогу.

— Ладно, открою глаза пошире, — сказал шофер.

— У вас есть ружье?

— Нет.

— Будьте осторожней.

Когда грузовик тронулся, Виккерс увидел на дороге двоих людей. В лунном свете поблескивали дула их винтовок.

Он передвинул несколько ящиков, соорудив себе укрытие. Но предосторожности оказались излишними. Грузовик останавливали еще трижды. И каждый раз только луч фонарика скользил по ящикам. Люди не очень усердствовали в поисках, будучи уверенными, что мутанта поймать не так-то просто и он уже давно испарился, как и многие другие мутанты, которых не застигли врасплох.

Но Виккерс не мог себе позволить бегства.

Он должен был выполнить на этой Земле свою миссию.

45

Он знал, что найдет в том магазине сборных домов, но все же пошел туда, ибо считал, что там есть надежда установить контакт. Громадная витрина была разбита, а дом разнесли в щепки, словно здесь прошел самум.

Но здесь поработала толпа.

Он стоял перед зияющей витриной, разглядывал разбитый дом и вспоминал день, когда они с Энн зашли сюда по пути на автобусную станцию. Он помнил, что на крыше дома был флюгер в виде утки, во дворе красовались солнечные часы, а на дорожке стоял вечмобиль, но вечмобиля нигде не было. Наверное, его выволокли на улицу и разнесли на куски, как это случилось с его машиной в маленьком городке в Иллинойсе.

Он повернулся спиной к витрине и медленно пошел вниз по улице. «Глупо было, — думал он, — идти в этот выставочный зал, но это был мой единственный, хотя почти безнадежный шанс».

Он повернул за угол и увидел, что в пыльном скверике на другой стороне улицы собралось довольно много народа. Слушали человека, стоявшего на скамейке.

Виккерс не спеша пересек улицу и остановился, разглядывая толпу.

— Что произойдет, — спрашивал человек, — когда упадут бомбы? Они призывают вас не бояться. Они призывают вас, отбросив страх, оставаться на своих рабочих местах. Но, что будут делать они сами, когда посыплются бомбы? Разве они помогут вам?

Он перевел дух, а толпа застыла в напряженном молчании.

— Они не придут вам на помощь! — продолжал оратор, чеканя каждое слово. — Они не придут вам на помощь, ибо она вам будет уже не нужна. Вы умрете, друзья мои. Умрут десятки тысяч. Умрут в пламени солнца, которое взойдет над городом. Умрете и обратитесь в прах. Вы умрете…

Вдали послышался вой сирен, и толпа гневно заволновалась.

— Вы умрете, — продолжал оратор, — но зачем вам умирать, если вас ждет другой мир. Ключ в этот мир — бедность. Бедность — билет в новый мир. Все, что надо сделать, — это бросить работу и отказаться от всего, абсолютно от всего. Туда можно прийти только с пустыми руками.

Вой сирен приблизился, и толпа заволновалась еще больше. Ее грозный гул напоминал шум

листвы под порывистым ветром, предвестником грозы.

Оратор поднял руку, стало тише.

— Друзья мои, — сказал он, — вы слышите меня? Вас ждет другой мир. Бедняки пойдут первыми. Бедняки и отчаявшиеся — все те, кому в этом мире нет места. Но вы можете попасть туда только с пустыми руками, без всякого достояния. В этом другом мире нет бомб. Там все можно начать снова. Целый новый мир, во всем похожий на этот, с деревьями, травой, плодородными землями, дичью в лесах и рыбой в реках. Подлинная страна мечты. И мира.

Сирены выли совсем близко.

Виккерс сошел с тротуара и быстро пошел через улицу.

Полицейский автомобиль резко вывернул из-за угла, его занесло, шины завизжали на асфальте, сирена выла словно в агонии.

И тут у самого тротуара Виккерс споткнулся и растянулся во весь рост на мостовой. Инстинктивно он встал на четвереньки и увидел, что полицейская машина мчится прямо на него. Он понял, что окажется под ее колесами, прежде чем успеет вскочить.

И вдруг чья-то рука схватила его выше локтя,

он взлетел над мостовой и рухнул на тротуар.

Из-за угла, визжа шинами, вылетел второй полицейский автомобиль.

Толпа разбегалась в разные стороны.

Та же рука потянула его за локоть, помогла подняться, и тут Виккерс впервые увидел своего спасителя-человека в драном свитере и с ножевым шрамом на щеке.

— Быстрее, быстрее, — сказал человек, и шрам дернулся в такт словам. У него были блестящие зубы и темные бакенбарды.

Он толкнул Виккерса в узкий проход между домами, и Виккерс, пригнувшись, побежал меж двух кирпичных стен.

Позади шумно дышал его спаситель.

— Направо, — крикнул человек. — В дверь.

Виккерс схватился за ручку, и дверь распахнулась в темный коридор.

Человек вбежал следом за ним, захлопнул дверь, и они застыли, шумно и неровно дыша в гнетущей темноте подъезда.

— Еще один не дали закончить, — сказал человек, — полицейские стали быстрее соображать. Не успеешь начать митинг, как…

Не кончив фразы, он взял Виккерса за плечо.

— Идите за мной. Осторожно. Ступеньки.

Виккерс пошел за ним, нащупывая ногой ступени. С каждым шагом затхлый воздух подвала становился нестерпимей.

У подножия лестницы человек отодвинул в сторону плотную занавеску, и они очутились в слабо освещенной комнате.

В одном углу стояло старое разбитое пианино, в другом — громоздились ящики, а в центре за столом сидело четверо мужчин и две женщины.

Один из мужчин сказал:

— Мы слышали сирены.

Человек со шрамом кивнул головой.

— Чарли только разошелся. Толпа слушала его, затаив дыхание.

— Кто с вами, Джордж? — спросил другой.

— Он убегал, — ответил Джордж. — Его чуть не задавила полицейская машина.

Они с интересом посмотрели на Виккерса.

— Как ваше имя, приятель? — поинтересовался Джордж.

Виккерс назвал себя.

— Он свой человек? — спросил кто-то.

— Свой, — сказал Джордж. — Он убегал.

— Осторожность…

— Он — свой человек, — упрямо повторил Джордж, но Виккерс отметил, что за уверенно-

стью его спасителя скрывается неловкость — он только сейчас сообразил, какую глупость сделал, приведя его сюда.

— Хотите выпить? — предложил один из мужчин. И подвинул бутылку к Виккерсу.

Виккерс сел на стул и взял бутылку.

— Меня зовут Салли, — представилась одна из женщин, та, что была покрасивей.

— Рад с вами познакомиться, Салли, — отозвался Виккерс. Он обвел взглядом стол. Остальные не были расположены к знакомству.

Он поднял бутылку и глотнул из нее. Это было какое-то дешевое спиртное. У него перехватило дыхание.

Салли спросила:

— Вы активист?

— Простите?

— Активист или пурист?

— Он активист, — сказал Джордж.

Виккерс видел, что Джордж даже вспотел от сознания совершенной ошибки.

— Не очень-то он похож на активиста, — произнес один из мужчин.

— Я активист, — сказал Виккерс, чувствуя, что от него ждали именно этого ответа.

— Он вроде меня, — проговорила Салли. — Ак-

тивист из принципа, но пурист в душе. Не так ли? — спросила она Виккерса.

— Да, — ответил Виккерс. — Именно так.

Он отпил еще глоток.

— Какой у вас период? — спросила Салли.

— Мой период? — переспросил Виккерс. — Ах да, мой период!

И вспомнил белое напряженное лицо миссис Лесли, которая спрашивала его, какой исторический период он считает самым интересным.

— Карл II, — сказал он.

— Что-то вы не спешили с ответом, — подозрительно проговорил один из мужчин.

— Я никак не мог решиться, — ответил Виккерс. — И еле-еле нашел подходящий период.

— Но вы выбрали эпоху Карла II? — заметила Салли.

— Совершенно верно.

— А я, — сказала ему Салли, — ацтеков.

— Но ацтеки…

— Знаю, — согласилась она. — Это не совсем тот выбор? Об ацтеках мало известно. Но зато я могу сама придумывать. Так даже интереснее.

Джордж перебил их:

— Все это глупости. Можно писать дневники и воображать себя кем угодно, когда вам нечего

делать. А сейчас у нас есть дело.

— Справедливо, Джордж, — подтвердила вторая женщина.

— Вы, активисты, здесь неправы, — возразила Салли. — У фантазеров главное — умение уйти из своей эпохи и окружения и окунуться в другую эпоху.

— Послушайте, — начал Джордж. — Я…

— Я согласна, — сказала Салли, — что мы должны работать для этого другого мира. Мы все время ждали этого. Но мы не должны отказываться…

— Хватит, — прервал крупный мужчина, сидевший на другом конце стола. — Хватит болтать. Здесь не место для разговоров.

Салли обратилась к Виккерсу.

— У нас сегодня вечером митинг. Хотите пойти с нами?

Он колебался. В скудном свете лампы было видно, что все внимательно смотрят на него.

— Конечно, — ответил он. — С удовольствием.

Он взял бутылку, сделал еще глоток и передал ее Джорджу.

— Отсюда никуда, — сказал Джордж. — Пока полицейские не успокоятся.

Он отпил и передал бутылку соседу.

46

Когда Салли и Виккерс пришли, собрание только началось.

— Джордж тоже будет? — спросил Виккерс.

Салли улыбнулась.

— Джордж здесь?

Виккерс кивнул.

— Это не в его духе.

— Джордж — боец, — сказала Салли. — Горячий человек. Врожденный организатор. Не знаю, почему он не стал коммунистом.

— А вы? Такие, как вы?

— Мы — пропагандисты, — ответила она. — Мы ходим на митинги. Говорим с народом. Стараемся их заинтересовать. У нас миссионерская работа, мы обращаем их. А после того, как мы их подготовим, ими начинают заниматься такие люди, как Джордж.

Дородная матрона, сидевшая за столом, воспользовалась ножом для бумаг как председательским молотком.

— Простите, — сказала она тягучим голосом. — Простите. Прошу соблюдать порядок.

Виккерс пододвинул стул Салли, затем уселся

сам. Люди в комнате притихли.

Помещение, как заметил Виккерс, состояло из двух комнат, гостиной и столовой; застекленные двери, разделявшие их, были раздвинуты, чтобы получилась единая зала.

«Средняя буржуазия, — подумал он. — Достаточно денежная, чтобы не казаться вульгарной, но лишенная элегантности и изысканности истинно богатых людей. На стенах — подлинники, южнофранцузский камин, старинная, хотя и трудно сказать какой эпохи, мебель».

Он мельком оглядел лица, пытаясь определить, кто эти люди. Рядом сидел явно деловой человек. Чуть подальше — мужчина, волосы которого давно требовали стрижки. Он был похож на художника или писателя, скорее всего непризнанного. А вот та загорелая женщина с серо-стальной шевелюрой не иначе любительница верховой езды.

Но все это не имело никакого значения. Здесь собрались богатые люди, жившие в респектабельных домах, где портье носит ливрею, но такое же собрание происходило сейчас и в каком-нибудь старом доме, где никогда не было швейцара. И в деревушках, и в маленьких городишках также собирались люди. Быть может, в доме директора

местного банка или парикмахера. И на каждом таком собрании кто-то восседал на председательском месте и требовал порядка. И на каждом таком собрании сидели люди, похожие на Салли, ждали своего выступления и надеялись обратить других в свою веру.

Председательша произнесла:

— Мисс Стенхоп стоит первой в списке сегодняшних чтецов.

Потом она откинулась в кресле, удовлетворенная тем, что люди успокоились и собрание проходит нормально.

Мисс Стенхоп поднялась, и Виккерс увидел перед собой само воплощение неудовлетворенного женского тела и духа. Ей было лет сорок, широким мужским шагом она подошла к столу. Работа принесла ей финансовую независимость лет пятнадцать назад, и она бежала за призраком, пытаясь укрыться за образом извлеченного из прошлого персонажа.

У нее был чистый и сильный, но слегка жеманный, голос, читая, она выпячивала челюсть, словно начинающий оратор, отчего ее шея казалась более худой, чем на самом деле.

— Если вы помните, мой период — Гражданская война, Юг, — сказала она и начала читать:

— 13 октября 1862 года миссис Хемптон прислала мне свою коляску со старым Недом, одним из немногих оставшихся верными слуг. Другие слуги давно сбежали, оставив ее без всякой помощи. В таком положении находятся многие из нас…

«Бегство от реальности, — подумал Виккерс, — бегство во времена кавалеров и кринолинов, во времена войны, которая сквозь дымку времени стала казаться романтической, а на самом деле сделала столько людей глубоко несчастными, и они хлебнули в той войне и грязи, и крови, и страданий».

Мисс Стенхоп продолжала читать:

— Там оказалась Изабелла, и я была рада видеть ее, ведь мы не встречались уже много лет, с того дня в Алабаме…

Да, это было бегство. Но бегство, ставшее идеальным инструментом для пропаганды другого мира, второй мирной Земли, идущей вслед за этой.

«Три недели, — подумал он, — прошло не более трех недель, а они успели создать организацию с джорджами, произносящими речи и устанавливающими связи под страхом смерти, привлекли множество людей для ведения подпольной работы».

Но и теперь, когда им предлагали другой мир и надежду на жизнь, к которой они стремились, люди ностальгически цеплялись за прошлое, пытаясь воскресить его ароматы. Это говорило о сомнениях и отчаянии, они не хотели отбросить мечту из страха, что действительность рассыплется в прах, стоит им коснуться ее.

Мисс Стенхоп продолжала читать:

— Я целый час сидела у кровати миссис Хемптон и читала ей ее любимую «Ярмарку тщеславия», которую она не раз прочла сама и которую ей несчетно перечитывали со времени ее болезни.

Но если еще очень многие цеплялись за сладкие мечты, то находились и люди вроде Джорджа, активисты, готовые бороться за осуществление надежд, и с каждым днем росло число их приверженцев, поверивших в новый мир, готовых уйти туда и трудиться там. Они будут произносить речи, исчезать при вое полицейских сирен, отсиживаться в темных подвалах и возвращаться к своей работе, когда полиция уйдет.

«Наше послание, — думал Виккерс, — в надежных руках».

Мисс Стенхоп продолжала чтение, и председательница сонно кивала головой, по-прежнему твердо держа в руке нож для разрезания бумаг.

Одни присутствующие слушали из вежливости, другие — с интересом. Когда чтица закончит, ей зададут вопросы, попросят уточнений и разъяснений, предложат что-то изменить и похвалят за блестящую работу. Потом будут вставать другие, будут читать свои дневники о жизни в другом месте и времени, а все будут сидеть, и слушать, и играть ту же роль.

Виккерс видел всю тщету этих жалких потуг обрести надежду. Комната словно прониклась запахом магнолий, ароматом роз, горьковатым духом воскрешенных из пыли прошлого лет. Когда мисс Стенхоп закончила, в комнате стало шумно: все стали задавать вопросы, она отвечала на них. Он тихо встал и незаметно вышел на улицу.

Сверкали звезды. Они о многом напоминали ему.

Завтра он пойдет к Энн Картер.

И напрасно пойдет — ему не следовало с ней встречаться ни при каких обстоятельствах.

47

Он нажал на кнопку звонка и стал ждать. Но стоило ему услышать ее шаги, как он понял, что должен повернуться и исчезнуть. Он напрасно пришел сюда, он знал, что не должен был этого делать, — все следовало начинать сначала, и не было никакой необходимости во встрече с Энн, ведь мечты о ней умерли так же, как и мечты о Кэтлин.

И все же он был обязан прийти, именно обязан. Дважды он останавливался у подъезда, поворачивался и уходил. На этот раз он не смог уйти, вошел в дом и теперь стоял у двери, прислушиваясь как приближаются ее шаги.

Что он скажет ей, когда откроется дверь? Что сделает? Войдет, словно ничего не случилось, словно оба они остались теми же людьми, какими были в их последнюю встречу?

Следует ли сказать ей, что она мутант, более того — андроид, искусственная женщина?

Дверь отворилась, и он увидел перед собой прелестную женщину, такую, какой представлял себе ее всегда. Протянув руку, она втащила его внутрь, захлопнула за ним дверь и привалилась

к ней спиной.

— Джей, — выдохнула она. — Джей Виккерс.

Он хотел что-то сказать, но не смог. Стоял, смотрел на нее и думал: «Все неправда. Ложь. Это не может быть правдой».

— Что случилось, Джей? Ты же должен был мне позвонить.

Он непроизвольно протянул к ней руки, и она почти в отчаянии бросилась в его объятия. Они стояли, прижавшись друг к другу, и каждый ощущал, что нашел опору в своем несчастье.

— Вначале я решила, что ты просто-напросто свихнулся, — сказала она. — Ты мне столько наговорил по телефону из этого висконсинского городка, что я решила, будто с тобой неладно и ты заговариваешься. А потом стала вспоминать всякие странные вещи, о которых слышала или читала…

— Спокойно, Энн, — сказал он. — Ты не обязана мне все пересказывать.

— Джей, ты никогда не думал, что ты не совсем человек? Нет ли в тебе чего-то необычного, чего-то нечеловеческого?

— Да, — ответил он. — Я часто так думал.

— Я была уверена в этом. В том, что ты не совсем человек. И это к лучшему. Ведь я тоже не

совсем человек.

Он еще сильнее прижал ее к себе. И пока она оставалась в кольце его рук, он чувствовал, что не одинок. Две бедные души, затерянные во враждебном человеческом мире, они могли рассчитывать друг на друга. И хотя между ними не могло быть любви, они должны объединиться против этого мира.

Зазвонил телефон на столе, но они не слышали его.

— Я люблю тебя, Энн, — сказал он, и та часть мозга, которая не была им самим, а оставалась холодным сторонним наблюдателем, напомнила ему, что он не вправе ее любить. Невозможно, аморально и абсурдно любить кого-то, кто ближе сестры, чья жизнь когда-то была частью твоей жизни и снова вскоре станет ею в облике иной личности, которая, может, и не будет подозревать об их существовании.

— Я вспоминаю, — сказала Энн, — но не могу вспомнить, — казалось, ее мысли где-то далеко. — Может, ты поможешь мне?

Он задал вопрос, и губы его похолодели от страха:

— Что ты хочешь вспомнить, Энн?

— Прогулку с кем-то. Я пытаюсь, но не могу

припомнить его имя, хотя четко представляю его себе, несмотря на прошедшие годы. От большого кирпичного здания на холме мы спускались в долину. Был ясный весенний день, потому что дикие яблони были в цвету, пели птицы. Я никогда не совершала такой прогулки, но отчетливо помню ее. Приходилось ли тебе, Джей, вспоминать то, чего никогда не происходило на самом деле?

— Не знаю, — ответил Виккерс. — Быть может, воображение. Какая-то ассоциация с прочитанным.

«Вот и все, — подумал он. — Вот оно подтверждение моих подозрений».

Их было трое, сказал Фландерс, три андроида, разделившие между собой одну человеческую жизнь. И эти трое были он, Фландерс и Энн Картер. Ведь Энн вспоминала о долине в тех же выражениях, что и он, но он был мужчиной и помнил, что гулял с женщиной по имени Кэтлин Престон, а так как Энн была женщиной, она должна была гулять с мужчиной, имени которого не помнила. А если она и вспомнит имя, оно не будет истинным. Ведь и он гулял с девушкой, которую звали не Кэтлин Престон, а иначе.

— Но это не все, — сказала Энн. — Я знаю, о чем думают другие, я…

— Прошу тебя, Энн, — сказал он.

— Я никогда не пыталась узнать их мысли, а вдруг поняла, что могу их читать. Я делала и делаю это бессознательно. Я наперед знаю, кто о чем будет говорить. Я знаю их возражения прежде, чем они выскажут их. Знаю, что им нравится. Именно поэтому я хорошо веду дела, Джей. Я проникала в человеческие мысли и до того дня, когда впервые заподозрила в себе этот дар. Я сознательно проверяла себя, Джей, я могу читать мысли!

Он сжал ее еще сильнее и подумал: «Энн — телепат, из тех, кто может разговаривать со звездами».

— Кто мы, Джей? — спросила она. — Скажи мне, кто ты?

Телефон продолжал звонить.

— Потом, — сказал он. — Не так уж это плохо. Даже чудесно. Я вернулся, потому что люблю тебя, Энн. Я не хотел возвращаться, но не смог. Потому что не вправе…

— Молчи, — прервала она. — Ты сказал сейчас самые нужные слова. Я молилась, чтобы ты вернулся. Когда я узнала, что что-то не так, я испугалась только одного — что ты не сможешь вернуться, что с тобой произошло самое страшное. Я молилась, понимая, что не должна этого

делать, и чувствовала себя лицемеркой, ведь я неверующая…

Телефон звонил все пронзительнее.

— Телефон, — сказала она.

Он отпустил ее, она подошла к дивану, уселась, сняла трубку, а он стоял и рассматривал комнату, пытаясь привести в порядок мысли.

— Тебя, — сказала она.

— Меня?

— Да. Кто-нибудь знает, что ты здесь?

Он покачал головой, но подошел. Уже взяв трубку, он не спешил подать голос, пытаясь сообразить, кто мог позвонить ему сюда.

И вдруг его охватил страх, он покрылся холодным потом, ибо понял, что только один человек мог находиться на другом конце провода.

Голос произнес:

— Говорит неандерталец, Виккерс.

— С дубинкой и прочим? — спросил Джей.

— С дубинкой и прочим, — ответил Крофорд. — Нам следует утрясти одно дельце.

— В вашей конторе?

— На улице вас ждет такси.

Виккерс зло засмеялся и спросил:

— Как давно вы ведете меня?

Крофорд фыркнул:

— С Чикаго. Страна нашпигована анализаторами.

— Вы узнаёте много нового?

— Иногда.

— И по-прежнему верите в ваше секретное оружие?

— Конечно. Но…

— Сознайтесь, как другу, — сказал Виккерс.

— Нам следует поговорить со всей откровенностью, Виккерс. Я действительно хочу этого, поторопитесь. — Крофорд повесил трубку.

Виккерс отнял трубку от уха и положил на рычаг.

— Звонил Крофорд, — сказал он Энн. — Он хочет поговорить со мной.

— Все нормально, Джей?

— Да, да, нормально.

— Ты вернешься?

— Вернусь, — сказал Виккерс.

— Ты знаешь, что делать?

— Теперь знаю, — сказал Виккерс. — Знаю.

48

Крофорд восседал в кресле рядом со столом. Виккерс вздрогнул, увидев кресло, в котором сидел несколько недель назад, когда приходил сюда вместе с Энн.

— Рад вас снова видеть здесь, — сказал Крофорд. — Рад, что мы снова вместе.

— Вас должно радовать, как идут дела, — сказал Виккерс. — Вы более любезны, чем в нашу последнюю встречу.

— Я всегда любезен. Я неизменно любезен, даже когда испуган или зол.

— Что же вы не схватили Энн Картер?

Крофорд покачал головой.

— Нет оснований. Пока.

— Но вы следите за ней.

— Мы следим за всеми вами. Вас осталось не так много.

— Мы можем избавиться от слежки, как только пожелаем.

— Не сомневаюсь, — согласился Крофорд. — Будь я мутантом, я бы тоже предпочел скрыться. Но почему вы здесь?

— Потому что мы выиграли, и вы это знаете луч-

ше других, — сказал Виккерс. Ему хотелось быть уверенным в своих словах хотя бы наполовину.

— Мы можем начать войну, — сказал Крофорд. — Стоит только шевельнуть пальцем…

— Вы этого не сделаете.

— Но вы зашли слишком далеко. Вы прижали нас. У нас нет иного выхода, война — последнее оружие.

— Вы думаете о другом мире.

— Совершенно верно, — сказал Крофорд.

Он сидел и в упор глядел на Виккерса своими заплывшими жиром голубыми глазками.

— А что нам остается делать? — спросил он. — Сидеть сложа руки и ждать, пока ваш каток подомнет нас под себя? Вы выпускаете технические новинки — мы преграждаем вам путь. Хотя допускаю, что наши методы оказались довольно жесткими. Теперь новая попытка. Вы пытаетесь эксплуатировать идею, создать религию, поднять волну фанатизма. Скажите, Виккерс, что кроется за этими россказнями?

— Чистая правда, — сказал Виккерс.

— Пока все идет как по маслу. Даже слишком хорошо. Нужна война, чтобы покончить с этим.

— Вы считаете, что мы занимаемся подрывной деятельностью?

— А как это еще можно назвать? — Крофорд даже оживился. — Хотя все началось только несколько дней назад, вы добились очень многого. Люди бросают работу, покидают дома, отказываются от денег. Бедность, твердят они, является пропуском в другой мир. Что это за стряпня, Виккерс?

— Что происходит с этими людьми? С теми, кто бросил работу, покинул дом, отказался от денег. Вы пытались узнать, что с ними случилось?

Крофорд наклонился вперед.

— Это-то нас и пугает. Эти люди исчезли. Мы не успеваем с ними встретиться, как они исчезают.

— Они отправляются на другую Землю, — сказал Виккерс.

— Я не ведаю, куда они отправляются, но хорошо знаю, что будет, если это не прекратится. Наши рабочие покидают нас, уже даже не десятками…

— Если вам действительно хочется начать войну, нажмите кнопку.

— Мы вам не позволим обойти нас, — сказал Крофорд. — И найдем средство вас остановить.

Виккерс встал и склонился над столом.

— С вами покончено, Крофорд. Мы не позволим вашему миру идти по этому пути. Мы…

— Сядьте, — сказал Крофорд.

Мгновение Виккерс разглядывал Крофорда, потом медленно сел.

— И вот еще что, — продолжил Крофорд. — Я говорил об анализаторах в этой комнате. Так вот, анализаторы стоят не только в этой комнате. Они повсюду. На железнодорожных станциях, на автовокзалах, в холлах гостиниц, в ресторанах…

— Не сомневаюсь. Таким образом вы засекли и меня.

— Я вас предупредил. Не стоит нас недооценивать, хотя мы просто люди. Организованная мировая промышленность может многое и умеет работать быстро.

— Вы сами себя побьете, — сказал Виккерс. — Вам уже известно многое, но вы закрываете на это глаза.

— К примеру?

— Многие ваши банкиры, промышленники и прочие воротилы вашей организации являются теми самыми мутантами, с которыми вы боретесь.

— Я говорил, что стремлюсь к откровенному разговору. Скажите, как вам удалось ввести их в нашу организацию?

— Мы никого никуда не вводили, Крофорд.

— Вы не…

— Давайте начнем сначала, — сказал Виккерс. — Можете ли вы сказать, кто такой мутант?

— Думаю, человек, наделенный некоторыми особыми талантами, лучшим, чем у нас, пониманием вещей.

— Тогда предположите наличие человека-мутанта, не знающего вовсе, что он мутант, и считающего себя обычным человеком. Кем он станет? Врачом, адвокатом, нищим, вором? Однако кем бы он ни стал, он всегда будет лидером. Выдающимся врачом, удачливым адвокатом, знаменитым редактором или писателем. Но он может оказаться промышленником или банкиром.

Голубые глазки Крофорда смотрели на него, не мигая.

— Вы, — сказал Виккерс, — стоите во главе наилучшей в сегодняшнем мире группы мутантов. Люди, с которыми мы не смогли вступить в контакт, потому что они слишком тесно связаны с обычным миром. Что вы можете поделать с этим, Крофорд?

— Я им ничего не скажу.

— Тогда это сделаю я.

— Нет, вы не сможете, — сказал Крофорд, — потому что лично вы — конченый человек. Как вы думаете, почему вы остались в живых? Только потому, что этого хотел я.

— Вы не думаете, что мы придем к компромиссу?

— Не исключено, но маловероятно. Вы были полезны. Теперь вы опасны.

— Вы спускаете на меня своих псов?

— Именно так я и поступлю. Прощайте, мистер Виккерс. Я был рад нашему знакомству.

Виккерс встал со стула.

— Мы еще встретимся.

— В этом я весьма сомневаюсь, — произнес Крофорд.

49

Спускаясь в лифте, Виккерс быстро перебирал в уме все возможности. Крофорду понадобится не более получаса, чтобы оповестить всех, что запрет на его безопасность снят, и он станет дичью, которую может пристрелить любой. Иди речь только о нем, все было бы просто, но существовала Энн.

Без всякого сомнения, Энн тоже стала дичью, потому что теперь, когда кости были брошены и карты открыты, Крофорд перешел к игре без правил.

Следовало перехватить Энн. Перехватить, коротко и толково все объяснить, не дав ей возможности задавать вопросы.

Он вышел из лифта вместе с другими пассажирами и заметил, как лифтер бросился вон из кабины к ближайшему телефону.

«Сообщает обо мне», — подумал он. В лифте наверняка стоял анализатор, сигнал которого был понятен лифтеру. Такие анализаторы стояли везде…

Стоило поступить сигналу о присутствии мутанта, как специальная группа начинала охоту

за ним. Это был конец — человек не знал о нависшей угрозе. Иначе он бы мог сосредоточиться и мгновенно исчезнуть, как исчезали мутанты, когда люди Крофорда хотели встретиться с ними.

Как говорил Крофорд? — «Мы звоним и ждем».

Теперь никто не звонил в дверь.

В вас стреляли из засады. Наносили удар исподтишка. Люди знали, кто вы, и сообщали всем, что вас следует убить. И у вас не осталось никаких шансов на спасение — вас никто не мог предупредить.

Так погиб Эб, так погибли и остальные — люди Крофорда не давали своим жертвам ни секунды на размышление.

И только его, Джея Виккерса, засекли, но не трогали. То же самое касалось Энн и, может, еще одного или двух мутантов.

Теперь все изменилось. Теперь и он не лучше загнанной крысы.

Он встал на тротуаре и огляделся.

«Нужно такси, — подумал он, — хотя анализаторы наверняка стоят и там». Анализаторы стояли повсюду. И один из них был в доме Энн, иначе Крофорду не удалось бы так быстро узнать, где он.

Куда бы он ни пошел, повсюду анализаторы

будут отмечать его путь.

Он остановил такси, сел в машину и назвал адрес.

Шофер, оглянувшись, с ужасом смотрел на него.

— Спокойно, — сказал Виккерс. — С вами ничего не случится, если будете вести себя тихо.

Шофер не ответил.

Виккерс подвинулся ближе к дверце.

— Ладно, приятель, — наконец сказал шофер. — Я не стану ничего предпринимать.

— Вот и хорошо, — сказал Виккерс. — Поехали.

Он смотрел на убегающие дома, искоса поглядывая на шофера, не подает ли он каких-либо сигналов, но ничего не заметил.

Он опасался, что его могли ждать в квартире Энн. Но решил рискнуть.

Такси остановилось у дома. Виккерс открыл дверцу и вылез наружу. Шофер рванул машину, не дожидаясь денег.

Виккерс бросился к двери и, миновав лифт, бросился вверх по лестнице.

Подбежав к квартире Энн, он схватился за ручку, повернул ее, но дверь была закрыта на ключ. Он позвонил — никого. Он еще и еще нажал на звонок. Потом отошел к противоположной стене

и со всего размаха бросился на дверь. Она едва покачнулась. Он попробовал еще раз. После третьей попытки замок вылетел и Виккерс растянулся на полу.

— Энн, — крикнул он, вскочив на ноги.

Никакого ответа.

Он побежал по комнатам и никого не нашел. На мгновение застыл на месте, а потом выскочил из квартиры и бросился вниз по лестнице.

Когда он оказался на тротуаре, к дому один за другим подкатывали три автомобиля. Из них выскочили вооруженные люди.

Он бросился назад к подъезду и едва не сшиб женщину с хозяйственной сумкой в руках. Он узнал Энн и успел заметить торчавший из пакета пучок петрушки.

— Джей! — воскликнула она. — Джей, что случилось? Что это за люди?

— Быстрее проникни в мой мозг. Как делала с другими. С теми, чьи мысли читала.

— Но…

— Быстрее!

Он почувствовал, как она схватывает его мысли и ассимилирует их. Что-то ударило в стену над их головами и с визгом улетело вверх.

— Держись, — сказал он. — Мы удираем от-

сюда.

Он закрыл глаза и сконцентрировал всю свою волю, чтобы осуществить переход. Он ощутил дрожь Энн, потом скользнул куда-то и упал.

Он сильно ударился головой обо что-то твердое, из глаз брызнули искры, что-то задело его руку, потом на него рухнул какой-то предмет.

И тут он услышал шелест ветра в листве деревьев и открыл глаза. Он лежал на спине у подножия серой гранитной скалы. На нем покоилась громадная сумка с провизией, из которой торчал пучок петрушки.

Он сел.

— Энн, — позвал он.

— Я здесь, — ответила она.

— Все в порядке?

— Физически — да, умственно — нет. Что случилось?

— Мы свалились с этой скалы, — сказал Виккерс.

Он поднялся, протянул ей руку и помог встать.

— Но скала… Джей, где мы?

— Мы в другом мире, — ответил Виккерс.

Они стояли и смотрели на расстилающуюся перед ними равнину, пустынную и дикую, в зарослях леса между скалами, валунами на

склонах.

— В другом мире, — повторила она. — Эта невероятная история из газет?!

Виккерс кивнул.

— Здесь нет ничего невероятного, Энн. Этот мир существует на самом деле.

— Ну, ладно, где бы мы ни были, обед у нас с собой. Помоги собрать продукты.

Виккерс встал на корточки и принялся собирать картошку, высыпавшуюся из пакета. Пакет разорвался, когда они падали со скалы.

50

Перед ними был Манхаттан в своем первозданном виде, каким он был до прихода белого человека и до возведения прекрасных и чудовищных зданий. Совершенно нетронутый Манхаттан.

— И все же, — сказал Виккерс, — здесь что-то должно быть. Мутанты не могли не устроить здесь промежуточный склад для товаров, переправляемых в Нью-Йорк.

— А если склада нет? — спросила Энн.

Он с улыбкой посмотрел на нее.

— Любишь путешествовать?

— До Чикаго?

— За Чикаго, — сказал он. — Хотя мы можем построить плот, если найдем реку, текущую на Запад.

— Должны существовать и другие центры мутантов.

— Несомненно, но, может, именно здесь ничего нет.

Она кивнула.

— Все так странно.

— Ничего странного, — сказал он. — Только

неожиданно для тебя. Будь у нас время, я бы все тебе рассказал, но как раз времени у нас в обрез.

— Джей, они стреляли в нас?

Виккерс подтвердил:

— Это специальные агенты.

— Но они же человеческие существа, Джей. Как мы.

— Не как мы, — сказал Виккерс. — И такое положение раздражает их. В наши дни этого достаточно.

Он подбросил несколько веток в костер и повернулся к Энн.

— Пошли, — сказал он. — Пора трогаться в путь.

— Но, Джей, наступает ночь.

— Знаю. Если на острове что-нибудь есть, мы заметим вспышки света. С холма. Если ничего не увидим, вернемся сюда. Утром снова осмотримся.

— Джей, — сказала она, — мне кажется, что мы на пикнике.

— Не вижу связи.

— Ну, костер, еда на воздухе и…

— Сударыня, забудьте об этом, — сказал ей Виккерс.

Он пошел первым, а она за ним. Ночные птицы

грациозно скользили над их головами. Издали донесся лай енота. Вокруг кружили стаи светлячков.

Они забрались на невысокий, но крутой холм и, как только очутились на вершине, увидели огни в дальнем конце острова.

— Вон они, — сказал Виккерс. — Я думал найти их именно там.

— До них далеко. Неужели придется идти пешком?

— Возможно, и нет.

— А как…

— Ты же телепат, — подсказал Виккерс.

Она кивнула.

— Попробуй, поговори с кем-нибудь оттуда, — сказал Виккерс и вспомнил, как Фландерс говорил, раскачиваясь в кресле, что для телепатии расстояние не имеет значения — миля или световой год, разницы почти никакой.

— Ты думаешь, я смогу?

— Не знаю, — ответил Виккерс. — Тебе же не хочется идти пешком?

— Нет, очень далеко.

Они молча смотрели на крошечный островок света в сгущающейся темноте. Он попробовал представить себе расположение зданий. Вон

там, на древней Земле стоял Рокфеллер-Сентер, а там раскинулся центральный парк, а дальше, в излучине Ист-Ривер — старое здание ООН. А здесь были только деревья и трава и ни намека на сталь с бетоном.

— Джей, — шепнула Энн дрожащим от волнения голосом.

— Да.

— Мне кажется, я нащупала кого-то.

— Мужчину или женщину?

— Нет. Вроде робота. Да, он подтверждает, что является роботом. Он обещает прислать кого-нибудь, нет, что-нибудь за нами.

— Энн…

— Он просит нас подождать тут. Они сейчас прибудут.

— Энн, спроси у них, могут ли они сделать фильм?

— Фильм?

— Конечно. Кино. У них есть камера и пленка?

— Но зачем?..

— Спроси. У меня возникла мысль, как победить Крофорда.

— Джей, ты не вернешься туда!

— Еще как! — сказал Виккерс.

— Джей Виккерс, я не пущу тебя!

— Ты не можешь задерживать меня, — сказал Виккерс. — А теперь сядем и подождем.

Они уселись рядом.

— Я расскажу тебе одну историю, — сказал Виккерс. — Об одном мальчугане. Его звали Джей Виккерс и он был очень-очень юн…

Он вдруг остановился.

— Слушаю тебя, — сказала она. — Продолжай.

— В другой раз. Расскажу попозже.

— Почему? Я хочу послушать ее сейчас.

— Только не при этом лунном свете, — произнес Виккерс. — Не время.

Прежде всего усилием воли он отгородил свои мысли и мозг от еще неумелой Энн и только тогда позволил себе подумать: «А могу ли я сказать ей, что мы ближе друг другу, чем она полагает, что мы вышли из одной жизни и вернемся в одно тело и никогда не сможем любить друг друга?»

Она прижалась к нему, положила голову ему на плечо и стала смотреть в небо.

— Все проясняется, — сказала она. — И не все столь странно выглядит. И все кажется верным. Новым, но верным. Этот другой мир и все наши способности и странные воспоминания…

Он обнял ее за плечи, она повернула голову и быстро, не раздумывая, поцеловала его.

— Мы будем счастливы, — сказала она. — Мы оба будем счастливы в этом новом мире.

— Конечно, мы будем счастливы, — согласился Виккерс.

Теперь он никогда не сможет ей сказать всей правды. Она узнает обо всем, но не от него.

51

В трубке послышался женский голос, и Виккерс попросил к телефону Крофорда.

— Мистер Крофорд на заседании, — ответила девушка.

— Скажите, что звонит Виккерс.

— Мистер Крофорд не сможет… Вы сказали Виккерс? Джей Виккерс?

— Да. Я должен кое-что ему сообщить.

Он ждал, спрашивая себя, сколько у него времени, ведь анализатор в телефонной будке должен был уже подать сигнал о его присутствии. Бригада убийц, наверное, была в пути.

Раздался голос Крофорда:

— Хэлло, Виккерс.

— Отзовите своих псов, — сказал Виккерс. — Из-за них мы с вами теряем время.

В голосе Крофорда послышалась злость:

— Я, кажется, вас предупредил…

— Успокойтесь, — сказал Виккерс. — У вас нет никаких шансов прикончить меня. У ваших людей ничего не выйдет, даже если они загонят меня в угол. А раз вы не можете убрать меня, лучше со мной побеседовать.

— Побеседовать?

— Конечно.

— Послушайте, Виккерс, я не…

— Вы можете, — возразил Виккерс. — История с другим миром пользуется широким успехом. Фантазеры создали ей отличную рекламу, дело приобретает размах, а ваша позиция становится все более и более шаткой. Пора учиться уму-разуму.

— Я заседаю со своими заместителями, — сказал Крофорд.

— Прекрасно. Именно с ними мне и хотелось бы побеседовать.

— Виккерс, не стоит, — сказал Крофорд. — Вы ничего от них не добьетесь. Что бы вы не замышляли, у вас ничего не выйдет. Вас не выпустят живым. И я ничем не смогу вам помочь, если вы будете упорствовать с вашим безумным замыслом.

— Я иду.

— Вы мне нравитесь, Виккерс. Не знаю почему. У меня нет причин…

— Я иду.

— Хорошо, — устало согласился Крофорд. — Вы сами этого пожелали.

Виккерс взял с пола коробку с фильмом и вы-

шел из будки. Кабина лифта была внизу, и он быстро направился прямо к ней, чуть-чуть сгорбившись, словно опасаясь пули в спину.

— Четвертый этаж, — сказал он.

Лифтер не моргнул. Анализатор подал сигнал, но, по-видимому, по отношению к посетителям четвертого этажа у лифтера были специальные распоряжения.

Виккерс открыл дверь Североамериканского исследовательского бюро и увидел Крофорда, который ждал его в приемной.

— Проходите, — сказал Крофорд и двинулся вперед по длинному коридору.

Виккерс последовал за ним. Он взглянул на часы. Все шло лучше, чем он ожидал. У него в запасе оставалось две-три минуты. Разговор с Крофордом оказался недолгим.

Энн позвонит через десять минут. От того, что случится за это время, зависит успех дела.

Крофорд остановился перед дверью в конце коридора.

— Вы знаете, что делаете, Виккерс?

Виккерс утвердительно кивнул.

— Малейший ложный шаг и… — присвистнув, Крофорд провел пальцем по горлу.

— Понимаю, — сказал Виккерс.

— Это отчаявшиеся люди. Еще есть время уйти. Я не сообщил о вашем визите.

— Не надо меня подзадоривать, Крофорд.

— Что это у вас?

— Документальный фильм. С его помощью меня легче поймут. У вас есть кинопроектор?

Крофорд кивнул.

— Но нет киномеханика.

— Я все сделаю сам, — сказал Виккерс.

— Компромисс?

— Выход.

— Хорошо. Входите.

Шторы были задернуты, в мягком свете Виккерс увидел сидящих за длинным столом людей — их белые лица были повернуты в его сторону.

Утопая в мягком ковре, Виккерс прошел за Крофордом через всю комнату. Некоторые лица были ему знакомы.

Справа от Крофорда сидел крупнейший финансовый магнат, за ним — частый посетитель Белого дома, выполнявший поручения полудипломатического характера. Были там и другие известные ему лица. Многих он не знал, но их внешний вид говорил о том, что это не американцы.

Итак, здесь собрался административный совет Североамериканского исследовательского бюро

— люди, ведавшие судьбами обычных людей, которые решили покончить с мутантами.

— Произошло нечто совершенно неожиданное, — сказал Крофорд. — Даже невероятное. К нам явился мутант.

В полной тишине сидевшие вокруг стола посмотрели на Виккерса и вновь повернулись к Крофорду, который продолжал:

— Мистер Виккерс нам всем знаком. Вы помните, что мы вели с ним переговоры, когда надеялись, что нам удастся преодолеть разногласия между двумя ветвями человеческой расы. Мистер Виккерс явился сюда по собственной инициативе с целью, как он сообщил мне, найти подходящее решение. Он не сказал мне, каков характер решения. Я привел его сюда. Хотите ли вы его выслушать?

— Конечно, — сказал один из присутствующих. — Пусть говорит.

— Может, это к лучшему, — добавил другой.

Остальные кивнули в знак согласия.

Крофорд обратился к Виккерсу:

— Говорите.

Виккерс подошел к столу. «Чем быстрей, тем лучше, — подумал он. — Если все пойдет хорошо. Только не оступиться. Иначе все пропало. Победа

или поражение, промежуточного решения нет, запасного выхода нет».

Он поставил коробку с фильмом на стол, улыбнулся и сказал:

— Это не адская машина, господа. Это фильм, который я хочу вам показать чуть позже.

Никто не улыбнулся. Они смотрели на него, и их лица не выражали ничего, кроме холодной ненависти.

— Вы хотите начать войну, — сказал он. — Вы собрались, чтобы решить, давать ли сигнал или нет…

Побелевшие от напряжения лица наклонились вперед.

Кто-то сказал:

— Виккерс, вы — либо отважный человек, либо круглый дурак.

— Я пришел, — сказал Виккерс, — дабы предотвратить войну.

Он сунул руку в карман, затем быстро вынул и поставил на стол какой-то предмет.

— Это волчок, — пояснил он. — Детская игрушка. Дети играют, вернее, играли с ней. Я хочу остановить ваше внимание на волчке.

— Волчок? — воскликнул кто-то. — Что за абсурд?

Но банкир справа от него мечтательно проговорил:

— У меня был такой же, когда я был мальчуганом. Сейчас их нигде не делают. Я уже давно не видел волчка.

Он протянул руку, взял волчок и запустил его прямо на столе. Остальные с интересом смотрели на него.

Виккерс бросил взгляд на часы. Все шло, как он планировал. Если так пойдет и дальше…

— Вы помните волчок, Крофорд, — спросил Виккерс. — Тот, что вы видели тогда в моем номере?

— Помню, — отозвался Крофорд.

— Вы запустили его, и он исчез, — сказал Виккерс.

— А потом он вернулся.

— Крофорд, почему вы запустили волчок?

Крофорд нервно облизал губы.

— Почему? По правде говоря, не знаю. Я, наверное, хотел воскресить детство, опять превратиться в мальчишку.

— Вы спросили: «Зачем нужен волчок?»

— Вы ответили: «Чтобы отправиться в сказочную страну», и я сказал вам, что неделей раньше счел бы вас сумасшедшим, и вы то же самое сказали по поводу нашей с вами беседы.

— Но перед моим приходом вы запустили волчок. Скажите, Крофорд, почему вы это сделали?

— Скажи, — вмешался банкир. — Скажи ему.

— Но я уже сказал, — ответил Крофорд. — Я изложил причины.

Позади Виккерса открылась дверь. Он повернул голову и увидел, что секретарша зовет Крофорда.

«Вовремя, — подумал он. — Все идет как по маслу. Энн позвонила и вызвала Крофорда из комнаты». В этом заключался его план — в присутствии Крофорда его бы постигла неудача.

— Мистер Виккерс, — сказал банкир, — меня очень заинтересовала эта история с волчком. Какая связь между волчком и интересующим нас делом?

— Я хочу провести аналогию, — сообщил Виккерс. — Между обычными людьми и мутантами существуют некоторые коренные различия, которые станут понятнее после демонстрации волчка. Но прежде я хочу вам показать фильм. Затем приступлю к объяснениям, и вы лучше поймете меня. Разрешите начать?

Он снял коробку с фильмом со стола.

— Конечно, — сказал банкир. — Приступайте.

Виккерс поднялся по ступенькам в кинобудку, открыл дверь и вошел внутрь.

Надо было действовать быстро и наверняка — Энн не сможет долго удерживать Крофорда у телефона и минут через пять он вернется.

Трясущимися руками он вставил бобину с пленкой, пропустил пленку между линзами, установил нижнюю бобину. Проверил. Все, кажется, было в порядке.

Он нашел выключатели и повернул их, световой конус вспыхнул над столом, и на экране появился ярко раскрашенный волчок, он вращался, его полоски появлялись и исчезали, появлялись и исчезали…

Послышался голос:

— Перед вами волчок, простая игрушка, но он создает одну из самых удивительных иллюзий…

Слова звучали верно, Виккерс знал это. Роботы-эксперты нашли верные слова, произнесли их с верной интонацией, придав им точный семантический смысл. Слова найдут своих слушателей, заострят их внимание на волчке с самых первых секунд.

Он тихо спустился по ступеням и направился к двери. Если Крофорд вернется, он задержит его на нужное время.

Голос продолжал:

— Теперь если вы посмотрите внимательно, то

увидите, что цветные полоски пересекают тело волчка и исчезают. Ребенок, наблюдающий за цветными полосками, может спросить, куда они идут, и любой другой…

Он считал секунды. Они, казалось, тянулись бесконечно.

Голос продолжал:

— Смотрите внимательно, смотрите внимательно, они появляются и исчезают, появляются и исчезают, появляются и исчезают…

За столом уже осталось только три человека, они так внимательно смотрели на экран, что не заметили исчезновения остальных. И только эти три человека, по-видимому, не были скрытыми мутантами.

Виккерс тихо открыл дверь, проскользнул в нее и закрыл за собой.

Мягкий вкрадчивый голос остался за дверью:

— Появляются и исчезают, смотрите внимательно, появляются и исчезают…

Крофорд тяжелым шагом шел по коридору.

Он увидел Виккерса и остановился.

— Что вы тут делаете? — спросил. — Почему вы ушли?

— Позвольте задать вам вопрос, — сказал Виккерс, — на который вы так и не ответили. Почему

вы запустили волчок? Крофорд кивнул головой.

— Я сам не могу понять, Виккерс. Как это не бессмысленно, но я тоже однажды побывал в сказочной стране. Точно, как вы, когда был ребенком. Я вспомнил об этом после разговора с вами. Может, именно из-за него. Я вспомнил, как сидел на полу, смотрел на вращающийся волчок и спрашивал себя, куда уходят полоски. Вы знаете, они появляются и исчезают, потом появляются другие и тоже исчезают — и я спрашивал себя, куда они уходят, и так увлекся, что последовал за ними и оказался в сказочной стране, где было много цветов. Я сорвал один цветок и, когда вернулся, обнаружил его у себя в руке и понял, что действительно побывал в сказочной стране. Вы знаете, стояла зима и цветов нигде не было, но когда я показал цветок матери…

— Достаточно, — прервал его Виккерс. И в голове его было нескрываемая радость. — Я хотел знать только это.

Крофорд уставился на него.

— Вы не верите мне?

— Верю.

— Что с вами, Виккерс?

— Со мной все в порядке, — ответил Виккерс.

Третьим человеком была не Энн Картер!

Фландерс, он и Крофорд — вот, кто делил между собой жизнь, извлеченную из тела Джея Виккерса.

А Энн?

Энн несла в себе жизнь девушки, которая гуляла с ним по долине, девушки, которую он помнил под именем Кэтлин Престон, но которую звали иначе. Ведь Энн помнила и долину, и прогулку с кем-то по этой весенней долине. Быть может, их было больше, чем одна Энн. Могло быть три Энн, как было три Виккерса, но это уже не имело значения. Может, Энн на самом деле звали Энн Картер, как его звали Джей Виккерс. Может, это означало, что по возвращении трех частей единой жизни в одно тело в нем будет доминировать его собственное сознание, как сознание Энн в ее подлинном теле.

Теперь он мог любить Энн. Ведь оказалось, что она вовсе не часть его самого.

Энн, его Энн вернулась на эту Землю, чтобы позвонить и вызвать Крофорда, который мог заподозрить опасность, увидев вращающийся волчок на экране, а теперь она была уже на той Земле, вне опасности.

— Все в порядке, — повторил Виккерс. — Абсолютно все.

Теперь он тоже может возвращаться — Энн ждет его. И они будут счастливы, как сказала она, когда они сидели на Манхаттанском холме, ожидая роботов.

— Ну ладно, — сказал Крофорд. — Пошли в зал.

Виккерс остановил его.

— Нет смысла.

— Нет смысла?

— Ваших заместителей там нет, — сказал Виккерс. — Они в другом мире. В том, о котором говорят на всех перекрестках.

Крофорд глянул на него.

— Волчок!

— Верно.

— Мы начнем снова, — сказал Крофорд. — Еще один совет. Еще один…

— Поздно, — прервал его Виккерс. — С этой Землей покончено. Люди покидают ее. А кто останется, не станет слушать вас.

— Я убью вас, — сказал Крофорд. — Я убью вас, Виккерс.

— Нет, не убьете.

Напрягшись, они молча стояли друг против друга.

— Да, — выговорил Крофорд. — Не могу. Хотел бы, но не могу. Почему я не могу поднять на вас

руку, Виккерс?

Виккерс взял его за локоть.

— Пошли, друг, — тихо сказал он. — Нет, не друг… брат.

СТАРЫЙ КЛИФФ.
(Андрей Балабуха о Клиффорде Саймаке)

Зовусь я Йонс Йонсен,
Мой дом — штат Висконсин
Курт Воннегут

I

Я долго смотрел на вставленный в машинку листок, в который уже раз вспоминая восхитительный в язвительности своей совет Станислава Ежи Леца: «Прежде чем начать писать, посмотри, как прекрасен девственно чистый лист бумаги». Вот и смотрел. И думал — а что, собственно, можно сказать о Саймаке?

Том самом Саймаке, который знаком, кажется, как свои пять пальцев. Том Саймаке, на чьих книгах вырос. Чей рассказ «Однажды на Меркурии» прочел еще мальчишкой…

Мне было в те поры десять лет, и я еще не до конца переварил «Сокровище Громовой Луны» Эдмонда Гамильтона — первую более или менее

современную американскую научно-фантастическую повесть, радением «Техника — молодежи» пришедшую к нам в 1956 году. И вот прошло лишь несколько месяцев, и в другом журнале — «Знание — Сила» — появился рассказ Саймака (понадобилось полтора десятка лет, чтобы я узнал, что на самом деле назывался он «Мятеж на Меркурии»; впрочем, такова уж судьба названий многих — и не только саймаковских — произведений...). Он настолько врезался в детскую память, что по сей день нужды нет перечитывать — так и стоят перед глазами картинки раскаленной меркурианской поверхности, видимой сквозь толстое стекло иллюминатора, а над ней — пляска разноцветных шаров, способных превращаться во все что угодно — от человека до громадной бутылки виски...

А потом был сборник его рассказов «Прелесть». За ним — роман «Все живое...», пленительный «Заповедник гоблинов»... И еще, и еще, и еще... Роман за романом, рассказ за рассказом... Вот и кажется — что можно сказать о Саймаке? Да и нужно ли что-нибудь говорить?

И тогда я принялся перебирать его книги. Почти каждая из них сопровождалась предисловием, послесловием или, на худой конец, просто

кратенькой справкой об авторе. Причем статьи эти не кто попадя писал — и такие критики, как Владимир Дмитревский или Всеволод Ревич, и такие писатели, как Еремей Парнов или братья Стругацкие. Главный калибр. Но, как ни странно, о самом Саймаке не говорилось почти ничего — так, несколько названий и дат... И все. Были рассуждения — не столько даже о его творчестве, сколько о проблемах, им затрагиваемых. Интересные рассуждения — и не очень. Но ведь суждения — личное дело каждого; всяк волен иметь свою точку зрения, с которой остальные вправе соглашаться или нет.

И тогда я понял, что писать все-таки надо. Надо рассказать об этом удивительном и любимом мною писателе. Рассказать хотя бы то немногое, что знаю о нем сам.

II

«Говорят, что лучшие умирают молодыми, — такими словами заканчивал свою речь на похоронах Клиффорда Доналда Саймака его коллега и собрат по Ассоциации американских писателей-фантастов Бен Бова, известный у нас по роману «Властелины погоды». — Может быть, и так. Однако подлинно великие живут долго и пло-

дотворно». Удивительно емкие и точные слова.

Родился Саймак 3 августа 1904 года в Милвилле — небольшом висконсинском городке, расположенном неподалеку от места слияния рек Миссисипи и Висконсин, — том самом Милвилле, что, несомненно, знаком вам по многим написанным им впоследствии романам (ну вот хоть, Все живое...» вспомните; кстати, в оригинале этот роман называется, Вся плоть — трава»). Мать его была дочерью местного фермера, а отец — нанявшимся на эту ферму работником, богемским иммигрантом, выходцем из той части Чехии, что входила тогда в состав Австро-Венгрии. Отсюда, кстати, и фамилия, куда естественнее звучавшая бы где-нибудь в окрестностях Пльзеня или Брно. Нельзя сказать, чтобы хозяйство саймаковского деда процветало — отказывать себе приходилось очень и очень во многом. Однако семья все-таки выстояла, хотя экономически это были и не самые легкие времена. Зато характер здешних мест, красота природы американского Среднего Запада навсегда покорили юного Клиффа. Он так и не решился впоследствии уехать из этих краев куда-нибудь на другой конец страны; где бы он ни учился или ни работал в будущем — это все равно были Висконсин, Миннесота,

Мичиган. Правда, он не отважился вернуться непосредственно в места своего детства, предпринять сентиментальное путешествие вроде того, в какое пустился на страницах романа, «Вы сотворили нас!» Хортон Смит. По собственному признанию, он боялся, что с годами детские воспоминания слишком обогатились фантазией: «Много лет я лелеял мысль, что проведу конец жизни среди этих висконсинских холмов. Но теперь понимаю, что вернуться не могу. Я сам превратил себя в изгнанника, возведя меж собою и родными местами психологический барьер. Я сотворил в душе фантастический образ, лишь базирующийся на этой древней земле. Холмы в моем представлении выше, чем на деле, и склоны их круче падают в более глубокие и тенистые, чем в действительности, лощины; вода в ручьях и речушках, протекающих по их дну, видится мне прозрачнее, чище и говорливее, чем это возможно; а цвета осени превосходят яркостью все, что в силах дать природа. И если бы однажды я в самом деле вернулся туда — сколь бы ни были величественны и прекрасны эти места, они неизбежно показались бы убогими по сравнению со страной моих памяти и воображения».

Правда, то, что оказалось невозможным для

автора, вполне посильно его героям: возвращается в родной Пайлот-Ноб Хортон Смит; оказывается на висконсинской ферме своего пращура герой романа «Снова и снова» Эшер Саттон; и даже гоблины и тролли сварятся из-за сладкого октябрьского эля именно на холмах Висконсина, а в Висконсинском университете предаются своим высокоученым занятиям профессор Максвелл, Дух и Алле-Оп из «Заповедника гоблинов». Но все это — и романы, и воспоминания — потом. А пока юный Клифф каждый день ходил по этим холмам в расположенную в полутора милях начальную сельскую школу— такое же, как в Пайлот-Нобе, «однокомнатное» учебное заведение, где единственный преподаватель учит всех с первого класса до последнего, восьмого, а в углу возвышается старенькая, разбитая и расстроенная фисгармония. Причем здесь нельзя не упомянуть об одном обстоятельстве: посещая школу, Клифф не выполнял традиционно-обязательной повинности; у него была четкая цель.

Однажды, когда мальчику едва исполнилось пять, его внимание было привлечено наизауряднейшим зрелищем: сидя на террасе, мать читала газету. Полвека спустя Саймак так вспоминал этот эпизод:

«— Мама, а газета печатает все новости со всего мира?

— Да, — отвечала она.

— И газета печатает только правду?

— Да.

В этот момент я и понял, что хочу стать газетчиком. И не вздумайте смеяться над этим, черт возьми!»

Смеяться не приходится — Саймак не только стал газетчиком, причем прекрасным газетчиком, но и продолжал им оставаться почти всю жизнь.

Однако сперва предстояло еще немало учебы. После начальной школы Саймак окончил двухгодичные учительские курсы и четыре года преподавал там же, где недавно еще сидел за партой. Главным изменением его образа жизни была тогда смена способа передвижения: если учеником он ежедневно преодолевал три мили пути туда и обратно пешком, то теперь гордо восседал верхом на лошади. Тем не менее преподавание мало приближало к журналистике. Попытка окончить Висконсинский университет оказалась неудачной — времена были не самые подходящие, страна ввергалась в Великую Депрессию, денег на учебу не было. В итоге с третьего курса Саймаку

пришлось уйти.

В 1929 году в его жизни произошли два равно важных события. Во-первых, он устроился репортером в газету, выходившую в небольшом мичиганском городке Айрон-Ривер, а во-вторых — в апреле женился на Агнес Каченберг; и любовь, и профессия были суждены ему одинаково на всю жизнь.

В тридцатые годы он сменил несколько газет — оставаясь, как я уже говорил, все время на Среднем Западе, — пока в конце концов не стал в 1938 году сотрудником, «Миннеаполис Стар»; в ней, сотрудничая также с принадлежащей той же компании газетой, «Трибьюн», он проработал почти четыре десятилетия — по 1977 год. Он был редактором отдела новостей и вел еженедельную колонку научного обозревателя. Узнав об этом последнем обстоятельстве, я перестал удивляться, почему Саймак, в отличие от таких коллег-фантастов, как Айзек Азимов или Артур Кларк, например, не занимался популяризацией науки. О том, сколь успешной была его деятельность на этом поприще, свидетельствует присуждение ему в 1967 году премии, «За выдающееся служение науке», учрежденной Миннесотской Академией Наук.

Не случайно многие из его героев — журналисты, как Хортон Смит из «Вы сотворили нас!» или Паркер Грэйвс (тоже, кстати, и сотрудник отдела новостей, и научный обозреватель в одном лице) в романе «Почти как люди» (увы, оригинальное название и в этом случае звучит более выразительно: «Они пришли подобно людям»). Помните: «Теперь работа пошла легко. Одно за другим покатились слова, а в голове возникло множество идей. Потому что сейчас создалась соответствующая атмосфера, и обстановка располагала к творчеству: поднялись те самые галдеж и суматоха, без которых не может существовать ни одна газетная редакция». Саймак знал эту обстановку назубок. И умел в ней работать — как может это делать только очень спокойный человек.

Тогда же, в самом начале тридцатых, Саймак впервые пробует силы на литературном поприще — в фантастике (и этой любви он останется верен всю жизнь; выйдет, правда, из-под его пера несколько повестей, написанных в других жанрах — вестерн и триллер, но это будет лишь случайное и кратковременное отклонение от курса). Первый его рассказ — «Мир красного солнца» — был опубликован в декабре 1931 года журналом

«Уандер сториз» и, по утверждению известного критика Дэвида Прингла, остался не замеченным ни читателями, ни критикой — как и четыре последующих публикации. Насчет критики — не знаю, тут Принглу и карты в руки. Зато о читателях… Впрочем, об этом позже. Опубликовать за год пять рассказов — для автора-дебютанта результат совсем неплохой; у меня, например, в свое время ушло на это года три — правда, и издательская ситуация второй половины шестидесятых в СССР была еще менее благосклонной к начинающим писателям, чем американская тридцатых годов. Но Саймак счел первую попытку неудачной, и к концу 1932 года прекратил — не писать, нет, конечно, но рассылать рукописи по редакциям. Единственным исключением явилась написанная в 1935 году и впоследствии, в 1946-м, переработанная повесть, «Создатель». Окончание этой паузы в фантастическом творчестве Саймака по времени совпало с переходом в «Миннеаполис Стар».

Примерно тогда же Саймак стал одним из основателей Миннеаполисского общества фантастики. Поначалу в его рядах состояло не больше дюжины человек — но среди них, заметьте, были Карл Якоби, впоследствии редактор и фантаст,

подвизавшийся преимущественно в жанре космической оперы; Оливер Е. Саари, также ставший со временем более или менее известным прозаиком; и, наконец, Гордон Р. Диксон, нашим читателям отчасти известный. Четверо писателей, вышедших из одного небольшого клуба любителей фантастики, — согласитесь, это весьма неплохой, чтобы не сказать больше, показатель! А ведь вскоре к ним присоединились и другие, причем некоторые из них с годами также стали писателями или известными фэнами — Фил Бронсон, Мэне Брэкни, Дэйл Ростомили и Сэм Рассел…

«Сомневаюсь, — вспоминал Гордон Р. Диксон, — чтобы на собраниях этого общества присутствовало когда-нибудь больше полутора десятков человек. Когда мы встречались в доме Клиффа, его жена Агнес, которую все звали Кэй, водружала на стол подносы с горами сандвичей, исчезавших столь же молниеносно, как появлялись. Их дом являлся неиссякаемым источником всех тех повествований о собаках, которыми так богаты рассказы и романы Клиффа, особенно его великолепный «Город». У них с Кэй был прекрасный друг, черный пес по имени Скуанчфут, который являлся не только членом их семьи, но и членом нашего общества, что удостоверялось

надлежащей записью в протоколах. Он даже вел собственную колонку в местных фэнзинах.

Клифф часто приносил на заседания рукописи своих новых рассказов и читал их, а последующее обсуждение превращало встречи любителей в настоящую литературную студию и было интересно и приятно всем, а не только тем из нас, кто и сам пробовал силы, на этой стезе».

Как хорошо мне знакома такая обстановка — и по встречам ленинградских фантастов, проводившимся в начале шестидесятых в гостиной журнала «Звезда», и по семинару, который вел в начале семидесятых Илья Варшавский, и по регулярным «торбормотникам» (от Кэрролова Торбормота), на которые четверть века назад собирались у меня молодые (тогда!) питерские фантасты и критики — Александр Щербаков, Ольга Ларионова, Анатолий Братиков, однофамильцы Дмитрий и Борис Романовские, Игорь Смирнов и некоторые другие. Разумеется, нашей докторской колбасе до миннесотской ветчины было далеко, однако бутерброды с нею исчезали столь же стремительно; да и рассказов читалось не меньше…

В годы Второй мировой войны Миннеаполисское общество фантастики приостановило свою дея-

тельность — большинству его членов пришлось надеть форму, да и вообще, как известно, «когда говорят пушки»... Но в конце сороковых оно вновь начало собираться; появились и новые члены — и среди них Пол Андерсон, Марвин Ларсон, Джин Фирмэйдж и Джейн Андерсон. Саймак по-прежнему оставался в их числе.

Мало-помалу к Саймаку начал приходить и литературный успех. Как и для большинства тех американских фантастов, кто собственными руками творил «Золотой век», первые успехи оказались для него связанными с журналом «Эстаундинг сториз» и деятельностью Джона У. Кемпбелла на посту его редактора. Кемпбелл — личность в мире американской НФ без малого легендарная. Писатель, критик, а главное — организатор литературного процесса, он сумел не только обеспечить успех журналу, который возглавил в сентябре 1937 года и редактором которого оставался вплоть до 1971-го, до самой своей смерти. Он еще и сумел объединить вокруг этого журнала тех писателей, которые стали потом славой и гордостью американской НФ, — это и Роберт Э. Хайнлайн, и Генри Каттнер с Кэтрин Мур, и Джек Уильямсон; Лайон Спрэг де Камп, Лестер дель Рей, Айзек Азимов, Альфред Э Ван-

Вогт, Л. Рон Хаббард и многие другие; разумеется, Саймак не мог не оказаться в их числе. Именно на страницах «Эстаундинг сториз» появились в 1938 году два его первых успешных, сразу же замеченных рассказа— «Правило-18» и, «Воссоединение на Ганимеде». Годом позже там был опубликован его роман «Космические инженеры», вышедший отдельным изданием много лет спустя, только в 1951 году. Собственного голоса Саймак пока еще не обрел, в «Инженерах» явственно ощущалось влияние Эдмонда Гамильтона и Эдварда Элмера Смита, более известного поклонникам НФ как Док Смит. Но повести и рассказы следовали друг за другом, и постепенно в них начали проступать, проявляться интонации неповторимые, свойственные одному лишь Клиффорду Саймаку.

Однако подлинный успех принес ему только «Город». Сперва это был рассказ, к которому вскоре присоединился второй, третий… И так с 1944-го по 1952 год, когда вышло уже отдельное издание, постепенно сложился тот роман, знакомый нам по неоднократно переиздававшимся переводам. Правда, в 1973 году Саймак дописал к нему девятую новеллу, «Эпилог», несколько меняющую общий тон произведения в целом, и нам, увы, пока не известную. «Город» сделал Саймака,

может быть, не знаменитым, но, во всяком случае, известным фантастом и принес ему в 1953 году Международную фантастическую премию, учрежденную и присуждаемую в Великобритании за лучшие англоязычные фантастические книги, а также за научно-популярные работы, представляющие интерес для любителей НФ (именно по этому второму разряду годом раньше Саймака получил Международную фантастическую премию за свои «Космические исследования» Артур Ч. Кларк).

Успех успехом, но иметь дело с Кемпбеллом было не так уж и просто. И не только потому, что нередко он буквально заставлял авторов переделывать, изменять, а то и попросту переписывать произведения, пока они не начнут соответствовать его, кемпбелловским, взглядам и вкусам, — так, например, Айзек Азимов шесть раз перелопачивал своего, «Инока Вечного Огня», но так и не смог удовлетворить редактора. В конце концов эта повесть была все же опубликована — но в другом журнале; читатель, впрочем, в отличие от Кемпбелла, остался вполне удовлетворен. Но, сверх того, раздражал и усвоенный со временем уверовавшим в собственную непогрешимость Кемпбеллом менторский

тон, стремление поучать и наставлять. Получив в очередной раз восьмистраничное послание с подробным разбором своего рассказа (не намного превосходящего объемом письмо), Саймак однажды не выдержал и попросил впредь извещать его о принятии или отклонении рукописи, но избавить его от этих нотаций. Разумеется, отношения между ними стали после этого весьма прохладными, чтобы не сказать натянутыми, однако сотрудничество еще некоторое время продолжалось. Редактор до мозга костей, Кемпбелл не хотел терять полюбившегося подписчикам автора.

Для Саймака, «Эстаундинг сториз» постепенно перестал быть единственным светом в окошке. Рынок его произведений расширялся. В 1952 году роман, «Снова и снова» (под названием «Прежде он умер») был опубликован новым, только что открывшимся журналом «Гэлакси». Некоторые критики утверждают, что именно публикация «Снова и снова» позволила редактору «Гэлакси» Горацию Голду сразу же сделать свой журнал популярным и завоевать массу подписчиков. Вскоре увидел свет и следующий роман — «Кольцо вокруг Солнца»…

Таким образом, жизнь Саймака наладилась

окончательно. Он работал в, Миннеаполис Стар», в свободное время (вот только загадкой остается, где брал столь плодовитый журналист это самое свободное время) писал романы и рассказы, которые у него охотно покупали издатели, чтобы с успехом перепродать читателям. И так — из года в год. Почти тридцать лет подряд.

Всемирная (по названию, по сути же — американская, любят они громкие слова) Ассоциация любителей НФ дважды присуждала ему свою знаменитую премию «Хьюго» — в 1959 году за повесть «Необъятный двор» и в 1964 году за роман «Пересадочная станция»; а в 1981 году его рассказ «Грот танцующего оленя» удостоился сразу двух премий — «Хьюго» и «Небьюлы», присуждаемой Ассоциацией американских писателей-фантастов. Впрочем, это был вовсе не первый случай, когда Саймака отметили не только читатели, но и коллеги: еще в 1977 году он стал третьим (после Роберта Хайнлайна и Джека Уильямсона) Великим Мастером, то есть получил наивысшее признание собратьев по литературному цеху. Наконец, дважды — в 1971-м и 1981 годах — его приглашали в качестве почетного гостя на Всемирные (см. выше) конгрессы любителей НФ.

Но вот что интересно. При всем том Саймак

никогда не стремился принимать какого-то участия в общественной деятельности, не входил в жюри многочисленных литературных премий, не выступал с речами и пламенными манифестами, не искал рекламы, оставляя последнее своим издателям; он даже не слишком часто покидал свой любимый Средний Запад, Миннеаполис, свой дом под городом, на берегу озера Миннетука. Детским увлечениям — рыбалке, шахматам и коллекционированию марок — он при малейшей возможности продолжал предаваться всю жизнь; с годами к их числу прибавилось лишь разведение роз. Он отказался даже от предложенного ему престижного кресла редактора весьма популярного журнала «Аналог» — многие из коллег не пожалели бы, как говорят американцы, глазного зуба, чтобы занять это место (в конечном счете, редактором стал уже упоминавшийся Бен Вова). Саймак принадлежал к не часто встречающейся породе тех, кто полностью реализуется в написанном слове. В полном соответствии с девизом Юрия Олеши, «ни дня без строчки!». Саймак утверждал, что если в какой-то день он не написал хоть полстраницы текста — это неудачный, плохой, бессмысленный день.

Годы, однако, брали свое.

Когда Саймаку исполнилось шестьдесят пять, он решил уйти на пенсию, чтобы отныне заняться только литературным трудом. Однако ему пришлось сделать неприятное открытие — разочарование, постигшее и многих других его коллег, — что налоговое ведомство рассматривает авторские гонорары как заработки, и это существенно уменьшает, а то и сводит на нет размеры пенсии. В итоге Саймак так и не покинул, «Миннеаполис Стар» — еще целых восемь лет. Правда, издатели, в свою очередь, тоже держались за него, предоставляя не только работу, но и полную свободу выбора — чем и как заниматься. Гордон Диксон вспоминал, что однажды, в 1976 году, когда они с Саймаком только что кончили раздавать автографы в специализированном Миннеаполисском магазине фантастики «Дядюшка Хьюго» (имеется в виду отец американского НФ Хьюго Гернсбек), он спросил:

— Клифф, если бы вы знали, что литературные дела пойдут так успешно, может, вы и не остались бы в газете?

— Нет, — подумав, отозвался Саймак. — Остался бы. В любом случае бы остался.

А ведь к этому времени он стал уже едва ли не символом американской НФ — одним из наиболее

ярких ее олицетворений. «Тот, кто не любит Саймака, вообще не может любить фантастику», — утверждал Роберт Хайнлайн... «Всякий, кто хоть раз прочел хоть одну его книгу, не может не полюбить Саймака», — вторил ему Пол Андерсон. Подобных высказываний тьма. И, казалось бы, Саймак мог спокойно существовать в этом принявшем, признавшем и полюбившем его мире авторов, издателей и читателей НФ.

Однако он помыслить себя не мог без той самой суматошной и галдежной обстановки редакции. И оставил ее лишь тогда, когда этого настоятельно потребовало ухудшившееся здоровье.

Чета Саймаков жила теперь уединенно. Дети — сын Скотт и дочь Шелли — уже выросли и разъехались в разные концы страны. Кэй все больше сдавала — ее мучил тяжелый артрит. Саймак самоотверженно ухаживал за ней, взвалив на свои широкие (в прямом и переносном смысле) плечи и все домашние обязанности, но бремя забот оказалось непосильным для этого, еще совсем недавно такого крепкого и выносливого человека. У него развились лейкемия и эмфизема. В конце концов они пришли к выводу, что дома Саймак не в состоянии обеспечить жене нужного ухода, и ей пришлось переселиться в дом престарелых.

Саймак находился возле нее все возможное время — говорю возможное, потому что порой ему не позволяли этого собственные болезни. В 1985 году Клиффорд Саймак овдовел. Прежде он нередко говорил друзьям, что, потеряв Кэй, он потеряет и волю к жизни. И тем не менее он сумел пережить эту потерю. Он даже нашел в себе силы работать — а может быть, как раз работа дала ему силы перенести смерть жены.

Эти последние три года жизни были для Саймака очень одинокими. Дети навещали — но лишь наездами. У них были свои дела, своя жизнь, своя работа. Трогательную заботу о нем проявляли соседи — то самое добрососедство, о котором он всегда писал, которое являлось идеалом и жизненной позицией многих его героев. Но ближе всех в эти годы оказался к нему литературный агент Гордона Р. Диксона Дэйв Уиксон. Дэйв не только помогал Саймаку в литературной работе, но и делал для него покупки, помогал готовить, возил его на машине, когда нужно было покинуть дом, а порой мог просто посидеть с Саймаком вечерком у камина или перед телевизором, скрашивая холод и одиночество большого и опустелого дома. Как-то раз Саймак признался Диксону, что если бы не Дэйв — он умер бы вскоре после Кэй.

Когда я читал об этом, мне все время вспоминалась сцена из «Заповедника гоблинов» — помните, Питер Максвелл приходит посидеть с умирающим банши… Одиноким банши, последним из своего рода. Саймак тоже был одним из последних в своем поколении

Он ушел из жизни почти так же незаметно, как банши:,темное облако, колыхавшееся среди ветвей терновника, истончилось и исчезло». С той лишь — но великой! — разницей, что Клиффорд Доналд Саймак любил людей. Эта любовь светит едва ли не из каждой написанной им строки.

Умер Саймак 25 апреля 1988 года в Риверсайдском Медицинском центре Миннеаполиса Похоронили его на Лейквудском кладбище. Именно там, во время траурной церемонии, и произнес Бен Бова те слова, с которых я начал свой рассказ.

«Говорят, что лучшие умирают молодыми, — сказал он. — Может быть, и так. Но подлинно великие живут долго и плодотворно. Но тем больнее, когда они покидают нас».

III

Грешен, я испытывал великий соблазн на этом и завершить наш с вами сегодняшний разговор.

Потому что если о самом Саймаке у нас до сих пор действительно почти ничего не было написано, то о его книгах — довольно много. А попытаться в одной статье объять все его книги, все заключенные в них идеи, поговорить о художественных особенностях его мира — задача, в принципе, невыполнимая. Судите сами. В свое время братья Стругацкие написали превосходное предисловие к роману, «Все живое...». И хотя там почти ничего не сказано о личности писателя, о его жизни; ровно столько же — о его стилистике или, скажем, поэтике; тем не менее, Стругацким понадобился почти печатный лист, чтобы поделиться рассуждениями (и очень интересными рассуждениями!) лишь о некоторых идеях книги. А ведь нынешний двухтомник включает шесть романов! И попробуй-ка поговорить о каждом из них! В то же время в различных статьях, послесловиях и предисловиях к выходившим до сих пор сборникам Саймака о его идеях сказано немало. И пусть далеко не со всем можно согласиться, однако не начинать же сейчас дискуссии — тем более с оппонентами, высказывавшимися порой два десятка лет назад; да и вообще послесловие — не полигон для полемики.

И все же о некоторых сторонах творчества

Клиффорда Саймака я не могу не сказать. О том, что так или иначе проступает во всех его книгах — или, по крайней мере, в подавляющем большинстве.

Как я уже говорил, литературный успех пришел к Саймаку не сразу. Первые публикации остались почти незамеченными. Хотя — именно почти. Ибо находились и придерживающиеся противоположного мнения читатели — причем такие, с чьим мнением трудно не считаться.

Представьте себе такую картинку. Возле одной из бруклинских школ стоит двенадцатилетний подросток и упоенно пересказывает окружившим его и напряженно внимающим одноклассникам только что прочитанный и покоривший воображение фантастический рассказ. Этим рассказом был дебют Саймака — «Мир красного солнца». А школьником — юный Айзек Азимов. И не стоит делать слишком большой скидки на детское восприятие — много десятилетий спустя Азимов признавался, что и по сей день относится к «Миру красного солнца» с трепетной нежностью.

Но так или иначе, а подлинную славу принес Саймаку все-таки лишь «Город» — странный, почти бессюжетный роман; бессюжетный, по словам Роберта Хайнлайна, в том смысле, в ка-

ком бессюжетна история. И это действительно история — панорама грядущего человеческого (и не только человеческого) рода. Написанный со стэплдоновским размахом, а может быть — и не без влияния У. Олафа Стэплдона, но в отличие от «Первых и последних людей» рассматривающий историю все-таки на уровне отдельных человеческих (и нечеловеческих) существ, а не на уровне масс и цивилизаций, «Город» в числе прочих содержал в себе одну идею, ставшую впоследствии для Саймака едва ли не главной. Во всяком случае — одной из неизменно присутствующих в любой его книге. Она может принимать любые формы — горестного недоумения, тоски, гневного обличения или пламенного манифеста, но в том или ином виде наличествует всегда.

Это мысль о толерантности как необходимом свойстве человеческого сознания. Я бы даже сказал, сверхтолерантности — полном приятии права на существование любых иных взглядов, позиций, норм жизни и поведения, внешних обликов и всех остальных жизненных проявлений. Это полное отсутствие ксенофобии в любой, даже самой что ни на есть зачаточной степени. И в то же время — ни в коей мере не ксенофилия. не стремление предпочесть чуждое своему, не

жажда раствориться в чужом, а умение всегда сохранить себя, собственную систему ценностей, лишь обогатив их чуждым восприятием, знанием и пониманием. Для художественного исследования этого постулата Саймак неизменно использует распространенную в фантастике и словно бы специально для этой цели придуманную тему Контакта, понимая под этим, по определению Стругацких, «…непосредственное соприкосновение человечества с иной, безразлично какой, но только внечеловеческой цивилизацией». Добавлю лишь, что человечество может участвовать в Контакте персонифицированно — даже одним-единственным человеком, например. Разумеется, то же самое справедливо и по отношению к иной цивилизации.

Так вот, с кем бы ни вступали в Контакт герои Саймака — это всегда стремление ко взаимопониманию и взаимообогащению. В максимуме это метафорически выражается совмещением сознаний, подсадкой разума представителя той, иной цивилизации в человеческий мозг. Именно таким подселенцем является Джонни в мозгу Эшера Саттона в романе «Снова и снова» или Розовый в мозгу Шепарда Блэйна в романе «Что может быть проще времени». Но разве можно отнести

Саттона или Блэйна к категории нелюдей.

По-моему, это очень американский взгляд на мир — взгляд, который неизбежно должен был рано или поздно возникнуть в стране, чей народ сложился в результате вавилонского смешения наций, рас и культур. Сформироваться постепенно, исподволь, ибо возникни он сразу — и не нашлось бы в американской истории места ни рабству, ни расизму, ни кровавым войнам с индейцами… Но сразу ничто не возникает. Удивительно скорее другое — понадобилось всего две сотни лет национальной истории, чтобы этот взгляд нашел себе ярких выразителей. И Саймака в том числе. С умелым радением поднаторелого в разведении капризных роз садовника Саймак пестовал и взращивал — в себе, в героях своих, в своих читателях — это сверхтолерантное мироощущение. И, пожалуй, вершинным проявлением его стала «Пересадочная станция», может быть, самый любимый мой саймаковский роман. Однако и для толерантности существует граница, которую не дозволено преступать. Граница нравственная. Допустимы любые различия, но не может быть допущено зло.

Впрочем, как только речь заходит о добре и зле, так сразу же с твердой почвы позитивист-

ских концепций приходится ступать в зыбкую область духа и веры, а значит — неизбежно обращаться к проблемам религии. Саймак никогда не был человеком религиозным — скорее уж его можно было бы назвать агностиком. Однако вопросы веры занимали его очень глубоко. Приглядитесь повнимательнее хотя бы к фигуре отца Фланагана в «Что может быть проще времени», персонажу вроде бы чисто эпизодическому, — и противоречия, соединившиеся в этом человеке, сразу покажут вам, что я имею в виду. А каким пиршеством для теологических размышлений выступает «Выбор богов» с его проблемами души и одушевления, с его богоискательством и богосозиданием... И ведь это — лишь два примера из длинного ряда подобных. В то же время связанные с верой, религией, добром и злом проблемы — предмет особого (и весьма пространного!) разговора, завести который нам с вами сегодня не удастся при всем желании.

Но об одном аспекте этих многогранных проблем мы все-таки чуть-чуть поговорим. Любопытная деталь: Саймак даже в любой борьбе со злом всегда стремится не к компромиссу — нет! — но к тому, чтобы избежать открытой конфронтации. Нет в его душе места тезису

«кто не с нами, тот против нас!» или «если враг не сдается — его уничтожают». Наоборот, если борьбы можно избежать — ее нужно избежать. Независимо от того, есть у тебя шансы одержать в этой борьбе победу или ты заведомо обречен на поражение. То есть конфронтация одинаково нежелательна как с позиции слабости, так и с позиции силы. Эта особенность заметно выделяла Саймака из среды его собратьев, многие из которых чрезмерно увлеклись поэтикой галактических империй, звездных битв и тех мечей, бластеров и прочих орудий, что от веку считались все-таки последним доводом королей. Не хочу тем самым ни в кого из них бросать камня: в такое уж время мы с вами живем. Не знаю, станут ли первые последними в царствии небесном, но в земных делах последний довод частенько становится в наши дни первым, а то и вообще единственным...

Но для Саймака — никогда. Я отнюдь не утверждаю при этом, что герои его — бесхребетные непротивленцы. Нет, в полном соответствии с практикой жизни и традицией жанра они могут и в драку ввязаться, и пострелять, когда надо. Но только — в том случае, когда нет альтернативы. Но только — если против этого не восстанет

руководящий их действиями нравственный закон. В свое время Иммануил Кант удивлялся звездам над нами и нравственному закону внутри нас — в своих книгах Саймак свел звезды и нравственный закон воедино. И не случайно в романе, «Вы сотворили нас!» две главы посвящены Геттисбергской битве. Может быть, не самая важная в отношении военно-стратегическом; возможно, не самая даже кровавая (под Фредериксбергом полегло не меньше, если не больше); но стала она символом тщеты братоубийства. И Саймак преисполнен протеста против этой тщеты.

Очень часто избежать конфронтации означает для его героев — уйти. Как уводит на некую «райскую» планету своих собратьев-«парапсихов» Шепард Блэйн. Причем — нельзя упускать этого из виду — это не бегство; не отступление даже. Это шаг вперед. Следующий — или один из следующих — после рейса, «Мейфлауэра». Новый караван, отправляющийся по новому Великому Западному Пути.

Кстати, о Западе. Я уже говорил, насколько вошли в саймаковские плоть и кровь холмы, долины и реки Среднего Запада. Их описания вы найдете едва ли не в каждом его — по крайней мере, крупном — произведении. И это не просто фон, на

котором развиваются события. Это среда, создающая человека, формирующая его ум и душу.

Порой мне кажется, что до конца нам так и не удастся понять Саймака, не побывав, не пожив в тех местах. Само собой, есть и у нас, в России, места, ничуть Среднему Западу не уступающие — ни красотой и живописностью, ни мощью и величием природы; но все равно они — иные. Они производят на душу иное впечатление и обязывают к иному образу жизни. Вообще-то фантастике не слишком свойственны тонкие пейзажные зарисовки, благодаря которым заслужил Саймак свою славу пасторального, даже буколического автора; волшебство НФ таится в детали и действии. «Встречая описания природы и погоды, я тороплюсь перелистать и пропустить эти страницы, — признавался Роберт Хайнлайн; и впрямь, в его собственных сочинениях ничего подобного не встретишь, — Но,— заканчивал он, — взяв в руки книгу Саймака, я не поступаю подобным образом никогда». Как удалось Саймаку достичь такого эффекта, столь полного слияния пейзажа и действия — боюсь, это останется секретом навсегда.

Впрочем, в творчестве Клиффорда Доналда Саймака таится еще великое множество секре-

тов. И о каждом из них так и тянет поделиться мыслями и порассуждать. Но это — уже в другой раз. Надеюсь, такой случай нам с вами еще представится.

IV

Но об одном — маленьком! — секрете не могу промолчать сейчас.

В романе «Снова и снова» Саймак спрятал свой автопортрет. Сорокавосьмилетний писатель изобразил себя семидесятитрехлетним — действие этого эпизода романа разворачивается в 1977 году. Это — автопортрет себя в будущем. Том несостоявшемся будущем, когда он вернется доживать свои дни на ферму среди родных Висконсинских холмов. В тридцать третьей главе романа Саттон «увидел на берегу старика. Старик сидел, ссутулившись, на небольшом валуне, вросшем в глинистую землю. Между колен у него была зажата самодельная удочка. Лицо украшала борода двухнедельной давности. Он курил вонючую трубку, а рядом с ним стоял заляпанный глиной кувшин, заткнутый огрызком кукурузного початка. (...)

— Поймали что-нибудь? — поинтересовался Саттон.

— Ни хрена не поймал, — грубо ответил старик, не выпуская мундштука изо рта.

Он попыхивал трубкой, и Саттон с любопытством наблюдал за тем, как он курит. Окутанная клубами дыма борода его, казалось, давным-давно должна была бы сгореть синим пламенем.

— И вчера — ни хрена, — сообщил старик. (…) — Хлебни, — сказал он, не поворачивая головы. Взял кувшин, протер горлышко грязной рукой.

Саттон, потрясенный до глубины души таким отношением к гигиене, чуть не расхохотался, но сдержался и принял кувшин из рук старика.

У жидкости был вкус желчи, и от нее драло горло, как наждаком. Саттон отодвинул кувшин и с минуту сидел, тяжело дыша, широко открыв рот, надеясь, что воздух охладит пылающее нутро.

Старик взял у него кувшин, Саттон утер текшие по щекам слезы.

— Выдержка, жаль, слабовата, — посетовал старик. — Не было времени дожидаться, пока поспеет.

Он тоже хлебнул прилично, вытер рот тыльной стороной ладони и, смачно крякнув, выдохнул… Пролетавший мимо шмель свалился замертво. Старик поддел шмеля ногой.

— Хиляк, — презрительно отметил он».

Я с удовольствием привел бы здесь всю главу, так сочно и смачно она написана, но это — увы! — невозможно. Или не цитировал бы вовсе — если бы роман вошел в состав этого двухтомника. Но сделать этого мне — вновь увы! — не удалось. Хотя даже из приведенного отрывка встает колоритная фигура.

Но почему я так уверен, что старик — это автопортрет?

Очень просто. Дальше, по ходу разговора, старик поминает Саттону: «Я даже написал рассказ про это, ей-Богу, хочешь — верь, хочешь — нет. Но, правда, не очень хорошо вышло...» А в конце неторопливой беседы приглашает Саттона: «Может, еще когда забредешь. Поболтаем. Звать меня Клифф, а теперь все величают старым Клиффом. Так и спроси, где старого Клиффа найти. Всякий скажет».

Есть в этом портрете чуточку шаржа, той иронии, которой мы так часто сдабриваем из предосторожности мечту, рассказывая кому-нибудь о ней, как бы делая тем самым прививку себе и мечте против чужой насмешки.

И все же — именно таким мечтал увидеть себя в старости Клиффорд Доналд Саймак. Он вообще

сызмальства много думал о старости, не боялся ее, даже любил, наделяя самых дорогих его сердцу героев двумя взаимосвязанными в его представлении чертами — старостью и мудростью.

И хотя точь-в-точь таким он не стал — все равно, я всегда буду представлять себе Саймака «старым Клиффом».

Может быть, таким представите себе, запомните и полюбите его вы.

Андрей БАЛАБУХА

BUS
Kodak
·Северо-Запад·®